Ф. Мерингъ.

ИСТОРІЯ
ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

Томъ четвертый.

ДО ВЫБОРОВЪ 1903 года.

ПЕРЕВОДЪ СО 2-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
М. Е. ЛАНДАУ.

МОСКВА.
Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°".
1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул.
Москва — 1907.

Оглавленіе.

Книга V. Объединеніе партіи.

Книга VI. Эпоха закона о соціалистахъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

—

ОБЪЕДИНЕНІЕ ПАРТІИ.

Глава I.

Основаніе имперіи и соціалъ-демократія.

Съ 1866 г. шла непрерывная дипломатическая война между Бисмаркомъ и Бонапартомъ, но при этомъ болѣе сильные козыри всегда были въ рукахъ Бисмарка.

Бисмаркъ былъ представителемъ экономической необходимости, національнаго сплоченія крупной хозяйственной области, способной къ самостоятельности, между тѣмъ какъ Бонапарта толкали впередъ все возрастающія затрудненія падающаго деспотизма, да еще пожалуй любостяжательная зависть французской буржуазіи, вопіявшей о „мести за Садову". По ту сторону Рейна бонапартизмъ давно переживалъ нисходящій періодъ своего движенія, по сю же сторону Рейна онъ находился еще въ восходящемъ періодѣ; Бисмаркъ могъ еще хозяйничать нѣкоторымъ образомъ съ полными карманами, тогда какъ Бонапартъ вынужденъ былъ прибѣгать къ отчаяннымъ средствамъ погибшаго авантюриста. Но пойти на такія рискованныя средства никто не былъ расположенъ: ни Данія, Италія и Австрія, которыя Бонапартъ хотѣлъ завербовать въ наступательный союзъ противъ Сѣверо-германскаго союза, ни Бисмаркъ, которому искуситель предлагалъ въ промежуткахъ разнообразныя торговыя аферы землей и людьми.

Понятно, что политика Бисмарка не была еще оттого честной, народной и, тѣмъ болѣе, революціонной политикой. Если онъ отвергъ добровольно предложенное вступленіе Бадена въ Сѣверогерманскій союзъ, на томъ основаніи, что оно создастъ casus belli съ Франціей, то настоящей причиной его сопротивленія былъ не casus belli самъ по себѣ, а слишкомъ честный и народный casus belli. Если бы Бонапартъ ни съ того, ни съ сего началъ

войну, чтобы вмѣшаться въ чисто нѣмецкія дѣла, то національныя страсти въ Германіи могли бы разгорѣться съ силой, которой Бисмаркъ имѣлъ полное основаніе бояться. Онъ хотѣлъ войны съ Франціей, но войны династической и контръ-революціонной, и потому западня, поставленная имъ старому пріятелю на Сенѣ, была сколочена изъ обломковъ кабинетской политики, давно отжившей свои дни. Когда въ 1868 г. испанскій престолъ сталъ вакантнымъ благодаря революціи, то Бисмаркъ началъ тайно проводить кандидатуру одного принца изъ боковой линіи Гогенцоллернскаго дома. Если бы противникъ спокойно предоставилъ ему дѣйствовать, то послѣдствія этой дипломатической интриги оказались бы для нѣмецкихъ интересовъ болѣе роковыми, чѣмъ для французскихъ. Но Бонапартъ неуклюже полѣзъ въ грубую ловушку и объявилъ войну изъ-за оскорбленія, якобы наносимаго французской національной чести кандидатурою Гогенцоллерна на испанскій престолъ. Тогда Бисмаркъ, какъ болѣе ловкій изъ обоихъ спеціалистовъ черной магіи, съумѣлъ окончательно наложить на бонапартистское объявленіе войны печать гнуснаго, вѣроломнаго нападенія; всѣмъ извѣстны средства, пущенныя въ ходъ съ этой цѣлью: престидижитаторское искусство, съ которымъ Бисмаркъ извратилъ смыслъ эмской депеши; безстыдство, съ которымъ онъ въ рядѣ оффиціальныхъ заявленій отрицалъ свое участіе въ гогенцоллернской кандидатурѣ, и т. д.

И въ Германіи и во Франціи буржуазія пошла съ восторгомъ за своими Бонапартами, тогда какъ сознательный пролетаріатъ по сю и по ту сторону Рейна отдавалъ себѣ ясный отчетъ относительно истиннаго характера войны. Французскіе члены Интернаціонала опубликовали въ „*Réveil*“ отъ 12-го іюля воззваніе къ рабочимъ всѣхъ націй, гдѣ говорилось: „Война изъ-за вопроса о международномъ преобладаніи или изъ-за династіи можетъ въ глазахъ рабочихъ быть только преступнымъ безразсудствомъ“; многочисленные однородные адресы французскихъ рабочихъ осуждали „исключительно династическую“ войну. Эти заявленія нашли живой откликъ среди нѣмецкаго пролетаріата, и массовыя собранія, въ Хемницѣ, Лейпцигѣ, Фюртѣ, Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ безусловно присоединились къ нимъ. Напротивъ, другія массовыя собранія,—изъ которыхъ нужно особенно отмѣтить собраніе въ Брауншвейгѣ, гдѣ говорилъ Бракке, и въ Берлинѣ, гдѣ говорилъ Швейцеръ,—присоединяясь принципіально къ указанной выше точкѣ зрѣнія, дѣлали все-таки фактическую оговорку, что нару-

шителемъ мира является на этотъ разъ Бонапартъ: Германія вынуждена мириться съ оборонительной войной, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, развѣ если нападающій будетъ своевременно низложенъ французской націей. Оба собранія происходили 16 іюля, а 23 іюля генеральный совѣтъ Интернаціонала въ адресѣ по поводу войны, рѣзко осуждавшемъ и бонапартистскую и гогенцоллернскую политику, также призналъ, что съ нѣмецкой стороны война является оборонительной, и нѣмецкіе рабочіе не должны только допустить, чтобы она потеряла свой строго оборонительный характеръ. Затѣмъ, въ „*Vorbote*" Іоганнъ Филиппъ Беккеръ трезво и умно бичевалъ шовинизмъ, свирѣпствовавшій во Франціи даже среди буржуазной демократіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ массѣ нѣмецкаго пролетаріата, какъ и въ нѣмецкихъ народныхъ массахъ вообще, преобладало желаніе вооруженной рукой отразить нападеніе Бонапарта. Врядъ-ли дѣло значительно измѣнилось бы, если бы дипломатическія махинаціи Бисмарка были извѣстны въ то время такъ же хорошо, какъ теперь. Сколько бы ни согрѣшилъ Бисмаркъ и какъ бы далекъ Сѣверо-германскій союзъ ни былъ отъ идеала національнаго государства, но фактически требовалось показать, наконецъ, зарубежному міру, что Германія проникнута рѣшимостью имѣть собственную волю и что она способна имѣть ее. Сквозь все нагроможденіе дипломатической лжи народъ видѣлъ лишь одинъ фактъ: что войну необходимо вести для обезпеченія національнаго существованія. Южно-германскія династіи и народныя представительства были увлечены непреодолимымъ потокомъ, а запасныя войска и ополченіе устремились къ знаменамъ съ радостнымъ, боевымъ воодушевленіемъ. Поскольку война имѣла цѣлью отразить нападеніе Бонапарта, она была въ высшей степени популярна; оффиціальныя власти Сѣверо-германскаго союза усердно объявляли ее чисто оборонительной войной, войною противъ французскаго правительства, а не противъ французскаго народа.

Сѣверо-германскій рейхстагъ, собравшійся 19 іюля въ экстренную сессію, единогласно вотировалъ требуемый военный заемъ. Либкнехтъ и Бебель воздержались отъ голосованія: они не могли выразить довѣрія прусскому правительству, подготовившему настоящую войну своимъ поведеніемъ въ 1866 г., но, съ другой стороны, не могли также одобрить преступной политики Бонапарта. Демонстративное воздержаніе отъ подачи голоса было,

какъ таковое, вполнѣ логично, ибо сами по себѣ интриги Бисмарка были столь же достойны осужденія, какъ интриги Бонапарта. Но практической политикой эта моральная демонстрація была бы лишь въ томъ случаѣ, если бы представлялась возможность парализовать работу господъ Бисмарковъ и Бонапартовъ. Пока эта возможность отсутствовала, до тѣхъ поръ вопросъ шелъ о томъ, какая изъ сторонъ болѣе неправа, и чья побѣда будетъ имѣть болѣе роковыя послѣдствія. На этотъ счетъ не могло быть сомнѣній. „*Соціалъ-демократъ*" справедливо писалъ: „Побѣда Наполеона означаетъ пораженіе соціалистическихъ рабочихъ во Франціи, всемогущество бонапартистской военщины въ Европѣ, полное раздробленіе Германіи" Поэтому парламентскіе представители лассальянцевъ голосовали за разрѣшеніе военнаго займа, притомъ не только Швейцеръ и Газенклеверъ, но и присоединившійся къ эйзенахцамъ Фрицше; среди бывшихъ лассальянцевъ Брауншвейгскаго комитета воздержаніе Либкнехта и Бебеля отъ голосованія возбудило чрезвычайное недовольство.

Столь же недовольны были они поведеніемъ *Volksstaat*'а, безспорно доказавшаго въ эти дни, что одними нравственными порывами нельзя вести послѣдовательной политики. Въ номерѣ отъ 17-го іюля газета заявила, что „могущественный Сѣверный союзъ" капитулируетъ предъ бонапартистскимъ вызовомъ; кто не живетъ въ мірѣ національ-либеральнаго вымысла, долженъ былъ предвидѣть этотъ результатъ; „со стороны Пруссіи было бы безуміемъ принять французскій вызовъ". Въ ближайшемъ своемъ номерѣ отъ 20-го іюля *Volksstaat*'у пришлось отказаться отъ этого ошибочнаго взгляда; онъ писалъ теперь совершенно правильно: „Бонапартъ хочетъ путемъ униженія Пруссіи укрѣпить свой колеблющійся тронъ и устроить „внутреннюю Садову" соціалистическо-республиканскому движенію во Франціи. Декабрскій тронъ представляетъ собою краеугольный камень реакціонной Европы. Съ паденіемъ Бонапарта падетъ и главный носитель современнаго классоваго господства и господства штыка. Наоборотъ, если Бонапартъ побѣдитъ, то вмѣстѣ съ французской демократіей будетъ побѣждена и европейская. Нашъ интересъ требуетъ уничтоженія Бонапарта. Нашъ интересъ совпадаетъ съ интересомъ французскаго народа". Однако, уже въ слѣдующемъ номерѣ отъ 23-го іюля мы читаемъ опять: „пусть нѣмецкій и французскій цезаризмъ со своими свитами денежныхъ мѣшковъ дерутся одни; мы, пролетаріи, не имѣемъ съ войной ничего общаго". Это поведеніе пар-

тійнаго органа привело къ тяжкому конфликту съ Брауншвейгскимъ комитетомъ, такъ какъ въ воззваніи отъ 24-го іюля комитетъ, признавая полностью демократическій и соціалистическій принципъ, отстаивалъ все-таки тотъ взглядъ, что война, поскольку и покуда она носитъ оборонительный характеръ, должна быть поддерживаема нѣмецкими рабочими.

Въ ближайшія недѣли дѣло дошло до крайняго обостренія этихъ разногласій. Бракке съ горечью говорилъ о „монархіи Либкнехта" и роли „соломенныхъ куклъ", которую хотятъ отвести членамъ комитета, тогда какъ Либкнехтъ заявлялъ, что пять человѣкъ въ Брауншвейгѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ возвести своего индивидуальнаго взгляда въ руководящее начало для партіи; это было бы такъ же смѣхотворно, какъ пресловутая коллегія кардиналовъ, судящая Галилея. Но подъ „пятью лицами въ Брауншвейгѣ" разумѣлось правленіе партіи, выбранное партійнымъ конгрессомъ, а его воззрѣніе безспорно имѣло за собою значительно бо́льшую часть сознательнаго пролетаріата, слѣдовательно—было гораздо менѣе „индивидуально", чѣмъ взглядъ Либкнехта. Конфликтъ по національному вопросу еще разъ угрожалъ внести расколъ въ нѣмецкій рабочій классъ, но, къ счастью, это былъ уже послѣдній конфликтъ въ данномъ родѣ.

---

1. Седанъ, Лётценъ, Версаль.

Конфликтъ разрѣшился благодаря предательской политикѣ господствующихъ классовъ. Стремительное побѣдное шествіе нѣмецкихъ армій разбило въ теченіе короткаго времени тронъ Бонапарта; въ день Седана установленіе буржуазной республики было обезпечено по ту сторону Рейна, а по сю его сторону было обезпечено нѣмецкое единство, въ той формѣ, въ какой оно представлялось достижимымъ для близкаго будущаго. Германія могла теперь продиктовать миръ, который бы вполнѣ охранилъ ея честь и ея интересы, но въ то же время сдѣлалъ возможнымъ дружеское сожитіе для двухъ наиболѣе культурныхъ народовъ континента и, слѣдовательно, обезпечилъ основное условіе для мирнаго развитія европейской цивилизаціи.

Но именно это совершенно не входило въ разсчеты нѣмецкихъ государей и юнкеровъ. Развѣ можно было ожидать отъ нихъ великодушной и дальновидной политики въ такой моментъ, когда

они могли нанести неизлѣчимую рану французской націи, — этой націи, причинившей столько жгучихъ обидъ феодально-романтическому строю! Правда, прусскій король неоднократно и самымъ торжественнымъ образомъ заявлялъ, что онъ ведетъ войну не противъ французской націи, а противъ—отнынѣ безвреднаго—французскаго императора, но нѣмецкая буржуазія охотно взяла на себя роль крысы, усердно разгрызающей пентаграмму на порогѣ завоевательной войны. По этому поводу Марксъ писалъ съ горькимъ презрѣніемъ: „Этотъ средній классъ, который во время своей борьбы за гражданскую свободу въ 1846 — 1870 г. далъ міру небывалое зрѣлище нерѣшительности, бездарности и трусости, былъ, конечно, въ величайшемъ восхищеніи отъ того, что можетъ теперь вступить на европейскую сцену, какъ рыкающій левъ нѣмецкаго патріотизма".

Уже 30 августа въ Берлинѣ собрались „именитыя лица" прогрессистской и національ-либеральной партіи, чтобы въ адресѣ къ прусскому королю и въ воззваніи къ нѣмецкому народу подготовить присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, другими словами— подготовить завоевательную войну. Кромѣ „единой имперіи" они требовали „защищенныхъ границъ"; міръ долженъ узнать, что „государь и народъ" проникнуты рѣшимостью наверстать упущенное въ 1815 г.; эту вину дипломатіи Европѣ пришлось искупать полувѣкомъ вооруженнаго мира, и потому ошибка не должна быть повторяема. Буржуазные герои разоруженія заявляли съ простецкой увѣренностью, что Европа можетъ разоружиться, какъ только Германія путемъ завоевательной войны завладѣетъ Эльзасомъ и Лотарингіей. Отнюдь не полагаясь, однако, на одну убѣдительную силу своей глубокомысленной аргументаціи, они подвергли въ буржуазной печати безстыдному террору всѣхъ, кто противился завоевательной войнѣ. Они призывали „народъ", чтобы тотъ „рѣшительно удалялъ" такихъ злодѣевъ „изъ своей жизни, изъ своихъ городскихъ и государственныхъ собраній", и для большей вразумительности прибавляли въ эти дни парижской высылки нѣмцевъ: „если бы мы были французами, какъ быстро у такихъ господъ была бы отнята возможность дѣйствовать!" Въ настоящее время эти взрывы тупого фанатизма кажутся болѣе смѣшными, нежели страшными, но при разгоряченной атмосферѣ большой войны они были не такъ ужъ безобидны, и правительство не задумалось увѣнчать ихъ рядомъ насильническихъ актовъ.

Относительно начавшейся теперь завоевательной войны Браун-

швейгскій комитетъ и „*Volksstaat*“ тотчасъ же обнаружили полное согласіе во взглядахъ; лассальянцы также перемѣнили фронтъ, выступивъ противъ сумасброднаго лжепатріотизма. Но въ то время какъ „*Соціалъ-демократъ*“ ограничивался рѣзкой критикой политики господствующихъ классовъ, Брауншвейгскій комитетъ въ воззваніи отъ 5-го сентября предложилъ нѣмецкимъ рабочимъ устраивать въ массовыхъ собраніяхъ грандіозныя манифестаціи противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи и за почетный миръ съ французской республикой. Въ этотъ манифестъ были включены нѣкоторыя письменныя заявленія Маркса, къ которому Брауншвейгскій комитетъ обратился за совѣтомъ по поводу своего столкновенія съ Либкнехтомъ. Марксъ съ удивительной точностью предсказалъ здѣсь всѣ бѣдствія, которыя присоединеніе французскихъ провинцій потомъ фактически повлекло за собой: онъ предсказалъ созданіе смертельной вражды между Франціей и Германіей и европейскую гегемонію Россіи; онъ назвалъ присоединеніе обѣихъ провинцій вѣрнѣйшимъ средствомъ превратить будущій миръ въ одно лишь перемиріе. Точно также оправдалось другое пророчество Маркса,—что эта война, въ которой Германія доказала свою способность даже безъ нѣмецкой Австріи идти своимъ путемъ, независимо отъ иностранныхъ государствъ, что эта война перенесетъ центръ тяжести континентальнаго рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію. Еще подробнѣе выяснилъ историческую безсмысленность политики территоріальныхъ присоединеній второй адресъ по поводу войны, выпущенный Генеральнымъ совѣтомъ Интернаціонала 9-го сентября. „*Volksstaat*“ писалъ отнынѣ въ каждомъ номерѣ: „Справедливый миръ съ французской республикой! Никакихъ территоріальныхъ присоединеній! Наказаніе Бонапарта и его сообщниковъ!“

Націоналъ-либеральныя геройскія души обратили на брауншвейгскій манифестъ вниманіе генерала Фогель-фонъ-Фалькенштейна, распоряжавшагося въ Ганноверѣ, въ качествѣ генералъ-губернатора морского побережья, и успѣвшаго уже посадить въ тюрьму, вопреки всякому закону и праву, нѣсколько безобидныхъ датчанъ и гвельфовъ. По приказанію Фалькенштейна члены Брауншвейгскаго комитета—Бракке, Бонгорстъ, Шпиръ, портной Кюнъ и плотникъ Гралле—были арестованы и въ оковахъ отправлены въ фортъ Бойенъ при Лётценѣ у русской границы. Одинаковая участь постигла еще въ тотъ же день мѣдника Элерса, бывшаго члена комитета, и типографа Сиверса, 60-ти лѣтняго

старика, полуразбитаго параличемъ и къ тому же политическаго противника соціалъ-демократіи, единственное преступленіе котораго заключалось въ томъ, что его управляющій по хозяйственнымъ соображеніямъ принялъ безъ его вѣдома заказъ на напечатаніе манифеста. Трехдневная перевозка арестованныхъ черезъ грады и веси отечества, съ упованіемъ тащившагося навстрѣчу царству богобоязненности и благонамѣренности, доставило патріотической сволочи поводъ для несказаннаго развлеченія. Бракке и его товарищей бранили мародерами, на нихъ глазѣли, словно на только-что взятое въ плѣнъ французское правительство, и выражали свое нравственное возмущеніе, когда арестованные находили удовольствіе въ ѣдѣ и питьѣ, какія имъ удавалось достать. Но они переносили эту милую критику патріотическаго негодованія съ юморомъ отчаянія, не оставившимъ ихъ и тогда, когда этапный начальникъ потсдамскаго вокзала въ Берлинѣ, охваченный священнымъ гнѣвомъ войны, привѣтствовалъ ихъ, какъ „болвановъ, мерзавцевъ и оборванцевъ", которые „получатъ еще въ Лётценѣ кое-что сзади". Въ самомъ Лётценѣ съ ними обращались сначала очень сурово, но затѣмъ нѣсколько мягче.

Рядъ другихъ арестовъ, въ томъ числѣ арестъ Іорка въ Гамбургѣ, завершилъ патріотическую государственную мѣру, но эти арестованные остались въ своихъ мѣстныхъ тюрьмахъ. Напротивъ, Гейба также повезли скованнымъ въ Лётценъ, когда гамбургская контрольная комиссія по предложенію Либкнехта и Бебеля выбрала новый комитетъ, притомъ въ Дрезденѣ, не подчиненномъ Фалькенштейну. Собранія, въ которыхъ предполагалось выразить протестъ противъ присоединенія французскихъ провинцій, не были допущены Фалькенштейномъ, запретившимъ также „*Volksstaat*" въ предѣлахъ приморской области. Весь этотъ произволъ и беззаконіе либеральные филистеры встрѣчали ухмыляясь про себя, а иной разъ даже съ громкимъ ликованіемъ. Нѣкоторыя возраженія раздались въ прогрессистскихъ кругахъ, лишь когда власти арестовали и отвезли въ Лётценъ Іоганна Якоби за то, что онъ протестовалъ 14 сентября въ одномъ кёнигсбергскомъ собраніи противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи.

Какого-либо юридическаго основанія, которымъ онъ могъ бы оправдать свой образъ дѣйствій, у Фалькенштейна не было. Въ приморскихъ областяхъ было, правда, объявлено военное положеніе, но этимъ не была провозглашена отмѣна свободы печати и собраній, какая гарантировалась закономъ, или отмѣна консти-

туціоннаго правила, что никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ своими обыкновенными судьями. Въ своемъ отвѣтѣ на протестъ кенигсбергскаго городского самоуправленія Бисмаркъ спрятался за слѣдующую отговорку: движеніе противъ территоріальныхъ присоединеній укрѣпляетъ, молъ, французовъ въ ихъ сопротивленіи; военныя власти имѣютъ право обезвредить иниціаторовъ протестовъ, такъ какъ имъ предоставлено устранять все, что можетъ помѣшать достиженію цѣли, ради которой война ведется. Независимо отъ несостоятельности этого утвержденія съ точки зрѣнія государственнаго права, оно страдало уже тѣмъ недостаткомъ, что *однимъ* духомъ говорило *двѣ* неправды. Во-первыхъ, нѣмецкіе протесты противъ территоріальныхъ присоединеній отнюдь не укрѣпляли сопротивленія новаго французскаго правительства, органы котораго совершенно правильно доказывали, что Бисмаркъ не откажется изъ-за протестовъ отъ своей завоевательной войны. Во-вторыхъ, въ тотъ моментъ, когда послѣдовали протесты, присоединеніе отнюдь еще не было признано цѣлью войны. Рабочій классъ, протестовавшій противъ него, руководясь высокими соображеніями гуманности и культуры, имѣлъ совершенно такое же конституціонное право выражать свободно свое мнѣніе, какое имѣла буржуазія, демонстрировавшая въ пользу присоединенія, движимая жаждою прибыли и новаго рынка для сбыта. Къ слову сказать, немногіе робкіе протесты, раздавшіеся среди буржуазіи противъ присоединенія французскихъ провинцій, исходили отъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ и были мотивированы страхомъ предъ конкурренціей эльзасской хлопчатобумажной промышленности.

Нѣкоторыя обстоятельства позволяютъ думать, что при тогдашнихъ условіяхъ хозяйничанье генерала Фалькенштейна, достойное турецкаго паши, было не особенно пріятно Бисмарку,—не по соображеніямъ права, а по соображеніямъ политики. Однако наказать прусскаго генерала за противозаконныя дѣянія было если не выше его воли, то выше его власти: милитаризмъ не позволялъ и Бисмарку шутить съ собою. Бисмаркъ воспользовался тогда прусскими выборами въ ландтагъ, которые должны были состояться въ ноябрѣ, чтобы королевскимъ приказомъ отъ 24 октября освободить „прусскихъ подданныхъ“ среди лётценскихъ заключенныхъ, „поскольку противъ нихъ не состоялось судебное постановленіе о взятіи подъ стражу и не предрѣшая вопроса о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности въ судебномъ

порядкѣ". Изъ членовъ Брауншвейгскаго комитета единственнымъ пруссакомъ былъ Бонгорстъ, какъ присоединенный уроженецъ Нассау; другимъ пришлось потерпѣть до 14 ноября, когда ихъ, скрученныхъ веревками, препроводили въ брауншвейгскую тюрьму, такъ какъ брауншвейгскій военный судъ распорядился тѣмъ временемъ подвергнуть ихъ судебному предварительному заключенію „по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ". Затѣмъ въ первыхъ числахъ декабря гамбургскій сенатъ также собрался съ духомъ настолько, чтобы истребовать Гейба, и въ Лётценѣ остался одинъ только Сиверсъ. Такъ какъ относительно него трудно было доказать даже тѣнь какой-либо вины, то по очаровательной логикѣ прусскаго правосудія онъ долженъ былъ особенно жестоко поплатиться: его выпустили только предъ Рождествомъ, послѣ того какъ экономическое положеніе его было въ конецъ подорвано закрытіемъ его типографіи по распоряженію Фалькенштейна. Впрочемъ, этотъ послѣдній актъ дикаго произвола не остался вполнѣ безнаказаннымъ: послѣ долголѣтней тяжбы Сиверсъ добился рѣшенія брауншвейгскаго кассаціоннаго суда, которымъ Фалькенштейнъ былъ присужденъ къ уплатѣ вознагражденія за убытки.

Тѣмъ временемъ нѣмецкіе государи сколотили германское единство настолько скверно, насколько это было въ ихъ силахъ. Если бы дѣло зависѣло отъ ихъ задушевныхъ желаній, то объединеніе Германіи не подвинулось бы впередъ ни на шагъ: прусскій король писалъ своей супругѣ, что необходимость влѣзать въ этотъ горшокъ повергаетъ его въ „мрачное настроеніе", а король баварскій, тогда уже наполовину или совершенно помѣшанный, грызъ со скрежетомъ узду, которую Гогенцоллернъ собирался набросить на Виттельсбаха. Съ энтузіазмомъ относился къ идеѣ объединенія Германіи почти одинъ только прусскій наслѣдный принцъ,—человѣкъ очень милый, не выдававшійся, правда, въ умственномъ отношеніи, но настолько знакомый съ современнымъ образованіемъ, что онъ съ искреннимъ душевнымъ содроганіемъ смотрѣлъ на ужасы войны; впрочемъ, и кронпринцемъ двигало больше династическое честолюбіе, нежели національный образъ мыслей. Новый нѣмецкій государственный союзъ былъ опять созданъ желѣзной экономической необходимостью, какъ это уже произошло нѣкогда при основаніи таможеннаго союза. Она пригнула „великихъ героевъ" подъ свою сильную руку, и предъ ея трезвымъ „такъ должно быть" разсыпалось въ прахъ все упор-

ство государей. Переговорами съ южно-германскими государствами руководилъ Дельбрюкъ, прусскій бюрократъ, но бюрократъ, который при всей своей сухости понялъ въ школѣ таможеннаго союза необходимость капиталистическаго развитія; результаты переговоровъ были закрѣплены затѣмъ въ версальской главной квартирѣ. Поскольку это означало извѣстный историческій прогрессъ, Германія обязана имъ безвѣстнымъ людямъ, павшимъ на поляхъ сраженій: потоки ихъ крови явились цементомъ для новаго сооруженія, которое государи и министры хотѣли сдѣлать возможно болѣе жалкимъ и хрупкимъ.

Въ основу германской конституціи была положена, съ существенными лишь ухудшеніями, конституція Сѣверо-германскаго союза, обезпечивавшая народныя права еще меньше, чѣмъ прусская конституція, и охарактеризованная вѣрнымъ патріотомъ Микелемъ въ томъ смыслѣ, что она можетъ сойти, самое большее, за „временную подпору недолговѣчному военному государству Сѣверная Германія". Южно-нѣмецкія династіи подтвердили теперь слова Швейцера, что онѣ охотнѣе покорятся кому-нибудь изъ своихъ, чѣмъ сдѣлаютъ малѣйшія уступки національнымъ интересамъ. Болѣе того: онѣ сами подкрѣпили своимъ поведеніемъ насмѣшливое замѣчаніе Бисмарка, что для южно-германскихъ государствъ прусская политика слишкомъ либеральна. Въ особенности баварскому партикуляризму представлялся теперь замѣчательно удобный случай нанести тяжелый ударъ „спѣсивой, чванной Пруссіи" и энергично отстоять противъ остъ-эльбскаго юнкерства по крайней мѣрѣ интересы буржуазныхъ классовъ, если не пролетаріата. Какимъ могущественнымъ вліяніемъ партикуляристская Баварія располагала тогда, благодаря выгодному для нея стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, объ этомъ можно судить по тому факту, что изъ 79 параграфовъ сѣверо-германской конституціи она пробила брешь въ 26-ти (въ нѣкоторыхъ, правда, только формально) и еще 25 цѣликомъ или частью отмѣнила, поскольку они касались ея. Но среди ея требованій не было ни одного, направленнаго къ расширенію народныхъ правъ хотя бы на волосъ. Напротивъ, она ревностно старалась еще больше изгадить нѣмецкое единство, уже достаточно изгаженное прусскимъ партикуляризмомъ. Особеннымъ бѣльмомъ на глазу было для нея передовое законодательство Сѣверо-германскаго союза о пріобрѣтеніи права осѣдлости и вступленіи въ бракъ: добиться того, чтобы баварскій гражданинъ, вступившій въ бракъ

въ Пруссіи или Саксоніи безъ согласія своего короля, имѣлъ и впредь удовольствіе видѣть своихъ дѣтей третируемыми въ предѣлахъ Баваріи, какъ незаконнорожденныя,—такова была одна изъ возвышенныхъ цѣлей, за которыя баварскій партикуляризмъ проливалъ ручьями свой драгоцѣнный потъ. Для народныхъ массъ оставили при версальскихъ переговорахъ только феодально-романтическіе титулы, „императоръ" и „имперія", причемъ дѣло не обошлось безъ разныхъ трагикомическихъ инцидентовъ. Прусскій король заявилъ, что ему все это „совершенно безразлично", баварскаго же короля только угрозами принудили подписать составленный Бисмаркомъ „великодушный" документъ, которымъ прусскому королю была предложена германская императорская корона.

Германскія династіи съ самаго начала придавали особое значеніе тому, чтобы голосъ народа не былъ услышанъ при опредѣленіи будущихъ судебъ его. Волей-неволей имъ приходилось, однако, получить согласіе на свои версальскія сдѣлки, съ одной стороны, отъ сѣверо-германскаго рейхстага, съ другой—отъ южно-германскихъ народныхъ представительствъ. Это было сдѣлано съ милой угрозой: цѣликомъ принять или отклонить; если будетъ произведено хотя малѣйшее измѣненіе, то съ германскимъ единствомъ опять ничего не выйдетъ. Относительно южно-германскихъ палатъ заранѣе считалось несомнѣннымъ, что сколько бы онѣ ни упирались, имъ придется покориться; но на серьезное сопротивленіе не отважился и сѣверо-германскій рейхстагъ, полномочія котораго были продлены въ іюльской сессіи до конца года. 24 ноября рейхстагъ былъ открытъ тронной рѣчью, гдѣ въ полномъ противорѣчіи съ іюльской тронной рѣчью было заявлено, что Бонапартъ предпринялъ войну „съ согласія всего французскаго народа". Цѣлью войны было провозглашено теперь присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, и на продолженіе военныхъ дѣйствій рѣчь испрашивала новый заемъ. Либкнехтъ и Бебель внесли затѣмъ поправку въ томъ смыслѣ, что рейхстагъ долженъ отказать въ займѣ и предложить союзному канцлеру возможно скорѣе заключить миръ съ французской республикой, отказавшись отъ всякаго присоединенія французской территоріи. Кромѣ нихъ подали, однако, голосъ за это предложеніе только Швейцеръ и Газенклеверъ. При голосованіи относительно самого займа вотировали еще отрицательно Фрицше, Менде, Шрапсъ и гвельфскій партикуляристъ Эвальдъ; Фёрстерлингъ сложилъ съ

себя депутатскія полномочія еще весною. Точно такъ же соціалъ-демократическіе депутаты дѣйствовали сплоченно въ оппозиціи противъ версальскихъ договоровъ и противъ титуловъ „императоръ“ и „имперія“; только при голосованіи относительно баварскаго договора къ нимъ присоединились еще прогрессисты и даже нѣсколько націоналъ-либераловъ.

При всемъ томъ возрожденіе императора и имперіи совершилось отнюдь не при поднимающихъ настроеніе предзнаменованіяхъ. Дельбрюкъ положилъ новоиспеченную императорскую корону на столъ палаты, словно это былъ невѣдомый товарный образецъ, относительно котораго онъ не можетъ съ увѣренностью сказать, къ какой собственно рубрикѣ таможеннаго тарифа его надо отнести. Кронпринцъ былъ чрезвычайно раздосадованъ этимъ дѣловымъ тономъ, и даже Бисмаркъ призналъ, что Дельбрюку слѣдовало позаботиться о лучшей сценической постановкѣ. Вопросъ заключается, однако, въ томъ, много ли выиграла бы „всемірно-историческая сцена“, если бы ей придали искусственный театральный блескъ. Въ томъ видѣ, какъ она разыгралась, она дала, по крайней мѣрѣ, неподкрашенное выраженіе истиннаго положенія вещей. Лидеръ свободныхъ консерваторовъ Фриденталь, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ крупнаго землевладѣльца и крупнаго промышленника, спросилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ, не получитъ ли нѣмецкій народъ верховнаго главы, и тогда Дельбрюкъ своимъ беззвучнымъ голосомъ прочелъ въ отвѣтъ упомянутое выше „великодушное“ письмо, вырванное Бисмаркомъ у баварскаго короля. Буржуазныя партіи большинства сказали свое „да“ и „аминь“ на соглашенія государей, хорошо зная, что ими создается не царство свободы, а царство буржуазіи; онѣ снова принесли свои политическіе идеалы въ жертву матеріальнымъ интересамъ своего класса и обрушились съ дикими воплями на Либкнехта и Бебеля, когда тѣ, въ качествѣ выразителей соціалъ-демократической оппозиціи, мужественно и рѣшительно выступили въ защиту неотъемлемыхъ правъ народа. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если 17-го декабря, по окончаніи сессіи, Либкнехтъ и Бебель были арестованы по обвиненію въ подготовленіи къ государственной измѣнѣ: это вполнѣ отвѣчало реальному положенію вещей; заодно съ ними былъ арестованъ Гепнеръ, вступившій въ редакцію *Volksstaat'a.* Въ это самое время депутація изъ 30 человѣкъ, принадлежавшихъ къ большинству рейхстага, отправилась въ Версаль, везя съ собой составленный Ласкеромъ адресъ,

гдѣ къ прусскому королю была обращена слезная мольба—принять въ интересахъ отечества германскую императорскую корону.

На дворѣ версальскаго замка представители нѣмецкой націи стояли, какъ блаженной памяти императоръ Генрихъ стоялъ на дворѣ замка въ Каноссѣ. Со всѣхъ сторонъ на нихъ сыпались насмѣшки и издѣвательства. Придворные и юнкеры варьировали на всѣ лады презрительную фразу прусскаго короля: „ну вотъ я и обязанъ господину Ласкеру большой честью". Однако депутація нашла въ Версалѣ и одно чувствительное сердце: это сердце билось въ груди Штибера, котораго Бисмаркъ, правильно оцѣнивая свою собственную правительственную систему, снова сдѣлалъ начальникомъ политической полиціи. У клятвопреступника, устроившаго кельнскій процессъ коммунистовъ, былъ вѣрный инстинктъ, что люди его калибра имѣютъ въ царствѣ буржуазіи еще большіе шансы на хорошій коштъ, чѣмъ въ самодержавно-феодальномъ государствѣ, и потому онъ услужливо вертѣлся вокругъ депутаціи рейхстага. Съ своей стороны, и она не осталась неблагодарной, и Штиберъ получилъ въ торжественной бумагѣ ея „искреннюю благодарность" и „полную преданность". Онъ послалъ это письмо въ Берлинъ, чтобы оно хранилось тамъ и для отдаленнѣйшаго потомства Штиберовъ, какъ почетный дипломъ ихъ предка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ: „Депутація задала мнѣ немало работы, чтобы подготовить ей приличный пріемъ. Придворная и военная партія держалась довольно холодно, я представлялъ здѣсь гражданскую партію и нѣмецкій народъ. Удивительныя времена!" Да, „времена" были „удивительныя", и вполнѣ понятно, если даже этотъ видавшій виды грѣшникъ изумлялся имъ.

Нѣмецкая завоевательная война вызвала упорное и стойкое сопротивленіе французскаго народа. „Вольные стрѣлки" вели войну такъ, словно они изучили прусскій законъ о ландштурмѣ 1813 г., и Бисмаркъ говорилъ съ пѣной у рта объ этихъ „разбойникахъ", которые всѣ заслуживаютъ быть повѣшенными, — совсѣмъ какъ нѣкогда Наполеонъ, приказавшій разстрѣлять офицеровъ Шилля на томъ основаніи, что это—„brigands". Лишь послѣ полугода борьбы, стоившей неимовѣрныхъ жертвъ обоимъ народамъ, удалось сломить сопротивленіе французовъ. 26 февраля былъ заключенъ въ Версалѣ предварительный миръ, которымъ Франція обязалась уступить Эльзасъ и Лотарингію и уплатить Германіи контрибуцію въ 5 милліардовъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заключеннаго, наконецъ, мира,

явившагося въ то же время побѣдой реакціи, состоялись 3 марта выборы въ германскій рейхстагъ. Трудно было представить себѣ болѣе неблагопріятный моментъ для соціалъ-демократіи, — единственной партіи, возстававшей съ непоколебимой послѣдовательностью противъ завоевательной войны, партіи, которая наиболѣе тяжко пострадала отъ войны, и значительная часть которой—относительно гораздо бо̀льшая, чѣмъ всѣхъ другихъ буржуазныхъ партій—стояла еще подъ ружьемъ во Франціи. Тѣмъ не менѣе за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ было подано 101.927 голосовъ, т.-е. около 3% всѣхъ поданныхъ голосовъ; изъ нихъ 62.952 приходилось на лассальянцевъ и 38.975—на эйзенахцевъ. Лассальянцы вербовали своихъ сторонниковъ главнымъ образомъ въ королевствѣ Пруссіи, гдѣ они получили 46.313 голосовъ (въ Рейнской провинціи—14.821, въ Шлезвигѣ-Голштиніи—11.182, въ Ганноверѣ—6.805), а эйзенахцы—въ королевствѣ Саксоніи, гдѣ за нихъ было подано 31.043 голоса. Лассальянцы насчитывали въ Саксоніи всего 2.246, а эйзенахцы въ Пруссіи только 2.544 голоса. Изъ прочихъ государствъ эйзенахцы были наиболѣе сильно представлены въ Баваріи (2.519 голосовъ) и Брауншвейгѣ (2.486), а лассальянцы—въ Гессенѣ (3.973), Любекѣ (543), Бременѣ (1.506) и Гамбургѣ (5.071 голосъ). Всѣ эти цифры имѣютъ, однако, лишь относительную цѣнность въ виду необычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходили выборы 1871 г. Въ Берлинѣ, напр., плотничный подмастерье Грау получилъ во всѣхъ шести избирательныхъ округахъ только 2.058 голосовъ, а между тѣмъ еще незадолго до войны тамъ участвовала въ похоронахъ Вальдека сплоченная масса изъ 4.000 лассальянцевъ подъ предводительствомъ Швейцера. Въ Вюртембергѣ, гдѣ эйзенахцы были рѣшительно сильнѣе лассальянцевъ, всѣ 491 поданныхъ соціалъ-демократическихъ голосовъ пришлись на счетъ лассальянцевъ, выставившихъ своего собственнаго кандидата. Вообще въ южной Германіи надлежащему участію рабочихъ въ выборахъ помѣшали новизна дѣла и отвратительное составленіе избирательныхъ списковъ. Если принять во вниманіе трудности, съ которыми приходилось бороться соціалъ-демократической выборной агитаціи, то значительное увеличеніе числа соціалъ-демократическихъ голосовъ съ 1867 г. представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ. Исходъ выборовъ былъ неблагопріятенъ лишь въ одномъ отношеніи: большинство соціалъ-демократическихъ мандатовъ было потеряно. Изъ лассальянцевъ лишь три кандидата попали въ перебаллоти-

ровку; всѣ они остались въ меньшинствѣ: портной Бройеръ въ Альтонѣ, Гассельманъ въ ганноверскомъ избирательномъ округѣ Госларъ и Швейцеръ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ, гдѣ онъ получилъ 8.477 голосовъ и былъ побѣжденъ коалиціей всѣхъ буржуазныхъ партій, собравшей 9.540 голосовъ. Изъ эйзенахцевъ гладко прошелъ только Бебель въ Глаухау-Мееране, противъ Шульце-Делича, котораго буржуазія выставила, какъ демонстративнаго контръ-кандидата; кромѣ него Шрапсъ одержалъ побѣду въ Цвиккау-Криммичау, а въ Митвейдѣ Шпиръ провалился только на перебаллотировкѣ съ націоналъ-либеральнымъ соперникомъ.

24 марта Швейцеръ объявилъ, что онъ намѣренъ сложить съ себя руководство Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ. Въ качествѣ мотива онъ выставилъ то, что въ теченіе многихъ лѣтъ жертвуетъ для партіи временемъ, силами, душевнымъ покоемъ и деньгами; никто не можетъ требовать, чтобы онъ и впредь приносилъ эти жертвы, онъ вправѣ желать, чтобы кто-нибудь смѣнилъ его на посту. Трудно установить, въ какой мѣрѣ Швейцеръ дѣйствительно пришелъ къ убѣжденію, что его диктатура не можетъ больше длиться; внѣшнимъ образомъ ей ставило предѣлъ уже то обстоятельство, что Швейцеръ не могъ больше продолжать изданія *„Соціалъ-демократа“*, число подписчиковъ котораго упало изъ-за войны до 2.700. Онъ не могъ даже дотянуть изданіе газеты до общаго собранія, созваннаго имъ на середину мая: послѣдній номеръ вышелъ 26 апрѣля. Но разъ партія должна была взять на себя изданіе газеты, то диктатура Швейцера не могла продолжаться въ прежней своей формѣ. Возможно, что однимъ изъ основаній принятаго имъ рѣшенія было пораженіе, понесенное на выборахъ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ самъ призналъ это, заявивъ, что отнынѣ не связанъ больше никакими обязательствами по отношенію къ своимъ избирателямъ; фактически, однако, потеря выгодной позиціи, которую онъ съумѣлъ обезпечить себѣ своей парламентской дѣятельностью, лишила его диктатуру еще одной важной опоры. Во время войны онъ держался политически совершенно правильно, но нѣсколько болѣе вяло, чѣмъ Либкнехтъ и Бебель; Швейцеръ пришелъ, можетъ быть, постепенно къ сознанію, что онъ безнадежно испортилъ свои отношенія къ эйзенахцамъ, что послѣ Седана сліяніе обѣихъ фракцій есть только вопросъ времени и что для его диктатуры вообще нѣтъ больше мѣста въ германскомъ рабочемъ движеніи; это сознаніе могло немало повліять на его окончательное рѣшеніе.

18 мая въ Берлинѣ открылось 10-ое общее собраніе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, на которое явилось 34 делегата отъ 74 мѣстъ съ 5.356 платящими членами. Собраніе выразило свое сожалѣніе по поводу того, что „личныя дѣла“ не позволяютъ Швейцеру сохранять дальше руководительство партіей, высказало ему единогласно свою благодарность за „долголѣтнее осмотрительное лидерство“ и рекомендовало членамъ выбрать новымъ президентомъ Газенклевера. До 1-го іюля веденіе дѣлъ было поручено Швейцеру. Какъ и на общемъ собраніи предшествующаго года, положеніе кассы было подвергнуто самой тщательной ревизіи, и все найдено въ полномъ порядкѣ. Право собственности на оба партійныхъ органа Швейцеръ уступилъ партіи, взамѣнъ чего общее собраніе взяло на себя долги „*Соціалъ-демократа*“ въ суммѣ до 1.000 талеровъ. Было рѣшено, далѣе, что „*Агитаторъ*“ долженъ служить партійнымъ органомъ до 1-го іюля; затѣмъ изданіе его должно прекратиться, и единственнымъ органомъ партіи останется „*Соціалъ-демократъ*“, который будетъ выходить 3 раза въ недѣлю. На общемъ собраніи Всеобщей Германской Федераціи взаимопомощи *), открывшемся 25 мая, были представлены 19 делегатами только 4.257 членовъ изъ 27 мѣстъ. Быстрый упадокъ профессіональной организаціи былъ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ вызванъ войной, но, помимо этой причины, недовольство членовъ обусловливалось еще тѣмъ, что въ организаціи были безъ разбора свалены въ кучу различныя отрасли труда. Чтобы хотя до нѣкоторой степени устранить это зло, общее собраніе разрѣшило рабочимъ одной и той же отрасли промышленности основывать собственныя отдѣленія союза, если они сочтутъ это нужнымъ, и называть ихъ по имени своего промысла. Каменщики съ самаго начала выговорили себѣ такое особое положеніе.

1-го іюля новоизбранный президентъ Газенклеверъ, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей; въ тотъ же день вышелъ въ свѣтъ первый номеръ „*Der Neue Sozialdemokrat*“.

---

2. Просвѣтлѣніе Бисмарка.

18 марта 1848 г. принцъ Прусскій былъ прогнанъ революціей изъ Берлина, какъ самый упрямый представитель до-мартовскаго

*) См. т. III, стр. 400.—*Перев.*

абсолютизма. 17 марта 1871 г. тотъ же человѣкъ въѣхалъ въ Берлинъ, какъ германскій императоръ, возвращаясь побѣдителемъ изъ Парижа, восторженно привѣтствуемый господствующими классами, какъ достойный наслѣдникъ Оттоновъ и Гогенштауфеновъ. Онъ вправѣ былъ сказать себѣ, что онъ не былъ инымъ 17-го марта 1871 г., чѣмъ 18-го марта 1848 г. Такимъ образомъ, его ограниченному уму навязывалось, быть можетъ, представленіе, что всѣ перипетіи внутренней борьбы за свободу, разыгрывавшіяся въ теченіе двухъ десятилѣтій въ нѣмецкой землѣ, были лишь обманчивымъ призракомъ, что его корона Божіей милостью такъ же вѣчна, какъ Господь, съ алтаря котораго,—говоря его собственными словами,—онъ получилъ ее.

Если Вильгельмъ I предавался этой мечтѣ, то уже на слѣдующій день на стѣнѣ его дворца появилась невидимая рука, начертавшая свое „Мене Мене Текелъ Уфарсинъ". 18 марта 1871 г. парижскій пролетаріатъ поднялся и доказалъ, что европейская исторія съ 1848 г. имѣла большой смыслъ, хотя и дорого купленный народами. Повсюду, гдѣ существовалъ въ Германіи сознательный пролетаріатъ, революціонное возстаніе парижскихъ рабочихъ было встрѣчено громкимъ ликованіемъ. Ни лассальянцы, ни эйзенахцы не колебались ни одной минуты: массовыя собранія въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Ганноверѣ, Эльберфельдѣ, равно какъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Хемницѣ высказали свое сочувствіе и глубокое уваженіе соціальной революціи въ Парижѣ и послали ея борцамъ братскій привѣтъ нѣмецкихъ рабочихъ. „*Соціалъ-демократъ*" и „*Volksstaat*" съ одинаковымъ превосходствомъ высмѣивали „наивную беззастѣнчивость" нѣкоторыхъ буржуазныхъ газетъ, требовавшихъ отъ соціалъ-демократовъ, чтобы тѣ отреклись отъ парижской Коммуны или, по крайней мѣрѣ, отъ ея „злодѣйствъ". Возможно, что при помощи подобной хитроумной тактики с.-д. удалось бы достигнуть той или иной крохотной выгоды, но это была бы близорукая тактика, и соціалъ-демократія сдѣлалась бы жертвою наслѣдственнаго недуга нѣмецкаго либерализма, готоваго ради сомнительной маленькой прибыли поступаться не только своей честью и достоинствомъ, но и крупной, постоянной выгодой. Нѣмецкая соціалъ-демократія была сторицею вознаграждена за безусловное признаніе своей солидарности съ парижской Коммуной. Теперь „злодѣйства" Коммуны стали посмѣшищемъ даже для дѣтей; каждый сколько-нибудь свѣдущій буржуа знаетъ такъ же хорошо, какъ это съ самаго начала знали

нѣмецкіе рабочіе, что истинныя „злодѣйства" были совершены врагами Коммуны, застрѣльщиками буржуазнаго порядка, и что слабой стороной Коммуны была не ея безчеловѣчность, а ея робкій страхъ передъ коренными мѣропріятіями.

Столь же рѣшительно, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія, выступилъ въ защиту парижской Коммуны генеральный совѣтъ Интернаціонала. Въ адресѣ по поводу гражданской войны во Франціи, принадлежавшемъ перу Маркса, генеральный совѣтъ водрузилъ свѣтлое путеводное знамя для борющейся арміи пролетаріата, французское крыло которой только что понесло столь тяжкое пораженіе. Марксъ лучше, чѣмъ кто-либо, сознавалъ, что онъ подвергаетъ этимъ опасности существованіе Интернаціонала, дѣйствительно погибшаго отчасти изъ-за впечатлѣнія, произведеннаго мастерскимъ адресомъ. Не всѣ рабочія партіи Европы созрѣли политически въ такой же степени, какъ германская соціалъ-демократі въ особенности англійскіе трэдъ-юніоны отступали въ ужасѣ предъ страшнымъ призракомъ, который европейская буржуазія всячески старалась создать изъ парижской Коммуны. Но для Маркса форма дѣла не имѣла никакого значенія тамъ, гдѣ дѣло шло о спасеніи его сути. Правильность политики Маркса ничѣмъ не доказывается такъ разительно, какъ самимъ адресомъ, который и теперь еще занимаетъ первое мѣсто среди громадной литературы, возникшей съ тѣхъ поръ относительно парижской Коммуны,—занимаетъ его, несмотря на то, что былъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ фактовъ. Хотя адресъ имѣлъ своей цѣлью оправданіе Коммуны и, будучи опубликованъ въ такой моментъ, когда требовалось только *за* или *противъ*, не ослаблялъ своего *за* подробнымъ разборомъ ошибокъ возстанія тѣмъ не менѣе онъ съ такой ясностью и отчетливостью выдвинулъ основные пункты вопроса, что по сю пору остался классической работой о парижской Коммунѣ.

Въ то время передавались изъ устъ въ уста слова Бисмарка, что Коммуна причинила ему опять „первую безсонную ночь"; были ли они дѣйствительно сказаны имъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они хорошо характеризуютъ его тогдашнее положеніе. Возстаніе парижскихъ рабочихъ показало Бисмарку, что его дипломатія могла быть достаточно остроумной, когда дѣло шло о какомъ-нибудь Бейстѣ или Наполеонѣ, но что при столкновеніи съ великими массовыми движеніями вѣка она напоминаетъ собою неинтересную старую остроту. Какъ результатъ своихъ ночныхъ

мыслительныхъ упражненій, Бисмаркъ преподнесъ рейхстагу изумительное открытіе, что сутью парижской Коммуны—сутью, вполнѣ заслуживающей оправданія—было страстное томленіе по прусскомъ Городовомъ Положеніи, этой пародіи на независимое управленіе общинъ. Бебель, единственный соціалъ-демократъ, засѣдавшій въ первомъ германскомъ рейхстагѣ, выразилъ свое удивленіе по поводу того, что собраніе изъ серьезныхъ людей не разразилось хохотомъ, выслушавъ заявленіе Бисмарка, и прибавилъ: „будьте увѣрены, весь европейскій пролетаріатъ и всякій, кто хранитъ еще въ своей груди любовь къ свободѣ и независимости, смотрятъ на Парижъ. И если даже въ настоящій моментъ Парижъ подавленъ, то я напоминаю вамъ, что борьба въ Парижѣ представляетъ собою только маленькую аванпостную стычку, что главное дѣло еще предстоитъ намъ въ Европѣ и что не пройдетъ и нѣсколькихъ десятилѣтій, какъ боевой кличъ парижскаго пролетаріата „война дворцамъ, миръ хижинамъ, смерть нуждѣ и тунеядству", станетъ боевымъ кличемъ всего европейскаго пролетаріата". Высокое собраніе сочло умѣстнымъ встрѣтить эти слова необузданнымъ смѣхомъ, въ которомъ оно отказало плоской выдумкѣ Бисмарка; правда, съ тѣхъ поръ у рейхстага пропала всякая охота смѣяться.

Впослѣдствіи Бисмаркъ признавался самъ, что рѣчь Бебеля была яркимъ „лучемъ свѣта", озарившимъ для него сущность соціалъ-демократическаго движенія; съ тѣхъ поръ онъ старался вести борьбу съ этимъ движеніемъ и подавить его какъ врага, относительно котораго государство и общество находятся въ состояніи необходимой самообороны. Нѣтъ надобности сомнѣваться въ искренности признанія,—уже потому, что оно было достаточно унизительно для человѣка, претендовавшаго на званіе „государственнаго мужа". Дѣйствительно, отнынѣ начинается открытая борьба Бисмарка съ соціалъ-демократіей: она ведется сначала урывками и толчками, съ лѣнивымъ высокомѣріемъ, но затѣмъ становится все болѣе отчаянной, такъ какъ превращается уже въ борьбу за свое собственное существованіе, пока это существованіе не оканчивается безславнымъ крахомъ.

Если прежде Бисмаркъ смотрѣлъ не вполнѣ довольными глазами на противозаконныя насилія Фалькенштейна, то теперь они показались ему достаточно хорошими для нанесенія перваго удара сознательному пролетаріату. Въ концѣ марта были выпущены на свободу и брауншвейгскіе и лейпцигскіе заключенные, послѣ того

какъ первые просидѣли за тюремными стѣнами ни за что ни про что около 200 дней, а вторые—около 100. Тѣмъ временемъ весь матеріалъ, захваченный путемъ многочисленныхъ обысковъ въ квартирахъ арестованныхъ и ихъ единомышленниковъ, былъ тщательно просѣянъ полиціей, прокуратурой и судебными слѣдователями, чтобы получить изъ него государственную измѣну и оскорбленіе величества,—но безъ всякаго успѣха. Этотъ конечный результатъ столь многихъ усилій долженъ былъ вызывать тѣмъ большее чувство стыда, что забранный матеріалъ не оставлялъ желать ничего по своему исчерпывающему обилію: вслѣдствіе внезапности нападенія Фалькенштейна, вся переписка и книги центральнаго комитета партіи эйзенахцевъ попали въ руки ея гонителей. Ни брауншвейгскіе, ни саксонскіе суды не обнаружили особаго расположенія заниматься дольше этимъ неправымъ дѣломъ; возможно, что на рвеніе судебныхъ властей подѣйствовала охлаждающимъ образомъ претензія, чтобы они сыграли роль смиренныхъ пособниковъ военщины въ ея насильническихъ подвигахъ. Оберъ-прокуроръ въ Вольфенбюттелѣ предложилъ самъ прекратить производство по дѣлу о подготовленіи къ государственной измѣнѣ, въ которомъ обвинялись брауншвейгскіе заключенные, и обвинительная камера высшаго суда присоединилась къ этому предложенію. Хотя при этомъ было оговорено, что противъ Бракке и товарищей можетъ быть возбуждено преслѣдованіе за другіе проступки, подсудные не уголовному сенату, а окружнымъ судамъ, но для всякаго было ясно, что этотъ милый оборотъ рѣчи преслѣдовалъ лишь одну цѣль: сколько-нибудь замаскировать возмутительный фактъ, что совершенно невинные люди были въ теченіе многихъ мѣсяцевъ лишены своей законной свободы.

Но этотъ брауншвейгскій счетъ былъ составленъ безъ берлинскаго хозяина. Бисмаркъ настоялъ, чтобы оговорка вольфенбюттельскаго оберъ-прокурора была выполнена, и 10 октября 1871 г., т.-е. больше чѣмъ полгода спустя послѣ освобожденія заключенныхъ, брауншвейгскій прокуроръ Кохъ ухитрился исполнить непріятную работу, смастеривъ обвиненіе, по крайней мѣрѣ, противъ Бракке, Бонгорста, Шпира и Кюна. Всѣ эти лица были привлечены къ суду за проступокъ противъ общественнаго порядка, причемъ туманными основаніями для обвиненія послужили нѣкоторые каучуковые параграфы стараго брауншвейгскаго и новаго сѣверо-германскаго уголовнаго законодательства. Дѣйствительно, окружный судъ послѣ трехдневнаго разбирательства при-

говорилъ Бракке и Бонгорста къ 16-ти, Шпира къ 14-ти и Кюна къ 5-ти мѣсяцамъ тюрьмы, съ зачетомъ времени, проведеннаго въ предварительномъ заключеніи, но высшій судъ кассировалъ этотъ приговоръ въ такой мѣрѣ, что для Бракке остались только 3 мѣсяца, для Шпира 2 мѣсяца, а для Кюна 6 недѣль ареста за участіе въ союзѣ, преслѣдующемъ будто бы противозаконныя цѣли. Даже этотъ приговоръ былъ еще весьма споренъ, тѣмъ болѣе, что онъ опирался на старое до-мартовское распоряженіе, но если теоретически противъ него и можно было возразить многое, то практически онъ былъ равносиленъ оправданію подсудимыхъ, ибо высшій судъ призналъ, что назначенное подсудимымъ наказаніе отбыто предварительнымъ заключеніемъ.

Буржуазные присяжные въ Лейпцигѣ обнаружили по отношенію къ берлинскимъ требованіямъ бо́льшую угодливость, нежели коронные судьи въ Брауншвейгѣ. Въ мартѣ 1872 г. Либкнехтъ, Бебель и Гепнеръ въ теченіе двухъ недѣль судились предъ лейпцигскимъ судомъ присяжныхъ, по обвиненію въ подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ государственной измѣнѣ. Обвинительный матеріалъ былъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же, что и въ брауншвейгскомъ дѣлѣ, увеличенный только кучею „уликъ", не доказывавшихъ ничего, кромѣ желанія во что бы то ни стало устроить подсудимымъ процессъ за ихъ общій образъ мыслей. Присяжнымъ были представлены не болѣе, не менѣе какъ 140 вещественныхъ доказательствъ—письма, рѣчи, газетныя статьи, программы, безпорядочное множество заявленій изъ революціонной литературы начиная съ 1848 г.,—заявленій, составленныхъ не только подсудимыми и ихъ единомышленниками, но и политическими ихъ противниками. Ни одинъ изъ этихъ документовъ не давалъ, однако, даже тѣни доказательства въ пользу утвержденія, что подсудимые подготовляли какую-либо государственную измѣну въ смыслѣ уголовнаго кодекса. Предсѣдатель суда ф.-Мюкке помогъ этому горю, руководя судебнымъ разбирательствомъ съ пристрастіемъ, тогда еще довольно необычнымъ въ нѣмецкой землѣ и встрѣтившимъ рѣзкое осужденіе со стороны всей почти независимой печати всѣхъ буржуазныхъ партій. Не было недостатка и въ другихъ формахъ давленія на присяжныхъ, такъ что восемь изъ нихъ, т.-е. какъ разъ необходимое для обвинительнаго вердикта число, дѣйствительно согласились признать Либкнехта и Бебеля виновными. Судъ приговорилъ каждаго изъ нихъ къ 2 годамъ крѣпости, съ зачетомъ двухъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія; Гепнеръ былъ оправданъ.

Либкнехтъ и Бебель справедливо говорили, однако, что процессъ сдѣлалъ безконечно много для распространенія соціалъ-демократическихъ принциповъ, и что ради такого результата они охотно примирились со своими 2 годами крѣпости. Они не только пріобрѣли личныя симпатіи, которыми обыкновенно дарятъ невинно осужденныхъ всѣ, въ комъ живо чувство справедливости: имъ представился, сверхъ того, случай для чрезвычайно успѣшной пропаганды своихъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ. Что касается Гепнера, которому съ самаго начала была предназначена второстепенная роль въ этой судебной драмѣ, то онъ тактично довольствовался остроумными и ѣдкими насмѣшками надъ выставленнымъ противъ него обвиненіемъ; но Либкнехтъ и Бебель защищали дѣло, которому правительство хотѣло нанести ударъ въ ихъ лицѣ, съ исполненной достоинства серьезностью и притомъ настолько убѣдительно и находчиво, что они играючи отражали безтолковыя нападки предсѣдателя и прокурора. Особенно Либкнехтъ, до тѣхъ поръ стоявшій дальше отъ рабочихъ массъ, чѣмъ Бебель, развернулъ тѣ великолѣпныя свойства, которыя быстро завоевали „солдату революціи" пролетарскія сердца. Такимъ образомъ, судебное разбирательство имѣло высокое агитаціонное значеніе: оно разсѣяло широко распространенные предразсудки относительно рабочаго движенія, а его смѣна вопросовъ и отвѣтовъ явилась захватывающимъ введеніемъ въ идейный міръ соціалъ-демократіи.

Въ іюлѣ 1872 г. Бебель еще разъ сдѣлался жертвою классовой юстиціи. Лейпцигскій окружный судъ призналъ его виновнымъ въ оскорбленіи величества, усмотрѣвъ таковое въ безспорной истинѣ, которую Бебель высказалъ въ одномъ публичномъ собраніи,—что прусскій король не сдержалъ своего обѣщанія насчетъ единой и свободной Германіи которая будетъ, молъ, плодомъ войны. Бебель былъ приговоренъ къ 9 мѣсяцамъ тюрьмы и „лишенію правъ, пріобрѣтенныхъ въ силу общественныхъ выборовъ". Судъ кассировалъ депутатскія полномочія Бебеля въ рейхстагѣ, и въ этомъ заключалась вся соль процесса. Въ первой сессіи германскаго рейхстага Бебель быстро успѣлъ сдѣлаться страшнымъ противникомъ; не имѣя за собой поддержки партіи, будучи совершенно одинъ, онъ съумѣлъ, однако, посадить на лощеный полъ буржуазнаго парламентаризма нѣсколько знаменитѣйшихъ танцоровъ; онъ продѣлалъ это и съ бравымъ Ласкеромъ, который, будучи прижатъ къ стѣнѣ Бебелемъ, пригрозилъ филистерской „палкой" и

затѣмъ поддѣлалъ стенографическій отчетъ, такъ какъ страшная угроза показалась ему самому черезчуръ уже смѣшной, и съ бравымъ Симсономъ, который былъ пойманъ Бебелемъ на грубомъ нарушеніи парламентской процедуры и спасся лишь благодаря тому, что буржуазное большинство, кривя душой, признало его чистымъ отъ всякой вины. Теперь лейпцигскій окружный судъ отомстилъ злодѣю не только за короля Божіей милостью, но и за буржуазный парламентаризмъ.

Но честные ткачи избирательнаго округа Глаухау-Мееране плохо поняли патріотическую шутку и послали Бебеля назадъ въ рейхстагъ, подавъ за него тремя тысячами голосовъ больше, чѣмъ онъ получилъ раньше. Высокому собранію пришлось самому взять на себя обязанности палача: оно отклонило внесенное Шрапсомъ предложеніе потребовать освобожденія Бебеля, который тѣмъ временемъ приступилъ къ отбытію своего наказанія въ крѣпости Губертусбургъ. Да и какой патріотъ могъ пенять на рейхстагъ, если тотъ не испытывалъ желанія слышать дальше ясный и звучный голосъ, умѣвшій такъ убѣдительно показывать все глиняное величіе германской имперіи.

Глава II.

Дождь милліардовъ.

---

1. Учредительская спекуляція и культуркампфъ.

Подобно тому какъ революція сверху была обезпечена компромиссомъ между прусскимъ военнымъ государствомъ и германской буржуазіей, точно такъ же эти силы вели сообща завоевательную войну послѣ Седана и точно такъ онѣ подѣлили между собою добычу. Странныя завѣренія либеральныхъ „именитыхъ мужей", что присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи должно привести къ разоруженію Европы, Мольтке холодно разрушилъ словами: „То, что мы завоевали оружіемъ въ теченіе полугода, мы можемъ защищать оружіемъ въ теченіе полувѣка, дабы его не вырвали у насъ снова". Милитаризмъ распустился пышнымъ цвѣтомъ: онъ выросъ до размѣровъ, которые казались бы невѣроятными худшимъ пессимистамъ 60-хъ годовъ, и буржуазія принуждена была волей-неволей считаться съ этимъ результатомъ своей геніальной политики.

Удачнѣе сложился для нея другой результатъ завоевательной войны. Ружейные приклады нѣмецкихъ армій широко раскрыли предъ ней ворота всемірнаго рынка. Правда, дождь милліардовъ пошелъ въ прокъ главнымъ образомъ военному государству: изъ нихъ были погашены долги, выплачены дотаціи и пенсіи, построены крѣпости и казармы, обновлены запасы оружія и военнаго снаряжені однако, огромное увеличеніе свободнаго капитала и количества денегъ, находящагося въ обращеніи, дало также могучій толчокъ развитію молодой индустріи. Концентрація капитала охватила всѣ отрасли промышленной жизни: сумма акціонерныхъ капиталовъ, созданныхъ за 1871—1873 гг., составила болѣе

1.200 милліоновъ талеровъ, т.-е. почти столько, сколько французская контрибуція; банковыя учрежденія и промышленныя компаніи выростали, какъ грибы, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ большомъ количествѣ были основаны желѣзодѣлательные заводы и каменноугольныя предпріятія, проектирована масса новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Происходила какая-то безумная спекулятивная горячка, въ которой буржуазія потеряла послѣдній остатокъ политическаго достоинства.

Она бросилась ползкомъ предъ „великимъ человѣкомъ XIX вѣка", которому была обязана всѣмъ этимъ золотымъ дождемъ. Въ области экономическаго законодательства Бисмаркъ предоставлялъ еще пока буржуазіи свободу дѣйствій. Благодаря богатымъ дотаціямъ онъ изъ представителя полу-обанкротившагося мелкаго дворянства сталъ представителемъ крупнаго землевладѣнія, ведущаго хозяйство на капиталистически-промышленныхъ началахъ, другими словами — представителемъ класса, живо заинтересованнаго въ удаленіи обломковъ феодально-цехового строя. Впрочемъ, бонапартистскіе инстинкты Бисмарка должно было и безъ того пріятно щекотать учредительское опьяненіе, которое превращало буржуазный міръ въ игорный домъ, чтобы имѣть возможность надувать его en masse. Бисмаркъ не видѣлъ причины возражать, когда Дельбрюкъ, остававшійся пока его правой рукой въ экономической политикѣ, съ циничнымъ самодовольствомъ возвѣстилъ изъ-за правительственнаго стола, что секретъ времени—не терять процентовъ, и никакое законодательство не можетъ помѣшать глупцамъ спускать свои деньги. Безспорно, новые законы объ общемъ для всей Германіи правѣ гражданства и свободѣ передвиженія, о свободѣ промысла, объ единой системѣ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, о защитѣ германской торговли за границей и т. д., оставляя желать многаго въ частностяхъ, означали собою въ цѣломъ историческій прогрессъ. Однако, когда Трейчке, пророкъ новой имперіи, увѣрялъ со свойственной ему высокопарной манерой, что буржуазія подарила это законодательство рабочему классу „изъ чувства долга, присущаго высшимъ сословіямъ", „исходя изъ правильнаго пониманія своихъ соціальныхъ обязанностей", то это значило изображать вещи навыворотъ. Рѣдко бывало, чтобы прогрессъ экономическаго развитія, давнымъ давно ставшій необходимымъ, былъ запротоколированъ господствующими классами столь узкосебялюбивымъ образомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ; это обнаружилось тотчасъ же, какъ только они открыли, что когда бур-

жуазія идетъ впередъ, то одновременно движется впередъ и пролетаріатъ.

Это обнаружилось даже раньше, какъ только партикуляристская оппозиція противъ основанія имперіи соединилась въ одну большую парламентскую партію. Нѣмецкое оружіе косвеннымъ образомъ низвергло свѣтское владычество папы и потому мобилизировало всѣ воинствующія силы католицизма. Подъ именемъ центра вступила въ первый германскій рейхстагъ специфически-католическая фракція изъ 57 членовъ. Собственно говоря, она не пришла сразу съ враждебными намѣреніями противъ Бисмарка, который еще не задолго до франко-прусской войны прославлялъ іезуитовъ, какъ цѣнныхъ союзниковъ, и противился всѣмъ предложеніямъ воспрепятствовать путемъ дипломатическаго вмѣшательства провозглашенію догмата папской непогрѣшимости на ватиканскомъ соборѣ 1870 г. Но сила вещей привела къ тому, что новая фракція стала сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ партикуляристскихъ элементовъ. Антипатія къ специфически прусскому духу была искони особенно сильна въ католическихъ мѣстностяхъ у Рейна, въ Силезіи, въ Баваріи; сюда прибавились польскіе католики и нѣсколько позже эльзасскіе. Партикуляристскій характеръ центра съ самаго начала настолько перевѣшивалъ его религіозный характеръ, что къ нему примкнули также правовѣрно-протестантскіе гвельфы. Подъ общимъ знаменемъ ультрамонтанства собралось все, что по партикуляристскимъ мотивамъ противилось новому имперско-германскому великолѣпію: масса самыхъ разнородныхъ, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, элементовъ, расходившихся въ самыя различныя стороны, начиная отъ воззрѣній мелко-крестьянской и мелко-буржуазной демократіи и кончая воззрѣніями феодальной романтики и захолустной цеховщины. Характерно, что вождемъ этой разношерстной толпы сталъ Виндгорстъ, бывшій гвельфскій министръ, отнюдь не человѣкъ принциповъ, а, подобно Бисмарку, дипломатъ старой школы, но дипломатъ несравненно болѣе хитрый.

Для всякаго государственнаго человѣка, хоть немного знакомаго съ современной культурной жизнью, ничего не могло быть легче, какъ парализовать эту оппозицію; геніальности тутъ совершенно не требовалось. Оппозиція должна была неизбѣжно распасться на свои разнородныя и, въ общемъ, исторически отсталыя части, какъ только новая имперія стала бы управляться не при помощи капральской палки, а какъ современное культурное государство.

Но Бисмаркъ не справился послѣ 1870 г. съ задачей, которую до извѣстной степени выполнилъ послѣ 1866 г.; онъ не съумѣлъ сколько-нибудь искусно использовать данное положеніе: ѳиміамъ, воскурившійся „Геркулесу 19-го вѣка", покрылъ для него туманомъ все, что́ лежало за предѣлами стараго юнкерскаго горизонта. Ему казалось, что онъ только тогда и шествуетъ настоящимъ образомъ во главѣ вѣка, когда колотитъ прусской капральской палкой все, что не желаетъ плясать подъ его дудку. Кто не приспособлялся покорно къ его капризамъ и нервамъ, тотъ былъ „врагомъ имперіи" и объявлялся внѣ закона. Присоединеніе поляковъ къ центру особенно распалило его слѣпую ненависть къ полякамъ. Между тѣмъ самъ центръ толкалъ его до извѣстной степени на правильный путь: въ программѣ центра, опубликованной весною 1871 г., изъ двухъ содержавшихся тамъ требованій первое мѣсто занимала партикуляристская точка зрѣнія, самостоятельность и самоопредѣленіе отдѣльныхъ государствъ, а точка зрѣнія религіозная, защита религіозныхъ союзовъ отъ вмѣшательства свѣтскаго законодательства, была поставлена лишь на второмъ мѣстѣ. Съ трагикомическимъ непониманіемъ этого положенія вещей Бисмаркъ вообразилъ, что съумѣетъ усмирить партикуляристскую оппозицію, начавъ ссору съ католической церковью. Онъ началъ прижимать эту церковь всякими исключительными законами и актами насильственнаго вмѣшательства въ ея внутреннюю жизнь, хотя самъ въ свои молодые годы видѣлъ, какъ великолѣпно римскій священникъ умѣетъ обойти прусскаго жандарма. Вмѣсто того, чтобы самому бороться при помощи оружія гражданской свободы, онъ вложилъ это оружіе въ руки центра и такимъ образомъ создалъ своему реакціонному государственному искусству неодолимаго противника, сколько бы онъ ни хвасталъ, что не пойдетъ въ Каноссу.

Но если безразсудство Бисмарка могло быть еще превзойдено, то оно было превзойдено безразсудствомъ либеральной буржуазіи, которая и на этомъ пути слѣпо тянулась за нимъ, хотя въ отличіе отъ него не могла даже привести въ свою пользу то смягчающее вину обстоятельство, что выросла въ феодальныхъ воззрѣніяхъ. Даже человѣкъ съ образованіемъ Вирхова не побрезгалъ окрестить игру сатира почтеннымъ названіемъ „культурной борьбы". Такъ или иначе, но этотъ культуркампфъ явился для продувной банды грюндеровъ только кулисой, чтобы тѣмъ удобнѣе обирать массы; можно было безошибочно утверждать, что если кто осо-

бенно рѣзко мечетъ громы „противъ Рима“ въ парламентѣ и печати и наиболѣе торжественно вызываетъ изъ гроба тѣнь бѣднаго Ульриха Гуттена, то онъ навѣрно особенно глубоко сидитъ въ болотѣ учредительства. Многіе десятки депутатовъ рейхстага, поддерживавшихъ культуркампфъ, прибивали свои мандаты къ учредительскимъ проспектамъ, чтобы позолотить ихъ надувательскія обѣщанія, и шли на службу къ „патріотическимъ денежнымъ силамъ“, особенно къ Учетному Обществу (Diskontogesellschaft) и дому Блейхрёдера, двумъ гигантамъ среди піявокъ, высасывавшихъ благосостояніе среднихъ классовъ. Среди парламентской когорты Учетнаго Общества выдавался Микель, бывшій коммунистъ, а нынѣ націоналъ-либеральный лидеръ; въ качествѣ директора Учетнаго Общества онъ получилъ за 4 года доходъ въ 1.338.730 марокъ 10 пфенниговъ, но разыгрывалъ изъ себя оскорбленную невинность и жаловался со слезами на глазахъ, если какому-нибудь лукавому „врагу имперіи“ приходила въ голову мысль, что при ужасающихъ грюндерствахъ Учетнаго Общества Микель могъ развивать дѣятельность, соотвѣтствующую указаннымъ суммамъ: Микель увѣрялъ, что получилъ свой кругленькій доходъ въ вознагражденіе за второстепенные юрисконсультскіе совѣты,—совѣты, которые любой бѣднякъ - ассессоръ съ наслажденіемъ давалъ бы за двѣ тысячи марокъ годового жалованья. Столь же мило оправдывался силезскій юнкеръ и лидеръ вольныхъ консерваторовъ фонъ - Кардорфъ, свѣтило парламентской когорты Блейхрёдера: онъ составилъ рядъ отчаяннѣйшихъ грюндерскихъ проектовъ только для того, молъ, чтобы имѣть возможность безъ имущественныхъ потерь отдаваться парламентской дѣятельности и сохранить отечеству свою незамѣнимую силу въ качествѣ законодателя.

Парламентскимъ застрѣльщикамъ либеральной буржуазіи соотвѣтствовали ея публицистическіе застрѣльщики. На мѣсто Густава Фрейтага съ его „*Grenzboten*“ вступилъ теперь со своимъ „*Gegenwart*“ Пауль Линдау, литературный талантъ шестого ранга, не съумѣвшій ввезти въ Германію даже литературу второй имперіи, а только крохи съ ея стола. Руге, перебѣжавшій послѣ 1866 г. къ Бисмарку, писалъ теперь, вырванный изъ своихъ мечтаній: „Блунчли объявленъ руководящимъ писателемъ и остроумцемъ. Развѣ это—„Gegenwart (настоящее)“? Развѣ это наше время?.. Линдау собралъ въ кучу всѣ знаменитости безъ различія направленія, и вся эта исторія является, повидимому, чистѣйшей спе-

куляціей". Она дѣйствительно была чистѣйшей спекуляціей. Гвидо Вейсъ сдѣлалъ въ „*Wage*" послѣднюю попытку водрузить знамя буржуазной демократіи, и хотя маленькій еженедѣльный журналъ стоялъ неизмѣримо выше „*Gegenwart*" по своей честности, уму и знанію, тѣмъ не менѣе онъ еле просуществовалъ нѣсколько лѣтъ.

Въ буржуазной ежедневной печати Шмоки *) кишѣли какъ черви въ трупѣ. Не говоря уже о биржевой и торговой прессѣ, отъ которой только сумасшедшій могъ ждать чего-либо иного, процессомъ гніенія была захвачена также „большая" и „исполненная достоинства" политическая печать. Биржевыя рекламы проникали даже на столбцы благочестивой „*Kreuzzeitung*", редакторы торговаго отдѣла въ націоналъ-либеральной „*Nationalzeitung*" и прогрессистской „*Vossische Zeitung*" злоупотребляли своимъ общественнымъ положеніемъ для надуванія публики, а демократическая „*Frankfurter Zeitung*" получала „причитающуюся прессѣ долю" отъ всякой грюндерской аферы, проходившей черезъ франкфуртскую биржу. Это не мѣшало редактору ея торговаго отдѣла Бернгарду Доктору писать въ *Times*: „Если бы не сварливый духъ экстравагантныхъ демагоговъ, которые поднимаютъ рабочихъ противъ хозяевъ и разжигаютъ ихъ аппетиты неосуществимыми надеждами, то всѣ классы общества чувствовали бы себя хорошо, и страна наслаждалась бы неизвѣстнымъ до сихъ поръ благоденствіемъ". Марксъ жестоко отдѣлалъ его за это, не подозрѣвая, однако, при всей своей проницательности, что пройдетъ какое-нибудь пятилѣтіе, и вся оффиціальная Германія, начиная отъ геніальнаго государственнаго человѣка Бисмарка и до не менѣе геніальнаго лидера оппозиціи Евгенія Рихтера, будетъ настроена на тотъ же тонъ, какой впервые былъ взятъ названнымъ выше темнымъ биржевикомъ.

---

2. Аграрный соціализмъ и катедеръ-соціализмъ.

Посреди капиталистической оргіи учредительства развились двѣ разновидности буржуазнаго соціализма; не будучи новыми по своему существу, онѣ приняли при господствовавшихъ тогда въ

---

*) Дѣйствующее лицо въ комедіи Фрейтага „Журналисты"; типъ неразборчиваго газетнаго репортера, всецѣло поглощеннаго погоней за строчками и пятачками.—*Перев.*

Германіи условіяхъ свою особую форму, въ которой и пытались воздѣйствовать на классовую борьбу эпохи.

Аграрный соціализмъ возникъ изъ „кредитной нужды" прусскаго помѣстнаго дворянства, имѣнія котораго были сильно обременены ипотечными долгами либо вслѣдствіе безпорядочнаго веденія хозяйства, либо вслѣдствіе переходовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, отчужденій или наслѣдственныхъ раздѣловъ, либо по другимъ причинамъ. Правда, и этотъ классъ, несмотря на свою хозяйственную отсталость, получалъ извѣстную долю отъ развитія крупной промышленности, такъ какъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія поднимались и хлѣбныя цѣны. Но прибыль на капиталъ росла еще быстрѣе земельной ренты, и вслѣдствіе этого обезцѣнивалась земельная собственность юнкеровъ. Земля, какъ таковая, не имѣетъ самостоятельной мѣновой цѣнности, ибо она не есть продуктъ труда; ея видимая мѣновая цѣнность возникаетъ вслѣдствіе того, что въ общественномъ обмѣнѣ земельная рента, приносимая земельнымъ участкомъ, разсматривается какъ процентъ съ капитала и капитализируется по рыночному проценту. Мѣновая цѣнность имѣнія, дающаго 4 тыс. марокъ годовой ренты, равняется 100.000 марокъ, если въ данное время обычный процентъ равенъ 4%. Но высота процента регулируется прибылью на капиталъ; когда послѣдняя растетъ быстрѣе земельной ренты, то мѣновая цѣнность земли падаетъ. Если въ приведенномъ нами примѣрѣ земельная рента возрастаетъ до 4.500 марокъ, но въ то же время высота процента поднимается съ 4 до 5%, то цѣнность имѣнія становится равной всего лишь 90.000 марокъ; его доходность возрасла болѣе чѣмъ на 12%, а мѣновая цѣнность упала на 10%. Но между серединой 50-хъ и началомъ 70-хъ гг. высота процента дѣйствительно поднялась съ 4 на 5%, между тѣмъ какъ земельная рента росла настолько медленнѣе, что цѣнность земли, находящейся подъ сельско-хозяйственной культурой, уменьшилась почти на $^1/_5$. Такимъ образомъ, предъ помѣстнымъ дворянствомъ Остъ-Эльбіи, державшимся уже со временъ стараго Фрица только благодаря застѣнчивой, а то и беззастѣнчивой государственной помощи, снова всталъ вопросъ жизни.

Подчеркиваемъ: вопросъ жизни всталъ предъ этой группой имущихъ классовъ, а отнюдь не предъ самимъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, какъ любили утверждать юнкеры. Юнкеры погибали не потому, что изсякало сельско-хозяйственное производство: напротивъ, видимый упадокъ сельско-хозяйствен-

наго производства былъ обусловленъ тѣмъ, что оно находилось въ рукахъ опутаннаго узкими феодальными предразсудками и по уши задолженнаго класса. Оно ждало рукъ, сильныхъ капиталомъ, которыя могли бы его приспособить къ современному крупному способу производства и такимъ путемъ возвести на небывалую раньше высоту. Этотъ процессъ съ такой необходимостью вытекалъ изъ жизненныхъ условій современнаго буржуазнаго общества, что при существованіи капиталистическаго строя не было средствъ помѣшать ему. Рецепты, которые не взирая на это были испробованы или предложены, постигла участь всѣхъ попытокъ пойти противъ исторической необходимости: они лишь усилили давленіе, которое хотѣли ослабить. Многочисленные ипотечные банки, пытавшіеся помочь „кредитной нуждѣ“ юнкеровъ путемъ превращенія ипотекъ въ бумаги, обращающіяся на биржѣ и на всемірномъ рынкѣ, тщетно силились, по выраженію Родбертуса, сдѣлать изъ коня птицу; если искусственныя крылья и помогали коню подняться на одинъ мигъ вверхъ, то въ ближайшій мигъ онъ тѣмъ вѣрнѣе падалъ стремглавъ внизъ, чтобы разбиться до смерти. Съ рецептомъ Родбертуса дѣло обстояло не лучше. На истинно утопическій ладъ онъ хотѣлъ замѣнить подлежащій востребованію ипотечный капиталъ неподлежащимъ востребованію рентнымъ свидѣтельствомъ; товаръ долженъ былъ производиться какъ товаръ, но не обмѣниваться какъ товаръ; при помощи средневѣковаго рентнаго свидѣтельства, т.-е. формы задолженности феодальнаго способа производства, Робертусъ хотѣлъ защитить поземельную ренту,—возникающую вообще лишь какъ слѣдствіе буржуазнаго способа производства,—отъ всѣхъ непріятныхъ приключеній, которыя могутъ случиться съ ней въ буржуазномъ мірѣ. Если бы этотъ планъ былъ настолько же осуществимъ, насколько онъ по десятку причинъ былъ фактически неосуществимъ, то онъ окончательно посадилъ бы юнкеровъ на мель, ибо подъ неподлежащія востребованію рентныя свидѣтельства они получили бы отъ буржуазіи необходимый имъ капиталъ лишь на условіяхъ, еще гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ подъ подлежащія востребованію ипотеки.

Непосредственно пролетаріату не было никакого дѣла до всей этой исторіи. Рабочіе не имѣли никакого основанія пролить хотя бы одну слезу сочувствія „историческимъ родамъ“ старой Пруссіи, въ теченіе многихъ столѣтій сгонявшимъ съ земли мелкихъ крестьянъ, чтобы теперь самимъ испытать ту же участь отъ совре-

менныхъ крупныхъ буржуа; если превращеніе патріархальнаго сельскаго хозяйства въ крупно-промышленное и не принесло сельскому пролетаріату солнышка послѣ дождя, то благодаря ему онъ попалъ, по крайней мѣрѣ, изъ воды подъ дождь. Была, однако, одна точка зрѣнія, съ которой можно было доказывать общность интересовъ между юнкерами и пролетаріатомъ. „Кредитная нужда" юнкеровъ возникла вслѣдствіе того, что прибыль на капиталъ росла быстрѣе земельной ренты; а что̀ если бы доля капитала въ національномъ продуктѣ была понижена путемъ увеличенія доли заработной платы, причемъ увеличенное потребленіе хлѣба и мяса рабочими погнало бы вверхъ и земельную ренту? На этой идеѣ былъ построенъ аграрный соціализмъ, нашедшій самыхъ краснорѣчивыхъ своихъ борцовъ въ Родбертусѣ и Рудольфѣ Мейерѣ.

Рудольфъ Мейеръ былъ на цѣлыхъ 34 года моложе Робертуса. Происхожденіе и воспитаніе ввели его въ кругъ интересовъ остъ-эльбскаго сельскаго хозяйства, а вѣра въ свои силы и богатыя познанія, пріобрѣтенныя въ области исторіи и экономіи, достаточно предохранили его отъ опасности попасть на ложные пути феодальной романтики или, что еще хуже, стать литературнымъ прислужникомъ юнкерства. Онъ былъ близкимъ землякомъ Вагенера, подъ руководствомъ котораго проложилъ себѣ дорогу въ консервативной печати. Однако, ни Вагенеръ, ни даже Родбертусъ не опредѣлили всецѣло его духовнаго облика. Рудольфъ Мейеръ былъ уже дитя своего времени, въ которомъ господствующую роль стала играть классовая борьба. Къ утопіямъ, вокругъ которыхъ вращалась мысль и жизнь Родбертуса, онъ чувствовалъ скорѣе академическое удивленіе, чѣмъ дѣйствительный интересъ; тѣмъ лучше онъ понималъ то, что въ концѣ-концовъ навсегда осталось непонятнымъ для Родбертуса. Истинно-боевая натура, Рудольфъ Мейеръ питалъ родственную симпатію къ „освободительной борьбѣ 4-го сословія" *), документы которой онъ собралъ прилежной и свѣдущей рукой сначала въ „*Berliner Revue*", а затѣмъ и въ обширномъ сочиненіи. Ведя побѣдоносную войну съ либеральнымъ манчестерствомъ, онъ охотно показывался въ соціалъ-демократическихъ собраніяхъ, и такъ какъ онъ оставался при своей особой точкѣ зрѣнія честнымъ малымъ, то рабочіе

---

*) Названіе главнаго сочиненія Рудольфа Мейера (Emanzipati vierten Standes", Berl. 1874).—*Перев.*

смотрѣли на него какъ на желаннаго гостя. Если бы онъ даже не былъ слишкомъ честенъ, то онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы заниматься соціальной демагогіей: онъ не скрывалъ отъ рабочихъ, что его и ихъ пути въ концѣ-концовъ широко расходятся, но разстояніе, которое онъ готовъ былъ пройти вмѣстѣ съ ними, не уводило въ сторону, къ болотамъ, а дѣйствительно лежало на ихъ пути, приблизительно до пограничнаго пункта нормальнаго рабочаго дня.

У рабочихъ Рудольфъ Мейеръ встрѣтилъ то условное пониманіе, которое соотвѣтствовало его условной дружбѣ къ нимъ. Но юнкеры, которымъ онъ безусловно хотѣлъ помочь, отказали ему безусловно во всякомъ сочувственномъ пониманіи. Если они недовѣрчиво относились уже къ Родбертусу, который все же подносилъ имъ свои пилюли въ дипломатически-подслащенномъ видѣ, то они съ теченіемъ времени все больше приходили въ ужасъ отъ „консервативнаго баррикаднаго стиля" Рудольфа Мейера. „Деревенщина слишкомъ глупа", жаловался Родбертусъ. Безспорно, что и аграрный соціализмъ не могъ надолго помочь юнкерамъ, но онъ могъ обезпечить имъ въ историческомъ смыслѣ приличныя похороны послѣ жизни, все болѣе и болѣе терявшей всякое представленіе объ историческомъ приличіи. Эти молодцы предпочитали хвататься на свой излюбленный манеръ за оружіе законодательства, чтобы путемъ еще большей эксплуатаціи и угнетенія массъ купить себѣ краткую отсрочку, и покуда земельная рента еще поднималась, они не чувствовали еще надлежащимъ образомъ ножа у своего горла.

Политически они распадались въ эпоху учредительской спекуляціи и культуркампфа на три фракціи. Свободные консерваторы вербовались изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые одновременно были крупными капиталистами и вели уже сельское хозяйство на промышленный ладъ. Они въ миломъ соревнованіи съ буржуазіей усердно занимались учредительствомъ; подобно тому какъ Кардорфъ былъ парламентскимъ рупоромъ Блейхрёдера, такъ герцоги Уіестъ и Ратиборъ впряглись въ тріумфальную колесницу капиталистическаго авантюриста Струсберга; ставъ классовыми товарищами буржуазіи, юнкеры этого направленія не стѣснялись даже эксплуатировать „кредитную нужду" своихъ товарищей по сословію. За умѣренную комиссію они составили декоративное правленіе пресловутаго „Центральнаго Общества Поземельнаго Кредита", призваннаго къ жизни шестью крупными

учредительскими фирмами—Ротшильда, Оппенгейма, Фульда, Фреми, Блейхрёдера и Ганземана-Микеля. Правительство надѣлило Общество совершенно исключительными привилегіями, отчасти даже спорными съ точки зрѣнія закона; сдѣлано это было якобы съ цѣлью спасти землевладѣльцевъ, но въ дѣйствительности, чтобы отдать ихъ во власть капитала. Напротивъ, ново-консерваторы состояли изъ дворянъ, либо совсѣмъ не имѣвшихъ земли, либо владѣвшихъ такой незначительной земельной собственностью, что они находились въ полной зависимости отъ правительства: мы разумѣемъ „хоръ ландратовъ", всегда готовый бѣжать туда, куда дулъ вѣтеръ сверху. Наконецъ, старо-консерваторы являлись настоящей боевой дружиной дикихъ помѣщиковъ, все еще не постигавшихъ, что̀ такое творится на свѣтѣ. Молитвами и ругательствами они думали добиться возвращенія патріархальныхъ временъ; по насмѣшливому замѣчанію Рудольфа Мейера, они принимали стукъ фабричныхъ колесъ и пыхтѣніе паровой машины за задумчивое жужжаніе прялки и звуки пастушьяго рожка, рабочихъ же они хотѣли „исправить наказаніями", чтобы такимъ образомъ окончательно убить соціалъ-демократическое движеніе.

Опасливѣе и болѣе робко, чѣмъ аграрный соціализмъ такихъ людей, какъ Родбертусъ и Рудольфъ Мейеръ, держалъ себя „катедеръ-соціализмъ", выросшій въ академической теплицѣ. По своему происхожденію онъ былъ бунтомъ нѣмецкихъ гелертеровъ противъ манчестерской мудрости, которая теперь, когда всѣ ея пророчества такъ чудно сбывались, стала положительно кувыркаться. Она шумно провозглашала всякій интересъ капиталистической прибыли священнымъ завоеваніемъ человѣчества, и бездарнѣйшее изображеніе дѣйствительности въ розовомъ свѣтѣ, которое въ Англіи и Франціи уже едва возбуждало сострадательное пожиманіе плечами, выдавало себя въ градахъ и весяхъ Германіи за „политико-экономическую науку". Если въ свое время Лассаль, бичуя манчестерцевъ, сказалъ съ извѣстной долей преувеличенія, что они охотнѣе всего упразднили бы всякое государство и сдали бы юстицію съ торговъ тому, кто запроситъ наименьшую цѣну, то теперь острякъ Браунъ заявлялъ самымъ серьезнымъ образомъ, что когда государство отправляетъ правосудіе, то оно играетъ роль неуполномоченнаго приказчика гражданскаго—другими словами, капиталистическаго—общества: составленіе и произнесеніе приговоровъ есть дѣло спеціалистовъ по

вопросамъ права, которыхъ указанное общество чтитъ своимъ довѣріемъ, а дѣло государства только приводить ихъ приговоры въ исполненіе. Въ свою очередь Бамбергеръ восхвалялъ биржу какъ гигантскую мастерскую; онъ высказывалъ мнѣніе, что иныя формы существованія общества, нежели теперешнія, такъ же недоступны человѣческому уму, какъ представленіе о внѣ-міровомъ бытіи. Даже изслѣдованіе современнаго общества при помощи статистики манчестерцы объявляли излишней головоломной работой, такъ какъ народное хозяйство управляется, молъ, вѣчными законами природы.

Противъ этого бѣсовскаго шабаша возмутилось нѣсколько, большей частью молодыхъ, ученыхъ, занимавшихся спеціально статистическими и историческими изысканіями. Статистика внушила имъ еретическое сомнѣніе въ вѣчныхъ законахъ природы манчестерщины, а изъ исторіи они почерпнули знакомство съ иными формами бытія человѣчества, чѣмъ капиталистическій способъ производства. Чтобы обратить на сихъ преступниковъ вниманіе правительствъ и сдѣлать ихъ подозрительными въ глазахъ мѣщанъ, разгнѣванные манчестерцы окрестили ихъ именемъ „катедеръ-соціалистовъ“ (соціалистовъ на каѳедрѣ), а одинъ изъ этихъ раздраженныхъ господъ выжалъ даже изъ своей прозаической и призванной къ аферамъ души недурной стишокъ: „Zum Liebknecht und zum Bebel fehlt ihnen nur der Mut“ („чтобы быть Либкнехтомъ и Бебелемъ, имъ не хватаетъ лишь мужества“). Въ дѣйствительности катедеръ-соціалисты не имѣли ничего общаго ни съ научнымъ коммунизмомъ, ни съ классовой борьбой пролетаріата. Они вообще не составляли сплоченной школы. Правое крыло ихъ, представителемъ котораго былъ, напр., Гельдъ, питало „принципіальное нерасположеніе къ принципамъ“ и мало чѣмъ разнилось отъ болѣе разсудительныхъ среди манчестерцевъ. Что касается ихъ лѣваго крыла, представленнаго, напр., Адольфомъ Вагнеромъ, то при случаѣ оно неуклюже копировало полемическіе пріемы Лассаля или кокетничало съ Родбертусомъ, чтобы затѣмъ снова брать на себя роль услужливыхъ приспѣшниковъ всякой реакціи въ церкви и государствѣ.

То обстоятельство, что центръ тяжести катедеръ-соціализма пришелся на его среднее направленіе, не было простой случайностью. Въ этомъ среднемъ направленіи буржуазная идеологія, насколько она еще сохранилась въ Германіи, реагировала противъ распаденія гражданскаго общества на два отчаянно борю-

щихся между собой класса—буржуазію и пролетаріатъ. Сущность катедеръ-соціализма, поскольку онъ былъ явленіемъ исторически заслуживающимъ вниманія, содержится въ книгѣ Шмоллера о нѣмецкой мелкой промышленности и сочиненіи Брентано объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ, двухъ историческихъ работахъ, имѣющихъ прочную цѣнность. Катедеръ - соціализмъ выступалъ въ пользу фабричнаго законодательства и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, но выступалъ не въ смыслѣ научнаго коммунизма, не потому, чтобы онъ видѣлъ въ нихъ этапы пролетарской освободительной борьбы, а какъ разъ наоборотъ, въ смыслѣ буржуазной экономіи, желающей сохранить буржуазное общество на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оно логически можетъ быть сохранено. Эти катедеръ-соціалисты не только не были противниками буржуазныхъ классовъ, а, напротивъ, ихъ разумнѣйшими друзьями. Они ошибались въ томъ отношеніи, что считали вообще возможнымъ прочное спасеніе буржуазнаго общества, но если бы это спасеніе было возможно, то, конечно, лишь при помощи путей, предлагавшихся Брентано и Шмоллеромъ. Если бы ихъ совѣтъ былъ своевременно услышанъ, то революціонное рабочее движеніе въ Германіи было бы, хотя и не задушено, конечно, но значительно замедлено.

Все, что дали, однако, катедеръ-соціалисты, было дано отдѣльными лицами, какъ отдѣльными лицами. Ихъ попытка организоваться и образовать высшую инстанцію надъ борющимися классами была заранѣе обречена на полную неудачу. Не имѣя никакого общаго принципа, они могли подвести неодинаковыя головы лишь подъ туманную шапку „этическаго паѳоса“. Такимъ путемъ широко раскрывались двери для всевозможной путаницы, которая не замедлила пунктуально заявиться, такъ что уже спустя нѣсколько лѣтъ конгрессъ катедеръ-соціалистовъ вступилъ въ панибратскій картель съ конгрессомъ экономистовъ. Его вліяніе на классовую борьбу послѣднихъ десятилѣтій было равно нулю.

Буржуазія, съ своей стороны, показала весною 1873 г. на практикѣ, что̀ она понимала подъ „этическимъ паѳосомъ“. Вагенеръ, поступившій съ 1866 г. опять на государственную службу, позволилъ себѣ увлечься старой страстью и захотѣлъ полакомиться немного при учредительской спекуляціи. Онъ не былъ бо̀льшимъ грѣшникомъ, чѣмъ другіе, и участвовалъ лишь въ Померанской Центральной дорогѣ,—предпріятіи, которое само по себѣ было полезно и при учрежденіи котораго были совершены скорѣе мень-

шія нарушенія закона, чѣмъ при сотнѣ другихъ грюндерскихъ аферъ; въ сравненіи съ желѣзнодорожными линіями Ганноверъ—Альтенбекенъ и Лёне—Фиіненбургъ, учрежденными Беннигсеномъ, Померанская Центральная дорога выглядѣла почти какъ невинный и чистый младенецъ. Къ тому же немногія тысячи талеровъ, которыя выговорилъ себѣ Вагенеръ, составляли въ эпоху милліардовъ такую бездѣлицу, что на биржѣ шутили: Вагенеръ справедливо, молъ, наказанъ, ибо подобными пустяками онъ испортилъ гешефтъ. Но дѣло въ томъ, что Вагенеру, котораго либералы уже боялись какъ злого генія Бисмарка, предстояло занять вскорѣ по старшинству службы мѣсто перваго совѣтника въ совѣтѣ министровъ, и въ качествѣ такового онъ имѣлъ бы право личнаго доклада у императора. Этотъ вліятельный постъ, который до тѣхъ поръ занимало довѣренное лицо Учетнаго Общества, ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ перейти къ отъявленному врагу и въ то же время основательному знатоку капитализма. Вотъ почему Ласкеръ—во фракціи котораго сидѣло по меньшей мѣрѣ три десятка грюндеровъ, трижды болѣе виновныхъ—выступилъ въ прусской палатѣ депутатовъ съ „этическимъ паѳосомъ“ противъ Вагенера, громя его какъ образецъ всякаго учредительскаго разврата.

Комедія была неописуемо наглая, но она удалась. Бисмаркъ отдалъ своего стараго друга на съѣденіе „патріотическимъ денежнымъ силамъ“, и мѣсто, къ которому не хотѣли допустить Вагенера, заняло опять довѣренное лицо Учетнаго Общества. Была также назначена королевская слѣдственная комиссія, оказавшаяся потомъ, въ смыслѣ искорененія учредительства, весьма курьезной метлой. Катедеръ-соціализмъ былъ такъ же мало услышанъ буржуазіей, какъ аграрный соціализмъ юнкерствомъ: ея архимудрецамъ добрый совѣтъ казался слишкомъ ненужной вещью; они охотнѣе предоставляли платѣ за науку накопляться, пока она достигла величины, непосильной даже для ихъ глубокихъ денежныхъ сундуковъ, которые началъ скоро чистить надвигавшійся крахъ.

Глава III.

Лассальянцы и Эйзенахцы.

---

1. Пролетаріатъ подъ дождемъ милліардовъ.

Рабочее движеніе быстро оправилось отъ ударовъ войны. Если кризисъ 1866 г. научилъ его думать, то промышленный подъемъ, наступившій послѣ 1870 г., научилъ его дѣйствовать. Благодать милліардовъ сдѣлала деньги болѣе дешевыми, а необходимые предметы существованія рабочаго класса болѣе дорогими; если рабочій хотѣлъ удержать реальную заработную плату на прежней высотѣ, то онъ долженъ былъ добиваться повышенія своей денежной платы, и вотъ среди всего германскаго пролетаріата началось большое стачечное движеніе.

Буржуазная печать обрушилась на эту безусловно необходимую оборонительную мѣру, какъ на легкомысленный актъ нападенія. При этомъ она впадала въ своеобразное противорѣчіе. Такъ какъ по манчестерской теоріи всякая стачка должна была разбиться о вѣчные законы природы, господствующіе въ народномъ хозяйствѣ, то буржуазная печать, безжалостно насилуя факты, доказывала на каждой, хотя бы самой удачной стачкѣ, что рабочіе проиграли ее. Но такъ какъ, съ другой стороны, требовалось непремѣнно доказать, что у рабочихъ не было ровно никакого основанія бастовать, то несмотря на всѣ якобы проигранныя стачки рабочіе изображались какъ кутилы, тянущіе къ завтраку шампанское большими пивными кружками. Нравственное возмущеніе по этому поводу производило особенно милое впечатлѣніе на столбцахъ буржуазныхъ газетъ, гдѣ тутъ же рядомъ шли самодовольныя описанія того, какъ на волшебныхъ пиршествахъ грюндеровъ бассейны для золотыхъ рыбокъ наполнялись шам-

панскимъ, чтобы позабавить гостей зрѣлищемъ предсмертныхъ судорогъ маленькихъ животныхъ.

Въ извѣстномъ смыслѣ дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ, чѣмъ утверждали манчестерскія газеты. Одна изъ нихъ дѣйствительно проговорилась разъ нечаянно спеціально по поводу берлинскихъ стачекъ, что онѣ часто бываютъ побѣдоносными, хотя бы повышеніе заработной платы производилось иногда предпринимателями лишь въ той или иной стыдливой формѣ, но все-таки онѣ не улучшаютъ стѣсненнаго положенія рабочихъ, ибо рабочій принужденъ отвоеванное сегодня у прибыли капиталиста отдать завтра поземельной рентѣ домовладѣльца; въ общемъ повышеніе заработной платы берлинскихъ рабочихъ не уравновѣсило даже роста квартирныхъ цѣнъ. Газета намекала на жилищную нужду, обнаружившуюся послѣ войны въ рядѣ старыхъ большихъ городовъ и причинявшую много головоломной работы всѣмъ врачевателямъ соціальныхъ недуговъ, хотя она была давнишнимъ сопутствующимъ явленіемъ промышленной революціи. Осѣдая въ старыхъ городахъ, крупная промышленность всегда привлекаетъ туда армію рабочихъ и сноситъ тѣсныя, кривыя улички, чтобы создать широкія улицы для современнаго движенія; такимъ образомъ, въ то время какъ спросъ на рабочія квартиры растетъ, предложеніе ихъ падаетъ. Въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Кельнѣ жилищная нужда существовала въ хронической формѣ уже съ 40-хъ гг.; послѣ 1870 г. она приняла только острую форму вслѣдствіе стремительно быстраго подъема въ крупной промышленности. Затѣмъ она была отнюдь не единственнымъ симптомомъ надвигающейся рабочей нужды. Вздорожаніе необходимѣйшихъ средствъ существованія обнаруживалось повсюду, съ той лишь разницей, что въ одномъ мѣстѣ оно выражалось больше въ неприступныхъ квартирныхъ цѣнахъ, а въ другомъ—въ неприступныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и мясо. Въ Берлинѣ по городу бродили сотни безпріютныхъ, не зная, гдѣ имъ преклонить голову, въ Нюренбергѣ устраивали уличныя шествія сотни голодающихъ, чтобы побить окна пекарнямъ и мяснымъ лавкамъ. Въ Берлинѣ высчитывали тогда, что квартирныя цѣны выросли на 114%, расходы по хозяйству—на 67%, платье вздорожало на 18%, слѣдовательно, весь хозяйственный бюджетъ выросъ на 66%. Между тѣмъ изъ берлинскихъ рабочихъ только каменщики и плотники добились повышенія заработной платы болѣе чѣмъ на 90%, а столяры и, пожалуй, еще маляры процентовъ на 70; прибавки, которыхъ

добились всѣ остальные рабочіе, остались болѣе или менѣе далеко позади возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости.

Но если одной части нѣмецкихъ рабочихъ дѣйствительно удалось нѣсколько повысить свой уровень жизни, и если другая часть могла, благодаря повышенію заработной платы, хотя до нѣкоторой степени уравновѣсить возвышеніе цѣнъ на необходимые предметы существованія, то третья часть потерпѣла полную неудачу въ попыткѣ улучшить свои условія труда. Уже вторая часть была многочисленнѣе первой, а третья была, пожалуй, многочисленнѣе двухъ первыхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Какъ разъ въ главныхъ отрасляхъ крупной промышленности дѣло либо совершенно не доходило до массовыхъ стачекъ изъ-за того, что рабочіе были слишкомъ обезсилены, напр., въ текстильномъ производствѣ, либо массовыя забастовки проходили неудачно, какъ напр., у горнорабочихъ и рабочихъ по металлу. Лѣтомъ 1872 г. 16.000 горнорабочихъ въ долинѣ р. Руръ вынуждены были безусловно капитулировать, послѣ того какъ они въ теченіе многихъ недѣль мужественно боролись за 8-ми часовую рабочую смѣну и повышеніе заработной платы на 25%. Ту же участь испытали въ ноябрѣ 1871 г. восемь тысячъ машиностроительныхъ рабочихъ въ Хемницѣ; затѣмъ, одинаково безрезультатно прошло одновременное движеніе среди трехъ тысячъ рабочихъ на большомъ машино- и вагоностроительномъ заводѣ Крамеръ-Клеттъ въ Нюрнбергѣ, имѣвшее цѣлью добиться прибавки къ платѣ, хотя здѣсь рабочіе, предвидя вѣрное пораженіе, даже не прекращали работъ. Въ Берлинѣ также кончились неудачей двѣ забастовки машиностроительныхъ рабочихъ. Въ общемъ эпоха милліардовъ принесла рабочему классу Германіи рѣшительное ухудшеніе его классоваго положенія; она открыла меньшинству возможность добиться временнаго облегченія, но уровень жизни большинства понизился вслѣдствіе вздорожанія предметовъ необходимости, не сопровождавшагося никакимъ или, по крайней мѣрѣ, не сопровождавшагося соотвѣтственнымъ повышеніемъ заработной платы.

Если рабочіе получили такимъ путемъ убѣдительный урокъ относительно сущности капиталистическаго общества, которое не можетъ доставить пролетаріату сноснаго существованія даже при наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ, то отношеніе господствующихъ классовъ къ забастовкамъ показало рабочимъ, чего они могутъ ждать отъ этихъ „лучшихъ друзей“ своихъ. Когда сами предприниматели прибѣгали къ массовому разсчету рабочихъ и

другимъ мѣрамъ наказанія, когда они составляли контръ-коалиціи и вводили „черные списки“, то на почвѣ буржуазнаго строя это была болѣе или менѣе законная война. Не ново было также, что государственная власть повсюду, гдѣ это представлялось сколько-нибудь возможнымъ, вмѣшивалась въ промышленную борьбу въ пользу предпринимателей; что, напр., во время одной большой стачки каменщиковъ въ Берлинѣ „соціальная монархі“ продлила хозяевамъ контракты по государственнымъ постройкамъ и предоставила въ ихъ распоряженіе каменщиковъ-подмастерьевъ, отбывавшихъ воинскую повинность. Удивляться можно было лишь тому, что буржуазныя партіи безъ различія политическихъ направленій обрушились съ одинаково слѣпой ненавистью на забастовщиковъ. Ни одна изъ нихъ не возвысилась хотя бы до объективной оцѣнки причинъ, которыя вызвали и должны были вызвать стачечное движеніе среди рабочихъ. Ихъ высшая мудрость заключалась въ томъ, чтобы доносить на стачки, какъ на „соціалъ-демократическія махинаціи“,—хитрость, которая всего менѣе была дѣйствительно хитрой.

Ибо благодаря ей у рабочихъ массъ неизбѣжно складывалось убѣжденіе, что среди всѣхъ политическихъ партій онѣ имѣютъ только одного друга, на котораго можно положиться во всякое время: соціалъ-демократію. Не то, чтобы соціалъ-демократическія фракціи сколько-нибудь льстили стачечному настроенію рабочихъ. Онѣ поддерживали забастовочное движеніе, направленное къ повышенію заработной платы, доказывая его справедливость, и со всей энергіей содѣйствовали побѣдоносному проведенію стачекъ, разъ послѣднія вспыхивали, но ни отъ чего онѣ не были такъ далеки, какъ отъ подстрекательства къ забастовкамъ; онѣ не уставали внушать рабочимъ, что тѣ должны позаботиться о хорошей организаціи, раньше чѣмъ прибѣгнуть къ обоюдоострому оружію забастовки. Даже такая безпокойная голова, какъ переплетчикъ Іоганнъ Мостъ изъ Аугсбурга, принимавшій раньше участіе въ австрійскомъ рабочемъ движеніи и примкнувшій въ 1871 г. къ эйзенахской фракціи, возбудивъ съ самаго начала неудовольствіе въ рядахъ собственной партіи нѣкоторыми сумасбродными поступками,—даже Іоганнъ Мостъ, говоримъ мы, старался до послѣдняго момента помѣшать объявленію стачки машиностроительныхъ рабочихъ въ Хемницѣ. Больше посчастливилось въ этомъ отношеніи слесарю Карлу Грилленбергеру, осмотрительно руководившему забастовкой на Крамеръ-Клеттовскомъ заводѣ въ

Нюрнбергѣ: ему удалось начать неизбѣжное отступленіе безъ потерь, связанныхъ со стачкой. Буржуазная печать и прогрессистское городское самоуправленіе, завѣдывавшее въ то же время полиціей, отблагодарили его за это остроумнымъ утвержденіемъ, что Грилленбергеръ и другіе соціалъ-демократы—ихъ вообще было только нѣсколько человѣкъ въ Нюрнбергѣ—были зачинщиками свалки, случившейся въ это время возлѣ булочныхъ. У нюрнбергскихъ рабочихъ, которые даже послѣ войны принадлежали еще къ самымъ вѣрнымъ сторонникамъ прогрессистской партіи, открылись тогда глаза, и они массами стали переходить къ соціалъ-демократіи.

Злобная враждебность, съ которою правительства и буржуазныя партіи отнеслись къ стачкамъ, была обнаружена ими также по отношенію къ профессіональному рабочему движенію, выросшему изъ стачекъ. Особенно злобнымъ это отношеніе было въ королевствѣ Саксоніи, гдѣ со времени эйзенахскаго конгресса и Седана политическая обстановка совершенно измѣнилась, едва саксонскій партикуляризмъ понялъ, что онъ не можетъ больше заигрывать съ рабочими и не въ состояніи воспротивиться прусской гегемоніи. Какъ только саксонскіе рабочіе открыто перешли на сторону пролетарской классовой борьбы, буржуазный радикализмъ въ Саксоніи быстро растаялъ, подобно снѣгу на солнцѣ: уже на выборахъ въ рейхстагъ 1871 г. онъ перебѣжалъ въ значительной своей части къ самому туманному національ-либерализму, и начальникъ лейпцигской полиціи Рюдеръ, старый товарищъ Роберта Блюма, принадлежалъ уже къ худшимъ гонителямъ саксонскихъ рабочихъ. Весь полицейскій арсеналъ, придуманный хитрымъ умомъ такого человѣка, какъ Бейстъ, съ цѣлью прижать буржуазную оппозицію, былъ теперь пущенъ въ ходъ буржуазной оппозиціей въ трогательномъ единеніи со всѣми отсталыми элементами, чтобы парализовать рабочее движеніе,—профессіональное рабочее движеніе почти въ большей еще степени, чѣмъ политическое. Въ странѣ, гдѣ была сосредоточена вредная для здоровья текстильная промышленность съ ея гигантскими фабриками, ея дѣтскимъ и женскимъ трудомъ, ея медленно, въ теченіе десятилѣтій, чахнущей кустарной промышленностью, ея зависимостью отъ иностранныхъ рынковъ, кризисовъ и заминокъ; гдѣ вслѣдствіе указанныхъ причинъ велъ истинно-голодное существованіе физически слабый и дурно оплачиваемый рабочій классъ, скученный по 8 тыс. душъ на 1 кв. милю,—въ такой-то странѣ

господствующіе классы, начиная отъ реакціоннаго правительства и кончая буржуазными героями свободы, старались въ потѣ лица своего заградить рабочимъ всякій выходъ изъ этого голоднаго существованія. Въ началѣ 1872 г. Моттелеръ описывалъ слѣдующимъ образомъ придирки, которыми подавлялось профессіональное рабочее движеніе въ Саксоніи: „То насъ называютъ соединеніемъ союзовъ, которое закономъ воспрещается, то на насъ накладываютъ штемпель политическихъ союзовъ, чтобы имѣть возможность подвести насъ подъ извѣстныя статьи законовъ. То о насъ идетъ молва, что мы идемъ заодно съ лондонскимъ Интернаціоналомъ, то мы угрожаемъ порядку, такъ какъ занимаемся общественными дѣлами". Но если саксонское правительство шло пока впереди въ этой партизанской полицейской войнѣ, то прусское правительство пошло прямо напроломъ: въ 1873 г. оно внесло въ законодательныя собранія имперіи проектъ объ уголовныхъ карахъ за нарушеніе договора найма, который долженъ былъ снова уничтожить только что дарованную свободу коалицій.

Всѣ іереміады по поводу того, что нѣмецкіе рабочіе, въ отличіе отъ своихъ англійскихъ товарищей, предпочитаютъ погоню за революціонными утопіями улучшенію своего классоваго положенія въ рамкахъ буржуазнаго общества,—всѣ такія іереміады опровергаются простымъ фактомъ, что всякій разъ, когда нѣмецкіе рабочіе задумывали прочно устроиться въ области профессіональной организаціи, ихъ, путемъ утонченной системы полицейскаго гнета, отбрасывали назадъ въ область политики. Вообще говоря, въ мірѣ найдется немного вещей, которыя такъ мало могли бы быть подведены подъ одну мѣрку, какъ профессіональная организація современнаго рабочаго класса, взятая сама по себѣ. Возможность этой организаціи, а, слѣдовательно, и интересъ рабочихъ къ ней, колеблется въ самыхъ широкихъ предѣлахъ: она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше отдѣльныя производства ведутся еще ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ; она низко опускается въ капиталистически эксплуатируемой кустарной промышленности, а также въ тѣхъ отрасляхъ крупной, машинной промышленности, гдѣ играетъ большую роль женскій и дѣтскій трудъ. Она возрастаетъ опять-таки въ тѣхъ случаяхъ, когда конкурренція рабочихъ рукъ въ машинномъ производствѣ ограничивается особенно высокими требованіями въ смыслѣ физической силы или технической выучки, или когда радикальное фабричное законодательство

ограждаетъ рабочихъ отъ безграничной эксплуатаціи. Всѣ эти и еще другіе факторы даютъ пеструю картину возможностей и невозможностей; какъ извѣстно, англійскимъ трэдъ-юніонамъ также пришлось въ теченіе многихъ лѣтъ и десятилѣтій дорого платить за науку, пока они выросли въ могущественную силу.

Если они выросли, однако, въ крупную силу, то потому лишь, что располагали, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшимъ условіемъ профессіональной организаціи. Безспорно, англійскіе запреты противъ коалицій грозили—и во многихъ случаяхъ дѣйствительно наказывали—болѣе тяжкими карами, чѣмъ нѣмецкіе законы, но у англійскихъ рабочихъ было то, чего нѣмецкіе рабочіе никогда еще не имѣли: у нихъ была свобода печати и свобода собраній и союзовъ. Со свободой коалицій дѣло обстоитъ такъ же, какъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ: безъ свободы печати и союзовъ она становится ножемъ, лишеннымъ рукоятки. Развернуть на практикѣ все свое значеніе она можетъ лишь тогда, когда опирается на жизнеспособные и дѣятельные союзы, а такіе союзы не могутъ существовать безъ свободы печати и союзовъ. Разъ придирчивое примѣненіе реакціонныхъ законовъ о печати и союзахъ душитъ въ зародышѣ профессіональныя организаціи, то рабочимъ остается лишь одно: вести политическую борьбу противъ реакціи, отнимающей у нихъ всѣ необходимыя условія для классовой организаціи.

Вслѣдствіе указанной причины нѣмецкимъ рабочимъ пришлось съ самаго начала прибѣгнуть къ политической борьбѣ, и нельзя, конечно, оспаривать, что это нерѣдко ослабляло ихъ способность оцѣнить значеніе профессіональной организаціи,—совершенно такъ же, только въ обратномъ смыслѣ, какъ профессіональная организація мѣшала англійскимъ трэдъ-юніонамъ, притомъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго времени, разглядѣть ясно значеніе политической организаціи. Но въ началѣ 70-хъ годовъ интересъ германскихъ рабочихъ былъ направленъ на ихъ профессіональную организацію почти столько же, если не болѣе, сколько на организацію политическую. Понятно, что и здѣсь давали себя знать тѣ возможности и невозможности, которыя лежатъ въ природѣ профессіональной организаціи. Если изъ двухъ старѣйшихъ профессіональныхъ союзовъ Германіи наборщики вели съ предпринимателями болѣе успѣшную борьбу за условія труда, чѣмъ табачники, то это отнюдь не значило, что табачники хуже дѣлали свое дѣло, чѣмъ наборщики. То обстоятельство, что

они были сильнѣе наборщиковъ вовлечены въ политическую борьбу фракцій, также не имѣло рѣшающаго значенія, такъ какъ Фрицше умѣлъ довольно искусно лавировать въ качествѣ трэдъ-юніонистскаго вождя; дѣйствительной причиной ихъ меньшихъ успѣховъ было распространеніе кустарнаго и женскаго труда въ табачномъ производствѣ. Наборщики и табачники имѣли по собственному органу; того же достигли шляпники, рабочіе золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, рабочіе фарфоровыхъ заводовъ. Серьезное начало профессіональной организаціи было также положено у рабочихъ строительнаго промысла — каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ, штукатурщиковъ. Хуже шло дѣло у рабочихъ по металлу, отчасти потому, что они организовались безъ достаточнаго раздѣленія спеціальностей, вслѣдствіе чего были стиснуты вмѣстѣ весьма различные и даже противоположные интересы. Ткачи засѣдали въ 1871 г. въ Глаухау и въ 1872 г. въ Берлинѣ; у нихъ было много добраго желанія организоваться въ профессіональные союзы, но столь же велики были препятствія, которыя имъ приходилось преодолѣвать.

Среди политическихъ организацій рабочаго класса все еще существовало направленіе, относившееся болѣе или менѣе отрицательно къ профессіональной организаціи. У лассальянцевъ оно было представлено сильнѣе, чѣмъ у эйзенахцевъ; однако, и лассальянцы дали отличныхъ трэдъ-юніонистовъ, напр., каменщика Гротткау и плотниковъ бр. Капеллъ: Гротткау руководилъ послѣ эмиграціи Любкерта союзомъ каменщиковъ, а бр. Капеллъ—союзомъ плотниковъ. Изъ эйзенахцевъ началъ организовывать своихъ товарищей по профессіи въ Берлинѣ шорникъ Игнатій Ауэръ, родомъ баварецъ; въ Саксоніи развивалъ неутомимую дѣятельность Моттелеръ, но съ наибольшей почти энергіей трудился надъ развитіемъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ тогдашній секретарь партіи Іоркъ. Ему принадлежитъ главная заслуга въ созваніи эрфуртскаго конгресса профессіональныхъ союзовъ, происходившаго въ іюнѣ 1872 г. На конгрессъ прислали делегатовъ 9.920 организованныхъ рабочихъ, изъ которыхъ 6.152 принадлежали къ „Международнымъ профессіональнымъ товариществамъ“ (Internationale Gewerksgenossenschaften), а 3.768 къ мѣстнымъ профессіональнымъ союзамъ. Эти цифры не были значительны, и конгрессъ не далъ особенно важныхъ результатовъ; но чѣмъ труднѣе было преодолѣть препятствія, лежавшія въ существѣ дѣла, тѣмъ болѣе рѣшающее значеніе полу-

чалъ фактъ, что тщательно взлелѣянные зародыши были уничтожены грубой полицейской силой вездѣ, гдѣ ей представилась малѣйшая къ этому возможность.

Тщетно господствующіе классы пытались прикрыть свою враждебность къ профессіональной организаціи рабочихъ утвержденіемъ, что они хотятъ, молъ, задушить не сами профессіональные союзы, а только положить конецъ злоупотребленіямъ соціалъ-демократической агитаціи, пользующейся профессіональными рабочими союзами для своихъ цѣлей. Этими лицемѣрными увѣреніями они могли обмануть буржуа, но не рабочихъ. Безспорно, соціалъ-демократы, старавшіеся о развитіи профессіональнаго движенія, не ставили себѣ задачей придать такимъ путемъ болѣе мелкій характеръ освободительной борьбѣ пролетаріата, но они такъ же мало хотѣли играть съ нимъ легкомысленную игру. Такой ярый человѣкъ партіи, какъ Іоркъ, не переставалъ доказывать, что нужно отдѣлять другъ отъ друга профессіональное и политическое рабочее движеніе: оба одинаково имѣютъ право на существованіе, но каждое изъ нихъ имѣетъ свое особое оправданіе; если хотятъ, чтобы профессіональное движеніе преуспѣвало, то его не должны обращать въ простой придатокъ политическаго движенія. Іоркъ и его товарищи хотѣли достигнуть при помощи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ одного: самостоятельной и независимой организаціи рабочихъ въ экономической области. Они понимали трэдъ-юніоны гораздо лучше, чѣмъ буржуазные газетчики, гораздо лучше также, чѣмъ катедеръ-соціалистическіе профессора, которые на первыхъ порахъ восторгались прогрессистскими рабочими союзами (такъ наз. „Gewerkvereine“), чтобы спустя нѣсколько лѣтъ признать устами Брентано, что эти уродливыя организаціи вообще нельзя считать настоящими рабочими союзами: это не болѣе какъ настоящія больничныя, инвалидныя и похоронныя кассы, члены которыхъ питаютъ платоническую любовь къ извѣстнымъ трэдъ-юніонистскимъ идеаламъ. Но правительство и буржуазія переносили даже прогрессистскіе рабочіе союзы съ худо скрываемымъ недовольствомъ: уже одна кажущаяся организація экономическихъ интересовъ рабочихъ была для нихъ нестерпима; пустивъ въ ходъ политическое оружіе противъ дѣйствительныхъ зачатковъ профессіональной организаціи, они привели рабочихъ къ ясному сознанію, что прежде всего необходимо сломить политическую власть имущихъ классовъ, и дали, такимъ образомъ, могучій толчокъ революціонному рабочему движенію.

Не менѣе энергичный толчокъ это движеніе получило, однако, и въ чисто политической области. Старо-прусская правительственная система, благополучно сохраненная и въ новой германской имперіи, очень скоро положила конецъ мечтательно-восторженному отношенію народа къ императору и имперіи. Военное и податное бремя не уменьшилось, и оно дѣйствовало вдвойнѣ устрашающимъ образомъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ населеніе еще не привыкло къ этому пріятному бичу. Рядомъ съ отбываніемъ солдатчины и уплачиваніемъ податей осталось въ чести и старо-прусское „молчать!" Въ новомъ сѣверо-германскомъ уголовномъ кодексѣ каучуковые параграфы стараго прусскаго уложенія были формулированы нѣсколько отчетливѣе; и вотъ въ рейхстагъ былъ внесенъ въ 1873 г. новый законопроектъ о печати, 20-й параграфъ котораго грозилъ заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости до двухъ лѣтъ тому, „кто въ печатномъ произведеніи будетъ нападать на семью, собственность, всеобщую воинскую повинность или другія основы государственнаго порядка, въ формѣ, подрывающей нравственность, чувство законности или любовь къ отечеству". Тѣми же карами упоминаемый параграфъ грозилъ всякому, „кто будетъ печатно выставлять достойными подражанія, похвальными или согласными съ долгомъ такія дѣянія, которыя законъ признаетъ наказуемыми, или кто будетъ нападать на отношенія гражданскаго общества въ формѣ, угрожающей общественному миру". Законъ о нарушеніи договора найма былъ первымъ исключительнымъ закономъ Бисмарка противъ соціалъ-демократіи въ экономической области; приведенный выше параграфъ долженъ былъ сыграть ту же роль въ области политической. Однако въ своей каучуковой редакціи, по сравненію съ которой каучуковые параграфы Мантейфеля были верхомъ безобидности, проектированный 20-й параграфъ могъ убить также всякую буржуазную оппозицію и потому онъ все-таки пришелся не понутру буржуазнымъ партіямъ. Такъ какъ приближались новые выборы, то Ласкеръ осмѣлился даже разъ пролепетать робкую фразу относительно „правъ народа", но ему здорово досталось за это. Бисмаркъ загремѣлъ на него: „къ народу принадлежимъ мы всѣ, я такъ же принадлежу къ народу, какъ и вы, у меня также есть свое народное право, покорнѣйше прошу не монополизировать имени народа и не исключать меня изъ него. Прошу не дѣлать этого". На столь оскорбительный вызовъ Бисмарка либеральная оппозиція не нашла подобающаго отвѣта. Прогрессисты почти

перестали отличаться отъ націоналъ-либераловъ; избирательный манифестъ, выпущенный ими въ 1873 году для ближайшихъ выборовъ въ рейхстагъ и составленный Вирховымъ, удостоился въ главномъ оффиціозномъ органѣ весьма заслуженной похвалы, что даже человѣкъ консервативнѣйшаго образа мыслей не можетъ отказать ему въ своемъ одобреніи. Когда другая правительственная газета высказала благожелательное предположеніе, что лѣвое крыло прогрессистской партіи не согласится съ ультралояльнымъ стилистическимъ упражненіемъ Вирхова, то господа прогрессисты разыграли даже изъ себя оскорбленныхъ патріотовъ: они увѣряли, что ни одинъ изъ ихъ избирательныхъ манифестовъ не встрѣчалъ никогда столь единодушнаго одобренія всѣхъ членовъ партіи, какъ настоящее воззваніе.

Такимъ образомъ, безпрерывно накоплявшееся политическое недовольство шло на пользу тѣмъ партіямъ, которыя съумѣли сохранить твердую позицію по отношенію къ Бисмарку, т.-е. соціалъ-демократической и ультрамонтанской партіямъ, или красному и черному Интернаціоналу, какъ онѣ назывались на имперско-патріотическомъ жаргонѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Бисмаркъ и либеральные сторонники культуркампфа вторглись во внутреннюю жизнь католической церкви, она поставила на военную ногу свою старую и все еще могущественную организацію и, обладая мудростью змія въ дѣлахъ міра сего, она съумѣла пустить въ ходъ оружіе гражданской свободы, насильно навязанное ей жандармской политикой Бисмарка. Въ католическихъ областяхъ она отвела поднимающійся потокъ политическаго возмущенія въ свое русло, преграждая даже до извѣстной степени путь рабочему движенію. На Рейнѣ и въ Силезіи соціалъ-демократическая агитація пошла послѣ 1870 г. рѣшительно болѣе медленнымъ темпомъ, а въ Баваріи ея руководящій центръ передвинулся изъ католическихъ городовъ Аугсбурга и Мюнхена въ протестантскій Нюрнбергъ-Фюртъ. Ультрамонтанство ничуть не стѣснялось выставлять въ своей программѣ соціалистическія требованія какъ приманку для рабочихъ слоевъ, выросшихъ подъ его духовнымъ вліяніемъ. Широко развѣтвленная сѣть католическихъ ферейновъ, которую оно искусно съумѣло развить, представляла особенно много притягательныхъ пунктовъ для ремесленныхъ подмастерьевъ, а соціально-политическая программа, выставленная соборнымъ каноникомъ Муфангомъ въ Майнцѣ, выглядѣла издали почти какъ программа Лассаля. Главное же дѣло, грубыя преслѣ-

дованія, жертвою которыхъ стали католическіе священники, послужили для нихъ гораздо лучшей рекомендаціей въ глазахъ рабочихъ, чѣмъ всѣ обѣщаемыя ими блага земныя и небесныя.

Съ другой стороны, въ протестантскихъ областяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ не были еще знакомы съ прусской палкой, соціалъ-демократическая агитація приняла размѣры, болѣе или менѣе далеко выходившіе за предѣлы, которые, казалось, были поставлены ей по всѣмъ даннымъ историческимъ условіямъ. Такое явленіе наблюдалось, напр., въ протестантской части Баваріи, въ Ганноверѣ и особенно въ Шлезвигъ-Голштиніи. Это избалованное, любимое дѣтище нѣмецкой націи сдѣлало очень удивленные глаза, когда оно получило, наконецъ, возможность вкусить прелести отечественнаго режима. Если не считать нѣкоторыхъ промышленныхъ городовъ, какъ Альтона, Оттензенъ, Пиннебергъ, Киль, Неймюнстеръ, гдѣ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ издавна имѣлъ членовъ, то Шлезвигъ-Голштинія, съ ея земледѣльческимъ населеніемъ, ея зажиточнымъ крестьянствомъ, ея закоренѣлымъ партикуляризмомъ и — чтó также важно — нижненѣмецкимъ діалектомъ, казалась недоступною для соціалъ-демократической агитаці между тѣмъ лассальянцы сдѣлали здѣсь послѣ 1870 г. сравнительно бóльшіе еще успѣхи, чѣмъ эйзенахцы въ королевствѣ Саксоніи. Нельзя, конечно, отрицать, что тутъ сыграли роль и причины соціальнаго свойства. Глубокое броженіе среди земледѣльческаго пролетаріата въ латифундіяхъ восточной Голштиніи возникло вслѣдствіе того, что помѣщики стали массами выбрасывать на улицу батраковъ, жившихъ и безъ того въ самыхъ жалкихъ условіяхъ; къ такому образу дѣйствій побуждало ихъ то обстоятельство, что по новому германскому законодательству уже двухлѣтнее пребываніе въ данной мѣстности давало право осѣдлости, соединенное съ правомъ на общественное призрѣніе, тогда какъ по Голштинскому закону право бѣдности получалось лишь послѣ 15-лѣтняго пребыванія. Въ общемъ, однако, успѣхамъ соціалъ-демократической агитаціи въ эльбскихъ герцогствахъ содѣйствовало именно негодованіе, вызванное политическими дарами берлинскаго правительства; остальное додѣлалъ шлезвигъ-голштинскій полицейскій режимъ, подобіе которому можно было также найти только въ Саксоніи.

Отношенія были еще нѣсколько перепутаны. Многіе пролетаріи, которые по своему классовому положенію должны были бы принадлежать къ партіи соціальной революціи, стояли пока подъ

знаменемъ глубоко реакціоннаго ультрамонтанства, тогда какъ среди приверженцевъ соціалъ-демократіи въ ново-прусскихъ областяхъ было много ненадежныхъ соратниковъ. Численность партіи въ Шлезвигъ-Голштиніи была все время подвержена рѣзкимъ колебаніямъ. Однако, очень многіе изъ людей, случайно приставшихъ къ движенію (такъ наз. Mitläufer), стали все-таки вѣрными членами партіи, главное же—соціалъ-демократія могла дать то, на что либерализмъ вообще уже не былъ способенъ, а ультрамонтанство было способно лишь временно: на нее можно было всегда положиться и въ чисто политическихъ вопросахъ. По мѣрѣ того какъ страждущіе и угнетенные классы населенія, стоящіе далеко за предѣлами пролетаріата, научались смотрѣть на соціалъ-демократію какъ на неизмѣнно надежную опору, для нея открывался новый источникъ силы, тѣмъ болѣе обильный, чѣмъ свирѣпѣе становилась бисмарковская политика эксплуатаціи и угнетенія.

---

2. Гаагскій конгрессъ.

Парижская Коммуна раскрыла глаза Бисмарку не только насчетъ германской соціалъ-демократіи: она просвѣтила также его и ему подобныхъ насчетъ Интернаціонала. Европейская реакція вооружилась противъ этого союза рабочихъ и стала преслѣдовать его во всѣхъ странахъ континента. Правда, англійское правительство воспротивилось еще пока общей полицейской облавѣ, предложенной испанскимъ правительствомъ,—къ великой досадѣ Бисмарка, обрушившагося въ своей оффиціозной печати на британскую землю, какъ на убѣжище, изъ котораго ведутся подкопы подъ святыню порядка. Однако, англійское правительство также приняло мѣры противъ секцій Интернаціонала въ Ирландіи и стало собирать черезъ своихъ иностранныхъ представителей свѣдѣнія о развѣтвленіяхъ Ассоціаціи, а республиканское правительство Швейцаріи лишь съ трудомъ можно было удержать отъ выдачи бѣжавшихъ коммунаровъ мстительной французской буржуазіи.

Рука объ руку съ мѣрами репрессіи, какія только умѣлъ изобрѣсти соединенный правительственный разумъ Европы, противъ Ассоціаціи шла клеветническая кампанія, которую вела вся сила лжи цивилизованнаго міра. Апокрифическія „Исторіи“ и „Тайны“ Интернаціонала, сенсаціонныя телеграммы и наглыя поддѣлки оффиціальныхъ документовъ быстро слѣдовали другъ за другомъ.

Телеграфъ оповѣстилъ весь міръ, что большой пожаръ въ Чикаго есть сатанинское дѣяніе Интернаціонала, и генеральный совѣтъ послѣдняго съ мѣткой насмѣшкой писалъ, что надо еще считать чудомъ, какъ это дьявольскимъ проискамъ Международной Ассоціаціи не приписали также урагана, опустошившаго тогда Вестъ-Индію. До своего апогея эта европейская травля дошла, когда въ сентябрѣ 1872 г. въ Берлинѣ состоялось свиданіе трехъ императоровъ, провозглашенное патріотическими трубачами за начало всеобщаго мира и всемірнаго благоденствія. По ихъ словамъ, старый феодально-реакціонный союзъ трехъ восточныхъ державъ былъ возстановленъ для спасенія современной культуры: забывъ о наблюденіи, что птицы, слишкомъ рано начавшія пѣть утромъ, попадаютъ вечеромъ въ лапы къ кошкѣ, они объясняли появленіе царя въ Берлинѣ какъ окончательный отказъ всѣмъ французскимъ мечтамъ о реваншѣ.

Эти ликующія пѣсни раздались какъ будто не совсѣмъ безъ основанія, ибо въ ту самую недѣлю, когда германскій, австрійскій и русскій императоры засѣдали въ замкѣ на р. Шпрее, Интернаціоналъ окончилъ на 5-мъ конгрессѣ свое историческое существованіе. Паденіе Коммуны поставило Международную Ассоціацію рабочихъ въ очень трудное положеніе. Энгельсъ, оставившій въ 1870 г. торговое занятіе и работавшій вмѣстѣ съ Марксомъ въ генеральномъ совѣтѣ, писалъ по этому поводу: „Интернаціоналъ былъ выдвинутъ на авансцену европейской исторіи въ такой моментъ, когда у него была отрѣзана всякая возможность успѣшной практической агитаціи. Событія, поднявшія его на степень седьмой великой державы, запрещали ему также мобилизовать свои боевыя силы и пустить ихъ въ дѣло, подъ страхомъ неизбѣжнаго пораженія и задержки рабочаго движенія на десятилѣтія". Дѣйствительно, именно таково было положеніе вещей. „Респектабельные" англійскіе трэдъ-юніоны выступили изъ Интернаціонала, недовольные тѣмъ, что генеральный совѣтъ сталъ на сторону Коммуны, а французскому пролетаріату требовалось немало времени, чтобы собраться съ новыми силами послѣ опустошительной войны, послѣ парижской голодовки и страшнаго кровопусканія при подавленіи Коммуны. Интернаціоналъ лишился поддержки своихъ французскихъ секцій, и за эту потерю его врядъ-ли могло вознаградить переполненіе генеральнаго совѣта бѣглецами Коммуны, которые втягивали его въ безконечные перекоры, составляющіе неизбѣжный осадокъ всякой неудачной революціи. Слабое

представленіе объ этихъ дрязгахъ могутъ дать слова г-жи Марксъ, писавшей Іоганну Филиппу Беккеру, что для зачисленія въ „пруссаки“ достаточно нежеланія вѣрить на слово всякому французскому вранью,—на что̀ она рѣшительно неспособна.

Если, такимъ образомъ, въ Англіи и Франціи Интернаціоналъ потерялъ въ большей или меньшей степени почву подъ ногами, то онъ былъ расшатанъ внутренними раздорами въ рядѣ другихъ, экономически и политически менѣе развитыхъ странъ: въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, части Швейцаріи. Пролетаріатъ этихъ странъ находился еще отчасти въ стадіи развитія, продѣланной англійскими, французскими и нѣмецкими рабочими уже до 48-го года, т.-е. въ томъ періодѣ соціализма, который знать не хочетъ политики, такъ какъ въ политической борьбѣ имущихъ классовъ рабочіе всегда, молъ, оставались до сихъ поръ обманутыми. Этотъ соціализмъ не понимаетъ еще капиталистическаго общества въ историческихъ условіяхъ его существованія: онъ не понимаетъ ни необходимости его возникновенія, ни неизбѣжности его исчезновенія; онъ совершенно лишенъ еще поэтому яснаго представленія о средствахъ, при помощи которыхъ можетъ быть освобожденъ пролетаріатъ. Въ политической борьбѣ рабочаго класса онъ видитъ возвратъ къ старымъ ошибкамъ, новый обманъ, раждающій новую силу угнетенія. Онъ хочетъ разрушить буржуазное общество до послѣдняго основанія, уничтожить всякій слѣдъ экономическаго и политическаго господства; но онъ хочетъ также этотъ идеалъ будущаго осуществить уже въ настоящемъ, рекомендуя пролетаріату „политическое воздержаніе“, отказъ отъ самоорганизаціи, слѣдовательно — отказъ отъ единственнаго оружія, которое можетъ доставить ему побѣду надъ концентрированными средствами власти господствующихъ классовъ.

Не-политическій соціализмъ есть переходная стадія въ историческомъ развитіи пролетарскаго классоваго сознанія. Естественно поэтому, что онъ былъ представленъ также въ Интернаціоналѣ, задача котораго именно въ томъ и состояла, чтобы просвѣтить различныя рабочія партіи отдѣльныхъ странъ относительно всемірно-исторической задачи современнаго пролетаріата и сократить такимъ путемъ необходимыя стадіи ихъ развитія. Но онъ сталъ опаснымъ для Интернаціонала, когда Бакунинъ началъ собирать его въ концѣ 60-хъ годовъ подъ знаменемъ анархизма и попытался захватить съ его помощью господство надъ великой Ассоціаціей рабочихъ. Часто утверждали, что Бакунинъ былъ агентомъ

русскаго правительства, но доказано это никогда не было; факты, которые на первый взглядъ говорятъ въ пользу такого предположенія, очень хорошо объясняются панславистскими тенденціями Бакунина, изъ-за которыхъ противъ него уже въ революціонные годы боролись его старые пріятели Марксъ и Энгельсъ. Было бы также преувеличеніемъ относить анархистскую теорію Бакунина всецѣло и единственно на счетъ его личнаго честолюбія. Русскій по національности, онъ происходилъ изъ страны, не знавшей еще классовой борьбы даже въ самыхъ начальныхъ ея стадіяхъ; насильственно удерживаемый болѣе десятилѣтія вдали отъ европейской умственной жизни, онъ стоялъ еще всецѣло на почвѣ воззрѣній до-мартовскаго соціализма, когда бѣжалъ въ 1860 г. изъ своей сибирской ледяной тюрьмы. Теоретически онъ примыкалъ со своимъ анархизмомъ къ Прудону и Штирнеру, а практически соприкасался во многомъ съ Вейтлингомъ: въ ростущемъ обнищаніи массы онъ видѣлъ самый дѣйствительный рычагъ соціальной революціи, а въ людяхъ, выброшенныхъ изъ рядовъ своего класса, онъ видѣлъ ея сильнѣйшихъ передовыхъ борцовъ. Но нельзя отрицать, что личное честолюбіе и личная зависть къ Марксу играли нѣкоторую роль въ попыткахъ Бакунина пріобрѣсти господство надъ Интернаціоналомъ, расшатать для этой цѣли организацію послѣдняго и отбросить европейское рабочее движеніе назадъ къ давно пройденной ступени его историческаго развитія.

Ясно, что не-политическій соціализмъ подобенъ двуликому Янусу, у котораго съ одной стороны весьма безобидное лицо, а съ другой—весьма кровожадное. Соціализмъ, рекомендующій политическое воздержаніе, но желающій тѣмъ не менѣе произвести переворотъ въ буржуазномъ обществѣ, кончаетъ либо безобиднѣйшими опытами „самопомощи", основаніемъ сектъ и утопизмомъ, либо тайными заговорами, покушеніями и революціонными вспышками. Столь же ясно, что въ 40-хъ годахъ, когда въ ходу было еще много утопизма, онъ показывалъ больше свое безобидное лицо, а въ 60-хъ годахъ, когда уже былъ такъ рѣзко выраженъ естественный классовый антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, онъ показывалъ больше свое кровожадное лицо. Благодаря „пропагандѣ дѣломъ" анархисты вошли въ извѣстное соприкосновеніе съ бланкистами, самымъ рѣшительнымъ крыломъ бѣглецовъ Коммуны. Широко расходясь въ своихъ цѣляхъ,—ибо приверженцы Бланки хотѣли посредствомъ внезапнаго переворота овладѣть именно политической властью, чтобы при ея помощи осуществлять

революціонную диктатуру,—тѣ и другіе сходились въ практикѣ внезапныхъ революціонныхъ coups de main. Но эта практика могла лишь дать правительствамъ желанный случай пустить въ ходъ противъ рабочихъ классовъ практику реакціонныхъ coups de main, притомъ съ сокрушающей силой, по сравненію съ которой всѣ покушенія и революціонныя вспышки бакунистовъ и бланкистовъ, устроенныя отдѣльно или сообща, представлялись не болѣе какъ жалкой дѣтской игрой.

Генеральный совѣтъ Интернаціонала и Марксъ, какъ его духовный руководитель, съ величайшей энергіей воспротивились проискамъ Бакунина и при обыкновенныхъ условіяхъ они скоро справились бы съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что они справились съ ними даже при необычайныхъ условіяхъ, наступившихъ послѣ паденія парижской Коммуны. Но затѣмъ вставалъ еще вопросъ, не налагаетъ ли сохраненіе Интернаціонала, одинаково сильно тѣснимаго извнѣ и извнутри, несоразмѣрно большихъ жертвъ на европейское рабочее движеніе? Марксъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно и рѣшился отложить въ сторону до лучшихъ временъ оружіе, выкованное международнымъ пролетаріатомъ для своей практической борьбы, но очистить его предварительно отъ анархистской ржавчины. На гаагскомъ конгрессѣ онъ выполнилъ свое рѣшеніе.

Международное распространеніе рабочаго движенія выступило на этомъ конгрессѣ еще яснѣе и рѣзче, чѣмъ на прежнихъ конгрессахъ Интернаціонала. Среди 64 делегатовъ было, считая по странамъ рожденія, 20 французовъ, 16 нѣмцевъ, 8 бельгійцевъ, 6 англичанъ, 3 голландца, 3 испанца, 2 швейцарца, 2 венгерца, 1 полякъ, 1 ирландецъ, 1 датчанинъ и 1 корсиканецъ. Скоро выяснилось, что прежній генеральный совѣтъ располагаетъ значительнымъ большинствомъ; въ особенности на его сторонѣ были нѣмцы и—за однимъ исключеніемъ—французы, тогда какъ между англичанами не было единодушія, и они голосовали разно. Стремленіе бакунистовъ принизить генеральный совѣтъ, согласно своему анархистскому ученію, до роли простого „почтоваго ящика", до роли „бюро для корреспонденціи и статистики", потерпѣло неудачу; генеральный совѣтъ былъ утвержденъ и обезпеченъ въ своихъ полномочіяхъ, какъ исполнительный комитетъ Ассоціаціи. Конгрессъ отрекся въ торжественной резолюціи отъ отвѣтственности за дѣятельность бакунистовъ и исключилъ изъ Союза Бакунина вмѣстѣ съ однимъ изъ его приспѣшниковъ.

Тѣмъ труднѣе оказалось для побѣдоноснаго большинства перенести генеральный совѣтъ въ Нью-Іоркъ, какъ хотѣло большинство прежнихъ его членовъ, въ томъ числѣ Марксъ, лично присутствовавшій на конгрессѣ вмѣстѣ съ Энгельсомъ. Особенно возстали противъ предложенія нѣмецкіе делегаты, и въ концѣ-концовъ оно прошло только весьма незначительнымъ большинствомъ. Рѣшающее значеніе имѣло то обстоятельство, что за немногими исключеніями члены прежняго генеральнаго совѣта отклонили переизбрані въ частности это сдѣлали Марксъ и Энгельсъ, такъ какъ иначе для нихъ становилось невозможнымъ продолженіе своихъ научныхъ работъ,—основаніе, которое слѣдовало, конечно, понимать и которое дѣйствительно было понято не въ субъективномъ, а въ объективномъ смыслѣ. Насколько Марксъ охотно прерывалъ всегда свою научную работу, когда открывалась возможность практической дѣятельности въ интересахъ рабочаго класса, настолько же охотно онъ возобновлялъ ее, когда такая возможность исчезала. Но разъ прежнее большинство генеральнаго совѣта уходило, то высшее руководство Ассоціаціей не могло остаться въ Лондонѣ, не подвергаясь величайшей опасности попасть либо въ руки французскихъ бланкистовъ съ ихъ тактикой заговоровъ и революціонныхъ вспышекъ, либо въ руки англійскихъ рабочихъ вождей съ ихъ „респектабельными“ тенденціями. Такъ какъ Лондонъ отпадалъ, то Нью-Іоркъ представлялся единственнымъ мѣстомъ, соединявшимъ оба необходимыхъ условія: безопасность архивовъ и международный составъ генеральнаго совѣта.

Несомнѣнно, при всѣхъ этихъ дебатахъ и резолюціяхъ гаагскаго конгресса не обошлось безъ нѣкоторой дипломатіи, что достаточно объяснялось и оправдывалось тогдашнимъ положеніемъ Интернаціонала. Года два спустя Энгельсъ писалъ короче и болѣе откровенно: „Въ виду невозможности при тогдашней общей реакціи удовлетворить предъявляемымъ къ нему требованіямъ и продолжать свою дѣятельность въ полномъ объемѣ, иначе какъ цѣною ряда жертвъ, отъ которыхъ рабочее движеніе истекло бы кровью, — въ виду этого положенія Интернаціоналъ ушелъ до поры до времени со сцены, перенеся генеральный совѣтъ въ Америку“. И онъ удалился не до поры до времени только, а навсегда. Интернаціоналъ имѣлъ еще одинъ конгрессъ въ Женевѣ въ 1873 г., но фактически стало яснымъ, что его историческая задача кончена. Идея международной солидарности пустила такіе

глубокіе корни въ современномъ пролетаріатѣ, что она не нуждалась больше ни въ какой внѣшней опорѣ; благодаря огромнымъ промышленнымъ перемѣнамъ 70-хъ гг. національныя рабочія партіи развились настолько своеобразно и энергично, что онѣ переросли рамки Интернаціонала, подобно тому какъ вслѣдствіе промышленныхъ перемѣнъ 50-хъ гг. европейское рабочее движеніе переросло рамки „Союза коммунистовъ".

---

3. Послѣднія столкновенія фракцій.

На нѣмецкомъ рабочемъ движеніи кризисъ Интернаціонала совсѣмъ или почти совсѣмъ не отразился. Въ печатномъ заявленіи, направленномъ противъ Бакунина, генеральный совѣтъ Международной ассоціаціи сдѣлалъ мимоходомъ и довольно некстати замѣчаніе, что лассальянцы стали просто-напросто орудіемъ полиціи, послѣ того какъ они въ теченіе ряда лѣтъ мѣшали организаціи нѣмецкихъ рабочихъ. На эту несправедливую выходку раздраженный „*Новый Соціалъ-демократъ*" отвѣтилъ столь же несправедливыми выходками противъ Маркса и Интернаціонала. Но съ анархистской теоріей и практикой Бакунина лассальянцы имѣли такъ же мало общаго, какъ эйзенахцы.

Со дня Седана обѣ фракціи сходились во взглядахъ на національный вопросъ. Обѣ онѣ вели борьбу противъ берлинской правительственной системы. Затѣмъ въ принципіальномъ пониманіи научнаго коммунизма обѣ стояли на одномъ уровнѣ, поскольку обѣимъ оставалась еще чуждой историко-матеріалистическая діалектика. Гассельманъ доказывалъ въ „*Новомъ Соціалъ-демократѣ*" на основаніи соображеній, почерпнутыхъ изъ „естественнаго права", что продукты труда принадлежатъ рабочимъ, которые одни создали ихъ, а служащій по страховому дѣлу К. А. Шраммъ, помѣстившій въ *Volksstaat*'ѣ рядъ заслуживающихъ вниманія статей объ основныхъ экономическихъ понятіяхъ, доказывалъ подобнымъ же образомъ, что изъ теоріи цѣнности Маркса логически слѣдуетъ оправданіе соціалистическихъ требованій, право рабочихъ на созданныя ими цѣнности. Даже Либкнехтъ изображалъ Бокля, историка-манчестерца, умомъ, проложившимъ новые пути въ области исторической науки, подобно тому какъ Марксъ сдѣлалъ это въ области соціальныхъ наукъ, а Дарвинъ—въ области естествознанія.

Единственнымъ изъ тогдашнихъ партійныхъ писателей, схватившимъ на свой ладъ сущность историческаго матеріализма, былъ Дицгенъ, самый прилежный теоретикъ эйзенахцевъ, но его остроумныя статьи вращались слишкомъ тѣсно въ кругу философскихъ идей, чтобы произвести значительное впечатлѣніе на рабочихъ, поглощенныхъ практической борьбой. Рядъ старыхъ и новыхъ работъ Маркса и Энгельса, опубликованныхъ *Volksstaat*'омъ, статьи о крестьянской войнѣ, адресъ по поводу парижской Коммуны, предполагали въ читателяхъ слишкомъ большую подготовку, чтобы сразу перейти въ плоть и кровь рабочихъ, а въ практическіе вопросы дня, на которыхъ всего нагляднѣе можно было бы разъяснить матеріалистическое пониманіе исторіи, оба учителя научнаго коммунизма рѣдко вмѣшивались. Приверженцы эйзенахской фракціи часто жаловались на черезчуръ ученыя и тяжеловѣсныя статьи *Volksstaat*'а, и даже комитетъ партіи ставилъ редакціи въ примѣръ манеру писанія „*Новаго Соціалъ-демократа*". Главной умственной пищей оставались и для рабочихъ этого направленія агитаціонныя вещи Лассаля: „по организаціи мы были эйзенахцами, по принципамъ и агитаціи лассальянцами",—такъ писалъ впослѣдстіи, оглядываясь на описываемое время, Карлъ Грилленбергеръ, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ представителей младшаго поколѣнія эйзенахцевъ.

Безспорно также, что „*Новый Соціалъ-демократъ*" стоялъ выше *Volksstaat*'а не только по популярности изложенія, но и по отчетливому пониманію экономическихъ и соціалистическихъ проблемъ. Когда всеобщее вниманіе привлекъ къ себѣ вопросъ о жилищной нуждѣ, то Гассельманъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ рядѣ образцово-ясныхъ статей разобрать земельный вопросъ, между тѣмъ какъ „*Volksstaat*" предоставилъ слово по тому же вопросу прудонисту Мюльбергеру, поднесшему читателямъ разныя спутанныя разсужденія, которыя Энгельсъ распуталъ затѣмъ своими классическими статьями по жилищному вопросу. Вообще эйзенахцы не имѣли никакого основанія принимать на себя тотъ видъ превосходства, къ которому они особенно охотно прибѣгали въ спорахъ съ лассальянцами по теоретическимъ вопросамъ. Походъ, открытый Бракке противъ „лассалевскаго проекта" производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государственнаго кредита, показалъ, что этотъ превосходный человѣкъ заблуждается: карикатурное изображеніе лассалевскаго проекта, которое Бракке далъ, назвавши его „королевско-прус-

скимъ правительственнымъ соціализмомъ, тщетно стремящимся получить право пріѣзда ко двору", существовало только въ его фантазіи; подобно Швейцеру, Гассельманъ защищалъ всегда производительныя товарищества при содѣйствіи государственнаго кредита въ томъ смыслѣ, что они должны послѣ побѣды пролетаріата явиться первымъ практическимъ средствомъ для обобществленія орудій производства. Стремленіе къ основательному пересмотру своей программы сильно проявлялось среди эйзенахцевъ, но въ формѣ, свидѣтельствовавшей какъ разъ о большой неясности теоретическихъ представленій въ рядахъ этой фракціи. Аграрный реформизмъ, уничтоженіе права наслѣдованія и прочій эклектическій соціализмъ, съ которымъ у лассальянцевъ давно уже свелъ счеты Швейцеръ, занималъ еще очень много мѣста въ лучшихъ головахъ эйзенахцевъ; даже у Бракке не исчезла еще окончательно склонность идти навстрѣчу радикальному мѣщанству путемъ временнаго припрятыванія своего принципіальнаго коммунизма.

Только въ одномъ вопросѣ мы видимъ у эйзенахцевъ рѣшительно бóльшую ясность теоретическихъ взглядовъ, чѣмъ у лассальянцевъ: это въ чрезвычайно важномъ вопросѣ о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ. Въ маѣ 1873 г. „*Volksstaat*" напечаталъ нѣсколько отличныхъ статей о профессіональныхъ союзахъ, которыя еще теперь можно читать съ пользой и удовольствіемъ. Въ этихъ „практическихъ освободительныхъ совѣтахъ" доказывалось, что въ освободительной борьбѣ пролетаріата профессіональное движеніе имѣетъ такое же право на существованіе и является столь же важнымъ оружіемъ, какъ движеніе политическое, но что между обоими этими движеніями слѣдуетъ проводить рѣзкую границу. Въ статьяхъ чрезвычайно ясно разбирались отдѣльныя задачи профессіональныхъ союзовъ и указывалось, что̀ они могутъ дать какъ дѣйствительныя средства для поднятія классоваго положенія пролетаріата, какъ поприща для упражненія въ демократическомъ самоуправленіи, какъ зародыши будущей организаціи общества, коротко говоря—какъ органы сознательной борьбы за освобожденіе пролетаріата, все это подъ условіемъ, если профессіональное движеніе будетъ преслѣдовать общую ему съ политическимъ движеніемъ цѣль другимъ, самостоятельнымъ путемъ. Статьи, появившіяся безъ подписи, принадлежали наборщику Карлу Гильману и свидѣтельствовали о значительномъ шагѣ впередъ въ сравненіи съ дебатами штутгартскаго конгресса по вопросу о профессіональныхъ союзахъ. Правда, противъ нихъ тотчасъ раздался въ *Volks-*

staat'ѣ протестующій голосъ, но точка зрѣнія Гильмана очевидно преобладала въ эйзенахской фракціи. Напротивъ, трэдъ-юніонистамъ лассальянцевъ приходилось очень трудно, и имъ пришлось бы еще труднѣе, если бы берлинскіе строительные рабочіе, благодаря своимъ успѣшнымъ забастовкамъ, не заняли вліятельнаго положенія во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. „Всеобщій Союзъ взаимопомощи" (Allgemeiner Unterstützungsverband) оказался безсильнымъ, какъ только ему пришлось имѣть дѣло съ серьезнымъ стачечнымъ движеніемъ, а попытка возобновить его въ мѣстномъ масштабѣ, въ формѣ „Берлинскаго Рабочаго Союза", имѣла столь же малый успѣхъ. Союзы, расчлененные по спеціальностямъ, въ родѣ союза каменщиковъ и плотниковъ, держались силою вещей, но доктринерское противодѣйствіе не замолкало. На каждомъ общемъ собраніи эта оппозиція поднимала свой голосъ, и ей, дѣйствительно, удавалось проводить резолюціи, направленныя либо къ закрытію существующихъ профессіональныхъ союзовъ, либо къ умаленію ихъ роли до филіальныхъ отдѣленій Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза.

Въ организаціонномъ отношеніи превосходство было на сторонѣ лассальянцевъ. Ихъ армія была лучше вооружена, обладала бóльшей боевой готовностью, была многочисленнѣе. По подсчетамъ, сдѣланнымъ на общихъ собраніяхъ, происходившихъ въ 1871 и 1872 г. въ Берлинѣ, а въ 1873 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, число активныхъ ея членовъ, постоянно возрастая, дошло до 20 тысячъ, между тѣмъ какъ эйзенахцы, устроившіе свои конгрессы въ 1871 г. въ Дрезденѣ, въ 1872 г. въ Майнцѣ и въ 1873 г. въ Эйзенахѣ, добрались едва до перваго десятка тысячъ. Правда, организація лассальянцевъ имѣла и свои вредныя стороны. Приноровленная къ диктаторскому руководству, она должна была приводить къ жестокому соперничеству изъ-за господствующаго вліянія, когда президентскій постъ занималъ человѣкъ въ родѣ Газенклевера, которому и въ хорошемъ и дурномъ не хватало необходимыхъ для диктатора качествъ. Рядомъ съ нимъ стояли Гассельманъ, въ качествѣ редактора союзнаго органа, шляпникъ Деросси изъ Дюссельдорфа, въ качествѣ секретаря, и кассиръ Грювель; они выбирались ежегодно общими собраніями, президентъ же выбирался плебисцитомъ всѣхъ членовъ. Въ союзномъ органѣ Гассельманъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы рядомъ съ нимъ не выдвинулась другая литературная сила; не будучи, вообще говоря, сектантской, умственная жизнь Союза по-

лучала все-таки вслѣдствіе этого нѣсколько сектантскую окраску. Затѣмъ, при Газенклеверѣ пріобрѣли гораздо большее вліяніе, чѣмъ при Швейцерѣ, и другіе члены правленія: Гротткау, оба брата Капеллъ и, въ особенности, вернувшійся въ Изерлонъ Тельке. Все это было бы несомнѣннымъ прогрессомъ, если бы руководство партіей было построено на демократическихъ началахъ, при которыхъ отдѣльныя силы могли бы работать рядомъ; но такъ какъ у нихъ не было этого законнаго простора, то онѣ враждебно сталкивались другъ съ другомъ. Благоговѣніе, съ которымъ лассальянцы относились къ своей организаціи, имѣло свои солидныя основанія, но оно было чрезмѣрнымъ; самымъ прямолинейнымъ представителемъ этого культа былъ Тельке, для котораго берлинское правленіе все еще не было достаточно централизаторскимъ, хотя самъ онъ сидѣлъ въ провинціи.

Комитетъ эйзенахцевъ находился съ 1871 г. въ Гамбургѣ, гдѣ руководящимъ вліяніемъ пользовались Гейбъ и Іоркъ; контрольная комиссія была перенесена въ 1871 г. въ Берлинъ, въ 1872 г.—въ Бреславль, въ 1873 г.—во Франкфуртъ на М. Организація эйзенахцевъ была гораздо слабѣе организаціи лассальянцевъ, члены дѣлали свои взносы менѣе аккуратно и болѣе скупо; въ противоположность блестящимъ финансамъ лассальянцевъ, эйзенахцы не вылѣзали изъ долговъ. Но при всѣхъ своихъ безспорныхъ недостаткахъ, организація ихъ имѣла однако и свои преимущества. Огромную цѣнность представляло уже то, что неизбѣжныя столкновенія между различными руководящими органами партіи могли всегда разбираться открыто и по существу дѣла.

Въ особенности же эйзенахцы располагали болѣе богатой литературой и прессой, чѣмъ лассальянцы. Уже въ 1871 г. возникли рядомъ съ криммичаусскимъ „*Bürger-und Bauernfreund*" другіе мѣстныя партійныя газеты—дрезденскій „*Volksbote*", хемницская „*Freie Presse*", брауншвейгскій „*Volksfreund*", а вскорѣ и нюренбергскій „*Demokratisches Wochenblatt*", издававшійся въ Нюренбергѣ-Фюртѣ и перешедшій въ 1873 г. въ собственность партіи. Затѣмъ появились въ чрезмѣрномъ почти обиліи новыя мѣстныя газеты въ Гофѣ, Герѣ, Эйзенахѣ, Майнцѣ и Мюнхенѣ, гдѣ „*Пролетарій*" прекратилъ тѣмъ временемъ свое существованіе. Изъ задуманнаго литературнаго предпріятія на акціяхъ получилась „Кооперативная типографія", гдѣ кромѣ *Volksstaat*'а печаталась быстро разроставшаяся брошюрная литература. Рядъ партійныхъ

вещей былъ также изданъ Бракке, издателемъ брауншвейгскаго *Volksfreund*'а.

„Интеллигенты" оказались отнюдь не столь роковыми для эйзенахцевъ, какъ это утверждали лассальянцы. Только въ Нюренбергѣ-Фюртѣ вышла отвратительная перебранка между Мемминтеромъ и Моокомъ,— двумя, въ прочихъ отношеніяхъ весьма даровитыми журналистами,—приведшая къ крайне тягостнымъ замѣшательствамъ во франконскомъ движеніи; съ устраненіемъ этихъ безпокойныхъ людей, движеніе разрослось тѣмъ шире въ вѣрныхъ рукахъ рабочихъ—Грилленбергера, Габріеля Лёвенштейна, Шерма, Вёрлейна. Затѣмъ, присутствіе Бернгарда Беккера въ рядахъ эйзенахцевъ, пожалуй, также было довольно сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ: своимъ редактированіемъ брауншвейгскаго „*Volksfreund*" и злобными брошюрами по поводу агитаціи и смерти Лассаля онъ немало способствовалъ обостренію отношеній съ лассальянцами. Но если не считать указанныхъ исключеній, то молодыя литературныя силы эйзенахцевъ оказались вполнѣ на высотѣ своей задачи; къ нимъ принадлежали: Бруно Гейзеръ и Максъ Нейссеръ изъ Бреславля, Іоганнъ Ведде изъ Гамбурга, Вильгельмъ Блосъ, перешедшій къ эйзенахцамъ изъ южно-германской народной партіи и начавшій скоро редактировать вмѣстѣ съ Гепнеромъ „*Volksstaat*", пока Либкнехтъ отбывалъ свое заключеніе въ крѣпости. Въ далекомъ Кёнигсбергѣ референдарій Кокоскій издавалъ ежемѣсячникъ „*Die Demokratischen Blätter*", который недолго, впрочемъ, продержался; Кокоскій перешелъ затѣмъ въ брауншвейгскій „*Volksfreund*".

Рабочіе также принимали у эйзенахцевъ гораздо болѣе ревностное участіе въ брошюрной и газетной литературѣ, чѣмъ у лассальянцевъ, у которыхъ преобладала устная агитація. Ходъ историческаго развитія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что рабочее движеніе не могло выставить въ 70-хъ гг. такихъ теоретиковъ, какъ въ сороковыхъ, когда „Союзъ коммунистовъ" съ сочувственнымъ пониманіемъ слѣдилъ за спорами нѣмецкихъ философовъ и англійско-французскихъ соціалистическихъ школъ; единственнымъ человѣкомъ, напоминавшимъ людей вродѣ Вейтлинга, Эккаріуса или Пфендера, былъ Дицгенъ. Новое рабочее движеніе было съ первыхъ же шаговъ завалено практическими задачами, а всю теоретическую работу продѣлали до поры до времени великіе мыслители научнаго коммунизма. Популяризовать ихъ изслѣдованія и вести повседневную борьбу съ буржуазными экономистами,—

такова была скромная, но полезная задача рабочихъ, взявшихся за перо въ эйзенахской фракціи, и ее они успѣшно разрѣшили. Особенно удачно было выступленіе наборщика Франца, бѣжавшаго въ 1870 г., съ согласія своихъ товарищей по партіи, въ Цюрихъ, чтобы уклониться отъ процесса по обвиненію въ государственной измѣнѣ, возбужденнаго противъ него баварскимъ правительствомъ, какъ редактора *„Пролетарія“*. Въ Цюрихѣ профессорствовалъ тогда въ университетѣ Викторъ Бёмертъ, нѣмецкій манчестерецъ, и такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу болѣе разумныхъ представителей своей школы, то онъ счелъ себя обязаннымъ доказать при помощи оффиціальной статистики кантона Цюрихъ „вѣчный“—манчестерскою милостію—„законъ природы“, согласно которому вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала растетъ будто бы также благосостояніе мелкой буржуазіи и пролетаріата; заодно уже Бёмертъ постарался отдѣлать и соціализмъ. И вотъ Францъ доказалъ въ нѣсколько грубоватой по тону, но превосходной по содержанію брошюрѣ, что патентованный преподаватель статистики вычиталъ изъ приведенныхъ имъ цифръ какъ разъ обратное тому, что̀ въ нихъ дѣйствительно содержится. Виднѣйшій нѣмецкій статистикъ Эрнстъ Энгель, который со свойственной ему прямотою уже засвидѣтельствовалъ разъ правоту Лассаля, призналъ теперь въ *„Журналѣ Королевско-прусскаго Статистическаго Бюро“*, что Бёмертъ основательно разбитъ Францемъ, ибо послѣдній неопровержимо доказалъ численное уменьшеніе средняго класса, слѣдовательно—увеличеніе пролетаріата, притомъ и относительное, и абсолютное; даже въ идиллической Швейцаріи, въ свободной республикѣ, „безумное сосредоточеніе капитала во все меньшемъ количествѣ рукъ“ представляется неоспоримымъ фактомъ.

Различія между обѣими соціалъ-демократическими фракціями коренились въ различіи ихъ историческаго развитія. Лассальянцы были старшей фракціей и имѣли предъ эйзенахцами преимущество 6-тилѣтняго военнаго опыта: самыя благопріятныя позиціи были уже въ ихъ рукахъ, когда эйзенахцы приступили къ работѣ. Лассальянцы были главнымъ образомъ представлены въ единственномъ большомъ государствѣ новой имперіи; они держали въ своихъ рукахъ столицу послѣдней и завоевывали оттуда бранденбургскую марку, родовое владѣніе новыхъ императоровъ. Они господствовали надъ теченіемъ Одера отъ Бреславля до Штеттина. Ихъ знамя развѣвалось надъ старымъ, могучимъ Гамбур-

гомъ съ шлезвигъ-голштинскимъ форпостомъ, надъ Бременомъ, Любекомъ и Ганноверомъ, старыми ганзейскими городами, въ которыхъ пышно расцвѣтали современная торговля и современная промышленность. На западѣ они владѣли Эльберфельдомъ-Барменомъ вмѣстѣ съ промышленнымъ округомъ Бергишъ-Маркъ, на юго-западѣ—Франкфуртомъ на М. съ майнской областью. Напротивъ, эйзенахцы, хотя также имѣли въ своихъ рукахъ одинъ изъ старыхъ передовыхъ постовъ нѣмецкой культуры, но дѣло въ томъ, что съ начала 19-го столѣтія королевство Саксонія въ политическомъ отношеніи сильно отодвинулось въ арьергардъ національнаго развитія, отъ чего пострадали, въ частности, и его большіе города, за единственнымъ исключеніемъ Лейпцига. Въ саксонской резиденціи Дрезденѣ общественная жизнь, подъ вліяніемъ долголѣтняго бейстовскаго режима, захирѣла, а фабричный городъ Хемницъ широко прославился тупоуміемъ своихъ необразованныхъ выскочекъ; самъ „*Volksstaat*“ доказалъ разъ яркими примѣрами, что при прочихъ равныхъ условіяхъ ни одинъ городъ Германіи не стоитъ на столь низкой ступени культурнаго развитія, какъ саксонскій Манчестеръ. Затѣмъ, главныя владѣнія эйзенахцевъ распространялись на капиталистически эксплуатируемую домашнюю промышленность средне-германскихъ мелкихъ государствъ и промышленные округи южно-германскихъ государствъ средней величины, которые пока еще выдавались, подобно островамъ, среди ремесленнаго производства. Стремленіе къ земляческой группировкѣ, сильно выступавшее у эйзенахцевъ, коренилось въ тогдашнихъ условіяхъ, и если газеты этой фракціи чрезмѣрно восторгались подчасъ децентрализаціей, то причина такого отношенія заключалась, быть можетъ, не столько въ игнорированіи достоинствъ централизаціи, сколько въ попыткѣ сдѣлать „изъ необходимости добродѣтель“.

Во всякомъ случаѣ съ перваго взгляда напрашивалось заключеніе, что различія обѣихъ фракцій указываютъ больше на необходимость ихъ взаимнаго восполненія, чѣмъ на необходимость борьбы. На каждую особенно сильную сторону лассальянцевъ приходилась особенно слабая сторона эйзенахцевъ, и наоборотъ. Взаимная поддержка при стачкахъ, совмѣстная работа въ профессіональныхъ союзахъ, практическая борьба противъ общихъ враговъ,—все это во многихъ мѣстахъ уже сводило вмѣстѣ членовъ обѣихъ фракцій; въ Вюртембергѣ, гдѣ лассальянцы располагали, впрочемъ, сильной позиціей только въ столицѣ, было

установлено даже полное соглашеніе, а „*Süddeutsche Volkszeitung*" („*Южно-германская Народная Газета*"), начавшая выходить въ 1873 г. въ Штутгартѣ подъ редакціей Карла Гильмана, была основана лассальянцами и эйзенахцами. Но первыя практическія попытки къ примиренію кончались большей частью неудачей вслѣдствіе неизбѣжныхъ пограничныхъ споровъ; особенно эйзенахцы разсердились, когда лѣтомъ 1872 г. Фроме и сапожникъ Гартманъ изъ Гамбурга начали обширную агитацію въ южной Германіи. Дѣйствительное примиреніе было возможно только оффиціальнымъ путемъ, а въ этомъ отношеніи дѣло обстояло довольно своеобразно.

Лассальянцы разыгрывали немного старшаго сына въ домѣ, которому младшій сынъ долженъ покориться. Они очень заставляли себя просить въ вопросѣ объ объединеніи, но поскольку они высказывались по этому предмету, дѣло было, по крайней мѣрѣ, не безнадежно: ихъ взгляды насчетъ непрактичной организаціи и полу-соціализма эйзенахцевъ, которые несерьезно, молъ, относятся къ пролетарской классовой борьбѣ, могли быть преувеличены или даже совершенно неправильны, но они допускали разъясненіе и обсужденіе. Наоборотъ, эйзенахцы, являясь гораздо болѣе ревностными проповѣдниками мира, были на дѣлѣ гораздо болѣе неловкими устроителями его. Они ставили въ упрекъ лассальянцамъ главнымъ образомъ ихъ сознательную или безсознательную зависимость отъ прусскаго правительства; понятно, что этимъ заранѣе отрѣзывалась возможность всякихъ переговоровъ по существу дѣла. О Лассалѣ печать эйзенахцевъ отзывалась какъ о недурномъ поэтѣ, но очень плохомъ политикѣ: въ *Volksstaat*'ѣ проскользнуло даже разъ нехорошее замѣчаніе, что „если бы Лассаль не явился самъ, то Бисмарку пришлось бы его изобрѣсти".

Единственнымъ доказательствомъ въ пользу всѣхъ подобныхъ инсинуацій было утвержденіе, что полиція и прокуратура почти не тревожатъ лассальянцевъ, тогда какъ эйзенахцамъ приходится испытывать самыя тяжкія преслѣдованія. Правильность этого утвержденія была, однако, довольно сомнительна. Въ Шлезвигъ-Голштиніи лассальянцы подвергались такимъ же гоненіямъ, какъ эйзенахцы въ Саксоніи. Противъ Фроме, который по утвержденію эйзенахцевъ агитировалъ въ южной Германіи какъ „полицейскій агентъ", былъ именно за эту агитацію возбужденъ рядъ судебныхъ процессовъ. Изъ Бремена, мѣста жительства Фроме, его таскали по

разнымъ тюрьмамъ, какъ обыкновеннаго уголовнаго преступника и скованнымъ нерѣдко съ уголовными; дорогу изъ Бенсгейма въ Лоршъ, гдѣ онъ будто бы совершилъ „государственную измѣну", ему пришлось сдѣлать пѣшкомъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, несмотря на то, что у него была на ногѣ тяжкая рана. Наконецъ, онъ былъ выпущенъ изъ предварительнаго заключенія въ виду полной ничтожности выставленныхъ противъ него обвиненій. Всѣ эти мытарства слишкомъ плохо вяжутся съ ролью „полицейскаго агента". Вѣрно было лишь то, что „*Volksstaat*" дѣйствительно сильнѣе тѣснили процессами за нарушеніе законовъ о печати, чѣмъ „*Нов. Соціалъ-демокартъ*", но такое положеніе продолжалось весьма недолго и доказывало столь же мало, какъ относительная свобода печати, которою пользовался въ свое время „*Демократическій Еженедѣльникъ*" въ Лейпцигѣ. Сверхъ того, „*Новый Соціалъ-демократъ*" хвалился не безъ основанія, что онъ искуснѣе умѣетъ обходить ловушки уголовнаго кодекса и реакціоннаго законодательства о печати.

Извиненіемъ для безнадежной примирительной тактики эйзенахцевъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что лассальянцы сами дали ей нѣкоторое видимое основаніе, и вотъ какимъ образомъ. Въ 1872 г. Тельке хотѣлъ внести въ общее собраніе Всеоб. Герм. Рабочаго Союза предложеніе, которое должно было положить конецъ существованію всѣхъ лассальянскихъ профессіональныхъ союзовъ. Но Гассельманъ отказался напечатать текстъ этого предложенія въ органѣ Союза, и когда Тельке обратился съ жалобой въ комиссію по дѣламъ печати, то она стала на сторону Гассельмана. Несомнѣнно, у нея были на это вполнѣ основательныя причины; представлялось совершенно безцѣльнымъ бросать въ рабочій міръ подобное яблоко раздора, пока стачечное движеніе было въ самомъ разгарѣ. Но Тельке, въ своемъ рвеніи къ чистотѣ и неприкосновенности лассалевской организаціи, почуялъ за этимъ отказомъ интригу Швейцера, и въ засѣданіи правленія, происходившемъ 3 марта 1872 г. въ Ганноверѣ, онъ выступилъ противъ Гассельмана съ обвиненіемъ, что тотъ ведетъ общую игру со Швейцеромъ, который по порученію прусскаго правительства сталъ защищать профессіональные союзы, чтобы раздробить рабочее движеніе по различнымъ каналамъ и такимъ путемъ сломить его силу: Швейцеръ находится, молъ, въ сношеніяхъ съ берлинскимъ полицейскимъ президіумомъ и передаетъ этому учрежденію все, что происходитъ въ рабочемъ движеніи.

Тельке разсказалъ слѣдующій фактъ, относившійся къ тому времени, когда онъ замѣщалъ президента въ руководствѣ дѣлами Всеоб. Герм. Раб. Союза: „Незадолго передъ тѣмъ, какъ начать отбываніе своего заключенія, Швейцеръ сказалъ мнѣ, что я могу всегда, когда что-нибудь случится, обращаться въ Берлинскій полицейскій призидіумъ. Швейцеръ пошелъ туда со мною и представилъ меня, причемъ онъ обнаружилъ большое знакомство съ расположеніемъ комнатъ". Сверхъ всего этого Тельке заявилъ, что Швейцеръ употреблялъ на свои цѣли поступавшіе отъ членовъ взносы; затѣмъ Швейцеръ забралъ и отнесъ къ своему банкиру 500 талеровъ изъ кассы Союза взаимопомощи рабочихъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на слушателей этими разоблаченіями, должно было естественно выразиться въ вопросѣ: если все это правда, если ты зналъ все это и тѣмъ не менѣе всегда стоялъ на сторонѣ Швейцера, то ты еще худшій предатель, чѣмъ Швейцеръ. Этотъ выводъ былъ совершенно неоспоримъ. Либо дѣло происходило такъ, какъ утверждалъ Тельке, и тогда онъ игралъ съ осени 1868 г. столь же и даже болѣе позорную роль, чѣмъ Швейцеръ, либо Тельке подъ вліяніемъ своего фанатическаго организаціоннаго культа создалъ себѣ разныя фантазіи, чтобы объяснить непостижимое съ его точки зрѣнія противодѣйствіе строгому возстановленію лассалевской организаціи. Въ настоящее время, когда можно ясно обозрѣть всѣ относящіяся къ дѣлу обстоятельства, не можетъ подлежать сомнѣнію, что справедливо второе предположеніе. Тельке былъ честнымъ человѣкомъ и вѣрилъ въ созданія своего воображені моральную вину снимаетъ съ него тотъ фактъ, что онъ отводилъ себѣ въ нихъ самую дурную роль, но тѣмъ рѣзче выступаетъ тогда ихъ полная неосновательность. Нѣтъ надобности, конечно, тратить слова на опроверженіе гипотезы, что Швейцеръ поднялъ профессіональное движеніе, состоя на службѣ у прусскаго правительства. Но и посѣщеніе полицейскаго президіума перестаетъ возбуждать какія бы то ни было сомнѣнія, если вспомнить обстоятельства, при которыхъ Тельке былъ вызванъ Швейцеромъ въ Берлинъ. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ былъ какъ разъ тогда закрытъ въ Лейпцигѣ и въ нѣсколько неоформленномъ видѣ открытъ вновь въ Берлинѣ. Если Швейцеръ, всегда придававшій большое значеніе возможно болѣе долгому сохраненію формальной союзной организаціи, отправился вмѣстѣ съ Тельке въ полицейскій президіумъ съ цѣлью удостовѣриться, что замѣститель-

ство Тельке будетъ признано полицейскими властями, то онъ не сдѣлалъ ничего болѣе худого, чѣмъ Бракке, который позже годомъ также пошелъ въ полицейскій президіумъ Брауншвейга, чтобы справиться, не будутъ ли дѣлать полицейскихъ затрудненій перенесенному въ этотъ городъ комитету эйзенахцевъ. Вообще Швейцеръ былъ бы не только негодяемъ, но и сумасшедшимъ, если бы онъ, съ цѣлью оставить рабочее движеніе въ предательскихъ рукахъ на время своего заключенія въ тюрьмѣ, выписалъ себѣ за сотни миль толковѣйшаго, пожалуй, изъ своихъ сторонниковъ и приставилъ его доносчикомъ къ полицейскому президіуму. И несомнѣнно, что старый баррикадный борецъ Тельке тотчасъ же забилъ бы тревогу, если бы исторія дѣйствительно разыгралась такъ, какъ онъ вообразилъ себѣ 5 лѣтъ спустя.

Точно такъ же расплываются, какъ дымъ, обвиненія Швейцера въ растратахъ, если подойти къ нимъ вплотную. Несомнѣнно, что онъ взялъ изъ кассы Союза 500 талеровъ и отнесъ ихъ къ своему банкиру, но этотъ банкиръ былъ также банкиромъ Союза, которому нужно было передавать денежныя поступленія, какъ только они переходили за извѣстную сумму; Швейцеръ допустилъ лишь ту формальную неправильность, что при внесеніи денегъ на вкладъ не привлекъ двухъ членовъ союзнаго комитета, какъ это предписывалось уставомъ. Вообще онъ не могъ дѣлать растратъ безъ соучастія кассира Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и Союза взаимопомощи рабочихъ. Къ тому же общія собранія 1870 и 1871 г., именно въ виду обвиненій, уже тогда выставленныхъ эйзенахцами противъ Швейцера, подвергли кассу самой тщательной ревизіи и единогласно признали, что она находится въ полномъ порядкѣ.

Затѣмъ, во время всѣхъ этихъ передрягъ противъ Швейцера было выставлено обвиненіе, что если онъ и не ограбилъ союзной кассы противозаконно, то онъ опустошилъ ее на законномъ основаніи въ силу своихъ диктаторскихъ полномочій. На самомъ дѣлѣ, однако, Швейцеръ исполнялъ всю свою работу для Союза безвозмездно, пока въ 1869 г. ему не были навязаны противъ его воли 45 талеровъ мѣсячнаго жалованья, которое онъ самъ убавилъ до 25 талеровъ и на первыхъ порахъ вообще не бралъ. Если онъ потомъ и сталъ брать свое жалованье, то это могло произойти лишь въ послѣдній годъ его президентства; точно такъ же онъ за свою послѣднюю большую круговую поѣздку въ ноябрѣ и декабрѣ 1869 г. получилъ лишь обыкновенныя агита-

торскія суточныя. Прочія тысячи талеровъ, которыя онъ якобы проглотилъ, были собраны исключительно для союзнаго органа и мало превышали размѣры судебныхъ издержекъ и денежныхъ штрафовъ, которые „*Соціалъ-демократу*“ пришлось уплатить за болѣе чѣмъ 6-лѣтнее свое существованіе. Въ первые годы дефициты газеты покрывались изъ средствъ Гофштеттена; когда эти средства изсякли, на помощь пришла союзная касса, пока Швейцеръ не достигъ нѣкотораго матеріальнаго достатка вслѣдствіе смерти отца. Съ тѣхъ поръ онъ самъ покрывалъ дефициты „*Соціалъ-демократа*“, пока партія не взяла на себя газеты и отчасти также ея обязательствъ. Суммы, которыя получилъ такимъ образомъ номинально Швейцеръ, а фактически союзный органъ, сводились къ двумъ тысячамъ талеровъ, отпущеннымъ въ два равныхъ пріема общими собраніями 1868 и 1871 гг.; сюда прибавились еще болѣе мелкія суммы, напр., сотни двѣ талеровъ, собранныя берлинскими членами для партійнаго органа во время франко-прусской войны. Противники Швейцера опредѣлили какъ-то разъ всю сумму въ 2.500 талеровъ; соотвѣтствовала ли эта цифра дѣйствительности, или она была выше или ниже,—все равно, дѣло шло о расходахъ на важную, если не важнѣйшую цѣль партіи, расходахъ, окупившихся сторицею и занимающихъ почетное мѣсто въ исторіи партіи: „*Соціалъ-демократъ*“ былъ для 60-хъ гг. такимъ же классическимъ органомъ пролетаріата, какимъ „*Новая Рейнская Газета*“ была для революціонныхъ годовъ и какимъ предстояло сдѣлаться цюрихскому „*Соціалъ-демократу*“ для 80-хъ гг.

Третье утвержденіе состоитъ въ томъ, что Швейцеръ не нанесъ никакого ущерба кассѣ, а напротивъ, питалъ ее изъ секретныхъ правительственныхъ фондовъ и изъ того же источника черпалъ средства для своего роскошнаго образа жизни. Однако, общія собранія 1870 и 1871 гг. единогласно объявили послѣ тщательной ревизіи, что въ союзную кассу не поступило неправильнымъ путемъ ни одного пфеннига; что касается утвержденій о расточительномъ образѣ жизни Швейцера, то они также стали раздаваться лишь тогда, когда онъ получилъ наслѣдство послѣ своего отца: раньше онъ жилъ очень скромно, а послѣ оставленія агитаціонной дѣятельности онъ перебивался съ трудомъ писаніемъ пьесъ для сцены.

Мы потому остановились съ нѣкоторой подробностью на всѣхъ этихъ мелочахъ, что онѣ въ свое время играли большую роль

въ исторіи соціалъ-демократической партіи и что на нихъ повисла честь человѣка; для историческаго вопроса о виновности или невиновности Швейцера онѣ не имѣютъ никакого значенія. Этотъ вопросъ сводится къ двумъ другимъ вопросамъ: во-первыхъ, проводилъ ли Швейцеръ послѣдовательную и хорошо продуманную политику, которая при всей спорности отдѣльныхъ ея пунктовъ могла вытекать въ общемъ только изъ интересовъ рабочаго класса, а не изъ интересовъ правительства? Во-вторыхъ, могъ ли полицейскій агентъ водить въ теченіе многихъ лѣтъ за носъ мощно разроставшееся движеніе, носителями котораго были самые энергичные и передовые слои пролетаріата? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ историческіе факты.

Дебаты въ правленіи Союза имѣли затѣмъ свое продолженіе въ общемъ собраніи, происходившемъ въ маѣ 1872 г. въ Берлинѣ. Противъ Тельке снова раздались энергичныя обвиненія, и одинъ изъ делегатовъ предложилъ исключить его изъ Союза,— предложеніе вполнѣ основательное, если все дѣйствительно происходило такъ, какъ утверждалъ Тельке. На Союзъ надвигалась такимъ образомъ опасность новаго кризиса, и тутъ-то сказались вредныя стороны культа, въ который была возведена строгая централизація. У эйзенахцевъ конфликтъ былъ бы доведенъ до своего логическаго конца, каковъ бы этотъ конецъ ни былъ, между тѣмъ у лассальянцевъ дѣло рѣшилъ интересъ Союза. Еще во время преній Швейцеру, присутствовавшему въ качествѣ слушателя, предложили оставить залъ, такъ какъ онъ не состоитъ членомъ Союза. Затѣмъ вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комиссіи, вернувшейся съ рѣшеніемъ, что для недовѣрчиваго отношенія къ Щвейцеру имѣются очень вѣскія основанія, но недоказуемыя вполнѣ опредѣленными фактами; что касается Гассельмана, то онъ очистилъ себя отъ всякаго подозрѣнія, а Тельке не могъ раньше иначе дѣйствовать, такъ какъ у него не было достаточныхъ доказательствъ въ рукахъ. Оба они пришли къ соглашенію, этимъ самымъ разрѣшается предложеніе объ исключеніи Тельке, и общее собраніе должно выразить свое довѣріе обоимъ. Рѣшеніе комиссіи было утверждено всѣми голосами противъ одного; затѣмъ общее собраніе приняло еще резолюцію, что Швейцеръ не можетъ быть принятъ больше во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. 5.595 голосовъ были въ пользу резолюціи, 1.177 противъ нея, а 1.219 воздержались отъ голосованія.

Какъ только разсказанная выше исторія стала извѣстной изъ

протокола общаго собранія, она вызвала, конечно, большое возбужденіе среди эйзенахцевъ. „*Volksstaat*“ не только говорилъ: значитъ, подтверждается все, въ чемъ мы обвиняли Швейцера,- но, подобно многимъ лассальянцамъ, онъ говорилъ еще: если Швейцеръ виновенъ, то виновны также Газенклеверъ, Гассельманъ и Тельке. Нельзя было быть въ претензіи на эйзенахцевъ за ихъ рѣзкій тонъ, особенно по отношенію къ Тельке, который въ 1869 г. обличалъ Либкнехта и Бебеля, какъ лжебратьевъ, между тѣмъ какъ, судя по теперешнему его утвержденію, онъ ужъ тогда зналъ, что Швейцеръ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ прусской полиціей. Лассальянцы слишкомъ поздно поняли свою грубую ошибку и сдѣлали теперь попытку поправить дѣло. „*Новый Соціалъ-демократъ*“ заявилъ, что при осужденіи Швейцера дѣло шло не объ его сношеніяхъ съ прусскимъ правительствомъ, которыя не доказаны и даже не ставились ему въ упрекъ, а о „совершенно другихъ вещахъ“. Что подобныя сношенія не были доказаны, это не подлежитъ сомнѣнію, но столь уже безспорно, что Швейцера обвиняли въ нихъ; затѣмъ „совершенно другія вещи“ оказались нѣсколькими безобидными замѣтками объ исторіи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, которыя Швейцеръ далъ Рудольфу Мейеру для его историческихъ работъ по рабочему движенію,— далъ по просьбѣ Мейера. Швейцеръ самъ разсказалъ какъ-то объ этомъ невинномъ эпизодѣ въ редакціи „*Новаго Соціалъ-демократа*“, и маленькая литературная услуга, которую онъ оказалъ консервативному, но независимому писателю, относившемуся сочувственно къ рабочему движенію, могла быть раздута въ „измѣну“ только благодаря тому, что „*Нов. Соціалъ-демократъ*“ отнесъ на счетъ Швейцера форму, которую Мейеръ придалъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Швейцеромъ.

Такимъ образомъ примирительныя попытки обѣихъ фракцій кончились полной неудачей. „*Volksstaat*“ попробовалъ было продолжать ихъ, настаивая на томъ, что лассальянцы должны теперь удалить всѣхъ своихъ Швейцеровъ, послѣ того какъ они избавились отъ Швейцера, но результатъ этихъ усилій могъ быть лишь противоположный задуманному дѣйствію. Въ рѣзкомъ распоряженіи, которое *Volksstaat'*у пришлось напечатать на самомъ видномъ мѣстѣ газеты, бреславльская контрольная комиссія положила конецъ этой объединительной тактикѣ, которая по ея справедливому замѣчанію могла только увеличить расколъ, вмѣсто того чтобы устранить его.

Тѣмъ временемъ извѣстіе, что отъ Швейцера отреклись теперь и лассальянцы, обошло всю буржуазную печать, и подъ вліяніемъ перваго раздраженія Швейцеръ обратился къ органамъ этой печати съ письмомъ, гдѣ говорилось, что подобныя проявленія „неблагодарности или тупоумія“ не могутъ удивлять „со стороны людей, изъ которыхъ лишь весьма малая часть движима энтузіазмомъ къ новой идеѣ, значительнѣйшее же большинство дѣйствуетъ подъ вліяніемъ зависти къ высшимъ классамъ общества или другихъ некрасивыхъ побужденій“, куда надо еще присоединить ограниченность ихъ горизонта. Это были очень гадкія слова, которыя Швейцеру не слѣдовало бы говорить уже въ собственныхъ своихъ интересахъ, но къ счастью, они не были послѣдними. Когда гамбургскій уполномоченный Брейеръ вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями членовъ отдѣлился отъ Союза изъ-за несправедливости, причиненной Швейцеру, то послѣдній отказался стать во главѣ ихъ и создать изъ-за своей персоны помѣху рабочему движенію. Въ летучемъ листкѣ, обращенномъ „ко всѣмъ рабочимъ Германіи“, онъ настойчиво рекомендовалъ объединеніе обѣихъ фракцій вмѣсто новаго раздробленія ихъ. По поводу нанесенной ему обиды онъ ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Если я невиненъ, то общее собраніе совершило постыдную несправедливость по отношенію ко мнѣ. Если я виновенъ, то оно совершило постыдную несправедливость по отношенію ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, сохранивъ руководство партіей за тѣми лицами, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ непосредственно окружали меня, могли наблюдать каждый шагъ мой, были исполнительными орудіями при каждомъ изъ моихъ должностныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, являлись моими соучастниками“. Затѣмъ Швейцеръ обосновалъ необходимость и возможность объединенія въ ясной до прозрачности формѣ, напоминающей о лучшихъ дняхъ его: „единство во что бы то ни стало,—писалъ онъ,—*съ* вождями, если они захотятъ этого, *безъ* нихъ, если они останутся бездѣятельными, *наперекоръ* имъ, если они будутъ противодѣйствовать“. Нельзя безъ волненія читать эти пожелтѣлые листы, честное и разумное прощальное слово человѣка, который въ самыя трудныя времена направлялъ твердой рукой кормило соціалъ-демократіи и оказалъ незабвенныя услуги сознательному пролетаріату, но который, запутавшись потомъ въ послѣдствіяхъ своей лучшей дѣятельности, совершилъ много несправедливаго и испыталъ на себѣ еще бо̀льшую несправедливость. Въ

іюлѣ 1875 г., менѣе чѣмъ черезъ три года, Швейцеръ умеръ въ Швейцаріи.

Практическаго дѣйствія его летучій листокъ не оказалъ, и даже „брейерцы" продолжали существовать какъ крошечная особая группа, лишенная всякаго вліянія. Война между обѣими большими группами продолжалась также въ 1873 г., притомъ въ формахъ почти болѣе невыносимыхъ еще, чѣмъ когда-либо раньше. „*Volksstaat*" одобрительно поддакивалъ, когда весною этого года Зонеманъ писалъ по поводу одной трактирной драки во Франкфуртѣ на М., что лассальянцы устроили ее по порученію прусскаго правительства съ цѣлью пошатнуть твердыню всяческой гражданской добродѣтели, человѣколюбія и народовластія—франкфуртскую биржевую демократію. Съ другой стороны, Тельке издалъ брошюру, въ которой доказывалъ, что графиня Гацфельдтъ, Либкнехтъ и Швейцеръ всегда были тайными союзниками, и что своей притворной публичной борьбой они хотѣли лишь погубить рабочее движеніе. Дѣло имѣло такой видъ, какъ будто каждая изъ фракцій озабочена тѣмъ, чтобы въ приближающійся день примиренія ни одна изъ нихъ не могла упрекнуть въ чемъ-либо другую.

---

4. Тессендорфская эра.

Новые выборы въ рейхстагъ, происходившіе 10 января 1874 г., показали всему міру, что за какихъ-нибудь три года Бисмаркъ сумѣлъ съ удивительной близорукостью испортить удивительно благопріятное для него политическое положеніе. Онъ былъ наказанъ теперь тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ грѣшилъ. Газетные наемники Бисмарка громили всякое противодѣйствіе его деспотизму какъ „враждебность къ имперіи", и вотъ выборы показали, что противъ 2.408.549 безусловно „дружественныхъ имперіи" голосовъ было подано 2.339.936 голосовъ, безусловно „враждебныхъ имперіи", не считая полумилліона прогрессистскихъ голосовъ, которые по разсчету Бисмарка слѣдовало отнести на-половину къ „дружественнымъ имперіи", на-половину къ „враждебнымъ имперіи". Такимъ образомъ, „друзья имперіи" имѣли скромное большинство всего лишь въ 74.613 голосовъ, и это большинство фактически было уже внушающимъ тревогу меньшинствомъ, если принять въ соображеніе, сколько сотенъ тысячъ „дружественныхъ имперіи" голосовъ было добыто знакомыми всѣмъ избирательными пріемами.

Правда, распредѣленіе мандатовъ было благопріятнѣе для Бисмарка, чѣмъ распредѣленіе поданныхъ голосовъ. Націоналъ-либералы и ультрамонтане получили въ круглыхъ цифрахъ по $1\frac{1}{2}$ милл. голосовъ, между тѣмъ первымъ досталось около 150, а вторымъ около 100 мандатовъ. Всего хуже обстояли въ этомъ отношеніи дѣла соціалъ-демократовъ. Они получили 351.670 голосовъ, т.-е. свыше 6% всѣхъ поданныхъ голосовъ: лассальянцы—180.319, эйзенахцы—171.351. И при такомъ значительномъ числѣ голосовъ лассальянцы пріобрѣли въ первой баллотировкѣ только два избирательныхъ округа въ Шлезвигъ-Голштиніи—Альтону (Газенклеверъ) и Плёнъ-Зегебергъ (Реймеръ), а эйзенахцамъ достались только шесть округовъ въ королевствѣ Саксоніи: Фрейбергъ (Гейбъ), Митвейда (Вальтейхъ), Хемницъ (Мостъ), Глаухау-Меерани (Бебель), Цвиккау-Криммичау (Моттелеръ) и Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ). Въ перебаллотировку попали еще 11 соціалъ-демократическихъ кандидатовъ: въ 6-омъ округѣ Берлина и въ Вестгавельландѣ, въ 1-мъ и 2-мъ округахъ Гамбурга, въ Итцегоэ и Килѣ, въ Дрезденѣ-Альтштадтѣ, въ сельскомъ округѣ Дрезденъ и Борнѣ, въ княжествѣ Рейссъ ст. л. и въ Эльберфельдѣ-Барменѣ. Изъ нихъ всѣхъ побѣдителями вышли только Гассельманъ въ Эльберфельдѣ-Барменѣ и Іоганнъ Якоби въ лейпцигскомъ сельскомъ округѣ. Но Якоби отклонилъ избраніе, и на дополнительныхъ выборахъ округъ былъ снова потерянъ. Послѣ лейпцигскаго процесса о государственной измѣнѣ Якоби публично заявилъ, что присоединяется къ эйзенахцамъ, но теперь онъ не хотѣлъ все-таки работать заодно съ ними, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не можетъ признать нарушенія права, на которомъ покоится новая имперія. На это „*Volksstaat*" съ полнымъ почтеніемъ къ Якоби отвѣтилъ, что такой законностью, какъ прусская конституція и прусскій ландтагъ, гдѣ Якоби сидѣлъ вѣдь столько лѣтъ, новая имперія можетъ еще во всякомъ случаѣ похвалиться; разъ Якоби стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, ему не слѣдовало допускать, чтобы его кандидатуру выставили въ округѣ, гдѣ было столько шансовъ на успѣхъ. Какую разницу мы видимъ уже между этимъ языкомъ и языкомъ „*Demokratisches Wochenblatt*", который шестью годами раньше возлагалъ самыя большія надежды на политику пассивнаго протеста Якоби!

Несмотря на незначительное число завоеванныхъ мандатовъ—ихъ было всего 9—соціалъ-демократическіе избиратели могли все-таки смотрѣть на результаты своихъ усилій съ чувствомъ величайшаго

удовлетворенія. Въ королевствѣ Саксоніи, въ Шлезвигѣ-Голштиніи, въ ганзейскихъ городахъ Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ на ихъ кандидатовъ пришлось уже больше трети всѣхъ поданныхъ голосовъ, въ мелкихъ государствахъ сѣверной и средней Германіи, особенно въ Брауншвейгѣ и Тюрингіи, они могли похвалиться весьма солидными цифрами; изъ всѣхъ прусскихъ провинцій они не имѣли приверженцевъ только въ одной Познани, въ Вост. Пруссіи они собрали уже 3.262 голоса, въ Помераніи—4.918. Число голосовъ, поданныхъ въ Берлинѣ, не вполнѣ оправдало ожиданія, составивъ всего 11.279, но зато Газенклеверъ попалъ въ перебаллотировку съ Шульце-Деличемъ въ прогрессистской твердынѣ, въ кварталѣ машиностроительныхъ рабочихъ, и паническій ужасъ буржуазіи по поводу этого знаменательнаго симптома грядущихъ перемѣнъ могъ вознаградить за легкое разочарованіе. Сравнительно медленны были успѣхи въ Рейнской провинціи и Вестфаліи, въ Силезіи и въ Баваріи, трехъ главныхъ областяхъ ультрамонтанскаго вліянія. Однако въ Баваріи составила славное исключеніе протестанская Франконія со своими 11.029 голосами. Въ Вюртембергѣ путь былъ еще не совсѣмъ расчищенъ; въ рядѣ избирательныхъ округовъ соціалъ-демократія съ самаго начала заключила компромиссы съ Народной партіей, а въ самомъ Штутгартѣ снова возгорѣлась изъ-за выборовъ распря между эйзенахцами и лассальянцами. Послѣдніе получили 1.977 голосовъ, первые—434, а во всей странѣ число поданныхъ соціалъ-демократическихъ голосовъ составило 8.954. Въ Баденѣ агитаціей руководили изъ Мангейма Дреезбахъ въ пользу лассальянцевъ и обойщикъ Эргартъ—въ пользу эйзенахцевъ; обѣ фракціи получили вмѣстѣ 3.516 голосовъ. Въ рейнской Баваріи, гдѣ въ Кайзерслаутернѣ и особенно въ переднемъ Пфальцѣ стала возникать послѣ войны крупная промышленность, пролетаріату недоставало еще необходимой дисциплины; когда совершенно обнищавшіе ткачи маленькаго города Ламбрехта неожиданно встрепенулись во время однихъ общинныхъ выборовъ и очистили свою ратушу отъ всѣхъ фабрикантовъ, то новые гласные изъ пролетаріевъ были безъ труда устранены опять, такъ какъ они не въ силахъ были устоять противъ разныхъ уловокъ и репрессій своихъ эксплуататоровъ.

Въ избирательную битву соціалъ-демократическія фракціи пошли каждая врозь: на первый взглядъ—къ своему вреду, такъ какъ если бы онѣ съ самаго начала дѣйствовали сообща, то пріобрѣли бы, можетъ быть, нѣсколько лишнихъ мандатовъ, фактически—къ

своей выгодѣ, такъ какъ почти равное число голосовъ, собранное каждой фракціей, подѣйствовало охлаждающимъ образомъ на чрезмѣрное взаимное раздраженіе. Лассальянцы увидѣли, что эйзенахцы—не придатокъ къ буржуазной демократіи, а эйзенахцы убѣдились, что дружественное отношеніе лассальянцевъ къ правительству не болѣе какъ сказка. Политическое поведеніе лассальянцевъ въ избирательной борьбѣ было прямо-таки образцовымъ: во Франкфуртѣ на М., гдѣ отъ нихъ зависѣлъ исходъ перебаллотировки между Ласкеромъ и Зоннеманомъ, они не взирая ни на что провалили своего стараго противника Зоннемана. На собственныхъ своихъ перебаллотировкахъ обѣ фракціи поддерживали другъ друга, и фактически объединеніе ихъ ведетъ свое начало отъ 10 января 1874 г. Трудное внѣшнее положеніе дало послѣдній толчекъ къ полному сліянію, но его первой движущей идеей оно не было. Солидарность пролетаріата, это безусловно дѣйствительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственное его оружіе, обладаетъ мощью стихійной силы: она можетъ дѣйствовать опустошающимъ и разрушительнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не отдаетъ себѣ еще яснаго отчета въ своихъ цѣляхъ, когда она сама находится, повидимому, въ опасности. Этимъ объясняются необыкновенно запальчивыя столкновенія фракцій, взаимныя обвиненія людей, которые всю свою жизнь вели себя какъ преданные передовые борцы пролетаріата, жестокая судьба Швейцера. Но разъ солидарность пролетаріата ясно видитъ предъ собою путь, она устремляется на него съ непреодолимой силой, подобно рѣкѣ, которая спокойно вливается въ широкое и глубокое русло, послѣ того какъ ей приходилось съ шумомъ и пѣнясь пробивать себѣ выходъ черезъ скалистую почву. Для буржуазнаго разума въ этомъ явленіи есть, конечно, нѣчто непостижимое, иначе онъ не топтался бы безнадежно въ теченіе десятилѣтій надъ вопросомъ, когда возможны расколы среди сознательнаго пролетаріата и когда нѣтъ.

Тотчасъ послѣ выборовъ рейхстагъ былъ созванъ, и тутъ соціалъ-демократическіе депутаты познакомились ближе другъ съ другомъ. Новый президентъ фонъ-Форкенбекъ былъ еще пристрастнѣе, если это возможно, чѣмъ его предшественникъ Симсонъ, а Бамбергеръ имѣлъ наглость пригласить парламентскихъ представителей рабочаго класса вести себя чинно, чтобы, какъ гости, не навлечь на себя немилости хозяина. Само собою понятно, что буржуазное большинство отказалось также потребовать освобо-

жденія на время сессіи Либкнехта и Бебеля, сидѣвшихъ еще въ заключеніи въ Губертусбургѣ. Такимъ образомъ, семи соціалъ-демократическимъ депутатамъ приходилось держаться сплоченно. Вначалѣ возникали еще кое-какія разногласія, но они были уже улажены во вполнѣ товарищескомъ духѣ; сверхъ того, по нимъ можно было видѣть, какое значительное перемѣщеніе начинаетъ происходить въ старой враждебной группировкѣ фракцій. Лассальянцы внесли теперь, какъ демонстративную поправку къ новому военному законопроекту, предложеніе о введеніи народной милиціи, которое Либкнехтъ хотѣлъ внести въ 1867 г., и когда Моттелеръ назвалъ имперію національнымъ государствомъ, то Гассельманъ возразилъ, что безъ австрійскихъ нѣмцевъ новая имперія не есть національное государство: соціалъ-демократія должна желать всей Германіи, которая можетъ, впрочемъ, стать единой только въ свободѣ. Во всѣхъ практическихъ вопросахъ политики обѣ фракціи стояли плечо о плечо; онѣ одинаково энергично отвергали жандармскую политику противъ католической церкви и одинаково рѣзко бичевали отвратительныя выходки, которыми шовинистское большинство встрѣтило эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ при первомъ появленіи ихъ въ рейхстагѣ.

Бисмаркъ тотчасъ же опять внесъ въ новый рейхстагъ оба исключительныхъ закона противъ пролетаріата, которые ему не удалось провести въ предшествующемъ рейхстагѣ: законъ о нарушеніи договора личнаго найма, также какъ § 20 закона о печати, послѣдній—въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Удачи онъ не имѣлъ, однако, и теперь. Законъ о нарушеніи договора личнаго найма застрялъ въ комиссіи, послѣ того какъ Гассельманъ заклеймилъ его въ первомъ чтеніи какъ объявленіе войны рабочему классу, а о § 20 закона о печати не хотѣли пока слышать либеральныя партіи. Правда, во всемъ остальномъ онѣ утвердили законъ о печати согласно желаніямъ Бисмарка, т.-е. какъ копію старопрусскаго закона о печати, содержавшую для самой Пруссіи незначительныя улучшенія, но составившую рѣшительный шагъ назадъ для многихъ среднихъ и мелкихъ государствъ. При этой перемѣнѣ фронта главными виновниками были прусскіе либералы, которыхъ Бисмаркъ поймалъ на удочку капиталистической прибылью: за отмѣну газетныхъ залоговъ и штемпельнаго сбора они продали свой политическій идеалъ свободной печати. Прогрессистская партія охотно спасла бы, конечно, вмѣстѣ съ прибылью и вѣрность принципамъ, но какъ только она обрушилась своей первой страш-

ной анаѳемой на националъ-либеральное предательство и отклонила отъ себя всякую отвѣтственность за столь уродливый законъ о печати, Ласкеръ сухо заявилъ ей: всѣ мы одного поля ягоды, и какъ бы полезно въ общемъ ни было, чтобы вы, прогрессисты, твердо держали въ рукѣ знамя принципа, а мы, націоналъ-либералы, устраивали практическія дѣла буржуазіи, но на этотъ разъ вы слишкомъ рѣзко перешли въ своемъ разглагольствованіи границу допустимаго и теперь должны уже голосовать вмѣстѣ съ нами за законъ о печати, если намъ не голосовать вмѣстѣ съ вами противъ него. Послѣ этого дружескаго толчка въ бокъ прогрессисты бросили принципъ и спасли только прибыль. Въ карманы либеральныхъ газетныхъ издателей перепали при этомъ случаѣ весьма кругленькія суммы, но либеральная буржуазія сдѣлала все-таки очень невыгодную аферу. Въ надлежащемъ свѣтѣ видѣлъ дѣло, по крайней мѣрѣ, *одинъ* буржуазный публицистъ: Гвидо Вейссъ вѣрно предсказалъ въ „*Wage*", что если политическій гнетъ останется надъ печатью, а будутъ облегчены только матеріальныя условія ея существованія, то она въ еще гораздо большей степени, чѣмъ прежде, приметъ промышленный характеръ, и направленіе также будетъ все больше приспособляться къ законамъ рынка. Буржуазное свободомысліе, которое такъ сокрушенно плачется теперь на конкурренцію безпринципной, коммерческой печати, само приготовило для себя розгу.

Еще важнѣе закона о печати былъ военный законопроектъ, который рейхстагу пришлось обсуждать весною 1874 г. Проектъ затрагивалъ жизненный вопросъ буржуазнаго парламентаризма, оставшійся въ эпоху прусскаго конституціоннаго конфликта неразрѣшеннымъ и только отсроченный „революціей сверху". Учрежденіе Сѣверо-германскаго союза и франко-прусская война дали удобный случай путемъ ассигнованія извѣстныхъ суммъ гуртомъ на нѣсколько лѣтъ отложить отвѣтъ на вопросъ, долженъ ли военный бюджетъ утверждаться ежегодно парламентомъ. Но теперь увертки не помогали больше, нужно было отвѣтить категорически въ томъ или иномъ смыслѣ. Проектъ военнаго закона, внесенный правительствомъ, требовалъ въ первомъ своемъ параграфѣ, чтобы численность германской арміи въ мирное время была разъ навсегда опредѣлена закономъ въ 401.659 чел. Этимъ самымъ провозглашался „голый абсолютизмъ" даже съ точки зрѣнія, на которой стояли въ 1867 г. самые умѣренные либералы; отказа-

вшись отъ наиболѣе дѣйствительнаго изъ немногихъ орудій своей власти, рейхстагъ увѣковѣчилъ бы лже-конституціонализмъ.

Но либеральной буржуазіи не требовалось весною 1874 г. ни особой проницательности, ни особаго мужества, чтобы отразить покушеніе Бисмарка на любезный ея сердцу конституціонализмъ. Уже одни прогрессисты и національ-либералы располагали вмѣстѣ маленькимъ большинствомъ, а такъ какъ въ огражденіи бюджетнаго права парламента они имѣли за собою поддержку всѣхъ „враговъ имперіи", то въ ихъ распоряженіи было подавляющее большинство. Но Бисмаркъ зналъ этихъ господъ, которымъ онъ уже бросилъ разъ въ лицо презрительное замѣчаніе, что они не представляютъ себѣ даже, какъ много они могли бы вырвать у него въ 1867 г., если бы они стойко держались. Съ неменьшимъ презрѣніемъ онъ сказалъ теперь національ-либераламъ, что они „выбраны на его имя", и имъ остается только слушаться. Этой угрозы и шумной „бури негодованія", которую Бисмаркъ устроилъ черезъ своихъ наемныхъ писакъ, было достаточно, чтобы масса національ-либераловъ перемѣнила фронтъ, а ихъ вождь Беннигсенъ даже переусердствовалъ: этотъ бывшій руководитель „Національнаго Союза", оскорбляя свое лучшее все-таки прошлое, сказалъ, что съ 1848 г. народныя массы не были охвачены такимъ самопроизвольнымъ стихійнымъ движеніемъ, разумѣя подъ этимъ оффиціозный шумъ противъ бюджетнаго права рейхстага. Небольшой остатокъ національ-либераловъ подъ предводительствомъ Ласкера попытался было устоять, но когда онъ навелъ справку у прогрессистской партіи, можно ли разсчитывать на этотъ резервъ, то получилась ужасная вѣсть, что и среди „непоколебимыхъ" бѣгство въ полномъ разгарѣ. Такимъ образомъ Бисмаркъ добился законодательнаго установленія мирнаго состава арміи на 7 лѣтъ, такъ наз. „септенната", отвѣчавшаго его желаніямъ даже больше, чѣмъ опредѣленіе этого состава навсегда. Дѣло въ томъ, что если бы военный бюджетъ былъ всецѣло изъятъ изъ сферы распоряженія парламента, то придворная и военная партія, косо смотрѣвшая на мажордомство Бисмарка, легче могла бы спровадить его; между тѣмъ, единовременное пожертвованіе парламентскимъ бюджетнымъ правомъ на 7 лѣтъ все равно наносило послѣднему непоправимый ударъ. Бисмарку пришлось нѣсколько рано прибѣгнуть къ „плебисциту", но онъ убѣдился также, что это крайнее средство бонапартизма производило у солидныхъ нѣмцевъ гораздо болѣе энергичное дѣйствіе, нежели у вѣтреныхъ фран-

цузовъ. Отнынѣ онъ отвелъ ему почетное мѣсто въ своей дипломатической домашней аптекѣ.

При обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ соціалъ-демократическіе депутаты твердо стояли на своей позиціи. Неправда также, будто они всегда произносили шаблонную „соціалъ-демократическую рѣчь". Не гоняясь за сомнительными лаврами парламентскаго краснорѣчія, они говорили просто, ясно и дѣловито по всякому вопросу, относительно котораго имъ приходилось высказываться; только рѣчи Гассельмана, въ прочихъ отношеніяхъ заслуживающія нашего полнаго уваженія, были подчасъ облечены въ ярко агитаціонную форму. Впрочемъ, ненависть враговъ не проводила больше никакого различія между обѣими фракціями; она одинаково обрушивалась на эйзенахцевъ и лассальянцевъ, одновременно перомъ и дубиной.

Со времени выборовъ повсюду бродилъ красный призракъ, начиная отъ письменнаго стола „великаго человѣка 19-го столѣтія" и до пивного столика филистеровъ. Однако дальше безсмысленнаго страха и безсмысленной злобы ни великій человѣкъ 19-го столѣтія, ни филистеры не пошли, хотя они не могли даже пожаловаться на отсутствіе разумнаго совѣта. Послѣ поверхностной макулатуры манчестерства о рабочемъ движеніи, аграрно-и катедеръ-соціалистическое направленія подошли уже ближе къ историческому пониманію его, а въ 1874 г. появилось нѣсколько работъ, которыя довольно ясно указывали господствующимъ классамъ на неизбѣжныя послѣдствія ихъ самоубійственнаго ослѣпленія.

Самой значительной изъ нихъ было третье изданіе *„Рабочаго вопроса"* Альберта Ланге. Многія обстоятельства способствовали тому, что Ланге снова приблизился къ буржуазному міровоззрѣнію. Онъ былъ уже смертельно больнымъ человѣкомъ, когда получилъ въ 1872 г. приглашеніе на каѳедру отъ марбургскаго университета; въ Швейцаріи онъ велъ доблестную борьбу во главѣ мелко-буржуазной и мелко-крестьянской демократіи, сила которой еще не была сломлена; затѣмъ извѣстное вліяніе на него оказало сочиненіе Брентано объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ. Ланге полагалъ, что „значительными работами" Брентано поколеблены „крайнія воззрѣнія" Маркса, согласно которымъ сильная профессіональная организація и дѣйствительное на практикѣ фабричное законодательство имѣютъ ничтожное значеніе въ сравненіи съ необходимостью соціальной революціи. Но если Ланге не обращался больше спеціально къ рабочимъ, то онъ не переставалъ

все-таки быть старымъ, вѣрнымъ другомъ рабочаго класса. Какъ верховную цѣль всякой серьезной соціальной реформы, онъ по прежнему выставлялъ „дѣйствительное и полное уничтоженіе недостойной зависимости рабочихъ отъ предпринимателей"; прозрачно намекая на катедеръ-соціалистическій флюгеръ—Адольфа Вагнера, онъ писалъ, что людей, цитирующихъ въ спеціальныхъ брошюрахъ Франклина въ доказательство того, что рабочіе могутъ улучшить свою судьбу только путемъ трудолюбія и бережливости, вообще нельзя принимать въ разсчетъ. Затѣмъ Ланге, при всемъ своемъ уваженіи къ работамъ Брентано, считалъ по меньшей мѣрѣ допустимымъ вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣ трудныя завоеванія рабочихъ, такъ часто урѣзываемыя или отнимаемыя обратно силою капитала, разсматривать только какъ подготовительныя ступени къ коренному преобразованію отношеній, которое охватитъ одновременно государственное устройство и форму собственности. Этимъ самымъ онъ подошелъ очень близко къ воззрѣнію Маркса, который никогда не объявлялъ профессіональныхъ организацій и фабричнаго законодательства лишенными всякаго значенія, но безспорно видѣлъ въ нихъ всегда только „подготовительныя ступени къ коренному преобразовані ". Однако по существу Ланге обращался въ 3-мъ изданіи своей книги къ буржуазному кругу читателей, какъ онъ въ первомъ ея изданіи обращался къ читателямъ-пролетаріямъ. Онъ разоблачилъ внутреннее ничтожество иллюзій, распространяемыхъ корыстными буржуазными экономистами, и съ убѣдительными доводами въ рукахъ выступилъ противъ предразсудковъ образованныхъ филистеровъ; болѣе „вѣрнаго Эккарта" не могла пожелать себѣ буржуазная культура, сколько-нибудь заслуживающая еще своего имени.

Значительно ниже стояла уже другая книжка, прозвучавшая весною 1874 г. въ буржуазномъ лагерѣ какъ голосъ напоминанія и предостереженія: мы разумѣемъ „*Сущность соціализма*" Шеффле. Въ политическомъ отношеніи весьма неясная голова, нѣкогда партикуляристско-демократическій пруссофобъ въ Швабіи, затѣмъ австрійскій министръ торговли въ феодальномъ министерствѣ, наконецъ, нимфа Эгерія при нищенскомъ соціализмѣ Бисмарка, Шеффле никогда не понималъ историческаго оправданія рабочаго движенія, которое Ланге понималъ въ высокой степени. Онъ понялъ научный соціализмъ какъ утопическую систему, которая хочетъ провести обобществленіе средствъ производства на основѣ капиталистическаго понятія цѣнности, и пришелъ вслѣд-

ствіе этого къ ряду грубыхъ недоразумѣній. Но что̀ несомнѣнно было дѣломъ Шеффле и что̀ составляло заслугу въ 1874 г., это его открытая оппозиція „противъ губительнаго вліянія громкихъ фразъ, софизмовъ, страстей, предразсудковъ, самообмана и извѣтовъ", которыми буржуазія думаетъ стать выше „дѣлителей"—соціалистовъ. Считая обобществленіе средствъ производства цѣлью, достиженіе которой представляется весьма сомнительнымъ, Шеффле показалъ, однако, что будь оно возможно, оно представляло бы безконечныя преимущества въ сравненіи съ капиталистическимъ частно-хозяйственнымъ строемъ производства, этимъ „лучшимъ изъ міровъ". Его аргументація, подобно аргументаціи Ланге, не осталась безъ всякаго вліянія на буржуазную идеологію, но еще раньше чѣмъ это дѣйствіе могло стать сколько-нибудь широкимъ и глубокимъ, появился на сценѣ, колотя изо всѣхъ силъ въ барабанъ, глашатай и пророкъ новой имперіи, чтобы своимъ шумомъ и трескомъ снова оглушить головы патріотовъ.

Лѣтомъ 1874 г. Трейчке опубликовалъ статьи о соціализмѣ и его покровителяхъ („Der Sozialismus und seine Gönner"), гдѣ онъ предостерегъ всѣхъ патріотовъ противъ катедеръ-соціалистическаго лимонада и, тѣмъ болѣе, противъ неподмѣшаннаго вина научнаго коммунизма, какъ противъ ядовитыхъ напитковъ. По всему ходу своего образованія и развитія Трейчке долженъ былъ бы самъ принадлежать къ катедеръ-соціалистическому направленію, но какъ самый искренній и остроумный среди буржуазныхъ фанатиковъ германскаго единства онъ съ вѣрнымъ инстинктомъ предвидѣлъ, что въ лицѣ соціалъ-демократіи наростаетъ сила, которая побѣдоносно перешагнетъ черезъ всѣ его идеалы, съ такимъ трудомъ спаянные кровью и желѣзомъ. Такимъ образомъ онъ сталъ самымъ страстнымъ изъ всѣхъ соціалистоѣдовъ. Такъ какъ онъ никогда не занимался серьезно экономическими вопросами, то принужденъ былъ оперировать при помощи самыхъ старыхъ общихъ мѣстъ манчестерства, которыя провозглашалъ такъ громко и торжественно, словно бы онъ привезъ свѣжій транспортъ божественныхъ посланій съ горы Синая. Утверждая, что онъ почерпнулъ свою соціально-политическую мудрость изъ соціальной статистики фритредеровъ, слѣдовательно—изъ несуществующаго источника, Трейчке тѣмъ самымъ удостовѣрялъ свое полное невѣжество въ экономическихъ вопросахъ; онъ охотно приносилъ также въ жертву на алтарь отечества свою репутацію историка изуми-

тельнымъ утвержденіемъ, что англійскіе фридтредеры были иниціаторами англійскаго фабричнаго законодательства. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ опереться на фритредерское ученіе, онъ спасался естественно-научной доктриной. Если единоспасающая конкурренція, какъ регуляторъ человѣческаго общества, теряла кредитъ въ публикѣ, то можно было съ такимъ же удобствомъ плавать подъ флагомъ борьбы за существованіе. Развитіе человѣческаго рода зависитъ отъ вѣчнаго неравенства людей; оно питается нищетою массъ и обновляется въ кровавой банѣ полей сраженія. То, что Дарвинъ съ добросовѣстностью научнаго изслѣдователя констатировалъ какъ безсознательный инстинктъ самосохраненія въ животномъ мірѣ, Трейчке провозгласилъ нравственнымъ закономъ человѣчества. Гвидо Вейссъ мѣтко замѣтилъ по этому поводу: скотству нѣтъ надобности стыдиться впредь своего имени, ступайте и учитесь у хищнаго звѣря.

И они пошли и стали учиться у хищнаго звѣря. Но какъ громко ни расхваливала консервативная и либеральная печать Трейчке, этого обрѣтеннаго наконецъ побѣдителя въ борьбѣ съ дракономъ, однако Бисмаркъ былъ слишкомъ практическимъ политикомъ, чтобы вѣрить въ библейское чудо и надѣяться на паденіе іерихонскихъ стѣнъ хотя бы отъ самой громкой трубы. Онъ считался съ осязательными способами воздѣйствія, и такъ какъ рейхстагъ еще отказывалъ ему въ исключительныхъ законахъ противъ рабочаго класса, то онъ напалъ на правдоподобную мысль, что нужно шире, чѣмъ до сихъ поръ, использовать противъ соціалъ-демократіи арсеналъ мантейфелевской реакціи. Главнымъ орудіемъ его въ этомъ государственномъ подвигѣ былъ прокуроръ Тессендорфъ, ограниченный бюрократъ и плохой юристъ, но одна изъ тѣхъ раболѣпныхъ натуръ, которыхъ не пугаетъ никакая прислужническая роль. Тессендорфъ, выдвинувшійся въ качествѣ прокурора въ Магдебургѣ яростнымъ преслѣдованіемъ соціалъ-демократической агитаціи, былъ вызванъ въ Берлинъ и нашелъ въ седьмомъ отдѣленіи берлинскаго городского суда коллегію изъ трехъ судей, достойную такого прокурора.

Уже въ январѣ 1874 г. Тессендорфъ пріобрѣлъ свои первые лавры по части спасенія государства на наборщикѣ Гейншѣ, берлинскомъ уполномоченномъ эйзенахцевъ, который не согрѣшилъ ни устно, ни печатно, но заслуживалъ основательнаго наказанія, какъ превосходный организаторъ рабочаго класса. Гейншъ былъ преданъ суду за возбужденіе однихъ классовъ противъ дру-

гихъ и прочія преступлені основаніемъ послужило то, что онъ раздавалъ на одномъ рабочемъ празднествѣ карточки, на оборотѣ которыхъ была напечатана широко распространенная рабочая пѣсенка, никогда не подававшая раньше повода къ судебному преслѣдованію. Тессендорфъ требовалъ для подсудимаго двухъ лѣтъ тюрьмы, и седьмое отдѣленіе суда приговорило его къ тюремному заключенію на 1 годъ. При этомъ Тессендорфъ возвѣстилъ, что онъ „разсчитается" скоро съ Мостомъ, помѣстившимъ это стихотвореніе въ изданномъ имъ сборникѣ пѣсенъ. Тотчасъ послѣ закрытія сессіи рейхстага Мостъ былъ арестованъ въ Майнцѣ, отвезенъ въ Берлинъ, посаженъ вмѣстѣ съ ворами и мошенниками и преданъ суду за замѣчаніе, сдѣланное имъ въ рѣчи по поводу парижской Коммуны,—что революція незбѣжна, если господствующіе классы не рѣшатся на своевременныя реформы; въ этомъ замѣчаніи обвинительный актъ усматривалъ „возбужденіе однихъ классовъ противъ другихъ". За такую „дерзкую угрозу", постоянно встрѣчавшуюся даже у самыхъ смирныхъ катедеръ-соціалистовъ, Тессендорфъ предложилъ $3^1/_2$ года тюремнаго заключенія, и достойные судьи, которые по извѣстному анекдоту временъ Фридриха Великаго „существуютъ еще въ Берлинѣ", приговорили Моста къ году тюрьмы.

Однако Тессендорфъ и другіе прокуроры того же сорта отнюдь не ограничились преслѣдованіемъ эйзенахцевъ. Не считая мелкихъ дѣлъ, кончившихся денежными штрафами, въ одной Пруссіи было осуждено за первые 7 мѣсяцевъ 1874 г. по 104 процессамъ ни болѣе ни менѣе какъ 78 лассальянцевъ, причемъ сумма ихъ наказаній составила 211 мѣсяцевъ и 3 недѣли тюремнаго заключенія. Приговоры эти состоялись сплошь на основаніи каучуковыхъ параграфовъ — за оскорбленіе государственныхъ учрежденій, за возбужденіе однихъ классовъ населенія противъ другихъ, за сопротивленіе государственной власти, за оскорбленіе величества и другихъ лицъ, причемъ не малое мѣсто занимало „оскорбленіе Бисмарка", за которое Газенклеверъ и многіе другіе поплатились 3 мѣсяцами тюрьмы. „Великій человѣкъ 19-го столѣтія" напалъ, наконецъ, на оригинальную мысль, до которой не успѣлъ еще додуматься его старый покровитель Мантейфель: онъ приказалъ отлитографировать себѣ тысячи готовыхъ формуляровъ съ предложеніемъ о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, которое украшалъ въ часы досуга собственноручной подписью, чтобы пускать ихъ въ ходъ противъ критиковъ его системы, какъ

противъ оскорбителей его личности. Судебные приговоры надъ лассальянцами были въ юридическомъ отношенiи сплошь такого же сорта, какъ и приговоры надъ Гейншемъ и Мостомъ, и слава седьмого отдѣленiя, какъ чего-то единственнаго въ своемъ родѣ, очень быстро померкла. Снова подтвердилось замѣчанiе, сдѣланное нѣкогда Гельвецiемъ относительно судей, состоящихъ на жалованьѣ, и повторенное въ нѣсколько болѣе вѣжливыхъ выраженiяхъ такимъ виднымъ юристомъ, какъ Твестенъ: если бы у чумы были для раздачи ордена и пенсiи, то юристы стали бы доказывать, что чума существуетъ по закону божескому и человѣческому и уклоняться отъ нея значитъ совершать государственную измѣну.

Равномѣрно суровое преслѣдованiе лассальянцевъ и эйзенахцевъ опять устранило изрядную долю стараго вздора, раздѣлявшаго еще обѣ соцiалъ-демократическiя фракцiи. Тѣмъ не менѣе общее собранiе лассальянцевъ, засѣдавшее въ Троицынъ день въ Ганноверѣ, отклонило предложенiе объединиться съ эйзенахцами, а конгрессъ эйзенахцевъ, собравшiйся мѣсяца два спустя въ Кобургѣ, хотя и высказалъ свою склонность къ объединенiю, но отложилъ практическое выясненiе его возможности до слѣдующаго года. Единственнымъ препятствiемъ къ полному слiянiю являлся теперь только организацiонный вопросъ. Эйзенахцы не хотѣли подчиниться слишкомъ строгой централизацiи, между тѣмъ какъ лассальянцы не желали отказаться отъ нея, несмотря на то, что какъ разъ ганноверское общее собранiе ихъ показало снова, что самое непрiятное послѣдствiе централизацiи—взаимныя столкновенiя между вождями — то и дѣло всплываетъ опять. Въ это время Тессендорфъ напалъ на спасительную мысль: разрушимъ соцiалъ-демократическую организацiю, сказалъ онъ себѣ, и нѣтъ больше соцiалъ-демократической партiи. Ничто не было заслуженнѣе благодарности, которую соцiалъ-демократическiя газеты 70-хъ гг. выражали этому спасителю, явившемуся въ трудную минуту жизни.

Тотчасъ послѣ ганноверскаго общаго собранiя въ Берлинѣ были произведены массовые обыски у видныхъ лассальянцевъ, и цѣлыя корзины съ ихъ бумагами отвезены въ полицiю. Лассальянцы сообразили, какая цѣль преслѣдуется властями, и Газенклеверъ немедленно перенесъ мѣстопребыванiе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза въ Бременъ. Прошли, однако, времена, когда реакцiя соблюдала, по крайней мѣрѣ, смыслъ и текстъ

своихъ собственныхъ законовъ. Тельке попытался еще разъ доказать въ *„Новомъ Соціалъ-демократѣ“*, что къ организаціи союза нельзя придраться даже при помощи прусскаго закона о союзахъ; дѣйствительно, она была приноровлена къ этому закону строже, чѣмъ организація какой бы то ни было другой политической партіи. Но редакція сопроводила разсужденія Тельке столь же краткимъ, сколько мѣткимъ замѣчаніемъ, что если Союзъ обреченъ властями на закрытіе, то юридическія сомнѣнія меньше всего остановятъ ихъ. Уже 25 іюня Тессендорфъ имѣлъ возможность предъявить постановленіе суда о предварительномъ закрытіи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Какъ и при прежнихъ закрытіяхъ, предлогомъ послужилъ § 8 закона о союзахъ, запрещающій образованіе филіальныхъ союзовъ. Такая же мѣра была принята противъ лассальянскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и противъ союза работницъ, начавшаго организовывать пролетарское женское движеніе; скоро очередь дошла и до берлинской организаціи эйзенахцевъ. Подобно праву союзовъ, для рабочихъ перестало фактически существовать и право собраній, такъ какъ ихъ собранія распускались подъ предлогомъ, что это—продолженіе закрытой союзной организаціи. Коротко сказать, эра Тессендорфа показала, что реакціонными законами о союзахъ, изданными во время контръ-революціи, можно злоупотреблять противъ пролетаріата въ несравненно большей еще степени, чѣмъ это дѣлалось нѣкогда противъ буржуазіи.

Но при такихъ обстоятельствахъ объединеніе обѣихъ соціалъ-демократическихъ фракцій становилось неотложной необходимостью. Разъ внѣшнія подпоры организаціи были выбиты, то партія имѣла тѣмъ большіе шансы устоять, чѣмъ многочисленнѣе она была. Это съумѣли сказать себѣ лассальянцы, и сообразно съ этимъ они поступили. До извѣстной, хотя и ограниченной только степени, сліяніе съ эйзенахцами было ускорено также мелкой ревностью среди лассальянскихъ вождей; главное и рѣшающее значеніе имѣло, однако, то обстоятельство, что Тессендорфъ удалилъ послѣднее яблоко раздора и своими грубыми преслѣдованіями сплотилъ въ одну сомкнутую фалангу всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ. Тельке, бывшій до тѣхъ поръ самымъ упрямымъ фанатикомъ организаціи среди лассальянцевъ, обратился осенью 1874 г. къ Гейбу и Либкнехту, которые безъ колебаній схватили протянутую имъ руку примиренія.

Подробности объединенія были впервые обсуждены соціалъ-де-

мократическими депутатами рейхстага 15 декабря 1875 г. На вопросъ Гейба объ условіяхъ лассальянцевъ Гассельманъ заявилъ, что основное требованіе ихъ заключается въ безусловномъ признаніи пролетарской классовой борьбы. Эйзенахцы были, повидимому, нѣсколько поражены этимъ, такъ какъ они могли ожидать скорѣе какого-нибудь специфическаго требованія лассалевской программы, напр., производительныхъ ассоціацій при содѣйствіи государственнаго кредита. Но соотвѣтственно всему историческому развитію лассальянцевъ Гассельманъ могъ поставить именно только это требованіе, какъ альфу и омегу объединенія. Понятно, что эйзенахцы тотчасъ выразили свое согласіе. Вечеромъ того же дня состоялось массовое собраніе, на которомъ берлинскіе рабочіе съ бурнымъ ликованіемъ привѣтствовали депутатовъ обѣихъ фракцій.

Три недѣли спустя оба потока рабочаго движенія слились также въ Гамбургѣ. 1 января 1875 г. умеръ вѣрный Іоркъ, въ возрастѣ полнаго расцвѣта силъ, преждевременно сведенный въ могилу чрезвычайными трудами и борьбою. Лассальянцы и эйзенахцы вмѣстѣ проводили его до мѣста послѣдняго упокоенія, внушительной процессіей изъ 5.000 человѣкъ, надъ которой развѣвалось свыше 20 флаговъ. Когда старый пріятель Іорка вмѣшался въ ряды у Гольстенскихъ Воротъ и спросилъ одного изъ знаменоносцевъ, какому рабочему союзу принадлежитъ красивое знамя, то здоровый молодой рабочій отвѣтилъ: „Это безразлично, къ чему спрашивать? Всѣ мы едины".

Глава IV.

Объединительный конгрессъ въ Готѣ.

Подробныя совѣщанія по вопросу о томъ, какъ осуществить на практикѣ сліяніе обѣихъ фракцій, происходили въ Готѣ 14 и 15 февраля 1875 г. Съ каждой стороны присутствовали 9 членовъ: со стороны лассальянцевъ — Газенклеверъ, Гассельманъ, Гартманъ, оба Капелла, Рейндерсъ, со стороны эйзенахцевъ— Либкнехтъ, Моттелеръ, Вальтейхъ, Гейбъ, затѣмъ Эдуардъ Бернштейнъ, молодой банковый служащій изъ Берлина, Вильгельмъ Бокъ изъ Готы, пріобрѣвшій заслуги въ дѣлѣ профессіональной организаціи сапожниковъ, и Игнатій Ауэръ, который обнаружилъ выдающіеся таланты какъ руководитель саксонской избирательной кампаніи и съ лѣта 1874 г. замѣщалъ Іорка въ должности секретаря партіи. Бебель сидѣлъ еще въ тюрьмѣ.

Протоколъ этого предварительнаго совѣщанія не былъ обнародованъ, но результатъ его былъ опубликованъ въ видѣ двухъ проектовъ: организаціи и программы новой объединенной партіи. Проектъ организаціи, считаясь съ реакціонными преслѣдованіями, отказывался отъ образованія союза; къ партіи могъ принадлежать всякій, кто раздѣляетъ ея программу и активно содѣйствуетъ охранѣ партійныхъ интересовъ, между прочимъ—и путемъ денежныхъ жертвъ. Диктаторская верхушка была срѣзана, но въ интересахъ сильной централизаціи установлено избраніе всѣхъ органовъ партіи ежегоднымъ партійнымъ конгрессомъ. Въ качествѣ партійныхъ органовъ должны были функціонировать—рядомъ съ редакціями обѣихъ оффиціальныхъ газетъ, которыя пока были оставлены обѣ—правленіе изъ пяти, контрольная комиссія изъ семи и комитетъ изъ 18 членовъ. Какъ члены правленія,

такъ и члены контрольной комиссіи должны были жить въ одномъ и томъ же городѣ, члены же комитета могли жить въ различныхъ мѣстахъ. Задача комитета должна была состоять въ разрѣшеніи споровъ между правленіемъ и контрольной комиссіей.

Что касается проекта программы, то онъ былъ компромиссомъ между прежними программами лассальянцевъ и эйзенахцевъ, но компромиссомъ гораздо больше по формѣ, нежели по существу. Поступиться чѣмъ-либо изъ своихъ убѣжденій не было надобности ни одной изъ фракцій, по той простой причинѣ, что въ существенныхъ пунктахъ эти убѣжденія совпадали. Поскольку между ними существовало еще различіе, лассальянцы были болѣе развитой фракціей, и потому имъ удалось также внести въ новую программу всѣ свои боевые лозунги: полный продуктъ труда для рабочихъ, желѣзный законъ заработной платы, производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита, „сплошную реакціонную массу“, — но все это было сдѣлано такимъ образомъ, что отъ эйзенахцевъ не требовали пожертвованія своими болѣе правильными воззрѣніями. Единственное изъ этихъ требованій, не пользовавшееся общимъ признаніемъ среди эйзенахцевъ, производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита, было прямо разъяснено въ томъ смыслѣ, въ какомъ его всегда выставляли лассальянцы, и въ какомъ оно безъ всякихъ колебаній могло быть подписано эйзенахцами.

Уже первое основное положеніе было общимъ достояніемъ обѣихъ фракцій; оно гласило: „Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ полезный трудъ возможенъ только въ обществѣ и черезъ посредство общества, то продуктъ принадлежитъ полностью, на равныхъ правахъ, всѣмъ членамъ общества“. Положеніе это было точной формулировкой мысли, что такъ какъ всѣ цѣнности создаются общественно-необходимымъ трудомъ, то онѣ принадлежатъ также полностью всѣмъ работникамъ. Притязаніе рабочаго на „полный продуктъ его труда“ было нравственно-правовымъ, „естественно-правовымъ“ протестомъ противъ земельной ренты и прибыли на капиталъ, противъ присвоенія прибавочной цѣнности господствующими классами. Но для обѣихъ фракцій оставался еще пока сокрытымъ взглядъ на прибавочную цѣнность, какъ на факторъ, преобразующій капиталистическое общество въ соціалистическое; взглядъ, согласно которому соціалистическое общество производитъ какъ

таковое, и потому продуктъ коллективнаго труда также принадлежитъ обществу и можетъ быть распредѣленъ между отдѣльными членами общества лишь „неполнымъ" образомъ, лишь поскольку онъ не нуженъ для коллективныхъ цѣлей общества. За исключеніемъ этого пункта въ принципіальной части программы нашли себѣ вполнѣ ясное выраженіе—мы не говоримъ объ отдѣльныхъ спорныхъ или неточныхъ фразахъ—превращеніе средствъ труда въ достояніе всего общества, полное устраненіе системы наемнаго труда и пролетарская классовая борьба, какъ единственное средство для освобожденія рабочаго класса. Столь же ясно была подчеркнута необходимость работать ближайшимъ образомъ въ національныхъ рамкахъ, не забывая, однако, о задачахъ и обязанностяхъ международнаго рабочаго движенія.

Практическія требованія, съ которыми проектъ программы обращался къ капиталистическому обществу, сводились къ полной демократизаціи государства, неограниченной свободѣ коалицій и радикальному законодательству объ охранѣ труда. Въ качествѣ средства для перехода отъ капиталистическаго къ соціалистическому строю фигурировали производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита и подъ демократическимъ контролемъ трудящагося народа, которыя слѣдуетъ призвать къ жизни и въ земледѣліи и въ промышленности, въ такихъ размѣрахъ, чтобы изъ нихъ неизбѣжно возникла соціалистическая организація коллективнаго труда.

Какъ извѣстно, Марксъ подвергъ этотъ проектъ программы очень рѣзкой критикѣ въ письмѣ, посланномъ 5 мая изъ Лондона Гейбу, Бракке, Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Письмо еще теперь крайне поучительно по своимъ принципіально-положительнымъ точкамъ зрѣнія; его отрицательный взглядъ попадалъ, однако, часто мимо цѣли, и по той причинѣ, что исходилъ изъ фактически невѣрныхъ предпосылокъ. Марксъ упускалъ изъ виду, что проектъ программы точно отражалъ теоретическіе взгляды *обѣихъ* фракцій; онъ полагалъ, что эйзенахцы охватили уже научный коммунизмъ во всѣхъ его логическихъ выводахъ, а лассальянцы не болѣе какъ отсталая секта, которая выбита изъ позиціи ходомъ историческаго развитія и должна сдаться эйзенахцамъ. Этой ошибкой объясняется крайнее раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго Марксъ написалъ свое письмо. Онъ отнюдь не преувеличивалъ цѣнности программъ, а, напротивъ, говорилъ вполнѣ откровенно: „Каждый шагъ практическаго движенія важнѣе дю-

жины программъ". Но онъ былъ противъ всякаго „торга принципами" и полагалъ, что лучше, не пускаясь въ такой торгъ, удовольствоваться соглашеніемъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій противъ общаго врага. Самъ по себѣ этотъ взглядъ не могъ вызывать никакихъ возраженій. Если бы одна изъ обѣихъ фракцій пожертвовала хотя бы чѣмъ-нибудь изъ своихъ принциповъ, то новая, объединенная партія была бы, конечно, „деморализована" этимъ; дѣло дошло бы очень скоро до новаго раскола, и раскола тѣмъ болѣе опаснаго, что приближалось время, когда отсутствіе исчерпывающаго теоретическаго воззрѣнія должно было дать себя сильно чувствовать на практикѣ.

Ошибка Маркса заключалась въ томъ, что онъ переоцѣнивалъ эйзенахцевъ и умалялъ цѣну лассальянцевъ. Какимъ образомъ онъ впалъ въ ошибку относительно эйзенахцевъ, трудно сказать съ полной опредѣленностью. Если онъ внимательно и аккуратно читалъ „*Volksstaat*", то онъ врядъ-ли могъ не замѣтить, какъ много эклектическаго соціализма встрѣчалось еще на столбцахъ эйзенахскаго органа. Повидимому, Марксъ видѣлъ въ такихъ людяхъ, какъ Дицгенъ, типическое воплощеніе массы эйзенахской партіи, а полемика *Volksstaat*'а противъ мнимаго сектантства лассальяцевъ невольно привела его къ невѣрному взгляду, что эйзенахцы теоретически болѣе развиты, нежели они фактически были. Легче понять, почему Марксъ умалялъ значеніе лассальянцевъ. Во время борьбы между фракціями „*Volksstaat*" имѣлъ обыкновеніе увѣрять, что Марксъ совершенно не читаетъ „*Новаго Соціалъ-демократа*"; но разъ Марксъ представлялъ себѣ лассальянцевъ такими, какими они изображались въ *Volksstaat*'ѣ, то онъ долженъ былъ, конечно, имѣть совершенно ложное понятіе о нихъ.

Если, такимъ образомъ, эйзенахцы не измѣнили своимъ принципамъ въ проектѣ готской программы, то, съ другой стороны, лассальянцы не сдѣлали въ немъ тѣхъ оговорокъ, въ которыхъ подозрѣвалъ ихъ Марксъ. Вопреки своему обыкновенію—судить всегда о рабочемъ движеніи по его общему характеру—Марксъ на этотъ разъ черезчуръ взялъ вещи подъ микроскопъ и за мелкими неровностями или неточностями языка искалъ заднихъ мыслей, которыя въ дѣйствительности не скрывались за ними. Нельзя отрицать также, что на сужденіи Маркса сказалась въ этомъ письмѣ его антипатія къ Лассалю. Когда Марксъ говорилъ, что Лассаль грубо фальсифицировалъ Коммунистическій Манифестъ для оправданія своего союза съ абсолютистскими и фео-

дальными противниками буржуазіи, то упрекъ былъ столь же жестокъ, сколько несправедливъ. Лассаль не заключалъ подобнаго союза и не провинился въ грубой фальсификаціи Коммунистическаго Манифеста. Устанавливая желѣзный законъ заработной платы, онъ исходилъ не изъ Мальтуса, а понималъ его какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ законъ понимался Коммунистическимъ Манифестомъ. Точно также Лассаль не изобрѣлъ фразы о „сплошной реакціонной массѣ“: она возникла, такъ сказать, сама собою изъ 12-лѣтняго опыта германскаго рабочаго класса, потому что каждый разъ, когда этотъ классъ хотѣлъ поддержать либеральную буржуазію въ борьбѣ противъ абсолютизма и феодализма, онъ всегда получалъ отъ либеральной буржуазіи первые и самые яростные удары. Столь же сильно ошибался Марксъ, когда за положеніемъ: „въ современномъ обществѣ орудія труда составляютъ монополію класса капиталистовъ“, видѣлъ предосудительное наслѣдіе Лассаля, который будто бы хотѣлъ напасть только на капиталистовъ, а не на земельныхъ собственниковъ. „Классъ капиталистовъ“ былъ взятъ какъ разъ изъ эйзенахской программы, гдѣ это выраженіе было употреблено, конечно, въ своемъ общемъ смыслѣ, обнимающемъ также землевладѣльцевъ, тогда какъ именно лассальянцы съумѣли взглянуть на аграрный вопросъ гораздо принципіальнѣе, чѣмъ эйзенахцы. И въ этомъ, и въ другихъ мѣстахъ своего письма Марксъ слишкомъ поддался чувству раздраженія, которое было бы вполнѣ справедливо, если бы его фактическія предпосылки отвѣчали дѣйствительности.

Письмо Маркса произвело то дѣйствіе, какое оно при тогдашнихъ обстоятельствахъ только и могло имѣть. Благодаря ему отдѣльныя положенія программы были формулированы болѣе ясно и точно, но по существу дѣла оно ничего не измѣнило. Новымъ доказательствомъ того, что проектъ отвѣчалъ уровню теоретическаго пониманія обѣихъ фракцій, было почти единодушное одобреніе, которое онъ встрѣтилъ повсюду среди сознательныхъ рабочихъ. Наиболѣе строгой критикѣ проектъ подвергся на западногерманскомъ рабочемъ съѣздѣ, происходившемъ 15 апрѣля въ Дортмундѣ. Замѣчанія, сдѣланныя здѣсь противъ проекта, сходились во многихъ отношеніяхъ съ принципіальными возраженіями, которыя выставилъ нѣсколько недѣль спустя Марксъ въ своемъ письмѣ о готской программѣ; характерно при этомъ, что на западно-германскій рабочій съѣздъ явились представители по-

чти однихъ лассальянцевъ, и что „*Volksstaat*“ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ эту критику. 18 мая Тельке послалъ газетѣ письмо, гдѣ въ успокоеніе ей заявлялъ, что западно-германскій съѣздъ и въ мысляхъ не имѣлъ создать яблоко раздора съ цѣлью помѣшать объединительнымъ стремленіямъ; если это требуется для объединенія, то участники съѣзда готовы принять всякую программу, не противорѣчащую принципамъ партіи, хотя бы то былъ только бѣлый листъ бумаги съ нарисованнымъ на немъ сжатымъ кулакомъ.

Самое объединеніе произошло затѣмъ на готскомъ конгрессѣ, засѣдавшемъ съ 22-го до 27-го мая. Право быть представленными на немъ имѣли только тѣ члены партіи, которые дѣлали въ послѣдніе 3 мѣсяца взносы въ пользу одной изъ обѣихъ фракцій. Изъ лассальянцевъ присутствовали 73 делегата съ 15.322 голосами, изъ эйзенахцевъ—56 делегатовъ съ 9.121 голосомъ. Работы конгресса прошли гладко и быстро, безъ особыхъ инцидентовъ. Докладъ по вопросу о программѣ сдѣлали въ полномъ согласіи другъ съ другомъ Либкнехтъ и Гассельманъ. Правда, Либкнехтъ оспаривалъ желѣзный законъ заработной платы, но не по тѣмъ основаніямъ, которыя Марксъ изложилъ въ „*Капиталѣ*“, а потому, что обычное словоупотребленіе видитъ въ „желѣзномъ“ законѣ нѣчто неизмѣнное и вѣчное, между тѣмъ какъ законъ заработной платы существуетъ только въ капиталистическомъ, а не въ соціалистическомъ обществѣ. Само собою понятно, что Лассаль, говоря о „желѣзномъ законѣ“, имѣлъ всегда въ виду только капиталистическое общество, на этотъ счетъ не существовало никогда ни малѣйшихъ сомнѣній, и такимъ образомъ желѣзный законъ заработной платы остался въ программѣ. Точно также въ ней остались производительныя ассоціаціи при содѣйствіи государственнаго кредита, о которыхъ Гассельманъ не безъ основанія сказалъ, что онѣ никогда не были неправильно понимаемы лассальянцами, а всегда только эйзенахцами. Относительно „сплошной реакціонной массы“ голосовали поименно: 111 делегатовъ съ 23.022 голосами были *за*, 12 делегатовъ съ 2.191 голосомъ были *противъ*; меньшинство состояло главнымъ образомъ изъ саксонскихъ и южно-германскихъ делегатовъ, которые оспаривали этотъ лозунгъ не съ точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, а хотѣли лишь устранить его, какъ помѣху для совмѣстныхъ тактическихъ дѣйствій съ Народной партіей. Какъ скудны ни были дебаты по поводу программы, они тѣмъ самымъ под-

твердили, что серьезныхъ теоретическихъ разногласій между обѣими фракціями не существовало.

Надъ организаціоннымъ вопросомъ также не ломали себѣ долго головы. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ былъ окончательно распущенъ для Пруссіи судебнымъ опредѣленіемъ отъ 16-го марта; точно также было закрыто большинство лассальянскихъ профессіональныхъ союзовъ. Опытъ послѣдняго года показалъ, что всегда находятся суды, подтверждающіе—хотя бы послѣ нѣкотораго сопротивленія—любое истолкованіе закона о союзахъ полицейскими властями. Организаціонный проектъ былъ въ существенныхъ чертахъ принятъ; сохранена была также нѣсколько неуклюжая группировка трехъ высшихъ органовъ партіи, вопреки совѣту Ауэра, докладчика по организаціонному вопросу. Насколько она оказалась бы пригодной на практикѣ, трудно сказать, такъ какъ готская организація была скоро разгромлена Тессендорфомъ. Вообще формальные организаціонные вопросы отнынѣ совершенно отступили на задній планъ. Благодаря своимъ гонителямъ, партія не могла больше позволить себѣ такой роскоши, какъ организаціонный культъ, она просто устраивала свои окопы повсюду, гдѣ надвигался непріятель, а солидарность пролетаріата брала уже на себя заботу о томъ, чтобы окопы были всегда заняты стойкими солдатами. Мѣстопребываніе правленія было перенесено въ Гамбургъ, столицу соціалистической Германіи, какъ выразился Бебель; по его предложенію въ правленіе были выбраны, соотвѣтственно численности обѣихъ фракцій, 3 лассальянца и 2 эйзенахца: Газенклеверъ и Гартманъ — въ предсѣдатели, Ауэръ и Деросси—въ секретари, Гейбъ—въ кассиры. Окрещена была новая организація именемъ „Соціалистической рабочей партіи Германіи“ (Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands).

По вопросамъ, касавшимся партійной прессы, было также быстро достигнуто соглашеніе. Со всѣхъ сторонъ выражалось желаніе имѣть только одинъ главный органъ, но до поры до времени пришлось по очень вѣскимъ, въ особенности финансовымъ соображеніямъ оставить, въ качествѣ центральныхъ органовъ, „*N. Sozialdemokrat*“ и „*Volksstaat*“. Мѣстныя партійныя газеты должны были лишь въ томъ случаѣ считаться партійными органами и имѣть право на матеріальную и моральную поддержку партіи, если при основаніи ихъ было испрошено согласіе партійныхъ властей. Замѣчалась уже извѣстная реакція противъ слишкомъ усерднаго основыванія мѣстныхъ газетъ,—замѣчалась и среди эйзенахцевъ и даже

именно у нихъ, располагавшихъ по этому пункту практическимъ опытомъ; доводы *за* и *противъ* многочисленной мѣстной прессы были какъ разъ въ это время тщательно взвѣшены въ поучительной полемикѣ между Карломъ Гиршемъ и Ауэромъ. Съ этимъ былъ связанъ еще другой вопросъ—основаніе кооперативныхъ типографі первыми приступили къ нему эйзенахцы въ Лейпцигѣ, лассальянцы же отказывались до сихъ поръ обременять себя, какъ боевую партію, имуществомъ, которое можетъ подвергнуться конфискаціи. Въ этомъ вопросѣ одержало верхъ воззрѣніе эйзенахцевъ. Въ крупныхъ центрахъ движенія потребность въ собственныхъ органахъ была слишкомъ сильна, чтобы ее можно было подавить, а кооперативныя типографіи представлялись удобнымъ средствомъ для обезпеченія членамъ партіи возможно болѣе широкаго и прочнаго права собственности на партійныя газеты.

Въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ не было больше споровъ. По предложенію Фрицше конгрессъ заявилъ, что покуда существуетъ наемный трудъ, до тѣхъ поръ устройство профессіональныхъ союзовъ необходимо и приноситъ пользу дѣлу рабочаго класса, насколько это возможно при хозяйственныхъ условіяхъ капиталистическаго общества. Профессіональныя организаціи лассальянцевъ и эйзенахцевъ слились; правда, для большого подъема въ профессіональномъ движеніи благопріятный моментъ прошелъ.

Готскій объединительный конгрессъ закрылся около полуночи 27-го мая при общемъ удовольствіи всѣхъ его участниковъ. Прошло ровно 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лассаль основалъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. Лассальянство навсегда угасло въ эти готскіе дни, а между тѣмъ это были самые свѣтлые дни для славы Лассаля. Какъ бы правъ ни былъ Марксъ со своими положительными возраженіями противъ готской программы, но судьба его письма по поводу нея ясно показала, что пути, по которымъ въ Германіи могла развиться могучая и непобѣдимая рабочая партія, какъ носительница соціальной революціи, — что эти пути были вѣрно опредѣлены Лассалемъ.

Глава V.

Германская Соціалистическая Рабочая Партія.

---

1. Начинающееся банкротство имперіи.

Въ то самое время, какъ революціонная рабочая партія сплачивалась воедино, образуя цѣльный организмъ, въ „реакціонной массѣ" буржуазныхъ партій началось реакціонное разложеніе. Крахъ, первыя тѣни котораго легли уже на парламентскіе выборы 1874 г., принялъ ужасающіе размѣры. Послѣ недолгаго пьянаго угара новая имперія извѣдала во время продолжительнаго похмелья, что значитъ конкуррировать на всемірномъ рынкѣ какъ равноправная держава. По разсчету, составленному въ началѣ 1875 г., цѣнность акцій 556 акціонерныхъ компаній (въ томъ числѣ 105 желѣзныхъ дорогъ) упала съ 6.770 милл. марокъ въ концѣ 1872 г. до 4.425 милл. марокъ въ концѣ 1874 г., слѣдовательно, уменьшилась на 2.345 милл. мар. или на 30%. Одна желѣзодѣлательная промышленность исчисляла свои убытки въ 455 милл. марокъ.

Въ своемъ отчаяніи по поводу кризиса крупные промышленники подняли жалобный вопль, требуя покровительственныхъ пошлинъ. Теперь это требованіе имѣло совершенно иной смыслъ, чѣмъ поколѣніемъ раньше. Если въ 30-хъ и 40-хъ гг. покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ требовали, какъ временнаго средства для воспитанія національной промышленности, то теперь объ этомъ не могло быть больше рѣчи. Въ серединѣ 70-хъ гг. нѣмецкая торговля на всемірномъ рынкѣ уступала по своимъ оборотамъ только англійской; сумма вывоза и ввоза составляла въ 1874 г. въ милліонахъ марокъ: Великобританія—13.380, Германія,—9.300, Франція—6.800, Соединенные Штаты—4.980. Въ промышленности и транспортномъ дѣлѣ Германія примѣняла паровую силу въ

бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ какое-либо другое государство европейскаго континента. При такихъ условіяхъ первоначальный историческій смыслъ покровительственныхъ пошлинъ на промышленныя издѣлія совершенно терялся. Отнынѣ крупные заводчики и фабриканты стали требовать ихъ для иной благородной цѣли: они хотѣли обезпечить себѣ высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе подрывать своихъ соперниковъ на всемірномъ рынкѣ при помощи непомѣрно низкихъ цѣнъ. Нужно было сдѣлать кровопусканіе собственнымъ соотечественникамъ, для того чтобы избыточные продукты крупной промышленности могли тѣмъ дешевле сбываться чужимъ націямъ.

Протекціонисты среди крупныхъ промышленниковъ нашли могущественныхъ союзниковъ въ протекціонистахъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ остъ-эльбскіе юнкеры превратились изъ ярыхъ сторонниковъ свободной торговли въ ярыхъ приверженцевъ таможеннаго покровительства. Благодаря промышленному подъему промышленное населеніе относительно увеличилось на счетъ населенія земледѣльческаго, а въ сельскомъ хозяйствѣ производство вспомогательныхъ матеріаловъ и сырья для промышленности возросло на счетъ производства пищевыхъ средствъ. Потребленіе пищевыхъ средствъ увеличилось быстрѣе ихъ производства внутри страны; хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты уже нельзя было вывозить больше, а приходилось ввозить ихъ. Этотъ ввозъ былъ необыкновенно облегченъ колоссальнымъ переворотомъ въ средствахъ сообщенія, стремительнымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства; въ особенности сельское хозяйство Соединенныхъ Штатовъ стало въ серединѣ 70-хъ гг. экспортной отраслью производства, наводнявшей мясомъ и хлѣбомъ германскій рынокъ, какъ и европейскіе рынки вообще. Но вмѣстѣ съ тѣмъ понизились также цѣны на хлѣбъ и мясо, и начала падать земельная рента прусскихъ юнкеровъ. Въ такую трудную минуту сіи испытанные патріоты не задумались бы предать самого Бога, короля и отечество; тѣмъ менѣе могла смутить ихъ необходимость бросить въ мусорную яму свои фритредерскіе принципы. Подобно крупнымъ промышленникамъ они рѣшились для поднятія своей падающей земельной ренты сдѣлать основательное кровопусканіе массамъ.

У правительства протекціонистская агитація встрѣтила глубоко сочувственный откликъ. Бисмаркъ былъ одновременно крупнымъ промышленникомъ и крупнымъ землевладѣльцемъ, и геній, вооду-

шевлявшій великаго человѣка 19-го столѣтія, скорбѣлъ вмѣстѣ съ обоими, столь тяжко бѣдствующими классами. Сверхъ того у него были еще свои особыя горести. Пять милліардовъ ушли въ трубу, но милитаризмъ остался и требовалъ съ году на годъ все большихъ жертвъ. Приходилось изыскивать новые источники доходовъ, притомъ такіе источники, которые бы текли въ изобиліи и не могли быть закрыты парламентскими постановленіями. Къ этой цѣли могли вести косвенные налоги, фискальныя пошлины, обращеніе крупныхъ отраслей производства и транспортнаго дѣла въ собственность государства. Въ Германской имперіи идеаломъ Бисмарка стала табачная монополія, въ Пруссіи—обращеніе желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства. Великій человѣкъ 19-го столѣтія открылъ теперь свое „соціалистическое" сердце. Что касается табачной монополіи, то отцами этого достославнаго „соціализма" были старый Фрицъ, Наполеонъ I и Меттернихъ, при казенномъ же выкупѣ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ его акушеркой служило Учетное Общество (Diskontogesellschaft), навязавшее имперскому инвалидному фонду массу желѣзнодорожныхъ акцій, рыночная цѣна которыхъ оказалась послѣ краха въ непріятномъ несоотвѣтствіи съ ихъ нарицательной цѣной. Такимъ образомъ, скупка прусскихъ желѣзныхъ дорогъ казною по сходной цѣнѣ стала цѣлью, къ которой всякій истинный патріотъ обязанъ былъ стремиться всѣми фибрами своей души.

Однако задуманное ограбленіе массъ не могло бы быть осуществлено, если бы телята сами не подставили своего горла мясникамъ. Къ этой самоотверженной услугѣ мелкобуржуазные классы выказали полную готовность. Крестьяне легко дали себя запугать страшнымъ призракомъ американской конкурренціи, несмотря на то, что значительное большинство мелкихъ землевладѣльцевъ, производившее пищевыя средства въ количествѣ, недостаточномъ даже для собственнаго потребленія, должно было терпѣть прямой убытокъ отъ хлѣбныхъ пошлинъ, а незначительное меньшинство болѣе зажиточныхъ крестьянъ могло извлечь изъ этихъ пошлинъ въ лучшемъ случаѣ небольшую выгоду, тотчасъ же пропадавшую опять вслѣдствіе одновременнаго введенія фискальныхъ и промышленныхъ пошлинъ. Что касается ремесленниковъ, которыхъ массами разоряло быстрое развитіе крупной промышленности, то не требовалось большого краснорѣчія, чтобы пробудить въ нихъ страстное томленіе по мяснымъ горшкамъ старыхъ таможенныхъ и цеховыхъ оградъ. Неспособные понять ходъ истори-

ческаго развитія и хватаясь, какъ безнадежно утопающіе, за соломинку, представители мелкой собственности въ городѣ и деревнѣ давали обманывать себя волшебными перспективами, которыя развертывали передъ ними аграрные и промышленные протекціонисты.

Мелко-буржуазной реакціи особенно способствовало возмущеніе честныхъ простаковъ по поводу аферистскихъ спекуляцій крупнаго капитала. Чѣмъ яснѣе крахъ вскрывалъ мошенничества грюндерскихъ годовъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что для такихъ большихъ воровъ въ крупно-буржуазномъ обществѣ не было висѣлицъ. Королевская слѣдственная комиссія, долженствовавшая, по хвастливому обѣщанію Ласкера, „освѣтить факеломъ отдаленнѣйшіе уголки", задула даже самый слабый ночникъ, свѣтъ котораго грозилъ скользнуть по одному изъ „благороднѣйшихъ и лучшихъ"; уже одной удивительной исторіей съ „неразысканнымъ свидѣтелемъ" Адикесомъ она предвосхитила панамскій скандалъ во Франціи. Адикесъ долженъ былъ дать показанія относительно учредительскихъ барышей при проведеніи линіи Ганноверъ-Альтенбекенъ, но несмотря на всѣ судорожные розыски слѣдственная комиссія не могла найти его,—въ то самое время, какъ Адикесъ въ качествѣ націоналъ-либеральнаго депутата сидѣлъ ежедневно въ рейхстагѣ на одной скамьѣ съ Ласкеромъ и Беннигсеномъ! Почти всѣ попытки добиться судебной кары за самыя явныя мошенничества, совершенныя въ годы учредительской спекуляціи, потерпѣли съ самаго начала неудачу или свелись на нѣтъ; въ лучшемъ случаѣ онѣ приводили къ судебнымъ процессамъ, во время которыхъ приказные люди въ очкахъ тотчасъ же попадали въ какой-нибудь тупикъ капиталистическаго лабиринта и въ своемъ юридическомъ смущеніи мямлили моральную тарабарщину насчетъ „профессіональнаго оклеветанія" „въ высшей степени почтенныхъ людей". Патріархальная вѣра мѣщанина, что право должно все-таки остаться правомъ, оказалась мыльнымъ пузыремъ, и всѣ мѣщане пришли отъ этого въ ярость.

Они дополнили „соціализмъ" покровительственныхъ пошлинъ и табачной монополіи „соціализмомъ глупцовъ"—антисемитизмомъ. Такъ какъ предъ крестьяниномъ и ремесленникомъ уничтожающій ихъ капиталъ выступалъ обыкновенно въ образѣ еврея, то они въ своемъ ограниченно-отсталомъ міровоззрѣніи принимали носителя извѣстной вещи за самое вещь. Это было тѣмъ понятнѣе, что во время спекулятивной горячки богатое еврейство выдѣли-

лось въ степени, которая неизбѣжно должна была навлечь на него непріязненное вниманіе; особенно замѣтно стало вліяніе еврейства въ берлинской общественной жизни. Антисемитизмъ нашелъ къ своимъ услугамъ множество бойкихъ перьевъ среди „интеллигентнаго пролетаріата", среди молодого поколѣнія мелкой буржуазіи, которое съ упадкомъ мелкой формы предпріятія спаслось въ ученыя профессіи, но стало уже задыхаться въ собственномъ изобиліи и открыло теперь походъ противъ еврейской конкурренціи въ этой области. Въ практической политикѣ антисемитизмъ былъ совершенно безцѣльнымъ движеніемъ, и онъ былъ вдвойнѣ безцѣленъ подъ эгидою Бисмарка, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти господа втихомолку не прочь были задать маленькій урокъ еврейской денежной аристократіи, но они были слишкомъ тѣсно связаны съ нею, чтобы причинить ей серьезную боль; „соціализмъ глупцовъ" былъ для нихъ лишь средствомъ тѣмъ крѣпче держать „глупцовъ" на веревочкѣ.

Все это реакціонное движеніе встрѣтило тѣмъ не менѣе противодѣйствіе, о которое оно при нормальныхъ условіяхъ непремѣнно разбилось бы. Довольно значительная часть буржуазіи по вполнѣ резоннымъ основаніямъ не хотѣла идти на протекціонистскій буксиръ къ крупнымъ промышленникамъ: въ особенности противъ этого были крупная торговля и крупное судоходство, равно какъ теоретики свободной торговли. Они стояли на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, что подобнаго рода таможенное покровительство живетъ исключительно настоящей минутой и зарѣзываетъ курицу, несущую золотыя яйца. Государственное поощреніе сбыта нѣмецкихъ товаровъ за-границей по непомѣрно низкимъ цѣнамъ должно было повести къ репрессаліямъ со стороны другихъ промышленныхъ государствъ и къ возведенію таможенныхъ преградъ, которыя чрезвычайно съузили бы внѣшній рынокъ Германіи. Затѣмъ, способность германской промышленности конкуррировать на всемірномъ рынкѣ подвергалась столь же большой опасности вслѣдствіе увеличенія издержекъ производства, неизбѣжно связаннаго съ вздорожаніемъ всѣхъ отечественныхъ товаровъ; на значительномъ пространствѣ времени промышленныя пошлины не могли вознаградить индустріи за ущербъ, наносимый ей пошлинами на пищевыя средства. Сверхъ того, финансовая и податная политика Бисмарка должна была значительно ослабить и безъ того малую политическую силу буржуазіи. Вотъ почему наиболѣе

рѣшительныя, ясныя и дальновидныя головы буржуазіи держались твердо за свои фритредерскіе принципы.

Нѣтъ спора, что положеніе ихъ было въ серединѣ 70-хъ гг. очень трудное. Врагъ находился въ ихъ собственномъ лагерѣ, мелко-буржуазные элементы, шедшіе раньше за ними, исчезали у нихъ подъ руками, бюрократія готовила походъ противъ нихъ, а новообращенные юнкеры съ особымъ гнѣвомъ обрушивались на закоренѣлыхъ грѣшниковъ. Вообще, держать высоко манчестерское знамя представлялось отчаянной задачей, когда сказка о тысячелѣтнемъ царствѣ свободной торговли лежала разбитая въ дребезги среди груды развалинъ грюндерской эпохи. Фритредерской буржуазіи приходилось всячески изловчаться, чтобы затушевать воспоминаніе о большомъ крахѣ, приходилось изображать самыя возмутительныя грюндерскія аферы, какъ „корректнѣйшія" предпріятія, и это удалось ей лишь отчасти, несмотря на массивную неправду, пущенную входъ при рѣшеніи этой возвышенной задачи Евгеніемъ Рихтеромъ съ компаніей. Всего менѣе фритредерская буржуазія обезоружила „соціализмъ глупцовъ" искусственнымъ филосемитизмомъ, который былъ не умнѣе юдофобства крестьянъ и ремесленниковъ.

Несмотря на все сказанное фритредерская буржуазія могла бы создать себѣ позицію, изъ которой ее трудно было бы выбить. Ей слѣдовало опереться на сознательный пролетаріатъ, среди котораго предстоящее ограбленіе массъ встрѣтило съ самаго начала рѣшительнѣйшее и безпощаднѣйшее противодѣйствіе. Само собою понятно, соглашеніе между обѣими сторонами было возможно лишь въ томъ ограниченномъ объемѣ, что онѣ должны были совмѣстно защищать почву современнаго буржуазнаго общества, на которой обѣ стояли, противъ опустошительнаго нашествія исторически отсталыхъ враговъ. Но именно въ этомъ ограниченіи заключалась бы также сила подобнаго союза, и опасность его съумѣли хорошо оцѣнить протекціонисты всѣхъ наименованій. Они попытались поэтому привлечь рабочія массы звучащими на соціалистическій ладъ фразами о „защитѣ національнаго труда", и даже болѣе,—стали утверждать, что истинной цѣлью покровительственныхъ пошлинъ является повышеніе заработной платы. Бисмаркъ вралъ насчетъ того, что табачная монополія есть, молъ, „имѣніе обездоленныхъ"; онъ снова началъ выкладывать свой нищенскій и лакейскій соціализмъ, и рука объ руку съ его усиленными попытками насильственно раздавить по-

литически развитые слои рабочаго класса шли его стремленія надуть политически неразвитые еще слои этого класса, купивъ ихъ политическое право первородства за чечевичную похлебку усовершенствованнаго призрѣнія бѣдныхъ.

Чѣмъ слабѣе были шансы этой демагогіи, тѣмъ больше основаній имѣла фритредерская буржуазія искать въ сознательномъ пролетаріатѣ твердой опоры для своего шаткаго положенія. Но въ своемъ традиціонномъ ослѣпленіи она поступила какъ разъ наоборотъ. Она начала борьбу съ пролетаріатомъ, поднявшимъ руку противъ экономической реакціи. Мелкіе разносчики фритредерскаго ученія хвалились, что они стоятъ на „почетномъ посту" въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей; въ своемъ клеветническомъ злословіи насчетъ „вожаковъ", якобы „проматывающихъ рабочіе гроши", и тому подобныхъ сплетняхъ они положительно заходили еще дальше оффиціозныхъ и реакціонныхъ газетъ. Протекціонистскіе агитаторы своими лживыми посулами относительно повышенія заработной платы признавали, по крайней мѣрѣ, необходимость такого повышенія; между тѣмъ прусскій министръ финансовъ Отто Кампгаузенъ, вмѣстѣ съ Дельбрюкомъ составлявшій для либеральной буржуазіи идеалъ государственнаго человѣка, не уставалъ доказывать, что единственнымъ лѣкарствомъ противъ кризиса является пониженіе заработной платы. Фритредерскія газеты старались свалить на пролетаріатъ отвѣтственность за чувствительныя пораженія, которыя нѣмецкіе предприниматели сами навлекли на себя тѣмъ, что, несмотря на ростъ своего богатства, продолжали прибѣгать къ дряннымъ надувательскимъ пріемамъ, отличавшимъ первые шаги ихъ карьеры. Въ миломъ изображеніи этой печати только лѣность и неискусность рабочихъ были виною того, что имперскій комиссаръ Рело (Reuleaux) принужденъ былъ заклеймить германскій отдѣлъ на филадельфійской всемірной выставкѣ словами: „дешево и гнило" („billig und schlecht"), или что германская хлопчатобумажная промышленность потеряла свой рынокъ въ Китаѣ, такъ какъ, по насмѣшливому замѣчанію Трейчке, азіаты предъявляютъ относительно неподдѣльности товаровъ болѣе строгія требованія, чѣмъ терпѣливые нѣмцы. Бисмарковская сказка, что пролетарская классовая борьба вредитъ успѣшности труда нѣмецкихъ рабочихъ, нашла самаго горячаго защитника въ лицѣ Евгенія Рихтера. При такой остроумной политикѣ фритредерская буржуазія не могла не капитулировать предъ своими реакціонными противниками; она расчистила путь

насильнической политикѣ, при помощи которой Бисмарку предстояло провести свои финансовые, податные и таможенные планы.

Само собой разумѣется, что попятное движеніе въ экономической политикѣ Германіи совершилось не въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ; это представлялось тѣмъ болѣе труднымъ, что для проведенія его въ законодательствѣ имперіи требовалась полная перетасовка политическихъ партій. Остъ-эльбское юнкерство вело уже больше года такую злобную партизанскую войну противъ капиталистической политики Бисмарка и его культуркампфа, что трогательное согласіе между этими прекрасными душами не могло быть сразу возстановлено. Изъ двухъ сильнѣйшихъ фракцій рейхстага на сторону реакціонной экономической политики можно было тотчасъ же привлечь центръ съ его рейнскими крупными промышленниками и силезскими крупными землевладѣльцами, съ его дружиной изъ крестьянъ, мелкихъ буржуа и политически незрѣлыхъ еще рабочихъ: напротивъ, среди націоналъ-либераловъ преобладала фритредерская буржуазія. Но тогда какъ центръ былъ настроенъ самымъ враждебнымъ образомъ противъ „діоклетіановскаго гонителя христіанъ" Бисмарка, націоналъ-либералы все больше опускались до роли безвольнаго охраннаго отряда при великомъ человѣкѣ 19-го столѣтія, доказавъ это еще въ 1876 г. компромиссомъ относительно судебныхъ уставовъ. Раньше чѣмъ вступить на непріятный путь въ Каноссу, Бисмарку стоило сдѣлать попытку привлечь націоналъ-либераловъ на сторону экономической реакціи. Ибо для этого государственнаго мужа представлялось несомнѣннымъ, что если инымъ путемъ нельзя достигнуть повышенія земельной ренты и прибыли на капиталъ, то „всемірно-историческая борьба между Калхасомъ и Агамемнономъ" должна исчезнуть какъ тѣнь со стѣны.

Все-таки большой крахъ двинулъ дѣло впередъ сравнительно скоро. Въ серединѣ 1875 г. походъ дикихъ помѣщиковъ противъ Бисмарка достигъ своего кульминаціоннаго пункта въ статьяхъ „*Kreuzzeitung*", но въ томъ же году началось паденіе земельной ренты, и уже весною 1876 г. юнкеры организовались подъ негласнымъ покровительствомъ Бисмарка, экономически—какъ сторонники податныхъ и хозяйственныхъ реформъ, политически—какъ нѣмецко-консервативная партія. Въ то же время Дельбрюкъ понялъ, какъ обстоятъ дѣла, и ушелъ раньше, чѣмъ его выпроводили. Бисмаркъ же заявилъ осенью 1875 г. въ рейхстагѣ, что

имперскій бюджетъ долженъ покрываться „по возможности одними доходами отъ косвенныхъ налоговъ“. Одновременно онъ раскрылъ основныя черты своей будущей политики по рабочему вопросу, съ одной стороны, новымъ исключительнымъ закономъ противъ соціалъ-демократіи, съ другой—новымъ закономъ о кассахъ взаимопомощи, который долженъ былъ выбросить рабочимъ небольшую подачку, чтобы сдѣлать ихъ такимъ путемъ лакеями фабрикантовъ и коммунальныхъ властей.

Соціалъ-демократія не обманывалась насчетъ серьезности положенія. Она закончила свои внутреннія распри только для того, чтобы пойти навстрѣчу тѣмъ болѣе яростной борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ. Для нея существовали кругомъ только враги. Она видѣла, какъ надвигается буря, и усердно вооружалась, чтобы стойко выдержать ее.

---

2. Практическіе успѣхи агитаціи.

Послѣ сліянія обѣихъ фракцій соціалъ-демократическая агитація пошла съ удвоенной энергіей. Старыя, испытанныя силы работали теперь въ добромъ согласіи вмѣстѣ, и рядомъ съ ними выдвинулись новыя силы: сигарникъ Молькенбуръ въ Оттензенѣ, наборщикъ Ольденбургъ въ Рендсбургѣ, матросъ Шварцъ въ Любекѣ, кожевникъ Шумахеръ въ Золингенѣ, столяръ Тутцауэръ въ Дюссельдорфѣ, приказчикъ Кайзеръ въ Берлинѣ, портной Кюнъ въ Лангенбилау, сигарникъ Гейеръ въ Гроссенгайнѣ, шляпникъ Гейне въ Гальберштадтѣ, рѣзчикъ изъ дерева Рёдигеръ въ Герѣ, слесарь Ульрихъ въ Оффенбахѣ, купецъ Вимеръ въ Нюрнбергѣ, наборщикъ Рихардъ Фишеръ въ Аугсбургѣ. Партія усилилась также нѣсколькими толковыми идеологами буржуазныхъ классовъ: къ ней примкнули референдарій Фирекъ (Viereck) въ Берлинѣ, учитель Саборъ во Франкфуртѣ на М., поэтъ Дулькъ въ Штутгартѣ и отставной офицеръ Георгъ фонъ-Фольмаръ, уроженецъ Мюнхена; Фольмаръ, служившій почтовымъ чиновникомъ во время франко-прусской войны, былъ тяжело раненъ и въ долгіе годы физическихъ страданій пришелъ къ соціалистическому міросозерцанію.

Противники соціалъ-демократіи позаботились въ полной мѣрѣ о томъ, чтобы у нея не было недостатка въ захватывающемъ агитаціонномъ матеріалѣ. Въ первые 5 лѣтъ новой имперіи имущіе классы, пользуясь своимъ выгоднымъ политическимъ поло-

женіемъ, щедро благословили себя законами, направленными въ пользу ихъ классовыхъ интересовъ. За все это время въ интересѣ, вѣрнѣе говоря—въ мнимомъ интересѣ рабочихъ классовъ былъ изданъ лишь жалкій законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, который своими полупредательскими, полу-небрежными статьями только давалъ предпринимателямъ возможность легко уклониться отъ отвѣтственности за несчастные случаи въ ихъ предпріятіяхъ—возможность, широко использованную ими. Такимъ же духомъ вѣетъ отъ закона о кассахъ взаимопомощи, внесеннаго въ рейхстагъ осенью 1875 г. Правительственный законопроектъ подъ видомъ благодѣтельной заботы о рабочихъ третировалъ ихъ какъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, которыхъ надо постоянно водить на помочахъ; онъ угрожалъ тяжкой опасностью свободѣ передвиженія пролетаріата и столь же тяжко урѣзывалъ самоуправленіе рабочихъ въ самыхъ близкихъ и кровныхъ ихъ дѣлахъ; добровольнымъ кассамъ взаимопомощи рабочихъ онъ ставилъ помѣхи на каждомъ шагу. Даже буржуазныя партіи рейхстага находили, что зложелательность правительства заходитъ слишкомъ далеко. Тѣмъ не менѣе и онѣ были въ изобиліи снабжены этимъ товаромъ: такъ напр., ими были устранены отъ комитетскаго обсужденія проекта соціалъ-демократическіе депутаты, безспорно самые опытные эксперты по разсматриваемому вопросу.

Хотя законъ о кассахъ взаимопомощи имѣлъ своей конечной цѣлью только снять съ общинъ бремя призрѣнія бѣдныхъ, однако парламентскіе представители рабочаго класса брали буржуазное общество такимъ, какъ оно есть, и удовольствовались требованіемъ, чтобы рабочимъ позволили въ этомъ обществѣ то, что разрѣшено всѣмъ другимъ классамъ. Они давали согласіе на обязательность взносовъ въ ту или иную кассу, но отвергали обязанность дѣлать взносы только въ опредѣленныя кассы; они отказывались отъ всякихъ нищенскихъ подачекъ буржуазіи, но требовали, чтобы рабочими кассами управляли сами рабочіе. Правильность этого воззрѣнія была подтверждена множествомъ петицій и протестовъ изъ самыхъ различныхъ рабочихъ слоевъ. Даже рабочіе, стоявшіе еще вдали отъ пролетарской классовой борьбы, должны были испытывать чувство горькой обиды при мысли, что ихъ хотятъ контролировать и стѣснять въ управленіи своими скудными больничными грошами тѣ самыя законодательныя собранія, которыя объявляли рѣшительно невозможнымъ

устанавливать контроль и стѣсненія для разбойничьихъ набѣговъ капиталистическихъ акціонерныхъ обществъ. Тѣмъ не менѣе законъ былъ принятъ въ формѣ, рѣшительно отвергнутой соціалъ-демократическими депутатами, хотя она и предоставила добровольнымъ кассамъ взаимопомощи рабочихъ нѣсколько большій просторъ, чѣмъ желало правительство.

Столь же революціонирующее дѣйствіе имѣлъ внесенный правительствомъ проектъ политическаго исключительнаго закона противъ рабочаго класса. Новелла къ уголовному кодексу, пытавшаяся пересмотрѣть въ реакціонномъ духѣ немногія прогрессивныя черты германскаго уголовнаго права, содержала § 130 такого содержанія: „Кто въ формѣ, угрожающей общественному миру, будетъ публично возбуждать другъ противъ друга различные классы населенія или кто подобнымъ же образомъ будетъ нападать устно или печатно на институты брака, семьи и собственности, тотъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ". Для отстаиванія этого параграфа предъ рейхстагомъ Бисмаркъ съ утонченнымъ тактомъ призвалъ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ,—того самаго графа Эйленбурга, который однимъ поколѣніемъ раньше, будучи еще цензоромъ, велъ въ рейнскихъ домахъ терпимости геройскую борьбу съ ночными сторожами и съ тѣхъ поръ сдѣлалъ, въ качествѣ веселаго холостяка, столько практическихъ нападеній на институтъ буржуазнаго брака, что онъ казался особенно призваннымъ теоретическимъ защитникомъ этого священнаго учрежденія. Графъ Эйленбургъ не скрылъ, что § 130 сочиненъ спеціально для соціалъ-демократіи, и впервые притащилъ тотъ большой мѣшокъ цитатъ, которому отнынѣ предстояло занять почетное мѣсто среди доспѣховъ нѣмецкаго государственнаго искусства. Цитируя отдѣльныя статьи соціалъ-демократической печати и даже отдѣльныя предложенія, вырванныя изъ общей связи, Эйленбургъ старался доказать общественную вредность пролетарской классовой борьбы; онъ заявлялъ, что такъ наз. зажиточные классы никогда не откажутся добровольно отъ своихъ правъ, и что общество никогда не дойдетъ до такого состоянія, чтобы добровольно, безъ принужденія, произвести въ своей средѣ уравненіе имуществъ; такимъ образомъ, § 130 безусловно необходимъ, если не хотятъ довести дѣло до стрѣльбы и сабельныхъ ударовъ.

На такой же высотѣ убѣдительнаго краснорѣчія стоялъ самъ Бисмаркъ, когда онъ сваливалъ на соціалъ-демократическую агитацію отвѣтственность за крахъ 1873 г. и подготовлялъ язвитель-

ными шпильками по поводу „добродуші нѣмецкихъ судей еще бо́льшую развращенность въ отправленіи нѣмецкаго уголовнаго правосудія. Комически подмѣнивая факты, онъ требовалъ усиленной защиты нѣмецкихъ полицейскихъ чиновниковъ отъ зложелательной публики, дабы они пользовались такимъ же всеобщимъ уваженіемъ, какъ англійскіе полицейскіе чиновники; онъ заявилъ, впрочемъ, рейхстагу, что въ данный моментъ онъ примирится съ отклоненіемъ § 130, но параграфъ, быть можетъ, одно изъ тѣхъ дѣтей, которыя не умираютъ: внукамъ теперешнихъ депутатовъ— понимая подъ поколѣніемъ законодательный періодъ рейхстага— придется еще заняться этими самыми вопросами. По части такихъ реакціонныхъ сюрпризовъ Бисмаркъ всегда былъ хорошимъ пророкомъ.

Пока что рейхстагъ принялъ значительную часть его реакціонной новеллы къ уголовному кодексу, исключая § 130. Это чудовище было единогласно отвергнуто, и даже при общемъ смѣхѣ, такъ что государственное достоинство высокаго дома подверглось бы опасности, если бы прогрессистскій вождь Генель не спасъ его патетическимъ заявленіемъ, что § 130 есть тяжкое, ничѣмъ не вызванное посягательство на основы конституціоннаго строя въ имперіи и каждомъ отдѣльномъ государствѣ Германіи, тяжкое, ничѣмъ не оправдываемое посягательство на тѣ принципы, которые въ теченіе 10—20 лѣтъ стояли, какъ неизмѣнная цѣль, передъ глазами всѣхъ либеральныхъ партій. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ второмъ законодательномъ періодѣ тотъ же самый г. Генель, въ полномъ согласіи съ пророческими словами Бисмарка, сказалъ себѣ: „Горе тебѣ, родившемуся внукомъ!“ и поставилъ себѣ безумную задачу—убить соціалъ-демократію, внеся въ парламентъ почти буквальное повтореніе § 130. Съ своей стороны, Тессендорфъ отомстилъ за временную неудачу своего покровителя Бисмарка тѣмъ, что добился въ концѣ марта 1876 г. постановленія берлинскаго городского суда, закрывшаго во всей Пруссіи „Соціалистическую Рабочую Партію Германіи“ якобы за недозволенное закономъ „основаніе филіальныхъ отдѣленій“.

Пока господствующіе классы тащили, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ великолѣпный агитаціонный матеріалъ, буржуазные авгуры развлекались мнимымъ „упадкомъ“ соціалъ-демократіи, который Богъ вѣсть гдѣ открыли ихъ кротовьи глаза. Безъ сомнѣнія, экономическій кризисъ, обрушившійся съ неизвѣстной раньше силой прежде всего на пролетаріатъ, могъ бы оказать парализую-

щее вліяніе на физическую, такъ сказать, силу революціоннаго рабочаго движенія, — если бы только онъ не революціонировалъ одновременно умовъ. Затѣмъ крайне враждебное отношеніе господствующихъ классовъ, возмутительная ложь, что виною краха 1873 г. были рабочіе, и тому подобныя проявленія непримиримой ненависти разсѣяли послѣднія иллюзіи передовыхъ рабочихъ слоевъ. Въ дѣйствительности соціалъ-демократическая агитація ежедневно завоевывала новыя позиціи, и партійный конгрессъ, засѣдавшій съ 19 до 23 августа 1876 г. въ Готѣ, показалъ „упадокъ", горестно поразившій пророковъ буржуазіи.

Конгрессъ былъ созванъ какъ всеобщій соціалистическій конгрессъ, чтобы сдѣлать возможнымъ участіе въ немъ и для товарищей по партіи изъ тѣхъ государствъ, гдѣ партійная организація была „закрыта". Большинство среднихъ и многія мелкія государства Германіи, прежде всего—Баварія и Саксонія, ревностно стремились къ лаврамъ Тессендорфа; только въ небольшой части германской имперіи, въ ганзейскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ тюрингенскихъ и южно-нѣмецкихъ государствахъ могли продолжать свое существованіе такіе соціалистическіе союзы, члены которыхъ жили не въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Тѣмъ не менѣе конгрессъ 1876 г. показалъ, что Тессендорфъ и его благородная дружина поднялись слишкомъ поздно; разрушеніе внѣшней организаціи партіи давно перестало быть средствомъ, способнымъ задержать ея развитіе, а содѣйствовало только скорѣйшему ея подъему. На конгрессъ явилось 98 делегатовъ, представлявшихъ 291 мѣсто съ 38.254 членами; доходъ партійной кассы составилъ за 14 мѣсяцевъ, съ 8 іюня 1875 г. до 10 августа 1876 г., 58.763 марки, въ томъ числѣ 4.330 марокъ отъ издателя крошечной газетки „*Der Wähler*" („*Избиратель*"), выходившей разъ въ мѣсяцъ и продававшейся по 20 пфенниговъ за экземпляръ „закрытымъ" товарищамъ, чтобы дать имъ такимъ образомъ возможность уплачивать свои взносы. Доходами партійной кассы далеко не исчерпывалась, однако, сумма, которую нѣмецкіе рабочіе, несмотря на трудное время, сумѣли собрать для освобожденія своего класса; по разсчету Ауэра, представившаго докладъ правленія, расходы на мѣстныя партійныя цѣли превосходили по меньшей мѣрѣ втрое вышеуказанную сумму.

Докладъ Ауэра давалъ и въ другихъ отношеніяхъ весьма отрадную картину. Партія имѣла въ своемъ распоряженіи 145 хорошо вышколенныхъ ораторовъ, которые всѣ уже выдержали съ честью

боевое крещеніе въ собраніяхъ, въ томъ числѣ 8 вполнѣ платныхъ 14 полу-платныхъ агитаторовъ и 46 должностныхъ лицъ партіи, главнымъ образомъ сотрудниковъ и экспедиторовъ въ партійныхъ органахъ. Со времени объединительнаго конгресса возникло 12 новыхъ политическихъ органовъ и одинъ беллетристическій журналъ „*Die Neue Welt*" („*Новый Міръ*"). Партія располагала ни болѣе ни менѣе какъ 23 политическими органами, изъ которыхъ 15 печатались въ кооперативныхъ типографіяхъ; 8 выходили по 6 разъ въ недѣлю, 8—по три раза, 4—по два раза и 3—по одному разу. Продажа брошюръ достигала сотенъ тысячъ экземпляровъ; партійный календарь „*Der arme Konrad*" („*Бѣдный Конрадъ*") расходился въ 40 тыс. экземпляровъ. Такимъ образомъ Ауэръ вправѣ былъ сказать, что отъ „упадка" соціалъ-демократіи, о которомъ такъ много трубятъ, не остается ничего, кромѣ ужаса во всѣхъ враждебныхъ лагеряхъ предъ растущей мощью рабочей партіи.

О гоненіяхъ противъ соціалъ-демократіи Ауэръ упомянулъ лишь съ цѣлью констатировать, что вслѣдствіе беззаконія и произвола властей право союзовъ почти перестало существовать для рабочихъ, особенно въ Пруссіи и Баваріи. Соціалъ-демократія,—сказалъ докладчикъ,—жалуется не на реакціонные законы о союзахъ: хотя и агитируя всѣми силами за законодательное устраненіе ихъ, она умѣетъ, однако, приспособляться къ нимъ; она протестуетъ лишь противъ реакціонной тенденціозности, съ которою существующіе законы толкуются противъ нея, тогда какъ ко всѣмъ другимъ политическимъ партіямъ они примѣняются лояльно. О шансахъ новой партійной организаціи Ауэръ высказался съ покорнымъ судьбѣ пессимизмомъ: прусскіе товарищи съ величайшей тщательностью обходили до сихъ поръ подводные камни и омуты закона о союзахъ, но тѣмъ не менѣе, если прусское правительство рѣшило не терпѣть никакой соціалистической организаціи въ сферѣ своего вліянія, то оно всегда найдетъ прокуроровъ и судей, готовыхъ исполнить его волю, при радостномъ одобреніи консервативной и либеральной партій. Но пусть оффиціальная связь и разорвана, тѣмъ не менѣе всѣхъ товарищей по партіи прочно и неразрывно связываетъ сознаніе, что они служатъ великому общему дѣлу, дѣлу пролетаріата, бѣднаго, обездоленнаго народа.

Конгрессъ долженъ былъ выполнить двѣ главныхъ задачи: во-первыхъ, завершить дѣло объединенія; во-вторыхъ, мобилизовать

силы къ ближайшимъ выборамъ въ рейхстагъ. Устранить дуализмъ продолжавшій существовать въ видѣ двухъ центральныхъ органовъ прежнихъ фракцій, было не совсѣмъ легко; при голосованіи по основному вопросу, долженъ ли новый органъ выходить въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ, довольно рѣзко выступило опять старое различіе: бывшіе лассальянцы голосовали большей частью за Берлинъ, а бывшіе эйзенахцы—за Лейпцигъ. Когда оказалось, что за Лейпцигъ подали голосъ 49 делегатовъ, а за Берлинъ 38 (шесть человѣкъ воздержалось отъ голосованія), то стали раздаваться жалобы, что географическое положеніе Готы, гдѣ происходилъ конгрессъ, доставило несоразмѣрный перевѣсъ саксонскимъ и тюрингенскимъ делегатамъ; положеніе стало еще болѣе натянутымъ, когда Гассельманъ отказался вступить въ редакцію новаго центральнаго органа въ Лейпцигѣ. Однако искреннее желаніе достигнуть во что бы то ни стало объединенія преодолѣло всѣ трудности. Старые лассальянцы, какъ Раковъ и Цѣловскій, отнеслись съ рѣзкимъ порицаніемъ къ обструкціи Гассельмана, а Газенклеверъ согласился взять мѣсто, отъ котораго отказался Гассельманъ. Новый центральный органъ долженъ былъ выходить съ октября 1876 г. въ Лейпцигѣ подъ названіемъ „*Vorwärts*" („*Впередъ*"), трижды въ недѣлю, какъ уже выходилъ съ 1873 г. „*Volksstaat*"; во главѣ редакціи стояли Либкнехтъ и Газенклеверъ. Гассельманъ, усердно работавшій до тѣхъ поръ надъ объединеніемъ фракцій, занялъ отнынѣ фрондирующее положеніе въ партіи послѣ прекращенія „*Новаго Соціалъ-демократа*" онъ уѣхалъ въ свой избирательный округъ Эльберфельдъ-Барменъ и сталъ издавать здѣсь „*Die Rothe Fahne*" („*Красное Знамя*"), по формѣ— избирательный летучій листокъ, регулярно выходящій въ свѣтъ, фактически же слабо прикрытая конкурренція *Vorwärts*'у. Поскольку замкнутый характеръ Гассельмана оставлялъ возможность судить о мотивахъ его поведенія, оно опредѣлялось разочарованнымъ личнымъ честолюбіемъ. Его фрондерство было неудобно, но не опасно; настоящаго матеріала для оппозиціи у него не было, и если бы образованіе секты даже представлялось еще возможнымъ, каковымъ оно фактически не было, то вся личность Гассельмана не годилась для роли фанатизирующаго главы секты.

Второй главной задачей конгресса было приготовленіе къ предстоящимъ выборамъ въ рейстагъ. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ около 40 округовъ были объявлены „оффиціальными", т.-е. округами, въ которыхъ партія можетъ выста-

вить свои кандидатуры съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ и, слѣдовательно, должна принять оффиціальное участіе въ избирательной борьбѣ: сюда вошли 12 саксонскихъ и 5 шлезвигъ - голштинскихъ округовъ, оба городскихъ округа и сельскій округъ Гамбургъ, Берлинъ IV и VI, Брауншвейгъ I, Рейхенбахъ-Нейроде и Вальденбургъ въ Силезіи, Эльберфельдъ - Барменъ, Леннепъ-Метманъ и Золингенъ въ Рейнской провинціи, Ганау и Оффенбахъ въ майнскомъ краѣ, Нюрнбергъ въ Баваріи, Эслингенъ-Кирхгеймъ въ Вюртембергѣ, затѣмъ нѣсколько избирательныхъ округовъ въ мелкихъ государствахъ средней Германіи, напр. Ангальтъ-Бернбургѣ, Саксенъ-Мейнингенѣ и Рейссѣ ст. л.

Для руководства выборами былъ учрежденъ въ Гамбургѣ центральный избирательный комитетъ изъ 5 лицъ, который долженъ былъ также взять на себя и всѣ прочія задачи по руководству партіей; согласно рѣшенію прусскаго высшаго трибунала организація, имѣющая въ виду только опредѣленные выборы, не подлежала дѣйствію прусскаго закона о союзахъ. Въ центральный избирательный комитетъ были выбраны члены прежняго правленія: Гартманъ, Деросси, Гейбъ, Ауэръ, а на мѣсто Газенклевера, переселившагося въ Лейпцигъ, вступилъ Г. Брашъ. Обоимъ предсѣдателямъ было назначено по 45 марокъ жалованья въ мѣсяцъ, обоимъ секретарямъ—по 150, кассиру—135, обоимъ редакторамъ центральнаго органа—по 195 марокъ. Соціалъ-демократическіе депутаты должны были получать по 9 марокъ суточныхъ, но если они состояли должностными лицами въ партіи и получали не менѣе 100 марокъ жалованья въ мѣсяцъ, то діеты уменьшались до 6 марокъ въ сутки, а для живущихъ въ Берлинѣ—до 3 марокъ. Постоянный агитаторъ получалъ 135 марокъ въ мѣсяцъ и, сверхъ того, во время поѣздокъ внѣ своего агитаціоннаго округа—холостой по $1^1/_2$, а женатый по 3 марки добавочныхъ въ сутки. Агитаторы, не состоящіе на постоянной службѣ, получали по 6 марокъ въ день, если они были холосты, и по $7^1/_2$ марокъ, если были женаты. Это установленіе партійныхъ жалованій на конгрессѣ 1876 г. достаточно показало, какъ обстоитъ дѣло съ „проматываніемъ рабочихъ грошей“, — полемическимъ козыремъ, который вмѣстѣ съ мнимымъ „упадкомъ“ соціалъ-демократіи доставлялъ наибольшее удовольствіе остроумной буржуазіи. Если партія платила своимъ служащимъ жалованье въ размѣрахъ, получаемыхъ хорошо поставленными рабочими, то она исполняла долгъ приличія, налагаемый на нее собственнымъ ея достоин-

ствомъ: давать голодную плату, какъ первый попавшійся капиталистъ, она не могла. Но дальше этой границы она никогда не заходила, и каменныхъ палатъ еще никто не нажилъ у нея на службѣ; среди множества людей, сгорѣвшихъ на этой службѣ, было, вѣроятно, мало такихъ, которые не были бы вправѣ разсчитывать на болѣе высокое вознагражденіе своего труда, если бы они выбрали себѣ какую-нибудь буржуазную профессію.

Выборы въ рейхстагъ, происходившіе 10 января 1877 г., оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Соціалъ-демократическія кандидатуры были выставлены въ 175 округахъ, и за нихъ было подано 493.477 голосовъ, болѣе 9% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Соціалъ-демократія стала теперь 4-ой по силѣ партіей въ имперіи; значительно уступала она только націоналъ-либераламъ и ультрамонтанамъ, консерваторамъ же она была почти равна по численности; оставляя въ сторонѣ мелкія группы рейхстага, она изъ настоящихъ партій опередила уже прогрессистовъ и свободныхъ консерваторовъ. Распредѣленіе голосовъ свидѣтельствовало о томъ, что классовая борьба приняла болѣе рѣзко выраженный характеръ. Тамъ, гдѣ движеніе питалось главнымъ образомъ общимъ политическимъ недовольствомъ, оно остановилось на одной точкѣ или даже ослабѣло; зато оно сдѣлало поразительные успѣхи въ большихъ городахъ, въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Альтонѣ, Бреславлѣ, Магдебургѣ, Брауншвейгѣ, Бременѣ, Дрезденѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Берлинъ наверсталъ теперь однимъ ударомъ то, что было упущено имъ при прежнихъ выборахъ въ рейхстагъ: онъ далъ 31.522 соціалъ-демократическихъ голоса, почти 40% всѣхъ поданныхъ голосовъ; еще болѣе высокій процентъ представляли 25.942 соціалъ-демократическихъ голоса въ Гамбургѣ. Шарманки буржуазныхъ демагоговъ приходилось перестраивать на совершенно другой ладъ. Если послѣ выборовъ 1874 г. соціалъ-демократія была обязана своимъ успѣхомъ „нравственно погибшему“ фабричному пролетаріату и промышленному населенію сельскихъ округовъ, а большіе города прославлялись какъ убѣжища образованія и нравственной культуры, то теперь большіе города стали центромъ сброда, лишеннаго патріотическихъ чувствъ, а за поселяниномъ была признана почетная роль человѣка, возстановившаго твердой рукой равновѣсіе колеблющихся вѣсовъ и задержавшаго лавину, которая грозила полнымъ разрушеніемъ существующему строю.

Во всей Пруссіи осталось только шесть „незачумленныхъ“ ад-

министративныхъ округовъ (Regierungsbezirke), здоровыхъ же провинцій не осталось уже ни одной. Правда, среди этихъ округовъ находились кромѣ одного померанскаго (Штральзундъ) и одного западно-прусскаго округа (Маріенвердеръ), одинъ силезскій (Оппельнъ), одинъ вестфальскій (Мюнстеръ) и два рейнскихъ (Ахенъ и Кобленцъ),—доказательство того, что ультрамонтанская агитація все еще сильно мѣшала рабочему движенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что вліяніе клерикаловъ идетъ на убыль: съ 1874 г. число соціалъ-демократическихъ голосовъ возросло въ Рейнской провинціи и Вестфаліи съ 28.824 голосовъ до 44.690, а въ Силезіи — съ 9.004 до 23.449 голосовъ. Изъ государствъ средней величины первое мѣсто занимала Саксонія съ великолѣпнымъ ростомъ цифръ: здѣсь число соціалъ-демократическихъ голосовъ почти учетверилось за 6 лѣтъ и составляло 123.978, т.-е. почти 38% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Въ Баваріи также обнаружилось теченіе, обратное ультрамонтанскому, хотя и болѣе слабое, чѣмъ въ Рейнской провинціи, Вестфаліи и Силезіи; изъ баварскихъ провинцій далеко впереди всѣхъ стояла въ авангардѣ Франконія съ соціалъ-демократической твердыней Нюрнбергомъ. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ число соціалъ-демократическихъ голосовъ почти не измѣнилось съ 1874 г., но и въ этихъ государствахъ замѣчалось сосредоточеніе движенія въ болѣе значительныхъ городахъ. Въ Штутгартѣ было подано 4.609 соціалъ-демократическихъ голосовъ; почти столько же голосовъ было подано мѣсяцемъ раньше на выборахъ въ вюртембергскій ландтагъ, въ которыхъ впервые участвовали соціалъ-демократы. Много хлопотъ и заботъ причиняло поддержаніе „*Süddeutsche Volkszeitung*", редакторомъ и администраторомъ которой сдѣлался наборщикъ Георгъ Баслеръ, послѣ того какъ Карлъ Гильманъ перешелъ въ гамбургскій партійный органъ; съ тѣхъ поръ какъ былъ изданъ реакціонный законъ о печати и подулъ рѣзкій вѣтеръ съ сѣвера, гоненія начались и въ швабской землѣ. Подобно Штутгарту въ Вюртембергѣ, руководящими центрами движенія стали въ Баденѣ Мангеймъ, а въ Пфальцѣ—Людвигсгафенъ. Мангеймъ далъ 1.689 голосовъ, и еще въ томъ же 1877 г. Дреезбахъ основалъ здѣсь „*Badisch-Pfälzisches Volksblatt*", выходившій разъ въ недѣлю и пріобрѣвшій скоро тысячи двѣ подписчиковъ. Изъ Мангейма шло также — особенно черезъ Эргарта — руководство агитаціей въ Пфальцѣ, гдѣ послѣ объединенія обѣихъ фракцій состоялся первый рабочій съѣздъ при участіи делегатовъ отъ 20-ти мѣстъ

Въ трехъ избирательныхъ округахъ Пфальца было подано 2.500 соціалъ-демократическихъ голосовъ. Главнымъ очагомъ агитаціи была Анилиновая и содовая фабрика въ Людвигсгафенѣ, на которой были заняты тысячи рабочихъ, но движенію сильно мѣшало то обстоятельство, что крупная промышленность рейнской Баваріи привлекала къ себѣ не столько обученныхъ ремесленниковъ, сколько мелкихъ крестьянъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которыхъ въ избыткѣ поставляло все болѣе мельчающее парцеллярное хозяйство. Эти нетребовательные элементы, одержимые еще бѣсомъ собственности, были идеальными рабочими съ точки зрѣнія эксплуатирующей буржуазіи и потому мало доступными для пролетарскаго классоваго сознанія.

При распредѣленіи мандатовъ партія оказалась опять въ большомъ убыткѣ. Свои 40 оффиціальныхъ избирательныхъ округовъ она намѣтила довольно правильно: отношеніе между количествомъ полученныхъ ею голосовъ и числомъ всѣхъ поданныхъ голосовъ давало ей право на 36 мандатовъ. Въ дѣйствительности ей пришлось удовлетвориться 12 мандатами. При первомъ голосованіи она удержала изъ своихъ прежнихъ 9-ти мѣстъ только пять: Альтону (Газенклеверъ), Глаухау-Мееране (Бебель), Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ), Цвиккау-Криммичау (Моттелеръ) и Хемницъ (Мостъ). Сверхъ того она пріобрѣла 4-й и 6-й округи Берлина (Фрицше и Газенклеверъ), саксонскіе округи Ауэрбахъ-Рейхенбахъ (Ауэръ) и сельскій округъ Лейпцигъ (Деммлеръ), наконецъ, избирательный округъ Рейссъ ст. л. (Блосъ). Изъ этихъ 10 мѣстъ Альтона была, однако, опять потеряна на дополнительныхъ выборахъ, ставшихъ необходимыми вслѣдствіе того, что Газенклеверъ принялъ мандатъ отъ 6-го округа Берлина. Затѣмъ партія участвовала въ 20 перебаллотировкахъ: въ 3-мъ округѣ Берлина, въ 1-мъ и 2-мъ округахъ Бреславля, въ Магдебургѣ и Нюрнбергѣ, въ шлезвигъ-голштинскихъ округахъ: Итцегоэ, Глюкштадтъ, Плёнъ-Зегебергъ, въ саксонскихъ округахъ Дрезденъ-Альтштадтъ, Борна, Фрейбергъ, Плауенъ и Цшопау, въ рейнскихъ округахъ Эльберфельдъ-Барменъ и Золингенъ, въ силезскихъ округахъ Рейхенбахъ-Нейроде и Вальденбургъ, наконецъ—въ Готѣ, Ганау и Оффенбахѣ. Изъ нихъ всѣхъ она пріобрѣла, однако, только три: Дрезденъ-Альтштадтъ (Бебель), Рейхенбахъ-Нейроде (А. Капелль) и Золингенъ (Риттингаузенъ). Бебель принялъ мандатъ въ Дрезденѣ-Альтштадтъ, а въ Глаухау-Мееране его мѣсто занялъ Бракке.

Но сравнительно небольшое число мандатовъ не должно было омрачать радость партіи по поводу ея крупнаго успѣха. Въ потерянныхъ ею избирательныхъ округахъ число поданныхъ за нее голосовъ значительно возросло, за исключеніемъ одного Плёна-Зегеберга, гдѣ крупные землевладѣльцы произвели страшную чистку среди сельскохозяйственнаго пролетаріата; на перебаллотировкахъ въ этихъ округахъ за с.-д. кандидатовъ было подано 62.368 голосами больше, чѣмъ на главныхъ выборахъ. Изъ этого прироста лишь сравнительно небольшое число приходилось на элементы изъ Народной партіи и на католическихъ рабочихъ. Разъ дѣло шло о недопущеніи избирательной побѣды соціалъ-демократа, всѣ крети и плети буржуазнаго лагеря безъ колебаній сплачивались воедино, невзирая на всѣ прочія, хотя бы самыя ядовитыя свои распри; уже это разительное доказательство страха, которое партія внушала своимъ противникамъ, могло утѣшить ее въ потерѣ нѣсколькихъ мандатовъ. Въ самомъ рейхстагѣ соціалъ-демократическіе депутаты встрѣтили еще болѣе враждебное отношеніе къ себѣ, чѣмъ въ предшествующемъ законодательномъ періодѣ; національ-либеральный депутатъ Валентинъ пріобрѣлъ печальную извѣстность своими предложеніями о прекращеніи дебатовъ, лишавшими слова парламентскихъ представителей рабочаго класса.

Годичный конгрессъ 1877 г. былъ созванъ соціалъ-демократическими депутатами рейхстага въ Готѣ на 27—29 мая. На конгрессѣ были представлены 95 делегатами 251 мѣсто; насколько въ полномочіяхъ делегатовъ содержались свѣдѣнія о числѣ членовъ, представляемыхъ ими, за делегатами стояли 32.000 активныхъ членовъ партіи. Ауэръ выступилъ опять докладчикомъ по порученію Центральнаго избирательнаго комитета; докладъ обнималъ на этотъ разъ время съ 11 августа 1876 г. по 30 апрѣля 1877 г. За эти неполныхъ 9 мѣсяцевъ въ кассу партіи поступило 54.217 марокъ, въ томъ числѣ 10.000 марокъ отъ издателя „*Wähler*“. Сюда надо еще прибавить огромныя матеріальныя жертвы, принесенныя для избирательной борьбы отдѣльными избирательными округами. Отчетъ по г. Альтонѣ показывалъ расходы въ 30.000 мар.; въ Берлинѣ были устроены 307 собраній съ лекціями и послѣдующимъ обсужденіемъ ихъ, а также 144 собранія избирательныхъ агентовъ, и роздано товарищами, большей частью безплатно, 1.346.145 экземпляровъ печатныхъ произведеній. Затѣмъ въ этотъ короткій промежутокъ горячей борьбы возникло 18 но-

выхъ газетъ; партія насчитывала теперь, кромѣ *Vorwärts*'а, 41 газету, изъ которыхъ 13 выходили по 6 разъ въ недѣлю, 13 по три раза, 3 по два раза и 12 по одному разу. 25 изъ числа этихъ газетъ печатались въ кооперативныхъ типографіяхъ, которыхъ въ Германіи было 14. Среди 44 редакторовъ партіи находились по подсчету Ауэра: 12 литераторовъ, почти всѣ съ высшимъ образованіемъ, 11 наборщиковъ, 4 купца, 3 слесаря, 1 каменщикъ, 1 кожевникъ, 1 шорникъ, 1 механикъ, 1 сигарникъ, 1 плотникъ, 1 бочаръ, 1 сапожникъ, 1 золотыхъ дѣлъ мастеръ, 1 книготорговецъ, 2 портныхъ, 1 учитель, 1 чертежникъ. Этимъ перечисленіемъ Ауэръ пригвоздилъ къ позорному столбу сказку о „спившихся геніяхъ", якобы добывающихъ себѣ средства къ сибаритской жизни натравливаніемъ и эксплуатацiей рабочихъ. Какъ дѣло фактически обстояло съ этой „сибаритской жизнью", показывали судебныя преслѣдованія и обвинительные приговоры, сыпавшіеся градомъ на партійную печать, притомъ въ количествѣ, все болѣе возраставшемъ по мѣрѣ ея роста: въ теченіе одного года хемницкая „*Freie Presse*" получила 8 лѣтъ тюрьмы, и приблизительно такія же кары обрушились на большинство партійныхъ газетъ. Но партія крѣпла среди этихъ гоненій, и увѣренный въ ея несокрушимости старый фанатикъ организаціи Тельке могъ внести предложеніе, принятое единодушно и безъ дебатовъ, — что „въ виду полнаго безправія соціалистическихъ союзовъ въ Пруссіи, провозглашеннаго съ неслыханною, можно сказать, дерзостью прусскими властями", конгрессъ отказывается отъ всякой организаціи партіи и представляетъ товарищамъ организовываться въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей и условій.

Германская соціалъ-демократія считалась уже теперь могучимъ авангардомъ международнаго рабочаго движенія, и пролетаріи всѣхъ странъ свѣта посылали ея конгрессамъ свой братскій привѣтъ. Чтобы засвидѣтельствовать солидарность соціалистовъ всѣхъ странъ, готскій конгрессъ 1877 г. постановилъ, по предложенію Фольмара, послать делегата на всемірный конгрессъ, созванный бакунистами на сентябрь въ городъ Гентъ. На этотъ всемірный конгрессъ явилось около 30 делегатовъ отъ европейскихъ рабочихъ партій; въ качествѣ представителя отъ германской соціалъ-демократіи пріѣхалъ Либкнехтъ. Послѣ страстныхъ дебатовъ анархистское направленіе осталось въ меньшинствѣ 13 противъ 16 голосовъ. Побѣдоносное большинство заключило брат-

скій союзъ и выпустило воззваніе, гдѣ въ духѣ стараго Интернаціонала обосновывалась необходимость политической работы, какъ могущественнаго орудія агитаціи, организаціи и пропаганды. Однако самъ Либкнехтъ предостерегалъ въ *Vorwärts*'ѣ отъ переоцѣнки результатовъ конгресса; по цѣлому ряду повелительныхъ соображеній возстановленіе Интернаціонала въ его старой формѣ было невозможно.

Въ болѣе тѣсныхъ границахъ, чѣмъ политическое движеніе, держалось движеніе профессіональное. Благодаря объединенію фракцій оно также получило новый толчокъ, дѣйствіе котораго парализовалъ, однако, тянущійся годами хозяйственный кризисъ; съ другой стороны, полицейскія преслѣдованія причиняли профессіональнымъ союзамъ не только внѣшній вредъ, но начинали вносить въ нихъ также внутреннее разстройство, создавая распрю изъ-за лучшей формы организаціи. Подобный споръ былъ, къ слову сказать, всегда чуждъ англійскимъ трэдъ-юніонамъ, которымъ никогда не приходилось имѣть дѣло съ 21 различнымъ законодательствомъ о союзахъ въ 26 различныхъ государствахъ. Если въ исходѣ 1877 года всѣхъ профессіонально-организованныхъ рабочихъ въ 1.300 мѣстахъ было 50.000 чел., то само по себѣ число это могло представляться незначительнымъ, и оно дѣйствительно составляло только $1^1/_2$ % рабочей массы, занятой въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ промышленности, но тѣмъ не менѣе оно являлось почетнымъ свидѣтельствомъ непреодолимаго стихійнаго стремленія германскаго пролетаріата къ профессіональной организаціи.

Обзоръ тогдашнихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ даетъ намъ тщательная ститистика, составленная Гейбомъ и опубликованная имъ въ январѣ 1878 г. Гейбъ насчитывалъ 26 центральныхъ союзовъ и 5 мѣстныхъ,— цифру послѣднихъ мы находимъ рѣшительно слишкомъ низкой. 9 центральныхъ союзовъ имѣли свое пребываніе въ Гамбургѣ, куда спаслись бѣгствомъ профессіональные союзы, закрытые Тессендорфомъ. Въ Гамбургѣ выходила также самая большая и наиболѣе распространенная изъ 15 газетъ, посвященныхъ профессіональному движенію, „*Pionier*", имѣвшій 9.350 подписчиковъ. Онъ служилъ органомъ для бочаровъ, телѣжниковъ, столяровъ и плотниковъ, а также для союза „мануфактурныхъ и ремесленныхъ рабочихъ" обоего пола, изъ которыхъ было, впрочемъ, организовано всего 1.250 чел. приобщей численности въ 400.000 чел. Самыми сильными организаціями были

союзы типографскихъ рабочихъ (съ 5.500 чел.) и корабельныхъ плотниковъ (съ 3.000 членовъ); онѣ обнимали около половины всѣхъ занятыхъ въ промыслѣ рабочихъ и располагали порядочными денежными средствами. Изъ 65.000 табачниковъ, состоявшихъ почти поровну изъ мужчинъ и женщинъ, были организованы только 8.100, но въ денежномъ отношеніи ихъ дѣла также шли недурно. Рабочіе по золоту и серебру, впервые организовавшіеся въ Пфорцгеймѣ, главномъ центрѣ германскаго ювелирнаго дѣла, и перенесшіе затѣмъ свою организацію въ швабскій Гмюндъ, имѣли послѣ 6-лѣтняго существованія въ своей инвалидной кассѣ свыше 18.000 марокъ. Союзъ сапожниковъ съ 3.585 членами имѣлъ свое пребываніе въ Готѣ, союзъ рабочихъ по металлу съ 4.000 членовъ въ Брауншвейгѣ; отъ этихъ послѣднихъ уже отдѣлились слесари и кузнецы, образовавшіе свои особые, пока еще слабые союзы. Организаціи каменщиковъ и каменотесовъ насчитывали 2.500 членовъ; органомъ ихъ былъ „*Grundstein*“, выходившій въ Гамбургѣ. Ежемѣсячный перевѣсъ доходовъ надъ расходами составлялъ во всѣхъ профессіональныхъ рабочихъ союзахъ около 8.000 марокъ, изъ которыхъ львиная доля (3.538 марокъ) приходилась на типографскихъ рабочихъ. О повышеніи членскихъ взносовъ нельзя было помышлять, пока продолжалась обусловленная кризисомъ нужда; это представлялось тѣмъ менѣе возможнымъ, что рабочіе союзы спѣшили отразить ударъ, направленный противъ нихъ закономъ о кассахъ взаимопомощи, и утвердиться въ ограниченной области, которую названный законъ еще оставилъ независимому страхованію рабочихъ на случай старости. 16 рабочихъ союзовъ имѣли заявленныя кассы взаимопомощи. Въ качествѣ ближайшаго шага впередъ Гейбъ предлагалъ централизовать сильно раздробленную печать профессіональнаго движенія. Обсужденіемъ этого, какъ и другихъ организаціонныхъ вопросовъ, долженъ былъ заняться конгрессъ рабочихъ союзовъ въ Магдебургѣ, назначенный на Троицынъ день 1878 г.

Но „мѣрный шагъ рабочихъ батальоновъ“ продолжалъ громче всего раздаваться въ политическомъ движеніи. „Это уже не батальоны, это полки, бригады, дивизіи, это цѣлые армейскіе корпусы“,—писала съ трагикомическимъ ужасомъ „*Magdeburger Zeitung*“, когда берлинскіе рабочіе проводили 10-го марта до мѣста послѣдняго упокоенія организатора ихъ избирательныхъ побѣдъ. Августъ Гейншъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ унесенъ въ могилу про-

летарскою болѣзнью—чахоткой; похороны его обратились въ манифестацію, какой Берлинъ не видѣлъ со времени погребенія павшихъ борцовъ 18-го марта. Такъ какъ полиція со своимъ обычнымъ великодушіемъ запретила развертываніе знаменъ и даже несеніе свернутыхъ знаменъ, то предъ скорбнымъ домомъ собрались многія тысячи рабочихъ съ красными гвоздиками въ петлицахъ; по всему длинному пути къ кладбищу, пролегавшему черезъ рабочіе кварталы восточной части Берлина, развѣвались на крышахъ и изъ оконъ черные флаги; сотни тысячъ людей стояли вдоль улицъ, безмолвно обнажая головы при слѣдованіи погребальной колесницы. Такъ же торжественно былъ похороненъ 28 апрѣля Пауль Дентлеръ, сотрудникъ берлинской „*Freie Presse*“; онъ скончался отъ злой чахотки въ тюрьмѣ, гдѣ находился подъ предварительнымъ заключеніемъ; власти не захотѣли выпустить его передъ смертью, несмотря на то, что тюремный врачъ сдѣлалъ представленіе въ этомъ смыслѣ.

Армію, которая такъ умѣла чтить своихъ павшихъ борцовъ, нельзя было столь легко одурачить, какъ бравую буржуазію; это понималъ даже Бисмаркъ и всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ замышляли ограбленіе массъ.

---

3. Шаткость теоретическихъ воззрѣній. Энгельсъ противъ Дюринга.

Въ вооруженіи германской соціалъ-демократіи былъ еще, однако, большой пробѣлъ: ея практика далеко опередила ея теорію, а между тѣмъ для тяжкой борьбы, которая предстояла ей въ ближайшемъ будущемъ, она нуждалась столько же въ теоріи, сколько въ практикѣ. До сихъ поръ ей приходилось выступать противъ манчестерства, имѣвшаго въ печати тысячу глашатаевъ, начиная отъ полуоффиціальной „*Provinzialkorrespondenz*“ и кончая „*Volkszeitung*“; теперь предстоялъ поворотъ, который не разъ долженъ былъ приводить соціалъ-демократію на сторону послѣдовательныхъ манчестерцевъ, въ общей борьбѣ ихъ противъ направленій, еще гораздо болѣе отсталыхъ, но щеголявшихъ тѣмъ не менѣе соціалистическими лозунгами. Ставъ могучимъ народнымъ движеніемъ, соціалъ-демократическая агитація не въ правѣ была ограничиваться впредь одной пропагандой конечныхъ цѣлей соціализма; она должна была практически вмѣшиваться въ политическіе и

соціальные вопросы дня, не мельчая въ то же время въ принципіальномъ отношеніи. Разрѣшить эту задачу она могла не при помощи выводовъ научнаго коммунизма, а только при помощи его метода, не при помощи его конечныхъ идей, а всего способа мышленія его. Между тѣмъ въ этомъ направленіи почти ничего еще не было сдѣлано.

Несомнѣнно, партія достигла слишкомъ значительнаго развитія, чтобы ее легко было поймать на удочку ходячими приманками реакціоннаго „соціализма". Уже конгрессъ 1876 г., принявъ резолюціи противъ протекціонизма Бисмарка и его плановъ огосударствленія различныхъ отраслей народнаго хозяйства, постановилъ съ своей стороны, что соціалъ-демократическіе депутаты должны внести въ рейхстагъ законъ объ охранѣ труда. Однако происходившія на конгрессѣ пренія свидѣтельствовали, что онъ далеко не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ значеніи рабочаго законодательства. Гассельманъ, внесшій соотвѣтственное предложеніе, видѣлъ въ проектируемомъ законѣ только орудіе борьбы съ ультрамонтанами, безусловно необходимое для завоеванія рейнскихъ избирательныхъ округовъ, тогда какъ А. Капелль усматривалъ въ немъ ложный шагъ, противорѣчащій соціалъ-демократическимъ принципамъ; во время непродолжительныхъ преній ни одинъ ораторъ не сталъ на ту точку зрѣнія, съ которой фабричные законы отстаивались конгрессами Интернаціонала. Законопроектъ, внесенный затѣмъ соціалъ-демократическими депутатами въ рейхстагъ въ 1877 г., требовалъ 10-часового рабочаго дня, выборныхъ промышленныхъ камеръ и промышленныхъ судовъ, назначенія фабричныхъ инспекторовъ, надзора санитарной полиціи надъ рабочими помѣщеніями, освобожденія профессіональной организаціи рабочихъ отъ реакціонныхъ законовъ о союзахъ. Проектъ былъ рекомендованъ рейхстагомъ вниманію правительства, вмѣстѣ съ разными скромными предложеніями о дальнѣйшемъ развитіи рабочаго законодательства, внесенными большинствомъ буржуазныхъ партій.

Благодаря соціалъ-демократической агитаціи многіе элементы буржуазіи и бюрократіи не относились больше къ законодательству объ охранѣ труда съ такимъ полнымъ равнодушіемъ, какъ при изданіи Промышленнаго Устава; мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, каковъ былъ источникъ ихъ болѣе правильнаго взгляда — страхъ или болѣе благородное чувство. Пруссія приступила къ назначенію особыхъ фабричныхъ инспекторовъ въ 1875 г., а

Саксонія нѣсколькими годами раньше; въ прусскомъ министерствѣ торговли была даже выработана новелла, согласно которой введеніе фабричной инспекціи предполагалось сдѣлать обязательнымъ во всей имперіи. Новелла была, правда, при самомъ своемъ рожденіи задушена крупными заводчиками и фабрикантами, на заключеніе которыхъ ее отдали, и въ особенности Бисмаркомъ, сердце котораго горячо билось въ пользу одной по крайней мѣрѣ свободы—свободы эксплуатаціи. Новелла къ Промышленному Уставу, внесенная въ рейхстагъ весною 1878 г., не содержала никакихъ постановленій относительно учрежденія фабричной инспекціи; она заключала лишь нѣкоторыя слабыя поправки къ неудовлетворительнымъ предписаніямъ объ охранѣ труда въ Промышленномъ Уставѣ. Рейхстагъ принялъ эти поправки и прибавилъ по собственной иниціативѣ введеніе института фабричныхъ инспекторовъ, правда — не для имперіи, а такимъ образомъ, что правительства отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ послѣдней, должны были назначить фабричныхъ инспекторовъ, облеченныхъ всѣми полномочіями мѣстныхъ полицейскихъ властей. Правительства не осмѣлились открыто отвергнуть это постановленіе рейхстага, но они тайно лишили его значенія, обязавъ новыхъ чиновниковъ, въ преподанныхъ имъ служебныхъ инструкціяхъ, не пользоваться своимъ правомъ на полномочія мѣстныхъ полицейскихъ властей.

Съ резолюціями противъ покровительственныхъ пошлинъ и выкупа желѣзныхъ дорогъ казною дѣло обстояло приблизительно такъ же, какъ съ соціалъ-демократическимъ законопроектомъ объ охранѣ труда. Конгрессъ 1876 г. не столько вступилъ на правильный путь въ силу яснаго пониманія положенія вещей, сколько его толкнулъ на этотъ путь практическій инстинктъ энергично пробудившагося классоваго сознанія. Резолюція противъ выкупа желѣзныхъ дорогъ была нѣсколько сильно окрашена мелко-буржуазнымъ „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“: съ одной стороны, желѣзныя дороги должны были перейти къ государству, чтобы вырвать у частной собственности ничѣмъ не оправдываемую монополію, съ другой—обладаніе желѣзными дорогами доставило бы имперіи новое преимущество во враждебномъ народу смыслѣ; недоставало высшей точки зрѣнія, которая разрѣшила бы это видимое противорѣчіе въ логически послѣдовательное воззрѣніе. Въ резолюціи противъ протекціонизма сталкивались между собою даже три различныхъ точки зрѣнія. Рейнскіе и, въ особенности,

берлинскіе делегаты, какъ Фрицше, Ракковъ, Гассельманъ и Мостъ, склонялись къ протекціонизму. Такимъ образомъ былъ съ большимъ трудомъ достигнутъ компромиссъ слѣдующаго рода: соціалъ-демократія относится, во-первыхъ, равнодушно къ распрѣ между свободой торговли и протекціонизмомъ, возгорѣвшейся среди имущихъ классовъ; во-вторыхъ, однако, фритредерскіе торговые договоры заключены невыгодно для германской промышленности и нуждаются въ измѣненіи; въ-третьихъ, нужно предостеречь рабочихъ, чтобы они не таскали каштановъ изъ огня для буржуазіи, которая подъ видомъ покровительственныхъ пошлинъ ищетъ государственнаго воспособленія. Сообразно съ этимъ, когда правительство сдѣлало вскорѣ первый протекціонистскій починъ такъ назыв. уравнительной пошлиной на желѣзо, то соціалъ-демократическіе депутаты вотировали трояко: одни воздержались отъ голосованія, другіе подали голосъ за пошлину, третьи противъ нея.

Партійная печать сильно разрослась въ ширину, но ростъ ея въ глубину былъ не такъ великъ. Многія изъ новыхъ газетъ еще слабо держались на ногахъ и вынуждены были съ величайшимъ напряженіемъ силъ бороться за одно лишь существованіе. Сотрудники ихъ, большей частью рабочіе, не имѣли потребнаго досуга, чтобы освоиться какъ слѣдуетъ со своей профессіей; въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ аргументаціи не хватало силы по существу вопроса, они выходили изъ затрудненія при помощи тѣмъ болѣе энергичнаго выраженія своихъ убѣжденій. Руководящаго органа партія также не имѣла. Создать такой органъ въ насквозь демократической рабочей партіи дѣло не легкое: здѣсь всегда приходится съ большимъ тактомъ лавировать между Сциллой сборника военныхъ приказовъ и Харибдой гостепріимнаго почтоваго ящика. Тѣмъ не менѣе „*Соціалъ-демократъ*“ 60-хъ годовъ и „*Соціалъ-демократъ*“ 80-хъ годовъ показали, что эта трудная задача можетъ быть блестяще разрѣшена. Въ 70-хъ гг., особенно со времени объединенія фракцій, дѣла партіи обстояли въ этомъ отношеніи не такъ хорошо. У *Vorwärts*'а была демократическая практика, но ему не хватало сильной теоріи: такъ, напр., еще лѣтомъ 1878 г. онъ въ рядѣ номеровъ открылъ свои столбцы для самыхъ разнообразныхъ взглядовъ по вопросу о теоріи цѣнности, но при этомъ не подвелъ имъ итога въ разъясняющемъ резюме, что̀ собственно и составляло задачу центральнаго органа. Послѣ такого обсужденія теорія цѣнности должна была

представляться рабочимъ въ еще болѣе спутанномъ видѣ, чѣмъ раньше.

Въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ дня *Vorwärts*'у недоставало точнаго знанія окружающихъ условій, конкретной отчетливости въ пониманіи нѣмецкихъ дѣлъ; все неудобное „отдѣлывалось“ нѣсколькими общими лозунгами, вслѣдствіе чего въ партіи завелся самодовольный и не особенно пріятный тонъ. При этомъ экскурсы *Vorwärts*'а въ область внѣшней политики не покрывали изъяновъ его внутренней политики; его туркофильство во время русско-турецкой войны могло въ своемъ родѣ возбуждать столь же справедливыя возраженія, какъ руссофильство господствующихъ классовъ. Такъ же обстояло дѣло съ „*Berliner Freie Presse*“, самой вліятельной ежедневной газетой партіи. Здѣсь Мостъ слишкомъ часто говорилъ о вещахъ, которыхъ онъ положительно не понималъ. Правда, его полемика противъ „*Римской Исторіи*“ Моммзена, оставляя желать весьма многаго, отнюдь не была такъ нелѣпа, какъ это утверждала буржуазная печать, но популярное извлеченіе изъ перваго тома „*Капитала*“, сдѣланное Мостомъ, кишѣло грубѣйшими искаженіями, а его лекція о разрѣшеніи соціальнаго вопроса самымъ грубымъ образомъ раздѣлывала великихъ утопистовъ, о которыхъ въ соціалистической литературѣ до тѣхъ поръ всегда говорили съ уваженіемъ; между тѣмъ самъ онъ, рисуя „государство будущаго“, впадалъ въ очень поверхностный утопизмъ.

Не слѣдовало, однако, слишкомъ трагически смотрѣть на эти тѣни къ большому свѣту. То не были симптомы старческаго упадка, а, напротивъ, симптомы энергичнаго роста, періода, который въ жизни отдѣльнаго человѣка принято называть годами неотесаннаго отрочества. Въ спорѣ со своей буржуазной противницей соціалистическая литература все же выходила побѣдительницей. Яркій примѣръ этого представляли обѣ агитаціонныя брошюры Бракке, составленныя для выборовъ 1877 г., и вещи, написанныя противъ нея съ либеральной стороны. Хотя Бракке нападалъ на несправедливость и неразуміе буржуазной собственности только съ идеологическо-моральной стороны, тѣмъ не менѣе онъ одинаково легко разбивалъ и дѣтскія возраженія „*Magdeburger Zeitung*“, и отталкивающія пошлости, которыми бравый Унру достойно завершилъ свое 30-лѣтнее предательство по отношенію къ рабочему классу. На вопросъ Либкнехта, должна ли Европа стать казацкой, Г. Леви—банковый служащій, при-

надлежавшій тогда къ самымъ бойкимъ сотрудникамъ *Vorwärts*'а, — отвѣтилъ въ весьма интересной брошюрѣ контръвопросомъ, должна ли германская рабочая партія стать турецкой. Сознаніе грозящаго пониженія идейнаго уровня было весьма живо въ партіи и привело непосредственно и косвенно къ основанію двухъ научныхъ журналовъ, начавшихъ выходить съ октября 1877 г.

„Die Neue Gesellschaft“ („Новое Общество“), ежемѣсячникъ издававшійся Ф. Виде въ Цюрихѣ, былъ связанъ съ германской соціалъ-демократіей только черезъ посредство нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ; напротивъ, *„Zukunft“ („Будущность“)*, издававшаяся Гёхбергомъ въ Берлинѣ и выходившая 2 раза въ мѣсяцъ, входила въ рамки партіи. Гёхбергъ, сынъ франкфуртскаго продавца лотерейныхъ билетовъ, былъ самоотверженнымъ идеалистомъ и взялъ на себя расходы по изданію *„Zukunft“*, не преслѣдуя при этомъ никакихъ посторонннихъ цѣлей, даже цѣлей личнаго честолюбія. Соціализмъ былъ для него вопросомъ чувства—не только въ хорошемъ, но и въ дурномъ значеніи слова. Ученикъ Альберта Ланге,—того періода, когда Ланге обращался больше къ государственному разуму имущихъ, чѣмъ къ революціоннымъ инстинктамъ рабочихъ классовъ,—Гёхбергъ отступалъ въ страхѣ предъ суровыми сторонами пролетарской классовой борьбы. Ему казалось, что онъ можетъ привлечь на сторону коммунизма всѣхъ справедливо и разумно мыслящихъ людей. Его идеальный образъ мыслей сбивала съ толку его идеалистическая философія; уже въ первыхъ выпускахъ *„Zukunft“* Гёхбергъ объявилъ, что соціализмъ „заимствуетъ свои требованія и цѣли только у идеи“, что „единственнымъ творческимъ источникомъ соціально-политическаго идеала является независимое отъ данныхъ внѣшнихъ условій и противопоставляющее себя имъ автономное сознаніе, съ его понятіемъ о должномъ“, что важнѣйшая задача „соціалистики“ состоитъ въ подробномъ изображеніи „соціалистическаго государства“ и доказательствѣ его осуществимости. Теоретическій соціализмъ былъ отброшенъ этимъ приблизительно на полвѣка назадъ; Марксъ и Энгельсъ должны были испытывать своеобразныя чувства, читая такія программныя заявленія черезъ 30 лѣтъ послѣ появленія Коммунистическаго Манифеста.

Но они строго соблюдали дисциплину и молчали. Если бы *„Zukunft“* суждена была болѣе продолжительная жизнь, она несомнѣнно излѣчилась бы скоро отъ своего небесно-голубого соціа-

лизма. Зачатки въ этомъ направленіи мы находимъ уже въ тѣхъ выпускахъ, которые вышли за единственный годъ ея существованія,—при всей пестротѣ и спутанности проводимыхъ въ журналѣ взглядовъ. Къ самымъ усерднымъ сотрудникамъ Гёхберга принадлежалъ К. А. Шраммъ; онъ хорошо набилъ себѣ руку въ полемикѣ съ манчестерствомъ, настолько хорошо, что усвоилъ себѣ даже несносный тонъ непогрѣшимости, но въ то же время онъ воображалъ, что соціализмъ на этомъ кончается, и занималъ довольно неувѣренную позицію по отношенію къ бисмарковскимъ реакціоннымъ планамъ огосударствленія, для которыхъ не составляло дѣла большой важности отпустить нѣсколько лишнихъ ругательствъ по адресу пагубнаго манчестерства. Затѣмъ на сцену выступилъ опять Мюльбергеръ со своими прудоновскими патентованными лѣкарствами, и „*Zukunft*“ стала отводить положительно слишкомъ много мѣста разсужденіямъ относительно того, какъ будетъ устроено „государство будущаго“. Тутъ поднялась однако, оппозиція: превратныя воззрѣнія Мюльбергера и шаткіе взгляды Шрамма отдѣлалъ особенно сурово Бебель, показавшій въ то же время въ статьѣ объ имперскомъ санитарномъ бюро, что онъ вполнѣ умѣлъ цѣнить способность капиталистическаго общества къ разрѣшенію дѣйствительныхъ культурныхъ задачъ, поскольку такая способность фактически имѣлась налицо. Въ общемъ итогѣ, однако, „*Zukunft*“ увеличивала пока теоретическую шаткость въ рядахъ партіи; въ такой же, если не большей степени, это относилось къ журналу „*Neue Gesellschaft*“, издатель котораго вдобавокъ не обладалъ глубокимъ и неподдѣльнымъ чувствомъ справедливости, до извѣстной степени уравновѣшивавшимъ приподнятый идеализмъ Гёхберга.

Вообще не всѣ были Гёхбергами среди людей, которые приходили изъ имущихъ классовъ къ соціалъ-демократіи, чтобы погрѣться въ лучахъ этого восходящаго солнца. Непризнанные изобрѣтатели и реформаторы, противники оспопрививанія, сторонники натуральнаго метода лѣченія и тому подобные чудаковатые геніи пытались найти себѣ среди мощно волнующихся рабочихъ классовъ то признаніе, въ которомъ другіе отказывали имъ. Въ своемъ свѣжемъ порывѣ къ революціонированію стараго, гнилого міра сознательный пролетаріатъ не обнаруживалъ особой неприступности и обращалъ больше вниманія на добрую волю помощниковъ, чѣмъ на ихъ силы. Особенно значителенъ былъ притокъ изъ академическихъ круговъ. Традиціи буржуазнаго радикализма,

сохранявшіяся въ студенческихъ кругахъ со времени стараго буршеншафства, угасли среди политическаго разложенія прогрессистской партіи. Въ зависимости отъ природныхъ наклонностей, происхожденія и соціальной среды студенты либо отдавались пошлому карьеризму, поднимавшемуся, самое большее, до антисемитскаго фразерства, либо же пытались сблизиться съ соціалъ-демократіей.

Среди буржуазныхъ адептовъ соціализма самой крупной фигурой былъ приватъ-доцентъ Евгеній Дюрингъ, ушедшій въ своемъ развитіи значительно дальше старыхъ своихъ дѣлишекъ съ Бисмаркомъ и Вагенеромъ. Онъ читалъ предъ многолюдными аудиторіями лекціи по самымъ различнымъ спеціальностямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ нѣсколькихъ, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ сочиненіяхъ развилъ философско-соціалистическую систему, гдѣ, по его словамъ, было открыто множество конечныхъ истинъ. Соотвѣтственно столь высокимъ претензіямъ Дюрингъ третировалъ своихъ предшественниковъ въ области философіи и соціализма, за немногими исключеніями, сверху внизъ; особенно обильный потокъ его гнѣва излился на Маркса и Лассаля. При всемъ томъ элементы соціалъ-демократіи, на которые Дюрингъ пріобрѣлъ довольно большое вліяніе своимъ печатнымъ и устнымъ словомъ, не принадлежали къ самымъ худшимъ; для пониманія его требовалось все-таки нѣчто большее, нежели для того, чтобы просто громить его, подобно тому, какъ онъ громилъ Маркса и Лассаля. Дюрингъ безспорно обладалъ большими способностями. Въ отличіе отъ катедеръ-соціалистовъ онъ отвергалъ всякій соціализмъ, не устраняющій всецѣло системы наемнаго труда; защищая необходимость фабричнаго законодательства и, въ особенности, профессіональной организаціи рабочихъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, однако, только какъ на средство къ цѣли; наконецъ, онъ былъ поборникомъ политическаго радикализма, видѣвшаго свои идеалы въ Байронѣ и Шелли, въ Маратѣ и Бабефѣ, въ дѣятеляхъ Коммуны. Ученіе Дюринга должно было оказывать сильное притягательное дѣйствіе какъ разъ на умственно наиболѣе живые элементы соціалъ-демократіи, которыхъ не удовлетворяли уже агитаціонныя сочиненія Лассаля, но для которыхъ „*Капиталъ*" Маркса не раскрылся еще во всемъ многообразіи своего историческаго содержанія.

Притомъ жизнь этого человѣка была не лишена значительности. Сынъ прусскаго чиновника, рано осиротѣвшій, воспитан-

ный въ сиротскихъ пріютахъ, совершенно ослѣпшій вскорѣ послѣ своего поступленія на службу по судебному вѣдомству, Дюрингъ поднялся, несмотря на такія угнетающія условія, до свободнаго міровоззрѣнія, котораго твердо держался затѣмъ среди самой тяжелой борьбы за существованіе. Правда, практически онъ былъ знакомъ только со старо-прусскими условіями; поэтому, при всей энергіи и смѣлости своей мысли, онъ оставался въ воздушныхъ сферахъ, не имѣя все-таки силъ избавиться отъ непріятнаго земного шлака того отсталаго захолустья, которое онъ дѣйствительно видѣлъ собственными глазами. Дюрингъ относился отрицательно къ специфически прусскому соціализму, но онъ не преодолѣлъ его, когда усматривалъ въ политическомъ насиліи источникъ всякой неволи. Не зная современнаго буржуазнаго общества, онъ, подобно великимъ утопистамъ, бралъ своимъ исходнымъ пунктомъ просвѣтительную литературу революціонной буржуазіи, но попадалъ такимъ образомъ въ Утопію, въ скудную трезвенность своей коммуны будущаго, изображеніе которой казалось ему, однако, великимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ Марксомъ. Онъ презрительно говорилъ объ исключительно „кормовыхъ цѣляхъ" экономической классовой борьбы, а между тѣмъ жалкія кормовыя корыта прусскихъ университетскихъ профессуръ играли огромнѣйшую роль въ его мышленіи и житейской борьбѣ. То же несоотвѣтствіе между самыми мелочными исходными точками и утопически туманными цѣлями выступало въ иной формѣ, когда Дюрингъ въ своей передрягѣ съ оффиціальной университетской кликой дошелъ до непріятной маніи величія, такъ что въ концѣ-концовъ сталъ притязать на роль новатора во всевозможныхъ областяхъ знанія, хотя на самомъ дѣлѣ не изслѣдовалъ глубоко ни одной изъ нихъ.

При такихъ обстоятельствахъ возрастающее вліяніе Дюринга на революціонное рабочее движеніе должно было возбуждать довольно значительныя опасенія. Движеніе всего больше нуждалось въ діалектическо-историческомъ методѣ пониманія, но какъ разъ ему оно всего меньше могло научиться у человѣка, мнившаго, что въ своей системѣ онъ завершилъ развитіе науки на все доступное предвидѣнію будущее. Соціалъ-демократія слишкомъ выросла, конечно, для того, чтобы Дюрингъ могъ сдѣлать ее пьедесталомъ своей маніи величія, но онъ, несомнѣнно, могъ опять вызвать роковую смуту въ только что объединившейся партіи. Противъ этой опасности и выступилъ Энгельсъ въ рядѣ статей, которыя стали

печататься въ *Vorwärts*'ѣ съ начала 1877 г. Онѣ освѣтили систему Дюринга съ самыхъ различныхъ сторонъ и, критически разлагая ее, испытали историко-матеріалистическую діалектику на рядѣ крупныхъ проблемъ въ исторіи и природѣ.

Возраженія, выставленныя Дюрингомъ противъ Маркса и Лассаля, представляли собою немногимъ болѣе коллекціи ругательствъ, пріукрашенныхъ кое-какими недоразумѣніями, bona fides которыхъ подлежала справедливому сомнѣнію. Такимъ образомъ Энгельсъ былъ избавленъ отъ обязанности сколько-нибудь щадить Дюринга; къ тому же подобное бережное отношеніе, по справедливому замѣчанію Энгельса, было бы смертельной обидой для человѣка съ претензіями Дюринга. Въ глазахъ Энгельса Дюрингъ былъ „однимъ изъ самыхъ характерныхъ типовъ той развязной лженауки, которая всюду лѣзетъ теперь впередъ въ Германіи и заглушаетъ все своимъ трескучимъ вздоромъ высшаго сорта". Энгельсъ не скрывалъ, что и нѣмецкій соціализмъ проявляетъ въ послѣднее время не мало такого пустозвонства; изъ многихъ мѣстъ его статей явствуетъ, что онъ и Марксъ не стояли больше на той неправильной точкѣ зрѣнія, съ которой Марксъ написалъ свое письмо по поводу готской программы. До сихъ поръ они отвѣчали невозмутимымъ молчаніемъ на гораздо худшія еще нападки, чѣмъ вылазки Дюринга; если Энгельсъ вмѣшался на этотъ разъ, то его побудили къ такому шагу совершенно иныя причины, чѣмъ личность Дюринга, которая вообще очень скоро отошла на задній планъ.

Оффиціальной университетской кликѣ, для которой Дюрингъ давно былъ бѣльмомъ на глазу изъ-за своихъ хорошихъ сторонъ, удалось, еще во время печатанія статей Энгельса въ *Vorwärts*'ѣ, расправиться посредствомъ инквизиціоннаго суда съ ненавистнымъ противникомъ. По ничтожнѣйшимъ основаніямъ Дюрингъ былъ прогнанъ съ каѳедры. Его соціалъ-демократическіе приверженцы храбро заступились за него и подняли сильное студенческое движеніе, — послѣднее въ Германіи, сумѣвшее обнаружить широкій идеальный размахъ. Но самъ Дюрингъ сдѣлалъ себя невозможнымъ, выступивъ теперь открыто какъ основатель секты и заявивъ притязаніе на непогрѣшимый авторитетъ главы секты. Этимъ самымъ его вліянію на революціонное рабочее движені навсегда былъ положенъ конецъ.

Напротивъ, полемика Энгельса съ Дюрингомъ сохранила еще до сихъ поръ свою жизненность и силу. Мастерская по формѣ,

она открыла пониманіе научнаго коммунизма нѣмецкому, а затѣмъ и международному пролетаріату; она послужила исходнымъ пунктомъ и фундаментомъ для обширной литературы. При всей цѣнности ея положительныхъ результатовъ, убѣдительная сила которыхъ повліяла въ значительной мѣрѣ даже на проникнутую предразсудками буржуазную ученость, книжка Энгельса составила эпоху главнымъ образомъ потому, что она на конкретныхъ примѣрахъ показала все значеніе діалектическаго способа мышленія. Этимъ полемическимъ сочиненіемъ Энгельсъ далъ германской соціалъ-демократіи какъ разъ то, въ чемъ она тогда нуждалась, какъ въ хлѣбѣ насущномъ: онъ далъ толчокъ, которому предстояло получить въ своемъ родѣ не меньшее значеніе и вліяніе, чѣмъ толчокъ, данный 15 годами раньше „*Открытымъ письмомъ*" Лассаля.

Насколько книжка Энгельса была необходима, показалъ, быть можетъ, разительнѣе всего нѣсколько нелюбезный пріемъ, который былъ оказанъ ей партіей. Мостъ и другіе не прочь были закрыть для нея столбцы *Vorwärts*'а и устроить надъ еретикомъ Энгельсомъ такое же судилище, какое оффиціальная университетская клика устроила надъ Дюрингомъ. Къ счастью, конгрессъ 1877 г. не пошелъ на это. Исключительно только по агитаціоннымъ и практическимъ соображеніямъ онъ рѣшилъ продолжать печатаніе этой чисто научной полемики не въ самой газетѣ, а въ научномъ приложеніи къ центральному органу. Рѣзкихъ словъ было, впрочемъ, сказано не мало. Нейссеръ извинялъ „*Vorwärts*" тѣмъ, что редакція не располагала достаточными силами для надлежащей провѣрки работы Энгельса, а Вальтейхъ замѣтилъ со своей надменной манерой, злившей уже Лассаля, что тонъ Энгельса долженъ вести къ порчѣ литературнаго вкуса, и духовная пища *Vorwärts*'а становится изъ-за него несъѣдобной.

Лѣтомъ 1878 г. законченное полемическое сочиненіе Энгельса вышло отдѣльной книгой. Спокойный и ровный свѣтъ этого маяка загорѣлся какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на политическомъ горизонтѣ появилась черная грозовая туча.

Глава VI.

Законъ о соціалистахъ.

Тѣмъ временемъ Бисмаркъ преслѣдовалъ со стойкимъ упорствомъ свои финансовые, податные и таможенные планы. На выборахъ 1877 г. онъ могъ уже зарегистрировать свой первый успѣхъ. Націоналъ-либералы потеряли около 20 мѣстъ, которыя достались консервативной фракціи; фритредерское направленіе вышло нѣсколько ослабленнымъ, а протекціонистское нѣсколько усилилось. Однако протекціонистскаго большинства еще нельзя было получить въ рейхстагѣ, такъ какъ консерваторы и ультрамонтане, взятые вмѣстѣ, составляли все еще только меньшинство; Бисмарку приходилось, такимъ образомъ, продолжать свои усилія съ цѣлью приручить націоналъ-либераловъ,— политика, представлявшаяся и безъ того наиболѣе удобной для него.

Нѣтъ надобности перечислять всѣ пробные маневры, сдѣланные для этого Бисмаркомъ: угрозы выходомъ въ отставку, сердитое удаленіе въ свои помѣстья и т. под. Рѣшающіе переговоры между нимъ и Беннигсеномъ происходили въ Рождество 1877 г. въ Варцинѣ и ни къ чему не привели. Беннигсенъ не дошелъ еще тогда до того, до чего дошли теперь его преемники: то, что предлагалъ Бисмаркъ, было слишкомъ мало для него, а то, чего Бисмаркъ требовалъ, было для него слишкомъ много. Націоналъ-либераламъ предоставлялось поставить въ министерство одного или двухъ статистовъ, но взамѣнъ этого они должны были дать согласіе на табачную монополію и на кучу финансовыхъ пошлинъ, безъ „конституціонныхъ гарантій“, т.-е. безъ обезпеченія бюджетнаго права парламента, жестоко урѣзываемаго подобной сдѣлкой; они должны были получить мнимое участіе въ политической вла-

сти, но поступиться въ значительной мѣрѣ тѣмъ дѣйствительнымъ участіемъ въ ней, какимъ они еще обладали. Съ такимъ требованіемъ имъ трудно было примириться, тѣмъ болѣе, что возрастающая интимность Бисмарка съ остъ-эльбскимъ юнкерствомъ давно уже наполняла ихъ страхомъ за свое богоподобіе.

Противоположности еще значительно обострились въ сессіи рейхстага, открывшейся въ февралѣ 1878 г. Бисмаркъ открыто потребовалъ табачной монополіи; Кампгаузенъ, слишкомъ судорожно цѣплявшійся за свой министерскій портфель, принужденъ былъ выйти въ отставку; въ министерскія кресла, отвергнутыя Беннигсеномъ, усѣлись феодальные нули, въ родѣ графа Штольберга-Вернигероде, или безцвѣтные бюрократы, въ родѣ Гобрехта. Около Пасхи оффиціозная печать заговорила языкомъ, не оставлявшимъ никакого сомнѣнія насчетъ замысловъ Бисмарка, удалившагося въ Фридрихсруэ по притворной или дѣйствительной болѣзни: имперскій канцлеръ только искалъ повода распустить рейхстагъ и создать себѣ путемъ какого-нибудь „плебисцита" парламентъ, который бы поднесъ ему нѣсколько сотъ милліоновъ новыхъ налоговъ и при этомъ безстрашно урѣзалъ свои собственныя права.

Старой и все еще неутоленной ненависти Бисмарка къ соціалистамъ естественно было подумать о красномъ призракѣ, какъ о превосходномъ загонщикѣ для предпринятой имъ охоты на народный карманъ. Но если бы ему даже нуженъ былъ въ этомъ отношеніи какой-нибудь внѣшній толчокъ, то послѣдній былъ данъ прогрессистской партіей, ставшей въ это время во главѣ буржуазной травли соціалистовъ. Ея старые и, какъ ни какъ, болѣе умные вожди умерли, и роль ихъ перешла теперь къ бравому Евгенію Рихтеру. Когда сей выдающійся мыслитель предавалъ анаѳемѣ соціалъ-демократію, какъ „послѣдъ полицейскаго государства", или когда онъ заявлялъ, что никто не имѣетъ надобности читать „*Капиталъ*" Маркса, гдѣ ничего-де не доказано кромѣ того, что капиталистическій способъ производства имѣетъ свои темныя стороны, покуда люди еще не стали ангелами,— когда Рихтеръ говорилъ все это, то при нѣкоторой снисходительности его разсужденія могли сойти за болѣзненный, но безвредный эксцессъ. Дѣло въ томъ, однако, что Евгеній Рихтеръ объявлялъ также отъ имени своей партіи борьбу съ реакціонными партіями буквально второстепеннымъ дѣломъ, что главной задачей онъ провозгласилъ борьбу съ соціалъ-демократіей и отдалъ пароль: „Лучше Люціусъ, чѣмъ Капелль!" Поводомъ послужило слѣдую-

щее обстоятельство. „*Volkszeitung*“ высказала въ видѣ предположенія, а не фактическаго требованія, что если бы на дополнительныхъ выборахъ въ Эрфуртѣ дѣло дошло до перебаллотировки между бисмарковцемъ Люціусомъ и соціалъ-демократомъ Капеллемъ, то прогрессистскіе голоса пришлось бы подать за Капелля и противъ Люціуса. Тутъ на enfant terrible партіи обрушились не только всѣ другія прогрессистскія газеты, но на сцену торжественно выступилъ и прогрессистскій центральный избирательный комитетъ, заявившій, что предположеніе „*Volkszeitung*“ противорѣчитъ всѣмъ священнымъ преданіямъ партіи. Эти преданія высушивали у буржуазной оппозиціи послѣднюю кровь въ жилахъ и послѣдній мозгъ въ костяхъ.

---

1. Христіанско-соціальная агитація.

Такимъ образомъ христіанско-соціальная агитація, выступившая около этого времени съ значительнымъ трескомъ на общественную арену, могла сдѣлать попытку обогнать буржуазную оппозицію, хотя она была приблизительно такъ же дьявольски умна, какъ прогрессистская политика.

Христіанскій соціализмъ XIX вѣка имѣетъ два историческихъ корня. Въ однихъ случаяхъ онъ представляетъ собою сопутствующее явленіе инстинктивнаго рабочаго коммунизма, который въ своей теоретической формулировкѣ беретъ за исходное начало матеріалъ, близко ему знакомый, подобно тому, какъ великіе утописты въ свое время взяли исходнымъ пунктомъ близко знакомый имъ идейный матеріалъ эпохи просвѣщенія. Въ начальныхъ стадіяхъ своей освободительной борьбы современный пролетаріатъ охотно вспоминаетъ о первобытномъ христіанствѣ: исторически наиболѣе значительныя формы инстинктивнаго рабочаго коммунизма, связанныя съ именами Кабе и Вейтлинга, имѣли обѣ религіозную окраску. Однако, этотъ внѣшній налетъ обыкновенно очень скоро исчезаетъ; чѣмъ болѣе ясный отчетъ массы отдаютъ себѣ въ пролетарскомъ содержаніи своего движенія, тѣмъ безпощаднѣе разбиваютъ онѣ его патріархальную форму.

Въ другихъ случаяхъ христіанскій соціализмъ возникаетъ среди имущихъ классовъ, какъ сопутствующее явленіе феодальнаго соціализма. Отсюда не слѣдуетъ, что онъ непремѣнно долженъ быть сознательнымъ шарлатантствомъ. Религіозные идеологи могутъ

вполнѣ искренно вѣрить, что имъ удастся путемъ религіи помочь бѣднымъ и обездоленнымъ. Но и этой формѣ христіанскаго соціализма суждено лишь краткое существованіе: у нея реакціонное содержаніе очень скоро разбиваетъ пролетарскую форму. Временами она очень рѣзко выступаетъ противъ капиталистической эксплуатаціи, но какъ только она затрогиваетъ эксплуатацію феодальную или начинаетъ нападать на эксплуатацію вообще, она вынуждена такъ или иначе капитулировать, и ея приверженцамъ остается лишь на выборъ—бѣжать въ пустыню или смириться.

Ходъ историческаго развитія былъ въ Германіи таковъ, что ея рабочему движенію не пришлось долго страдать отъ христіанскаго соціализма ни въ той, ни въ другой изъ перечисленныхъ формъ. Классическая философія, столь живо привѣтствованная ремесленными подмастерьями и развитыми рабочими, рано очистила ихъ головы отъ всякихъ внѣземныхъ призраковъ. У Вейтлинга религіозный моментъ выступилъ даже въ прямо отсталой уже формѣ, а до-мартовская реакція со своимъ поддѣлывающимся подъ соціализмъ святошествомъ не сдѣлала ни малѣйшихъ завоеваній среди рабочаго класса. Когда въ началѣ 60-хъ гг. рабочее движеніе снова пошло на прибыль, оно отнеслось совершенно равнодушно ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ. Только эйзенахцы выступали иногда какъ теоретическіе приверженцы атеизма: Бебель объявилъ себя разъ въ рейхстагѣ атеистомъ въ религіозной области, республиканцемъ—въ политической и коммунистомъ — въ хозяйственной, а майнцскій конгрессъ 1872 г., хотя и отклонилъ предложеніе мюнхенцевъ вмѣнить членамъ партіи въ обязанность выходъ изъ національной церкви, рекомендовалъ имъ, однако, формальное выступленіе изъ церковныхъ союзовъ, послѣ того какъ они принятіемъ партійной программы фактически порвали со всякимъ религіознымъ исповѣданіемъ.

Однако, именно болѣе подробное изученіе религіозно-философскихъ проблемъ показало эйзенахцамъ, насколько религіозные вопросы уже поглощены всецѣло экономическими. Книга Давида Штрауса о старой и новой вѣрѣ проповѣдывала въ первой своей половинѣ самый рѣшительный атеизмъ, а во второй—реакціоннѣйшій имперскій патріотизмъ. Бруно Бауеръ напечаталъ свои составившія эпоху изслѣдованія о возникновеніи христіанства въ главномъ журналѣ манчестерства, основалъ вмѣстѣ съ Фаухеромъ „*Post*", органъ Струсберга, и писалъ въ то же время политическія обозрѣнія для „*Berliner Revue*" Рудольфа Мейера. Модный

философъ фонъ-Гартманъ разглагольствовалъ насчетъ „саморазложенія христіанства“ и наряду съ этимъ принадлежалъ къ самымъ злобнымъ гонителямъ соціалистовъ. Къ нимъ же принадлежали почти всѣ нѣмецкіе дарвинисты. Коротко сказать, съ каждымъ днемъ все недвусмысленнѣе выступалъ фактъ, что экономическая классовая борьба перестала проявляться въ религіозномъ облаченіи; фактъ этотъ составлялъ легко объяснимое послѣдствіе крупной промышленности, которая невозможна безъ широкаго господства надъ природой и, слѣдовательно, также безъ коренного разрушенія всѣхъ сверхъестественныхъ представленій.

Въ готской программѣ эта истина нашла себѣ наполовину еще безсознательное, но тѣмъ болѣе яркое выраженіе. Первоначальный ея проектъ требовалъ „свободы совѣсти“, но затѣмъ вмѣсто этихъ словъ было въ окончательной редакціи поставлено „провозглашеніе религіи частнымъ дѣломъ“; непосредственнымъ основаніемъ для такой замѣны послужило чисто внѣшнее обстоятельство—желаніе дать понятію болѣе строгое опредѣленіе, казавшееся особенно необходимымъ въ такое время, когда прусское правительство любило рядиться въ плащъ борца за „свободу совѣсти“ противъ римской куріи. Но „провозглашеніе религіи частнымъ дѣломъ“ тотчасъ получило на практикѣ переносный смыслъ,—что религія есть частное дѣло и для пролетарской классовой борьбы. Поскольку религія служитъ орудіемъ власти для господствующихъ классовъ, борьба съ нею содержалась въ другихъ пунктахъ программы, напр., въ требованіи объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ свободу мысли и изслѣдованія, или въ пунктѣ о передачѣ школы въ руки государства. Но для борьбы противъ религіи, какъ таковой, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезало всякое основаніе, такъ какъ каждый день показывалъ, вопервыхъ, что для борьбы съ послѣднимъ прусскимъ жандармомъ требуется больше храбрости, чѣмъ для борьбы съ Господомъ Богомъ, которую невозбранно вели сами тщедушные филистеры, а, во-вторыхъ, что весь существующій еще религіозный туманъ нисколько не останавливаетъ пробужденія пролетарскаго классоваго сознанія.

Правда, культуркампфъ создалъ немало помѣхъ на пути рабочаго движенія, снова привязавъ католическихъ рабочихъ къ преслѣдуемымъ священникамъ ихъ церкви. Но если этимъ было доказано, что борьба съ чисто церковными воззрѣніями есть безплодное и обоюдоострое оружіе, то съ середины 70-хъ гг. выяс-

нилось также, что развитіе крупной промышленности и неразрывно связанное съ нимъ обостреніе капиталистически-пролетарскаго классоваго антагонизма разрушаетъ религіозную идеологію основательнѣе всякихъ краснорѣчивыхъ словъ. Тамъ, гдѣ католическіе предприниматели и католическіе рабочіе стояли непосредственно другъ противъ друга, слѣдовательно, гдѣ, очевидно, представлялось невозможнымъ отвлечь пролетарское возмущеніе въ сторону „либеральныхъ" и „протестантскихъ" капиталистовъ,—тамъ выступалъ наружу демагогическій характеръ католическаго соціализма, и ультрамонтанская буржуазія оказывалась ни на волосъ лучше либеральной буржуазіи. Классическимъ мѣстомъ этой метаморфозы былъ крупный прирейнскій фабричный городъ Ахенъ. „Либеральныхъ капиталистовъ" здѣсь было очень немного, а между тѣмъ борьба между католическими эксплуататорами и эксплуатируемыми католиками съ каждымъ годомъ все болѣе обострялась, католическая же церковь показывала, что какъ только дѣло заходитъ въ серьезъ, ее можно найти всегда на сторонѣ господствующихъ классовъ. Противодѣйствіе, которое пытались оказать священники Кроненбергъ, Лаафъ и Литцингеръ, было сломлено въ такой же мѣрѣ ихъ церковнымъ начальствомъ, какъ алчными фабрикантами. Одни, какъ Лаафъ и Литцингеръ, принуждены были смириться, другіе, какъ Кроненбергъ, были изгнаны въ пустыню. Между тѣмъ революціонный соціализмъ совершилъ поверхъ ихъ головъ свое вступленіе въ старый императорскій городъ.

При полной своей зависимости отъ государства евангелическое духовенство должно было съ самаго начала довольствоваться по отношенію къ рабочему движенію гораздо болѣе скромной ролью, чѣмъ духовенство католическое. Такъ, напр., „конгрессъ святошъ", засѣдавшій въ 1871 г. въ Берлинѣ, посмотрѣлъ съ удовольствіемъ жонглерскіе фокусы Адольфа Вагнера относительно рабочаго вопроса, но въ прочихъ отношеніяхъ не далъ никакихъ результатовъ; точно также не имѣли особаго успѣха усилія Рудольфа Мейера, который хотѣлъ мобилизовать евангелическое духовенство въ пользу аграрно-соціалистическихъ идеаловъ, обнаруживъ въ этомъ пунктѣ гораздо большую неясность взглядовъ, чѣмъ его учитель Родбертусъ. Немногимъ духовнымъ лицамъ, которыя готовы были примкнуть къ Р. Мейеру, „кивнули" свыше, какъ одинъ изъ нихъ выразился при Мейерѣ, чтобы они воздержались отъ этого. Бисмаркъ былъ слишкомъ практическимъ дѣльцомъ, чтобы придавать особую цѣнность религіозному прикрашива-

нію эксплуататорскихъ пріемовъ; сверхъ того, онъ не желалъ имѣть „евангелическаго центра", который могъ бы, пожалуй, пойти въ чемъ-нибудь наперекоръ его мажордомству. Старанія Рудольфа Мейера и Вагенера склонить его въ пользу серьезнаго фабричнаго законодательства давно разбились объ его упорство; когда затѣмъ Рудольфъ Мейеръ въ громовомъ памфлетѣ, изобиловавшемъ горькими истинами, предпринялъ энергичную атаку противъ системы капиталистической продажности, отъ которой Бисмаркъ не хотѣлъ отказаться, то книга была тотчасъ конфискована и авторъ ея привлеченъ къ суду за „оскорбленіе Бисмарка". Рудольфъ Мейеръ предпочелъ изгнаніе суровой тюремной карѣ, къ которой его приговорилъ раболѣпный судъ.

Однако, ему удалось привлечь на свою сторону нѣсколькихъ евангелическихъ священниковъ, и прежде всего бранденбургскаго сельскаго пастора Рудольфа Тодта, выступившаго въ 1877 г. съ объемистой книгой о радикальномъ нѣмецкомъ соціализмѣ и христіанскомъ обществѣ. Тодтъ былъ вполнѣ честный человѣкъ, къ тому же толковая голова и прилежный работникъ; книга его была весьма почтеннымъ трудомъ, особенно если принять въ соображеніе, что она написана въ захолустномъ приходѣ. Обнаруживая широкое пониманіе соціалъ-демократическаго міровоззрѣнія, она весьма выгодно отличалась этимъ отъ мелочныхъ уловокъ, при помощи которыхъ либеральные герои пера пытались обойти основные вопросы. Тодтъ заявилъ, что съ христіанской точки зрѣнія экономическія и до извѣстной степени также политическія цѣли соціалъ-демократіи не могутъ вызывать возражені безусловно онъ отвергалъ только ея атеизмъ. На этомъ нельзя было, конечно, построить никакой политическо-соціальной агитаціи противъ соціалъ-демократіи, но Тодтъ и не желалъ быть политическо-соціальнымъ агитаторомъ. Слѣдуя воззрѣніямъ своей книги, онъ основалъ „Центральный союзъ для соціальной реформы" и, въ качествѣ органа этого союза, еженедѣльникъ „*Der Staatssozialist*" („*Государственный соціалистъ*"), занимавшійся главнымъ образомъ теоретическими вопросами.

Иначе повелъ себя придворный проповѣдникъ Штеккеръ, который также получилъ первоначальный толчокъ отъ Рудольфа Мейера, но которому, говоря словами Мефистофеля, очень скоро „надоѣлъ сухой тонъ". У Штеккера не было основательности Тодта и его стремленія къ истинѣ, но зато онъ обладалъ всѣми качествами преуспѣвающаго демагога: грубымъ природнымъ остро-

уміемъ, дерзкой находчивостью въ мысли и словѣ, неизмѣнно хорошимъ расположеніемъ духа, котораго онъ не терялъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Обладая тѣмъ счастливымъ легкомысліемъ въ утвержденіи и отрицаніи фактовъ, которое составляетъ принадлежность настоящаго демагога, Штеккеръ отнюдь не былъ, однако, чудовищемъ лживости, какимъ изъ хитраго расчета хотѣла сдѣлать его либеральная печать; въ сравненіи съ какимъ-нибудь Евгеніемъ Рихтеромъ онъ все еще могъ сойти за образецъ любви къ истинѣ. Можно даже сказать, что почитатели Штеккера не безъ основанія называли его „вторымъ Лютеромъ"; ему недоставало лишь того, что все-таки сдѣлало изъ Лютера крупную историческую фигуру: революціоннаго періода въ своей жизни.

Христіанско-соціальная агитація, открытая Штеккеромъ въ январѣ 1878 г., была пріурочена къ интересамъ господствующихъ классовъ и только къ нимъ. Къ числу протежѐ Бисмарка Штеккеръ никогда, однако, не принадлежалъ, и уже первое соціально-политическое выступленіе его было замѣтно направлено противъ Бисмарка: онъ началъ свой походъ противъ соціалъ-демократіи, какъ противъ дѣтища либерализма, въ то самое время, какъ Бисмаркъ велъ съ Беннигсеномъ переговоры о націоналъ-либеральныхъ министерскихъ кандидатурахъ. Штеккеръ стремился къ установленію господства ортодоксіи въ церкви, которое было тѣсно связано съ господствомъ неограниченной королевской власти и феодальнаго юнкерства въ государствѣ; сдѣлать рабочихъ слугою этихъ силъ—такова была цѣль его христіанско-соціальной агитаціи. Всякое глубокое пониманіе экономической классовой борьбы было ему чуждо; свою рабочую программу онъ состряпалъ изъ аграрно-соціалистическихъ и соціалъ-демократическихъ, изъ католическо-соціальныхъ и цеховыхъ источниковъ; ничто же сумняшеся, онъ объявлялъ превосходными вещами одного и того же порядка законодательную охрану труда и протекціонизмъ, направленный къ ограбленію массъ. Тодтъ держался въ сторонѣ отъ этой агитаціи, а Рудольфъ Мейеръ еще съ гораздо большей откровенностью потѣшался надъ этимъ христіанско-соціалистическимъ „уродцемъ".

Средства, примѣнявшіяся Штеккеромъ, особенно для того, чтобы повліять на 80-тилѣтняго императора, были вполнѣ достойны его возвышенной цѣли. Навербовавъ нѣкоторые гнилые элементы, выброшенные соціалъ-демократіей изъ своей среды, онъ съ ихъ по-

мощью созвалъ на 3 января 1878 г. въ Eiskeller народное собраніе, въ программѣ занятій котораго значилось основаніе христіанско-соціальной рабочей партіи. Надежда и желаніе Штеккера оправдались: на собраніе явились изъ любопытства тысячи двѣ соціалъ-демократическихъ рабочихъ, и между Мостомъ и Штеккеромъ произошелъ словесный поединокъ, продолжавшійся затѣмъ въ нѣсколькихъ другихъ народныхъ собраніяхъ. По счастливой для Штеккера случайности, довольно ловко использованной имъ, онъ натолкнулся на Моста,—человѣка, который по своей неразсудительной пылкости находилъ великое удовольствіе въ подобныхъ театрально-ораторскихъ состязаніяхъ и даже настолько увлекся въ одномъ изъ упомянутыхъ народныхъ собраній, что открылъ агитацію въ пользу массоваго выступленія изъ государственной церкви, въ противорѣчіи съ общей тактикой партіи. Агитація эта не дала почти никакихъ результатовъ, не потому, чтобы рабочіе были особенно привязаны къ церкви, а по противоположной причинѣ: рабочіе стали слишкомъ индифферентны къ церкви, чтобы ради формальнаго выступленія изъ нея подвергать себя различнымъ непріятностямъ, связаннымъ съ такимъ шагомъ. Штеккеръ не преминулъ, однако, использовать эту кажущуюся неудачу соціалъ-демократической атаки, да и вообще обнаружилъ умѣніе бить какъ слѣдуетъ въ барабанъ. Хотя до Штеккера Рудольфу Мейеру приходилось не разъ говорить предъ берлинскими рабочими, и худшее, что угрожало консервативному оратору въ соціалъ-демократическихъ собраніяхъ, это—быть осмѣяннымъ, тѣмъ не менѣе Штеккеръ разыгрывалъ изъ себя рыцаря безъ страха и упрека, впервые отважившагося проникнуть въ львиную пещеру; банальную цитату Моста: „Сведите свой счетъ съ небомъ, вашъ часъ пробилъ",—онъ раздулъ въ публичныхъ посланіяхъ, придавъ ей значеніе призыва къ убійству. Эта тактика увѣнчалась успѣхомъ: Штеккеръ произвелъ сильное впечатлѣніе на престарѣлаго, немощнаго тѣломъ и духомъ императора, который въ качествѣ высшаго епископа государственной протестантской церкви помогъ ревнителямъ правовѣрія снова стать на ноги, нѣсколько разбитыя во время культуркампфа.

Понятно, что сознательный пролетаріатъ не поддался христіанско-соціальной агитаціи Штеккера. Напротивъ, вожди соціалъ-демократической партіи попридержали Моста и не допустили продолженія ораторскихъ турнировъ, благодаря которымъ дѣятельность Штеккера пріобрѣтала видимое значеніе, совершенно не

соотвѣтствовавшее дѣйствительности. Какъ только рабочіе перестали интересоваться ей, христіанско-соціальный пузырь тотчасъ же лопнулъ. Отнынѣ Штеккеръ сохранилъ притягательную силу только для разнаго босяцкаго пролетаріата, искавшаго у него тѣхъ полныхъ мясныхъ горшковъ, которыхъ не было у соціалъ-демократіи. Въ этой-то подозрительной компаніи затлѣлся фитиль, котораго Бисмаркъ такъ усердно искалъ, чтобы зажечь имъ свои мины.

---

2. Покушенія и бѣлый терроръ.

11 мая 1878 г. жестяныхъ дѣлъ подмастерье Гёдель произвелъ Unter den Linden нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера какъ разъ въ тотъ моментъ, когда императоръ проѣзжалъ мимо въ открытой коляскѣ. Гёдель, человѣкъ совершенно пропащій, но которому жизнь все-таки отнюдь не надоѣла, утверждалъ, будто онъ хотѣлъ самъ застрѣлиться, чтобы обратить такимъ образомъ вниманіе императора на бѣдственное положеніе массъ; конечно, онъ говорилъ неправду, но столь же мало заслуживало вѣры утвержденіе, что онъ хотѣлъ попасть въ Вильгельма I и убить его. Револьверъ Гёделя былъ никуда не годный: по показанію придворнаго оружейника, допрошеннаго подъ присягою въ качествѣ эксперта, онъ на разстояніи 9 шаговъ билъ на 1 футъ слишкомъ высоко и настолько же влѣво отъ цѣли.

Самъ Гёдель всего менѣе принадлежалъ къ разряду политическихъ фанатиковъ. Уже въ 20 лѣтъ человѣческая развалина, онъ несъ на себѣ слѣды ранъ и ударовъ, которыми буржуазное общество наказываетъ несчастныхъ, явившихся незваными на его пиръ. Рожденный внѣ брака, зараженный наслѣдственнымъ сифилисомъ, въ дѣтствѣ уже наказанный розгами за карманную кражу и помѣщенный въ исправительное заведеніе, какъ бродяга, живя затѣмъ, какъ безпомощный объектъ эксплуатаціи, у жестяника, онъ въ теченіе всей своей жизни получалъ одни тычки и подзатыльники. Больной тѣломъ и духомъ, онъ не обладалъ необходимой силой, чтобы развиться въ революціонера, и боролся какъ воръ и мошенникъ противъ враждебныхъ силъ, низведшихъ его до полуживотнаго существованія. Онъ былъ уже безнадежно погибшимъ человѣкомъ, когда попробовалъ примкнуть къ соціалъ-демократическому движенію въ Лейпцигѣ, гдѣ жили его мать, по

занятію прачка, и отчимъ, перебивавшійся починкою сапогъ. Босяцкія привычки Гёделя сдѣлали его скоро невозможнымъ въ средѣ сознательнаго пролетаріата; уже въ мартѣ лейпцигскіе соціалъ-демократы спровадили его, а 9-го мая онъ былъ исключенъ изъ соціалъ-демократической партіи въ силу прямого постановленія гамбургскаго центральнаго избирательнаго комитета. Тѣмъ временемъ Гёдель сталъ разыгрывать изъ себя „анархиста чистѣйшей воды“ и вступилъ въ сношенія съ наборщикомъ Вернеромъ, однимъ изъ двухъ или трехъ приверженцевъ Бакунина, имѣвшихся въ Германіи. Затѣмъ онъ открылъ свою душу мѣстному націоналъ-либеральному вожаку Шпаригу въ Лейпцигѣ, который чистоганомъ заплатилъ ему за „разоблаченія“ изъ жизни соціалъ-демократической партіи. Наконецъ, громкозвучная рекламная труба Штеккера привлекла Гёделя въ Берлинъ; здѣсь онъ между прочимъ, попытался снова завязать сношенія съ соціалъ-демократами, но результатъ получился лишь тотъ, что они опять недвусмысленно показали ему дверь.

Такимъ образомъ Гёдель нѣсколько разъ встрѣтилъ нелюбезный пріемъ со стороны соціалъ-демократіи, тогда какъ анархистскій путанникъ, націоналъ-либеральный процентный патріотъ и христіанско-соціальный придворный проповѣдникъ приняли его съ распростертыми объятіями. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо навязать этого безпутнаго малаго тому или иному политическому направленію, какъ бы дурно въ прочихъ отношеніяхъ оно ни было. Приставаніе Гёделя къ различнымъ политическимъ партіямъ имѣло для него лишь одну цѣль—обезпечить себѣ возможно безпечальное житье, и къ этой же цѣли была направлена его револьверная стрѣльба Подъ Липами. Она была безобразнымъ актомъ, при посредствѣ котораго Гёдель хотѣлъ сдѣлать себя интереснымъ, въ надеждѣ, что при этомъ случаѣ ему перепадетъ кое-что; въ моментъ ареста у него не было больше ни пфеннига въ карманѣ. Фарсъ дорого обошелся бѣднягѣ, но до самыхъ ступеней эшафота, на который онъ вступилъ довольно мужественно, Гёдель отрицалъ, что цѣлилъ въ императора, и если бы это увѣреніе было неправдой, то оно имѣло бы тѣмъ меньше смысла, что Гёдель обладалъ достаточной дозой геростратовскаго тщеславія, чтобы порисоваться въ роли „покусителя его величества“.

Но если бы мы хотѣли даже предположить, что Гёдель злоумышлялъ противъ жизни императора, то это было покушеніе

на убійство, произведенное при помощи идіотскихъ средствъ идіотомъ, которому было мѣсто не на эшафотѣ и даже не въ каторжной тюрьмѣ, а въ сумасшедшемъ домѣ. Всѣ устныя и письменныя заявленія Гёделя осязательно показываютъ, что онъ былъ одинаково невмѣняемъ и юридически и морально; фактъ этотъ былъ бы установленъ безспорно и въ медицинскомъ смыслѣ, если бы правительство не отказалось наотрѣзъ исполнить желаніе Вирхова, просившаго, чтобы ему отдали голову казненнаго для анатомическаго изслѣдованія. Процессъ Гёделя, разбиравшійся въ особомъ судѣ по государственнымъ преступленіямъ, свидѣтельствовалъ во всѣхъ своихъ частяхъ только объ одномъ— что правительство хочетъ во что бы то ни стало сдѣлать изъ него серьезнаго государственнаго преступника; это стремленіе сказалось одинаково и въ ярко тенденціозномъ обвинительномъ актѣ, и въ необыкновенно слабой защитѣ, и въ противорѣчивомъ приговорѣ, признавшемъ „человѣка тѣлесно и духовно расшатаннаго“ достаточно вмѣняемымъ, однако, чтобы присудить его къ смертной казни.

Во всякомъ случаѣ это покушеніе, если оно даже было дѣйствительно таковымъ, принадлежало къ безобиднѣйшимъ покушеніямъ XIX вѣка. Тѣмъ не менѣе византійство, свирѣпствовавшее среди имущихъ классовъ со времени франко-прусской войны, сдѣлало изъ него важное государственное дѣло: патріотическая чернь собралась предъ императорскимъ дворцомъ и пропѣла Nun danket alle Gott („Возблагодарите всѣ Господа“); самъ императоръ, не хотѣвшій сначала вѣрить въ покушеніе, далъ всетаки въ концѣ-концовъ уговорить себя, что онъ избѣгъ страшной опасности, и заявилъ, что для предупрежденія подобныхъ злодѣяній необходимо сохранить народу религію. Изъ буржуазныхъ газетъ лишь немногія сохранили хладнокровіе, большинство же участвовало въ общемъ бѣснованi *„Nationalzeitung“* писала, напримѣръ: „Сколь великое, чреватое послѣдствіями рѣшеніе судьбы пронеслось сегодня надъ головой ничего не вѣдавшаго міра! Достаточно было пистолету немного опуститься или подняться, достаточно было пустяка, едва поддающагося исчисленію...“—затѣмъ слѣдовало длинное разсужденіе по поводу того, что вся міровая исторія пошла бы вверхъ дномъ, не будь „столь чудеснаго“ спасенія императора. Беллетристическая пресса подражала политической. Она наполняла цѣлые номера описаніемъ „покушенія“ и увѣковѣчивала „покушавшагося преступника“ въ

такихъ великолѣпныхъ гравюрахъ, какими она не привыкла удостоивать простыхъ смертныхъ. Понятно, что среди всего этого пароксизма раболѣпія шипѣли болѣе или менѣе злобные доносы противъ соціалъ-демократіи, якобы вскормившей Гёделя. Соціалъ-демократическая печать отнеслась, разумѣется, къ этому шабашу такъ, какъ онъ заслуживалъ, т.-е. съ ѣдкой насмѣшкой и презрѣніемъ. Ни въ коемъ случаѣ она не могла отвѣтствовать за созданіе искусственной маніи покушеній среди того самаго капиталистическаго общества, которое плодитъ столько пропащихъ людей. Буржуазное безразсудство не могло даже приводить въ извиненіе свою безобидную наивность: англійская и французская исторія давала достаточно предостерегающіе примѣры того, что покушенія дѣйствуютъ заразительно и что они трижды заразительны, если преступникъ осыпается всѣми почестями Люцифера, хотя бы это былъ такой жалкій субъектъ, какъ Гёдель.

Съ своей стороны Бисмаркъ посмотрѣлъ на трагикомическій инцидентъ не столько съ сантиментально-патетической, сколько съ демагогическо-практической точки зрѣнія и, по полученіи перваго извѣстія о револьверныхъ выстрѣлахъ Гёделя, телеграфировалъ немедленно изъ Фридрихсруэ: Исключительные законы противъ соціалъ-демократіи! Дѣйствительно, уже спустя нѣсколько дней твореніе въ этомъ духѣ было готово; авторомъ его былъ Бухеръ, если вѣрить оффиціальному біографу послѣдняго. Законопроектъ отмѣнялъ въ шести параграфахъ свободу печати и союзовъ для соціалъ-демократіи, поскольку такая свобода еще существовала для этой партіи. Союзному совѣту предоставлялось запрещать „печатныя произведенія и союзы, преслѣдующіе соціалъ-демократическія цѣли", но за рейхстагомъ сохранялось право отмѣнить состоявшіяся запрещенія „въ ближайшей своей сессі ". Срокъ дѣйствія закона былъ ограниченъ тремя годами.

Проектъ этотъ встрѣтилъ нѣкоторыя возраженія уже въ Союзномъ совѣтѣ, отклоненіе же его рейхстагомъ заранѣе представлялось несомнѣннымъ. При обсужденіи проекта въ засѣданіяхъ 23-го и 24 мая за него голосовали только обѣ консервативныя фракціи. Главнымъ ораторомъ ихъ былъ Мольтке, который выложилъ всѣ заплѣснѣвѣлыя общія мѣста о соціалистическомъ „раздѣлѣ имуществъ" и прославлялъ „страданія и нужду", какъ „принудительные элементы" въ „установленномъ Богомъ міропорядкѣ". Другія буржуазныя партіи не рѣшались еще зря предоставить полиціи диктаторскія полномочія. Націоналъ-либералы, отъ кото-

рыхъ прежде всего зависѣло дѣло, отлично знали, несмотря на все свое византійское изступленіе, что покушеніе Гёделя было мальчишеской выходкой „никуда негоднаго юнаго субъекта“, какъ выразился Беннигсенъ; неудача варцинскихъ переговоровъ сдѣлала ихъ недовѣрчивыми, и они были противъ всякой диктатуры во внутреннемъ управленіи „при теперешней запутанности министерскихъ дѣлъ въ Пруссіи и въ имперіи“. Предоставить такую власть, сказалъ Беннигсенъ, можно только въ томъ случаѣ, когда знаешь, кто будетъ осуществлять ее; этого правила нужно держаться особенно твердо, когда не видишь опасности, которая требовала бы диктатуры. Въ рѣчи націоналъ-либеральнаго оратора было много удачныхъ выраженій; онъ желалъ сохранить гражданскія свободы на почвѣ равнаго для всѣхъ права и протестовалъ противъ исключительныхъ мѣропріятій, обрушивающихся на сотни тысячъ нѣмецкихъ согражданъ. Само собою разумѣется, что вполнѣ прикрыть реакціонный хвостикъ развѣвающейся тогой своего краснорѣчія Беннигсену все-таки не удалось: совершенно невѣроятнымъ образомъ онъ находилъ, что существующее законодательство еще не было использовано противъ соціалъ-демократіи до послѣднихъ границъ допустимаго, и выразилъ готовность пополнить его пробѣлы на почвѣ общаго права.

Ультрамонтане отнеслись, конечно, къ полицейской диктатурѣ еще съ гораздо большимъ недовѣріемъ, чѣмъ націоналъ-либералы; покуда они сами находились подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ, они вообще не могли ринуться опрометью въ исключительное законодательство, направленное противъ другой партіи. Отъ лица прогрессистской партіи говорилъ Евгеній Рихтеръ,— говорилъ въ томъ же смыслѣ, какъ Беннигсенъ, но бранясь гораздо больше послѣдняго и обнаруживая бо́льшую мелочность. Въ то время какъ Беннигсенъ проявилъ все-таки извѣстное историческое пониманіе соціалъ-демократіи, ораторъ прогрессистовъ видѣлъ въ ней „по существу и главнымъ образомъ искусственный продуктъ“ прусскаго правительства; онъ упрекалъ полицію въ неумѣломъ примѣненіи законовъ о печати и законовъ о союзахъ и собраніяхъ, которые даже Мантейфель считалъ, вѣдь, достаточными для поддержанія порядка и которые онъ, великій герой свободы, также считаетъ „при умѣломъ примѣненіи вполнѣ достаточными“. Только къ пополненію ихъ „пробѣловъ“ онъ объявилъ себя еще не готовымъ: эта готовность должна была придти

нѣсколько позже. Что касается соціалъ-демократической фракціи, то она устами Либкнехта заявила, что находитъ „несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ“ участвовать въ преніяхъ, хотя и будетъ голосовать противъ внесеннаго законопроекта, „для предотвращенія безпримѣрнаго посягательства на народную свободу“. Ораторъ сказалъ, что попытка воспользоваться дѣяніемъ безумца, еще до заключенія судебнаго слѣдствія, для осуществленія задолго подготовляемаго реакціоннаго переворота и взвалить „моральную виновность“ за недоказанное покушеніе противъ жизни германскаго императора на партію, осуждающую убійство во всѣхъ его формахъ и видящую въ политическомъ и экономическомъ развитіи нѣчто совершенно независящее отъ воли отдѣльныхъ лицъ,— что подобная попытка сама произноситъ надъ собою приговоръ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго человѣка. Правительственный законопроектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 251 противъ 57 голосовъ. Партіи голосовали почти единодушно: только изъ свободныхъ консерваторовъ трое перешли къ оппозиціи, а отъ національ-либеральной оппозиціи отдѣлилась профессорская тройка: Трейчке и Безелеръ голосовали *за* проектъ, а Гнейстъ воздержался отъ подачи голоса. Въ тотъ же день сессія рейхстага была закрыта.

Девять дней спустя, 2-го іюня, созрѣло сѣмя, посѣянное патріотической чернью и закулисными политическими интригами во вкусѣ Бисмарка: одинъ погибшій человѣкъ, на этотъ разъ изъ имущихъ классовъ, нѣкій докторъ Карлъ Нобилингъ, сынъ арендатора казенныхъ земель, помѣстившись въ домѣ Подъ Липами, выстрѣлилъ изъ охотничьяго ружья въ проѣзжавшаго мимо императора и тяжело ранилъ его дробью. Еще раньше, чѣмъ Нобилинга успѣли схватить, онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ, и первое достовѣрное свѣдѣніе, проникшее о немъ въ публику, было извѣстіе объ его смерти, послѣдовавшей 10-го сентября. Показалъ ли Нобилингъ въ промежуточное время что-нибудь о своемъ поступкѣ и его мотивахъ и что̀ онъ показывалъ, объ этомъ правительство всегда хранило упорное молчаніе, — отрицательное, но вѣское доказательство того, что ему не удалось открыть даже отдаленнѣйшей связи между Нобилингомъ и соціалъ-демократіей.

Судя по тому, что стало извѣстно о Нобилингѣ изъ другихъ источниковъ, этотъ столь же тщеславный, сколько бездарный человѣкъ принадлежалъ по всему своему духовному складу и на-

клонностямъ приблизительно къ лагерю націоналъ-либеральныхъ соціалистоѣдовъ. Онъ былъ еще глупѣе Гёделя, какъ выразился о немъ судебный слѣдователь въ разговорѣ съ однимъ ультрамонтанскимъ газетнымъ сотрудникомъ; лѣчившій его тюремный врачъ писалъ одному своему коллегѣ, что по утвержденію самого Нобилинга, онъ подъ вліяніемъ одного историческаго замѣчанія Шиллера о французскихъ Капетахъ хотѣлъ убить императора, такъ какъ Вильгельмъ I слѣдуетъ, ко вреду народа, чужой указкѣ, и кронпринцъ правилъ бы самостоятельнѣе. Этотъ идіотскій взглядъ становится вполнѣ понятнымъ, если принять въ соображеніе извѣстную наслѣдственность у Нобилинга, страдавшаго той же венерической болѣзнью, что и Гёдель. Нобилингъ не съумѣлъ добиться никакого положенія, которое отвѣчало бы его претензіямъ, и когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ небытіемъ, то не захотѣлъ безславно уйти изъ міра, подобно другимъ самоубійцамъ, о которыхъ выразился какъ-то разъ, что онъ не постигаетъ какъ они могутъ уходить, не захвативъ съ собою одного изъ великихъ міра сего. Ореолъ Гёделя указалъ путь его тщеславію, съ той лишь разницей, что при болѣе высокомъ уровнѣ своего образованія Нобилингъ понималъ проклятый оттѣнокъ смѣшного, лежавшій все-таки на покушеніи Гёделя. Противъ этого онъ застраховалъ себя злобнымъ способомъ исполненія задуманнаго убійства.

Стрѣльба изъ засады въ болѣе чѣмъ 80-лѣтняго старика, который политически давно пережилъ всякую ненависть, возбудила негодованіе въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія. Соціалъ-демократическая печать была также весьма далека отъ того, чтобы отнестись ко второму покушенію такъ насмѣшливо, какъ она съ полнымъ правомъ отнеслась къ первому; она ни на минуту не заблуждалась насчетъ серьезности положенія, созданнаго выстрѣлами Нобилинга. Только у „курфюрстско-бранденбургскаго вассала“ Бисмарка не было иной мысли, кромѣ той, что представляется благопріятный случай для выполненія переворота à la Бонапартъ. Еще вечеромъ того дня, въ полдень котораго раздались выстрѣлы Нобилинга, оффиціозное телеграфное агентство разослало якобы „оффиціальную“, но по своему фактическому содержанію всецѣло вымышленную депешу, будто Нобилингъ, лежавшій съ простреленной головой, заявилъ на „допросѣ у судебныхъ властей“, что онъ приверженецъ соціалистическихъ идей, что онъ неоднократно присутствовалъ на соціалистическихъ собраніяхъ въ Берлинѣ и

что онъ уже въ теченіе 8 дней носился съ мыслью застрѣлить императора. Эта искра, брошенная въ возбужденную массу, зажгла настроеніе, о которомъ напечатанное въ *Vorwärts*'ѣ стихотвореніе мѣтко говорило:

Ein ganzes Volk in Hass und Wahn,
Von tollem Grimm entstellt die Züge,

(цѣлый народъ, охваченный ненавистью и безуміемъ, съ искаженными отъ гнѣва чертами), и о которомъ Гвидо Вейссъ писалъ въ еще болѣе эпиграмматической формѣ въ „*Wage*": „императоръ получилъ раны, а нація—травматическую лихорадку".

Націоналъ-либеральные депутаты и органы печати поспѣшили теперь громогласно заявить, что они готовы вотировать требуемый исключительный законъ противъ соціалистовъ. Но Бисмаркъ остался глухимъ къ этому предложенію. Великій человѣкъ XIX вѣка хотѣлъ „прижать къ стѣнѣ" именно націоналъ-либераловъ, „такъ чтобы они запищали", и онъ выполнилъ эту программу со свойственной ему неразборчивостью въ средствахъ. Во время регентства кронпринца, который со связанными руками отправлялъ за больного отца функціи правителя, мажордомъ получилъ еще бóльшую—если это возможно — свободу дѣйствій, чѣмъ прежде. Онъ легко преодолѣлъ сопротивленіе, встрѣченное и въ прусскомъ совѣтѣ министровъ и въ Союзномъ совѣтѣ: уже 11-го іюня рейхсстагъ былъ распущенъ, и новые выборы назначены на 30-е іюля. На время выборовъ Бисмаркъ пустилъ въ ходъ систему бѣлаго террора, вполнѣ достигшую своей цѣли: взволнованные мѣщане обезумѣли отъ страха и устремились, преисполненные пылкимъ рвеніемъ, къ уготованной для нихъ выборной бойнѣ. Всего безсмысленнѣе повела собя опять прогрессистская партія: отлично зная и открыто высказывая, къ чему собственно стремится Бисмаркъ, она тѣмъ не менѣе пыталась еще перещеголять самыя реакціонныя партіи въ неистощимой брани по адресу сознательнаго пролетаріата.

Судебныя преслѣдованія, обыски и аресты, закрытія собраній и конфискаціи газетъ обрушились на соціалъ-демократическую партію съ силой, все-таки неслыханной до тѣхъ поръ. Партійный конгрессъ, созванный въ Готу, былъ запрещенъ; та же участь постигла конгрессъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, созванный сначала въ Магдебургъ, а затѣмъ въ Гамбургъ. Полиція при помощи всевозможныхъ придирокъ оказывала давленіе на трак-

тирщиковъ, чтобы тѣ не отдавали своихъ помѣщеній подъ соціалъ-демократическія собрані ; съ какимъ цинизмомъ попиралось существовавшее еще право собраній рабочихъ, можно видѣть по нѣкоторымъ „основаніямъ“, въ силу которыхъ послѣдовали закрытія рабочихъ собраній полиціей: въ одномъ случаѣ средній проходъ въ залѣ не былъ свободенъ; въ другомъ окно стояло открытымъ, слѣдовательно, собраніе происходило подъ открытымъ небомъ; въ третьемъ—люди стояли за запертой стеклянной дверью и смотрѣли въ залъ, слѣдовательно, легко могло быть раздавлено стекло; въ четвертомъ одинъ изъ присутствующихъ воскликнулъ во время лекціи: это верхъ смѣшного! въ пятомъ нѣкоторые изъ присутствующихъ смѣялись по поводу заявленія одного изъ ораторовъ; въ шестомъ въ собраніе забѣжала собака! Въ королевствѣ Саксоніи принципіально распускалось всякое собраніе, на которомъ дѣлалось упоминаніе о покушеніяхъ. Свобода печати рабочаго класса испытала ту же участь, какъ и свобода его собраній. Лишенный самъ всякой юридической защиты противъ подлыхъ клеветъ, онъ не долженъ былъ также отвѣчать ударомъ на ударъ черезъ прессу: спаситель государства Тессендорфъ, исполняя желаніе, высказанное другимъ спасителемъ государства Евгеніемъ Рихтеромъ, возбуждалъ ex officio уголовное преслѣдованіе даже за всякое „оскорбленіе“ частныхъ лицъ. Въ Галле каждый редакторъ тамошней партійной газеты подвергался аресту тотчасъ по вступленіи въ свои обязанности, такъ что въ концѣ-концовъ въ тюрьмѣ сидѣло ровно столько редакторовъ, сколько вышло номеровъ газеты.

Рука объ руку съ политическими шли экономическія притѣсненія сознательнаго пролетаріата. Трейчке кричалъ, какъ изступленный шаманъ: „Почему наши крупные предприниматели не объявляютъ, что они не будутъ давать занятія въ своихъ мастерскихъ ни одному рабочему, участвующему въ соціалъ-демократической агитаціи?“ Въ эту же точку били многіе органы буржуазной печати, и скоро они имѣли возможность опубликовать длинные списки фирмъ, обязавшихся не принимать къ себѣ больше на службу соціалъ-демократовъ. Это были въ особенности фирмы, выдвинувшіяся въ эпоху грюндерства своими учредительскими подвигами: мошенники всегда проталкиваются впередъ, когда дѣло идетъ о преданіи честныхъ людей анаѳемѣ. Оффиціально эта благородная травля была освящена циркуляромъ прусскаго министра торговли Майбаха къ торговымъ и промышленнымъ камерамъ. Въ

виду такого безпримѣрнаго въ исторіи культурныхъ народовъ насилія надъ совѣстью, соціалъ-демократическія газеты совѣтовали угрожаемымъ рабочимъ все обѣщать и ничего не выполнять: предприниматели, угрожающіе рабочимъ пыткой голода, не вправѣ возмущаться, если тѣ будутъ лгать имъ; вина за послѣдствія падетъ на ихъ голову. Трудно придумать болѣе безспорное право необходимой самообороны, чѣмъ то, которое рабочая печать предлагала осуществлять въ данномъ случаѣ.

Еще болѣе безпримѣрными, не только въ исторіи культурныхъ народовъ, но даже въ исторіи византійской имперіи, были процессы объ оскорбленіи величества, въ которыхъ бурно выражался патріотическій фанатизмъ. Среди всѣхъ слоевъ нѣмецкаго народа, за единственнымъ исключеніемъ сознательнаго пролетаріата, стала свирѣпствовать чума доносительства: въ Мюнхенѣ знаменитый живописецъ Пилоти донесъ на своего знакомаго, 70-лѣтняго врача Треттенбаха, за сдѣланное въ частной бесѣдѣ замѣчаніе о душевно-больномъ королѣ баварскомъ. Въ Берлинѣ негодяи въ трущобахъ босяцкаго пролетаріата доносили взаимно другъ на друга. Отвратительная язва проникла въ нѣдра семьи: мужъ не былъ больше въ безопасности отъ собственной жены, отецъ—отъ сына. Любимой уловкой доносчиковъ было неожиданное провозглашеніе „Hoch“ императору въ рабочихъ собраніяхъ или въ трактирахъ, посѣщаемыхъ рабочими: кто въ такомъ случаѣ не вставалъ или не снималъ шляпы, неизбѣжно навлекалъ на себя преслѣдованіе за оскорбленіе величества. Дошло до того, что американскій посланникъ въ Берлинѣ предложилъ министру иностранныхъ дѣлъ въ Вашингтонѣ, чтобы тотъ предостерегъ американскихъ гражданъ, ѣдущихъ въ Германію, противъ всякаго вступленія въ политическія бесѣды.

Во многихъ чиновникахъ и правительственныхъ учрежденіяхъ заговорила было совѣсть, и они сдѣлали попытку остановить грязный потокъ. Успѣхъ былъ, однако, незначителенъ, а главное—непроченъ. Бывшій ганноверскій, а нынѣ прусскій министръ юстиціи Леонгардтъ, которому эластичность его совѣсти позволила перебѣжать отъ побѣжденнаго гвельфа Георга къ побѣдоносному Гогенцоллерну Вильгельму, далъ прокурорамъ инструкцію строжайшимъ образомъ преслѣдовать виновныхъ въ оскорбленіи величества, и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, суды уступили давленію. Пресловутое 7-е отдѣленіе берлинскаго городского суда только въ одинъ день, 18-го іюня, приговорило за оскорбленіе ве-

личества 7 лицъ къ 22 годамъ 6 мѣсяцамъ тюрьмы; въ числѣ осужденныхъ былъ одинъ, приговоренный къ $2^1/_2$ годамъ тюремнаго заключенія за то, что, возвращаясь нѣсколько подъ хмелькомъ домой, онъ бормоталъ про себя: „Вильгельмъ умеръ, его нѣтъ больше въ живыхъ". Одна женщина въ Бранденбургѣ на Г. получила 1 годъ 6 мѣсяцевъ тюрьмы за то, что по полученіи перваго извѣстія о покушеніи Нобилинга она сказала: „Императоръ, по крайней мѣрѣ, не бѣденъ, онъ имѣетъ возможность лѣчиться". За подобное же невинное замѣчаніе одинъ обыватель Бонна отдѣлался въ судѣ первой инстанціи 3 мѣсяцами тюрьмы, но затѣмъ онъ по протесту прокурора былъ приговоренъ во 2-й инстанціи къ 3-лѣтнему тюремному заключенію. Либеральныя газеты, начавшія вести статистику процессовъ объ оскорбленіи величества, прекратили ее уже въ началѣ іюля, подавленные отвращеніемъ и стыдомъ; въ теченіе одного только мѣсяца суды приговорили за оскорбленіе величества къ карамъ, составившимъ въ общей сложности болѣе 500 лѣтъ тюрьмы.

Среди подобнаго-то изступленія тевтонская нація „вылѣчилась" отъ „яда" соціалъ-демократическихъ теорій.

---

3. Ограбленіе правъ у рабочаго класса.

Изъ двухъ цѣлей, которыя Бисмаркъ преслѣдовалъ своимъ бѣлымъ терроромъ, одна была достигнута имъ вполнѣ: онъ такъ прижалъ къ стѣнѣ націоналъ-либераловъ, что совершенно сломилъ послѣдніе остатки ихъ политическаго мужества. Либеральныя фракціи потеряли около 40 мѣстъ, и столько же выиграли фракціи консервативныя. При помощи 115 мандатовъ, которыми располагали послѣднія, Бисмаркъ могъ, смотря по тому, какъ ему было удобнѣе, составить консервативно-націоналъ-либеральное или консервативно-ультрамонтанское большинство; въ этой мѣрѣ дорога для его реакціонныхъ плановъ была открыта.

Но второй своей цѣли, разгрома соціалъ-демократіи, онъ не достигъ, несмотря на самоубійственную помощь, которую ему оказали въ этомъ предпріятіи либеральныя партіи. Правда, когда изъ прежнихъ 12-ти соціалъ-демократическихъ мѣстъ въ рейхстагѣ были потеряны на главныхъ выборахъ семь (Хемницъ, сельскій округъ Лейпцигъ, Цвиккау-Криммичау, Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, Берлинъ VI, Рейсъ ст. л. и Рейхенбахъ-Нейроде) и удер-

жаны только два: Глаухау-Меераме (Бракке) и Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ), то среди такъ называемыхъ „партій порядка“ поднялось было преждевременное шумное ликованіе. Но оно очень скоро замолкло, какъ только „побѣдители“ захотѣли разсмотрѣть поближе свой тріумфъ и узрѣли одинъ лишь собственный уронъ.

Соціалъ-демократической партіи никогда еще не приходилось вести избирательную борьбу при болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ въ этотъ разъ. Законныя оружія борьбы, которыми неограниченно могли располагать буржуазныя партіи, были разбиты у соціалъ-демократіи или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно ослаблены. Въ обширныхъ полосахъ имперіи она вообще была лишена права собраній, въ другихъ областяхъ она пользовалась имъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Ея летучіе листки подвергались конфискаціи подъ самыми вздорными предлогами, а вліяніе ея газетъ парализовалось непрерывной партизанской войной полиціи и прокуратуры; по меньшей мѣрѣ половина ея передовыхъ борцовъ, агитировавшихъ устнымъ и печатнымъ словомъ, сидѣла за тюремными рѣшетками. Противъ соціалъ-демократовъ все дозволено полиціи, выразилась одна либеральная газета, а одинъ консервативный органъ подтвердилъ, что полиція „всевозможными способами“ препятствуетъ соціалъ-демократической избирательной агитаціи. Но такія признанія дѣлались только случайно, во время внутреннихъ раздоровъ среди буржуазныхъ партій: ни консерваторы, ни либералы не стѣснялись эксплуатировать для своихъ цѣлей полицейскія преслѣдованія, направленныя противъ рабочаго класса; прогрессистская партія также боролась—по обыкновенію, „непоколебимо“ — подъ материнской защитой полиціи противъ сознательнаго пролетаріата. Сюда прибавились неслыханная нужда, давившая уже пятый годъ рабочихъ, увольненіе хозяевами безчисленнаго множества членовъ партіи и—что̀ также важно—буря ненависти и ярости, которую навлекла на соціалъ-демократію ея мнимая моральная отвѣтственность за покушенія. „*Vorwärts*“ не преувеличивалъ, когда писалъ: „Это не была честная борьба съ равнымъ оружіемъ въ рукахъ и на равныхъ условіяхъ. Непріятель, покрытый броней и вооруженный съ головы до ногъ; соціалъ-демократія, безоружная, связанная по рукамъ и ногамъ“. Даже „*Hamburgischer Korrespondent*“ — буржуазная газета, обнаруживавшая въ то время сравнительно наибольшее пониманіе революціоннаго рабочаго движенія—полагалъ однако, что партія, атакуемая со всѣхъ сторонъ и подъ вліяніемъ необычайно тя-

желыхъ условій, въ которыя она поставлена, подастся сильно назадъ, быть можетъ даже махнетъ рукой на дѣло и будетъ драться только для поддержанія чести.

Дѣйствительно, гамбургскій центральный избирательный комитетъ ни на минуту не заблуждался насчетъ того, что при подобныхъ условіяхъ возможна только оборонительная, а не наступательная война. Въ своемъ избирательномъ воззваніи отъ 18-го іюня онъ говорилъ: „Какъ велика партія, это показала намъ предшествующая избирательная кампанія; какой силой сопротивленія она обладаетъ, это должно показать намъ 30-е іюля". Если общій боевой кличъ противниковъ гласитъ: Вонъ соціалъ-демократію изъ рейхстага! — то надо всѣми силами стараться удержать завоеванную въ рейхстагѣ позицію. Поэтому борьба должна быть сосредоточена на тѣхъ округахъ, гдѣ представляются наибольшіе шансы успѣха; въ другихъ избирательныхъ округахъ надо развивать агитаторскую дѣятельность только тогда, когда это возможно безъ большихъ расходовъ и усилій, напр., въ городахъ и промышленныхъ областяхъ. Тамъ, гдѣ агитація сильно затруднена, сопряжена съ большими расходами и не обѣщаетъ существенныхъ выгодъ, отъ нея слѣдуетъ отказаться. Въ качествѣ оффиціальныхъ округовъ, гдѣ партія должна работать съ величайшей энергіей, центральный избирательный комитетъ намѣтилъ 29: Берлинъ IV и VI, Гамбургъ I и II, затѣмъ въ Шлезвигъ-Голштиніи—Альтону, Глюкштадтъ, Киль, въ Рейнской провинціи — Эльберфельдъ-Барменъ и Золингенъ, въ Майнской области—Ганау и Оффенбахъ, въ мелкихъ государствахъ средней Германіи — Готу и Рейссъ ст. л., въ Силезіи—Бреславль I и II, Рейхенбахъ-Нейроде и Вальденбургъ, въ Баваріи — Нюрнбергъ, въ королевствѣ Саксоніи—Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, Борну, Хемницъ, Дрезденъ-Альтштадтъ, Фрейбергъ, Глаухау-Мееране, сельскій округъ Лейпцигъ, Митвейду, Штольбергъ-Шнеебергъ, Цшопау и Цвиккау-Криммичау.

Поведеніе рабочихъ во время избирательной борьбы было одинаково образцовымъ и по обдуманности и по энергіи. „*Vorwärts*" въ продолженіе многихъ недѣль печаталъ на первомъ мѣстѣ въ своихъ номерахъ напоминаніе: „Товарищи! Не поддавайтесь провокаціи! Хотятъ стрѣлять! Реакціи нужны безпорядки, чтобы выиграть свою игру!" Руководители партіи имѣли самыя вѣскія основанія для этого напоминанія. Бисмаркъ уже тогда носился съ планомъ, въ которомъ онъ впослѣдствіи, съ достойнымъ го-

сударственнаго мужа цинизмомъ, признался также публично: онъ хотѣлъ раздразнить соціалъ-демократію до послѣдней степени, для того чтобы она вышла на улицу и тѣмъ основательнѣе могла быть искоренена. Изъ чьихъ-то юнкерскихъ устъ вырвалось тогда крылатое юнкерское слово, что нужно такъ долго размахивать красной тряпицей, пока встревоженнымъ филистерамъ не начнетъ казаться, что это—зарево горящихъ городовъ. Но сознательные рабочіе противопоставили всѣмъ провокаціямъ хладнокровное презрѣніе и сосредоточили всю свою силу на избирательной борьбѣ. Въ кассу гамбургскаго центральнаго избирательнаго комитета поступило съ 1 февраля до 18 октября 1878 г. 64.218 марокъ, изъ нихъ около половины — въ пользу избирательнаго фонда. Всего на избирательную борьбу было собрано—по разсчету, скорѣе слишкомъ низкому, чѣмъ слишкомъ высокому—150 тыс. марокъ, съ мѣстными расходами включительно. Датскіе, бельгійскіе, англійскіе, французскіе, австрійскіе и швейцарскіе рабочіе прислали около 8 тыс. марокъ,—поддержка, которая въ моральномъ отношеніи была еще болѣе важна, чѣмъ въ матеріальномъ. Марксъ также бросилъ въ непріятельскій лагерь бомбу, произведшую тамъ не малый переполохъ. Когда появилось извѣстіе, что Бисмаркъ хочетъ организовать международную травлю рабочихъ, воспользовавшись для этой цѣли конгрессомъ дипломатовъ, собравшимся лѣтомъ 1878 г. въ Берлинѣ для ратификаціи результатовъ русско-турецкой войны, то Марксъ съ ѣдкимъ сарказмомъ разоблачилъ милыя предложенія насчетъ сотрудничества въ оффиціальной газетѣ прусскаго правительства, которыя сдѣлалъ ему осенью 1865 г. оффиціальный секретарь конгресса Бухеръ. Своими запутанными оправданіями Бухеръ сдѣлалъ себя только смѣшнымъ въ глазахъ всего свѣта.

Избирательная тактика соціалъ-демократической партіи была сходна съ образомъ дѣйствій коменданта крѣпости, который при приближеніи подавляющей непріятельской силы сжигаетъ предмѣстья, чтобы тѣмъ надежнѣе окопаться за своими стѣнами и валами. Партія заранѣе отказалась отъ мысли собрать такое крупное число голосовъ, какъ въ 1877 г., и можно было, дѣйствительно, считать уже большимъ успѣхомъ, что за ея кандидатовъ было тѣмъ не менѣе подано 437.158 голосовъ, т.-е. около 8% всѣхъ поданныхъ голосовъ, всего лишь 56.289 голосами меньше, нежели въ предшествующемъ году. Болѣе важное значеніе имѣлъ, конечно, тотъ фактъ, что непріятельскія штурмовыя

колонны дѣйствительно разбили себѣ голову объ ея укрѣпленные лагери. Въ 29 оффиціальныхъ избирательныхъ округахъ число соціалъ-демократическихъ голосовъ поднялось съ 220.000 до 240.000. Если этотъ большой успѣхъ имѣлъ тѣневую сторону, если ростъ числа голосовъ не распредѣлялся равномѣрно по всѣмъ упомянутымъ избирательнымъ округамъ, то еще гораздо сильнѣе выступала свѣтлая сторона — что во всѣхъ крупныхъ городахъ, за исключеніемъ Нюрнберга, число голосовъ значительно возросло, и притомъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ жарче былъ огонь, подъ которымъ находились избиратели этихъ городовъ. Въ Берлинѣ, гдѣ бѣлый терроръ свирѣпствовалъ съ особой силой, число соціалъ-демократическихъ голосовъ возросло съ 31.522 до 56.147. Хриплый крикъ по поводу „побѣды", одержанной ими при материнскомъ содѣйствіи полиціи, застревалъ въ глоткѣ у бравыхъ прогрессистовъ, когда они взирали на 15.000 голосовъ, съ которыми Газенклеверъ былъ разбитъ въ 6-мъ округѣ Берлина, или на 20.000 голосовъ, съ которыми Фрицше попалъ въ перебаллотировку въ Берлинѣ IV. *„Гамбургскій Корреспондентъ"* честно призналъ, что такіе избирательные успѣхи стоятъ дюжины мандатовъ въ рейхстагѣ.

Даже въ самомъ буквальномъ своемъ смыслѣ пресловутый избирательный пароль: „Вонъ соціалъ-демократію изъ рейхстага!" — остался почти однимъ только благочестивымъ пожеланіемъ. Кромѣ двухъ мѣстъ, удержанныхъ партіей на главныхъ выборахъ, она участвовала еще въ 16 перебаллотировкахъ—въ Ганноверѣ и въ 15-ти изъ своихъ оффиціальныхъ избирательныхъ округовъ: въ Берлинѣ IV, въ Бреславлѣ I и II, въ Альтонѣ и Глюкштадтѣ, въ Эльберфельдѣ-Барменѣ и Золингенѣ, въ Ганау и Оффенбахѣ, наконецъ—въ саксонскихъ округахъ Ауэрбахѣ-Рейхенбахѣ, Борнѣ, Дрезденѣ-Альтштадтѣ, Фрейбергѣ, Митвейдѣ и Цшопау. Перебаллотировки происходили уже при значительномъ отрезвленіи „партій порядка". Священный пылъ, направленный къ спасенію отечества, охладѣлъ и у консерваторовъ, и у либераловъ, когда исходъ главныхъ выборовъ поставилъ ихъ лицомъ къ лицу съ ихъ классовыми интересами: либералы не хотѣли еще больше усилить побѣдоносныхъ консерваторовъ, а консерваторы не хотѣли вновь вдохнуть мужество въ сердца разбитыхъ либераловъ; сплоченная коалиція „порядка" расползлась до извѣстной степени на перебаллотировкахъ, и соціалъ-демократическая агитація получила возможность дѣйствовать нѣсколько свободнѣе.

Такимъ образомъ партія пріобрѣла на своихъ 16 перебаллотировкахъ еще 7 мѣстъ: Берлинъ IV (Фрицше), Бреславль I (Рейндерсъ), Эльберфельдъ - Барменъ (Гассельманъ), Дрезденъ-Альтштадтъ (Бебель), Митвейду (Вальтейхъ), Фрейбергъ (Кайзеръ) и Цшопау (Вимеръ). Съ особымъ воодушевленіемъ привѣтствовала она избирательные успѣхи въ Берлинѣ и Бреславлѣ, двухъ самыхъ крупныхъ прусскихъ городахъ; надъ Бреславлемъ впервые взвилось красное знамя, а въ Берлинѣ Фрицше со своими 22.000 голосовъ получилъ самое большое число голосовъ, какое когда-либо было подано за кандидата въ рейхстагъ. Итакъ, соціалъ-демократія имѣла все-таки въ рейхстагѣ, опять 9 мандатовъ, т.-е. столько же, сколько въ рейхстагѣ 1874 г., и какъ тогда—3 прусскихъ и 6 саксонскихъ. 3 мандата и неполныхъ 60 тыс. голосовъ—такова была жалкая добыча отъ травли, во время которой такъ называемое „правовое государство" показало себя во всей своей наготѣ; башибузуки произвели небольшія опустошенія на добровольно покинутыхъ внѣшнихъ укрѣпленіяхъ партіи, но сомкнутая с.-д. фаланга удержала за собою поле сраженія такая же несокрушенная, какъ всегда.

Однако, эта жестокая неудача кампаніи, предпринятой при помощи бѣлаго террора, не послужила предостереженіемъ ни для Бисмарка, ни для буржуазныхъ партій. Въ серединѣ августа правительственная печать опубликовала проектъ новаго закона о соціалистахъ, для обсужденія котораго рейхстагъ собрался 9-го сентября. Согласно этому проекту полицейскія власти отдѣльныхъ государствъ Германіи получали право запрещать союзы и всякаго рода ассоціаціи, въ особенности товарищескія кассы, равно какъ печатныя произведенія, „которыя въ формѣ, угрожающей общественному миру и, въ особенности, согласію между отдѣльными классами населенія, служатъ соціалъ-демократическимъ, соціалистическимъ или коммунистическимъ стремленіямъ, имѣющимъ цѣлью подорвать основы существующаго государственнаго и общественнаго строя". Запрещеніе должно было имѣть силу для всей имперской территоріи, причемъ допускалось обжалованіе въ Союзный совѣтъ, которое не пріостанавливало, однако, дѣйствія запрещенія. Точно также должны были запрещаться собранія, у которыхъ можно предположить подобныя тенденціи, а если бы эти тенденціи обнаружились только на самихъ собраніяхъ, послѣднія должны были распускаться, причемъ жаловаться можно было только органамъ надзора. Далѣе предлагалось воспретить

сборъ взносовъ для соціалъ-демократическихъ цѣлей. За нарушеніе всѣхъ этихъ запретовъ, за участіе въ запрещенныхъ союзахъ, за передачу и распространеніе запрещенныхъ произведеній печати и т. д. угрожали тяжкія денежныя и тюремныя кары. Полиціи предоставлялось воспрещать пребываніе въ опредѣленныхъ округахъ и поселеніяхъ профессіональнымъ агитаторамъ или лицамъ, осужденнымъ на основаніи настоящаго закона, а у типографовъ, книгопродавцевъ, владѣльцевъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, равно какъ у трактирщиковъ и кабатчиковъ, ей предоставлялось при описанныхъ выше условіяхъ отнимать разрѣшеніе на занятіе промысломъ. Наконецъ, въ округахъ и мѣстностяхъ, гдѣ соціалъ-демократическія стремленія угрожаютъ общественной безопасности, центральнымъ властямъ союзныхъ государствъ предоставлялось, съ согласія Союзнаго совѣта, объявлять малое осадное положеніе по меньшей мѣрѣ на одинъ годъ: съ объявленіемъ такого положенія публичная продажа произведеній печати, право собраній, право храненія и ношенія оружія ставились въ зависимость отъ полицейскаго разрѣшенія, главное же— полиціи предоставлялось воспрещать пребываніе въ этихъ округахъ и мѣстностяхъ лицамъ, отъ которыхъ можно ждать вреда для общественнаго порядка и безопасности. Ограниченіе дѣйствія закона извѣстнымъ срокомъ не было предусмотрѣно въ проектѣ.

Какъ суровы ни были всѣ эти постановленія, они казались Бисмарку еще недостаточно суровыми. Готовясь надлежащимъ образомъ обобрать народную массу и зная это, онъ хотѣлъ возможно крѣпче связать по рукамъ и ногамъ ея передовыхъ борцовъ. Въ письмѣ изъ Киссингена этотъ благодушный человѣкъ далъ нагоняй своей канцеляріи за то, что она слишкомъ поторопилась опубликовать проектъ, такъ что теперь уже нельзя будетъ, вѣроятно, провести болѣе строгихъ мѣръ. Бисмаркъ указывалъ, въ особенности, на двѣ мѣры, которыя были бы ему по сердцу: во-первыхъ, у явныхъ соціалъ-демократовъ слѣдовало отнять право выбирать и быть выбираемыми въ рейхстагъ; во-вторыхъ, всякому состоящему на государственной службѣ лицу съ соціалъ-демократическимъ образомъ мыслей нужно было пригрозить увольненіемъ отъ службы безъ пенсіи. Такимъ путемъ онъ хотѣлъ вдолбить патріотическій образъ мыслей „плохо оплачиваемымъ низшимъ служащимъ“, „желѣзнодорожнымъ сторожамъ, стрѣлочникамъ и тому подобнымъ категоріямъ“, которые по его

правильному предположенію были уже въ большей своей части соціалъ-демократами. Однако, онъ дѣйствительно явился слишкомъ поздно съ этой творческой мыслью: до поры до времени съ публики довольно было и опубликованнаго проекта.

Шестинедѣльныя пренія рейхстага по поводу законопроекта обратились въ „Комедію ошибокъ". 115 членовъ обѣихъ консервативныхъ фракцій готовы были принять безъ разсужденій все, чего правительство требовало. Напротивъ, буржуазная оппозиція, состоявшая приблизительно изъ 160 членовъ—главнымъ образомъ ультрамонтанъ со смежными группами и прогрессистовъ,—слышать не хотѣла о проектѣ. Въ принципѣ, однако, эта оппозиція отнюдь не была противъ того, чтобы посильнѣе прижать рабочихъ. Прогрессисты, какъ и ультрамонтане, выразили готовность пополнить „пробѣлы общаго права", хотя со времени „эры Тессендорфа" и, въ особенности, со времени покушенія Нобилинга даны были осязательныя доказательства того, что противъ соціалъ-демократической партіи можно очень много сдѣлать при помощи „общаго права", во всякомъ случаѣ—безконечно больше, чѣмъ буржуазной демократіи приходилось переносить въ „безстыдную реакціонную эпоху" Мантейфеля, а ультрамонтанской партіи во время поднятаго Бисмаркомъ „діоклетіанова гоненія на христіанъ". Достигнуть этого можно было путемъ слегка измѣненнаго § 130, всего три года назадъ отвергнутаго рейхстагомъ при общемъ смѣхѣ. Хотя и будучи по формѣ общимъ закономъ, параграфъ этотъ фактически представлялъ, конечно, собою исключительный законъ, направленный противъ рабочаго класса, какъ это всегда открыто признавали его первоначальные отцы — Бисмаркъ и Эйленбургъ. Наоборотъ, хотя нападки прогрессистовъ и ультрамонтанъ формально мотивировались тѣмъ, что правительственный проектъ носитъ характеръ исключительнаго закона, однако дѣйствительная забота ихъ была та, что испрашиваемыя имъ неограниченныя полицейскія полномочія могутъ быть пущены въ ходъ не только противъ рабочей партіи, но и противъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій. Какъ только ультрамонтанъ и прогрессистовъ успокоили на этотъ счетъ, они не провалили закона противъ соціалистовъ, а между тѣмъ они могли это сдѣлать; такимъ образомъ потокъ громкихъ фразъ, которыми они разразились при первомъ чтеніи, былъ лишенъ всякаго серьезнаго значенія.

Судьба проекта зависѣла отъ націоналъ-либераловъ, для кото-

рыхъ онъ все-таки былъ очень жесткимъ кускомъ. Ласкеръ назвалъ его „юридической и политической чудовищностью" и объявилъ его „совершенно непріемлемымъ". Продувные дѣльцы этой партіи буржуевъ видѣли еще лучше ея строптиваго идеолога, что если бы Бисмарку, дѣйствительно, удалось разгромить соціалъ-демократію при помощи предпринятой имъ насильнической политики, то страдающей стороной оказалась бы либеральная буржуазія. Окончательно повергло ихъ въ тревогу безпрестанное завѣреніе правительства, что одной полицейской репрессіей нельзя, конечно, ограничиться, а нужны „положительныя" заботы о благосостояніи рабочихъ классовъ; „соціализмъ" Бисмарка могъ стать для нихъ гораздо болѣе неудобнымъ, чѣмъ въ ближайшемъ будущемъ соціализмъ пролетаріата. Они плясали какъ медвѣди на раскаленной плитѣ; кто еще теперь хочетъ любоваться этими изумительными прыжками, тому совѣтуемъ прочесть тогдашнія рѣчи Бамбергера. Но понятно, что нельзя было и думать о дѣйствительномъ сопротивленіи со стороны этой партіи, которая всегда отличалась дряблостью и только что получила на выборахъ столь изрядную порцію подзатыльниковъ. Поэтому главному органу Бисмарка врядъ ли представлялась даже надобность запугивать ее грознымъ вопросомъ, неужели нація будетъ обязана г-ну Ласкеру еще одной избирательной кампаніей?

Разумѣется, при націоналъ-либеральной перемѣнѣ фронта не обошлось безъ обычной дозы политическаго лицемѣрія. Достойные мужи отнюдь не хотѣли перерѣзать горло соціалъ-демократіи, они боролись только съ ея опасными для общества стремленіями, съ ея революціоннымъ характеромъ. Законъ, который они создавали, не долженъ былъ „объявлять опальными извѣстное число гражданъ за ихъ политическій образъ мыслей"; „мы постарались съ возможной ясностью выразить противное,—говорилъ Ласкеръ; не соціалъ-демократія и ея тенденціи, а агитація, угрожающая опасностью миру, должна подпасть подъ дѣйствіе закона". Этотъ законодательный кунштюкъ націоналъ-либералы ухитрились осуществить при помощи ряда „улучшеній", которыя должны были связать разбойничьи лапы полицейской диктатуры нѣсколькими тонкими юридическими нитками. Къ каучуковому одѣянію проекта были пришиты еще нѣсколько каучуковыхъ пуговицъ, слово „подрываніе" должно было уступить мѣсто слову „ниспроверженіе", и вмѣсто Союзнаго совѣта въ роли аппелляціонной инстанціи должна была функціонировать особая имперская комиссія изъ 9 членовъ,

причемъ четверо выбирались Союзнымъ совѣтомъ изъ своей среды и пятеро—изъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Нѣкоторые внесенные вновь параграфы имѣли своимъ назначеніемъ дать зарегистрованнымъ кооперативнымъ товариществамъ и кассамъ взаимопомощи нѣсколько большую защиту отъ полицейскаго произвола. Изъ всѣхъ этихъ и тому подобныхъ „улучшеній" извѣстное значеніе имѣли только два: во-первыхъ, ограниченіе дѣйствія закона $2^1/_2$ годами; во-вторыхъ, статья, по которой ограниченіе пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ и воспрещеніе занятія промысломъ могутъ быть примѣняемы къ лицамъ, осужденнымъ на основаніи настоящаго закона, и къ професcіональнымъ агитаторамъ только въ силу судебнаго рѣшенія, а не путемъ полицейскаго распоряженія; сверхъ того, поправка требовала, чтобы ограниченіе пребыванія не распространялось на мѣсто жительства осужденнаго, если только онъ пробылъ тамъ не менѣе 6 мѣсяцевъ.

Если не считать этихъ двухъ пунктовъ, то „смягченія" націоналъ-либераловъ представляли собою не болѣе какъ карточные домики, построенные большими дѣтьми. Не столь безобидный характеръ носила прямодушная лисья ужимка, съ которой Бисмаркъ и его присные пошли на эту дѣтскую игру. Они отлично знали, что разъ имъ только позволятъ открыть эоловъ мѣхъ исключительнаго закона, то первый порывъ вѣтра безслѣдно смететъ со стола всѣ націоналъ-либеральные карточные домики. Но имъ выгодно было сдѣлать такой видъ, словно они хотятъ скушать рабочій классъ исключительно изъ любви къ нему; да и чтò мѣшало имъ, если вокругъ толстой веревки, которую они накладывали на шею рабочему классу, будетъ болтаться нѣсколько невинныхъ нитокъ? Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, опять одинъ изъ графовъ Эйленбургъ, вполнѣ согласился съ Ласкеромъ, когда тотъ потребовалъ бережнаго отношенія къ товариществамъ и кассамъ взаимопомощи, и самъ Бисмаркъ сломилъ по рыцарски копье за право коалицій и стачки рабочихъ, подчеркивая ихъ выгодное отличіе отъ мрачнаго будущаго, которое сулитъ обществу соціалъ-демократія. Прижатый къ стѣнѣ Бебелемъ по поводу его переговоровъ съ Лассалемъ, Бисмаркъ сталъ даже увѣрять, что благоденствіе рабочаго класса всегда составляло предметъ его завѣтныхъ мечтаній. При этомъ съ нимъ приключилось только то маленькое несчастье, что онъ показалъ всему свѣту, насколько ему незнакомъ величайшій вопросъ 19-го

вѣка: источниками революціоннаго рабочаго движенія онъ выставилъ — на этотъ разъ въ трогательномъ единодушіи со своимъ задушевнымъ врагомъ Евгеніемъ Рихтеромъ—неотразимое очарованіе, производимое на массы искусно закутываемой картиной „государства будущаго“. Понятно, кто умѣлъ разбираться въ тонкостяхъ прусскаго государственнаго искусства, того рѣчи Бисмарка не могли провести; меланхолическія жалобы канцлера на недостаточно строгія постановленія закона, затаенная злоба, съ которой онъ опять язвилъ „добросердечныхъ судей и мягкіе законы“, его достойная палача радость по поводу казни надъ идіотомъ Гёделемъ, — все это показало волка въ его истинной шкурѣ.

Соціалъ-демократическая фракція, которая вопреки обычаю была устранена отъ обсужденія проекта въ комиссіи, мужественно боролась въ пленарномъ собраніи рейхстага изъ-за каждаго параграфа. Ея ораторы убѣдительно доказали, что покушенія не находились даже въ отдаленнѣйшей связи съ соціалъ-демократической агитаціей; они раскрыли вѣроломную игру, которую Бисмаркъ искони велъ съ рабочимъ классомъ; они показали, что „революціонный характеръ“ пролетарскаго движенія остается еще далеко позади той отрадной ясности, которую буржуазное движеніе обнаружило въ свои революціонные дни по отношенію ко всѣмъ небеснымъ и земнымъ властямъ. Они предсказали, что практическое безсиліе законопроекта будетъ такъ же велико, какъ его вопіющая несправедливость, и Бракке попалъ въ самую точку, сказавъ: „Наплевать намъ на законъ“ (Wir pfeifen auf das Gesetz). Мѣткое слово страшно поразило патріотовъ, и въ первую минуту имъ показалось даже, что оно было столь же невѣжливо по формѣ, какъ по содержані президентъ фонъ-Форкенбекъ отрядилъ на трибуну для журналистовъ одного изъ секретарей, который долженъ былъ твердо внушить репортерамъ, что Бракке хотѣлъ только „pfeifen“ auf das Gesetz,—а не еще нѣчто совершенно другое...

19 октября законъ о соціалистахъ былъ принятъ большинствомъ 221 противъ 149 голосовъ. Кромѣ него въ сессіи было оборудовано еще одно политическое дѣльце: 204 члена различныхъ партій, т.-е. больше абсолютнаго большинства рейхстага, объявили необходимой „реформу германскаго таможеннаго тарифа“, которой будто бы громко требуютъ „самые широкіе слои населенія въ германской имперіи“. Сигналъ къ ограбленію народ-

ныхъ массъ раздался въ тотъ самый моментъ, какъ была приложена печать къ акту, долженствовавшему связать по рукамъ и ногамъ нѣмецкій пролетаріатъ. Въ этомъ тонкомъ разсчетѣ была, однако, большая прорѣха: отнятіе правъ у германскаго рабочаго класса свершилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ начался героическій вѣкъ этого класса.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЭПОХА ЗАКОНА О СОЦІАЛИСТАХЪ.

Глава I.

Годъ смуты.

Современное рабочее движеніе свободно отъ всякой буржуазной романтики. Ничто не достается безъ труда борющемуся пролетаріату: шагъ за шагомъ онъ вынужденъ завоевывать себѣ все, отъ самаго малаго до самаго большого; только послѣ многихъ блужданій путь его приводитъ къ желанной цѣли. Законъ о соціалистахъ поставилъ предъ германской соціалъ-демократіей совершенно новую задачу; ей пришлось поэтому ощупью искать себѣ новыхъ путей и не всегда она сразу находила правильный путь. Утѣшеніе было лишь одно — что по мѣрѣ того какъ соціалъ-демократія достигала болѣе высокаго развитія, сокращались въ соотвѣтственной степени этапы ея просвѣщені на порогѣ второго крупнаго періода ея жизни мы видимъ уже не десятилѣтіе, а всего лишь одинъ годъ внутреннихъ замѣшательствъ.

21 октября 1878 г. въ оффиціальномъ *Reichsanzeiger*'ѣ былъ опубликованъ законъ о соціалистахъ, и тотчасъ же началось избіеніе соціалъ-демократическихъ газетъ, книгъ и союзовъ. Вереницу запрещеній открыло собраніе стихотвореній Леопольда Якоби подъ заглавіемъ: *„Es werde Licht“ (Да будетъ свѣтъ)*; можно было подумать, что президентъ полиціи ф.-Мадаи, въ рукахъ котораго сосредоточивалось примѣненіе закона во всей Германіи, хочетъ пошло съострить надъ самимъ собою. Изъ 47 политическихъ газетъ партіи спаслись только двѣ, одна въ Нюрнбергѣ, другая въ Оффенбахѣ: онѣ своевременно перемѣнили свое названіе и стали писать очень сдержанно; другимъ газетамъ не помогло и это средство. Попытка замѣнить воспрещенные органы печати безцвѣтными газетами также не всюду удалась; въ осо-

бенности это не удалось въ Берлинѣ. Одновременно были запрещены многочисленные рабочіе ферейны, возникшіе со времени распущенія партійной организаціи; закрытія властями избѣгли только тѣ, которые въ послѣднюю минуту добровольно прекратили свое существованіе. Точно также были закрыты всѣ профессіональные рабочіе союзы (Gewerkschaften), за немногими исключеніями, среди которыхъ наиболѣе важнымъ былъ союзъ типографскихъ рабочихъ, впрочемъ также терпѣвшій много отъ придирокъ властей. Вмѣстѣ съ рабочими союзами исчезли и ихъ газеты. Главные удары пришлись на первую же недѣлю: „*Vorwärts*", „*Berliner Freie Presse*" и „*Hamburg-Altonaer Volksblatt*", три важнѣйшихъ газеты партіи съ 45 тыс. подписчиковъ, принуждены были уже въ первые дни разстаться съ жизнью. Затѣмъ въ ближайшіе мѣсяцы была произведена надлежащая дополнительная чистка; до 30 іюня 1879 г. запрещенію подверглись 217 союзовъ, 5 кассъ, 127 періодическихъ и 278 не-періодическихъ изданій.

Грубости этого массоваго избіенія соотвѣтствовало его вѣроломство. Можно было быть самаго невысокаго мнѣнія о близорукости націоналъ-либераловъ, повѣрившихъ фразамъ Бисмарка и Эйленбурга о „лойяльномъ примѣненіи" закона, но понятно, что этимъ еще ничуть не оправдывалось нарушеніе правительствомъ даннаго имъ слова. Оно попрало ногами всѣ свои полу-обѣщанія и полныя обѣщанія; оно подавило не только „опасныя для общества стремленія" соціалъ-демократіи, но все, что имѣло какое-либо отношеніе къ ней; оно не пощадило ни научной литературы соціализма, ни профессіональныхъ рабочихъ организацій съ ихъ зарегистрованными кассами взаимопомощи; оно смело, какъ паутину, „предохранительныя мѣры" націоналъ-либераловъ. Имперская комиссія, о „судебныхъ гарантіяхъ" которой препирались цѣлыми недѣлями во время обсужденія закона о соціалистахъ, оказалась на дѣлѣ чистѣйшимъ призракомъ: изъ 627 запрещеній, объявленныхъ до середины 1879 г. и неправильныхъ на $^3/_4$ даже по буквѣ и смыслу этого закона, комиссія отмѣнила ровно 6, большей частью — запрещенія, коснувшіяся буржуазной литературы, напр., „*Сущности соціализма*" Шеффле и номера одной прогрессистской газеты; изъ всѣхъ сколько-нибудь важныхъ произведеній соціалистической литературы она разрѣшила вновь только лассалевскую „Рѣчь передъ судомъ присяжныхъ" 1849 г.

Еще во время обсужденія закона о соціалистахъ рейхстагомъ

въ соціалъ-демократической партіи поднимался, конечно, вопросъ, что̀ дѣлать послѣ его изданія. Воспротивиться силою отнятію правъ у рабочаго класса было бы настоящимъ безуміемъ, но партія тотчасъ и навсегда отвергла также мысль о тайной организаціи,—мысль, напрашивавшуюся ближайшимъ образомъ. Для широкаго и могучаго народнаго движенія всякіе тайные союзы были невозможны, и если бы тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка прибѣгнуть къ ихъ устройству, то полиціи была бы только оказана этимъ пріятная услуга. Такимъ образомъ оставалось лишь одно: посмотрѣть сначала, какъ будетъ примѣняться законъ. Въ день его опубликованія „*Vorwärts*" заявилъ, что беретъ на себя „тяжелый и непріятный трудъ"—усвоить манеру писанія, отвѣчающую постановленіямъ закона.

Но полицейская практика превзошла наихудшія ожиданія. Поборники священной собственности дали назидательный образецъ того, какъ надо уничтожать собственность. Въ 16 кооперативныхъ типографіяхъ были заняты 400 человѣкъ въ качествѣ печатниковъ, наборщиковъ, экспедиторовъ и сотрудниковъ; затѣмъ въ нихъ участвовали своими маленькими сбереженіями и косвенно, вслѣдствіе круговой отвѣтственности, всѣмъ своимъ имуществомъ 2.500 рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Берлинская кооперативная типографія, которой запретили печатать даже самыя безцвѣтныя газеты и „*Zukunft*", принуждена была тотчасъ ликвидировать дѣло; такъ какъ ей удалось почти сполна распродать свой запасъ шрифтовъ, то члены коопераціи отдѣлались потерей своихъ вкладовъ. Для большинства кооперативныхъ типографій немедленная ликвидація была бы равносильна банкротству, и даже въ интересахъ партіи не было очистить тотчасъ же всѣ эти укрѣпленія. Нужно было провести до конца попытку такъ или иначе приспособиться къ закону о соціалистахъ; если бы ослѣпленіе противниковъ помѣшало всякому болѣе мягкому способу борьбы, то можно было тѣмъ энергичнѣе прибѣгнуть потомъ къ болѣе суровому способу. Многіе члены партіи полагали, что когда первая буря уляжется, то опять станетъ возможнымъ активное выступленіе; до тѣхъ поръ—надѣялись они—безцвѣтныя газеты, которыми пытались держаться кооперативныя типографіи, будутъ служить дисциплинированнымъ товарищамъ какъ „отличительный знакъ и удостовѣреніе личности".

Безспорно, что при этомъ сыгралъ извѣстную роль нѣкоторый упадокъ духа. Послѣ жаркой борьбы послѣднихъ лѣтъ и, въ

особенности, послѣднихъ мѣсяцевъ, когда напряженъ былъ каждый нервъ, наступилъ естественный упадокъ силъ; онъ значительно усиливался чувствомъ полнѣйшаго безправія, а затѣмъ сюда прибавились все еще непрекращающаяся нужда, все еще непрекращающіяся увольненія и преслѣдованія. Не всѣ вожди, стойко державшіеся до сихъ поръ, обладали достаточными силами, чтобы справиться съ новымъ и болѣе труднымъ положеніемъ, а армія шпіоновъ, слѣдившая за ними по пятамъ, заставляла даже самыхъ рѣшительныхъ быть крайне осторожными. Гамбургскій центральный избирательный комитетъ прекратилъ самъ свое существованіе 19-го октября, и вслѣдствіе многихъ причинъ личнаго свойства онъ порвалъ свои связи съ большей рѣшительностью, чѣмъ это было, пожалуй, необходимо и, во всякомъ случаѣ, желательно. Гейбъ былъ смертельно боленъ; болѣзнь сердца, съ которой при другихъ обстоятельствахъ его молодой организмъ, вѣроятно, могъ бы еще долго бороться, стала теперь быстро развиваться, такъ какъ травля соціалистовъ ежедневно повергала въ страшно возбужденное состояніе этого благородно мыслящаго и тонко чувствующаго человѣка. Ауэръ уже съ нѣкоторыхъ поръ былъ отправленъ въ Берлинъ, чтобы привести въ порядокъ разстроенныя редакціонныя дѣла „*Berliner Freie Presse*“. Гартманъ, вскорѣ послѣ этого совсѣмъ измѣнившій партіи, не обладалъ необходимой твердостью и осмотрительностью. Такимъ образомъ отсутствовало всякое руководство, между тѣмъ какъ на партію со всѣхъ сторонъ сыпались жестокіе удары. Что удивительнаго, если въ среду ея проникли всякія шатанія и смута?

Первый поворотъ къ лучшему наступилъ благодаря Бисмарку, который размахнулся, чтобы нанести послѣдній смертельный ударъ соціалъ-демократіи. 28 ноября, незадолго до возвращенія въ Берлинъ выздоровѣвшаго отъ своихъ ранъ императора, городъ этотъ вмѣстѣ съ Шарлоттенбургомъ и Потсдамомъ, а также уѣзды Тельтовъ, Нидербарнимъ и Остъ-Гавельландъ были объявлены въ маломъ осадномъ положеніи, предусмотрѣнномъ въ § 28 закона о соціалистахъ. При этомъ положеніе было введено въ двухъ изъ его четырехъ пунктовъ: въ самомъ смѣхотворномъ, запрещавшемъ ношеніе оружія безъ свидѣтельства о разрѣшеніи властей и вызвавшемъ только разные комическіе инциденты, и въ самомъ злостномъ пунктѣ, разрѣшавшемъ полиціи высылку всѣхъ неугодныхъ ей лицъ. На слѣдующій же день 67 членовъ партіи, и во главѣ ихъ Ауэръ и Фрицше, получили литографированные

приказы о высылкѣ: большинству былъ данъ двухдневный срокъ, нѣкоторымъ—однодневный и только немногимъ трехдневный; на всѣ ходатайства о дальнѣйшей отсрочкѣ Мадаи отвѣтилъ отказомъ въ самой грубой формѣ. Нѣкоторые изъ высланныхъ уже много лѣтъ стояли въ сторонѣ отъ агитаціи, многіе имѣли небольшое дѣло, всѣ — за однимъ исключеніемъ — были семейными людьми. Въ написанной съ достоинствомъ прокламаціи, которая тотчасъ же была запрещена, но тѣмъ не менѣе разошлась въ тысячахъ экземпляровъ, они простились со своими товарищами по партіи. Они указывали на то, что ихъ первымъ и послѣднимъ словомъ всегда было: „Никакихъ насилій, уважайте законы, въ ихъ рамкахъ защищайте свои права“. Точно также они и теперь говорили: „Сохраняйте спокойствіе, не давайте себя провоцировать, враги наши должны потерпѣть крушеніе о нашу легальность“. И въ заключеніе просьба: „Никто изъ насъ не въ состояніи оставить своимъ роднымъ больше, чѣмъ требуется, чтобы прожить въ ближайшіе дни, не забывайте нашихъ женъ и дѣтей!“ Многіе изъ высланныхъ отправились въ Гамбургъ и Лейпцигъ, нѣкоторые поселились въ городахъ провинціи Бранденбургъ, на границѣ осадной области, чтобы находиться возможно ближе къ своимъ роднымъ.

Изъ всѣхъ подлыхъ нарушеній даннаго слова, совершенныхъ Бисмаркомъ, объявленіе малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ было самымъ подлымъ. Националъ-либералы вотировали § 28 закона о соціалистахъ только на случай крайней нужды: если бы въ какомъ-нибудь округѣ соціалъ-демократическая агитація сдѣлала такіе успѣхи, что можно было бы ежеминутно опасаться насильственнаго взрыва, тогда слѣдовало примѣнить упомянутый параграфъ, дабы избѣжать объявленія настоящаго осаднаго положенія. Обо всемъ этомъ и помину не было тогда въ Берлинѣ. Суровыя предписанія закона о соціалистахъ были осуществлены безъ малѣйшей попытки сопротивлені ни одному берлинскому рабочему не пришло въ голову играть въ руку Бисмарку, которому всего больше хотѣлось вызвать какое-нибудь покушеніе или революціонную вспышку. Даже буржуазная печать высказывала единодушно, что для законнаго примѣненія § 28 отсутствуютъ всѣ фактическія предпосылки; только реакціонныя газеты смущенно лепетали кое-какія фразы насчетъ „драгоцѣнной особы“ императора, которую необходимо оберечь отъ опасности. За это объясненіе спрятался и гр. Эйленбургъ, когда прогрессисты обрати-

лись къ нему въ прусской палатѣ депутатовъ съ запросомъ по поводу принятой мѣры. Если бы оно на самомъ дѣлѣ не было однимъ лишь предлогомъ, то этотъ министръ полиціи страдалъ бы поистинѣ полицейски-недозволительной ограниченностью. Неужели можно было подозрѣвать такихъ людей, какъ Ауэръ и Фрицше, въ террористическихъ замыслахъ? Неужели можно было думать, что такая мѣра, какъ беззаконное разореніе 67 человѣкъ, способна задушить покушенія въ зародышѣ, а не способствовать, напротивъ, ихъ размноженію? Но весь этотъ разговоръ о „драгоцѣнной особѣ" былъ пустымъ предлогомъ. Самъ Бисмаркъ признался вскорѣ послѣ этого въ рейхстагѣ, что, въ сущности, въ его планы входило объявить малое осадное положеніе во всѣхъ главныхъ центрахъ соціалъ-демократической агитаціи. Судя по его намекамъ, другія правительства испугались все-таки этой роли палачей; самъ онъ во всякомъ случаѣ ничуть не скрылъ, что параграфомъ 28-мъ онъ хотѣлъ провести рейхстагъ.

Но будучи самымъ подлымъ среди его подлыхъ нарушеній даннаго слова, объявленіе малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ было также самымъ безсмысленнымъ среди его безсмысленныхъ актовъ насилія. Послѣ него для соціалъ-демократической партіи стало ясно какъ день, что ей не дадутъ ни на минуту передохнуть, что противъ нея ведется борьба не на животъ, а на смерть. Повсюду, гдѣ членами партіи овладѣла было нѣкоторая усталость, они начали теперь массами возвращаться на свои старые посты. Сборы въ пользу высланныхъ и ихъ семействъ завязали первыя нити новой организаціи, а сами высланные и, въ еще большей степени, ихъ голодающія жены и дѣти стали такими агитаторами, какихъ никогда еще не имѣлъ сознательный пролетаріатъ. Посѣдѣвшіе въ борьбѣ люди, которые не моргнувъ глазомъ годами сидѣли въ тюрьмахъ, часто говорили, что никакая пытка угнетенія не наполняла ихъ въ такой степени злобой, какъ высылка, какъ капризное уничтоженіе въ корнѣ ихъ человѣческаго существованія. Среди выгодъ, которыя малое осадное положеніе принесло партіи, какъ таковой, несмотря на огромныя страданія, причиненныя отдѣльнымъ лицамъ, не послѣднее мѣсто занимало постепенное исчезновеніе той нравственной отверженности, которая со времени покушеній тяготѣла надъ нею въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія. Самые ограниченные мѣщане, слышавшіе уже въ школѣ объ изгнаніи зальцбургскихъ протестантовъ, какъ о позорномъ историческомъ дѣяніи, видѣли съ ужасомъ, какъ на-

ціональный герой, бывшій предметомъ ихъ поклоненія, стремится къ лаврамъ архіепископа Фирміана, и ихъ симпатіи начали невольно склоняться на сторону гонимаго пролетаріата. Ласкеръ и прогрессистъ Лёве производили сборы среди своихъ политическихъ единомышленниковъ и доставили значительныя суммы фонду для поддержки высланныхъ; въ буржуазныхъ газетахъ одинъ лишь Юліусъ Штеттенгеймъ, паяцъ биржевой прессы, позволялъ себѣ насмѣхаться надъ жертвами малаго осаднаго положенія.

Безсмысленная насильническая мѣра Бисмарка имѣла еще одно важное послѣдствіе. Карлъ Гиршъ, жившій съ нѣкотораго времени въ Парижѣ, былъ высланъ оттуда; когда дѣло шло о такихъ маленькихъ любезностяхъ по отношенію къ соціалъ-демократамъ, оффиціальные „наслѣдственные враги" на Сенѣ и на Шпрее охотно оказывали услуги другъ другу. Гиршъ намѣревался было вернуться въ Берлинъ, когда тамошнія высылки показали ему все неразуміе этого плана. Онъ отправился въ Брюссель и основалъ „*Die Laterne*" („Фонарь"), маленькій еженедѣльникъ, сходный по формату и стилю съ „*Lanterne*" Рошфора. Затѣмъ 9 декабря Мостъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы въ Плётцензее и тотчасъ высланъ изъ Берлина. Онъ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ при содѣйствіи Коммунистическаго кружка для образованія рабочихъ сталъ издавать еженедѣльникъ „*Die Freiheit*" („*Свобода*"). „*Laterne*" начала выходить съ середины декабря 1878 г., а „*Freiheit*"— съ начала января 1879 г.

Такимъ образомъ германская соціалъ-демократія сразу получила два заграничныхъ органа, выросшихъ нѣкоторымъ образомъ какъ дички на почвѣ, удобренной реакціей. Оба изданія защищали интересы партіи съ той откровенностью, которую позволяла имъ свобода печати за-границею. Контрабандный провозъ ихъ въ Германію вначалѣ плохо удавался, но поспѣшность, съ которой Бисмаркъ попытался сломить это новое оружіе соціалъ-демократіи, свидѣтельствовала въ достаточной мѣрѣ, какой страхъ оно внушало ему. Генералъ-почтмейстеръ вынужденъ былъ издать распоряженіе, низводившее почтовыхъ чиновниковъ до положенія прислужниковъ политической полиціи и грубо нарушавшее гарантированную конституціей тайну почтовой переписки,—чтȏ, впрочемъ, не было особой новостью въ Германіи, классической странѣ „черныхъ кабинетовъ". Въ мартѣ Карлъ Гиршъ былъ высланъ бельгійскимъ министерствомъ. Этимъ не были, однако, облегчены страданія Бисмарка, такъ какъ Гиршъ отправился въ Англію и

продолжалъ здѣсь изданіе „*Laterne*“. Органъ этотъ велся съ бо̀льшимъ искусствомъ и былъ остроумнѣе, чѣмъ „*Freiheit*“, но онъ носилъ больше характеръ политическаго памфлета; „*Freiheit*“ въ большей степени представляла собою политическую партійную газету, но вслѣдствіе личныхъ свойствъ ея издателя она стала гораздо субъективнѣе „*Laterne*“. Мостъ, эксцентричный характеръ котораго доставилъ партіи много непріятностей и затрудненій еще до закона о соціалистахъ, пришелъ послѣ 10-лѣтнихъ преслѣдованій полиціи и юстиціи въ состояніе такого раздраженія и озлобленія, которое психологически было вполнѣ понятно, но тѣмъ не менѣе значительно ослабляло въ немъ сознаніе своей политической отвѣтственности. Со свойственной ему небрежностью и торопливостью Мостъ счелъ излишнимъ столковаться предварительно насчетъ изданія „*Freiheit*“ съ германскими руководителями партіи. Его оправданіе, что такой руководящей организаціи партіи вовсе и не существовало, представлялось, однако, вѣрнымъ только съ формальной стороны; въ лицѣ соціалъ-демократической фракціи рейхстага все-таки имѣлась партійная организація, и для Моста, какъ бывшаго депутата, было вдвойнѣ обязательно запросить ея мнѣніе.

Для германской партіи возникъ теперь вопросъ, какое положеніе занять ей относительно обоихъ зарубежныхъ органовъ. „*Laterne*“ тщательно воздерживалась отъ критики партіи или обязыванія ея къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ; напротивъ, „*Freiheit*“ непрерывно настаивала на революціонной тактикѣ, хотя пока еще не въ „смыслѣ вилъ“, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ велась агитація до закона о соціалистахъ. Мостъ хотѣлъ писать „*Freiheit*“ тѣми же чернилами, какими нѣкогда писались „*Volksstaat*“ и „*Vorwärts*“. Принципіальное соглашеніе съ нимъ, а тѣмъ болѣе съ Карломъ Гиршемъ, отнюдь не представлялось невозможнымъ, хотя и затруднялось ихъ своевольнымъ образомъ дѣйствій, особенно Моста. Но руководящіе партійные круги въ Германіи вообще знать не хотѣли обѣихъ газетъ. Главное вниманіе этихъ круговъ было направлено на то, чтобы мудрой сдержанностью обезоружить противоестественную ненависть къ соціалъ-демократіи, привитую нейтральнымъ слоямъ націи, и они опасались, какъ бы рѣзкій и безпощадный языкъ зарубежныхъ газетъ не далъ ей новой пищи. Бисмаркъ живетъ покушеніями, говорили они, и вынужденъ будетъ капитулировать, разъ только этотъ провіантъ истощится у него. Необходимость и полезность зарубежной га-

зеты не оспаривались собственно, но высказывалось мнѣніе, что слишкомъ рано еще приступать къ этому дѣлу: его первымъ послѣдствіемъ будутъ, молъ, новыя преслѣдованія, а между тѣмъ значительно сократившихся средствъ партіи и безъ того уже не хватаетъ на надлежащую поддержку высланныхъ и потерявшихъ занятія. Послѣ многолѣтней изнурительной агитаціи члены партіи могутъ вынести нѣкоторую передышку; потребности соціалистической пропаганды въ избыткѣ обезпечиваются еще безчисленными агитаціонными сочиненіями, пущенными въ пролетаріатъ, но еще не прочитанными и не переваренными умственно даже на одну четвертую долю.

Въ февралѣ 1879 г. эта точка зрѣнія не имѣла больше того относительнаго оправданія, какое она имѣла въ октябрѣ 1878 г. Когда рейхстагъ собрался 12 февраля, то Бисмаркъ тотчасъ же внесъ нѣсколько законопроектовъ, долженствовавшихъ совершенно разгромить соціалъ-демократію. Бисмаркъ жилъ не одной только безсмысленной ненавистью филистера къ соціалистамъ, и соціалъ-демократіи нужно было противъ него еще иное оружіе, кромѣ нравственнаго сочувствія нейтральныхъ зрителей. Дѣйствительно, народныя массы опять стали тѣсниться къ аренѣ борьбы, на которой онѣ могли бы стать лицомъ къ лицу съ врагомъ. 5-го февраля происходили дополнительные выборы для замѣщенія умершаго прогрессиста Бюргерса въ Бреславлѣ II, западномъ избирательномъ округѣ города, гдѣ жила силезская родовая и денежная знать. И вотъ рабочіе собрали здѣсь 5.175 голосовъ, несмотря на полицейское воспрещеніе всякой предвыборной агитаціи, несмотря на запрещеніе ихъ летучихъ листковъ и распущеніе ихъ собраній, несмотря на совершенно незаконный арестъ ихъ кандидата Креккера. Креккеръ попалъ въ перебаллотировку, и хотя онъ не прошелъ на ней, но число поданныхъ за него голосовъ все-таки поднялось до 7.544. Такой же блестящій результатъ дали дополнительные выборы, происходившіе 27 февраля въ саксонскомъ избирательномъ округѣ Вальдгеймѣ-Дёбельнѣ: соціалъ-демократическій кандидатъ получилъ здѣсь 4.322 голоса.

Засѣданія рейхстага до пасхальныхъ вакацій представляли собою въ извѣстной степени отголосокъ дебатовъ по поводу закона о соціалистахъ. Бисмаркъ хотѣлъ наверстать то, что тогда было упущено имъ. Онъ сразу же натянулъ на свой лукъ двѣ тетивы: во-первыхъ, рейхстагу предлагалось дать свое согласіе на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ Фрицше и Гассельмана,

явившихся на засѣданія рейхстага, несмотря на то, что они были высланы изъ Берлина; во-вторыхъ, предлагалось расширить дисциплинарную власть рейхстага (такъ наз. Maulkorbgesetz—„законъ о намордникѣ") такъ, чтобы онъ могъ исключать своихъ членовъ за „неподобающія" рѣчи и даже лишать ихъ права быть избираемыми, а сами „неподобающія" рѣчи выбрасывать изъ стенографическихъ отчетовъ. Ни на то, ни на другое рейхстагъ не согласился; даже у національ-либеральныхъ ораторовъ оказались въ запасѣ энергичныя слова, чтобы отвергнуть подобное самоуниженіе. Однако, они дѣйствовали при этомъ гораздо больше въ своемъ собственномъ интересѣ, чѣмъ въ интересѣ принципа или, тѣмъ болѣе, преслѣдуемой соціалъ-демократіи; вскорѣ послѣ того они при другомъ случаѣ показали, какой дешевый товаръ представляетъ собою вообще буржуазное сочувствіе. Правительство должно было ежегодно доставлять рейхстагу отчетъ о практическомъ примѣненіи § 28, но и эта „предохранительная мѣра" расплылась, какъ туманъ, при первой же пробѣ. Одному соціалъ-демократическому оратору дали поговорить, а затѣмъ не только національ-либералы, но, за нѣсколькими исключеніями, также прогрессисты и ультрамонтане голосовали за внесенное консерваторами предложеніе о закрытіи дебатовъ. Во время интерпелляціи въ прусской палатѣ депутатовъ Вирховъ обнаружилъ нѣсколько большую смѣлость и высказалъ мнѣніе, что полиція не должна все-таки безъ разбора сваливать въ кучу „добрыхъ революціонеровъ" съ государеубійцами. Но послѣ этого Бисмаркъ спустилъ свою оффиціозную свору на „революціонную" партію прогрессистовъ, и съ тѣхъ поръ „непреклонные" обходили осторожнымъ молчаніемъ самыя грубыя злоупотребленія закономъ о соціалистахъ, чтобы разыгрывать изъ себя для разнообразія „консервативнѣйшую изъ всѣхъ партій".

Изъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ Бебель говорилъ 4-го марта по поводу Maulkorbgesetz, а Либкнехтъ 17-го марта по поводу объявленія малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ. Бебель очень удачно отдѣлалъ благороднаго Бисмарка, который при помощи своихъ литографированныхъ предложеній прокуратурѣ запряталъ въ тюрьму за „оскорбленіе" его персоны тысячи людей, не исключая старыхъ богадѣлокъ, а теперь говоритъ со скорбной миной, что въ качествѣ члена Союзнаго совѣта онъ принужденъ быть весьма осторожнымъ, такъ какъ не располагаетъ свободой слова, гарантированной депутатамъ въ

силу конституціи. Нападеніе на это основное народное право удивительно шло къ лицу человѣку, который самъ не только располагалъ неограниченнѣйшей свободой клеветы, но и дѣйствительно пользовался ею на практикѣ, такъ какъ когда оклеветанное имъ лицо захотѣло разъ привлечь его къ суду, то онъ немедленно совершилъ героическое отступленіе подъ полы своего офицерскаго мундира. Рѣчь Либкнехта была пріурочена къ тактикѣ нѣмецкихъ вождей партіи. Безпощадно отдѣлавъ немногія пустыя фразы правительственнаго отчета, Либкнехтъ прибавилъ, что онъ былъ бы трусомъ, если бы сталъ формально отрекаться отъ писаній зарубежныхъ товарищей, но *партія* не имѣетъ съ этими писаніями абсолютно ничего общаго, и онъ можетъ сказать, что многіе изъ вліятельнѣйшихъ ея членовъ не одобряли основанія „*Freiheit*“ и „*Laterne*“. Партія будетъ соблюдать законъ о соціалистахъ, такъ какъ она—партія реформъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, и вообще насильственное дѣланіе революцій—безсмыслица; слова Бракке относительно „pfeifen auf das Gesetz“ означали не то, что партія не подчинится закону, а констатировали только историческую истину, что партія не будетъ уничтожена закономъ; Бракке выразилъ потомъ сожалѣніе о непарламентской формѣ своего заявленія, и онъ, Либкнехтъ, также не станетъ одобрять ея.

Эта рѣчь Либкнехта вызвала появленіе въ свѣтъ записки Коммунистическаго образовательнаго ферейна рабочихъ въ Лондонѣ составленной не самимъ Мостомъ, а Мильке, однимъ старымъ берлинскимъ членомъ партіи; въ запискѣ говорилось: „Не осмотрительная тактика *при* законѣ о соціалистахъ нужна и должна быть сдѣлана возможной, а искусная тактика *противъ* этого закона. Къ счастью, существуетъ еще нѣсколько странъ, гдѣ дозволено свободное слово, и сама Германская имперія также не обнесена еще стѣною. Да и черезъ стѣны можно перелѣзть, если обладать мужествомъ и рѣшительностью. Когда отрѣзанъ путь для всякой пропаганды внутри страны, то остается еще пропаганда печатнымъ словомъ изъ-за рубежа“. Гораздо болѣе спорными представлялись другія части записки, которыя съ полнымъ правомъ можно было толковать такимъ образомъ, что въ нихъ рекомендуются устройство тайнаго союза по образцу русскихъ революціонеровъ и политика парламентскаго бойкота. Противъ этого тотчасъ же возстала „*Laterne*“, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ она выражала свое согласіе съ запиской. Въ отвѣтъ на

ея протестъ „*Freiheit*“ заявила, что она не хочетъ рекомендовать ни тайной организаціи, ни политики парламентскаго бойкота; тѣмъ не менѣе она шла быстрыми шагами къ этому. Мостъ началъ говорить о „новой партіи“ и третировалъ парламентскихъ представителей германской соціалъ-демократіи въ тонѣ, все болѣе исключавшемъ возможность всякаго соглашенія.

А между тѣмъ соглашеніе насчетъ будущей тактики становилось все болѣе необходимымъ. Послѣ пасхальныхъ вакацій рейхстагъ принялся за пресловутую „финансовую и экономическую реформу“. Онъ обратился при этомъ въ биржу, на которой Бисмаркъ торговался съ крупными промышленниками и крупными землевладѣльцами изъ-за доли, которую каждому изъ этихъ трехъ благородныхъ союзниковъ предоставлено будетъ вырѣзать себѣ изъ шкуры потребляющихъ массъ. Послѣ продолжительныхъ и отталкивающихъ переговоровъ крупные промышленники получили свои покровительственныя пошлины на желѣзо и текстильныя издѣлія, крупные землевладѣльцы — свои пошлины на хлѣбъ и скотъ, Бисмаркъ—свои фискальныя пошлины, а народу эта исторія обошлась въ 130 милліоновъ марокъ новыхъ налоговъ и принесла вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости. При этомъ въ политической группировкѣ партій произошло полное перемѣщеніе. Упавшіе духомъ націоналъ-либералы предоставили членамъ партіи голосовать по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ, какъ всякому угодно; часть ихъ вмѣстѣ съ прогрессистами осталась вѣрной знамени свободной торговли, другая часть перешла къ протекціонистамъ. Но за свои „конституціонныя гарантіи“ они держались крѣпко, и совершенно поступиться правомъ рейхстага на вотированіе налоговъ они не хотѣли; такимъ образомъ Бисмарку пришлось заключить сдѣлку съ ультрамонтанами, которые удовольствовались „федеративными гарантіями“ (т.-е. передачей всѣхъ излишковъ отъ таможенныхъ поступленій и акциза на табакъ отдѣльнымъ государствамъ имперіи) и—въ качествѣ пріятнаго приложенія—отставкой ревностнаго проводника культуркампфа, министра исповѣданій Фалька. Такой великій человѣкъ, какъ Бисмаркъ, не смущался подобными вещами: разъ можно было положить въ карманъ такія суммы, то стоило не только пойти въ Каноссу, но и расшаркаться предъ партикуляризмомъ.

Помочь рабочимъ разобраться въ этой путаницѣ не могли ни безцвѣтныя газеты, ни прежнія агитаціонныя сочиненія. Парла-

ментская трибуна также оказалась весьма недостаточнымъ средствомъ. Въ теченіе многихъ недѣль, посвященныхъ преніямъ по поводу новаго таможеннаго тарифа, соціалъ-демократическимъ депутатамъ почти не удавалось получить слова, несмотря на ихъ безчисленныя заявленія о желаніи говорить. Они и въ отдаленной степени не могли исчерпывающимъ образомъ развить свои взгляды. Положеніе ихъ затруднялось еще вслѣдствіе того, что Кайзеръ началъ проникаться сочувствіемъ къ нѣкоторымъ промышленнымъ пошлинамъ. Между тѣмъ рабочія массы большихъ городовъ все больше толкали впередъ. Когда умеръ Рейндерсъ, представлявшій въ рейхстагѣ восточный округъ Бреславля, то бреславльскіе рабочіе устроили ему грандіозныя похороны, а затѣмъ они въ двукратной избирательной битвѣ выбрали на его мѣсто Газенклевера. Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ бреславльскій пролетаріатъ пять разъ далъ самыя энергичныя доказательства своего существованія; не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что рабочіе Берлина, Гамбурга, Лейпцига, вообще—крупныхъ центровъ движенія, проявили бы столь же мощные признаки жизни, если бы имъ представились такіе же подходящіе случаи. Лишь въ одномъ избирательномъ округѣ бранденбургской марки, Коттбусѣ-Шпрембергѣ, дополнительные выборы обнаружили наводящую на размышленія убыль соціалъ-демократическихъ голосовъ. Надвигалась серьезная опасность раскола: передовая часть пролетаріата могла подпасть подъ руководство ненадежной „*Freiheit*", а уровень сознанія менѣе развитой части могъ понизиться подъ вліяніемъ безцвѣтныхъ газетъ.

Тутъ выступила болѣе рѣзко и „*Laterne*". Какъ ни защищала она противъ Моста необходимость твердо поддерживать партію, тѣмъ не менѣе она не стала скрывать, что все случившееся въ Лондонѣ было бы невозможно, если бы въ Германіи не были сдѣланы грубыя ошибки. Газета писала: Безъ органовъ нѣтъ организаціи; если зарубежные органы не годятся, создайте новые, но не медлите больше, ибо время не ждетъ. Она сурово осудила протекціонистскіе аллюры Кайзера и убѣдительно доказала общественно вредный характеръ новаго таможеннаго тарифа въ его конкретномъ видѣ. Она напечатала у себя письмо Либкнехта, гдѣ говорилось противъ Моста: Нужно либо выйти на улицу, либо остаться на почвѣ закона о соціалистахъ, третьяго рѣшенія нѣтъ,— но на ряду съ этимъ она опубликовала письмо „изъ Берлина" иного характера: одной вѣрой,—было сказано здѣсь,—что соціалъ-демо-

кратія пустила достаточно глубокіе корни въ массахъ, чтобы перенести цѣлые годы внѣшняго спокойствія и обходиться безъ всякой матеріальной связи, — одной такой вѣрой можно столь же мало достичь чего-нибудь, какъ театральными эффектами; существуетъ еще третій путь: энергичный образъ дѣйствій, оборонительный и наступательный, используя при этомъ обстоятельства внутри и внѣ Германской имперіи.

Наконецъ въ это запутанное положеніе дѣлъ вмѣшались также Марксъ и Энгельсъ. Гёхбергъ выказалъ себя послѣ закона о соціалистахъ такимъ же вѣрнымъ другомъ партіи, какъ до него: онъ помогалъ и поддерживалъ, гдѣ только могъ, и смотрѣлъ на свое состояніе прямо какъ на собственность партіи. Но перепрыгнуть черезъ свою тѣнь онъ все-таки не былъ въ состояніи; онъ продолжалъ питать надежду привлечь на сторону соціалъ-демократіи значительные круги господствующихъ классовъ путемъ поученія и обращенія къ ихъ чувству справедливости; онъ хотѣлъ, чтобы партія по возможности облегчала переходъ такимъ элементамъ, чтобы она больше подчеркивала свою экономическую программу и больше отодвигала на задній планъ свои политически-революціонныя традиціи. Такъ, напр., на Пасхѣ 1879 г. онъ разослалъ изъ Брюсселя чиновникамъ, юристамъ и учителямъ въ Германіи 10 тыс. экземпляровъ „*Сущности соціализма*“ Шеффле; исходя изъ того же взгляда, онъ основалъ взамѣнъ запрещенной „*Zukunft*“ два новыхъ научныхъ журнала: въ Лейпцигѣ „*Staatswirtschaftliche Abhandlungen*“, подъ подставнымъ именемъ нѣкоего д-ра Р. Ф. Зейфферта, и въ Цюрихѣ—„*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*“ подъ именемъ нѣкоего д-ра Людвига Рихтера. Лейпцигскій журналъ, выходившій въ свѣтъ черезъ неправильные промежутки, избѣжалъ когтей закона о соціалистахъ; онъ занимался преимущественно вопросами практической соціальной политики и противопоставилъ протекціонистскому миражу охраны національнаго труда международное рабочее законодательство, какъ дѣйствительный интересъ рабочаго класса. Цюрихскому *Jahrbuch'*у повезло меньше: онъ тотчасъ же былъ запрещенъ, несмотря на то, что держался очень осторожно. Первая половина перваго года, появившаяся лѣтомъ 1879 г., содержала статьи Грейлиха и Фольмара, нѣсколько рецензій и рядъ отчетовъ о соціалистическомъ движеніи въ современныхъ культурныхъ странахъ,—большей частью отличныя работы, свидѣтельствовавшія о довольно существенномъ шагѣ впередъ въ сравненіи съ позиціей „*Zukunft*“.

Но эта книжка содержала также въ особой статьѣ „Ретроспективный взглядъ на соціалистическое движеніе въ Германіи“, выдававшій себя за „критическіе афоризмы“. Авторами были Гёхбергъ и К. А. Шраммъ; Эдуарду Бернштейну, переѣхавшему въ Швейцарію въ качествѣ литературнаго совѣтчика Гёхберга и считавшемуся третьимъ авторомъ, принадлежали въ дѣйствительности только нѣсколько второстепенныхъ строкъ. Если самокритика соціалъ-демократіи въ моментъ жесточайшаго гоненія на нее была уже сама по себѣ щекотливымъ и труднымъ дѣломъ, то въ настоящей статьѣ она не удалась даже въ самой отдаленной степени, даже сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Примѣнявшійся до сихъ поръ способъ агитаціи былъ подвергнутъ злой критикѣ, не всегда даже правильной и, тѣмъ менѣе, тактичной; статья предостерегала противъ „безплодныхъ споровъ о государствѣ будущаго“, но отнюдь не въ смыслѣ необходимости революціонныхъ дѣйствій, исключающихъ всякія утопіи, а лишь въ смыслѣ буржуазно-реформаторской практики. Наконецъ, была подчеркнута необходимость привлечь многочисленныхъ сторонниковъ изъ среды имущихъ и образованныхъ классовъ, если хотятъ, чтобы агитація, вызывающая столько жертвъ силами и семейнымъ счастьемъ, дала осязательные результаты. Противъ этого выступили съ протестомъ Марксъ и Энгельсъ: въ циркулярномъ письмѣ къ Бебелю, Бракке и другимъ они требовали, чтобы подобные взгляды не высказывались, по крайней мѣрѣ, въ руководящемъ органѣ, если ужъ ихъ хотятъ терпѣть въ партіи.

Цюрихскій „*Jahrbuch*“ не былъ, конечно, призванъ къ руководству партіей, но рядомъ съ „*Laterne*“ и „*Freiheit*“ онъ представлялъ уже третье тактическое направленіе, а авторитетнаго голоса партіи все еще не было слышно. Изданіе оффиціальнаго зарубежнаго органа партіи являлось дѣломъ неотложной необходимости; это видѣлъ теперь и Гейбъ, всего дольше противившійся плану. Ему самому не суждено было уже дожить до появленія новой газеты. 1-го августа кончились его страданія; гамбургскіе рабочіе проводили его гробъ грандіозной процессіей, численность которой буржуазныя газеты опредѣляли въ 30 тыс. чел., и у открытой могилы старые друзья Гейба дали обѣтъ неутомимо работать дальше въ духѣ этого незабвеннаго человѣка.

Мѣстомъ выхода партійнаго органа былъ выбранъ Цюрихъ, гдѣ швейцарское рабочее движеніе располагало собственной типографіей и гдѣ въ другихъ отношеніяхъ также представлялись наибо-

лѣе благопріятныя условія для успѣха предпріятія. „*Laterne*“ перестала выходить уже съ конца іюня, такъ какъ Карлъ Гиршъ убѣдился самъ, что выбранная имъ форма политическаго памфлета недостаточна для потребностей партіи. Что касается „*Freiheit*“, то послѣ всего происшедшаго она, конечно, не могла быть объявлена оффиціальнымъ органомъ партіи, — тѣмъ менѣе могла, что Мостъ все больше запутывался въ безсмысленной игрѣ въ революцію. 28-го сентября вышелъ въ Цюрихѣ пробный номеръ „Der Sozialdemokrat, Internationales Organ der Sozialdemokratie deutscher Zunge“ (*„Соціалъ-демократъ, Международный органъ нѣмецкой соціалъ-демократіи“*).

Новый органъ самъ объявилъ себя дѣтищемъ закона о соціалистахъ. Безцвѣтныя газеты, издаваемыя еще товарищами въ Германіи,—писалъ онъ,—при всѣхъ прочихъ своихъ выгодахъ не могутъ, однако, служить замѣною прежней партійной прессы; онѣ не только принуждены избѣгать всякой, даже самой скромной критики капиталистической общественной организаціи, но не могутъ позволить себѣ, не подвергаясь опасности немедленнаго запрещенія, даже третьей доли той откровенности, съ которой буржуазная печать обсуждаетъ подчасъ общественныя и государственныя учрежденія. Въ отношеніи принциповъ и тактики „*Соціалъ-демократъ*“ сталъ на почву готской программы и заявилъ, что въ качествѣ органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, которая теперь, какъ и прежде, является революціонной партіей въ истинномъ и лучшемъ значеніи этого слова, онъ будетъ работать надъ постепеннымъ просвѣщеніемъ и организаціей массъ и вести борьбу противъ всякаго „дѣланія“ революціи, на первый взглядъ ведущаго скорѣе къ цѣли, но въ дѣйствительности гибельнаго и безразсуднаго. Далѣе редакція заявляла, что хотя и находясь внѣ сферы власти германскаго и австрійскаго правительства, она намѣрена, однако, со стороны формы избѣгать по возможности всякаго нарушенія нормъ общаго права; это нисколько не помѣшаетъ ей быть безпощадной по существу дѣла.

Такимъ образомъ разсѣялись гнетущія чары, сковывавшія партію, и по рядамъ ея снова пронесся старый, испытанный боевой кличъ: „Впередъ по всей линіи!“

Глава II.

Новое наступленіе.

---

1. Смотръ въ замкѣ Виденъ.

Уже въ пробномъ своемъ номерѣ *„Соціалъ-демократъ“* имѣлъ возможность отмѣтить важный успѣхъ, достигнутый партіей на выборахъ въ саксонскій ландтагъ.

Исторія возникновенія лассалевской агитаціи достаточно объясняетъ фактъ, почему избирательная дѣятельность соціалъ-демократіи сосредоточилась первоначально на тѣхъ выборахъ, которые происходятъ по системѣ всеобщей подачи голосовъ, слѣдовательно — на выборахъ въ рейхстагъ. По мѣрѣ своего роста партія начала, однако, принимать также участіе въ цензовыхъ выборахъ въ ландтаги отдѣльныхъ государствъ Германіи и въ коммунальныя учрежденія, — принимать его, несмотря на всѣ принципіальныя сомнѣнія, движимая непреодолимымъ стремленіемъ завоевать себѣ, гдѣ только возможно, новое поприще для дѣйствія и борьбы. Это стремленіе сдерживалось лишь тамъ, гдѣ была исключена возможность всякаго самостоятельнаго успѣха, какъ, напр., при выборахъ въ прусскій ландтагъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялись болѣе благопріятные шансы, напр. въ среднихъ и малыхъ государствахъ Германіи, они неоднократно были использованы, и довольно часто съ успѣхомъ; въ этомъ отношеніи не послѣднее мѣсто занимало королевство Саксонія. Въ саксонскихъ коммунальныхъ представительствахъ сидѣло много соціалъ-демократовъ, а участіе въ выборахъ въ саксонскій ландтагъ, происходившихъ каждые два года для возобновленія одной трети второй палаты, увеличилось постепенно настолько, что Криммичау послалъ въ 1877 г. въ саксонскій ландтагъ перваго соціалъ-демократическаго депутата—адво-

ката Фрейтага. При всемъ томъ до закона о соціалистахъ участію въ цензовыхъ выборахъ не придавали особаго значенія; но теперь, когда на 10-е сентября 1879 г. были назначены новые выборы въ саксонскій ландтагъ—между прочимъ въ такихъ округахъ, которые были потеряны на выборахъ въ рейхстагъ 1878 г., напр., въ сельскомъ округѣ Лейпцигъ, въ Хемницѣ, въ Цвиккау— саксонскіе члены партіи рѣшили испытать свои силы.

Около $^2/_3$ соціалъ-демократовъ, имѣвшихъ право голоса на выборахъ въ рейхстагъ, устранялись цензомъ отъ выборовъ въ ландтагъ; тѣмъ не менѣе удалось провести Либкнехта въ западной половинѣ сельскаго округа Лейпцигъ и адвоката Путтриха въ Цвиккау. Даже въ округахъ, гдѣ кандидаты партіи провалились, число полученныхъ ими голосовъ было сравнительно очень благопріятно; въ особенности оказалась превосходной на практикѣ частная организація отъ человѣка къ человѣку — единственная, какая еще была возможна при дѣйствіи закона о соціалистахъ. Вплоть до третьяго дня предъ выборами правительство и буржуазныя партіи находились въ полной неизвѣстности относительно плановъ соціалъ-демократіи. Правда, у нихъ было смутное предчувствіе, что готовится какой-то сюрпризъ, и полиція получила строжайшій приказъ немедленно подавить всякое соціалъ-демократическое избирательное движеніе; чтобы утолить пока свой патріотическій геройскій пылъ, она запретила въ Дрезденѣ, Хемницѣ и Глаухау три газеты, изъ которыхъ ни одна даже самымъ отдаленнымъ образомъ не нарушила закона о соціалистахъ. Но внезапное нападеніе удалось вполнѣ: раннимъ утромъ въ одно осеннее воскресенье сотни товарищей разсыпались во всѣ стороны изъ различныхъ центровъ избирательнаго движенія, и вечеромъ того же дня каждый избиратель имѣлъ свое соціалъ-демократическое избирательное воззваніе и избирательный бюллетень. Только въ Хемницѣ, гдѣ хозяйничалъ, какъ турецкій паша, полицейскій Зибдратъ, были захвачены врасплохъ во время фальцовки избирательныхъ воззваній и бюллетеней 20 человѣкъ, въ томъ числѣ депутаты рейхстага Вальтейхъ и Вимеръ; всѣ они были отправлены въ полицію связанные вмѣстѣ веревкою, словно пачка сигаръ. Конечно, за полнымъ отсутствіемъ даже тѣни преступнаго дѣянія ихъ пришлось тотчасъ выпустить; только кандидата Вальтейха продержали подъ арестомъ до окончанія выборовъ. При помощи такого-то противозаконнаго акта была обезпечена въ Хемницѣ побѣда „законности и порядка".

Вѣрноподданническая присяга, которую Либкнехтъ и Путтрихъ вынуждены были принести, вступая въ саксонскій ландтагъ, возбудила нѣкоторое недовольство въ партіи, хотя въ сущности это была лишь пустая формальность. Не говоря уже о злобной полемикѣ Моста, Карлъ Гиршъ также затѣялъ изъ-за нея рѣзкій споръ съ Газенклеверомъ. Но распря очень быстро улеглась. Если имущіе классы ставили осуществленіе политическихъ правъ и обязанностей въ зависимость отъ повторенія нѣсколькихъ напыщенныхъ фразъ, то рабочихъ это ни на одну минуту не должно было сбивать съ толку; самому Мосту пришлось при своемъ вступленіи въ саксонское подданство принести такую же присягу. Одно печальное событіе слишкомъ скоро и слишкомъ основательно показало, какъ полезно было представительство рабочаго класса въ саксонскомъ ландтагѣ. Прошло всего нѣсколько дней послѣ собранія, происходившаго 27-го ноября въ Дрезденѣ, гдѣ Либкнехтъ энергично бичевалъ общественно-опасную эксплуатацію саксонскихъ горнорабочихъ, какъ въ брюккенбергской шахтѣ въ Цвиккау произошелъ 2-го декабря страшный взрывъ, при которомъ погибло 89 человѣкъ, единственно по винѣ эксплуататоровъ - капиталистовъ, которые, несмотря на испорченную вентиляцію, не хотѣли пріостановить на нѣсколько часовъ добычу угля. Подъ впечатлѣніемъ этой ужасной катастрофы прошли недѣлей позже въ Магдебургѣ дополнительные выборы въ рейхстагъ, доставившіе большой успѣхъ соціалъ-демократіи: за ея кандидата Фирека было подано на главныхъ выборахъ 4.721, а на перебаллотировкѣ—7.312 голосовъ. На происходившихъ тотчасъ послѣ этого общинныхъ выборахъ въ Эслингенѣ, гдѣ требовалось выбрать 7 муниципальныхъ совѣтниковъ, прошли 5 соціалъ-демократовъ. Прекрасные результаты были также достигнуты на общинныхъ выборахъ въ Глаухау-Мееране и Мангеймѣ, а въ пфальцскомъ городкѣ Ламбрехтѣ нищенски бѣдные ткачи снова завоевали думу. Правда, имъ опять пришлось уйти, такъ какъ хозяева-эксплуататоры 15-ти рабочихъ, выбранныхъ въ гласные, пригрозили имъ немедленнымъ разсчетомъ, но много ли славы было для спасителей государства и общества, если ихъ „побѣды“ были еще позорнѣе ихъ пораженій!

Тѣмъ временемъ „*Соціалъ-демократъ*“ началъ свою работу выясненія и собиранія. Редакторомъ и издателемъ подписывался швейцарскій товарищъ Гертеръ, а въ финансовомъ обезпеченіи газеты, которая на первыхъ порахъ могла работать только съ дефицитомъ, участвовалъ съ обычной готовностью къ жертвамъ

Гёхбергъ. Но все-таки „*Соціалъ-демократъ*“ сталъ съ самаго начала тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ стать: органомъ всей партіи. Тѣсная и близкая связь съ германской партіей предохранила его отъ опасностей эмигрантской литературы. Въ номерахъ за первый годъ замѣчается еще извѣстная шаткость теоретическихъ взглядовъ, однако не бо́льшая, чѣмъ въ самой партi ; желѣзная необходимость борьбы отодвигала пока всякую теорію на задній планъ. Языкъ газеты былъ серьезный и исполненный достоинства; онъ не былъ, конечно, свободенъ отъ энергичныхъ выраженій, когда требовалось правильно охарактеризовать гнусные поступки, но онъ былъ свободенъ отъ всякаго вульгарнаго цинизма.

Обвиненіе, что „*Соціалъ-демократъ*“ началъ съ оправдыванія лжеприсяги, принесенной въ интересахъ партіи, основано на грубомъ подлогѣ. Во Франкфуртѣ на М. товарищъ Ибсенъ былъ признанъ присяжными виновнымъ въ лжеприсягѣ и приговоренъ судомъ къ трехлѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ за то, что будто бы сдѣлалъ ложное свидѣтельское показаніе съ цѣлью выручить своего друга, обвинявшагося въ распространеніи запрещеннаго сочиненія. Мы говоримъ „будто бы“, такъ какъ Ибсенъ былъ осужденъ совершенно невинно. Помимо этого „*Соціалъ-демократъ*“ въ статьѣ, принадлежавшей перу Газенклевера, ни единымъ звукомъ не одобрилъ лжеприсяги, если бы она была принесена; онъ пригвоздилъ лишь къ позорному столбу общепринятую тогда нравственную пытку, заставлявшую человѣка выбирать между предательствомъ по отношенію къ другу и ложной присягой на судѣ. Газета требовала человѣческаго милосердія къ несчастному, споткнувшемуся въ подобномъ конфликтѣ и нарушившему законъ: „Для насъ этотъ человѣкъ мученикъ, а не преступникъ“. Здѣсь высказывалось то же воззрѣніе, исходя изъ котораго Шиллеръ написалъ своего „Verbrecher aus verlorener Ehre“; попытка изобразить это, какъ оправданіе лжеприсяги въ интересахъ партіи, доказывала лишь умственную и моральную одичалость тѣхъ, которые запятнали себя этой ложью.

Скорѣе можно было поставить въ упрекъ „*Соціалъ-демократу*“, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, что онъ отводитъ слишкомъ много мѣста вырыванію плевелъ изъ партіи. Если рѣзкій вѣтеръ закона о соціалистахъ очень скоро отдѣлилъ мякину отъ пшеницы и отнесъ въ сторону всѣ ненадежные элементы, примкнувшіе къ быстрому побѣдному шествію партіи послѣ готскаго объединительнаго конгресса, то въ этомъ не было большой бѣды,

напротивъ—была даже рѣшительная выгода. Гораздо прискорбнѣе было то, что многіе испытанные товарищи отбросили, утомившись, оружіе или—еще хуже—не устояли предъ искушеніемъ, когда полиція поставила ихъ предъ альтернативой: либо увидѣть свое разореніе и разореніе своей семьи, либо стать измѣнниками своему дѣлу. Однако и эти случаи терялись среди обилія самоотверженной преданности, и ликованіе враговъ по поводу проскрипціонныхъ списковъ „*Соціалъ-демократа*“ подтверждало лишь одно—что партія рѣшила поддерживать желѣзную дисциплину въ своихъ рядахъ. Напротивъ, дѣйствительныя опасенія могло возбуждать вліяніе, пріобрѣтенное въ первый годъ смуты Мостомъ. Къ голосу лондонской „*Freiheit*“ прислушивались не всегда ужъ самые плохіе и отсталые элементы, но также смѣлыя и самостоятельныя натуры, — прислушивались тѣмъ больше, чѣмъ суровѣе ихъ угнетали. Въ особенности Мостъ пріобрѣлъ нѣкоторое число приверженцевъ въ Берлинѣ, гдѣ малое осадное положеніе, продленное въ ноябрѣ 1879 г., постоянно служило въ рукахъ властей средствомъ для децимированія сознательнаго пролетаріата. Среди высланныхъ изъ Берлина также господствовало раздражительное настроеніе, легко поддававшееся всякому чувству подозрительности и недовѣрія. Такъ какъ полиція запретила сборы въ пользу высланныхъ, то ихъ пришлось продолжать втайнѣ и втайнѣ же приходилось распредѣлять собранныя суммы, чтò подало поводъ ко всякимъ сплетнямъ и столкновеніямъ. Мостъ объявилъ эти сборы вообще филистерской дѣятельностью. Съ тѣхъ поръ какъ появленіе новаго зарубежнаго органа отняло у него всякое серьезное основаніе для жалобъ, онъ совершенно сбился съ пути, предостерегалъ рабочихъ отъ участія въ выборахъ, восхвалялъ покушенія Гёделя и Нобилинга, работалъ при помощи мало почтенныхъ средствъ надъ образованіемъ новой „соціалъ-революціонной партіи“. Очистить путь отъ всѣхъ этихъ помѣхъ представлялось часто непріятной задачей, связанной со многими мелочными и личными дрязгами, но все же задачей необходимой.

Въ общемъ „*Соціалъ-демократъ*“ выполнилъ ее съ большимъ тактомъ. Съ каждой недѣлей онъ все глубже проникалъ въ пролетарскую среду Германіи, несмотря на всѣ сыщицкіе фокусы полиціи, несмотря на сотни обысковъ, происходившихъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Германіи, несмотря на все перерываніе писемъ почтою. Въ этой партизанской войнѣ новыя нити

организаціи, завязанныя по случаю сборовъ въ пользу высланныхъ, связались въ прочную ткань; отдѣльныя петли ткани можно было, конечно, развязать, но разорвать ее было рѣшительно невозможно,—такъ жаловался уже въ 1880 г. одинъ магдебургскій прокуроръ. Голодающій и презираемый пролетаріатъ оказался дѣйствительнымъ господиномъ современныхъ средствъ производства и сообщенія, и при ихъ помощи онъ играючи одолѣлъ исторически давно отжившій полицейскій режимъ. Никакая наука не дается даромъ: отъ времени до времени власти перехватывали транспортъ „*Соціалъ-демократа*“ или другихъ запрещенныхъ изданій, но скоро „красная полевая почта“ стала работать съ точностью и пунктуальностью, предъ которой спокойно могла стушеваться раздутая рекламой „изобрѣтательность“ оффиціальной имперской почты. Рядомъ съ „*Соціалъ-демократомъ*“ оказалось успѣшнымъ агитаціоннымъ средствомъ распространеніе летучихъ листковъ; раньше чѣмъ успѣвало приплестись запрещеніе, листки были обыкновенно уже розданы. Когда дрезденская полиція запретила Бебелю дать устный отчетъ своимъ избирателямъ, то онъ представилъ его въ листкѣ, который въ одно воскресное утро былъ розданъ между 7 и 9 часами семью стами человѣкъ въ 30.000 экземпляровъ,—съ такой ловкостью и быстротою, что когда полиція провѣдала объ этомъ, то она захватила всего лишь нѣсколько экземпляровъ.

Рабочіе пріобрѣли скоро такую увѣренность въ своей несокрушимой силѣ, что научились играть со своими гонителями, какъ кошка съ мышью. Въ февралѣ 1880 г. одинъ цюрихскій товарищъ, у котораго полицейскій инспекторъ Кальтенбахъ изъ Мюльгаузена хотѣлъ вывѣдать способъ пересылки „*Соціалъ-демократа*“, согласился для виду дать эти свѣдѣнія и заставилъ названнаго спасителя государства со всей своей сворой шпіоновъ броситься къ бельгійской границѣ—въ то самое время, какъ черезъ швейцарскую границу былъ провезенъ большой транспортъ запрещенныхъ изданій; полученная мзда была передана въ кассу „*Соціалъ-демократа*“, удостовѣрившаго поступленіе этихъ денегъ отъ „Ищейки и Вислоухаго изъ Германской имперіи“. Мѣсяцъ спустя таможенныя власти задержали въ Линдау большой тюкъ, адресованный изъ одного мѣстечка въ Форарльбергѣ въ одинъ маленькій франконскій городъ на Майнѣ; по накладной тюкъ долженъ былъ заключать бумажные обрѣзки, но въ дѣйствительности среди этихъ обрѣзковъ былъ уложенъ транспортъ „*Соціалъ-*

демократа". Гордые своей добычей, таможенные спрятали ее въ погребъ, но на слѣдующее утро она исчезла, и транспортъ дошелъ до настоящаго своего назначенія. Въ самой имперіи соціалъ-демократы сыграли въ это время забавную штуку съ магдебургской полиціей. Нѣкій патріотическій книгопродавецъ выпустилъ въ свѣтъ съ ея разрѣшенія брошюру въ красной обложкѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Побѣда соціалъ-демократовъ или идея Германіи какъ республики, сост. Другомъ партіи". Брошюра начинала радикальными фразами, чтобы кончить затѣмъ настоятельной рекомендаціей полицейски-благонамѣреннаго образа мыслей. Тотчасъ же появилась вторая брошюра точно такого же внѣшняго вида, съ тѣмъ же заглавіемъ и введеніемъ, но затѣмъ слѣдовалъ текстъ, въ которомъ высмѣивался законъ о соціалистахъ. Брошюра эта была распространена въ 25 тыс. экземпляровъ при ревностномъ содѣйствіи высокой полиціи, которая только черезъ два мѣсяца хватилась, какого дурака она сваляла. Тутъ предъ ней встала головоломная задача: запретить ли также свое собственное издѣліе или вмѣстѣ съ нимъ допустить обращеніе контрабанды? Эта трудная дилемма изощрила ея помутившуюся голову и 9 мая 1880 г. королевское правительство въ Магдебургѣ издало распоряженіе, которымъ объявлялось, что брошюра въ блѣдно-красной обложкѣ дозволена полиціей, а брошюра въ обложкѣ ярко-красной полиціей запрещена. Все это можно прочитать въ Германскомъ „*Reichsanzeiger*'ѣ", а не въ оффиціальной газетѣ анекдотическаго города Глупова.

Изъ-за такихъ забавныхъ шутокъ соціалъ-демократія не упускала, однако, изъ виду серьезности положенія. За всѣ свои нравственныя пораженія полиція вознаграждала себя широкимъ использованіемъ матеріальныхъ средствъ своей безграничной диктатуры, и весною 1880 г. Бисмаркъ внесъ въ рейхстагъ предложені чтобы законъ о соціалистахъ, которому черезъ годъ истекалъ срокъ, былъ продленъ еще на 5 лѣтъ. Великій человѣкъ 19-го столѣтія не могъ больше править *безъ* осаднаго положенія, *съ* которымъ, по извѣстному выраженію Кавура, можетъ править всякій оселъ.

Прекрасные плоды, которые, по увѣренію Бисмарка, долженъ былъ принести законъ о соціалистахъ, оказались въ дѣйствительности однимъ прахомъ и пепломъ. Бѣдственное экономическое положеніе массъ, въ которомъ будто бы была повинна соціалъ-демократическая агитація, стало послѣ подавленія послѣд-

ней еще невыносимѣе почти, чѣмъ прежде. Своей высшей точки оно достигло въ исходѣ 1879 г. Въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Германіи, въ Спессартѣ, въ Тюрингіи, въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ, въ Верхней Силезіи господствовала, даже по сообщеніямъ буржуазной прессы, ужасающая голодная нужда. Сюда прибавились необыкновенно суровая зима и опустошительныя наводненія весною. Но даже всѣ эти бѣдствія не сломили силы соціалъ-демократической партіи; тѣмъ больше раскрылись зато глаза у бѣднаго населенія, вѣрившаго еще до тѣхъ поръ въ спасителя Бисмарка. Смертельно обезсиленное, оно вдвое тяжелѣе чувствовало гнетъ новыхъ фискальныхъ и покровительственныхъ пошлинъ. Повышеніе заработной платы, которое сулили рабочимъ отъ покровительственныхъ пошлинъ, конечно, не наступило. Напротивъ, повсюду, гдѣ это представлялось сколько-нибудь возможнымъ, заработная плата была еще уменьшена; да и что удивительнаго, вѣдь рабочихъ и въ этомъ отношеніи сдѣлали безоружными, разрушивъ ихъ профессіональныя организаціи! Сельскохозяйственный пролетаріатъ былъ просвѣщенъ закономъ о полевой и лѣсной полиціи, которымъ прусское представительство денежныхъ мѣшковъ проглотило въ своей ненасытной алчности чернику и сосновыя иглы, оставшіяся еще жалкой бѣднотѣ отъ старыхъ общинныхъ правъ на лѣса. При подобныхъ-то обстоятельствахъ такой просвѣщенный государственный мужъ, какъ Бисмаркъ, не съумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ усилить строгость осаднаго положенія: въ весенней сессіи 1880 г. онъ потребовалъ продленія закона о соціалистахъ и возобновленія истекавшаго въ ближайшемъ году септената, одновременно съ увеличеніемъ мирнаго состава арміи на 25.615 чел.

Военный законопроектъ былъ принятъ консервативно-націоналъ-либеральнымъ большинствомъ безъ длинныхъ разговоровъ. Отдѣльные націоналъ-либералы поплакали, конечно, немного по поводу ненасытности милитаризма, но достаточно было Мольтке нѣсколько побряцать оружіемъ, чтобы они быстро замолкли. Со времени русско-турецкой войны союзу трехъ императоровъ былъ нанесенъ непоправимый ударъ; противоположные интересы Россіи и Австріи въ восточномъ вопросѣ рѣзко столкнулись другъ съ другомъ, и какъ усердно Бисмаркъ ни старался отстаивать царскіе интересы въ 70-хъ гг., въ особенности — на берлинскомъ конгрессѣ, однако, царь горько жаловался все-таки на неблагодарность вѣрнаго вассала. Новая группировка европейскихъ дер-

жавъ противопоставила Германію, Австрію, а вскорѣ и Италію двойственному союзу Россіи и Франціи. Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи принесло теперь свои горькіе плоды. Трудно представить болѣе убѣдительное оправданіе соціалъ-демократической политики послѣ Седана, нежели ростъ военныхъ требованій, которыя по увѣренію правительства необходимы, чтобы быть вооруженнымъ на „два фронта"—противъ Франціи и Россіи. Именно это и предсказывалъ Брауншвейгскій комитетъ въ своемъ манифестѣ. Съ той же точки зрѣнія критиковалъ военный законопроектъ Бебель, не скрывая въ то же время, что и соціалъ-демократія готова защищать родную землю противъ чужихъ завоевательныхъ вожделѣній. Онъ подробно обосновалъ въ „*Соціалъ-демократъ*" этотъ взглядъ, правильность котораго оспаривалась не только Мостомъ, но и нѣкоторыми вѣрными членами партіи: будучи международной по своему образу мыслей,—писалъ Бебель,—германская соціалъ-демократія не безродная, однако, партія, для нея не должно быть безразличнымъ, попадетъ ли Германія подъ чужеземное владычество, захватятъ ли иноземные завоеватели куски нѣмецкой земли; пролетаріатъ также нуждается въ національной независимости, чтобы имѣть возможность сильно и энергично вести свою освободительную борьбу. Это было старое воззрѣніе, которое въ 1859 г. проводили Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, а въ начальный періодъ германской с.-д. партіи отстаивали Лассаль и Швейцеръ; только въ смутные годы Сѣверо-германскаго союза оно было кое-гдѣ затемнено.

Правительственныя предложенія относительно соціалистовъ не содержали ничего, кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ и ничего не говорящихъ фразъ: это относилось въ равной мѣрѣ къ отчету о примѣненіи малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ и къ законопроекту, требовавшему продленія закона о соціалистахъ на 5 лѣтъ. Подобно всѣмъ предложеніямъ этого рода, поступавшимъ въ рейхстагъ въ теченіе ближайшаго десятилѣтія, они были составлены по схемѣ, которую Маколей формулировалъ нѣкогда слѣдующимъ образомъ, какъ логику всѣхъ дурныхъ правительствъ: „если народъ неспокоенъ, то онъ не созрѣлъ еще для свободы; если онъ спокоенъ, то онъ не желаетъ свободы". Такимъ же образомъ система Бисмарка говорила либо: „законъ о соціалистахъ водворилъ спокойствіе среди пролетаріата и потому онъ долженъ быть продленъ", либо: „законъ о соціалистахъ не водворилъ еще спокойствія среди пролетаріата и потому особенно необходимо продлить

его дѣйствіе". Между этими двумя геніальными точками зрѣнія шатались, какъ пьяные, съ 1880 г. „мотивировки" всѣхъ предложеній о соціалистахъ: возможно, что тайные совѣтники, на обязанности которыхъ лежала разработка послѣднихъ, дѣйствительно рѣшали жребіемъ за утренней кружкой пива, сочинить ли имъ свои фразы больше по одному или по другому шаблону; во всякомъ случаѣ въ этихъ документахъ никогда нельзя было открыть ни малѣйшей связи съ конкретнымъ ходомъ вещей. Независимые органы буржуазной печати заявили довольно скоро, что не стоитъ труда перепечатывать эту макулатуру; тѣмъ менѣе должно заниматься ею историческое сочиненіе. Вопросъ о законѣ противъ соціалистовъ, который въ 1878 г. былъ еще нагруженъ для многихъ его защитниковъ разнымъ идеологическо-моральнымъ балластомъ, давно сталъ въ 1880 г. простымъ вопросомъ силы, рѣшавшимся исключительно въ зависимости отъ потребностей практической классовой борьбы.

Большинство рейхстага, состоявшее изъ консерваторовъ и національ-либераловъ, готово было продлить законъ. Національ-либералы поставили лишь два условія: во-первыхъ, чтобы законъ былъ продленъ не на 5 лѣтъ, а на $3^1/_2$ года, до 30 сент. 1884 г.; во-вторыхъ, чтобы право высылки, предоставленное полиціи параграфомъ 28-мъ, не распространялось на членовъ законодательныхъ собраній во время сессіи. Правительство согласилось на то и другое; небольшое сокращеніе срока не представляло для него большой важности, что же касается преслѣдованія, возбужденнаго противъ Фрицше и Гассельмана за появленіе въ воспрещенномъ имъ мѣстѣ жительства, то правительство потерпѣло съ нимъ неудачу въ судебныхъ учрежденіяхъ. Изъ всѣхъ національ-либераловъ голосовалъ безусловно противъ всякаго продленія только Ласкеръ; уже тогда смертельно больной человѣкъ, сознавшій свои политическіе грѣхи и старавшійся искупить ихъ въ своей долѣ, онъ высказалъ истину, что правительство вопреки своимъ обѣщаніямъ грубо злоупотребило полномочіями, предоставленными ему противъ соціалъ-демократіи. Партійные товарищи Ласкера отдѣлались отъ его неудобнаго признанія безсовѣстнымъ замѣчаніемъ, что когда выпалываютъ сорную траву, то невозможно избѣжать, чтобы вмѣстѣ съ ней не были вырваны и здоровыя растенія.

Изъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій ультрамонтане были теперь спокойны насчетъ того, что ихъ не будутъ тревожить

исключительнымъ закономъ, и потому готовы также продлить его дѣйствіе; только для соблюденія приличія они требовали нѣкоторыхъ „смягченій". Старый Виндгорстъ хотѣлъ, чтобы малое осадное положеніе ограничивалось только Берлиномъ, чтобы денежные сборы въ пользу высланныхъ не запрещались, чтобы избирательныя собранія не подлежали ограниченіямъ закона и пр. Правительство и его консервативно-націоналъ-либеральное большинство не согласились на это: раскаявшіеся „враги имперіи" должны были безъ разсужденій прыгать черезъ палку, и 14 ультрамонтанъ были дѣйствительно готовы на это. Такъ какъ большинство въ пользу закона было обезпечено, то прогрессисты могли еще разъ позволить себѣ удовольствіе безпрепятственно разсыпаться въ благородныхъ тирадахъ.

Изъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ очень хорошо и энергично говоритъ при первомъ чтеніи Вальтейхъ. Въ отвѣтъ на разговоры противниковъ, что соціалъ-демократія хочетъ революціи „въ смыслѣ вилъ", по образцу находившагося тогда въ полномъ расцвѣтѣ русскаго революціоннаго терроризма, Вальтейхъ объяснилъ, что при усовершенствованномъ вооруженіи войскъ и развитіи современнаго милитаризма революція въ старомъ стилѣ, съ баррикадами и т. п., невозможна уже по чисто техническимъ причинамъ; нѣмецкіе соціалъ-демократы и русскіе революціонеры—партіи, совершенно различныя по своему происхожденію и цѣлямъ и потому должны прибѣгать также къ совершенно различной тактикѣ. Такую же позицію относительно русскихъ революціонеровъ занялъ Бебель. Во второмъ чтеніи фракція участвовала лишь внесеніемъ поправокъ, конечно—только съ цѣлью получить слово и освѣтить съ самыхъ различныхъ сторонъ возмутительное хозяйничаніе полиціи. Разумѣется, поправки были составлены такимъ образомъ, что, по выраженію одного націоналъ-либеральнаго оратора, съ принятіемъ ихъ осталась бы одна раковина, а сама улитка исчезла бы. При третьемъ чтеніи говорилъ Гассельманъ, въ общемъ довольно умѣло, но, закончилъ неловкой и вызывающей фразой:—онъ сожалѣетъ, что нѣсколько его коллегъ отреклись отъ солидарности съ русскими революціонерами, онъ принимаетъ ее на себя; время парламентской болтовни прошло, наступила пора дѣйствовать. Затѣмъ правительственный законопроектъ былъ принятъ 191 противъ 94 голосовъ.

Гассельманъ врядъ ли могъ выбрать болѣе неблагопріятный моментъ для своего пронунсіаменто, чѣмъ день, въ который без-

правіе нѣмецкаго рабочаго класса было продолжено на рядъ лѣтъ. Со времени готскаго конгресса 1876 г. онъ упорствовалъ въ своемъ фрондерствѣ и интригахъ, въ которыхъ нельзя было подмѣтить никакого принципа, если не считать такимъ принципомъ кокетничанія Гассельмана съ „мозолистымъ кулакомъ" рабочихъ. Безспорныя заслуги, пріобрѣтенныя имъ въ качествѣ духовнаго руководителя „*Новаго Соціалъ-демократа*", сохранили ему приверженность многихъ рабочихъ круговъ, особенно въ Берлинѣ и Эльберфельдѣ-Барменѣ, мѣстахъ его личной дѣятельности, но до образованія особой „фракціи Гассельмана" ему не удалось довести дѣло. Послѣ изданія закона о соціалистахъ коллегами Гассельмана по рейхстагу были сдѣланы неоднократныя попытки привлечь его опять къ прямодушной совмѣстной работѣ въ интересахъ партіи, но онѣ разбились объ его недовѣрчивый и замкнутый характеръ. Онъ раздувалъ, наоборотъ, всѣ мелкія столкновенія, какія только возникали въ партіи, и въ парламентской фракціи давно уже былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли предпочесть этой тайной войнѣ заподозриванія открытый разрывъ. Тѣмъ лучше было, что онъ теперь самъ порвалъ и добровольно сдѣлалъ себя въ политическомъ отношеніи мертвымъ человѣкомъ.

Упорное отчужденіе Гассельмана отъ товарищей, повидимому, совершенно помрачило его политическій взоръ: иначе онъ долженъ былъ бы убѣдиться изъ ряда дополнительныхъ выборовъ, происходившихъ въ первой половинѣ 1880 г., какъ мало сознательный пролетаріатъ склоненъ перемѣнить политическую дѣятельность на „пропаганду дѣйствіемъ". 2 марта въ Глаухау-Мееране былъ выбранъ 8.225 голосами противъ 7.288 Ауэръ на мѣсто Бракке, сложившаго свои полномочія изъ-за тяжкой болѣзни. Правда, избирательный округъ былъ давнишнимъ владѣніемъ партіи, но какъ разъ тогда среди его населенія господствовала страшная нужда, и требовалась высокая духовная энергія со стороны голодающихъ ткачей, чтобы преодолѣть ея парализующее вліяніе. Многіе изъ этихъ мужественныхъ людей отказались отъ всякой поддержки со стороны органовъ общественнаго призрѣнія, лишь бы только не лишиться своего избирательнаго права. Не совсѣмъ такъ благопріятно, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, прошли 15 апрѣля дополнительные выборы во второмъ округѣ Берлина: за соціалъ-демократическаго кандидата было подано здѣсь всего около 3.000 голосовъ, наполовину меньше, чѣмъ въ годъ покушеній. Если при-

нять, однако, во вниманіе, что каждому соціалъ-демократическому избирателю Берлина грозила немедленная высылка, то и такой результатъ представлялся весьма почтеннымъ; когда среди противниковъ соціалъ-демократіи раздалось ликованіе по поводу „благотворнаго“ дѣйствія малаго осаднаго положенія, то даже одна консервативная газета охладила его скептическимъ вопросомъ, сколько либеральныхъ или консервативныхъ голосовъ можно было бы собрать при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ соціалъ-демократія все же собрала 3.000 голосовъ. Но если бы это даже была маленькая неудача, то она была блестяще исправлена 27 апрѣля избраніемъ Гартмана во второмъ округѣ Гамбурга, гдѣ при первой же подачѣ голосовъ 13.155 соціалъ-демократическихъ избирателей побили 6.451 прогрессистскихъ и 3.583 національ-либеральныхъ избирателей. Это былъ первый округъ, вновь завоеванный при законѣ о соціалистахъ; въ самый разгаръ дебатовъ рейхстага по поводу продленія закона о соціалистахъ старый, вѣрный Гамбургъ бросилъ въ лицо правящимъ классамъ свой рѣзкій протестъ. Побѣда была одержана при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, несмотря на запрещеніе всякой избирательной агитаціи, несмотря на задержаніе избирательнаго комитета и наложеніе ареста на избирательный фондъ, несмотря на конфискацію такой даже безобидной вещи, какъ листокъ, рекомендовавшій избирателямъ внимательно просматривать избирательные списки. Этотъ прекрасный результатъ былъ омраченъ лишь одной тѣнью: въ тотъ же день скончался отъ сильнаго кровотеченія изъ легкихъ Бракке; подобно Гейбу, онъ умеръ, не достигши даже 40-лѣтняго возраста.

Гамбургскіе выборы имѣли важное значеніе и для внутреннихъ отношеній партіи. Въ Гамбургѣ Гассельманъ издавалъ нѣсколько безцвѣтныхъ еженедѣльниковъ, и здѣсь ему болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, подобало начать свои „дѣйствія“. Однако онъ и не подумалъ объ этомъ, и даже свою зажигательную рѣчь отважился напечатать въ своихъ собственныхъ газетахъ только въ скомканномъ видѣ; онъ продолжалъ интриговать по старому, съ той только разницей, что его заподозриванія потеряли свой ядъ, съ тѣхъ поръ какъ ему пришлось открыто выступить съ ними. Маленькая кучка его приверженцевъ совершенно растаяла, и великій революціонеръ сталъ безвольной игрушкой прусскихъ сыщиковъ. Когда нѣкій Нейманъ, якобы „соціалъ-революціонеръ“ изъ Берлина, по дорогѣ въ Лондонъ явился къ Гассельману, то послѣдній далъ лжебрату кровожадную статью для „*Freiheit*“. Но затѣмъ про-

шелъ слухъ, что Нейманъ, вѣроятно, сыщикъ, каковымъ онъ дѣйствительно былъ; тогда Гассельманъ и его помощникъ, бывшій частный учитель Карлъ Шнейдтъ, сочли наилучшимъ немедленно бѣжать, тѣмъ болѣе, что у нѣмецкихъ рабочихъ имъ больше нечего было терять. Помогалъ ихъ бѣгству другой сыщикъ—красильщикъ Вихманъ, по порученію альтонскаго полицейскаго комиссара Энгеля, который испытывалъ такой великій страхъ предъ „человѣкомъ дѣйствія", что воспользовался имъ для выслѣживанія анархистскихъ партій за границею. Гассельманъ, отправившійся сначала въ Бельгію, затѣмъ въ Англію и, наконецъ, въ Америку, вездѣ рекомендовалъ субъекта, содѣйствовавшаго его бѣгству, какъ вѣрнаго единомышленника; Вихманъ сталъ высоко цѣнимымъ корреспондентомъ „*Freiheit*" и получалъ отъ заграничныхъ анархистовъ самыя конфиденціальныя сообщенія, котоныя относилъ съ пылу горячими Энгелю. Такой же жалкій исходъ, какъ пронунсіаменто Гассельмана, имѣла попытка двухъ берлинскихъ высланныхъ, каменщика Кѣрнера и плотника Финна, зайти партіи въ тылъ справа: какъ только они начали восторгаться „соціальными реформаторами" Бисмаркомъ и Штеккеромъ, они были конченными людьми; къ нимъ никогда не находился третій человѣкъ, чтобы составить, если не дружественную имперіи реформистскую рабочую партію, то по крайней мѣрѣ дружественную имперіи партію ската изъ рабочихъ-реформистовъ.

Съ Мостомъ была еще сдѣлана въ маѣ послѣдняя попытка соглашенія. Около этого времени долженъ былъ собраться въ Роршахѣ, у Боденскаго озера, тайный партійный съѣздъ; для участія въ немъ пріѣхалъ въ Швейцарію, въ качествѣ делегата, Мостъ съ полномочіями отъ Берлина и Криммичау. Конгрессъ пришлось отложить, такъ какъ полиція провѣдала о приготовленіяхъ къ нему, и Мостъ занялся тогда агитаціей въ швейцарскихъ городахъ. При этомъ въ Цюрихѣ произошли подробныя объясненія между нимъ и тамошними приверженцами партіи, и единогласно была принята резолюція—пріостановить впредь съ обѣихъ сторонъ всѣ личныя нападки, а тѣ разногласія, какія имѣются по существу дѣла, по существу же и разбирать. Однако по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, Мостъ отрекся отъ этого соглашенія и продолжалъ свои прежнія науськиванія, которыя скоро такъ же опротивѣли рабочимъ, какъ зажигательныя рѣчи Гассельмана. Въ іюнѣ происходили дополнительные выборы въ 5-мъ округѣ Берлина, гдѣ въ годъ покушенія было подано 3.615 соціалъ-демократическихъ

голосовъ, но гдѣ на этотъ разъ партія предписала демонстративное воздержаніе отъ участія въ выборахъ въ виду полной безнадежности партійной кандидатуры. Не взирая на это Мостъ позволилъ своимъ приверженцамъ выставить его кандидатуру и получилъ ровно 203 голоса. Среди берлинскихъ товарищей существовало по разнымъ причинамъ недовольство руководителями партіи, а тяжкій бичъ малаго осаднаго положенія долженъ былъ дѣлать ихъ больше, чѣмъ кого-либо, воспріимчивыми къ тактикѣ „око за око, зубъ за зубъ". Но они были слишкомъ испытанными и дисциплинированными товарищами, чтобы не выполнить строго своего партійнаго долга, и всякія сепаратистскія стремленія были имъ совершенно чужды.

Задуманный съѣздъ состоялся потомъ съ 20-го по 23-е августа въ старомъ замкѣ Виденъ, расположенномъ близъ Оссингена въ кантонѣ Цюрихъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги. Въ съѣздѣ участвовало 56 делегатовъ, прибывшихъ большею частью изъ различныхъ частей Германіи; сверхъ того присутствовали представители нѣмецкихъ соціалистовъ въ Швейцаріи, Франціи и Бельгіи, равно какъ по 2 австрійскихъ и швейцарскихъ товарища. Отъ соціалистовъ всѣхъ странъ были получены многочисленныя выраженія привѣта и сочувствія. Хотя „*Соціалъ-демократъ*" начиная съ 20-го Іюня неоднократно призывалъ къ посылкѣ делегатовъ на конгрессъ, тѣмъ не менѣе тайна мѣста и времени была такъ хорошо сохранена, что 4-дневныя совѣщанія прошли безъ всякой внѣшней помѣхи. Мостъ и Гассельманъ не явились, вообще же среди 56 делегатовъ было только 3 „соціалъ-революціонера": одинъ рейнскій делегатъ и оба делегата отъ Берлина.

Въ продолженіе восьми засѣданій конгресса мнѣнія не разъ энергично сталкивались между собою, но въ концѣ-концовъ было всетаки достигнуто полное соглашеніе. Критика ошибокъ, сдѣланныхъ въ первый годъ закона о соціалистахъ, представляла теперь только историческій интересъ; если одни, быть можетъ, недостаточно принимали въ разсчетъ крайне трудное положеніе и тяжелую отвѣтственность вождей, то другіе впадали въ преувеличеніе, ставя вопросъ, что могли бы подѣлать вожди, когда массы отказывались дѣйствовать. Но противъ той тактики, которая была принята уже около года, нельзя было больше выставить никакихъ принципіальныхъ возраженій. Закону о соціалистахъ больше не подчинялись, а продолжали старую агитацію по старому, не взирая на исключительный законъ и вопреки этому закону. Сознательный

пролетаріатъ собственной верховной силой взялъ себѣ назадъ отнятыя у него права, въ твердой увѣренности, что его смертельные враги скорѣе въ состояніи схватить руками громы небесные, чѣмъ сковать его исполинскіе члены своими ржавыми цѣпями.

Такимъ образомъ конгрессъ постановилъ измѣнить готскую программу въ томъ смыслѣ, что партія стремится къ своимъ цѣлямъ *всѣми*, а не одними только *законными* средствами. Затѣмъ рѣшено было: признать с.-д. фракцію рейхстага правленіемъ партіи, а „*Соціалъ-демократъ*" оффиціальнымъ органомъ партіи; устраивать ежегодно, но во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ разъ въ три года, партійный конгрессъ; предоставить организацію въ отдѣльныхъ мѣстахъ мѣстнымъ товарищамъ; по соображеніямъ агитаціи и пропаганды принимать участіе въ выборахъ въ рейхстагъ, въ ландтаги и коммунальныя учрежденія, въ особенности же развернуть самую широкую и энергичную пропаганду на выборахъ въ рейхстагъ 1881 г. Товарищамъ предлагалось, не обращая вниманія на свою численность, выступать самостоятельно и выставлять собственныхъ кандидатовъ во всѣхъ избирательныхъ округахъ, а на перебаллотировкахъ воздерживаться, по общему правилу, отъ голосованія. Воздержаніе отъ подачи голоса на перебаллотировкахъ было старымъ наслѣдіемъ отъ готскихъ конгрессовъ 70-хъ гг.; обусловленное дряблымъ поведеніемъ буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій, это постановленіе примѣнялось обыкновенно только на бумагѣ: разъ болѣе передовой изъ двухъ буржуазныхъ кандидатовъ, между которыми приходилось выбирать, былъ сколько-нибудь пріемлемъ, то онъ могъ въ общемъ разсчитывать на соціалъ-демократическіе голоса.

Международное положеніе партіи также было опредѣлено нѣкоторыми резолюціями. Конгрессъ выразилъ свою симпатію освободительной борьбѣ русскихъ революціонеровъ, хотя и не признавая ихъ тактики, опредѣлявшейся русскими условіями, пригодною для условій Германіи. Затѣмъ постановлено было послать делегатовъ на задуманный бельгійскими соціалистами международный конгрессъ въ 1881 г. По предложенію одного делегата, хорошо знакомаго съ американскими условіями, рѣшено было еще до ближайшихъ выборовъ въ рейхстагъ отправить нѣсколькихъ товарищей съ болѣе извѣстными именами въ Соединенные Штаты для прочтенія ряда публичныхъ лекцій о политическихъ условіяхъ Германіи; доходъ долженъ былъ поступить въ пользу вспомогательнаго и избирательнаго фонда.

По вопросу о внутреннихъ смутахъ въ партіи было принято рѣшеніе исключить изъ нея Гассельмана и Моста. Трое „соціалъ-революціонныхъ“ делегатовъ воздержались отъ голосованія, но лишь по формальнымъ основаніямъ, такъ какъ и они признали, что Гассельманъ и Мостъ ведутъ ложную игру; въ частности тщательная провѣрка счетоводства показала, что всѣ обвиненія насчетъ растраты партійныхъ суммъ ровно ни на чемъ не основаны. Со времени вступленія въ силу закона о соціалистахъ до 1 августа 1880 г. въ кассу поступило въ круглыхъ цифрахъ 37.310 марокъ, изъ коихъ было израсходовано на самыя разнообразныя формы помощи 27.650 мар. Сюда не вошли еще мѣстные расходы, которые составили по меньшей мѣрѣ такую же сумму.

Если первый годъ примѣненія закона о соціалистахъ закончился сигналомъ къ сбору, то второй его годъ закончился смотромъ собравшихся войскъ. Армія была готова къ походу, и ея знамена развѣвались впереди, призывая къ новымъ побѣдамъ.

---

2. Рѣшающая борьба.

Въ отвѣтъ на гамбургскіе выборы и виденскій конгрессъ Бисмаркъ нанесъ ударъ, давно уже задуманный имъ: 28 октября 1880 г. въ Гамбургѣ-Альтонѣ и окрестностяхъ, т.-е. въ области, занимающей 20 кв. миль съ 600.000 жителей, было объявлено малое осадное положеніе. Гамбургскій сенатъ долго медлилъ съ своимъ согласіемъ, такъ какъ буржуазія этого большого торговаго города находилась тогда въ жестокой распрѣ съ Бисмаркомъ, который въ интересахъ своей протекціонистской политики добивался вступленія Гамбурга въ таможенный союзъ. Для Бисмарка представлялось, конечно, двойнымъ удовольствіемъ заодно съ революціоннымъ пролетаріатомъ попасть и въ строптивую буржуазію, которая вскорѣ послѣ этого дѣйствительно положила оружіе.

Вмѣстѣ съ буржуазіей за сохраненіе порто-франко въ Гамбургѣ, вопреки требованію Бисмарка, выступили гамбургскіе рабочі ; преимущественно этому обстоятельству они были обязаны тѣмъ, что въ первые 2 года дѣйствія закона о соціалистахъ ихъ не слишкомъ донимали имъ. Не то, чтобы они могли пожаловаться на недостатокъ различныхъ прижимокъ: вѣдь былъ же „*Hamburg-Altonaer Volksblatt*“ запрещенъ такъ же скоро, какъ „*Vorwärts*“ и „*Berliner Freie Presse*“. Но еще до опубликованія закона о со-

ціалистахъ уроженецъ Любека Генрихъ Дитцъ, управляющій гамбургской кооперативной типографіей, взялъ на свое имя это дѣло, чтобы защитить его отъ полиціи, и первые удары закона удалось отразить, основавъ „*Gerichtszeitung*" („*Судебную Газету*"), редактировавшуюся Блосомъ, Карломъ Гильманомъ, Ольденбургомъ, а потомъ Ауэромъ. Газета, быстро пріобрѣвшая 12.000 подписчиковъ, велась осторожно и была терпима въ Гамбургѣ; напротивъ, въ Альтонѣ ея первые 42 номера безпрерывно конфисковались. Прусская полиція видѣла въ „*Gerichtszeitung*" продолженіе запрещеннаго „*Volksblatt*", и вотъ между нею и альтонскими газетчиками, боровшимися за свой насущный хлѣбъ, возгорѣлась война, тянувшаяся недѣлями; война кончилась побѣдой газетчиковъ, несмотря на то, что альтонская полиція поддерживала противъ нихъ обвиненіе въ двухъ инстанціяхъ. На ходатайство Дитца предъ полицейскимъ комиссаромъ Энгелемъ сей добросердечный христіанинъ возразилъ: „Вы приняли на службу въ свое дѣло высланныхъ изъ Берлина, этого достаточно". Гамбургскіе выборы отъ 27-го апрѣля показали затѣмъ, что и въ бархатныхъ перчаткахъ гамбургской полиціи торчатъ гвозди, но они показали также, что гамбургскіе рабочіе весьма далеки отъ мысли о насильственномъ выступленіи. Такимъ образомъ отсутствовало всякое основаніе для примѣненія § 28; объявленіе малаго осаднаго положенія въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ было исключительно актомъ злобной мести.

Не меньшей злобностью отличалось его проведеніе на практикѣ. 75 человѣкъ тотчасъ же получили приказы о высылкѣ, въ томъ числѣ 67 отцовъ семействъ; мѣсяца два спустя послѣдовало еще 30 человѣкъ. Трактирщикъ Пфаль въ Пиннебергѣ, который уже годъ лежалъ больной чахоткою и не въ силахъ былъ встать съ постели, подалъ прошеніе, чтобы ему временно продлили срокъ, но ему было наотрѣзъ отказано; не подлинный ли это образецъ прусскаго христіанства, что Пфаля нужно было непремѣнно выслать вонъ, несмотря на его тяжкое болѣзненное состояніе? Среди высланныхъ изъ Гамбурга находились Ауэръ, Блосъ, Дитцъ, Гартманъ, Карлъ Гильманъ, братья Капелль, Ольденбургъ, Праастъ, Реймеръ; большинство ихъ отправилось въ Америку. Дитцъ вмѣстѣ съ Ауэромъ и Гильманомъ уѣхалъ въ Гарбургъ, чтобы продолжать изданіе „*Gerichtszeitung*", но уже 30 марта 1881 г. ее запретили, якобы за замѣтку о... русскомъ полицейскомъ режимѣ, въ дѣйствительности же за ея оппозицію противъ при-

соединенія Гамбурга къ таможенному союзу. Правда, вмѣсто нея стала тотчасъ же выходить *„Bürgerzeitung“*, въ которой принималъ главное участіе Іоганнъ Ведде, но какъ Дитцъ доказалъ предъ коммиссіей изъ буржуазныхъ экспертовъ, гамбургское дѣло потеряло въ своей цѣнности, изъ-за запрещеній и преслѣдованій послѣднихъ $2^1/_2$ лѣтъ, 100.000 марокъ. Распространеніе малаго осаднаго положенія на городъ Гарбургъ и его уѣздъ закрыло скоро и это убѣжище.

Гамбургскія высылки лишили партію многихъ старыхъ борцовъ: Гартманъ, Карлъ Гильманъ, Ольденбургъ, оба брата Капелль отстранились отъ движенія. Но сомкнутые ряды не дрогнули ни на минуту, и когда рейхстагъ обсуждалъ 30 и 31 марта 1881 г. докладныя записки объ осадномъ положеніи въ Берлинѣ и Гамбургѣ, то даже буржуазная печать признала, что такъ смѣло, какъ въ этотъ разъ, соціалъ-демократія никогда еще не выступала въ рейхстагѣ. И безспорно рѣчи Ауэра и Бебеля вполнѣ заслужили похвалу *„Соціалъ-демократа“*: „Безъ всякихъ уступокъ, но и безъ дѣтскихъ угрозъ, безъ всякаго взыванія къ добрымъ сердцамъ, но и безъ театральнаго шума“. Это происходило въ дни, когда русскіе террористы убили Александра II, и когда среди нѣмецкихъ мѣщанъ начала свирѣпствовать новая соціалистофобія. Соціалъ-демократы не унизились до дешеваго негодованія по поводу событія 1-го марта; отвергая тактику русскихъ революціонеровъ для нѣмецкихъ условій, они отстаивали, однако, ихъ правоту такъ, какъ это не дѣлалось раньше ни въ одномъ парламентѣ въ мірѣ. Ауэръ закончилъ словами: „Дѣлайте, что хотите, мы ко всему приготовились“, а Бебель сказалъ: „Ваше оружіе разобьется въ этой борьбѣ вдребезги, какъ стекло о гранитъ“.

Изъ-за стола Союзнаго совѣта противъ нихъ выступилъ впервые новый прусскій министръ полиціи, тотъ задне-померанскій грандъ ф.-Путткамеръ, имени котораго суждено было стать нарицательнымъ для эпохи закона о соціалистахъ, какъ имена Коцебу, Кампца и Цшоппе стали нарицательными для эпохи травли „демагоговъ“. Это былъ юнкеръ безъ всякаго историческаго и экономическаго образованія, состарившійся въ тупой рутинѣ прусской бюрократіи, выдрессированный по части зауряднѣйшихъ полицейскихъ фокусовъ, одаренный только извѣстной театральной способностью швыряться громкими словами, несмотря на убійственное сознаніе, что за ними ничего, ровно таки ничего не скрывается. Онъ сдѣлалъ соціалистической полевой почтѣ лестный

комплиментъ, что она „съ истинно-дьявольской ловкостью“ ухитряется провозить „*Соціалъ-демократъ*“ въ Германію, и притащилъ свой большой мѣшокъ цитатъ, который ему отнынѣ предстояло раскрывать при всякихъ дебатахъ о соціалистахъ, какъ единственный источникъ утѣшенія его государственной мудрости. Понятно, что привести какое-либо основаніе или хотя бы только кажущееся основаніе въ пользу объявленія малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ и Гамбургѣ Путткамеръ не былъ въ состояніи. Тѣмъ не менѣе рейхстагъ ограничился тѣмъ, что принялъ докладныя записки къ свѣдѣнію; Бисмаркъ зналъ, какъ много онъ можетъ позволить себѣ относительно буржуазныхъ партій.

Но теперь, въ послѣдней сессіи рейхстага, выбраннаго послѣ покушеній на Вильгельма I, Бисмарку приходилось выступить, наконецъ, со своими „положительными реформами“. Въ продолженіе первыхъ трехъ сессій была основательно разработана старопрусская тема—„отбывать солдатчину, платить подати, держать языкъ за зубами“; если бы въ послѣдній моментъ народу не была тѣмъ или инымъ способомъ пущена пыль въ глаза, то на новыхъ выборахъ, предстоявшихъ осенью 1881 г., дѣло могло принять скверный оборотъ. И вотъ Бисмаркъ приготовилъ въ подарокъ угнетаемымъ и голоднымъ массамъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Вмѣсто жалкаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, который только давалъ имъ возможность уклоняться отъ вознагражденія пострадавшихъ рабочихъ, предлагалосъ ввести страхованіе рабочихъ отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ въ особомъ имперскомъ банкѣ. Расходы по страхованію должны были нести въ двухъ третяхъ предприниматели, а въ одной трети—рабочіе, съ тѣмъ ограниченіемъ, что за рабочихъ, годовой заработокъ которыхъ не превышаетъ 750 марокъ, платитъ ихъ треть имперское казначейство. Однако, если пострадавшій терялъ способность къ труду, то страхованіе отъ несчастнаго случая вступало въ силу только на 5-й недѣлѣ, до тѣхъ же поръ расходы падали на больничныя кассы. Мотивировка законопроекта была насквозь пропитана фразами, дружественными рабочимъ, „соціалистическими моментами“, христіанствомъ и гуманностью. При его обсужденіи въ рейхстагѣ Бисмаркъ пошелъ еще дальше, на обычный манеръ демагогіи, которая, разъ раскрывши ротъ, не знаетъ больше удержу въ своемъ лганьѣ. Этотъ человѣкъ, только что принесшій въ жертву своимъ деспотическимъ капризамъ сотни рабочихъ семей,

проливалъ теперь крокодиловы слезы по поводу обездоленныхъ и престарѣлыхъ работниковъ, которымъ приходится умирать гдѣ-нибудь подъ заборомъ медленной, голодной смертью.

Теперь обнаружилось, насколько Бисмарка переоцѣнивали, когда его сравнивали хотя бы только съ какимъ-нибудь Дизраэли или Луи Бонапартомъ. Онъ возстановилъ противъ себя всю буржуазію, не привлекши вмѣстѣ съ тѣмъ на свою сторону ни одного рабочаго. Его націоналъ-либеральная охранная дружина раскололась уже лѣтомъ 1880 г.: слишкомъ сильно „раздосадованные фритредеры“ выступили изъ нея и повели свою особую политику подъ названіемъ „сецессіонистовъ“. Но, съ другой стороны, и протекціонистская буржуазія отнюдь не одобряла „соціалистическихъ экспериментовъ“. Въ особенности травля евреевъ возбуждала съ каждымъ днемъ все большую ярость биржи, тузы которой горячо поддерживали протекціонистскую политику Бисмарка и успѣли даже снять съ нея пѣнку въ маленькой новой спекуляціи съ акціями. Послѣ того какъ Штеккеръ осѣкся у рабочихъ со своей христіанско-соціальной агитаціей, онъ съ довольно вѣрнымъ инстинктомъ принялся за агитацію антисемистско-мелкобуржуазную и собралъ вокругъ себя, по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ, довольно много народу. Бисмаркъ былъ достаточно близорукъ, чтобы взять эту безнадежную шумиху подъ свое благосклонное покровительство. Правда, когда Штеккеръ затронулъ въ іюнѣ 1880 г. его лейбъ-еврея Блейхрёдера, то великій человѣкъ XIX вѣка хотѣлъ выслать второго Лютера изъ Берлина „вмѣстѣ съ другими соціалъ-демократами“,—намѣреніе, потерпѣвшее неудачу вслѣдствіе того, что императоръ не пожелалъ разстаться со своимъ „рыцаремъ“ и удовольствовался суровымъ нагоняемъ. Но публично Бисмаркъ не отрекался отъ солидарности съ антисемитской агитаціей, а, напротивъ, отвѣчалъ ей благодарностью за ея славословіе, совершенно не соображая, что самое пламенное поклоненіе жалкихъ скандалистовъ не можетъ вознаградить его за растущее озлобленіе еврейской финансовой аристократіи. Эти продувные дѣльцы начали щипать Бисмарка тамъ, гдѣ онъ былъ всего чувствительнѣе: они такъ долго и настойчиво донимали кронпринца, получавшаго весьма скудное содержаніе отъ своего любвеобильнаго отца и потому вынужденнаго прибѣгать къ ихъ услугамъ, пока тотъ пробормоталъ что-то насчетъ „позора нашего столѣтія“,—или будто бы пробормоталъ, потому что никогда не было установлено съ полной точностью, были ли дѣйствительно ска-

заны эти слова, которыя вся капиталистическая печать противопоставляла съ тѣхъ поръ покровителю антисемитовъ Бисмарку, какъ высшее проявленіе человѣческаго духа.

И вотъ законъ о страхованіи рабочихъ былъ каплей, черезъ край переполнившей мѣру буржуазнаго гнѣва. Буржуазія отнеслась къ „соціализму“ Бисмарка серьезнѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ: въ имперскомъ банкѣ для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ она увидѣла начало плана, имѣющаго цѣлью вырвать все страховое дѣло изъ рукъ частной спекуляціи, а въ имперской приплатѣ— попытку обратить на нужды рабочаго класса часть государственнаго кредита, на который она всегда предъявляла безраздѣльныя притязанія. Задѣтая такимъ образомъ въ самыхъ дорогихъ своихъ интересахъ, нѣмецкая буржуазія проявила до извѣстной степени храбрость, которой никогда не умѣла обнаружить въ защитѣ своихъ политическихъ идеаловъ, и раскачалась до отважнаго рѣшенія пощипать немного своего геніальнаго героя на ближайшихъ выборахъ за предосудительныя отступленія отъ своей роли.

Рабочіе, напротивъ, тотчасъ же разобрали насквозь игру Бисмарка. Либкнехтъ попалъ въ самую точку, говоря о „непроходимой пропасти“, зіяющей между германской соціалъ-демократіей и авторомъ закона о соціалистахъ. Однако не въ интересахъ партіи было присоединиться слѣпо къ хору проклятій, съ которыми буржуазія обрушилась на законъ о страхованіи. Отстраняя лжебрата, именовавшаго себя „соціализмомъ“, она не должна была все-таки падать въ объятія другого лжебрата, называвшагося „манчестерцемъ“. Даже въ антисемитско-филосемитской войнѣ мышей и лягушекъ, гдѣ рабочіе еще скорѣе всего могли остаться нейтральными, они тотчасъ же заняли рѣшительную и ясную позицію *надъ* партіями. У нихъ не было ни малѣйшаго основанія вступаться съ энтузіазмомъ за еврейскую финансовую аристократію, но развѣ имъ слѣдовало изъ-за этого давать себя морочить христіанско-германской торгашеской политикѣ, которая представляла собою то же денежное еврейство въ кубѣ, и которую всѣми правдами и неправдами защищалъ Штеккеръ? Когда въ январѣ 1881 г. берлинская и бреславльская полиція дала немного воли рабочимъ, въ надеждѣ, что они пойдутъ на антисемитскую удочку, то многолюдные митинги предостерегли „всѣхъ сельскихъ и городскихъ рабочихъ противъ попытокъ мороченья, исходящихъ отъ разныхъ мнимыхъ народолюбцевъ“. Рабочимъ рекомендовалось не принимать активнаго участія въ

совершенно не касающейся ихъ антисемитской агитацiи и на выборахъ въ рейхстагъ подавать голоса только за такихъ кандидатовъ, которые отвергаютъ *всякiе* исключительные законы. Вслѣдъ за этимъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ былъ опять наложенъ строжайшiй запретъ на рабочiя собранiя.

Такимъ же превосходствомъ отличалась точка зрѣнiя соцiалъ-демократической фракцiи рейхстага на бисмарковскiй законопроектъ о страхованiи отъ несчастныхъ случаевъ. Критикуя проектъ въ интересахъ рабочаго класса гораздо глубже и дѣловитѣе, нежели буржуазная оппозицiя, фракцiя въ то же время вскрывала слабыя стороны этой оппозицiи. Соцiалъ-демократическiе ораторы насмѣшливо указывали, что какъ разъ тѣ либералы, которые наиболѣе горячо защищали планъ капиталистическаго имперскаго банка для регулированiя денежнаго обращенiя, теперь особенно яростно возстаютъ противъ пролетарскаго, такъ сказать, имперскаго банка для регулированiя страхованiя отъ несчастныхъ случаевъ. Подобнаго рода банкъ имѣетъ свои безспорныя преимущества, ибо онъ работаетъ дешевле частнаго страхованiя и образуетъ крупную контрольную инстанцiю для принятiя предохранительныхъ мѣръ противъ несчастныхъ случаевъ,—что́ въ концѣ-концовъ составляетъ вѣдь главную цѣль всякаго страхованiя отъ несчастныхъ случаевъ. Противъ имперской приплаты соцiалъ-демократическiе депутаты высказались также, но по совершенно инымъ соображенiямъ, чѣмъ манчестерцы. Они опирались на безспорный фактъ, признанный самой же буржуазной экономiей,—что расходы по страхованiю отъ несчастныхъ случаевъ относятся къ издержкамъ производства и, слѣдовательно, должны падать на однихъ предпринимателей. Имперiя не обязана дѣлать подарковъ предпринимателямъ, но понятно, что такая обязанность еще гораздо меньше лежитъ на рабочемъ классѣ; если бы приходилось выбирать между первымъ и вторымъ, то имперская приплата является все-таки несомнѣнно меньшимъ зломъ, чѣмъ обязательные взносы рабочихъ. Болѣе точно и подробно фракцiя выяснила свой взглядъ путемъ ряда поправокъ къ законопроекту, которыя большинство рейхстага, конечно, отвергло, давъ такимъ образомъ новое доказательство того, что со знанiемъ дѣла и всей душою защищаютъ интересы рабочихъ только соцiалъ-демократическiе депутаты. Буржуазныя партiи сочли достаточнымъ вычеркнуть имперскiй банкъ и имперскую приплату какъ дерзновенныя посягательства на святой духъ капитализма, а въ прочихъ отношенiяхъ они

такъ изгадили проектъ своими поправками, что онъ былъ отвергнутъ Союзнымъ совѣтомъ, какъ невыполнимый на практикѣ.

Въ общемъ положеніи, занятомъ соціалъ-демократической фракціей относительно „соціалистическаго“ поворота Бисмарка, чувствовалась еще до нѣкоторой степени шаткость теоретическихъ взглядовъ партіи. Законопроектъ о страхованіи несчастныхъ случаевъ истолковывался ею какъ капитуляція Бисмарка предъ соціалъ-демократіей; это было въ агитаціонномъ отношеніи очень удобно, практически вѣрно, но теоретически подавало по меньшей мѣрѣ поводъ къ недоразумѣніямъ. Смыслъ всего разсужденія былъ тотъ, что не Бисмаркъ держитъ въ рукахъ соціалъ-демократію, а соціалъ-демократія Бисмарка, что онъ плыветъ на соціалистическомъ буксирѣ и своимъ проектомъ вгоняетъ въ капиталистическій общественный строй острый конецъ клина, за которымъ долженъ послѣдовать его толстый конецъ. Но на самомъ дѣлѣ Бисмаркъ вовсе не заходилъ такъ далеко въ своихъ намѣреніяхъ; его проектъ не желалъ сходить съ почвы буржуазнаго общества и фактически не сходилъ съ нея. Несомнѣнно, что въ связи съ этимъ вопросомъ въ партіи были высказаны тогда многія спорныя положенія, однако по сравненію съ совершенно правильной практической позиціей соціалъ-демократической фракціи они отнюдь не имѣли того значенія, до котораго ихъ раздули впослѣдствіи, чтобы посѣять, если возможно, нѣкоторую смуту въ партіи.

27 іюня 1881 г., послѣ закрытія сессіи рейхстага, было объявлено малое осадное положеніе въ городѣ Лейпцигѣ и его уѣздѣ. Путткамеръ намекалъ на готовящуюся мѣру уже въ мартѣ, но подобно гамбургскому сенату дрезденское правительство упиралось нѣкоторое время противъ нея. Дѣло въ томъ, что и здѣсь не было даже тѣни основанія для примѣненія § 28; начальникъ лейпцигской полиціи Рюдеръ, старый гонитель соціалъ-демократіи, довольно грубо примѣнявшій до сихъ поръ законъ о соціалистахъ, вышелъ въ отставку, такъ какъ онъ все-таки не хотѣлъ согласиться на требуемыя отъ него услуги палача. Первые приказы о высылкѣ изъ Лейпцига не были такъ многочисленны, какъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ: они затронули 31 лицо, 6 холостыхъ и 25 семейныхъ, въ томъ числѣ Либкнехта, Бебеля и Газенклевера. Впрочемъ, вскорѣ послѣдовали еще 22 высылки, особенно въ восточной половинѣ лейпцигскаго уѣзда, гдѣ какъ разъ въ это время предстояли выборы въ саксонскій ландтагъ. Но этотъ способъ терроризированія не подѣйствовалъ: лейпцигскія промыш-

ленныя деревни дали храбрый и вызывающій отвѣтъ на насильническую мѣру, выбравъ въ ландтагъ Бебеля.

Среди высланныхъ было особенно много членовъ общинныхъ совѣтовъ, обратившихъ на себя вниманіе властей своимъ соціалъ-демократическимъ образомъ мыслей: такихъ было 76 въ 25 мѣстахъ уѣзда Лейпцигъ. Никто изъ нихъ не помышлялъ, конечно, объ устройствѣ кровопролитныхъ возстаній въ Штёттерицѣ, Тонбергѣ или Фолькмарсдорфѣ: все это были трудолюбивые и дѣльные люди, которые, по удостовѣренію общинныхъ старшинъ, ихъ политическихъ противниковъ, безукоризненно исполняли свои должностныя обязанности; нѣкоторые изъ нихъ имѣли Желѣзный крестъ за франко-прусскую войну. Истиннымъ мотивомъ возмутительной мѣры было желаніе Бисмарка парализовать въ Лейпцигѣ, какъ это уже было сдѣлано въ Берлинѣ и Гамбургѣ, одинъ изъ главныхъ центровъ соціалъ-демократической агитаціи. Когда Бебель, поселившійся вмѣстѣ съ Либкнехтомъ въ деревнѣ Борсдорфѣ, близъ самой границы осадной области, потребовалъ къ отвѣту, послѣ своего вступленія въ саксонскій ландтагъ, министра фонъ-Ностицъ-Вальвитца, то этотъ прислужникъ берлинской насильнической политики съумѣлъ промямлить только нѣсколько безсодержательныхъ фразъ; затѣмъ раболѣпное буржуазное большинство спасло его отъ болѣе основательнаго наказанія, поспѣшно принявъ предложеніе о закрытіи дебатовъ.

Въ серединѣ лѣта и ранней осенью возгорѣлась яростная избирательная борьба. Буржуазныя партіи такъ травили другъ друга „въ формѣ, подвергающей опасности общественный миръ и, въ особенности, согласіе между различными классами населенія“, что всѣхъ ихъ можно было бы съ полнымъ правомъ подвести подъ дѣйствіе закона о соціалистахъ, если бы этотъ законъ вообще имѣлъ что-либо общее съ правомъ. Но худшимъ науськивателемъ былъ самъ Бисмаркъ. На этотъ разъ онъ намѣтилъ себѣ жертвой не давнымъ-давно присмирѣвшихъ націоналъ-либераловъ, а прогрессистовъ и сецессіонистовъ, громя ихъ какъ „республиканцевъ“,—кличка, противъ которой безобидная компанія довольно комично оборонялась съ трагическими жестами ужаса.

Но главной цѣлью Бисмарка оставался—и съ его точки зрѣнія оставался вполнѣ справедливо—разгромъ новыхъ боевыхъ колоннъ соціалъ-демократіи. Въ лицѣ своихъ сыновей онъ самъ „спустился къ народу“, какъ пѣлъ во славу Бисмарка нѣкій патріотическій школьный учитель; одинъ изъ этихъ многообѣщающихъ, но без-

дарныхъ юношей заявилъ на одномъ берлинскомъ собраніи шумилъ, что правила о собачьихъ намордникахъ труднѣе переносить, чѣмъ малое осадное положеніе, за что берлинскіе рабочіе надлежащимъ образомъ проучили родителя этого „имперскаго мальчишки" („Reichshundejunge" *). Въ провинціи Адольфъ Вагнеръ разъѣзжалъ въ качествѣ приказчика Бисмарка и обѣщалъ рабочимъ табачную монополію какъ „имѣніе обездоленныхъ", если они только увѣруютъ въ „соціализмъ" великаго человѣка XIX столѣтія. Основательный провалъ въ 4 избирательныхъ округахъ, гдѣ Вагнеръ выставилъ свою кандидатуру, былъ наградой, выданной этому академическому свѣтилу за его умственно и морально одинаково возвышенную роль.

Гораздо больше, чѣмъ всѣмъ своимъ демагогическимъ фокусамъ, Бисмаркъ довѣрялъ голому насилію. Въ областяхъ осаднаго положенія высылки слѣдовали другъ за другомъ непрерывной чередой, соціалъ-демократическіе избирательные листки конфисковывались, какъ бы безобидно ихъ содержаніе ни было, избирательныя собранія рабочихъ находились подъ общимъ запретомъ. Кто распространялъ соціалъ-демократическіе листки или даже только избирательные бюллетени, того арестовывали и держали цѣлыми днями, даже недѣлями въ предварительномъ заключеніи.

За послѣднія недѣли предъ выборами можно было насчитать не менѣе 600 такихъ совершенно противозаконныхъ арестовъ. Дѣятельную помощь полиція нашла у буржуазіи, которая, несмотря на всю свою вражду къ правительству въ другихъ отношеніяхъ, сходилась съ нимъ въ стремленіи помѣшать всякому избирательному успѣху соціалъ-демократіи. Она распространяла слухъ, что всякому округу, выбирающему соціалъ-демократа, грозитъ малое осадное положеніе или даже что всякій бюллетень, поданный за соціалъ-демократическаго кандидата, признается недѣйствительнымъ. Особенно саксонская буржуазія была неистощима въ изобрѣтеніи ловушекъ, о которыя пролетаріатъ долженъ былъ спотыкаться при осуществленіи своего избирательнаго права. Въ Штольбергѣ-Шнеебергѣ она раздавала бюллетени въ четвертую долю листа, которые легко было отличить по ихъ размѣру, въ лейпцигскомъ сельскомъ округѣ—на особой бумагѣ съ водяными знаками и необрѣзанными краями, причемъ для предупрежденія всякой имитаціи былъ скупленъ весь запасъ этой бумаги, про-

*) Hundejunge—псарь, мальчишка.—*Перев.*

изводившейся только на одной фабрикѣ. Въ Глаухау-Мееране „благонамѣренныя“ общинныя власти передали податныя недоимки полуголодныхъ ткачей кассамъ по призрѣнію бѣдныхъ и зачли ихъ недоимщикамъ какъ благотворительное пособіе; вслѣдствіе этого многія сотни рабочихъ лишились своего избирательнаго права. Полиція также превзошла себя въ названномъ округѣ, взявъ соціалъ-демократическаго кандидата подъ свою заботливую охрану на все время выборовъ. Въ деревняхъ Ауэра всегда сопровождалъ жандармъ, а въ городахъ двое полицейскихъ въ формѣ слѣдовали за нимъ на разстояніи 10 шаговъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Цѣлыхъ 6 саксонскихъ выборовъ, на которыхъ побѣдили „законность и порядокъ“, вызвали потомъ протестъ даже со стороны буржуазнаго большинства рейхстага въ виду неслыханнѣйшаго давленія на избирателей.

Но рабочіе знали, чтó поставлено на карту, и рѣшили выдержать, какъ подобаетъ мужамъ, генеральное испытаніе закона о соціалистахъ. Лекціонная поѣздка, которую Фрицше и Фирекъ совершили по Соединеннымъ Штатамъ согласно постановленію виденскаго конгресса, принесла соціалъ-демократической избирательной кассѣ изрядную сумму въ 13.000 марокъ; но помимо этого пролетарскія массы могли разсчитывать только на собственныя силы, имѣя противъ себя всю силу и хитрость могущественныхъ противниковъ. Горячій боевой пылъ гналъ ихъ впередъ, не взирая на всѣ препятствія; когда незадолго до выборовъ Фрицше и Вальтейхъ эмигрировали въ Америку, то можно было слышать самыя горькія сужденія объ этихъ старѣйшихъ товарищахъ, которые какъ ни какъ въ теченіе двухъ почти десятилѣтій шли всегда въ авангардѣ движенія. Многіе изъ старыхъ вождей такъ или иначе пали жертвой закона о соціалистахъ, но на ихъ мѣсто выступали новые люди, какъ бы сами собою выраставшіе изъ массъ; еще совершенно неизвѣстные нѣсколькими мѣсяцами раньше, они умѣли справляться съ самыми трудными задачами. Никогда еще сказка о „совращенныхъ массахъ“, жертвахъ „легкомысленныхъ совратителей“, не была такъ основательно разрушена, какъ на этихъ выборахъ.

27 октября партія получила на главныхъ выборахъ 311.961 голосъ, все-таки на 125.197 голосовъ меньше, чѣмъ на выборахъ послѣ покушеній; однако ни одному противнику не пришло въ голову использовать эту разницу противъ соціалъ-демократіи. Болѣе 300 тыс. голосовъ за соціалъ-демократію, въ теченіе трехъ

лѣтъ подавляемую, гонимую, подвергающуюся травлѣ,—это означало другими словами: законъ о соціалистахъ былъ ударомъ по водѣ. Берлинскій корреспондентъ *Times*'а телеграфировалъ въ Лондонъ о великомъ смущеніи, господствующемъ въ „высокихъ и высшихъ сферахъ" по поводу избирательнаго успѣха соціалъ-демократіи. Съ другой стороны, Энгельсъ писалъ обрадованный изъ Лондона: „Такъ великолѣпно не велъ себя еще ни одинъ пролетаріатъ".

На главныхъ выборахъ соціалъ-демократы получили лишь одинъ мандатъ: садовникъ Штолле, старый воинъ еще временъ Саксонской народной партіи, одержалъ побѣду въ Цвиккау-Криммичау. Однако „друзья порядка" съумѣли украсть эту побѣду, несправедливо объявивъ недѣйствительными извѣстное число соціалъ-демократическихъ бюллетеней, такъ что и въ этомъ округѣ должна была состояться перебаллотировка. Въ общемъ соціалъ-демократія участвовала въ 22 перебаллотировкахъ. По размѣрамъ успѣха первое мѣсто занимали три района осаднаго положенія (перебаллотировки въ 4-мъ и 6-мъ округахъ Берлина, во-2-мъ округѣ Гамбурга и Альтонѣ, въ городѣ Лейпцигѣ), на которые никогда еще не производился такой энергичный натискъ: 30.171 голосъ въ берлинскомъ, 30.087 голосовъ въ гамбурго-альтонскомъ и 17.006 голосовъ въ лейпцигскомъ осадномъ округѣ. Столь же доблестно держалъ себя Бреславль, который первымъ понесъ впереди соціалъ-демократическое знамя послѣ изданія закона о соціалистахъ: въ обоихъ избирательныхъ округахъ его предстояли перебаллотировки. Далѣе шли двѣ другихъ провинціальныхъ столицы—Ганноверъ и Магдебургъ, а въ Рейнской провинціи—промышленные центры Эльберфельдъ-Барменъ и Золингенъ. Въ королевствѣ Саксоніи соціалъ-демократія только изъ-за гнусныхъ избирательныхъ плутней ея противниковъ была побѣждена самымъ незначительнымъ большинствомъ въ Глаухау-Мееране, Штольбергѣ-Шнеебергѣ и сельскомъ округѣ Лейпцигъ. Перебаллотировки предстояли здѣсь, кромѣ города Лейпцига и Цвиккау-Криммичау, еще въ Дрезденѣ-Альтштадтѣ, Фрейбергѣ, Митвейдѣ и важномъ для соціалъ-демократовъ Хемницѣ. Въ мелкихъ государствахъ средней Германіи былъ на половину завоеванъ Рейссъ ст. л. Блестяще вышелъ изъ боя майнскій край съ перебаллотировками въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Ганау, Оффенбахѣ; въ Баваріи поколебался Нюрнбергъ, главный центръ баварской крупной промышленности.

Изъ потерянныхъ голосовъ почти $^1/_3$ приходилась на королевство Саксонію: со времени выборовъ 1878 г. оно потеряло около

40 тыс. голосовъ и было отброшено назадъ какъ разъ почти къ цифрѣ 1874 г. Но въ этой части списка потерь не было убитыхъ и перебѣжчиковъ, а были только взятые въ плѣнъ и раненые: исполосованные и обезсиленные на одинъ мигъ бичомъ голода, они всѣ, бѣдняги, вернулись потомъ назадъ. Точно такъ же обстояло дѣло съ 6 тыс. голосовъ, потерянными въ Силезіи. Болѣе основательная перемѣна въ движеніи произошла въ округахъ съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ: въ Шлезвигъ-Гольштиніи, гдѣ число соціалъ-демократическихъ голосовъ, безпрерывно убывая съ 1874 г., упало болѣе чѣмъ на двѣ трети, съ 44.933 на 14.109, въ остъ-эльбскихъ провинціяхъ Пруссіи и въ мелкихъ государствахъ къ сѣверу отъ Майна. Напротивъ, какъ майнскій край, такъ и вся южная Германія держались превосходно, несмотря на то, что полицейскій режимъ въ южно-германскихъ государствахъ давно вступилъ въ успѣшное состязаніе со своими прусскимъ и саксонскимъ образцами. Если бы убыль въ голосахъ не была отодвинута на задній планъ уже общимъ результатомъ выборовъ, то значеніе ея было бы и безъ того уравновѣшено твердымъ поведеніемъ южно-германскаго пролетаріата и сосредоточеніемъ движенія въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Въ этомъ смыслѣ Энгельсъ высказалъ, что ядромъ партіи сталъ теперь классъ, революціонный по своему экономическому положенію; лишь отнынѣ, равномѣрно распредѣлившись по всей промышленной Германіи, партія становится національнымъ движеніемъ.

Съ своей стороны буржуазія дѣйствительно задала своему прежнему идолу уготованную для него трепку. Прогрессисты и сецессіонисты прошли въ рейхстагъ въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ; какъ консервативно-націоналъ-либеральное, такъ и консервативно-ультрамонтанское большинство было разбито. Смущеніе Бисмарка до жалости сказывалось въ растерянной суетливости, съ которою онъ пытался спасти для перебаллотировокъ то, что еще можно было спасти. Онъ говорилъ о томъ, что, какъ человѣкъ конституціоннаго образа мыслей, онъ хочетъ уступить поле дѣйствій коалиціонному министерству изъ прогрессистовъ и ультрамонтанъ, и поспѣшно призвалъ одного изъ своихъ довѣренныхъ евреевъ, чтобы повѣдать ему, какъ горячо билось всегда его сердце за народъ Израиля. Но затѣмъ онъ жаловался, что буржуазія платитъ ему неблагодарностью: только по ея настоянію онъ сочинилъ законъ о соціалистахъ, возбуждающій противъ него злобу рабочаго класса; онъ вовсе не дорожитъ этимъ закономъ и

готовъ хоть сегодня отказаться отъ него. Въ то же время Адольфъ Вагнеръ вкупѣ со Штеккеромъ предложилъ берлинскимъ соціалъ-демократамъ маленькое политическое дѣльце. Либкнехтъ, Бебель и Газенклеверъ должны были заявить, что они признаютъ дружественныя рабочимъ намѣренія правительства въ его политикѣ реформъ, что они проникнуты серьезнымъ желаніемъ мирно работать надъ улучшеніемъ экономическихъ условій сообща съ соціально-реформаторскими партіями и что они надѣются энергичными соціальными реформами преодолѣть революцію. Взамѣнъ этого Вагнеръ, Штеккеръ и компанія давали обѣщаніе выступить на перебаллотировкѣ въ 4-мъ и 6-мъ округахъ Берлина за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ и противъ прогрессистскихъ, а также голосовать, когда нужно будетъ, за отмѣну закона о соціалистахъ.

Если уже самые эти переговоры не велись съ вѣдома Бисмарка, то они во всякомъ случаѣ нашли въ немъ глубоко сочувственный откликъ. Главная оффиціозная газета забила въ тактъ къ нимъ. Благодаря закону о соціалистахъ буржуазія пріобрѣтаетъ, молъ, политическихъ союзниковъ въ классѣ рабочихъ, своего наслѣдственнаго экономическаго врага, неудобнымъ притязаніямъ котораго въ экономической области она теперь, какъ и всегда, старается создать непреодолимыя препятствія. Напротивъ, рабочимъ законъ о соціалистахъ мѣшаетъ оцѣнить благожелательныя намѣренія правительства насчетъ улучшенія ихъ быта. Для буржуазіи такое положеніе весьма пріятно—покуда оно держится. Можно однако ждать отъ государственнаго смысла правительства, что удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій рабочихъ оно осуществитъ здоровую суть соціалистической идеи, и тогда законъ о соціалистахъ станетъ излишнимъ. Болѣе откровеннаго торга нельзя было и представить себѣ.

Либкнехтъ, Бебель и Газенклеверъ отвѣтили такъ, какъ этого требовала честь партіи. Они отвергли всякую куплю голосовъ: три тысячи голосовъ, полученныхъ честнымъ путемъ,—заявили они,—для нихъ пріятнѣе тридцати тысячъ купленныхъ; они не могутъ признать дружественною рабочимъ хозяйственную политику, которой правительство начало слѣдовать со времени изданія закона о соціалистахъ: умноженіе и повышеніе косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ на предметы первой необходимости, увеличеніе военнаго бремени и т. д. Они никогда не отказывались серьезно обсуждать и исправлять сообразно интересамъ

рабочихъ проекты реформъ, исходящіе отъ правительства: это еще недавно показало ихъ отношеніе къ законопроекту о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Но они должны отказаться отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ реакціонными и потому враждебными народу партіями. Совершенно произвольно утвержденіе, будто они *хотятъ* насильственной революціи; они всегда заявляли, что равномѣрныя, основательныя и цѣльныя реформы *могли бы* предотвратить революцію, которая въ противномъ случаѣ явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нашего политическаго и экономическаго развитія. Они не могутъ отвѣчать за вещи, зависящія не отъ ихъ воли и власти, а отъ воли и власти ихъ противниковъ. Дѣйствіе этого мужественнаго заявленія было очень характерно: консервативные торгаши предписали своимъ воздержаніе отъ подачи голоса, тѣмъ не менѣе число голосовъ, поданныхъ за Бебеля на перебаллотировкѣ въ 4-мъ округѣ Берлина, поднялось съ 13.573 на 18.979, а число голосовъ, поданныхъ за Газенклевера въ Берлинѣ VI, съ 10.629 на 17.378. Прогрессистскій кандидатъ побѣдилъ въ Берлинѣ VI большинствомъ 569, а въ Берлинѣ IV даже только большинствомъ 51 голоса, причемъ весьма подозрительную роль сыграли еще разныя выборныя махинаціи „неуклонныхъ".

Въ другихъ мѣстахъ перебаллотировки прошли сравнительно благопріятно для партіи. Либеральныя жалобы по поводу массовой поддержки соціалъ-демократическихъ кандидатовъ консервативными голосами были въ общемъ лишены основанія, хотя въ отдѣльныхъ округахъ имѣли подъ собой нѣкоторую фактическую почву. Привыкшіе властвовать, консерваторы никогда не были такъ слѣпы, какъ либеральные мыслители, которые на перебаллотировкахъ отрубаютъ себѣ пальцы на собственной рукѣ, лишь бы засвидѣтельствовать свое моральное отвращеніе къ коммунистическимъ „дѣлильщикамъ". Все-таки на перебаллотировкахъ двинулись въ бой главнымъ образомъ новыя рабочія массы, наэлектризованныя исходомъ первой подачи голосовъ. Завоеваны были 13 мѣстъ: Бреславль I (Газенклеверъ), Бреславль II (Креккеръ), Гамбургъ II (Дитцъ), Золингенъ (Риттинггаузенъ), Майнцъ (Либкнехтъ), Ганау (Фроме), Оффенбахъ (Либкнехтъ), Нюрнбергъ (Грилленбергеръ), Митвейда (Фольмаръ), Фрейбергъ (Кайзеръ), Хемницъ (Гейзеръ), Цвиккау-Криммичау (Штолле) и Рейссъ ст. л. (Блосъ). Либкнехтъ принялъ избраніе въ Оффенбахѣ, а Майнцъ былъ потерянъ на дополнительныхъ выборахъ, такъ что соціалъ-

демократическая фракція вступила въ рейхстагъ въ количествѣ 12 человѣкъ.

Въ концѣ третьяго года своего существованія законъ о соціалистахъ представлялъ собою, какъ законодательная мѣра, разодранный клочокъ бумаги. Предстояли еще тяжелые дни, но самое тяжелое было пережито.

---

3. Анархистскій призракъ.

Успѣхъ соціалъ-демократіи на выборахъ устранилъ теперь послѣднія сомнѣнія въ правильности принятой тактики. Однако такія сомнѣнія всплывали кое-гдѣ подъ вліяніемъ всесокрушающей какъ будто суровости, съ которой примѣнялся законъ о соціалистахъ: такъ, наприм., Берлинъ I и V—два избирательныхъ округа германской столицы, гдѣ избирательные шансы были всего ниже и гдѣ Мостъ имѣлъ сравнительно наибольшее число приверженцевъ—не приняли даже участія въ избирательной борьбѣ. Въ этомъ смыслѣ вышло очень удобно, что одновременно съ избирательной битвой разбирался въ лейпцигскомъ имперскомъ судѣ первый процессъ о государственной измѣнѣ, вскрывшій всю безнадежность „соціалъ-революціонной" тактики и наглядно показавшій всякому сознательному рабочему необходимость бороться съ полицейскимъ развратомъ бисмарковской системы всѣми доступными политическими средствами.

Со времени своего исключенія изъ партіи Мостъ опускался все глубже и глубже. Внѣшнимъ образомъ онъ объявлялъ себя сторонникомъ анархистскаго направленія, но даже къ нему онъ не принадлежалъ въ сколько-нибудь серьезномъ смыслѣ. Содержаніе „*Freiheit*" составляло отъ первой до послѣдней строки безсмысленное неистовство, а агитаціонная брошюра „*Taktik contra Freiheit*", съ которою Мостъ выступилъ осенью 1880 г. противъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, хотя и написанная не такимъ бѣшенымъ языкомъ, представляла однако собою туманную путаницу. Бельгіецъ Давъ, образованный ученикъ Прудона и Бакунина, принадлежавшій самъ къ безобидно-мирному направленію анархизма и пытавшійся повліять въ этомъ смыслѣ на Моста, сказалъ объ этой брошюрѣ на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: „Въ ней нѣтъ и предчувствія объ анархистскихъ идеяхъ. Брошюра вполнѣ якобинская, смягченная бланкизмомъ, идеями Бланки". Но и „бланкизмъ" не былъ собственнымъ издѣліемъ Моста, а былъ подска-

занъ ему Гассельманомъ, и какъ разъ въ той статьѣ для „*Freiheit*", которую привезъ въ Лондонъ сыщикъ Нейманъ.

Мостъ напечаталъ эту статью въ концѣ своей брошюры, нѣкоторымъ образомъ, какъ ея практическую квинтъ-эссенцію; здѣсь говорилось слѣдующее: „намъ не приходитъ въ голову рекомендовать рабочимъ Германіи „игру въ заговоръ", съ тайными центральными комитетами и такъ далѣе, ибо это только на руку темнымъ махинаціямъ тайной полиціи. Но мы можемъ вполнѣ успѣшно организоваться, если въ интимныхъ кружкахъ будутъ собираться по 10—20 близко знакомыхъ между собою друзей, не давая при этомъ списками членовъ, уставами и т. п. фактическихъ опоръ для преслѣдовані если эти свободно образовавшіяся группы будутъ со всей возможной энергіей распространять при помощи устнаго и печатнаго слова революціонную идею; если они будутъ поддерживать постоянныя сношенія со своими друзьями и единомышленниками въ арміи; если они будутъ, наконецъ, каждый на собственный страхъ запасаться хорошимъ магазиннымъ ружьемъ. Четыре тысячи соціалистовъ, организованныхъ и вооруженныхъ такимъ образомъ въ имперской столицѣ Берлинѣ и соотвѣтственное количество въ главныхъ промышленныхъ центрахъ,—и Мольтке нелегко будетъ раскусить этотъ орѣхъ". Передъ своимъ отъѣздомъ въ Америку Гассельманъ передалъ Мосту списокъ немногихъ своихъ приверженцевъ. Среди нихъ было, между прочимъ, нѣсколько рабочихъ во Франкфуртѣ и Дармштадтѣ, съ которыми Мостъ тотчасъ же завязалъ сношенія. Къ нимъ же онъ направилъ своего пріятеля Дава, когда тотъ поѣхалъ въ ноябрѣ 1880 г. въ Германію съ цѣлью завязать тамъ литературныя сношенія для задуманнаго имъ телеграфнаго агенства и кстати посмотрѣть вблизи нѣмецкій анархизмъ. Давъ былъ непріятно пораженъ, когда все, что онъ нашелъ по этой части, свелось къ нѣсколькимъ умственно отсталымъ рабочимъ, у которыхъ насчетъ политическихъ вопросовъ былъ полный сумбуръ въ головѣ.

Прусская полиція обнаружила меньшую близорукость, чѣмъ анархистскій идеологъ. Она гораздо правильнѣе истолковала кровожадныя похвальбы Моста и поспѣшила окружить его густой сѣтью шпіоновъ. Въ экспедиціи „*Freiheit*" сидѣлъ, въ качествѣ довѣренной персоны Моста, сыщикъ Нейманъ, а сыщики Вихманъ и Вольфъ корреспондировали въ газету изъ Альтоны. Этой „литературной" дѣятельностью они преслѣдовали различныя цѣли: они отмѣчали снисходительное отношеніе „республикански настроен-

ной" полиціи Гамбурга къ соціалъ-демократіи, они клеветали на соціалъ-демократическихъ депутатовъ, выставляя ихъ обманщиками и расхитителями партійныхъ суммъ; они рисовали страшную картину анархистскаго движенія въ Германіи, наконецъ—это не было все-таки послѣднимъ дѣломъ—доставляли богатый матеріалъ для путткамеровскаго мѣшка цитатъ. Такъ, послѣ удавшагося покушенія на имп. Александра II, сыщикъ Вихманъ писалъ: „О если бы недалекъ былъ день, когда такое же событіе освободитъ насъ отъ всѣхъ тирановъ! Мы сожалѣемъ только, что заслуженная награда не была одновременно выплачена другимъ... (слѣдовало бранное слово)". И это далеко еще не было „соціалъ-революціоннѣйшее" изверженіе. Какъ не понять тутъ „нравственнаго омерзѣнія и глубочайшаго негодованія", которыя внушала Путткамеру одна мысль объ этихъ перлахъ изъ его мѣшка цитатъ! Впослѣдствіи Вольфъ и Вихманъ обратили свои „литературныя" способности противъ своихъ собственныхъ патроновъ. Вольфъ предложилъ прусской полиціи свои „мемуары" за такой гонораръ, какой не платятъ обыкновенно даже за избраннѣйшіе шедевры всемірной литературы. Онъ былъ приговоренъ берлинскими судами за шантажъ къ году тюрьмы; дѣло разбиралось при строжайше закрытыхъ дверяхъ. Послѣ освобожденія изъ Плётцензее онъ былъ снова арестованъ въ Альтонѣ якобы за оскорбленіе величества и на слѣдующее утро найденъ повѣсившимся въ тюрьмѣ. Но Вихманъ началъ болтать, когда по разоблаченіи его альтонскими рабочими полиція не захотѣла назначить ему пенсіи, такъ какъ отнынѣ онъ сталъ безполезенъ ей. Такимъ образомъ сдѣлались извѣстными болѣе подробныя свѣдѣнія относительно этихъ двухъ мерзавцевъ; само собою понятно, что они составляли лишь маленькую часть шпіонской своры, спущенной послѣ изданія закона о соціалистахъ и занимавшейся въ тиши своимъ негодяйскимъ ремесломъ.

Еще раньше, чѣмъ Давъ пріѣхалъ въ Германію, его примѣты были уже въ рукахъ всѣхъ нѣмецкихъ полицейскихъ властей; точно также франкфуртская полиція знала нѣсколькихъ приверженцевъ Моста, имѣвшихся въ майнской области. Эта кучка бѣднягъ составляла во Франкфуртѣ, Дармштадтѣ и еще двухъ-трехъ мѣстахъ такъ наз. „группы"—не для того, чтобы доставать себѣ хорошія магазинныя ружья, а чтобы совмѣстно выписывать „*Freiheit*" и собирать деньги для Моста; цѣлыхъ 5 марокъ они дѣйствительно отослали въ Лондонъ. Ихъ величайшее дѣяніе заключалось въ томъ, что въ ночь съ 18 на 19 октября 1880 г., не-

задолго до пріѣзда императора во Франкфуртъ, они распространили запрещенный листокъ въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ. Полицейскій совѣтникъ Румпфъ, руководившій политической полиціей во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ, показалъ впослѣдствіи подъ присягой, что зналъ виновниковъ этого преступленія, но не сталъ трогать ихъ, а завербовалъ въ сыщики портного Горша и поручилъ ему втереться въ довѣріе „заговорщиковъ". Конечно, Румпфъ предостерегъ своего „довѣреннаго", отбывшаго наказаніе вора, чтобы тотъ не принималъ активнаго участія въ террористическихъ и революціонныхъ планахъ,—комическое введеніе ко всякому полицейскому шпіонству; однако онъ посадилъ Горша, также согласно испытанной полицейской методѣ, не на поденную, а на поштучную плату, глядя по „важности" сдѣланныхъ „разоблаченій". Горшу, который предоставлялъ своей многочисленной семьѣ умирать съ голоду, а самъ прокучивалъ свою грѣшную мзду съ распутными дѣвками, нужны были, конечно, деньги, много денегъ, и онъ ежедневно приносилъ все „болѣе важныя" свѣдѣнія, напр., о готовящемся покушеніи на убійство самого Румпфа и тайномъ конгрессѣ въ Дармштадтѣ или Эберштадтѣ, гдѣ долженъ обсуждаться вопросъ о возстаніи. 1 декабря 1880 г. Румпфъ затянулъ сѣть: во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ было арестовано около 50 человѣкъ, въ Аугсбургѣ былъ задержанъ Давъ, а въ Берлинѣ нѣсколько друзей Моста. Среди арестованныхъ находился и Горшъ, котораго Рупфъ упряталъ заодно, якобы съ цѣлью защитить его отъ мести соціалистовъ. Что Румпфъ совершилъ этимъ преступленіе, за которое § 341 германскаго уголовнаго кодекса грозитъ каторжной тюрьмой,—это обстоятельство, повидимому, мало огорчало бдительнаго стража законовъ.

Уже во Франкфуртѣ въ камеры арестованныхъ были посажены обыкновенные уголовные преступники, чтобы шпіонить за ними, и эта прекрасная система нашла свое продолженіе въ Берлинѣ, куда свезли скоро всѣхъ арестованныхъ. Злостному банкроту Шнитцеру, котораго спустили въ особенности на Дава, полицейскій комиссаръ графъ Штильфридъ сказалъ, что за тысячей, даже 10 тысячами марокъ дѣло не станетъ, если только будетъ открыто что-нибудь важное, а судебный слѣдователь Гольманъ обѣщалъ тому же патріоту сокращеніе его кары путемъ помилованія. Заключенные горько жаловались также на неправильное записываніе ихъ показаній Гольманомъ. Значительное большинство ихъ

пришлось, однако, выпустить послѣ долгаго предварительнаго заключенія, такъ какъ противъ нихъ нельзя было найти даже тѣни наказуемаго дѣянія, а черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ великаго удара Горшъ, смекнувъ, что дѣло неладно, также заявилъ судебному слѣдователю о своемъ желаніи быть выпущеннымъ на волю, ибо онъ вовсе не преступникъ, а великій патріотъ. На запросъ Гольмана Румпфъ отвѣтилъ въ трехъ письмахъ, помѣченныхъ однимъ и тѣмъ же днемъ: признавая въ нихъ шпіонскую роль Горша, онъ все-таки пытался набросить на своего „довѣреннаго“ подозрѣніе въ активномъ участіи въ „заговорѣ“ и при этомъ прибавлялъ, что допросъ Горша въ качествѣ свидѣтеля былъ бы ему „по меньшей мѣрѣ непріятенъ“. Тутъ слѣдователь нашелъ, что дѣло слишкомъ щекотливо, и выпустилъ Горша.

Разбирательство этого большого процесса о государственной измѣнѣ, который пока что мѣсяцами эксплуатировался во славу закона о соціалистахъ, происходило съ 10-го до 21-го октября 1881 г. Предъ имперскимъ судомъ предстали 15 обвиняемыхъ: 11 южныхъ нѣмцевъ, 3 берлинца и Давъ. О свидѣтеляхъ со стороны обвиненія, явившихся съ Горшемъ во главѣ, даже „*Magdeburg Zeitung*“ писала: „Бывалъ ли когда-нибудь со временъ самой мрачной реакціи процессъ, гдѣ среди свидѣтелей обвиненія фигурировало бы такое множество противныхъ, опороченныхъ судебными приговорами субъектовъ, явныхъ шпіоновъ полиціи?“ Противъ Дава свидѣтельствовалъ еще въ особенности полицейскій совѣтникъ Крюгеръ, сдѣлавшій о прежней жизни подсудимаго показанія, которыя Давъ тотчасъ же по пунктамъ опровергъ. „Смотрите, вотъ ваше искусство и наука“, крикнулъ онъ берлинскому полицейскому генію и, поправивъ еще нѣсколько второстепенныхъ показаній Крюгера, онъ заключилъ: „Все это я говорю лишь съ цѣлью доказать, что онъ ровно ничего не знаетъ“. Крюгеръ ссылался на своихъ „довѣренныхъ людей“, которыхъ онъ въ государственныхъ интересахъ не можетъ назвать; славная метода, по которой полицейскіе чиновники удостовѣряли своей присягой то, что имъ сообщали за сдѣльную плату, смотря по „важности“, субъекты въ родѣ Горша, Вихмана и Вольфа,—эта метода перешла въ лейпцигскомъ процессѣ изъ своего старо-прусскаго прошлаго въ свое ново-германское настоящее.

Обвиненіе въ „подготовленіи измѣнническаго предпріятія“, конечно, рухнуло. Часть подсудимыхъ распространяла запрещенныя печатныя произведенія и, такимъ образомъ, нарушила законъ о

соціалистахъ, а принимая во вниманіе содержаніе этихъ произведеній,—быть можетъ, также тотъ или другой каучуковый параграфъ уголовнаго кодекса. Но все это не было подготовленіемъ государственной измѣны. Наличности такого подготовленія нельзя было бы признать даже въ томъ случаѣ, если бы подсудимые подъ вліяніемъ подстрекательствъ провокатора Горша дѣйствительно задумывали покушеніе противъ Румпфа или какой-нибудь тайный конгрессъ. Это призналъ самъ имперскій судъ, и тѣмъ не менѣе онъ приговорилъ 9 подсудимыхъ, въ томъ числѣ Дава, къ наказаніямъ, составившимъ въ общей сложности 19 лѣтъ каторжной тюрьмы: судъ вывелъ „подготовленіе къ измѣнническому предпріятію" изъ того соображенія, что осужденные дѣйствовали бы въ духѣ Моста, а Мостъ замышляетъ измѣнническое предпріятіе, такъ какъ хочетъ путемъ насилія произвести переворотъ въ современномъ обществѣ и, слѣдовательно, насильственно измѣнить также конституцію Германской имперіи. Не говоря уже обо всемъ прочемъ, приговоръ этотъ покоился на грубой юридической ошибкѣ. § 86 германскаго уголовнаго кодекса, на который ссылался имперскій судъ, былъ буквально заимствованъ изъ прусскаго уголовнаго кодекса, а между тѣмъ прусскій судъ по государственнымъ преступленіямъ еще въ 1864 г. безъ колебаній оправдалъ Лассаля на томъ ясномъ, какъ Божій день, основаніи, что по буквѣ и духу этого параграфа измѣнническое предпріятіе должно быть реальнымъ дѣяніемъ, осязательнымъ въ смыслѣ мѣста, времени и обстановки, а не общимъ только намѣреніемъ, подлежащимъ исполненію когда-нибудь, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь. Въ первомъ же процессѣ о государственной измѣнѣ, который пришлось разбирать германскому имперскому суду, онъ по неправильному истолкованію уголовнаго кодекса превзошелъ прусскій судъ по политическимъ преступленіямъ мантейфелевскаго происхожденія.

Приговоръ произвелъ тягостное впечатлѣніе даже въ буржуазныхъ кругахъ. Но классовому интересу буржуазіи невыгодно было сознаться, что высшее судилище Германской имперіи при первомъ же испытаніи политическаго процесса приговорило къ безчестящей каторжной карѣ 9 человѣкъ, совершенно невинныхъ въ смыслѣ предъявленнаго имъ обвиненія. И вотъ либеральная пресса вышла изъ затрудненія, начавъ восхвалять имперскій судъ за то, что онъ объявилъ Горша недостовѣрнымъ свидѣтелемъ и больше намекомъ, нежели прямо, выразилъ легкое порицаніе полицейскимъ

махинаціямъ. Однако, когда нѣкоторые болѣе смѣлые органы отважились поэнергичнѣе взяться за Румпфа, опираясь на авторитетъ имперскаго суда, то они тотчасъ же были привлечены къ отвѣтственности и приговорены къ тяжелымъ наказаніямъ за оскорбленіе „отличнаго и стоящаго выше всякихъ подозрѣній чиновника", какъ заявилъ въ рейхстагѣ Путткамеръ.

При всемъ сочувствіи къ невинно осужденнымъ рабочіе ясно увидали изъ процесса, какіе результаты получаются при „соціалъ-революціонной" тактикѣ. Самъ Мостъ былъ тѣмъ временемъ приговоренъ англійскими судами къ 16 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ за то, что высказался относительно убійства Александра II въ томъ же приблизительно стилѣ, какъ прусскій полицейскій агентъ Вихманъ. „*Freiheit*" не могла больше держаться въ Лондонѣ и искала убѣжища въ Швейцаріи. Въ 1882 г. она вышла въ свѣтъ у типографа Вильгельма Бюрера въ Шафгаузенѣ; за расходы по напечатанію заплатилъ столяръ Шрёдеръ-Бренвальдъ, который согласно безспорнымъ даннымъ цюрихскихъ полицейскихъ властей состоялъ на службѣ у берлинской полиціи и имѣлъ обыкновеніе возить съ собою свой ящикъ динамита такъ же, какъ коммивояжеръ возитъ свой чемоданъ съ товарными образцами.

Глава III.

Вопросъ и отвѣтъ.

Первый періодъ закона о соціалистахъ обнимаетъ первые три года его дѣйствія. Содержаніе его составляетъ побѣдоносное сопротивленіе партіи, которое равномѣрно и непреодолимо возрастало въ трехъ этапахъ. Второй періодъ закона охватываетъ $4^1/_2$ года и распадается также на три отдѣла приблизительно равной продолжительности. Это было время „мягкой практики“, попытокъ усмирить соціалъ-демократію не одной лишь плеткою, а пряникомъ также, время, когда путемъ подкупа хотѣли достигнуть того, что не удалось путемъ насилія. Первый отдѣлъ этого періода тянется отъ императорскаго посланія, опубликованнаго осенью 1881 г., до копенгагенскаго конгресса, происходившаго весною 1883 г., отъ вопроса, обращеннаго императоромъ къ пролетаріату, до отвѣта, даннаго пролетаріатомъ императору.

1. Императорское посланіе.

17 ноября 1881 г. новый рейхстагъ былъ открытъ тронной рѣчью, облеченной въ торжественную форму императорскаго посланія.

Въ посланіи говорилось, что одного подавленія соціалъ-демократическихъ безчинствъ недостаточно, нужно еще содѣйствовать благу рабочихъ положительными мѣропріятіями. Рейхстагу снова будетъ представленъ законопроектъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, переработанный согласно указаніямъ, почерпнутымъ изъ прежняго обсужденія его въ парламентѣ; какъ дополненіе къ нему будетъ внесенъ проектъ равномѣрной организаціи больничныхъ

массъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Но сверхъ того государство должно проявить большую, чѣмъ до сихъ поръ, заботу о лицахъ, ставшихъ неспособными къ труду вслѣдствіе старости или инвалидности. Установленіе болѣе тѣсной связи съ реальными силами христіанской народной жизни и объединеніе ихъ въ формѣ корпоративныхъ товариществъ подъ государственнымъ покровительствомъ и при государственномъ содѣйствіи сдѣлаетъ возможнымъ разрѣшеніе такихъ задачъ, которыя одному государству были бы непосильны въ равномъ объемѣ. Но и при такой постановкѣ дѣла потребуются значительныя денежныя средства. Затѣмъ проведеніе начатой податной реформы также указываетъ на необходимость открыть обильные источники доходовъ отъ косвенныхъ имперскихъ налоговъ, взамѣнъ чего можно было бы отмѣнить обременительные прямые налоги въ отдѣльныхъ государствахъ имперіи и облегчить налоговое бремя общинъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія указанныхъ цѣлей являются табачная монополія и болѣе значительное обложеніе напитковъ; стремленія эти свободны не только отъ фискальныхъ, но и отъ реакціонныхъ заднихъ мыслей.

Этотъ „государственный документъ всемірно-историческаго значенія" былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ маневромъ Бисмарка, прибѣгшаго къ нему, чтобы какъ-нибудь выпутаться изъ труднаго положенія. У него все тѣло еще ныло отъ трепки, заданной ему буржуазіей и, въ гораздо большей еще степени, пролетаріатомъ. Капиталистическимъ интересамъ онъ принесъ покаяніе, обѣщая этимъ „реальнымъ силамъ христіанской народной жизни" новую организацію и позволяя имъ примоститься къ „соціальнымъ реформамъ", которыхъ государство не можетъ-де осуществить собственными силами. Что касается пролетаріата, то обѣщанными заботами о старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ Бисмаркъ хотѣлъ обморочить его, заставивъ забыть объ ужасающихъ страданіяхъ, на которыя капиталистическій способъ производства обрекаетъ здороваго и сильнаго рабочаго. Наконецъ, у обоихъ классовъ онъ пытался выманить обильные источники финансовыхъ доходовъ, благодаря которымъ онъ могъ бы остаться по прежнему господиномъ политическаго положенія. Въ такомъ же духѣ былъ задуманъ проектъ пересмотра Устава о Промышленности въ реакціонномъ, полу-цеховомъ и полу-полицейскомъ направленіи: правительство хотѣло поймать имъ на удочку мелкую буржуазію и въ то же время усилить средства своей власти.

Изъ этихъ рамокъ не выходила въ теченіе ближайшаго времени практическая политика Бисмарка. При первомъ же представившемся случаѣ онъ высказался противъ законодательной охраны труда и такимъ образомъ далъ капиталистическимъ интересамъ дальнѣйшій залогъ своего благорасположенія. Онъ отнюдь не лицемѣрилъ въ этомъ вопросѣ, ибо его ненависть къ фабричному законодательству была вполнѣ непритворной, какъ притворны ни были фразы, которыми онъ пытался обосновать ее,—фразы, которыхъ давно стыдились сколько-нибудь образованные манчестерцы. „*Provinzialkorrespondenz*" зашла даже такъ далеко въ исполненіи даннаго ей порученія—не наступать на ноги капиталу,—что въ сентябрѣ 1882 г. она возвѣстила изумленному міру новую истину: „настоящій соціализмъ" заключается-де въ бережномъ отношеніи къ капиталу; если бы государство вздумало брать средства на покрытіе своихъ нуждъ преимущественно у крупнаго капитала, то оно уничтожило бы величайшій матеріальный двигатель всякой цивилизаціи. Правда, въ наказаніе за это черезчуръ компрометтирующее „недоразумѣніе" полуоффиціальной газетѣ пришлось спустя недѣлю самой высѣчь себя. Затѣмъ „любезные братья" Штеккеръ и Адольфъ Вагнеръ понизили тонъ своего антисемитскаго гнѣва до дѣтскихъ выходокъ противъ „жидовъ" Лассаля и Маркса, которые ославили-де трудолюбиваго, прилежнаго и безкорыстнаго фабриканта, какъ тунеядствующаго эксплуататора, а настоящее гнѣздо эксплуатаціи, спекулирующую торговлю, тщательно прикрыли. Самимъ рабочимъ власти предоставили нѣсколько большую свободу устнаго и печатнаго слова, дабы они имѣли возможность выслушать новыя благія вѣсти и поклясться въ вѣрности имъ. Для того же, чтобы придать этимъ вѣстямъ санкцію науки, былъ вызванъ, въ качествѣ свидѣтеля, Родбертусъ. Бѣдняга перевернулся бы въ гробу, если бы могъ услышать, какъ злоупотребляютъ его именемъ. Рудольфъ Мейеръ поступилъ вполнѣ въ духѣ своего учителя, когда сталъ изъ-за границы энергично протестовать противъ закона о соціалистахъ и экономической политики Бисмарка. Но всякаго, кто выражалъ сомнѣніе въ томъ, что Родбертусъ благословляетъ изъ загробнаго міра эту человѣколюбивую эру, Адольфъ Вагнеръ громилъ слѣдующимъ доводомъ: Родбертусъ заявилъ, что *народное* хозяйство должно стать *государственнымъ* хозяйствомъ, и именно это требованіе находитъ себѣ теперь достославное исполненіе.

Первая сессія новаго рейхстага была посвящена разсмотрѣнію

текущихъ дѣлъ. Такъ какъ соціалъ-демократическая партія оказалась дѣйствительной силой, то ея парламентская фракція, хотя и состоявшая всего изъ 12 человѣкъ, встрѣтила въ рейхстагѣ совершенно иной пріемъ, чѣмъ прежде. Проявленія неуважительнаго отношенія къ ней, бывшія до тѣхъ поръ чѣмъ-то зауряднымъ, прекратились, и ораторы ея получили достаточную возможность говорить. Всѣ буржуазныя партіи начали орудовать по части „блага рабочихъ". Либеральныя фракціи внесли предложеніе о пересмотрѣ закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими: хотя настоящей цѣлью ихъ было сохранить страхованіе рабочихъ въ рукахъ частной спекуляціи, однако онѣ уже изъ приличія вынуждены были предложить дѣйствительныя улучшенія въ этомъ негодномъ законѣ. Ультрамонтане обратились къ правительству съ запросомъ насчетъ дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства. Только консерваторы, опустившіеся отъ Вагенера до Штеккера, не съумѣли придумать ничего лучшаго, какъ возстановленіе обязательности рабочихъ книжекъ. Соціалъ-демократическая фракція охотно помогала буржуазному рабочелюбію попадать на надлежащій путь. Она внесла предложеніе потребовать отъ правительства отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ, и для большинства рейхстага, состоявшаго теперь изъ однихъ пламенныхъ противниковъ всякаго исключительнаго законодательства, эта мѣра, казалось, должна была бы представляться столь же желанной, сколько она отвѣчала политическому положенію. Замѣчательно, однако, что это большинство не стало ковать горячаго желѣза, а обошло его широкой дугой: ни одна буржуазная партія, не исключая прогрессистовъ и Народной партіи, не захотѣла поддержать соціалъ-демократическаго предложенія; лишь съ великимъ трудомъ удалось найти одного члена Народной партіи и двухъ прогрессистовъ, чтобы получить 15 голосовъ, требовавшихся для внесенія самостоятельнаго предложенія. Затѣмъ предложеніе было отложено въ долгій ящикъ.

Во время преній по поводу годовыхъ отчетовъ, которые должны были обосновать малое осадное положеніе въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ, выступили на этотъ разъ отъ лица партіи Газенклеверъ и Блосъ. Дѣло не сошло у нихъ такъ гладко, какъ 9 мѣсяцами раньше у Ауэра и Бебеля: нѣкоторыя ихъ заявленія подали поводъ къ оживленнымъ и рѣзкимъ спорамъ въ „*Соціалъ-демократъ*". Тѣмъ не менѣе имъ удалось искусными ударами

отразить фехтовальные кунштюки Путткамера. Понятно, что этотъ кривляка, оставаясь вѣрнымъ себѣ, хотѣлъ скрыть свое пораженіе жалобой, что Газенклеверъ не отнесся къ вопросу съ „широкой точки зрѣнія". Въ самомъ дѣлѣ, недоставало еще, чтобы Газенклеверъ воспѣлъ полицейскія гнусности Горша и Румпфа, какъ старикъ Гомеръ воспѣлъ подвиги Ахилла и Гектора!

Въ весенней сессіи 1882 г. рейхстагъ приступилъ къ своимъ „большимъ дѣламъ". Бисмаркъ расхваливалъ выше небесъ табачную монополію, которая даже въ послушномъ Союзномъ совѣтѣ прошла только 36 голосами противъ 22. Онъ заявилъ, что не боится соціалистической идеи, которая, подобно храброму всаднику и хорошему дождю въ изреченіи Гёте, пролагаетъ себѣ путь повсюду. Сколько благъ уже принесъ странѣ соціализмъ! Соціалистическимъ было освобожденіе крестьянъ, соціалистическимъ является всякое принудительное отчужденіе въ силу законовъ о желѣзныхъ дорогахъ и водныхъ путяхъ, соціалистическій характеръ носятъ все призрѣніе бѣдныхъ, общеобязательное обученіе, проведеніе дорогъ. Эта невѣроятная игра—если не нѣчто худшее—соціализмомъ, какъ лозунгомъ, могла привести въ свою пользу лишь одно смягчающее вину обстоятельство: что Бамбергеръ и подобные ему либеральные мудрецы жадно ухватились за слова Бисмарка, чтобы „въ интересахъ гражданской свободы" возстать противъ „соціалистической" табачной монополіи. „Скажите лучше: въ интересахъ буржуазной *) эксплуатаціи",—поправили соціалъ-демократическіе депутаты. Главнымъ ораторомъ фракціи былъ Фольмаръ; его рѣчь, первая по вступленіи въ парламентъ и въ своемъ родѣ мастерская, указала дорогу и буржуазнымъ друзьямъ и буржуазнымъ врагамъ табачной монополіи. Проектъ былъ отклоненъ 276 противъ 43 голосовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство внесло законопроекты о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Оба они находились въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, такъ какъ переложеніе расходовъ по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ на учрежденія по страхованію отъ болѣзней предлагалось теперь въ еще большихъ размѣрахъ, чѣмъ по первому проекту: такъ наз. „Karenzzeit" **)

*) Игра словъ: по-нѣмецки „bürgerlich" означаетъ и „гражданскій" и „буржуазный".—*Перев.*

**) Періодъ „ожиданія" между полученіемъ увѣчья и моментомъ, когда пострадавшій вправѣ потребовать себѣ вознагражденія отъ учрежденія по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ; въ теченіе этого промежутка забота о

должно было составлять уже не 4, а 13 недѣль. Отъ имперскаго банка для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ Бисмаркъ отказался; его должны были замѣнить товарищества предпринимателей, группируемыхъ по степени опасности производства или предпріятія. Имперскую субсидію онъ сохранилъ, въ размѣрѣ 25% всей суммы вознагражденія за смерть или увѣчье. Но для буржуазіи даже это было еще слишкомъ много. Рейхстагъ занялся прежде всего законопроектомъ о страхованіи отъ болѣзней, который въ сущности представлялъ собою немногимъ болѣе расширенія закона о кассахъ взаимопомощи 1876 г. Комиссія изъ рабочихъ, вышколенныхъ политически и въ смыслѣ профессіональной организаціи, составила бы вполнѣ удовлетворительный законъ въ теченіе одной недѣли. Напротивъ, рейхстагъ такъ увязъ въ препирательствахъ, что послѣ безчисленныхъ комитетскихъ засѣданій онъ все еще не былъ готовъ. Да и что̀ удивительнаго: вѣдь для буржуазныхъ партій такъ важно было какъ можно тщательнѣе отнять у рабочихъ всякую возможность новой организаціи! Депутатовъ никакими силами нельзя было удержать въ Берлинѣ, пока рейхстагъ покончитъ хотя бы съ закономъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; для того, чтобы потомъ не пришлось опять начать все сызнова, сессія не была закрыта, а только отсрочена до ближайшей зимы.

Въ декабрѣ 1882 г. рейхстагъ снова собрался. На этотъ разъ соціалъ-демократическая фракція не пожелала, чтобы въ предстоявшихъ преніяхъ по поводу § 28 закона о соціалистахъ буржуазныя партіи отдѣлались такъ дешево, какъ прежде. Она предложила резолюцію, согласно которой рейхстагъ долженъ былъ заявить, что продленіе малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ ничѣмъ не оправдывается. Дебаты открылъ Фольмаръ убѣдительной рѣчью, въ которой то и дѣло звучалъ гордый припѣвъ: „Мы побѣдители, а вы побѣжденные". Путткамеръ отвѣчалъ крайне слабо, прочитавъ нѣсколько обрывковъ изъ своего большого мѣшка цитатъ: высылки изъ Берлина, Гамбурга и Лейпцига обосновывались тѣмъ, что „*Соціалъ-демократъ*" высказывалъ еретическія мнѣнія насчетъ института „Божіей милостію", а „*Freiheit*" писала о бракѣ и семьѣ въ духѣ, неугодномъ буржуазному лицемѣрію. Но при всемъ своемъ безсодержатель-

---

пострадавшемъ отъ несчастнаго случая лежитъ, по общему правилу, на больничныхъ кассахъ.—*Перев.*

номъ паөосѣ Путткамеръ не достигъ успѣха даже у буржуазныхъ партій. Тогда онъ рѣшился на отчаянное средство: онъ сталъ превозносить „отважныхъ“ анархистовъ, какъ „болѣе сильную“ рабочую партію, и раскрылъ всѣ нѣжныя тайны своей прекрасной полицейской души въ колкомъ восклицаніи: „Мостъ мнѣ милѣе васъ“.

Буржуазныя партіи охотно прекратили бы послѣ этого дебаты. Но волей-неволей имъ пришлось сказать свои покаянныя рѣчи, такъ какъ соціалъ-демократическая фракція грозила отвѣтить на предложеніе о закрытіи дебатовъ предложеніемъ пересчитать депутатовъ, присутствовавшихъ въ числѣ, недостаточномъ для принятія рѣшеній рейхстагомъ. Сколько-нибудь мужественно говорили только члены Народной партіи Кёль, да еще прогрессистъ Вендтъ, гамбургскій учитель, открыто объявившій себя республиканцемъ. Прусскіе прогрессисты, которымъ Бисмаркъ только что причинилъ чувствительное пораженіе на выборахъ въ ландтагъ, говорили вяло и безсодержательно, хотя и не отважились открыто воспротивиться соціалъ-демократической резолюціи. Краснобай Генель опять стыдливо предложилъ взамѣнъ закона о соціалистахъ усилить строгость общаго уголовнаго законодательства, а вѣрноподданный патріотъ Евгеній Рихтеръ въ рѣзкой формѣ отрекся отъ солидарности съ республиканскимъ credo своего товарища по фракціи Вендта. Сецессіонисты спрятались за формальныя отговорки; то же сдѣлалъ ультрамонтанскій ораторъ Виндгорстъ, который, стыдясь самъ своей унизительной роли, зарапортовался до комической угрозы, что онъ готовъ сразить мечомъ соціальную революцію. Еще болѣе жалко было поведеніе польскаго юнкера Чарлинскаго, заявившаго о своей готовности выдавать полиціи „ложные шаги“ рабочихъ. Что касается консервативныхъ и націоналъ-либеральныхъ пагодъ, то онѣ просто кивнули свое „да“ на всѣ путткамеровскія штуки; только Штеккеръ поусердствовалъ еще и выразилъ желаніе, чтобы строгость закона о соціалистахъ была по возможности усилена. Соціалъ-демократическая резолюція была отклонена всѣми голосами противъ прогрессистовъ и Народной партіи.

Еще до голосованія Грилленбергеръ, депутатъ отъ Нюрнберга, разорвалъ увѣренной рукой софистическую паутину Путткамера. Мѣтко и не стѣсняясь въ выраженіяхъ онъ отдѣлалъ лицемѣрныя разглагольствованія насчетъ святости брака и семьи въ буржуазномъ обществѣ, указавъ на распространенность содержанокъ

у „верхнихъ десяти тысячъ". Затѣмъ онъ отхлесталъ одного изъ сыновей Бисмарка, который незадолго передъ этимъ соблазнилъ одну замужнюю женщину и со свойственнымъ его роду героизмомъ бросилъ ее, чтобы вернуться къ родительскимъ мяснымъ горшкамъ, когда старикъ сталъ грозить ему своимъ гнѣвомъ. Семья Бисмарковъ, задѣтая въ своей святости, поклялась страшно отомстить, и по телеграфному приказу изъ Берлина былъ тотчасъ же запрещенъ безобидный рабочій календарь, изданный нюрнбергской кооперативной типографіей. Послѣдняя была приведена этой мѣрой на край банкротства, но только глупцы могли вообразить себѣ, что подобными средствами можно запугать такого человѣка, какъ Грилленбергеръ. Воплощеніе природной мужественной силы, вождь нюрнбергскихъ рабочихъ развился на парламентской почвѣ въ превосходнаго борца. Свѣдущій, какъ немногіе, во всѣхъ вопросахъ рабочаго законодательства, всегда готовый и способный дѣловито обсудить то хорошее, что̀ могло придти къ пролетаріату даже отъ правительства, Грилленбергеръ неизмѣнно стоялъ также впереди, когда требовалось разорвать сѣти закона о соціалистахъ. Особый интересъ онъ посвятилъ пресловутымъ „двадцатигрошевикамъ", которые шагъ за шагомъ, днемъ и ночью, шпіонили за соціалъ-демократическимъ депутатомъ, проникая даже въ самое помѣщеніе рейхстага. Когда Грилленбергеръ обратился разъ къ правительству съ запросомъ по поводу этихъ недостойныхъ штукъ, то Путткамеръ улетучился изъ залы засѣданій, а статсъ-секретарь фонъ-Бёттихеръ сказалъ съ невиннѣйшей въ свѣтѣ миной: моя хата съ краю, я ничего не знаю Грилленбергеръ обѣщалъ, если это безобразіе не прекратится, положить одного изъ шпіоновъ живьемъ на столъ палаты, и онъ былъ человѣкомъ, способнымъ сдержать свое слово: трусливые мерзавцы не разъ обращались въ бѣгство передъ его здоровыми кулаками.

Но если часть буржуазной оппозиціи еще нашла возможнымъ выразить порицаніе неправильному примѣненію § 28, то и она почти полностью перемѣнила фронтъ, когда 11 января 1883 г. дошла наконецъ очередь до соціалъ-демократическаго предложенія объ отмѣнѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ. Сецессіонисты придумали отговорку, что обсужденіе различныхъ юридическихъ вопросовъ въ одномъ предложеніи неудобно, и по этой боковой тропинкѣ убѣжали рысцой въ кусты почти всѣ „принципіальные противники всякаго исключительнаго законодательства", съ про-

грессистскимъ бульдогомъ Евгеніемъ Рихтеромъ и ультрамонтанской лисой Виндгорстомъ во главѣ. Органъ Народной партіи „*Frankfurter Zeitung*" также писалъ о „проигранной битвѣ" соціалъ-демократіи, какъ будто соціалъ-демократическая фракція ожидала отъ принятія ея предложенія немедленной отмѣны всѣхъ церковныхъ и соціально-политическихъ исключительныхъ законовъ! Въ дѣйствительности она претендовала и могла претендовать лишь на одно: чтобы большинство рейхстага оффиціально засвидѣтельствовало отвращеніе, будто бы внушаемое ему исключительными законами. „Мы стоимъ на почвѣ принципа,—сказалъ Либкнехтъ въ превосходной рѣчи, которою онъ обосновалъ соціалъ-демократическое предложеніе,—и желаемъ, чтобы вы также стали на эту почву. Кто подаетъ голосъ противъ нашего предложенія, тотъ признаетъ себя принципіальнымъ сторонникомъ исключительныхъ законовъ". Нужна была значительная степень умственнаго разстройства, чтобы въ принципіальномъ бѣгствѣ буржуазной оппозиціи усмотрѣть „выигранную битву".

Закономъ о соціалистахъ Бисмаркъ несомнѣнно достигъ одного: если не пролетарскій соціализмъ, то буржуазный либерализмъ и радикализмъ были парализованы. „Неуклонные" всѣ получили кòлеръ государственныхъ мужей, пытавшійся забавнѣйшими прыжками скрыть тайную тревогу за любезный ихъ сердцу денежный шкафъ.

---

2. Копенгагенскій конгрессъ.

Со времени выборовъ въ рейхстагъ 1881 г. внутреннее укрѣпленіе германской соціалъ-демократіи дѣлало безпрерывные успѣхи. Сознаніе, что партія не перестаетъ жить энергичной жизнью, поддерживало огонь въ рабочихъ массахъ, и на столбцахъ „*Соціалъ-демократа*" Бебель и Фольмаръ завели уже маленькую полемику по вопросу о томъ, не заслуживаетъ ли въ концѣ-концовъ исключительный законъ предпочтенія предъ общимъ правомъ? Фольмаръ полагалъ, что вопросъ этотъ надо рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, тогда какъ Бебель приводилъ все-таки рядъ вѣскихъ доводовъ противъ подобнаго рѣшенія.

Но пока что, этотъ споръ представлялся „музыкой будущаго", для настоящаго же времени достаточно было того, что развитіе партіи совершается независимо отъ закона о соціалистахъ. Партія располагала теперь за границей сильнымъ аванпостомъ, который

дозволялъ ей полную свободу дѣйствій. Нѣмецкіе соціалъ-демократы въ Швейцаріи сплотились въ прочную организацію, послѣ того какъ они осенью 1880 г. мирно разошлись на конгрессѣ въ Ольтенѣ со своими швейцарскими единомышленниками; Швейцарская Союзная Типографія и Народная Книготорговля, печатавшая „*Соціалъ-демократъ*", перешла въ собственность нѣмецкихъ товарищей. Дѣло находилось подъ техническимъ руководствомъ толковаго спеціалиста, швейцарскаго типографа Концетта; германская партія имѣла въ немъ 5 представителей. Это были: Эдуардъ Бернштейнъ, который съ осени 1880 г. редактировалъ „*Соціалъ-демократъ*", Юліусъ Моттелеръ, завѣдывавшій экспедиціей, купецъ Германъ Шлютеръ, управлявшій книжной торговлей (раньше онъ занимался агитаціонной дѣятельностью въ Дрезденѣ), наконецъ, факторъ типографіи Леонгардъ Таушеръ и метранпажъ Рихардъ Фишеръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ редакторство перешло въ руки Бернштейна, партійный органъ, державшійся подчасъ неувѣренно въ теченіе перваго года своего существованія, принялъ строго-послѣдовательное направленіе, притомъ съ рѣзкостью, которая соотвѣтствовала преслѣдованіямъ противъ партіи. Можно было спорить, не переходитъ ли иногда газета въ энергичныхъ выраженіяхъ своего гнѣва мѣру необходимаго: самъ Бернштейнъ честно признался разъ впослѣдствіи, что, оторванный отъ германскихъ условій и окруженный атмосферою изгнанія, онъ въ формѣ своей полемики находился подъ вліяніемъ конкурренціи съ „*Freiheit*" Моста. Но при этомъ дѣло шло только о слѣдующемъ вопросѣ: не наноситъ ли—какъ писалъ Энгельсъ Бернштейну—преимущественное примѣненіе насмѣшки и сарказма болѣе чувствительныхъ ранъ противникамъ, чѣмъ самыя рѣзкія выраженія негодованія. Вообще же самыя энергичныя выраженія, какія когда-либо употреблялъ „*Соціалъ-демократъ*", только воздавали по заслугамъ нѣмецкому полицейскому режиму; таково было также весьма рѣшительное мнѣніе нѣмецкихъ рабочихъ. Когда въ концѣ 1881 г. Газенклеверъ и Блосъ употребили въ рейхстагѣ нѣсколько выраженій, которыя могли быть истолкованы наполовину какъ отрицаніе солидарности съ „*Соціалъ-демократомъ*", то возгорѣлся оживленный споръ относительно манеры писанія центральнаго органа, кончившійся почти единогласнымъ вотумомъ сознательнаго пролетаріата: „Чѣмъ энергичнѣе, тѣмъ лучше!" При этомъ случаѣ соціалъ-демократическая фракція рейхстага, въ томъ числѣ Газен-

клеверъ и Блосъ, еще разъ признала *„Соціалъ-демократъ“* оффиціальнымъ органомъ парті она сдѣлала лишь вполнѣ понятную оговорку, что не можетъ отвѣтствовать за каждую отдѣльную статью или выраженіе.

Въ экспедиціи *„Соціалъ-демократа“* Моттелеръ обнаружилъ, въ качествѣ „начальника красной полевой почты“, свои старые организаторскіе таланты. То, что раньше ни разу еще не удалось въ исторіи, удавалось теперь съ несравненной легкостью и правильностью: запрещенная эмигрантская газета, за распространеніе которой законъ грозилъ тяжкими карами и пути которой были заняты полицейской арміей большого государства, пунктуально доставлялась еженедѣльно въ тысячахъ экземпляровъ до самыхъ глухихъ мѣстъ этого большого государства. Конечно, возможность такого безпримѣрнаго успѣха создали лишь современныя условія производства и сообщенія. Торты, круги швейцарскаго сыра, тыквы, гипсовыя фигуры, головки сахара, въ которыхъ *„Соціалъ-демократъ“* будто бы перевозился черезъ германскую границу,— все это принадлежало къ области фантазіи. Современные способы перевозки и современная техника дѣлали излишними такіе старомодные пріемы, совершенно недостаточные къ тому же для той массы литературы, которую требовалось перевозить. Вообще наибольшія трудности представлялъ не контрабандный провозъ въ имперію. Гораздо важнѣе было дальнѣйшее распространеніе и раздача въ отдѣльныхъ мѣстахъ подписчикамъ и читателямъ. Это требовало цѣлой арміи энергичныхъ, ловкихъ и безусловно надежныхъ товарищей: безъ массоваго содѣйствія вѣрныхъ своему долгу солдатъ, вышколенныхъ современнымъ способомъ производства и почерпавшихъ свою силу въ солидарности современнаго пролетаріата, *„Соціалъ-демократъ“* не могъ бы исполнить своей исторической задачи; безъ этого условія распространеніе летучихъ листковъ также не могло бы развиться во все болѣе острое оружіе партіи. Каждый изъ этихъ храбрецовъ проявлялъ самоотверженность и вѣрность убѣжденіямъ, сіявшія тѣмъ болѣе чистымъ свѣтомъ, что къ нимъ не примѣшивалась даже благороднѣйшая человѣческая страсть—жажда славы. Безвѣстные борцы знали, что „ни одна пѣсня, ни одна книга героевъ“ не разскажетъ міру, какъ заботливо выполнялась ими обязанность, которую они взяли на себя, служа своему классу.

Разбить такую фалангу представлялось невозможной задачей для оффиціальной полиціи Германской имперіи, несмотря на са-

мыя судорожныя усилія съ ея стороны. Въ одномъ Берлинѣ штатъ политической полиціи увеличился за 3 года въ 10 разъ, не считая безчисленной арміи мерзавцевъ, которые за сдѣльную плату вели борьбу въ защиту „священнѣйшихъ благъ". Эта банда наводнила также Швейцарію, но насколько легко сыщики проникали въ анархистскіе кружки, настолько же вѣрно отскакивали они отъ соціалъ-демократическихъ организацій. Немного помогла и позорная система полиціи—такъ долго мучить бѣдныхъ, затравленныхъ и голодающихъ рабочихъ, пока они не согласятся на роль предателей. Если иной разъ транспортъ запрещенныхъ изданій и „проваливался", то немедленно слѣдовалъ другой, а черезъ самое короткое время предатель красовался въ черномъ спискѣ „*Соціалъ-демократа*", и весь затраченный позорный трудъ оказывался напраснымъ.

Особенно хорошій уловъ выпалъ цюрихцамъ въ ноябрѣ 1882 г., когда они вмѣстѣ съ сыщикомъ Шмидтомъ захватили и его „служебную" корреспонденцію. Шмидтъ былъ злостнымъ банкротомъ изъ Дрездена; судебныя власти разыскивали его для заключенія подъ стражу, и согласно существующимъ договорамъ Швейцарія должна была бы выдать его, если бы германскія власти потребовали такой выдачи. Царство богобоязненности и добронравія не чувствовало, однако, никакой потребности въ этомъ, а воспользовалось мошенникомъ, какъ агентомъ-провокаторомъ среди нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ въ Цюрихѣ. Между прочимъ, Шмидтъ рекомендовалъ покушенія при помощи отравленныхъ иголокъ и вообще учрежденіе фонда для покушені уже одного этого было достаточно, чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ людей, за которыми онъ долженъ былъ шпіонить. При разоблаченіи Шмидта были найдены нѣжно-конфиденціальныя письма, которыя писали этому завѣдомому преступнику, какъ своему „довѣренному лицу", совѣтникъ уголовной полиціи Веллеръ и полицейскій комиссаръ Пауль изъ Дрездена, а также полицейскій инспекторъ Кальтенбахъ; переписка велась частью подъ условнымъ адресомъ одного высшаго почтоваго чиновника въ Мюльгаузенѣ. Изъ этихъ документовъ выяснилось, между прочимъ, какимъ путемъ создаются агенты-провокаторы, не взирая на торжественное напоминаніе всѣмъ полицейскимъ „довѣреннымъ лицамъ", что они не должны подстрекать къ преступленіямъ. Послѣ того, какъ аппетитъ шпіона былъ раздразненъ обильными авансами, его подвергли голодной пыткѣ, объявивъ, что новыя деньги могутъ быть отпущены

только въ томъ случаѣ, если у него найдется для сообщенія что-нибудь „важное". Бѣдный дурень не былъ виноватъ, если всѣ его провокаторскія штуки не дали въ результатѣ никакихъ „важныхъ" покушеній. Прогнанный съ позоромъ изъ Цюриха, онъ бѣжалъ назадъ въ Германскую имперію, гдѣ судъ, не имѣвшій больше надобности сгибаться предъ высшими потребностями полиціи, приговорилъ его за злостное банкротство къ 4-лѣтнему заключенію въ каторжной тюрьмѣ.

Теперь „*Соціалъ-демократъ*" могъ уже повернуть копье и открыть „альбомъ преступниковъ", гдѣ онъ раскрылъ продажность, господствующую среди германской полиціи. Въ одномъ Эльберфельдѣ-Барменѣ изъ-за этого такъ или иначе сломали себѣ шею полдюжины полицейскихъ гонителей соціалистовъ, и оберъ-бургомистръ жаловался, что никто больше не хочетъ идти на опасную службу спасенія отечества. Чтобы помочь горю, были присланы „испытанныя силы" извнѣ, полицейскій инспекторъ Эльшлегеръ изъ Альтоны вмѣстѣ съ еще однимъ помощникомъ. Однако и имъ пришлось поспѣшно ретироваться изъ долины р. Вупперъ, такъ какъ одинъ высланный изъ Берлина, котораго они хотѣли соблазнить на шпіонскія услуги, тотчасъ опубликовалъ ихъ письма въ „*Соціалъ-демократъ*". При этомъ были пригвождены заодно къ позорному столбу еще нѣсколько провокаторовъ, довольно долго агитировавшихъ среди пролетаріата Бергишъ-Марка.

Политическая организація нѣмецкаго рабочаго класса была разбита, но его экономическая организація не могла быть уничтожена, развѣ если бы удалось упразднить современную цивилизацію, уничтожить механизмъ капиталистическаго процесса производства, который соединяетъ, дисциплинируетъ и организуетъ рабочій классъ. Вмѣстѣ съ нимъ открылась тысяча способовъ быстро столковаться, безъ необходимости прибѣгать къ опасному и обоюдоострому оружію іерархически расчлененной тайной организаціи. Каждый совмѣстный рабочій день въ большихъ мастерскихъ современной промышленности, каждая форма общественнаго соединенія, каждый образовательный ферейнъ и читальня, каждый клубъ для куренія и танцевъ, каждая воскресная поѣздка за городъ, каждая вечерняя прогулка въ праздникъ дѣлала тщетными полицейскія усилія разбить соціалъ-демократическую организацію. Эта организація, принимавшая самый различный видъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и умѣвшая приноравливать свое побѣдоносное сопротивленіе ко всякой формѣ нападенія, была тайной лишь по-

стольку, поскольку ей приходилось быть тайной, чтобы обезпечить пролетаріату равноправіе съ другими классами населенія. Именно потому она была столь же непобѣдима морально, какъ она была экономически несокрушима.

Но вмѣстѣ съ новымъ поворотомъ своей политики Бисмаркъ былъ теперь вынужденъ также предоставить рабочимъ массамъ большій просторъ, чѣмъ въ первые годы закона о соціалистахъ. Они должны были имѣть возможность говорить, хотя бы только для того, чтобы благодарить Бисмарка за его „благодѣянія", чтобы проклинать своихъ „совратителей" и—соображеніе не послѣдней важности—чтобы нагонять страхъ на буржуазію. Бисмаркъ натянулъ ту же нить полицейскаго произвола, только другого номера. На свой ограниченный ладъ онъ вообразилъ, что съумѣетъ поймать на эту удочку рабочихъ. Дѣйствительно, они выразили ему свою благодарность, тотчасъ же занявъ каждую уступленную имъ пядь земли, хотя бы и самую шаткую, но это была не та благодарность, на которую Бисмаркъ разсчитывалъ, а та, которую онъ заслужилъ.

Съ 1882 г. профессіональное рабочее движеніе вновь испытываетъ подъемъ. Совершенно подавить его не былъ въ силахъ даже законъ о соціалистахъ. Первую значительную стачку при дѣйствіи этого закона вели берлинскіе столяры весною 1880 г.; съ конца этого года возникли также нѣкоторые профессіональные союзы, а еще раньше, почти непосредственно вслѣдъ за запрещеніемъ старыхъ профессіональныхъ газетъ, стали выходить кое-какія профессіональныя газеты, напр., „*Wecker*", основанный Боккомъ въ Готѣ для сапожниковъ, „*Die Neue Tischlerzeitung*" (органъ столяровъ) и „*Schiffbauerbote*" (органъ корабельныхъ плотниковъ) въ Гамбургѣ, „*Der Gewerkschafter*" для табачниковъ въ Лейпцигѣ и другія. Затѣмъ сильный толчокъ профессіональному движенію далъ извѣстный подъемъ въ промышленности, замѣчавшійся въ началѣ 80-хъ гг.

Когда въ мартѣ 1882 г. позолотчикъ Эвальдъ созвалъ руководителей берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ, чтобы обсудить петицію, которая должна была изложить правительству жалобы и желанія рабочихъ, то такихъ союзовъ насчитывалось уже 18. Изъ нихъ возникъ Главный комитетъ берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ, развившій оживленную агитацію въ пользу законодательной охраны труда. Уже въ первомъ рабочемъ собраніи, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, рѣшено было послать петицію не прави-

тельству, а рейхстагу: петиція,—говорили на собраніи,—найдетъ и безъ Бисмарка энергичныхъ защитниковъ въ лицѣ парламентскихъ представителей рабочаго класса. Еще недвусмысленнѣе выступилъ духъ, воодушевлявшій берлинскихъ рабочихъ, въ послѣдующихъ собраніяхъ, гдѣ Газенклеверъ, Фроме и другіе соціалъ-демократическіе депутаты рейхстага были встрѣчены съ бурнымъ ликованіемъ. Все же Эвальдъ лавировалъ весьма осторожно, и злобныя нападки прогрессистской печати, выступившей въ походъ противъ петиціи со своими давно забытыми манчестерскими фразами, доставили ему совершенно естественный поводъ разсчитаться прежде всего съ прогрессистской партіей. Такимъ образомъ Штеккеръ и К° надѣялись еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что имъ удастся овладѣть движеніемъ; они отважились даже выступить съ нападками противъ полиціи, которая черезчуръ, дескать, спѣшитъ всегда съ закрытіемъ рабочихъ собраній.

Долго эта пріятная мечта, понятно, не длилась. Когда въ исходѣ 1882 г. консервативная партія выступила на сцену со своимъ проектомъ введенія обязательныхъ рабочихъ книжекъ, то сознательные рабочіе равнодушно отодвинули въ сторону вялые протесты прогрессистовъ и заклеймили реакціонный замыселъ подобающимъ „нѣмецкимъ языкомъ". Въ двухъ грандіозныхъ собраніяхъ берлинскіе рабочіе назвали сознательной ложью утвержденіе, что пролетаріатъ желаетъ рабочихъ книжекъ, и заявили, что авторы этого проекта заслуживаютъ презрѣнія всѣхъ рабочихъ и должны быть пригвождены къ позорному столбу исторіи. Однородныя резолюціи были приняты сотней рабочихъ собраній, отъ Рендсбурга и Вильгельмсгавена до Нюрнберга, Мюнхена и Штутгарта. Повсюду, гдѣ Штеккеръ и его товарищи показывались предъ рабочими, ихъ съ громкимъ хохотомъ выпроваживали вонъ. Отнынѣ полиція знала, что ей дѣлать, и 15 февраля 1883 г. противъ Главнаго комитета было возбуждено судебное преслѣдованіе на томъ основаніи, что профессіональные союзы, будучи политическими ферейнами, нарушили законъ о союзахъ, вступивъ въ сношенія другъ съ другомъ.

Вообще, несмотря на „мягкую практику", гоненія противъ соціалъ-демократической партіи не прекратились. Малое осадное положеніе въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ регулярно возобновлялось въ день истеченія своего срока, высылки изъ трехъ осадныхъ районовъ безпрерывно продолжались, рабочія собранія раз-

рѣшались и закрывались одинаково въ зависимости отъ капризнаго усмотрѣнія полиціи, запрещенія печатныхъ произведеній и союзовъ не прекращались. Что касается имперской комиссіи для разрѣшенія жалобъ на неправильное примѣненіе закона о соціалистахъ, то она осуществляла свои „судебныя гарантіи“ съ прежней беззаботностью, когда рабочіе находили стоющимъ дѣломъ обращаться въ учрежденіе, прозванное ими „имперско-висѣличной комиссіей“; впрочемъ, съ нѣкотораго времени такое обращеніе имѣло мѣсто только въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ. Точно также продолжали быть повседневнымъ явленіемъ процессы по обвиненію въ бунтѣ, государственной измѣнѣ, оскорбленіи величества, возбужденіи къ насиліямъ и прочія дѣла, возбуждаемыя по каучуковымъ параграфамъ. Существо „мягкой практики“ требовало, чтобы рабочіе ни на минуту не забывали, подъ какимъ дамокловымъ мечомъ они живутъ. Было бы однако преувеличеніемъ утверждать, что юстиція только медленно тащилась вслѣдъ за полиціей. Въ особенности такое замѣчаніе было бы непримѣнимо къ имперскому суду, политическія рѣшенія котораго опускались все ниже и ниже со времени перваго большого процесса о государственной измѣнѣ. Одно лишь можно сказать,— что если и не всѣ, то многіе суды соблюдали извѣстную сдержанность въ первые годы закона о соціалистахъ. Встрѣчались приговоры, напоминавшіе періодъ покушеній: такъ, напр., въ Дрезденѣ были осуждены съ іюля 1880 г. до января 1882 г. 90 товарищей, причемъ сумма наказаній составила 18 лѣтъ. Но во многихъ случаяхъ полицейскія власти терпѣли въ судахъ фіаско со своими обвиненіями: такъ, изъ 359 соціалъ-демократовъ, которыхъ полиція привлекла въ Берлинѣ къ отвѣтственности до конца 1881 г., суды признали виновными только 26 человѣкъ.

Но если партія и разобралась скоро въ новой тактикѣ Бисмарка, то въ ея рядахъ испытывалась все-таки потребность занять на новомъ конгрессѣ вполнѣ недвусмысленную позицію относительно положенія вещей, во многихъ отношеніяхъ измѣнившагося со времени виденскаго конгресса. Если не было принципіальныхъ, то были все-таки различныя тактическія разногласія, выступившія, напримѣръ, въ спорѣ о направленіи „*Соціалъ-демократа*“. Къ тому же нужно было готовиться къ ближайшимъ выборамъ въ рейхстагъ, а третій годъ, являвшійся согласно виденскому постановленію крайнимъ срокомъ для созванія новаго партійнаго конгресса, уже наступилъ. Въ августѣ 1882 г. депу-

таты рейхстага и нѣсколько уполномоченныхъ собрались на трехдневное совѣщаніе въ Цюрихѣ; здѣсь подверглось основательному обсужденію все положеніе партіи, и созваніе общаго конгресса было назначено на ближайшую весну. 4 января 1883 г. „*Соціалъ-демократъ*“ объявилъ о необходимости приступить къ избранію делегатовъ, которое должно состояться до конца февраля, послѣ чего делегатамъ будутъ сообщены дальнѣйшія инструкціи. Хотя по самому существу дѣла мѣсто и время конгресса стали извѣстными многимъ лицамъ, тѣмъ не менѣе полицію удалось провести въ совершенствѣ. Цѣлый кордонъ сыщиковъ подъ командою полицейскаго совѣтника Крюгера занялъ швейцарскую границу отъ Линдау до Базеля; когда въ нѣмецкихъ газетахъ проскользнуло затѣмъ извѣстіе, что конгрессъ засѣдаетъ на сѣверѣ, то Крюгеръ бросился сломя голову въ Лондонъ, но узналъ тутъ, что конгрессъ засѣдалъ въ Копенгагенѣ и уже закрылся. Свою безсильную ярость по поводу понесеннаго ею пораженія полиція могла выразить только тѣмъ, что вопреки всякому закону и праву задержала на пару часовъ въ Килѣ и Неймюнстерѣ нѣсколькихъ возвращавшихся делегатовъ, среди которыхъ были и депутаты рейхстага.

Въ семи засѣданіяхъ, отъ 29 марта по 2 апрѣля, конгрессъ справился со своими дѣлами къ общему удовольствію своихъ 60-ти делегатовъ. Одинъ изъ членовъ, присутствовавшій съ 1872 г. на всѣхъ конгрессахъ партіи, могъ констатировать, что ни на одномъ еще изъ прежнихъ конгрессовъ не были такъ равномѣрно представлены партійные округи. Общее положеніе партіи оказалось въ высокой степени удовлетворительнымъ. Въ самой Германіи въ мѣста для пріема сборовъ поступили съ 5 августа 1881 г. по 28 февраля 1883 г. 95.000 марокъ; сверхъ того въ Цюрихъ были посланы для самыхъ разнообразныхъ цѣлей 20.729 фр. Въ трехъ районахъ осаднаго положенія духъ партіи былъ наилучшій, товарищи жертвовали великолѣпно, и партійный органъ имѣлъ наибольшее распространеніе. О положеніи „*Соціалъ-демократа*“ докладывалъ Рихардъ Фишеръ: число подписчиковъ возросло со времени виденскаго конгресса вчетверо; газета не только покрывала свои расходы, но могла уже приступить къ выплатѣ полученной ею ссуды.

Руководство ближайшими выборами въ рейхстагъ было возложено на соціалъ-демократическую фракцію рейхстага, съ правомъ кооптаціи и назначенія подъ-комитета для исполненія дѣлъ. Фрак-

ціи было поручено выработать общій избирательный манифестъ и брошюру-инструкцію для защиты противъ незаконнаго нарушенія правъ соціалъ-демократическихъ избирателей со стороны властей и господствующихъ классовъ. Цѣлью участія въ выборахъ было выставлено не завоеваніе возможно большаго числа мандатовъ, а возможно большаго числа голосовъ; система оффиціальныхъ избирательныхъ округовъ была поэтому оставлена, и вмѣсто того предложена самая оживленная избирательная агитація повсюду, гдѣ только имѣются члены партіи. Для принципіальной тактики на выборахъ остались въ силѣ виденскія резолюціи; предложеніе о полномъ воздержаніи отъ подачи голоса на перебаллотировкахъ между буржуазными кандидатами было отвергнуто 34 голосами противъ 24. Систему выставленія кандидатовъ съ извѣстными именами въ возможно большемъ числѣ избирательныхъ округовъ рѣшено было бросить; всѣ кандидаты должны были не только безусловно признавать партійную программу, но и обязаться принимать участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ по общему рѣшенію партійнаго представительства.

Направленіе „*Соціалъ-демократа*“ было въ общемъ одобрено; точно также конгрессъ, по тщательномъ разъясненіи отдѣльныхъ пунктовъ, одобрилъ общее поведеніе парламентской фракціи. Въ особой резолюціи конгрессъ требовалъ „безпощаднаго образа дѣйствій“ со стороны партіи, отвергая всякія уступки преслѣдованіямъ господствующихъ классовъ, всякіе разсчеты на снисходительность властей. По поводу такъ наз. „соціальной реформы“ въ Германской имперіи конгрессъ единогласно и безъ преній заявилъ, что имѣя въ виду поведеніе, котораго до сихъ поръ держались господствующіе классы, онъ не вѣритъ ни въ честность ихъ намѣреній, ни въ ихъ способности. Онъ убѣжденъ, напротивъ, что мнимая соціальная реформа служитъ лишь тактическимъ средствомъ для отвлеченія рабочихъ отъ правильнаго пути. Но конгрессъ считаетъ, конечно, долгомъ партіи и ея парламентскихъ представителей энергично охранять интересы рабочаго класса при обсужденіи всѣхъ проектовъ, затрагивающихъ экономическое положеніе народа, какими бы мотивами послѣдніе ни были внушены; разумѣется, они при этомъ ни на минуту не должны отказываться отъ всей совокупности соціалистическихъ требованій.

Таковъ былъ краткій и ясный отвѣтъ пролетаріата на посланіе императора.

Глава IV

Научное собираніе.

Копенгагенскій конгрессъ выполнилъ еще одинъ грустный долгъ, почтивъ память человѣка, который въ теченіе 4 десятилѣтій оплодотворялъ своими великими идеями пролетарское движеніе двухъ частей свѣта. Карлъ Марксъ скончался 14 марта 1883 г. Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни ему пришлось бороться съ тяжкими страданіями; еще до него сошли въ могилу его жена и старшая дочь. Серьезны и трогательны были послѣдніе аккорды этой великой жизни, но она угасла не среди безнадежной ночи, какъ нѣкогда жизнь Лессинга или Фихте, а при занимающейся зарѣ лучшаго будущаго; безостановочные успѣхи нѣмецкаго рабочаго класса озарили своимъ свѣтомъ жизненный закатъ Карла Маркса.

Его наслѣдіе перешло къ Энгельсу, который неутомимо работалъ и творилъ для международнаго пролетаріата еще въ теченіе 12-ти лѣтъ. Изъ оставленныхъ Марксомъ рукописей онъ издалъ 2-й и 3-й томы „*Капитала*", гдѣ разбирается механизмъ конторы и рынка, подобно тому какъ въ 1-мъ томѣ разобранъ механизмъ фабрики. Но по своему содержанію эти томы не могли оказать на рабочее движеніе такого глубокаго и непосредственнаго вліянія, какое оказалъ въ свое время 1-й томъ: одолѣть изобиліе новыхъ идей, заключенныхъ въ нихъ, могли только теоретически образованные читатели. Болѣе общедоступна была книга Энгельса „О происхожденіи семьи, частной собственности и государства"; примыкая къ изслѣдованіямъ Моргана и предварительнымъ изысканіямъ Маркса, она въ существенныхъ чертахъ была однако самостоятельнымъ трудомъ. Она заполняла крупный пробѣлъ въ воззрѣніи Коммунистическаго Манифеста на всемірную исторію и,

ясно вскрывая первобытную исторію человѣчества, давала новую опору научному коммунизму. Но все же бо́льшая часть плодотворной и богатой работы, выполненной Энгельсомъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, была отдана практическимъ потребностямъ пролетарской классовой борьбы. Въ безчисленныхъ статьяхъ, письмахъ и бесѣдахъ онъ снабжалъ совѣтами рабочія партіи всѣхъ странъ; на сопряженный съ этимъ тяжелый трудъ онъ смотрѣлъ какъ на непремѣнный долгъ, подлежащій безотлагательному исполненію. Если въ теченіе всей своей жизни онъ стоялъ нѣсколько въ тѣни рядомъ съ Марксомъ, то теперь цвѣтущая старость обильно вознаградила его, — даже слишкомъ обильно, какъ утверждалъ самъ Энгельсъ со скромностью, присущею великому мыслителю.

Несмотря на неистовый шумъ борьбы, наполнявшій первые годы закона о соціалистахъ, книга Энгельса противъ Дюринга начала медленно производить свое дѣйствіе въ отдѣльныхъ свѣтлыхъ головахъ. Популярное резюмѐ важнѣйшихъ ея главъ, которое Энгельсъ выпустилъ въ свѣтъ около времени копенгагенскаго конгресса съ цѣлью представить въ самыхъ крупныхъ чертахъ „Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ", было уже теперь жадно проглочено массами въ большомъ изданіи и скоро переведено также съ одинаковымъ результатомъ на языки всѣхъ странъ, гдѣ существовало рабочее движеніе. Научные журналы Гёхберга перестали выходить, хотя „*Züricher Jahrbuch*", напр., въ своихъ позднѣйшихъ томахъ обнаруживалъ постоянное улучшеніе; но пока партіи приходилось бороться за свое политическое существованіе, она отодвигала всякую теорію на задній планъ. Тѣмъ сильнѣе толкнула послѣ выборовъ 1881 г. къ научному собиранію удивительная сила упругости, заключенная въ современномъ рабочемъ движеніи. Войско, которому предстояла еще продолжительная война, нуждалось въ арсеналахъ, гдѣ оно могло бы отточить старое и выковать новое оружіе. Уже въ Виденѣ обсуждался вопросъ объ основаніи партійнаго архива, а въ Копенгагенѣ онъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, причемъ была подчеркнута настоятельность этого дѣла; въ лицѣ Шлютера архивъ нашелъ весьма изобрѣтательнаго завѣдующаго.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, законъ о соціалистахъ обманулъ слѣпыя ожиданія своихъ авторовъ. Манчестерцы не безъ основанія жаловались, что гонимый соціализмъ сталъ „важнымъ бариномъ", за которымъ ухаживаетъ весь свѣтъ.

Безспорно, въ этомъ было много одной видимости, о чемъ достаточно свидѣтельствуютъ уже расшаркиванія Бисмарка предъ соціализмомъ. Всякое мѣропріятіе, направленное къ обогащенію казны или увеличенію буржуазной прибыли, прославлялось какъ соціализмъ, разъ только для проведенія его служила рука государства. Но нельзя играть безнаказанно съ этимъ огнемъ, и все, что еще не потеряло научной совѣсти въ буржуазномъ ученомъ мірѣ, возмутилось противъ комедіи. Рядъ молодыхъ изслѣдователей опубликовалъ заслуживающія признанія работы о положеніи нѣмецкаго пролетаріата; нѣкоторые изъ нихъ, какъ Эммануилъ Гансъ Саксъ и Шнапперъ-Арндтъ, честно заявили, что были направлены на свои изысканія работами Маркса и Энгельса. Саксъ описалъ тюрингенскіе округа, а Шнапперъ-Арндтъ — пять сельскихъ общинъ на Высокомъ Таунусѣ, обнаруживая нерѣдко глубокое пониманіе историческаго развитія и типическаго существа капиталистически эксплуатируемой кустарной промышленности. Несмотря на всю свою детальность, картины ихъ были набросаны съ той творческой силой, которая отличаетъ истиннаго научнаго изслѣдователя отъ банды ученыхъ ремесленниковъ. Но игра этой банды съ Родбертусомъ также оказалась обоюдоострой. Родбертусъ былъ слишкомъ твердымъ кряжемъ, чтобы дрессируемая на него академическая молодежь не споткнулась о него: безпринципные карьеристы опускались лучше прямо въ бисмарковское болото, находя, что если Родбертусъ и составляетъ нѣчто большее, чѣмъ Марксъ, то Бисмаркъ составляетъ рѣшительно еще больше, нежели Родбертусъ; что же касается дѣйствительныхъ талантовъ, то они спасались на твердую почву научнаго коммунизма. Такъ поступилъ, напр., уроженецъ Хемница Максъ Шиппель, давшій цѣнную работу уже въ своемъ литературномъ первенцѣ о современной нищетѣ и современномъ перенаселеніи („Das moderne Elend und die moderne Übervölkerung") и быстро овладѣвшій историко-матеріалистическимъ методомъ.

Но оторвать у оффиціальной учености больше, чѣмъ наиболѣе даровитыхъ представителей ея младшаго поколѣнія, научный коммунизмъ не былъ въ состояніи, такъ какъ эта ученость именно вслѣдствіе своего оффиціальнаго характера не въ силахъ отдѣлиться отъ почвы буржуазнаго классоваго государства. Прошло немного лѣтъ, и нѣмецкіе университеты еще при законѣ о соціалистахъ объявили себя орудіями классоваго господства. Когда Конрадъ Шмидтъ, молодой кёнигсбержецъ изъ старой демократи-

ческой фамиліи, пожелалъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ и представилъ для этого сочиненіе, гдѣ въ чисто-умозрительно-теоретической формѣ разсматривалась съ большой проницательностью одна изъ проблемъ научнаго коммунизма, то ему вездѣ дали ясно понять, что „марксистъ" не можетъ быть терпимъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Соціалъ-демократическая партія и безъ этого случая знала, что на почвѣ буржуазнаго общества свобода науки есть не болѣе какъ пустая фраза. Партія давно воздвигла въ собственномъ лагерѣ арсеналъ для изготовленія своего научнаго оружія. По испытанному обыкновенію она исходила при этомъ изъ своихъ ближайшихъ потребностей; первымъ ея мѣстомъ для обсужденія теоретическихъ вопросовъ сталъ цюрихскій центральный органъ, задачи котораго потерпѣли измѣненіе, съ тѣхъ поръ какъ рабочимъ газетамъ Германіи была предоставлена нѣсколько бо̀льшая свобода.

Важнѣйшая задача заключалась теперь не въ томъ, чтобы внушать боевой пылъ затравленнымъ, гонимымъ и угнетаемымъ рабочимъ, не въ томъ, чтобы говорить революціоннымъ языкомъ, соотвѣтствующимъ ярости преслѣдованій со стороны реакціи. Напротивъ, на первый планъ выступила другая задача: разстроить игру правительственной соціальной демагогіи, просвѣтить партію относительно экономическо-соціальныхъ теченій въ обществѣ и государствѣ, выставить въ правильномъ свѣтѣ двусмысленные лозунги, напр., „борьбу противъ манчестерства". Эта борьба когда-то имѣла свой разумный смыслъ и могла получить его снова, но въ данный моментъ она угрожала создать опасное братство по оружію между германскимъ рабочимъ классомъ и самыми сомнительными элементами господствующаго эксплуататорства. Обо всѣхъ этихъ вопросахъ рабочія газеты Германіи не могли говорить съ надлежащей откровенностью, не рискуя попасть тотчасъ подъ сѣкиру закона о соціалистахъ. Такъ, напр., въ рядѣ поучительныхъ статей „*Соціалъ-демократъ*" разнесъ въ пухъ и прахъ сказку о „соціальной монархіи", пустые жонглерскіе фокусы разныхъ Штеккеровъ и Вагнеровъ, нелѣпое представленіе, будто всякое „огосударствленіе" есть шагъ къ соціализму. Онъ показалъ, что въ такое время, когда государство находится въ рукахъ худшихъ враговъ рабочаго класса, экономическая задача соціалъ-демократіи не можетъ заключаться въ усиленіи вліянія государства и расширеніи сферы его власти, а только въ содѣйствіи классовымъ интересамъ пролетаріата и охраненіи ихъ. Главное же вни-

маніе сознательнаго пролетаріата должно быть направлено при господствующихъ условіяхъ на завоеваніе политической власти и политическихъ правъ.

Для этой просвѣтительной дѣятельности „*Соціалъ-демократа*“ Эдуардъ Бернштейнъ былъ по меньшей мѣрѣ столь же подходящимъ человѣкомъ, сколько для его революціонирующей дѣятельности. Бернштейнъ происходилъ изъ бѣдной еврейской семьи въ Берлинѣ; отецъ его служилъ машинистомъ на Ангальтской желѣзной дорогѣ, а его дядя былъ политическимъ редакторомъ „*Volkszeitung*“. Онъ выросъ въ умственно оживленной и возбуждающей мысль обстановкѣ, въ средѣ, гдѣ перекрещивались самые разнообразные политическіе, религіозные и соціальные интересы. Средства его родителей позволили ему посѣщать гимназію только до свидѣтельства на вольноопредѣляющагося 1-го разряда, затѣмъ онъ служилъ 12 лѣтъ въ банкирскомъ дѣлѣ. Въ 1872 г. Эдуардъ Бернштейнъ послѣ нерѣшительныхъ опытовъ въ различныхъ направленіяхъ примкнулъ къ соціалъ-демократической партіи, сразу какъ практическій агитаторъ и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ среди тогдашнихъ эйзенахцевъ въ Берлинѣ. Онъ раздѣлялъ неясность теоретическихъ воззрѣній, господствовавшую въ этой фракціи, и завязалъ близкія отношенія съ Дюрингомъ и Гёхбергомъ. Ясный взглядъ на научный коммунизмъ онъ выработалъ себѣ лишь съ тѣхъ поръ, какъ зимою 1878—79 г. проштудировалъ полемическое сочиненіе Энгельса противъ Дюринга. Осенью 1880 г. онъ благодаря поѣздкѣ въ Лондонъ познакомился лично съ Марксомъ и Энгельсомъ; вернувшись въ Цюрихъ, онъ взялъ на себя временно редактированіе „*Соціалъ-демократа*“, а затѣмъ уже въ качествѣ постояннаго редактора велъ газету въ теченіе 10 лѣтъ.

Бернштейнъ съумѣлъ удержать газету на высотѣ органа всей партіи и въ то же время дать ей опредѣленное, твердое и ясное направленіе, которое удовлетворяло всѣмъ тактическимъ требованіямъ, не нарушая однако принциповъ. Ни въ одномъ вопросѣ, выдвигавшемся повседневной политической борьбой цѣлаго десятилѣтія, по крайней мѣрѣ—ни въ одномъ вопросѣ рѣшающей важности, „*Соціалъ-демократъ*“ не сбился на ложный путь. Бернштейнъ былъ по своей прошлой агитаторской дѣятельности слишкомъ хорошо знакомъ съ условіями пролетарской классовой борьбы, чтобы когда-либо игнорировать ее; но творя медленно и основательно, будучи размышляющей натурой, даже съ легкимъ оттѣнкомъ скептицизма, оцѣнивая относительную правоту своихъ противниковъ

скорѣе слишкомъ высоко, чѣмъ слишкомъ низко. Бернштейнъ не любилъ борьбы ради борьбы и всегда былъ готовъ на всякое плодотворное обсужденіе спорнаго вопроса. Поддерживаемый совѣтами Энгельса, Бернштейнъ своимъ редактированіемъ „*Соціалъ-демократа*“ въ такой же мѣрѣ содѣйствовалъ теоретическому просвѣщенію нѣмецкаго рабочаго класса, какъ его практическому дисциплинированію.

Это теоретическое просвѣщеніе дополнялось научнымъ ежемѣсячникомъ „*Neue Zeit*“, который началъ выходить въ Штутгартѣ съ января 1883 г. Сюда, послѣ высылки изъ Гамбурга-Гарбурга, переѣхалъ Дитцъ и принялъ у Гёхберга перешедшіе въ его собственность обломки лейпцигской кооперативной типографіи. Дитца встрѣтили жестокими придирками и въ швабской землѣ, которая съ эпохи покушеній завела у себя довольно милые полицейскіе порядки, но окончательно убить его новое предпріятіе властямъ все-таки не удалось.

Редактированіе „*Neue Zeit*“ взялъ на себя Карлъ Каутскі , уроженецъ города Праги. Онъ происходилъ изъ международной семьи художниковъ: въ его предкахъ со стороны отца смѣшались польская и чешская кровь, со стороны матери — итальянская и нѣмецкая; отецъ его былъ извѣстный живописецъ, а мать снискала себѣ почетное имя своими соціальными романами. Благодаря своему чешскому происхожденію Каутскій много терпѣлъ въ школѣ отъ мучительскихъ приставаній своихъ товарищей, и это рано толкнуло его на путь оппозиціи; въ бенедиктинскомъ аббатствѣ Мелькъ, гдѣ онъ получилъ часть своего образованія, онъ узналъ и научился ненавидѣть поповскіе порядки; затѣмъ онъ былъ глубоко потрясенъ возстаніемъ и паденіемъ парижской Коммуны. Когда въ серединѣ 70-хъ гг. молодой Каутскій отправлялся въ университетъ, то у него уже сложилось твердое рѣшеніе посвятить свою жизнь служенію партіи. Его любимымъ предметомъ была исторія; рядомъ съ ней онъ усердно занимался естественными науками и изучалъ соціализмъ, первоначально по французскимъ источникамъ. Нѣкоторый утопизмъ, полученный имъ отсюда, его близкое знакомство съ дарвинизмомъ и вліяніе Альберта Ланге побудили его написать свою первую работу, посвященную вопросу о народонаселеніи въ государствѣ будущаго. Она какъ разъ была готова къ печати, когда Гёдель произвелъ свой выстрѣлъ въ воздухъ. Австрійскому рабочему движенію, зачахшему послѣ своихъ первыхъ бурныхъ опытовъ, законъ о соціалистахъ

повредилъ гораздо больше, нежели самому германскому движені у котораго оно тащилось на буксирѣ; Мостъ нашелъ въ австрійскомъ пролетаріатѣ сравнительно благопріятную почву для вербовки приверженцевъ. Несмотря на неоднократныя попытки, Каутскому не удалось пріобрѣсти въ родной землѣ надлежащей арены для такой дѣятельности, которая отвѣчала бы его дарованіямъ и склонностямъ. Онъ попалъ затѣмъ на свою настоящую дорогу, когда въ январѣ 1880 г. Гёхбергъ пригласилъ его въ Цюрихъ для сотрудничества въ его періодическихъ изданіяхъ. Подобно Бернштейну, Каутскій также освободился теперь отъ послѣднихъ слѣдовъ теоретической шаткости путемъ изученія спора между Дюрингомъ и Энгельсомъ. Избравъ своими литературными помощниками Бернштейна и Каутскаго, Гёхбергъ показалъ, что у него хорошій глазъ, но онъ упустилъ изъ виду одно—что въ отличіе отъ него они пришли къ партіи не какъ филантропы, а какъ бунтовщики. Оба быстро переросли его и разошлись съ нимъ—дружески въ личномъ смыслѣ, но рѣшительно въ смыслѣ принципіальномъ.

Подъ редакціей Каутскаго журналъ „*Neue Zeit*" съ самаго начала проводилъ идеи марксизма, того единаго и цѣльнаго міровоззрѣнія, основоположниками котораго были Марксъ и Энгельсъ. Но онъ дѣлалъ это не въ какомъ-либо догматическо-нетерпимомъ смыслѣ, который всего менѣе былъ бы марксистскимъ. Весьма далекій отъ утвержденія, что марксизмъ есть вообще послѣднее слово человѣчества, Каутскій настаивалъ лишь на томъ, что марксизмъ можетъ сказать въ „*Neue Zeit*" *свое* послѣднее слово. Раньше чѣмъ какое-либо міровоззрѣніе можетъ быть преодолѣно, оно должно исторически изжить себя, и какъ бы относительна ни была заключенная въ немъ истина, все же подобная относительная истина далеко возвышается надъ абсолютной неистинностью сумбура, неспособнаго вообще логически мыслить. Дисциплинированный многосторонними научными занятіями и совершенно свободный отъ традиціоннаго литераторскаго тщеславія, которое занимается пачкотней и заставляетъ другихъ заниматься ею ради взаимнаго славословія, Каутскій съ неумолимой критикой выдѣлилъ въ прилежныхъ работахъ марксизмъ, во всемъ его историческомъ своеобразіи, изъ накопившейся вокругъ него кучи „соціализма на всѣ вкусы". Совѣтами Энгельса онъ пользовался въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ Бернштейнъ; съ 1884 г. онъ руководилъ „*Neue Zeit*" изъ Лондона.

Если центръ тяжести этого журнала лежалъ въ области историческаго и экономическаго изслѣдованія, то „*Recht auf Arbeit*" („Право на трудъ"), еженедѣльникъ, издаваемый въ Мюнхенѣ Луи Фирекомъ, занимался преимущественно практической соціальной политикой, вопросами рабочаго законодательства и профессіональной организаціи. Съ 1882 г. Фирекъ старался устроить въ баварской столицѣ оживляющій центръ для партійной публицистики внутри Германіи; въ „*Süddeutsche Post*" и рядѣ газетъ, появлявшихся въ самыхъ различныхъ мѣстахъ отъ Рейна до Прегеля, онъ создалъ маленькій газетный лѣсъ, который довольно часто опустошали, но не могли все-таки уничтожить ночные морозы закона о соціалистахъ. Руководящей умственной силой этихъ предпріятій былъ Бруно Шёнланкъ, молодой уроженецъ Тюрингіи, научившійся въ нѣмецкихъ университетахъ тому, чему они могли научить, и сверхъ того многому, чему они научить не могли,—быстрый и сильный работникъ, котораго блестящій даръ формы и обширныя познанія предохраняли отъ всякой опасности измельчать въ публицистической партизанской войнѣ.

Изъ скромныхъ зачатковъ, въ грозу и непогоду, у партіи выросла научная литература, свидѣтельствовавшая о значительномъ повышеніи ея умственнаго уровня сравнительно съ 70-ми годами. Измѣрить этотъ прогрессъ можно было, сравнивая популярное извлеченіе Каутскаго изъ 1-го тома „*Капитала*" съ соотвѣтственной пачкотней Моста, которая 10 годами раньше обращалась въ партіи какъ полноцѣнная монета. Откупщики буржуазной мудрости думали, что съумѣютъ побить молодые всходы разными фразами насчетъ „фанатическихъ эпигоновъ", какъ будто дѣло не происходило какъ разъ наоборотъ, и претенціозное, бездарное эпигонство не было необходимымъ, естественнымъ наслѣдникомъ класса, растерявшаго свои идеалы на толкучемъ рынкѣ.

Глава V.

Плетка и пряникъ.

Вторая часть второго періода закона о соціалистахъ длилась также полтора года. Она тянулась отъ весны 1883 г. до осени 1884 г. и разрѣшила практически то, что въ первой части этого періода было разрѣшено принципіально вопросомъ императора и отвѣтомъ пролетаріата: Бисмаркъ произвелъ свою „соціальную реформу“, а соціалъ-демократія отвѣтила на нее выборами.

Примѣненіе закона о соціалистахъ носило въ продолженіе этого времени приблизительно такой же характеръ, какъ и въ предшествующій промежутокъ; если была какая-нибудь разница, то она сводилась къ тому, что плетка пускалась въ ходъ нѣсколько лѣнивѣе, а пряникъ разбрасывался нѣсколько щедрѣе. Обвиненіе противъ главнаго комитета берлинскихъ профессіональныхъ союзовъ имѣло сравнительно благопріятный исходъ: Эвальдъ и его товарищи были присуждены къ небольшимъ денежнымъ штрафамъ, сами же профессіональные союзы не были закрыты. Когда затѣмъ берлинскіе рабочіе впервые приняли въ 1883 г. участіе въ общинныхъ выборахъ, то имъ дѣлали мало препятствій; правда, эти выборы происходили также на основѣ трехклассной системы, но отъ выборовъ въ ландтагъ они отличались тѣмъ, что каждый классъ выбиралъ здѣсь своихъ собственныхъ представителей. На недостойныя сѣтованія прогрессистовъ по этому поводу Путткамеръ съ самой напыщенной своей манерой положилъ резолюцію: „Если на здѣшнихъ общинныхъ выборахъ четвертое, скажемъ прямо, сословіе сплачивается и хочетъ выступить съ совершенно опредѣленными жалобами, то кто даетъ намъ право подводить такихъ людей подъ параграфы 1 и 9 закона о соціалистахъ? Это было бы вопіющимъ нарушеніемъ закона“. Съ января 1884 года

сталъ также возможнымъ выходъ ежедневнаго рабочаго органа—„*Berliner Volksblatt*“. Но наряду съ этимъ въ Берлинѣ были распущены въ 1883 г. 46 рабочихъ собраній, а въ 1884 г. даже 80. Въ такомъ же видѣ система плетки и пряника представлялась во всей имперіи.

На рабочихъ она производила впечатлѣніе, діаметрально противоположное желаніямъ Бисмарка и Путткамера. „*Соціалъ-демократъ*“ охарактеризовалъ ее словами, что правительство хочетъ выдрессировать рабочихъ такъ, чтобы они, когда нужно, кидались съ лаемъ на либерализмъ, а затѣмъ, когда имъ свиснутъ, смирно ложились на землю: но именно этотъ режимъ капризнаго произвола озлобляетъ рабочихъ еще больше, нежели послѣдовательно проведенное, хотя бы и очень суровое преслѣдованіе. Въ безпощадномъ противникѣ можно, по крайней мѣрѣ, уважать честность. „Но когда противникъ старается не уничтожить, а развратить насъ, когда онъ дѣлаетъ насъ безправными и отдаетъ наши семьи въ жертву нищетѣ не потому, что наши цѣли кажутся ему безнравственными и пагубными, а потому что мы не даемъ развратить себя, тогда наша ненависть не только становится глубже, къ ней присоединяется еще презрѣніе: мы презираемъ Бисмарка и его банду, мы презираемъ его въ его строгости и мы еще больше презираемъ его въ его мягкости“. Въ соціалъ-демократическихъ летучихъ листкахъ стало крылатымъ словомъ: „къ его прянику мы относимся съ презрѣніемъ, а его плетку мы ломаемъ“.

Но окруженный роемъ льстецовъ „великій человѣкъ XIX столѣтія“ совершенно неспособенъ былъ понять этотъ языкъ мужей. Онъ твердо надѣялся, что ему удастся своимъ нищенскимъ соціализмомъ привлечь „совращенныя массы“, а своими провокаторскими штуками заманить въ ловушку „преступныхъ вожаковъ“. Что касается оппозиціонной буржуазіи, то онъ поставилъ ее передъ альтернативой—либо скомпрометтировать себя передъ своимъ собственнымъ классомъ, идя заодно съ насильственнымъ переворотомъ, либо потерять всякій кредитъ у массъ, если она будетъ прыгать черезъ палку закона о соціалистахъ. Бисмаркъ уже теперь былъ погибшій человѣкъ, если бы оппозиціонная буржуазія держалась такъ же стойко, какъ сознательный пролетаріатъ. Вокругъ этого-то вопроса,—будетъ ли она такъ же стойко держаться, вертѣлась вторая часть второго періода закона о соціалистахъ.

---

1. Призрѣніе бѣдныхъ и провокаторскія штуки.

Послѣ копенгагенскаго конгресса рейхстагъ принялъ, наконецъ, законъ о страхованіи отъ болѣзней, законопроектъ же о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ онъ оттянулъ еще разъ, несмотря на новое императорское посланіе, при помощи котораго Бисмаркъ попытался продвинуть его. Лишь въ 1884 г. былъ принятъ третій проектъ этого закона, отказывавшійся отъ имперской приплаты и вообще сфабрикованный согласно велѣніямъ крупныхъ промышленниковъ. Правительству и рейхстагу понадобился цѣлый законодательный періодъ, чтобы изготовить два „соціально-реформаторскихъ" закона, относительно которыхъ трудно было сказать, какой изъ нихъ вышелъ болѣе несовершеннымъ.

Во время продолжительныхъ дебатовъ соціалъ-демократическая фракція заняла положеніе, предписанное копенгагенской резолюціей. Съ принципіальной точки зрѣнія эти законы вообще не имѣли ничего общаго съ соціальными реформами. Они не затрогивали ни *одной* проблемы современнаго рабочаго вопроса, а вращались въ области призрѣнія бѣдныхъ, существовавшаго задолго до современной крупной промышленности, вообще—съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ классовыя общества, производящія бѣдныхъ. Выдавать нѣкоторыя улучшенія въ призрѣніи бѣдныхъ за „соціальныя реформы" значило вести двойную игру, истинный характеръ которой былъ давно отмѣченъ даже въ буржуазныхъ кругахъ; десятью годами раньше Альбертъ Ланге писалъ: „Необходимо отвергнуть всякое политическое мѣропріятіе, которое имѣетъ тенденцію за небольшія матеріальныя улучшенія въ бытѣ рабочихъ сохранить и укрѣпить ихъ зависимость или моральное подчиненіе высшимъ классамъ". Но именно такую тенденцію, охарактеризованную Альбертомъ Ланге, какъ „безусловно заслуживающая осужденія", имѣли законы о страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Это не были „соціальныя", а нищенскія реформы—въ томъ смыслѣ, что онѣ хотѣли опять подогнуть рабочій классъ подъ ярмо капитала, давая взамѣнъ сомнительное обѣщаніе охранить больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ отъ нищенства. Всякое самообольщеніе на этотъ счетъ давно стало невозможнымъ для нѣмецкихъ рабочихъ, и опытъ двухъ десятилѣтій подтвердилъ съ тѣхъ поръ предсказаніе соціалъ-демократическихъ депутатовъ, что ни эти, ни другіе аналогичные законы никогда не произведутъ на революціонное рабочее движеніе ни малѣй-

шаго дѣйствія въ томъ смыслѣ, въ какомъ ожидаютъ ихъ авторы.

Этимъ не исключалось однако практическое сотрудничество при выработкѣ упомянутыхъ законовъ, исходящее изъ того мотива, что призрѣніе бѣдныхъ въ рамкахъ буржуазнаго общества можетъ быть устроено и хуже и лучше. Соціалъ-демократическая фракція стала на эту точку зрѣнія, потребовавъ, чтобы страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было дѣломъ предпринимателей, которые не должны себя облегчать за это ни изъ казеннаго сундука, ни изъ кармана рабочихъ, а страхованіе на случай болѣзней—дѣломъ рабочихъ, которые не просятъ какой-либо милостыни у государства или предпринимателей, а требуютъ лишь того, что для всѣхъ другихъ классовъ общества есть нѣчто разумѣющееся само собою: самостоятельнаго завѣдыванія своими больничными кассами. Какъ убѣдительно соціалъ-демократическіе депутаты ни обосновали въ деталяхъ свое воззрѣніе, обнаруживъ неизмѣримо бо̀льшее знаніе дѣла, чѣмъ ораторы буржуазныхъ партій и правительственнаго стола, тѣмъ не менѣе ихъ предложенія были отвергнуты.

Для господствующихъ классовъ улучшеніе призрѣнія бѣдныхъ не было цѣлью, а только средствомъ. Для нихъ стояло на первомъ планѣ показное блюдо, которое обмануло бы рабочихъ насчетъ ихъ пролетарскихъ классовыхъ интересовъ и вдобавокъ было по возможности оплачено самими же рабочими. Даже среди самой бездарной бюрократіи не бываетъ полнаго отсутствія дѣльныхъ людей, выполняющихъ работу, которую въ концѣ-концовъ приходится выполнять всякому правящему классу. Нѣсколько тайныхъ совѣтниковъ въ прусскомъ министерствѣ торговли, дѣйствительно понимавшіе кое-что въ страхованіи рабочихъ, пытались по-своему разумно устроить его, въ особенности тайный совѣтникъ Ломанъ. Онъ настаивалъ на энергичномъ развитіи государственнаго фабричнаго надзора, на вмѣненіи предпринимателямъ въ обязанность немедленно извѣщать власти обо всѣхъ несчастныхъ случахъ въ ихъ промышленныхъ заведеніяхъ и на изданіи техническихъ предохранительныхъ правилъ. Все это дѣйствительно были непремѣнныя условія для всякаго серьезнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Но именно потому они „стѣсняли промышленность“ и внушали отвращеніе Бисмарку. Онъ уничтожилъ, гдѣ только могъ, слабые зачатки государственнаго фабричнаго надзора и подсунулъ Союзному совѣту выработанный въ прусскомъ министерствѣ торговли законопроектъ объ обязательномъ извѣ-

щеніи властей предпринимателями, а также рядъ довольно робкихъ предохранительныхъ правилъ, выработанныхъ комитетомъ экспертовъ. Трудно было яснѣе освѣтить истинную сущность правительственной „соціальной реформы“. Правительство и буржуазное большинство рейхстага связали самымъ нецѣлесообразнымъ образомъ страхованіе отъ болѣзней и страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, лишь бы кое-какъ стяпать уродливую буржуазно-бюрократическую организацію, гдѣ бы чиновники и предприниматели имѣли большой, а рабочіе очень малый голосъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ рабочее движеніе въ современномъ значеніи слова, „корпоративная организація“ въ соціально-реформаторскомъ смыслѣ понималась всегда и вездѣ какъ организація рабочаго класса; и вотъ Бисмарку принадлежала великая заслуга: онъ въ эксплуататорскомъ капиталѣ открылъ „реальныя силы народной жизни“ съ ея „нравственными устоями“, о которыхъ столь торжественно говорилось въ императорскомъ посланіи, и для этого капитала онъ создалъ новую организацію подъ покровительствомъ бюрократіи.

Если бы соціалъ-демократическіе депутаты дали обморочить себя всѣмъ этимъ, то они изъ-за нѣсколькихъ сребренниковъ предали бы неотъемлемыя права пролетаріата. Они голосовали и противъ закона о страхованіи отъ болѣзней, и противъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; неоднократныя попытки Бисмарка свить для нихъ отсюда петлю никогда не имѣли успѣха ни у *одного* рабочаго. Столь же мало достигли своей цѣли обвиненія по поводу противодѣйствія, которое соціалъ-демократическая фракція оказывала всякому реакціонному пересмотру Промышленнаго Устава въ полицейскомъ или цеховомъ духѣ. Всѣ мнимыя или дѣйствительныя язвы манчестерства не могли сравняться съ одной огромной язвой отсталаго полицейскаго режима, а о добромъ ремесленномъ мастерѣ, желающемъ честно кормиться пòтомъ и кровью своихъ подмастерьевъ и учениковъ, у германской соціалъ-демократіи сердце никогда не болѣло.

Но въ то время какъ германская с.-демократія все болѣе перерастала буржуазныя партіи, германскій анархизмъ все больше попадалъ въ сѣти провокаторства. Не то, чтобы нѣмецкіе анархисты состояли сплошь изъ мерзавцевъ и хвастуновъ или даже изъ отсталыхъ рабочихъ; между ними были огненныя, страстныя натуры, впавшія въ психологически понятное, но политически роковое заблужденіе, что насильственное угнетеніе рабочаго класса

лишь насильственнымъ же путемъ можетъ быть сломлено. Настоящая опасность анархистскаго движенія заключалась именно въ такихъ людяхъ, какъ голштинскій столяръ Неве, которые готовы были въ любой моментъ пожертвовать свободой и жизнью за свои убѣжденія. Ихъ надежный характеръ привлекалъ къ нимъ довѣріе рабочихъ, между тѣмъ какъ фанатическая ограниченность дѣлала ихъ доступными внушеніямъ провокаторовъ. Тѣмъ не менѣе анархистской агитаціи не удалось получить сколько-нибудь замѣтнаго распространенія среди нѣмецкихъ рабочихъ. Мостъ послѣ освобожденія изъ англійской тюрьмы уѣхалъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ отнынѣ и стала выходить „*Freiheit*"; составляемая въ болѣе яростномъ тонѣ, чѣмъ когда-либо, она пользовалась тѣмъ меньшимъ вліяніемъ среди рабочаго міра Германіи. Анархистскія кассы оставались пустыми, а такъ какъ для анархистской войны тоже нужны были деньги, то развилась новая форма „соціалъ-революціонной" тактики: обыкновенный разбой, который полицейскіе провокаторы тотчасъ же стали тщательно культивировать.

Уже въ іюлѣ 1882 г. анархисты усыпили въ Вѣнѣ хлороформомъ фабриканта обуви Мерсталлингера и ограбили его на тысячу гульденовъ. Къ подстрекателямъ нападенія принадлежалъ нѣкій Готце, которому власти дали бѣжать въ Америку, причемъ австрійское правительство не потребовало его выдачи. Правда, безпокойство австрійскихъ властей насчетъ того, что Готце не выдадутъ въ виду политическаго характера организованнаго имъ грабежа, было разсѣяно вашингтонскимъ правительствомъ, изъявившимъ полную готовность выдать этого обыкновеннаго уголовнаго преступника. Тѣмъ не менѣе спасители государства на берегахъ Дуная предпочли остаться при своихъ щепетильныхъ сомнѣніяхъ. Болѣе широкіе размѣры тактика разбоя приняла однако лишь съ осени 1883 г., тотчасъ вслѣдъ за анархистской конференціей, засѣдавшей въ Цюрихѣ. Среди участниковъ послѣдней находились сапожникъ Штельмахеръ изъ Силезіи, редактировавшій „*Freiheit*" когда она выходила въ Швейцаріи, и два уроженца Австріи, переплетчикъ Каммереръ и столяръ Кумикъ, но вмѣстѣ съ ними участвовалъ также въ конференціи провокаторъ Шредеръ-Бренвальдъ и механикъ Кауфманъ, также провокаторъ, состоявшій на службѣ у германской полиціи. И вотъ быстро послѣдовали одно за другимъ: 22 октября убійство и ограбленіе аптекаря Лингарда и караула въ Страсбургѣ, 29 октября динамитный взрывъ въ зданіи франкфуртскаго полицейскаго управленія, 21 ноября поку-

шеніе на убійство съ цѣлью грабежа банкира Гейльброннера въ Штутгартѣ; затѣмъ 15 декабря былъ застрѣленъ въ Вѣнѣ полицейскій чиновникъ Хлубекъ, 10 января 1884 г. были убиты съ цѣлью ограбленія вексельный агентъ Эйзертъ и два его сына, а 25 января былъ застрѣленъ полицейскій агентъ Блехъ.

Кто былъ организаторомъ этихъ преступленій, не вездѣ было установлено. Такъ, довольно невинный взрывъ въ зданіи франкфуртской полиціи могъ быть приватной забавой честнаго Румпфа. Но въ большинствѣ перечисленныхъ выше преступленій, несомнѣнно, участвовали Кумикъ, Каммереръ и Штельмахеръ. Когда Каммерера судили въ Вѣнѣ, то раскрылся еще другой варіантъ анархистской тактики. Штельмахеръ писалъ полицейскому инспектору Кальтенбаху въ Мюльгаузенѣ и австрійскому посланнику въ Бернѣ, предлагая себя въ сыщики,—не для того, чтобы дѣйствительно оказывать шпіонскія услуги, а по соглашенію со своими единомышленниками, чтобы такимъ путемъ выманить деньги у названныхъ лицъ. Штельмахеръ сохранилъ до подножія эшафота свой гордый видъ и умеръ въ твердомъ сознаніи правоты своего дѣла, но во что превратилось это дѣло, если его границы совершенно терялись въ самой низменной уголовщинѣ и презрѣннѣйшемъ шпіонствѣ! Послѣ казни Штельмахера въ Швейцаріи появились кровожадныя прокламаціи съ требованіемъ мести, расклеенныя жестяникомъ Вейссомъ изъ Дрездена. Преданный за это суду въ Лизталѣ, сей фруктецъ также оказался нѣмецкимъ провокаторомъ! Разоблаченіе его вызвало у полицейскаго инспектора Кальтенбаха въ Мюльгаузенѣ смертельный апоплексическій ударъ: бѣдному патріоту, дѣйствительно, слишкомъ не везло въ борьбѣ за „священнѣйшія блага". Въ то же время нѣмецкіе соціалъ-демократы вспугнули въ Цюрихѣ еще одного нѣмецкаго провокатора—Фридемана, который съ паѳосомъ палача декламировалъ обыкновенно на анархистскихъ празднествахъ: „Mein Kaiser, mein Kaiser muss hangen" („Мой императоръ, мой императоръ долженъ висѣть").

Другой рядъ анархистскихъ „дѣйствій" былъ предпринятъ осенью 1883 г. изъ Эльберфельда-Бармена. Руководителемъ былъ здѣсь уроженецъ одного лейпцигскаго предмѣстья наборщикъ Августъ Рейнсдорфъ, котораго соціалъ-демократы уже въ 1877 г. исключили изъ своей среды за анархистскіе происки. Рейнсдорфъ не былъ сыщикомъ, за каковаго его долго принимали, и не занимался также обыкновенными уголовными преступленіями, подобно

разнымъ Штельмахерамъ и Каммерерамъ, но дальше заговорщика во вкусѣ полиціи онъ все-таки не пошелъ. Онъ собралъ вокругъ себя 5 или 6 приверженцевъ, почти сплошь молодыхъ или незрѣлыхъ людей, которыхъ уговорилъ произвести динамитныя покушенія. Такихъ попытокъ было сдѣлано три, причемъ человѣческихъ жертвъ не было при этомъ ни разу, а въ самомъ важномъ случаѣ динамитъ даже не взорвался. Рейнсдорфъ, лежавшій въ больницѣ въ высокомъ градусѣ чахотки, послалъ въ Рюдесгеймъ шорника Рупша и наборщика Кюхлера, чтобы взорвать 27 сентября германскаго императора и его княжескую свиту при открытіи національнаго памятника на Нидервальдѣ. По собственному заявленію Рейнсдорфа, деньги на экспедицію шли большей частью изъ полицейскихъ фондовъ, и это заявленіе лишь потому не было подтверждено документально, что ткачъ Пальмъ, давшій на упомянутую цѣль 40 марокъ, но тѣмъ не менѣе не привлеченный къ суду, а допрошенный лишь въ качествѣ свидѣтеля, отказался сдѣлать какое бы то ни было показаніе относительно происхожденія денегъ. Имперскій судъ не счелъ нужнымъ приводить къ присягѣ этого „свидѣтеля", который по всѣмъ даннымъ процесса явно состоялъ на службѣ у полиціи. Покушеніе было задумано настолько по-дѣтски, что не оставило послѣ себя ни малѣйшихъ слѣдовъ. Какимъ образомъ оно было „раскрыто" и почему объ его „раскрытіи" не зазвонили тотчасъ въ набатъ, безпрерывно раздававшійся по поводу „соціалистическихъ покушеній", это осталось крайне мало выясненнымъ и при позднѣйшемъ разбирательствѣ дѣла въ имперскомъ судѣ.

Повидимому, покушеніе должно было остаться про запасъ, какъ большой избирательный козырь на тотъ случай, если бы рейхстагъ отказался продлить законъ о соціалистахъ и его пришлось поэтому распустить. Но провокаторы и безъ того доставили правительству достаточное количество покушеній, чтобы создать необходимое настроеніе для продленія закона.

---

2. Партія кронпринца и ея крахъ.

30 сентября 1884 г. истекалъ срокъ закона о соціалистахъ, а немного недѣль спустя кончались полномочія рейхстага. Намѣреніе Бисмарка использовать это совпаденіе для своихъ цѣлей получило новый стимулъ, когда полугодомъ раньше на сценѣ по-

явилась въ одинъ прекрасный мартовскій день свободомыслящая партія (Freisinnige Partei). Ее основали за кулисами прогрессисты и сецессіонисты, причемъ ни одна изъ этихъ фракцій не сочла нужнымъ справиться о мнѣніи своихъ избирателей. Ни для кого, впрочемъ, не было тайной, каковъ смыслъ новой партіи, и всего менѣе это было секретомъ для Бисмарка: первое поздравленіе она получила отъ кронпринца, и народное остроуміе тотчасъ окрестило ее именемъ „партіи кронпринца". Въ близкомъ будущемъ ожидалась смерть почти 90-лѣтняго уже императора, и кронпринцу хотѣлось имѣть „большую либеральную партію", на которую онъ могъ бы опереться при своемъ вступленіи на престолъ.

Жаль лишь, что эта большая партія сама не имѣла другой опоры, кромѣ „либеральнаго" кронпринца! Либеральная оппозиція слѣдовала съ 1881 г. необыкновенно дряблой политикѣ. Это относилось даже къ южно-германской народной партіи, отличавшейся отъ узкихъ прогрессистовъ развѣ лишь еще большимъ фразерствомъ; въ обѣихъ партіяхъ можно было по пальцамъ пересчитать немногихъ людей, которые при нуждѣ могли сойти за буржуазныхъ демократовъ, и вдобавокъ настоящіе вожди партіи очень косо смотрѣли на нихъ. Сецессіонисты вообще не представляли собою ничего, кромѣ „раздосадованныхъ фритредеровъ". Единственная заслуга этой оппозиціи и состояла въ томъ, что она не допустила новыхъ повышеній таможеннаго тарифа; даже въ вопросѣ о фискальныхъ пошлинахъ сецессіонисты были не вполнѣ тверды. Программа новой партіи формулировала классовые интересы движимаго капитала и украшала ихъ нѣкоторыми общими фразами насчетъ свободы, народнаго благосостоянія и т. п.; чтобы получить право пріѣзда ко двору, прогрессисты обломали немногія острія своей старой программы или, по крайней мѣрѣ, загнули ихъ настолько, что они не могли уколоть ни одного гофмаршала. Среди прогрессистскихъ избирателей поднялся было по этому поводу нѣкоторый ропотъ, но вожди успокоили ихъ увѣреніемъ, что одно драгоцѣнное приданое сецессіонистская красотка все-таки приноситъ въ только что заключенный бракъ: новые союзники не будутъ больше голосовать за продленіе закона о соціалистахъ.

Дѣйствительно, въ программѣ свободомыслящихъ значилось: равенство передъ закономъ, не взирая на лицо и партію. И не было ничего невѣроятнаго въ томъ, что всѣ либералы, способные видѣть хотя немного дальше своего носа, желаютъ покончить съ

закономъ о соціалистахъ. Въ образованныхъ кругахъ буржуазіи вздыхали уже и охали по поводу „злополучнаго закона"; его „воспитательное дѣйствіе" расхваливалъ теперь публично одинъ лишь модный философъ ф.-Гартманъ, который хотѣлъ доказать собственнымъ примѣромъ, что черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти Гегеля буржуазная философія стала дѣйствительно гнилою до мозга костей. Никто не могъ требовать отъ либеральной буржуазіи, чтобы она ради революціоннаго пролетаріата повредила своему праву пріѣзда ко двору, но отъ вызываемаго закономъ о соціалистахъ приниженія уровня общественно-политической жизни всего больше страдала именно она. На ея долю выпадалъ вредъ отъ закона о соціалистахъ, тогда какъ выгода доставалась пролетаріату. Какъ разъ если она хотѣла остаться „придворноспособной", если она хотѣла составить надежную опору для кронпринца, она должна была возможно скорѣе проплясать прощальный танецъ „злополучному закону".

И Бисмаркъ былъ достаточно галантенъ, чтобы пригласить новую партію къ этому танцу еще въ ея медовый мѣсяцъ. Онъ потребовалъ отъ рейхстага продленія закона о соціалистахъ на 2 года. Первое чтеніе его предложенія происходило 20 и 21 марта, одновременно съ дебатами относительно продленія малаго осаднаго положенія въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ. Главнымъ своимъ козыремъ правительство сдѣлало, конечно, анархистскія покушенія, за которыя не былъ отвѣтственъ никто другой, какъ оно само. Бебель сказалъ: „Анархисты стали возможными лишь благодаря закону о соціалистахъ, и отцы закона о соціалистахъ являются въ то же время отцами анархистскихъ дѣяній". Въ такомъ же смыслѣ говорили Газенклеверъ, Грилленбергеръ и Либкнехтъ; имъ нетрудно было доказать фактъ, извѣстный всякому свѣдущему наблюдателю современной исторіи,—что соціалъ-демократія отнюдь не содѣйствуетъ развитію преступнаго анархизма, а, напротивъ, представляется единственнымъ оплотомъ противъ опаснаго расцвѣта его. Противъ самой соціалъ-демократіи Путткамеръ притащилъ большой мѣшокъ съ цитатами, но не съумѣлъ извлечь изъ этой неисчерпаемой сокровищницы ничего, кромѣ нѣсколькихъ, вдобавокъ фальсифицированныхъ цитатъ изъ книги Бебеля о „Женщинѣ и соціализмѣ". Даже вѣрная „*Nationalzeitung*" возроптала по этому случаю: если что-либо стояло внѣ сомнѣній при изданіи закона о соціалистахъ,—писала газета,—такъ это— намѣреніе не запрещать теоретическихъ умозрѣній, какія содер-

житъ, напр., упомянутая книга Бебеля. Затѣмъ Бисмаркъ во время дебатовъ вступилъ съ Виндгорстомъ въ споръ относительно допотопнаго вопроса, оказываетъ ли католическая церковь несокрушимое противодѣйствіе соціалъ-демократіи, а Генель усмотрѣлъ вредъ отъ закона о соціалистахъ въ томъ, что буржуазныя партіи забываютъ о необходимости поддерживать „извѣстную связь" между собою противъ общаго соціалъ-демократическаго врага. Нельзя сказать, чтобы это признаніе ученія о „сплошной реакціонной массѣ" партіей кронпринца производило особенно блестящее впечатлѣніе, и то обстоятельство, что буржуазныя оппозиціонныя партіи сдали правительственный проектъ въ комиссію, а не отвергли его сразу, было уже первымъ шагомъ къ перемѣнѣ фронта. Тѣмъ не менѣе, когда на слѣдующій день къ императору явилась депутація отъ рейхстага, чтобы поздравить его съ 88-й годовщиной рожденія, то ей здорово намылили голову и пригрозили, что императоръ посмотритъ на отклоненіе проекта какъ на ударъ, направленный лично противъ него. Если оставалось еще какое-либо сомнѣніе насчетъ намѣреній Бисмарка, то оно теперь разсѣялось: второе изданіе выборовъ 1878 г. было неизбѣжн , если рейхстагъ не смирится.

При такихъ предзнаменованіяхъ засѣданія комиссіи обратились въ мало назидательное зрѣлище. Виндгорстъ явился со своими „смягчающими поправками", которыя лишь доставили бы полиціи развлеченіе—разорвать еще нѣсколько юридическихъ нитокъ сверхъ разорванныхъ уже ею, а Генель выступилъ со своимъ проектомъ усиленія строгости общаго права, который принесъ бы пролетаріату облегченіе, выражаемое пословицей „отъ дождя да въ воду". Они все готовы были сдѣлать, эти непоколебимые противники всякаго исключительнаго законодательства, лишь бы ихъ избавили отъ необходимости самимъ вотировать теперь столь часто проклинавшійся ими законъ. Сравнительно ловкій шахматный ходъ сдѣлали прогрессисты, вытянувъ на свѣтъ Божій таинственное нидервальдское покушеніе и нѣсколько завязивъ такимъ образомъ избирательный возъ правительства; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ для энергичной критики провокаторскаго режима, они преподнесли такъ наз. „динамитный законъ" *), по всей вѣроятности—нелѣпѣйшее произведеніе, въ какомъ когда-

*) Оффиціальное названіе его—„законъ противъ преступнаго и обще-опаснаго употребленія взрывчатыхъ веществъ".—*Перев.*

либо провинилось законодательство современнаго государства. Всѣ эти мольбы и жалобы могли бы смягчить камень, но Путткамеръ имѣлъ строжайшій приказъ отъ Бисмарка и заявилъ прямо: гопла, господа, вотъ палка, извольте прыгать!

И они дѣйствительно стали прыгать. Оффиціозная избирательная машина была уже въ полномъ ходу, и этого давленія партія кронпринца не выдержала. Внутренняя борьба, происходившая въ ихъ мужественныхъ сердцахъ, отразилась вѣрно въ письмѣ, съ которымъ Моммзенъ обратился къ своимъ кобургскимъ избирателямъ. Съ заслуживающей признанія проницательностью знаменитый историкъ показалъ здѣсь не только безполезность, но и пагубность закона о соціалистахъ, чтобы въ заключеніе объявить: если правительство будетъ настаивать, то я буду все-таки голосовать за законъ, и пусть вина за послѣдствія падетъ на его главу. Изъ ультрамонтанъ перемѣнили фронтъ 39 человѣкъ, изъ прогрессистовъ—27, но такъ какъ Евгеній Рихтеръ все еще не былъ увѣренъ въ мирѣ, то онъ написалъ бывшимъ прогрессистамъ черезъ своего адъютанта Отто Гермеса, что имъ нѣтъ надобности являться къ рѣшающему голосованію въ рейхстагѣ. Существуетъ документальный текстъ этого письма, равно какъ заявленіе Гермеса, что онъ написалъ его по порученію Рихтера. Если Рихтеръ спрятался потомъ за отговорку, что депутаты были отосланы не „по порученію правленія партіи", то этотъ оборотъ рѣчи стоитъ на одномъ уровнѣ съ фразой Путткамера, что провокаторы не создаются „по порученію правительства". Какъ будто подобныя вещи дѣлаются когда-нибудь оффиціально! Оба „великихъ государственныхъ человѣка" должны были имѣть своеобразное представленіе о границахъ человѣческаго легковѣрія, если надѣялись найти публику, способную повѣрить ихъ пылкимъ клятвамъ. Помимо этого, Рихтеръ извинялъ дезертирство своихъ 27 товарищей по партіи приблизительно такимъ же соображеніемъ, какъ анекдотическая служанка, увѣрявшая, что она еще дѣвица, такъ какъ родила совсѣмъ, совсѣмъ маленькаго ребеночка. Онъ говорилъ: одинъ разъ не идетъ въ счетъ, впредь мы будемъ тѣмъ неуклоннѣе бороться противъ проклятаго исключительнаго закона. И они дѣйствительно это сдѣлали, такъ какъ благодаря своему непостоянству имъ никогда не приходилось больше находиться въ такомъ положеніи, чтобы рѣшать судьбу этого закона. 10 мая продленіе закона о соціалистахъ на 2 года было вотировано большинствомъ 189 противъ 157 голосовъ.

Въ дебатахъ по поводу второго и третьяго чтенія выступило истинное существо дѣла. Бисмаркъ объявилъ партіи кронпринца свирѣпую и безпощадную войну, а Рихтеръ, только что разрушившій будущность своей партіи, отвѣтилъ столь же свирѣпо, что ближайшіе выборы обезпечатъ будущность либерализма. Законъ о соціалистахъ оба бойцовыхъ пѣтуха затрогивали лишь мимоходомъ, но при этомъ случаѣ Бисмаркъ выбросилъ, въ качествѣ приманки, „право на трудъ“, будто бы обезпеченное пролетаріату въ прусскомъ Земскомъ правѣ. Нѣмецкіе профессора тотчасъ же принялись писать глубокомысленныя диссертаціи по поводу этой безсмыслицы, но соціалъ-демократическая фракція отнеслась къ ней только съ презрительнымъ пожиманіемъ плечами; она внесла насмѣшливое предложеніе, чтобы Бисмаркъ незамедлительно представилъ законопроектъ, которымъ право на трудъ было бы осуществлено въ дѣйствительности. Вообще же соціалъ-демократическіе депутаты сочли ниже своего достоинства участвовать по существу въ такихъ дебатахъ, гдѣ отнятіе правъ у рабочаго класса должно было только служить постыднымъ прикрытіемъ для вопросовъ личнаго и политическаго вліянія, не имѣвшихъ никакого отношенія къ закону о соціалистахъ и къ соціализму. Соціалъ-демократы ограничились опроверженіемъ фактической лжи своихъ противниковъ; затѣмъ въ концѣ 3-го чтенія Либкнехтъ прочелъ отъ лица партіи заявленіе, гдѣ констатировалось то, что есть.

Тотчасъ послѣ продленія закона о соціалистахъ былъ принятъ „динамитный законъ“, апортированный буржуазной оппозиціей и украшенный Путткамеромъ на его стильный манеръ. Партіи большинства, только что яростно препиравшіяся другъ съ другомъ, теперь съ трогательнымъ единодушіемъ старались помѣшать соціалъ-демократической критикѣ ихъ общаго творенія. Фракція не получила слова, и такъ какъ она лишена была возможности обосновать свою точку зрѣнія, то воздержалась отъ голосованія. Газенклеверъ прочелъ отъ ея имени краткое заявленіе, гдѣ констатировалъ непріемлемость чудовищнаго закона, и правительству предоставлялось справиться, какъ оно знаетъ, съ культивируемымъ имъ анархизмомъ. Какъ извѣстно, динамитный законъ никогда не повредилъ волоска на головѣ ни одному анархистскому преступнику, но зато навлекъ несчастье на многихъ безобидныхъ промышленниковъ.

Если партія кронпринца надѣялась своимъ политическимъ уни-

женіемъ разстроить, по крайней мѣрѣ, избирательные происки Бисмарка, то она обманулась и въ этомъ отношеніи. Уже въ то время, когда было вотировано продленіе закона о соціалистахъ, Бисмаркъ пустилъ въ ходъ новый козырь—колоніальную политику. До тѣхъ поръ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этой политики. Когда въ мартѣ 1871 г. распространился слухъ, будто онъ хочетъ, чтобы Франція уплатила военную контрибуцію не деньгами, а французскими колоніями, то онъ сказалъ: „Я не хочу рѣшительно никакихъ колоній. Онѣ годятся только для кормленія. Для насъ нѣмцевъ эта исторія съ колоніями имѣла бы то же значеніе, какое имѣетъ крытая шелкомъ соболья шуба въ польскихъ дворянскихъ семьяхъ, у которыхъ нѣтъ рубашки въ домѣ". Онъ остался глухимъ и тогда, когда послѣ краха 70-хъ гг. въ капиталистическихъ кругахъ проснулись колоніальныя мечтанія. Цѣлью ихъ были земледѣльческія колоніи: путемъ организованной эмиграціи хотѣли помѣшать перенаселенію, составляющему будто бы главный источникъ соціальныхъ бѣдствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить германской промышленности новый кругъ зажиточныхъ покупателей. Бисмаркъ слышать не хотѣлъ объ этомъ: „Я не другъ эмиграціи,—сказалъ онъ разъ въ рейхстагѣ,—нѣмецъ, который сбрасываетъ съ себя свое отечество, точно старый сюртукъ, перестаетъ для меня быть нѣмцемъ". Да и какъ можно было требовать отъ этого остъ-эльбскаго юнкера, всегда бывшаго самымъ жестокосердымъ изъ всѣхъ жестокосердыхъ помѣщиковъ, чтобы онъ сочувствовалъ эмиграціи безземельныхъ батраковъ, которая должна была повысить заработную плату земледѣльческаго пролетаріата? Другое дѣло теперь, когда началась капиталистическая агитація за торговыя колоніи, за новыя средоточія злѣйшей эксплуатаціи.

Въ апрѣлѣ 1884 г. Бисмаркъ неожиданно для всего свѣта телеграфировалъ германскому консулу въ Капштадтѣ, чтобы тотъ взялъ подъ протекторатъ Германской имперіи Ангра Пеквему, факторію одного бременскаго купца въ юго-западной Африкѣ. Одновременно съ этимъ онъ послалъ генеральнаго консула Нахтигаля на германскомъ военномъ суднѣ въ Камерунъ и Того, чтобы поднять тамъ германскій флагъ. Затѣмъ оффиціозная и прочая прислужническая печать начала всѣми силами вызывать въ публикѣ то „настроеніе стрѣлковыхъ празднествъ", надъ которымъ не безъ внутренняго страха острилъ Бамбергеръ. Дѣйствительно, Бисмарку удалось расшатать пару столповъ, на которыхъ

держалась партія кронпринца: онъ поколебалъ, съ одной стороны, крупное судоходство и крупную торговлю, съ другой — пивного филистера. Онъ сказалъ въ рейхстагѣ, что новыми колоніями будутъ править королевскіе купцы, слѣдовательно, онѣ очень мало будутъ стоить имперіи. Такимъ образомъ, тревога филистера за свой кошелекъ была успокоена, а его жажду подвиговъ, которая за абонированнымъ столикомъ пивной всегда имѣется въ неограниченномъ количествѣ, Бисмаркъ раздразнилъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что нѣмцы были до сихъ поръ домосѣдами: они сидѣли всѣ вмѣстѣ на тюрингенскихъ горахъ, повернувшись спиною къ морю. Тутъ ужъ не устояла національная гордость, въ культивированіи которой либеральная оппозиція сыграла не послѣднюю роль.

Положеніе партіи кронпринца было тѣмъ болѣе скверное, что она не смѣла оказывать принципіальнаго противодѣйствія колоніальной политикѣ. Она была партіей капиталистовъ чистѣйшей воды, а всякій капиталистъ мурлычитъ отъ удовольствія, когда почуетъ носомъ прибыль. Такова ужъ его натура, ее невозможно вытравить изъ него. Бамбергеры и Рихтеры вынуждены были ограничиться доказываніемъ того, что колоніальная политика Бисмарка представляетъ собою невыгодное дѣло, которое ничего не принесетъ и будетъ много стоить, что она не увеличитъ національной славы, а уменьшитъ ее и доставитъ внѣшней политикѣ имперіи не одинъ „щелчокъ по носу". Они оказались правыми, но лѣтомъ 1884 г. этотъ душъ не вылѣчилъ опьяненнаго мѣщанина. Биржевые друзья Бисмарка, разные Блейхредеры съ компаніей, выбросили пару милліоновъ на основаніе Обществъ для эксплуатаціи новыхъ колоній, а безчисленные наемные писаки стали изображать въ яркихъ, радужныхъ краскахъ неисчерпаемыя сокровища, скрытыя въ песчаныхъ и болотныхъ пустыняхъ Африки. Такимъ путемъ удалось вызвать среди крупной и, въ особенности, также среди мелкой буржуазіи такое опьянѣніе, какъ если бы наступилъ новый періодъ учредительства и спекуляціи.

Въ самой избирательной борьбѣ Бисмаркъ поостерегся на этотъ разъ отъ табачной монополіи и тому подобныхъ заманчивыхъ паролей. Онъ бредилъ теперь соціальной реформой и колоніальной политикой и велъ борьбу противъ свободомыслящихъ, этихъ измѣнниковъ отечеству, которые хотятъ лишить нѣмецкую націю такихъ великолѣпныхъ вещей. На тотъ же ладъ трубили консерваторы и націоналъ-либералы, которые послѣ основанія свободо-

мыслящей партіи слѣпо закабалились правительству на своемъ гейдельбергскомъ съѣздѣ. Понятно, что избирательная тактика націоналъ-либераловъ, игравшая роль фанатическаго загонщика для Бисмарка, была еще болѣе жалкой, нежели достаточно жалкая избирательная тактика свободомыслящихъ. Партія кронпринца не отвѣчала ударомъ на ударъ, она не написала на своемъ знамени: „долой Бисмарка!“, а лишь жалостно плакалась: „Вѣдь мы такіе добрые патріоты, какъ можно называть насъ измѣнниками отечеству!“ Послѣдній ударъ нанесло ей заявленіе нѣкоторыхъ ея корифеевъ, напр., Форкенбека, что они оставляютъ за собою право голосовать и впредь за продленіе закона о соціалистахъ. Она потеряла около 40 мѣстъ, изъ которыхъ свыше 30-ти перешли къ старо-консерваторамъ. Націоналъ-либералы пожали заслуженную мзду предателей и получили изъ добычи лишь мелочь,—приблизительно столько, сколько усердный лакей получаетъ на чай. Либерализмъ въ различныхъ его оттѣнкахъ расчистилъ дорогу въ рейхстагъ консервативно-ультрамонтанскому большинству.

Это не было все, чего желалъ Бисмаркъ, ибо рядомъ съ консервативно-ультрамонтанскимъ большинствомъ еще нельзя было пока составить большинства изъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Но протекціонистское большинство все-таки было уже недурнымъ началомъ, а такъ какъ старый императоръ спокойно продолжалъ жить, то оставалась возможность произвести скоро второй натискъ съ еще лучшими результатами. Твердое и смѣлое поведеніе пролетаріата довело юнкера до такого критическаго положенія, что буржуазіи не было ничего легче, какъ свалить его, но вмѣсто того, чтобы его свалить, буржуазія позволила полуобанкротившемуся юнкеру довести ее самое до полнаго банкротства. Это была старая исторія, которая съ мартовскихъ дней такъ часто разыгрывалась и не разъ еще должна была разыгрываться въ нѣмецкой землѣ.

---

3. Избирательныя побѣды соціалъ-демократіи.

Для соціалъ-демократіи день 28-го октября былъ днемъ торжества. Вскорѣ послѣ копенгагенскаго конгресса Бебель завоевалъ на дополнительныхъ выборахъ первый округъ Гамбурга, такъ что при закрытіи законодательнаго періода фракція состояла изъ 13 человѣкъ. На новыхъ выборахъ она пріобрѣла 24 мѣста и, что для нея было гораздо важнѣе, 549.990 голосовъ, слѣдова-

тельно—238.029 голосами больше, чѣмъ въ 1881 г.; съ 6,1% всѣхъ поданныхъ голосовъ она поднялась до 9,7%.

Приготовленія къ выборамъ были сдѣланы согласно копенгагенскимъ резолюціямъ. Фракція выбрала центральный комитетъ, въ который вошли Ауэръ, Бебель, Грилленбергеръ, Газенклеверъ и Либкнехтъ. Избирательный манифестъ, распространенный въ 1½ милліонахъ экземпляровъ, былъ очень удачно составленъ: въ сжатой формѣ онъ доказывалъ, что врачебные опыты протекціонистовъ, цеховиковъ, колоніальныхъ энтузіастовъ и прочихъ спеціалистовъ знахарскаго искусства не могутъ исцѣлить больного общества: оздоровленіе его возможно только при помощи средствъ, указываемыхъ научнымъ коммунизмомъ. Безъ всякаго хвастливаго задора, но и не прибѣгая также къ двусмысленнымъ недомолвкамъ, манифестъ говорилъ яснымъ, спокойнымъ и убѣдительнымъ языкомъ. Столь же хорошія услуги оказала брошюра съ инструкціями, вскрывавшая всѣ противозаконныя избирательныя плутни; впрочемъ, рабочіе привыкли теперь къ закону о соціалистахъ и не давали себя такъ легко смутить, какъ прежде.

Такихъ притѣсненій, какъ въ 1878 и 1881 г., имъ не пришлось испытать на этихъ выборахъ. При провѣркѣ полномочій рейхстагъ все-таки почувствовалъ нѣчто въ родѣ стыда по поводу возмутительныхъ избирательныхъ оргій полиціи, бившихъ въ лицо всякимъ понятіямъ о законѣ и правѣ, и поставилъ имъ на будущее время нѣкоторыя преграды. Такъ, напримѣръ, рейхстагъ постановилъ, что объявленіе соціалъ-демократомъ о предстоящемъ избирательномъ собраніи само по себѣ не можетъ быть подводимо подъ законъ о соціалистахъ, даже если оно сопровождается возвѣщеніемъ, что въ собраніи выступитъ въ качествѣ оратора соціалъ-демократъ. Далѣе рейхстагъ внесъ въ Уставъ о Промышленности статью, согласно которой избирательные бюллетени не могутъ считаться печатными произведеніями въ смыслѣ закона о соціалистахъ. Этимъ было кассировано рѣшеніе имперскаго суда, признавшаго избирательные бюллетени такого рода печатными произведеніями, послѣ трогательной жалобы Путткамера по поводу отсутствія способовъ воспретить избирательную агитацію при помощи названныхъ бюллетеней. Правда, многія полицейскія власти далеко не соблюдали этихъ постановленій рейхстага; въ странѣ, гдѣ строгое уваженіе къ правамъ гражданъ вошло въ привычку, полицейскія и прочія стѣсненія рабочихъ на выборахъ 1884 г. все еще разсматривались бы какъ вопіющій произволъ,

но по прусско-нѣмецкимъ понятіямъ соціалъ-демократическая агитація пользовалась своего рода свободой.

Во главѣ соціалъ-демократическихъ избирательныхъ побѣдъ шествовали, какъ всегда, три области осаднаго положенія. Изъ 9-ти побѣдъ, одержанныхъ на главныхъ выборахъ, онѣ дали пять самыхъ блестящихъ: Берлинъ IV (Зингеръ) съ 25.386 голосами, Гамбургъ I (Бебель) съ 12.280, Гамбургъ II (Дитцъ) съ 14.276, Альтону (Фроме) съ 10.266, сельскій округъ Лейпцигъ (Фирекъ) съ 15.238 гол. Всего шесть берлинскихъ округовъ выставили 68.275 голосовъ, три гамбургскихъ избирательныхъ округа и Альтона—46.550, оба избирательныхъ округа Лейпцига (городъ и сельскій округъ)—24.914. И это несмотря на то, что въ Берлинѣ пустила въ ходъ всѣ свои фокусъ-покусы соціальная демагогія Штеккера-Вагнера, что въ Гамбургѣ не было допущено ни одно рабочее собраніе, а въ Лейпцигѣ не было ни одной газеты, которая относилась бы къ рабочимъ хотя сколько-нибудь безпристрастно! „Не знаешь, кому присудить призъ,—писалъ съ похвалою „*Соціалъ-демократъ*",—сомкнутому ли каррѐ въ сѣверо-западной Германіи, могучимъ ли фортамъ на сѣверѣ и юго-востокѣ имперской столицы или соціалистическимъ рабочимъ батальонамъ въ городѣ и сельскомъ округѣ Лейпцигъ".

Четыре остальныхъ мандата, пріобрѣтенныхъ на главныхъ выборахъ, распредѣлялись между Саксоніей и Тюрингіей; это были старыя мѣста партіи—Глаухау-Мееране (Ауэръ), Цвиккау-Криммичау (Штолле), Хемницъ (Гейзеръ) и Рейссъ ст. л. (Блосъ). Сверхъ того партія участвовала въ 24 перебаллотировкахъ: въ Берлинѣ VI и Гамбургѣ III, въ сельскомъ округѣ этого крупнаго торговаго города, въ старыхъ рейнскихъ и саксонскихъ центрахъ Эльберфельдѣ-Барменѣ, Золингенѣ, Дрезденѣ-Альтштадтъ и Ауэрбахѣ-Рейхенбахѣ, въ семи прусскихъ провинціальныхъ центрахъ Бреславлѣ I и II, Кёнигсбергѣ, Магдебургѣ, Касселѣ, Ганноверѣ и Килѣ, въ трехъ мелкихъ государствахъ сѣверной и средней Германіи—Брауншвейгѣ I, Готѣ и Рейссѣ ст. л., въ пяти округахъ майнскаго края—Франкфуртѣ, Дармштадтѣ, Оффенбахѣ, Майнцѣ и Ганау, наконецъ, въ трехъ южно-германскихъ округахъ Нюрнбергѣ, Мюнхенѣ II и Франкенталѣ-Шпейерѣ.

Во многихъ мѣстахъ партія имѣла возможность рѣшать исходъ перебаллотировокъ между буржуазными кандидатами. Опытъ прежнихъ выборовъ показалъ, что часто представлялось невозможнымъ сдержать боевой пылъ товарищей, если на такихъ пе-

ребаллотировкахъ выступалъ сколько-нибудь приличный кандидатъ буржуазныхъ лѣвыхъ,—вопреки всѣмъ постановленіямъ конгрессовъ, рекомендовавшимъ въ такихъ случаяхъ по общему правилу воздержаніе отъ подачи голоса. На этотъ разъ и центральный избирательный комитетъ вынужденъ былъ уступить общему напору; 30 октября онъ выпустилъ воззваніе, содержавшее слѣдующую директиву: если товарищи рѣшатъ участвовать гдѣ-нибудь въ перебаллотировкахъ между кандидатами другихъ партій, то рѣчь можетъ идти во всякомъ случаѣ только о такихъ кандидатахъ, которые опредѣленно и недвусмысленно обяжутся голосовать противъ продленія закона о соціалистахъ, противъ усиленія строгости уголовныхъ законовъ, противъ стѣсненія или ограниченія всеобщаго избирательнаго права, противъ удлиненія законодательныхъ періодовъ, противъ введенія рабочихъ книжекъ и противъ новыхъ таможенныхъ пошлинъ и налоговъ на необходимые предметы потребленія.

Въ срединѣ ноября перебаллотировки были закончены. Соціалъ-демократическая партія пріобрѣла на нихъ еще 15 мѣстъ: Берлинъ VI (Газенклеверъ), Бреславль I (Крекеръ), Бреславль II (Газенклеверъ), Магдебургъ (Гейне), Ганноверъ (Мейстеръ), Золингенъ (Шумахеръ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гармъ), Ауэрбахъ-Рейхенбахъ (Кайзеръ), Брауншвейгъ (Блосъ), Готу (Бокъ), Рейссъ мл. л. (Рёдигеръ), Франкфуртъ на М. (Саборъ), Оффенбахъ (Либкнехтъ), Нюрнбергъ (Грилленбергеръ) и Мюнхенъ II (Фольмаръ). Газенклеверъ принялъ избраніе въ Бреславлѣ II, а Блосъ—въ Брауншвейгѣ; на понадобившихся вслѣдствіе этого дополнительныхъ выборахъ Берлинъ VI (Пфанкухъ) и Рейссъ ст. л. (Вимеръ) были удержаны соціалъ-демократіей. Потеряны были партіей избирательные округи Фрейбергъ, Митвейда и Ганау, завоеваны обратно изъ старыхъ ея владѣній—Берлинъ IV и VI, Альтона, Глаухау-Мееране, Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, сельскій округъ Лейпцигъ и Эльберфельдъ-Барменъ, впервые заняты Брауншвейгъ I, Франкфуртъ на М., Гота, Ганноверъ, Магдебургъ, Рейссъ мл. л. и Мюнхенъ II.

Хотя соціалъ-демократическій избирательный комитетъ по мѣрѣ силъ помогъ свободомыслящимъ на перебаллотировкахъ, тѣмъ не менѣе разбитая партія кронпринца пыталась со свойственной ей манерой умалить значеніе избирательныхъ успѣховъ рабочей партіи, утверждая, что партія была поддержана на перебаллотировкахъ консервативными и національ-либеральными голосами. Раз-

умѣется, цѣль, которую при этомъ преслѣдовали консерваторы и націоналъ-либералы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы свалить оплотъ свободы, т.-е. партію кронпринца; кто же не знаетъ, что всѣ безчисленные тумаки, полученные Евгеніемъ Рихтеромъ въ теченіе своей политической карьеры, были обусловлены только „предательствомъ",—если вѣрить, конечно, ему самому. Безспорно, что на перебаллотировкахъ 1884 г. въ рядѣ избирательныхъ округовъ, напр., въ Ганноверѣ, Магдебургѣ, Мюнхенѣ II, за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ были поданы націоналъ-либеральные и даже консервативные голоса. Точно также „*Kölnische Zeitung*" заявила, что иной разъ соціалъ-демократическій кандидатъ представляется меньшимъ зломъ, нежели прогрессистъ, и въ аналогичномъ смыслѣ высказался магдебургскій полиціймейстеръ. Но каковы бы ни были выводы, слѣдующіе отсюда противъ націоналъ-либераловъ или консерваторовъ, мы не видимъ все-таки, въ чемъ это умаляетъ избирательныя побѣды соціалъ-демократіи. Если бы даже она была обязана тѣмъ или инымъ мѣстомъ непрошенной и нежеланной помощи реакціи, то этимъ и въ отдаленной степени не уравновѣшивалось бы грубое несоотвѣтствіе, которое существовало тогда, какъ и прежде и какъ теперь, между числомъ соціалъ-демократическихъ мандатовъ и числомъ соціалъ-демократическихъ голосовъ и которое безконечно часто обусловливалось союзомъ свободомыслящихъ героевъ съ „самой мрачной реакціей". Соціалъ-демократія лишь въ томъ случаѣ уронила бы себя на перебаллотировкахъ 1884 г., если бы она гдѣ-либо и какимъ-либо образомъ кокетничала съ реакціонными партіями. Но этого нигдѣ не было.

Зато на описываемыхъ перебаллотировкахъ оправдалась самымъ ужасающимъ образомъ безпринципность „сплошной реакціонной массы". Въ Оффенбахѣ, гдѣ происходила перебаллотировка между Либкнехтомъ и націоналъ-либераломъ, можно было прочесть въ одномъ націоналъ-либеральномъ летучемъ листкѣ слѣдующее: „Имена убійцъ Гёделя, Нобилинга, Каммерера, Штельмахера носятъ на себѣ весьма явственно печать нашего врага, т.-е. соціалъ-демократіи, не стѣсняющейся открыто заявлять, что ея путь лежитъ только черезъ кровь и трупы". Напротивъ, въ Ганноверѣ, гдѣ Мейстеръ боролся съ гвельфомъ Брюлемъ, націоналъ-либералы смиренно бѣжали за соціалъ-демократами. Они заявляли, что Мейстеръ „въ сущности" приверженецъ бисмарковской „соціаль-

ной реформы"; между тѣмъ въ соціалъ-демократическомъ избирательномъ воззваніи говорилось: „Націоналъ-либеральная партія, партія безхарактерности и политическаго лицемѣрія, мертва и уже начала гнить... Въ настоящій моментъ это не болѣе какъ кучка скомороховъ... Ея жалкой трусости и безхарактерности мы обязаны тѣмъ, что реакція такъ усилилась въ Германіи... Сфабрикованные до сихъ поръ рейхстагомъ соціально-политическіе законы (законы о страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ) до того жалки и плохи, что наши представители вынуждены были поневолѣ голосовать противъ нихъ... Весь государственный соціализмъ, проводимый теперь правительствомъ и консерваторами, есть чистѣйшее надувательство". Если націоналъ-либеральные голоса были тѣмъ не менѣе поданы за Мейстера какъ за человѣка, являющагося „въ сущности" приверженцемъ Бисмарка, то не знаешь, чему больше удивляться—толстокожести или правдолюбію этихъ джентльменовъ; но такого же рода недоумѣніе возбуждаютъ газеты свободомыслящей и народной партій, которыя, несмотря на приведенные выше факты, мололи вздоръ относительно союза между „реакціей и соціалъ-демократіей".

Такъ, напр., „*Frankfurter Zeitung*" передъ баллотировкой опубликовала въ пользу своего возлюбленнаго, но безнадежно погибшаго Зоннемана избирательное воззваніе, о которомъ она съ похвалой говорила въ своей мѣстной хроникѣ, что оно исходитъ отъ самыхъ выдающихся представителей торговли и промышленности Франкфурта, его адвокатуры и т. д., другими словами—отъ лицъ, принадлежавшихъ въ значительной степени къ *націоналъ-либеральной*, а отчасти также къ *консервативной* и ультрамонтанской партіи. Между тѣмъ въ политическомъ отдѣлѣ того же номера газета имѣла наглость заявлять, что „консерваторъ и соціалъ-демократъ въ сущности братья, стремящіеся къ одной и той же цѣли, дѣлящіе между собою горе и радости, благородная парочка братьевъ". „*Соціалъ-демократъ*" сдѣлалъ по этому поводу ѣдкое замѣчаніе: торговый органъ очевидно разсчитываетъ на то, что его политическій отдѣлъ читаютъ только дураки.

Вообще на выборахъ 1884 г. можно было наблюдать, что народнымъ массамъ начинаетъ дѣлаться противнымъ поведеніе буржуазныхъ парті ; этотъ поворотъ составляетъ одну изъ выдающихся особенностей описываемыхъ выборовъ. Подробный анализъ оффиціальной избирательной статистики показывалъ, что число соціалъ-демократическихъ голосовъ значительно возросло

повсюду, гдѣ рабочее движеніе пустило глубокіе корни еще до закона о соціалистахъ. Въ королевствѣ Саксоніи, напр., соціалъ-демократія, получивъ 128.124 голоса, достигла уровня 1878 г.; столь же или еще болѣе благопріятные результаты оказались въ промышленномъ округѣ Бергишъ-Маркъ, въ майнскомъ краѣ, въ Брауншвейгѣ и Ганноверѣ, въ провинціи Саксоніи, въ Силезіи и Тюрингіи. Но наряду съ этимъ красное знамя начало опять весело развѣваться и въ тѣхъ областяхъ, которыя находились подъ властью мелко-буржуазныхъ или мелко-крестьянскихъ представленій.

Такимъ образомъ возобновился процессъ, начавшійся еще въ первые годы Германской имперіи. Онъ былъ прерванъ стремительными ударами закона о соціалистахъ и обольстительными заманиваніями буржуазной соціальной демагогіи, противъ которыхъ можетъ непоколебимо устоять лишь достаточно созрѣвшій для этого современный пролетаріатъ крупной промышленности. Но если соціалъ-демократическая пропаганда начала теперь опять работать на почвѣ, нерасчищенной еще промышленной метлою, то произошло это при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели 10 годами раньше. Разочарованіе народныхъ массъ было болѣе основательно и стойко, чѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Онѣ перепробовали всѣ буржуазныя лѣкарства отъ соціальныхъ золъ, свободу торговли и протекціонизмъ, либеральное манчестерство и реакціонную цеховщину, а между тѣмъ дѣла ихъ становились все хуже и хуже. Наиболѣе здоровые и дѣльные слои ихъ начинали поэтому освоиваться съ мыслью, что помочь имъ можетъ только радикальное лѣченіе соціалъ-демократіи, или, по крайней мѣрѣ, начинали убѣждаться, что всѣ труждающіеся и обремененные имѣютъ твердую опору только въ названной партіи, обладающей ясными принципами и вѣрной этимъ принципамъ. Основательно потускнѣлъ не только консервативный и либеральный миражъ, но началъ тускнѣть и миражъ ультрамонтанскій. Чѣмъ больше культуркампфъ затихалъ въ видахъ болѣе успѣшнаго ограбленія массъ, тѣмъ осязательнѣе выступалъ внутренне реакціонный характеръ центра. Ни одинъ изъ частныхъ результатовъ выборовъ не возбудилъ, быть можетъ, такого всеобщаго вниманія, какъ то обстоятельство, что ультрамонтанскія твердыни Кельнъ и Мюнхенъ были поколеблены штурмомъ сознательнаго пролетаріата.

Расширеніе соціалъ-демократической пропаганды пріобрѣтало

еще болѣе значительный смыслъ оттого, что она одинаково преодолѣвала самыя различныя препятствія. Въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, Шлезвигѣ-Голштиніи она отбросила назадъ феодальное юнкерство, въ Баденѣ и Вюртембергѣ—демократическую мелкую буржуазію; въ Эльзасѣ и Лотарингіи она своими 3.111 голосами возвысилась надъ національнымъ антагонизмомъ. Отъ Мангейма до Кёнигсберга тянулась наискось черезъ имперію почти непрерывная цѣпь постовъ с.-д. партіи. Въ Мангеймѣ Дрезбахъ получилъ свыше 5.000 голосовъ и на происходившихъ вскорѣ послѣ того дополнительныхъ выборахъ попалъ почти съ 7.000 голосами въ перебаллотировку; сверхъ того онъ вмѣстѣ съ еще однимъ с.-д. засѣдалъ въ городскомъ совѣтѣ, а въ городскомъ комитетѣ третій классъ былъ представленъ 16-ю соціалъ-демократами. На Кёнигсбергъ вообще не возлагали никакихъ надеждъ; по промысловой переписи 1882 г. городъ этотъ среди всѣхъ большихъ городовъ Германіи обладалъ относительно наименѣе развитой промышленностью и обнаруживалъ поразительное изобиліе мелкихъ самостоятельныхъ предпріятій. Вплоть до 1878 г. кёнигсбергская соціалъ-демократія состояла въ сущности изъ небольшой кучки радикальныхъ идеологовъ, находившихся подъ вліяніемъ Якоби, и послѣ изданія закона о соціалистахъ значительнѣйшая часть ея разсыпалась. На выборахъ 1881 г. число соціалъ-демократическихъ голосовъ равнялось всего 284, да и этотъ маленькій отрядъ былъ собранъ слесаремъ Годау лишь цѣною огромныхъ усилій. Годау былъ за свои соціалъ-демократическія убѣжденія выброшенъ на мостовую управленіемъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Восточной дороги; получая на томъ же основаніи отказъ повсюду, куда онъ ни обращался за работой, онъ принужденъ былъ самъ открыть маленькую мастерскую и познакомился на собственной шкурѣ со всѣми невзгодами мелкаго ремесленнаго предпріятія. Годау умѣлъ съ захватывающимъ краснорѣчіемъ просвѣщать классъ, въ который его толкнула не собственная склонность, а нужда. Ученые защитники буржуазіи терпѣли пораженіе предъ этимъ истиннымъ пролетаріемъ, который былъ проникнутъ неукротимымъ стремленіемъ къ образованію и жаждой знанія, несмотря на пролетарскую болѣзнь, неумолимо подтачивавшую его силы. Если партія уже теперь получила въ Кёнигсбергѣ 4.349 голосовъ, то она была обязана этимъ прежде всего Годау.

Нигдѣ, однако, какъ въ Баваріи, второмъ по величинѣ государствѣ Германской имперіи, не выступилъ такъ ясно и недву-

смысленно фактъ, что неудержимое разложеніе буржуазныхъ партій все болѣе и болѣе перекладываетъ на широкія плечи сознательнаго пролетаріата тѣ историческія задачи, разрѣшеніе которыхъ было историческимъ призваніемъ буржуазіи. Съ тѣхъ поръ какъ существовала германская соціалъ-демократія, она имѣла также своихъ приверженцевъ въ Баваріи, но лишь съ выборовъ 1884 г. существуетъ баварскій флангъ всей партіи, съ закономѣрной постепенностью развертывающій свои отряды и полки.

Завоеваніе Баваріи.

Въ Баваріи законъ о соціалистахъ примѣнялся съ самаго начала очень сурово, если и не вполнѣ въ берлинскомъ стилѣ. Здѣсь было больше природной грубости, чѣмъ хитраго разсчета, но поскольку такой разсчетъ существовалъ, онъ былъ направленъ въ другую сторону, чѣмъ высшая дипломатія „мягкой практики". Либеральное, если такъ позволено выразиться, министерство въ Мюнхенѣ имѣло настоятельный интересъ, чтобы травля соціалистовъ продолжалась, ибо такимъ путемъ оно могло сдѣлать себя необходимымъ въ глазахъ душевно-больного короля, какъ умѣлый укротитель краснаго призрака. Но наряду съ этимъ между Берлиномъ и Мюнхеномъ существовалъ извѣстный антагонизмъ, который Фирекъ сумѣлъ использовать для своей публицистической дѣятельности въ баварской столицѣ. Къ газетамъ, которыя онъ изготовлялъ для внѣ-баварской Германіи, баварское правительство относилось согласно правилу: святой Флоріанъ, пощади мой домъ, зажги другі ; зато когда оно запретило „*Süddeutsche Post*", сидѣвшую на шеѣ у него самого, то имперская комиссія, вопреки своей обычной практикѣ, отмѣнила запрещеніе.

Въ прирейнскомъ Пфальцѣ рабочее движеніе было на время совершенно задушено закономъ о соціалистахъ. Каждое изъ его выступленій безпощадно подавлялось, и у него не осталось никакого другого способа агитаціи, кромѣ ночного распространенія листковъ, организованнаго изъ Мангейма. Однако, эта подпольная работа дала скоро отраднѣйшіе результаты. Въ 1882 г. Эргардтъ переѣхалъ изъ Мангейма въ Людвигсгафенъ, и Пфальцъ могъ выступить какъ самостоятельный агитаціонный округъ. Когда во время избирательнаго движенія 1884 г. пфальцскій пролетаріатъ попытался добыть себѣ путемъ грандіозныхъ манифестацій право со-

браній, то въ Людвигсгафенъ были переведены 800 солдатъ, но провокація, имѣвшая цѣлью устроить бойню, потерпѣла неудачу благодаря хладнокровному и въ то же время рѣшительному поведенію рабочихъ. Кандидатъ рабочихъ получилъ въ избирательномъ округѣ Франкенталѣ-Шпейерѣ, гдѣ лежитъ Людвигсгафенъ, 4.822 голоса и попалъ въ перебаллотировку, а „карательнымъ баварцамъ“ пришлось уйти не солоно хлебавши. Съ тѣхъ поръ развитіе пфальцскаго движенія шло безостановочно впередъ.

Въ той части Баваріи, которая расположена вправо отъ Рейна, Нюрнбергъ-Фюртъ остался средоточіемъ движенія для трехъ франконскихъ округовъ, правда, напоминая пока больше окруженный волнами утесъ, чѣмъ узловой пунктъ широко раскинувшейся сѣти. Нюрнбергскимъ рабочимъ отравляла существованіе милая тройка: государственная бюрократія, свободомыслящая коммунальная полиція и нѣкоторые анархистскіе элементы. Такъ какъ эти рабочіе принадлежали къ твердой породѣ Грилленбергеровъ, то они держались непоколебимо, но завоевывать новыя мѣста имъ стало трудно даже въ самой Франконіи. Въ февралѣ 1884 г. Грилленбергеръ задумался организовать верхне-франконскихъ кустарей корзиночнаго промысла, подвергавшихся жесточайшей эксплуатаціи со стороны скупщиковъ; для перваго начала ему хотѣлось организовать профессіональный союзъ корзинщиковъ въ Шнеѣ, но верхне-франконскія правительственныя власти поспѣшили на основаніи невѣроятныхъ приказныхъ закорючекъ объявить этотъ союзъ политическимъ союзомъ, лишеннымъ, какъ таковой, права принимать въ члены несовершеннолѣтнихъ и женщинъ и вступать въ какія-либо сношенія съ другими союзами. Такимъ образомъ законное сопротивленіе корзинщиковъ незаконнымъ плутнямъ ихъ эксплуататоровъ было задушено государственной властью. Столь возмутительная несправедливость по отношенію къ безоружнымъ рабочимъ явилась, однако, косвенно самой дѣйствительной пропагандой въ пользу соціалъ-демократіи, пріобрѣвшей скоро среди верхне-франконскихъ корзинщиковъ тысячи приверженцевъ. Труднѣе оказалось атаковать другіе избирательные округи Франконіи, даже округи средне-франконскіе, лежащіе совсѣмъ близко отъ Нюрнберга: бытовыя условія ихъ населенія, недостатокъ промышленности и городовъ, рѣзкій вѣроисповѣдный антагонизмъ и многія другія причины давали лишь слабую возможность завязать здѣсь сношенія столь высоко развитому пролетаріату современной крупной промышленности, какимъ были нюрнбергскіе рабочіе.

Къ сожалѣнію, Аугсбургомъ не было сдѣлано или еще не было сдѣлано для швабскаго административнаго округа то, что Нюрнбергъ дѣлалъ для франконскихъ округовъ. Аугсбургъ являлъ собою типическій примѣръ того, какъ тяжело приходится расплачиваться рабочему классу, если онъ даетъ сбросить себя назадъ съ достигнутой уже высоты соціалистическаго сознанія. Изъ соціалъ-демократическаго центра, который нѣкогда энергичными ударами призвалъ къ порядку баварскую верхнюю палату, онъ превратился въ фабричный городъ самаго печальнаго типа. Каждый заводъ имѣлъ свои кассы взаимопомощи, свои потребительныя и сберегательныя учрежденія, рабочіе получали жалкую плату и находились всецѣло подъ командой своихъ эксплуататоровъ; уволенный рабочій не принимался никуда на работу. Хотя рабочіе и чувствовали себя пролетаріями, но они отличались всѣми недостатками народнаго слоя, систематически угнетаемаго и эксплуатируемаго индустріализмомъ; въ пошлыхъ удовольствіяхъ, въ шумѣ и крикѣ межъ собою они расточали силу, которой не осмѣливались показывать по отношенію къ своимъ начальникамъ. Однако и въ Аугсбургѣ худшее время было уже пережито; 1.550 голосовъ недвусмысленно свидѣтельствовали, что дисциплина и энергія снова пробуждаются среди аугсбурскаго пролетаріата и теперь быстро окрѣпнутъ опять.

Но ввести самое большое южно-германское государство въ потокъ соціалъ-демократическаго массоваго движенія было подъ силу не франконскимъ и швабскимъ, а только старо-баварскимъ областямъ, административнымъ округамъ Верхняя Баварія, Нижняя Баварія и Верхній Пфальцъ. Эти области кормили относительно наименѣе придавленное изъ старыхъ нѣмецкихъ племенъ и особенно рѣзко накладывали на Баварію печать крестьянской страны. Крупная промышленность существовала, собственно говоря, только въ Мюнхенѣ и его окрестностяхъ, да и тамъ—рядомъ съ довольно крѣпкимъ ремесленнымъ производствомъ; сюда можно было прибавить еще нѣсколько рудниковъ и копей средней величины, а затѣмъ въ маленькихъ городахъ и деревняхъ лишь медленно зарождалась промышленность и выростали кое-гдѣ лѣсопилки, цементные заводы, заводы для обработки металловъ, писчебумажныя фабрики. Все остальное было сплошь земледѣліе и лѣсоводство,—но преимущественно среднее и мелкое крестьянство и, рядомъ съ нимъ, незначительное по общей площади и политически безсильное крупное землевладѣніе. Египетская язва прусскаго юнкерства была неизвѣстна здѣсь не то что со времени француз-

ской революціи, а уже со среднихъ вѣковъ, когда верховнымъ феодальнымъ господиномъ было духовенство, подтвердившее старое правило, что подъ епископскимъ посохомъ живется легче, нежели подъ юнкерскимъ хлыстомъ. Верхне-баварское дворянство возникло большей частью изъ монастырскихъ управителей (министеріаловъ); ему тѣмъ труднѣе было возвыситься, что баварскіе герцоги очень рано взяли его въ ежовыя рукавицы, а крестьяне питали къ барону столь же справедливое, сколько глубокое недовѣріе. Такъ же мало, какъ дворянство, располагала преобладающимъ значеніемъ крупная буржуазі либерализмъ былъ чисто „интеллигентской" партіей, стоявшей далеко отъ сельскаго населенія. Антисемиты тоже могли поживиться здѣсь лишь немногимъ, ибо крестьяне не особенно страдали отъ еврейскихъ ростовщиковъ; если антисемитская агитація могла найти нѣкоторый откликъ, то самое большее—среди ограниченнѣйшихъ мелкихъ бюргеровъ въ мѣстечкахъ и торговыхъ посадахъ. Господствующее вліяніе принадлежало католическому духовенству.

Народныя массы старой Баваріи жили въ сравнительномъ достаткѣ. Онѣ не знали еще единоспасающаго евангелія бережливости, проповѣдуемаго сикофантами капитализма, и тотчасъ же тратили на свои потребности всякое увеличеніе своего дохода. Различія въ доходахъ были гораздо слабѣе, чѣмъ въ капиталистически развитой Германіи; въ странѣ было меньше роскоши и меньше нищенской бѣдности, мало классовой ненависти, не было взаимной обособленности и высокомѣрія. Въ зависимости отъ этого сложились старо-баварскія черты характера: несокрушенная народная сила, упорство, жестоковыйность, слабая предпріимчивость, отсутствіе всякой алчности, умѣренное влеченіе къ труду, любовь къ наслажденіямъ, ни тѣни раболѣпія,—черты настоящаго крестьянскаго народа, свободнаго отъ мудрствованія и мистическаго умозрѣнія, почти лишеннаго всякой склонности къ теоріямъ, со слабымъ влеченіемъ къ формальному образованію. Религія была среди этихъ массъ привычкой и искусствомъ, въ политикѣ это были стойкіе демократы по чувству. При такихъ условіяхъ „сильное" правительство по берлинскому образцу не могло преуспѣвать: баварскіе чиновники были далеко не такъ связаны и раболѣпны, какъ прусскіе. Сказанному не противорѣчила и дикая травля соціалистовъ: она доказывала только, что баварскихъ рабочихъ не принимали еще въ разсчетъ среди тѣхъ движущихъ силъ, между которыми качалось взадъ и впередъ мюнхенское правительство,

неспособное противостать никакому дѣйствительно сильному напору.

Въ Мюнхенѣ, какъ и въ Аугсбургѣ, молодое рабочее движеніе было затоплено волнами ультрамонтанства; затѣмъ въ столицѣ Баваріи полиція работала, конечно, съ величайшей энергіей, чтобы держать помутившійся разсудокъ короля въ постоянномъ страхѣ предъ соціалистами. Судебныя и полицейскія преслѣдованія противъ сознательныхъ рабочихъ не прекращались, полицейскій комиссаръ Михаилъ Геретъ организовалъ недостойную систему доносительства и съ такимъ безстрашіемъ удостовѣрялъ подъ служебной присягой самыя причудливыя измышленія своихъ агентовъ-провокаторовъ, что снискалъ себѣ даже въ буржуазномъ мірѣ прозвище „клятвопреступнаго Михеля". Такъ какъ до поры, до времени нельзя было и помышлять объ освобожденіи столицы деревней, то въ партіи Мюнхенъ считался надолго потеряннымъ, и тѣмъ болѣе всѣ поражены были высокими цифрами, которыя онъ далъ въ 1884 г. въ обоихъ своихъ избирательныхъ округахъ.

Заслуга этого счастливаго поворота принадлежала въ значительной мѣрѣ Фольмару. Онъ былъ самъ настоящимъ сыномъ старой Баваріи. Выросши въ чиновничьей и офицерской семьѣ, богатырскаго сложенія уже въ 15 лѣтъ, въ 16 лѣтъ поручикъ, онъ 21 года отъ роду получилъ во время франко-прусской войны тяжелую рану, надолго приковавшую его къ постели. Фольмаръ имѣлъ уже за собою богатую впечатлѣніями жизнь, когда серьезныя научныя занятія привели его сначала къ демократіи, а затѣмъ логически къ соціализму. Какъ только поправившееся здоровье позволило ему, онъ отдался соціалъ-демократической агитаціи. По изданіи закона о соціалистахъ Фольмаръ отбылъ продолжительное заключеніе въ Цвиккауской тюрьмѣ, гдѣ написалъ сочиненіе объ изолированномъ соціалистическомъ государствѣ. Теоретически спорная во многихъ отношеніяхъ, эта маленькая работа давала своеобразное свидѣтельство о склонности Фольмара повсюду брать исходнымъ пунктомъ практическія отношенія. Вслѣдствіе этого Фольмаръ не особенно годился въ редакторы зарубежнаго органа партіи,—роль, которую онъ выполнялъ въ первый годъ *„Соціалъ-демократа"*; тѣмъ удачнѣе онъ разобрался въ практической борьбѣ рейхстага. Его извѣстная рѣчь о табачной монополіи явилась первымъ парламентскимъ выступленіемъ партіи, гдѣ была занята вполнѣ недвусмысленная и безупречная позиція среди запутан-

ной взаимной борьбы буржуазныхъ интересовъ, прикрывавшейся флагомъ „соціальной реформы“.

Но въ настоящую свою стихію Фольмаръ попалъ лишь тогда, когда онъ вернулся въ 1883 г. въ Мюнхенъ, чтобы взять на себя руководство баварской агитаціей. Онъ съумѣлъ сказать себѣ, что тактика, шаблонно приноровленная къ фабрично-заводскому пролетаріату, можетъ имѣть въ Мюнхенѣ лишь незначительный успѣхъ, а въ остальной старой Баваріи успѣхъ ея будетъ равенъ почти нулю. Не отрекаясь отъ принципіальной точки зрѣнія партіи, онъ старался все-таки приспособить ее къ особымъ баварскимъ условіямъ. Онъ оставался вполнѣ вѣрнымъ соціалъ-демократической программѣ, когда выдѣлялъ религію, какъ таковую, изъ партійной борьбы, но именно потому онъ еще рѣзче нападалъ на ультрамонтанское смѣшеніе религіи съ политикой, на роль политическихъ и соціальныхъ угнетателей, которую играютъ отдѣльные представители духовенства и вся церковь. Энергично воздѣйствуя на природный демократизмъ баварскаго племени, онъ старался все-таки просвѣтить его на свой собственный счетъ.

Столь же мало подвергались опасности принципы и программа партіи, если Фольмаръ посвящалъ усиленное вниманіе тяготамъ крестьянскаго населенія и такимъ образомъ расчищалъ для соціалъ-демократической агитаціи путь въ баварскую народную массу. Конечно, здѣсь нужно было проводить строгую разграничительную черту, съ одной стороны, между крестьянами, которые хотѣли такъ же честно кормиться потомъ и кровью своихъ батраковъ и поденщиковъ, какъ цеховой мастеръ—потомъ и кровью своихъ подмастерьевъ и учениковъ, а съ другой—трудовымъ крестьянствомъ, которое отличается отъ современнаго пролетаріата лишь тѣмъ, что владѣетъ еще своими скудными орудіями труда. Съ первыми сознательный пролетаріатъ имѣлъ столь же мало общаго, сколько съ цеховиками; напротивъ, трудовое крестьянство было его ближайшимъ союзникомъ, и изъ такихъ трудовыхъ крестьянъ состоялъ на $^{9}/_{10}$ крестьянскій классъ Баваріи. Требовалось много практической ловкости и такта, чтобы строго соблюсти необходимую разграничительную линію, но трудность задачи не была основаніемъ бросать ее. Разрѣшеніе ея представлялось тѣмъ болѣе настоятельнымъ дѣломъ, чѣмъ больше безразсудные и вѣроломные поступки центра излѣчивали отъ заблужденій трудовое крестьянство, подобно тому какъ безразсудные и вѣроломные поступки свободомыслящей партіи просвѣтили насчетъ собственнаго положенія ремесленнаго мастера-одиночку.

Такимъ образомъ соціалъ-демократическая агитація проникла до послѣднихъ уголковъ издревле крестьянской страны. Если въ старо-баварскихъ провинціяхъ вообще рельефнѣе всего была выражена баварская самобытность, то среди нихъ самихъ ее особенно проявляла Верхняя Баварія, а въ этой послѣдней—избирательный округъ Розенгаймъ-Мизбахъ-Тёльцъ. Обширный и рѣдко населенный, округъ этотъ тянулся вдоль тирольской границы отъ оз. Вальхенъ до оз. Химъ. Въ немъ не было почти никакой обрабатывающей промышленности, имѣлся только одинъ городъ и два-три мѣстечка, не было даже большого количества деревень со сколько-нибудь значительнымъ числомъ жителей. Повсюду господствовала хуторская система, разбросанный способъ заселенія, при которомъ каждый дворъ или деревушка имѣетъ тутъ же вокругъ себя всѣ свои владѣнія. Относительно множества этихъ дворовъ можно установить по документамъ, что они изстари, съ 16-го и даже съ 11-го вѣка, оставались въ одной и той же семьѣ, особенно въ верховьяхъ Изара, по теченію уединеннаго Яхенау и у озеръ; многіе изъ нихъ были нѣкогда дворянскими усадьбами. Консервативныя наклонности и нравы глубоко вкоренились въ этомъ округѣ, странѣ альпійскаго хозяйства, браконьерства и Haberfeldtreiben *). Теоретически трудно было представить себѣ болѣе неблагопріятную почву для соціалъ-демократической агитаціи, и тѣмъ не менѣе этотъ округъ въ теченіе нѣкотораго времени былъ въ Баваріи лучшимъ сельскимъ округомъ партіи.

Весь процессъ, выдающуюся черту котораго составило завоеваніе Баваріи соціалъ-демократіей, былъ продуктомъ нѣмецкой исторіи. Если бы кто-нибудь захотѣлъ объяснить, почему здоровыя силы всѣхъ страждущихъ классовъ населенія стали собираться вокругъ соціалъ-демократическаго знамени, то ему нужно было бы объяснить, почему такъ стремительно быстро развилась въ Германіи крупная промышленность, капиталистическое производство, современное буржуазное общество, и почему политическій прогрессъ не шелъ въ ногу съ прогрессомъ соціальнымъ, почему правительственная власть осталась въ рукахъ отсталыхъ и отжившихъ классовъ, почему различные слои буржуазіи были такъ трусливы и косны, а мѣщанскіе классы такъ робки и разъединены между собою. При такихъ предпосылкахъ должно было произойти то, что произошло. Это предвидѣлъ уже Лассаль, когда онъ хотѣлъ собрать всѣхъ обездоленныхъ въ соціалъ-демократической партіи,

*) Особая форма народнаго суда надъ лицами, провинившимися въ неблаговидныхъ поступкахъ. —*Перев.*

авангардъ которой образуетъ пролетаріатъ крупной промышленности; онъ переоцѣнилъ лишь быстроту историческаго процесса.

Германская соціалъ-демократія была поставлена, такимъ образомъ, предъ новыми, трудными задачами. Всякій разъ, когда она побѣдоносно проникаетъ въ мелко-крестьянскій или мелко-буржуазный слой населенія, встаетъ опасность, что вновь пріобрѣтенные элементы, еще не вышедшіе изъ подъ власти унаслѣдованныхъ предразсудковъ, попытаются захватить господство надъ партіей, подобно тому какъ буржуазная интеллигенція, едва познакомившись съ азами пролетарской классовой борьбы, уже не прочь командовать ей. Какъ разъ въ Германіи, классической странѣ мѣщанства, возникновеніе соціализма съ извѣстнымъ мелко-буржуазнымъ оттѣнкомъ неизбѣжно въ наше время, когда промышленное развитіе насильственно и en masse вырываетъ съ корнемъ мѣщанство. Признавая справедливость основныхъ воззрѣній научнаго коммунизма и требованія о превращеніи всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность, этотъ соціализмъ объявляетъ, однако, его осуществленіе возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, практически лежащемъ внѣ нашего поля зрѣнія; такимъ образомъ, онъ въ непосредственномъ настоящемъ принужденъ обращать все свое вниманіе на соціальныя заплаты и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочувствуетъ даже реакціоннѣйшимъ стремленіямъ къ такъ называемому „поднятію благосостоянія рабочихъ классовъ". Мелко-буржуазный соціализмъ описаннаго рода всегда разбивается о здравый смыслъ нѣмецкихъ рабочихъ; хотя соціалъ-демократическая партія и покоится на равноправіи ея членовъ, однако она по своему историческому существу—партія пролетарская, а не мелко-буржуазная. Историческое ядро ея составляетъ современный, революціонный по всему своему классовому положенію пролетаріатъ крупной промышленности; этотъ пролетаріатъ есть передовой борецъ партіи, безъ сильной и несокрушимой десницы котораго партійная программа никогда не будетъ осуществлена. Ему подобаетъ поэтому въ партіи, если и не не-демократическая привилегія, то положеніе, соотвѣтствующее его способностямъ и его силамъ. Историческій процессъ сдѣлалъ изъ германской соціалъ-демократіи многоголосный оркестръ, и потому маленькая флейта имѣетъ такое же право быть услышанной, какъ большой контрабасъ, но играть на большомъ контрабасѣ долженъ современный промышленный пролетаріатъ, ибо онъ одинъ только можетъ играть на немъ.

Съ инстинктомъ ненависти буржуазныя партіи сообразили, что баварское завоеваніе имѣетъ съ извѣстной точки зрѣнія и оборотную сторону. Они недѣлями мечтали о „Дамаскѣ“ соціалъ-демократіи и утѣшались по поводу возросшаго числа соціалъ-демократическихъ голосовъ тѣмъ, что въ столь сплоченной до сихъ поръ партіи наступятъ новыя, глубокія несогласія, Дѣйствительно, такія несогласія какъ будто наступили въ 1884 г., но буржуазное опьяненіе надеждами было преждевременно и кончилось обычнымъ разочарованіемъ. Вопросъ, поставленный партіи исходомъ выборовъ 1884 г., въ сущности не могъ даже быть для нея вопросомъ. Тщательно отрѣзывать источники, изъ которыхъ къ ней ежедневно притекала новая жизнь, значило бы сдѣлать первый шагъ къ сектантскому захуданію. О подобномъ медленномъ самоубійствѣ партія ни минуты не помышляла; она чувствовала въ себѣ достаточный запасъ энергичной жизненной силы, чтобы не отступать въ страхѣ предъ борьбой и спорами, связанными съ пріобщеніемъ новыхъ элементовъ къ ея старымъ, великимъ цѣлямъ. Несомнѣнно, партія выглядѣла нѣсколько иначе въ областяхъ съ преобладающимъ мелко-крестьянскимъ или мелко-буржуазнымъ населеніемъ, чѣмъ въ областяхъ съ населеніемъ крупно-промышленнымъ и пролетарскимъ. Достаточно было сравнить между собою два самыхъ большихъ нѣмецкихъ государства средней величины, чтобы тотчасъ же увидѣть разницу: въ то время какъ въ Саксоніи пропасть между „двумя націями“ становилась со дня на день шире и глубже, Грилленбергеръ и Фольмаръ стали въ Баваріи популярнѣйшими людьми въ странѣ, всегда готовыми помочь совѣтомъ и дѣломъ самымъ разнообразнымъ слоямъ населенія. Но всѣ части партіи были въ величайшей степени заинтересованы въ ея сплоченномъ единствѣ; каждая вѣтвь, которая отдѣлилась бы отъ ствола, засохла бы, стала бы сухимъ полѣномъ, годнымъ развѣ лишь на то, чтобы топить печь политической и соціальной реакціи.

Въ прочныхъ рамкахъ партіи практическія и тактическія разногласія могли быть не разъединяющимъ и разрушающимъ, а, напротивъ, только живительнымъ и освѣжающимъ элементомъ. Появившись тотчасъ послѣ выборовъ 1884 г., они потомъ не разъ возвращались и не разъ еще возвратятся, но лишь для того, чтобы доказать, что германская соціалъ-демократія есть живой организмъ, что рожденная исторической жизнью великаго народа, она растетъ вмѣстѣ съ ростомъ своихъ задачъ, вѣрная завѣту поэта: Reif sein ist alles (быть зрѣлымъ, это—все).

Глава VI.

Начало конца.

---

1. Слова и дѣла.

Надежда на „Дамаскъ“ соціалъ-демократіи продлила второй періодъ закона о соціалистахъ еще на одинъ отдѣлъ, продолжавшійся опять полтора года, отъ осени 1884-го г. до весны 1886-го года.

Послѣ своего избирательнаго полу-успѣха Бисмаркъ задался цѣлью выжать, какъ лимонъ, новый рейхстагъ, поставить на сцену колоніальную политику и вновь закинуть протекціонистскій неводъ; одновременно съ этимъ онъ подготовлялъ, однако, новую избирательную борьбу по образцу бонапартовскихъ плебисцитовъ на тотъ случай, если рейхстагъ воспротивится покушеніямъ казначейства на народные карманы. Первую маленькую „бурю негодованія“ онъ устроилъ уже къ Рождеству 1884 г. по совершенно ничтожному поводу, но съ тѣмъ утѣшительнымъ результатомъ, что нѣмецкій филистеръ по обыкновенію легко пошелъ на удочку. Труднѣе было понять, какимъ образомъ Бисмаркъ все еще разсчитываетъ воспользоваться пролетаріатомъ какъ орудіемъ противъ буржуазіи. Съ нимъ произошло, впрочемъ, лишь то, что всегда происходитъ съ власть имущими, подкупающими печать для своихъ эгоистическихъ цѣлей: они въ концѣ-концовъ сами начинаютъ вѣрить въ лганье своихъ наемныхъ писакъ. Въ рѣчи Бисмарка отъ 26 ноября 1884 г. нашла себѣ откликъ надежда оффиціальныхъ газетъ, что по крайней мѣрѣ часть соціалъ-демократіи превратится въ „смирное домашнее животное“, которое удовольствуется „жидкимъ молокомъ“ страхованія рабочихъ: Бисмаркъ пожелалъ соціалъ-демократіи еще дюжины мандатовъ и назвалъ ее „вполнѣ полезнымъ элементомъ“, безъ котораго не

было бы и тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, какіе сдѣланы до сихъ поръ въ области соціальной реформы. Даже Путткамеръ скорчилъ возможно болѣе дружелюбную физіономію, говоря о партіи, „перешедшей на менѣе революціонные пути“, и для разнообразія сталъ утверждать, что законъ о соціалистахъ направленъ только противъ анархистской группы, не останавливающейся ни предъ какими злодѣяніями, чтобы немедленно достигнуть насильственнаго ниспроверженія существующаго государственнаго и общественнаго строя. Правда, когда эта проба въ новой роли только возбудила смѣхъ соціалъ-демократической фракціи, Путткамеръ взлѣзъ назадъ на только что брошенныя ходули и сталъ клятвенно увѣрять, что соціалъ-демократія отточила кинжалъ, которымъ незадолго до того, въ январѣ 1885 г., былъ убитъ во Франкфуртѣ на Майнѣ одинъ изъ его любимцевъ, провокаторскій отецъ и благодѣтель Румпфъ.

Въ декабрѣ 1884 г. имперскій судъ вынесъ приговоръ по дѣлу о таинственномъ нидервальдскомъ покушеніи, не поднявъ, однако, завѣсы, которою оно было скрыто отъ всѣхъ. Изъ восьми подсудимыхъ трое были оправданы, двое приговорены къ долгосрочному заключенію въ каторжной тюрьмѣ, а трое—Рейнсдорфъ, Кюхлеръ и Рупшъ—къ смертной казни. Кюхлеръ и Рупшъ подали просьбы о помилованіи, и Рупшу казнь была дѣйствительно замѣнена безсрочной каторгой, а Кюхлеръ взошелъ шатаясь, морально разбитый, на эшафотъ. Напротивъ, Рейнсдорфъ счелъ недостойнымъ просить о помилованіи; не какъ политическій мученикъ, но спокойно и равнодушно, съ застольной пѣсенкой на устахъ, онъ прожилъ свой послѣдній день и раньше, чѣмъ голова его пала подъ сѣкирой палача, воскликнулъ: „Долой варварство!“

Уже до этого Румпфъ сдѣлался жертвою своей охоты на людей. Въ покушеніи на него не участвовалъ ни одинъ агентъ-провокаторъ, и потому полиціи такъ и не удалось раскрыть виновниковъ. Она собрала лишь нѣкоторыя слабыя улики противъ сапожнаго подмастерья Лиске, — улики, дававшія основанія для подозрѣнія, что Лиске тѣмъ или инымъ путемъ могъ знать о готовящемся покушеніи, но даже въ отдаленной степени не изобличавшія его въ этомъ дѣяніи. Тѣмъ не менѣе франкфуртскіе присяжные признали его виновнымъ, и Лиске былъ казненъ. Онъ умеръ, какъ подобаетъ мужественному человѣку, и его проклятіе довело его обвинителя, прокурора Фрезе, до сумасшедшаго дома. Путткамеръ же провелъ черезъ прусскій ландтагъ особый законъ,

въ силу котораго за наслѣдниками Румпфа было сохранено полностью его жалованье; да и по правдѣ говоря, какого болѣе достойнаго героя могла кормить въ Пританеѣ эра Бисмарка-Путткамера, какъ не отца и покровителя провокаторовъ, погибшаго при исполненіи свего гнуснаго ремесла?

Маленькая Швейцарія пристыдила тогда могущественную прусско-германскую имперію, показавъ ей, какимъ образомъ надо бороться съ анархистскимъ призракомъ. Въ виду слуховъ о заговорѣ съ цѣлью взорвать зданіе федеральнаго совѣта въ Бернѣ, федеральнымъ генералъ-прокуроромъ было произведено слѣдствіе объ „анархистскихъ проискахъ" въ Швейцаріи. Слѣдствіе дало тотъ результатъ, что анархистское движеніе, поскольку о таковомъ можно было вообще говорить, находится въ „быстромъ упадкѣ"; что Мостъ какъ разъ своими безумными натравливаніями все сильнѣе отталкиваетъ рабочихъ отъ „пропаганды дѣйствіемъ"; что тѣ анархистскіе происки, какіе еще существуютъ, вызываются исключительно злобными преслѣдованіями рабочихъ въ Германіи и Австріи. „Исключительные законы гонятъ къ намъ анархистскихъ агитаторовъ и побуждаютъ ихъ заниматься у насъ агитаціонной дѣятельностью противъ своего отечества". Такъ какъ буржуазное общество не можетъ жить безъ полиціи, то полиція всегда остается буржуазной полиціей: поэтому Швейцарія выслала изъ своихъ предѣловъ съ десятокъ анархистскихъ агитаторовъ, причемъ наряду съ нѣмецкими провокаторами, въ родѣ Кауфмана и Вейса, тутъ были и честные анархисты, какъ Неве. Но федеральный прокуроръ настоятельно предостерегалъ противъ попытки бороться съ анархистской опасностью при помощи того средства, которое какъ разъ вызываетъ ее, т.-е. путемъ подавленія политической свободы. Составляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность германской полиціи, швейцарская полиція составляла ее и въ умѣніи раскрывать анархистскіе заговоры. Съ неспособностью германской полиціи предупреждать дѣйствительныя покушенія могла сравняться только ея рутина въ организаціи подстроенныхъ покушеній.

Аналогичное соотношеніе существовало между соціально-политическими словами и соціально-политическими дѣлами Бисмарка. Платоническое объясненіе въ любви, съ которымъ онъ обратился къ соціалъ-демократической партіи въ ноябрѣ 1884 г., было только нѣжной увертюрой, а сама опера зазвучала скоро на совсѣмъ иной ладъ. Какъ и въ 1881 г., соціалъ-демократическіе избира-

тельные успѣхи 1884 г. сдѣлали буржуазную совѣсть болѣе чуткой, и чуткость эта была тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе были успѣхи: ультрамонтане внесли уже не интерпелляцію, а предложеніе о дальнѣйшемъ развитіи рабочаго законодательства. Они требовали запрещенія воскреснаго труда, ограниченія труда женщинъ и дѣтей, а для взрослыхъ мужчинъ—максимальнаго рабочаго дня. Другія буржуазныя партіи выступили съ однородными предложеніями; только партія кронпринца была противъ всякаго, не только серьезнаго, но даже кажущагося ограниченія капиталистической эксплуатаціи. Въ этомъ отношеніи она была вполнѣ единодушна съ Бисмаркомъ.

Подобно Донъ-Кихоту, пришпорившему Росинанту, великій человѣкъ 19-го столѣтія пришпорилъ манчестерскаго коня. Когда Бисмаркъ выставлялъ положеніе, тысячу разъ опровергнутое теоретически и практически, что сокращеніе рабочаго времени должно повлечь за собою также сокращеніе заработной платы, то нѣкоторымъ извиненіемъ могло ему служить его феноменальное невѣжество въ области соціально-политическихъ вопросовъ. Но его злая воля выступала во всей своей отвратительной наготѣ, когда онъ говорилъ, что максимальный рабочій день наноситъ ущербъ интересамъ рабочихъ, и что если бы законодательствомъ установленъ былъ, напр., 14-часовой рабочій день, то предпріятія, довольствовавшіяся до тѣхъ поръ 10 и 11 часами, стали бы также работать 14 часовъ. Даже буржуазныя партіи не могли безъ нѣкотораго ужаса слушать эту жалкую болтовню, и опять-таки одна партія кронпринца встрѣтила съ сладострастной дрожью плодотворную мысль геніальнаго государственнаго мужа. Бывшій прогрессистъ Евгеній Рихтеръ заявилъ, что если „господинъ имперскій канцлеръ“ такъ разумно разсуждаетъ, то онъ можетъ разсчитывать на партію „неуклонныхъ“, а бывшій сецессіонистъ Баумбахъ спросилъ, къ чему такъ много разговаривать о дѣтскомъ трудѣ, когда мы видимъ, что и дѣтямъ Гогенцоллерновъ приходится изучать извѣстное ремесло. Справедливость требуетъ добавить, что меньшинство свободомыслящихъ, съ Людвигомъ Лёве и старымъ Вирховымъ во главѣ, начало возставать противъ этой слишкомъ ужъ беззастѣнчивой погони за наживой.

Вмѣсто законодательной охраны труда Бисмаркъ водрузилъ, какъ свое знамя, размноженіе милліонеровъ. Это было сдѣлано въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 13 марта 1885 г. во время преній по поводу колоніальной политики: Бисмаркъ заявилъ, что

Блейхрёдеры и Ганземаны тоже, молъ, люди, даже нѣмцы, и они имѣютъ право требовать защиты для своихъ богатствъ; „мнѣ было бы пріятно, если бы мы могли теперь же создать въ странѣ еще сотни двѣ милліонеровъ“. Подобно тому какъ Бисмаркъ годомъ раньше открылъ „право на трудъ“ въ прусскомъ земскомъ правѣ, такъ онъ ссылался теперь на меркантилистическую политику старыхъ Гогенцоллерновъ; „Геркулесъ 19-го вѣка“ всегда былъ на высотѣ своего образованія, когда онъ отставалъ столѣтія на два отъ образованія своего вѣка. Практически Бисмаркъ своимъ культивированіемъ милліонеровъ совершилъ плагіатъ надъ извѣстнымъ „Enrichissez-vous“ Гизо, съ той лишь разницей, что ему недоставало личнаго безкорыстія Гизо. Въ первой сессіи новаго рейхстага онъ устроилъ второе изданіе протекціонистской оргіи 1879 г., и такъ какъ волки голодали 6 лѣтъ, то они жадно набросились на потребляющія народныя массы. Хлѣбныя пошлины были утроены, пошлины на дерево удвоены, на скотъ и водку повышены; повышенію подверглось также значительное число промышленныхъ пошлинъ. Сессія, открывшаяся подъ знакомъ „соціальной реформы“, кончилась всеобщимъ ограбленіемъ бѣдныхъ богатыми, „разбойничьимъ набѣгомъ на трудящійся народъ“, какъ выразился Ауэръ въ рѣчи, произнесенной отъ лица соціалъ-демократической фракціи.

---

2. Фракція и партія.

Соціалъ-демократическая фракція стала впервые достаточно многочисленной, чтобы имѣть возможность самостоятельно выступать въ рейхстагѣ. Вѣрная традиціямъ партіи и постановленіямъ виденскаго и копенгагенскаго съѣздовъ, она центръ тяжести своей парламентской дѣятельности полагала въ агитаціи и пропагандѣ, но наряду съ этимъ она дѣлала то, что можно было дѣлать для пролетарскихъ интересовъ, не создавая себѣ большихъ иллюзій относительно плодотворности буржуазнаго парламентаризма. Она участвовала во многихъ комиссіяхъ, хотя и не во всѣхъ: въ бюджетной комиссіи, напр., она не принимала участія, такъ какъ бюджетъ военнаго государства ей разъ навсегда пришлось отвергнуть, но она участвовала въ комиссіяхъ по разсмотрѣнію петицій и провѣркѣ выборовъ, гдѣ можно было охранять важные интересы рабочаго класса.

Отношеніе фракціи къ тремъ главнымъ вопросамъ сессіи было дано само собою. Къ новой протекціонистской оргіи она стояла въ непримиримой оппозиціи, а нерѣшительныя и поверхностныя попытки буржуазныхъ партій въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства она подняла на высоту современной культуры, внеся обширный законопроектъ объ охранѣ труда. Основными пунктами ея проекта были: 10-часовой рабочій день для взрослыхъ рабочихъ; 8-часовой для подростковъ; воспрещеніе праздничнаго и воскреснаго труда съ неизбѣжными отсюда исключеніями; воспрещеніе дѣтскаго труда, труда женщинъ на высокихъ стройкахъ и подъ землей и труда ночного, съ точнымъ перечисленіемъ допустимыхъ изъятій; выдача заработной платы еженедѣльно по пятницамъ; минимумъ заработной платы; широкая и разнообразная система надзора за условіями труда при посредствѣ имперскаго бюро труда, окружныхъ рабочихъ бюро, рабочихъ камеръ и третейскихъ судовъ. Проектъ нельзя было назвать совершеннымъ во всѣхъ пунктахъ,—такъ, напр., требованіе относительно минимума заработной платы натолкнулось на сильное сопротивленіе уже въ самой фракціи, — но въ общемъ онъ превосходно показалъ буржуазнымъ партіямъ, какой видъ должна имѣть ясная и послѣдовательная соціальная реформа въ рамкахъ буржуазнаго общества. Разумѣется, проектъ встрѣтилъ обычный пріемъ: послѣ продолжительнаго шума по поводу того, что соціалъ-демократія своимъ законопроектомъ отказалась отъ прежнихъ „революціонныхъ утопій", каждое изъ его практическихъ требованій было отвергнуто какъ „революціонная утопія".

Что касается колоніальной политики, то с.-д. фракція оказала ей то же противодѣйствіе, какъ и таможенной политикѣ; она отвергла при этомъ не неприбыльную только, а всякую вообще колоніальную политику, такъ какъ издержки ея ложатся на рабочихъ, а барыши достаются капиталистамъ. Кромѣ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ кредитовъ Бисмаркъ представилъ еще первый счетъ колоніальной политики въ видѣ требованія объ отпускѣ 4.4 милл. марокъ въ годъ, какъ субсидіи частнымъ предпринимателямъ для устройства и поддержанія правильныхъ пароходныхъ сношеній съ Вост. Азіей, Австраліей и Африкой. Поскольку это требованіе должно было содѣйствовать колоніальной политикѣ, соціалъ-демократическая фракція единогласно отвергла его. Но при этомъ обнаружилось разногласіе между большинствомъ, представителями котораго были Ауэръ, Дитцъ, Фроме и Грилленбер-

геръ, и меньшинствомъ, которое представляли Бебель, Либкнехтъ и Фольмаръ. По мнѣнію большинства, нѣкоторыя изъ предложенныхъ пароходныхъ линій не находились въ связи съ колоніальной политикой: онѣ могли только облегчить сношенія между народами и, слѣдовательно, содѣйствовать дѣлу мира, что̀ лежитъ также въ интересахъ пролетаріата. Меньшинство, не оспаривая этого взгляда принципіально, возражало, что нѣмецкій торговый флотъ выросъ безъ субсидій, и потому надо оставить плательщиковъ налоговъ въ покоѣ; субсидія создастъ нездоровыя тарифныя условія, и все же она находится въ связи съ „экономическими реформами" Бисмарка, создавая недобросовѣстную конкурренцію; содѣйствовать развитію торговаго оборота путемъ имперскаго пособія значитъ накликать на страну новые кризисы. Большинство приняло всѣ эти опасенія въ разсчетъ, постаравшись разстроить всѣ задніе планы, какіе могли быть у Бисмарка при испрашиваніи субсидіи для пароходныхъ обществъ.

Торговля Германіи съ Восточной Азіей и Австраліей была на $^{11}/_{12}$ сосредоточена въ рукахъ Гамбурга, тогда какъ Бременъ имѣлъ лишь большой ввозъ риса; между тѣмъ ни для кого не было тайной, что Бисмаркъ хочетъ отдать субсидію Бременскому Ллойду, отъ чего должна была сильно пострадать гамбургская торговля и, въ значительной мѣрѣ, гамбургскій пролетаріатъ. Какъ самое крупное судоходное предпріятіе Германіи, Бременскій Ллойдъ могъ тотчасъ поставить большой флотъ изъ болѣе старыхъ судовъ, между тѣмъ какъ гамбургское судоходство, если бы ему были отданы новыя линіи, принуждено было бы строить новыя суда, что̀ доставило бы занятіе многимъ тысячамъ кораблестроительныхъ рабочихъ, какъ разъ тогда сидѣвшимъ безъ хлѣба. По этимъ соображеніямъ большинство рѣшило, во-первыхъ, голосовать за восточно-азіатскую и австралійскую линіи, исключивъ изъ послѣдней линію самоанскую; во-вторыхъ, въ силу своего отношенія къ колоніальной политикѣ отклонить линіи африканскую и самоанскую; въ третьихъ, свое согласіе, въ указанныхъ выше предѣлахъ, поставить въ зависимость отъ того, чтобы суда, которыя должны дать пароходныя компаніи, были первоклассными новыми пароходами, построенными на нѣмецкихъ верфяхъ; наконецъ, отвергнуть весь проектъ, если это условіе будетъ отклонено или если рейхстагъ дастъ свое согласіе на одну изъ отвергнутыхъ линій. Оба случая наступили, такъ какъ рейхстагъ принялъ предложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было внесено Бисмаркомъ;

такимъ образомъ, соціалъ-демократическая фракція голосовала единодушно противъ всей пароходной субсидіи.

Принципіальныхъ разногласій внутри партіи при этомъ не обнаружилось, и неодинаковое сужденіе по вопросу факта не привело ни къ какому практическому раздѣленію при подачѣ голосовъ. Тѣмъ не менѣе инцидентъ возбудилъ въ партіи горячіе споры, самые рѣзкіе, какіе вообще происходили въ ней за все время существованія закона о соціалистахъ. Первымъ возсталъ противъ большинства фракціи цюрихскій кружокъ членовъ и заодно съ нимъ *„Соціалъ-демократъ“*; затѣмъ послѣдовали товарищи въ Бернѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Копенгагенѣ, а въ самой Германіи—лейпцигскіе, роштокскіе и кёнигсбергскіе члены партіи. 20 марта фракція выпустила заявленіе, гдѣ просила избавить ее отъ этихъ „совершенно неумѣстныхъ“ нападокъ: органъ партіи ни въ какомъ случаѣ не вправѣ идти противъ фракціи, отвѣтственной за его содержаніе; „не газета должна опредѣлять поведеніе фракціи, а напротивъ—фракція должна контролировать поведеніе газеты“. Это заявленіе подлило масла въ огонь и вызвало новую бурю: рѣзче всѣхъ противъ „диктаторской репрессіи“, противъ „болота парламентаризма“, въ которомъ не должно затеряться революціонное рабочее движеніе, запротестовали франкфуртскіе товарищи. Къ счастью, фракція и органъ партіи скоро пришли къ соглашенію, и 23 апрѣля *„Соціалъ-демократъ“* опубликовалъ мирный договоръ. Фракція признала, что *„Соціалъ-демократъ“* есть и долженъ остаться не ея личнымъ органомъ, а органомъ всей партіи, редакція же, съ своей стороны, согласилась съ нею въ томъ, что единство партіи и ея способность къ активнымъ дѣйствіямъ должны быть непремѣнно поддерживаемы: пока существуетъ военное положеніе исключительнаго закона и руководительство принадлежитъ фракціи, до тѣхъ поръ она вправѣ разсчитывать на безусловную поддержку всѣхъ товарищей, разъ она приняла извѣстное рѣшеніе. Возбужденные умы, впрочемъ, далеко не были успокоены этимъ: внутренняя распря продолжалась еще и перешла даже на столбцы буржуазной печати; лишь спустя мѣсяцы волны улеглись опять.

Съ обѣихъ сторонъ была обнаружена при этомъ случаѣ чувствительность и раздраженіе, совершенно не соотвѣтствовавшія настоящему предмету спора. Меньшинство фракціи отвергло пароходныя субсидіи какъ часть бисмарковской системы, но большинство не заслуживало упрека, если раньше, чѣмъ спровадить

законопроектъ, оно подвергло его испытанію въ горнилѣ критики. Партія, въ столь выдающейся степени цивилизаторская, какъ соціалъ-демократія, имѣетъ всѣ основанія тщательно беречь тѣ зародыши цивилизаціи, которые могутъ развиться уже на почвѣ буржуазнаго общества. Такъ какъ въ этомъ обществѣ всѣ подобные зародыши отравлены ядомъ капитализма, то часто нелегко провести надлежащую границу между капиталистическимъ и цивилизаторскимъ интересомъ; въ случаѣ съ пароходными субсидіями ее труднѣе было опредѣлить, чѣмъ тогда, напр., когда дѣло шло о каналѣ между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями, за постройку котораго фракція вскорѣ послѣ того подала голосъ. Ея вотумъ не вызвалъ никакихъ возраженій изъ рядовъ партіи, хотя и названный каналъ долженъ былъ ближайшимъ образомъ пойти на пользу только капиталистическимъ и военнымъ интересамъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что, защищая свою точку зрѣні большинство имѣло историческое право на своей сторонѣ, а отрицательное постановленіе фракціи было до извѣстной степени компромиссомъ въ трудномъ положеніи. Пароходная субсидія восточно-азіатской и африканской линіи (безъ Самоа) должна была служить предпринимателямъ вознагражденіемъ за условленные въ контрактахъ правильные рейсы съ мѣстами назначенія. Корабли должны были нести почтовую службу и развивать въ своихъ рейсахъ извѣстный минимумъ скорости. Имъ запрещалось заходить во всякіе другіе порты, кромѣ предписанныхъ, тогда какъ прежнія линіи, будучи только грузовыми, заходили во всякій портъ, гдѣ только можно было сдать или захватить грузъ, не обращая при этомъ вниманія на продолжительность рейса.

Опытъ показалъ съ тѣхъ поръ, что старыя грузовыя линіи укрѣпились, тогда какъ субсидируемыя почтовыя линіи, при возложенныхъ на нихъ тяжелыхъ обязательствахъ, не всегда оказывались доходными, но зато онѣ косвенно оказали благопріятное дѣйствіе на торговлю и сообщенія, особенно на сообщеніе пассажирское, которымъ пользуются и не нахвалятся всѣ націи. Международную публику привлекаютъ солидная постройка судовъ, отличный экипажъ и превосходный столъ..

Дитцъ предсказалъ при второмъ чтеніи, что субсидія окажется недостаточной, если видѣть въ ней гарантію процентовъ, подобную той, какая практиковалась въ началѣ желѣзнодорожнаго строительства. Такимъ образомъ, о „недобросовѣстной конкуррен-

ціи", поддерживаемой на счетъ плательщиковъ податей не могло быть и рѣчи. Субсидія оказалась только вознагражденіемъ за особыя услуги, которыхъ ни одна линія не брала или не беретъ на себя добровольно, между тѣмъ какъ вслѣдствіе международной конкурренціи почтовыя линіи стали необходимыми. Указаніе на трансатлантическое сообщеніе и на развитіе нашихъ обѣихъ большихъ линій безъ помощи всякихъ субсидій устраняется фактомъ монопольной перевозки ими эмигрантовъ, которая сама по себѣ уже даетъ вѣрную гарантію процентовъ на вложенный капиталъ. Колоніальныя линіи въ тѣсномъ смыслѣ, которыя были связаны съ пароходной субсидіей, очень скоро замерли, зато на почтовыхъ пароходахъ перевозятся теперь экипажныя смѣны морскихъ станцій, которыя иначе приходится посылать, нерѣдко съ большими затратами, по чужимъ линіямъ или путемъ прямого снаряженія транспортныхъ судовъ. Англичане платили и платятъ однородныя субсидіи Peninsular and Oriental Company, французы—Messageries maritimes, а австрійцы—Австрійскому Ллойду, но германскія почтовыя линіи побили всѣхъ конкуррентовъ.

Сюда надо прибавить еще соображеніе о постройкѣ судовъ. Почти всѣ трансатлантическіе корабли строились до тѣхъ поръ въ Англіи. Штеттинскій „Вулканъ" сдѣлалъ, правда, попытку сломить на своей верфи англійскую монополію, но съ сомнительнымъ результатомъ и лишь съ *тѣмъ* несомнѣннымъ успѣхомъ, что англичане поставили еще болѣе дешевыя цѣны за свои судовыя сооруженія, такъ что частный предприниматель поступилъ бы какъ глупецъ, если бы сталъ покупать въ Германіи за дорогую цѣну плохой фабрикатъ, вмѣсто того чтобы пріобрѣсти въ Англіи хорошій за дешевую цѣну. Англійскія цѣны упали настолько, что для континентальнаго судостроенія конкурренція стала невозможной. Германское судостроеніе очутилось въ критическомъ положеніи. Постройка деревянныхъ судовъ постепенно прекращалась, между тѣмъ постройка судовъ желѣзныхъ не могла развиться за недостаткомъ заказовъ. Верфи были пусты, и около 20 тысячъ корабельныхъ плотниковъ сидѣли безъ работы въ портахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Правда, въ Штеттинѣ, Любекѣ, Гамбургѣ и Бремергафенѣ возникли верфи для сооруженія желѣзныхъ судовъ, но онѣ принуждены были довольствоваться маленькими кораблями, тогда какъ большіе заказывались въ Англіи.

Помочь здѣсь могло только государственное принужденіе. Со-

ціалъ-демократическое предложеніе, чтобы *всѣ* суда, которыми будутъ обслуживаться субсидируемыя линіи, были новыя и построенныя на германскихъ верфяхъ, было отклонено большинствомъ рейхстага и не могло не быть отклоненнымъ съ точки зрѣнія послѣдняго, такъ какъ съ его принятіемъ пришлось бы долго ждать открытія субсидируемыхъ линій. Но Бисмаркъ понялъ положеніе и заявилъ при второмъ чтеніи, что идея соціалъ-демократическаго предложенія заслуживаетъ признанія, она непріемлема лишь въ настоящей своей формѣ; онъ готовъ, однако, ходатайствовать предъ Союзнымъ совѣтомъ, чтобы всѣ новыя суда, которыя будутъ поставлены для субсидируемыхъ линій, были обязательно построены на германскихъ верфяхъ. Предложеніе въ этомъ смыслѣ, тотчасъ же внесенное консерваторами, было принято рейхстагомъ. Такимъ образомъ бременскій Ллойдъ могъ поставить свои старыя первоклассныя суда, но новыя долженъ былъ строить уже на германскихъ верфяхъ. Нѣмецкое судостроеніе испытало благодаря этому необычайный подъемъ, и вмѣсто 20 тысячъ полуголодныхъ корабельныхъ плотниковъ мы видимъ теперь сотни тысячъ рабочихъ, которые вынуждены, правда, добывать себѣ свою долю въ прибыли путемъ организованной борьбы, но въ концѣ-концовъ добываютъ ее себѣ.

Вотъ что можно сказать по существу вопроса о пароходныхъ субсидіяхъ, который былъ, впрочемъ, только поводомъ, но не причиной рѣзкаго и продолжительнаго спора, возникшаго въ связи съ нимъ. Утвержденіе, что соціалъ-демократическая партія была скована воедино „желѣзнымъ обручемъ“ закона о соціалистахъ, относилось къ дешевымъ полуистинамъ либерализма; оно стояло на одномъ уровнѣ съ утвержденіемъ, что идейныя движенія не могутъ быть подавлены насильственными средствами. Относительная истинность этихъ утвержденій ни въ чемъ не проявляется такъ ясно, какъ въ исторіи нѣмецкаго либерализма, который проповѣдуетъ его обыкновенно со столь великимъ паѳосомъ. Соціалъ-демократическая партія сдерживалась совсѣмъ иного рода обручами, чѣмъ закономъ о соціалистахъ. Несомнѣнно, чтобы обезсилить исключительный законъ, она сплачивалась еще тѣснѣе, но силу для этого она черпала изъ историческихъ условій своего существованія, а не изъ грубой репрессіи. Поскольку репрессія вообще производила дѣйствіе, она могла дѣйствовать лишь въ смыслѣ разрушенія и смуты. Характеръ ея дѣйствія зависѣлъ всецѣло отъ существа классовъ, на которые она обруши-

валась: на косвенно затронутую буржуазію она подѣйствовала ослабляющимъ и парализующимъ образомъ, на непосредственно затронутый пролетаріатъ—возбуждающимъ и озлобляющимъ. Споръ изъ-за пароходныхъ субсидій, рѣзкое столкновеніе между фракціей и партіей явились симптомомъ той чрезмѣрной раздражительности, которая сама собою должна была возникнуть въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть, тянувшейся вотъ уже седьмой годъ.

Положеніе, созданное закономъ о соціалистахъ, требовало, чтобы руководство партіей было возложено на парламентскую фракцію, вообще—чтобы трибунѣ рейхстага, единственному мѣсту Германіи, гдѣ еще могло раздаваться свободное слово, было отведено значеніе, на которое буржуазный парламентаризмъ самъ по себѣ не могъ притязать. Въ какомъ-нибудь серьезномъ промахѣ фракцію нельзя было обвинить; еще до выборовъ 1884 г. она безжалостно исключила стараго Риттинггаузена, не пожелавшаго подчиниться ея строгой дисциплинѣ. Принявъ послѣ выборовъ 1887 г. болѣе дѣятельное участіе въ парламентскихъ работахъ, она сдѣлала лишь то, чего не вправѣ была не дѣлать; насколько она была при этомъ свободна отъ парламентскаго кретинизма, это убѣдительнѣе всего доказывается воплями Евгенія Рихтера по поводу ея мнимой нерадивости въ рейхстагѣ. Нѣкоторый разладъ въ воззрѣніяхъ обусловливался, несомнѣнно, самымъ существомъ дѣла: съ одной стороны, послѣ страшнаго напряженія избирательной битвы, безплодный стукъ парламентской мельницы возбуждалъ разочарованіе, которое обнаружилось совершенно аналогичнымъ образомъ уже послѣ выборовъ 1881 г. и даже послѣ удачныхъ выборовъ 70-хъ гг.; съ другой стороны, въ рядахъ с.-демократіи не переставало шевелиться опасеніе, что фракція, лишь бы достигнуть хоть чего-нибудь, можетъ войти въ слишкомъ тѣсныя сношенія съ буржуазными партіями и погрязнуть въ парламентскихъ интригахъ. Такое опасеніе особенно проявлялось тамъ, гдѣ надъ рабочими всего сильнѣе тяготѣлъ гнетъ закона о соціалистахъ. Какъ разъ наиболѣе старые и вѣрные членскіе кружки оберегали полную самостоятельность партіи какъ драгоцѣннѣйшее ея сокровище. Хотя въ саксонскомъ ландтагѣ сидѣло уже теперь 5 соціалъ-демократовъ, а весною 1885 г. въ гессенскій ландтагъ также прошли два с.-д., тѣмъ не менѣе Фроме и Газенклеверъ натолкнулись на непреодолимое сопротивленіе, когда они высказались за участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ.

Всего меньше можно было возразить противъ законопроекта

объ охранѣ труда, внесеннаго фракціей въ рейхстагъ, но и онъ повелъ ко многимъ неудовольствіямъ въ партіи. Экономическое положеніе 80-хъ гг. представлялось въ видѣ хроническаго застоя, прерывавшагося отдѣльными колебаніями въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ 10-лѣтія, причемъ всякій разъ замѣчался болѣе сильный подъемъ промышленности. Отъ перваго изъ этихъ подъемовъ взяло свое начало новое стачечное и профессіональное движеніе, хотя реакція не совсѣмъ оставила его въ покоѣ, но въ общемъ она все-таки не задушила его. Движеніе энергично распространилось, когда въ срединѣ 10-лѣтія набѣжала болѣе высокая волна промышленнаго подъема; вспыхнули многочисленныя стачки, и въ 1885 г. почти всѣ промыслы имѣли уже опять профессіональныя организаціи—частью мѣстные, частью центральные союзы, обнимавшіе въ общей сложности свыше 80.000 членовъ. Союзы развивались обыкновенно естественнымъ путемъ изъ стачекъ: такъ, напр., союзъ скульпторовъ возникъ изъ неудачной стачки въ Берлинѣ, а союзъ мебельщиковъ—изъ стачки въ Штутгартѣ, которую съ большой осмотрительностью довелъ до благополучнаго окончанія Карлъ Клоссъ. Понятно, что при основаніи профессіональныхъ союзовъ приходилось дѣйствовать съ крайней осторожностью, были перепробованы самыя разнообразныя формы организаціи, чтобы отнять всякій поводъ для вмѣшательства властей; центральные союзы всего охотнѣе избирали своимъ мѣстонахожденіемъ мелкія государства съ нѣсколько болѣе либеральнымъ правомъ союзовъ: портные выбрали Гамбургъ, табачники—Бременъ, мануфактурные рабочіе—Геру, рабочіе по обработкѣ металловъ—Мангеймъ. Изданіе законовъ о страхованіи рабочихъ выбило у профессіональныхъ союзовъ крѣпкую подпору, но и тутъ рабочіе, въ своемъ неутомимомъ стремленіи къ организаціи, съумѣли, согласно поговоркѣ, „сдѣлать изъ необходимости добродѣтель": они устремились въ добровольныя кассы взаимопомощи, разрѣшенныя закономъ о больничныхъ кассахъ, и въ 1885 г. въ нихъ числилось уже 874.507 членовъ, т.-е. въ 14 разъ больше, нежели 5 годами раньше.

Въ этомъ же году движеніе работницъ, послѣ спорадическихъ попытокъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, также испытало свой первый подъемъ. Оно могло записать даже на свой счетъ маленькій практическій успѣхъ: когда правительство захотѣло наложить пошлину на швейныя нитки, то берлинскія конфекціонныя работницы подняли такой громкій протестъ, что рейхстагъ рѣшилъ

произвести прежде всего разслѣдованіе о положеніи работницъ въ производствѣ бѣлья и готоваго платья. Устроенное правительствомъ самымъ поверхностнымъ и недостаточнымъ образомъ, оно раскрыло все-таки ужасающіе порядки въ этой обширной области эксплуатаціи женскаго труда. Разслѣдованіе развернуло пеструю картину самыхъ различныхъ способовъ производства и хозяйственныхъ формъ, смѣнявшихъ одна другую вмѣстѣ съ ходомъ общаго экономическаго развитія: бокъ-о-бокъ оказались ремесло, кустарная промышленность, купеческій капиталъ, потогонная система, скупщикъ и фабрикантъ, среднее промышленное заведеніе и крупное предпріятіе, экспортные дома, производившіе для всемірнаго рынка, фирмы, покрывавшія мѣстный и провинціальный спросъ, карликовыя заведенія, работавшія на заказъ, ручная работа и машина, работа въ фабричномъ залѣ и въ мастерской, въ подвалѣ и въ мансардѣ,—но общей чертой ихъ всѣхъ была безжалостная эксплуатація женской рабочей силы. Даже оффиціальные докладчики признавали довольно откровенно, что предъ работницами, которыя не могутъ пользоваться поддержкою своей семьи, открывается на выборъ одно изъ двухъ—либо умирать съ голоду, либо торговать своимъ тѣломъ. На „соціальную реформу" правящихъ сферъ эта ужасная картина не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія: Бисмаркъ былъ, вѣдь, по горло занятъ облегченіемъ „бѣдственнаго положені крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ.

Тѣмъ болѣе зажигательное дѣйствіе произвелъ въ профессіональномъ и стачечномъ движеніи соціалъ-демократическій законопроектъ объ охранѣ труда. Петиціи, требовавшія отъ рейхстага его принятія, были покрыты полумилліономъ подписей. Какъ и во всякой горячей борьбѣ, у борцовъ и на этотъ разъ проснулись преувеличенныя надежды. 1885-й годъ, начавшійся распрей изъ-за пароходныхъ субсидій, кончился рѣзкой полемикой между Либкнехтомъ и Фирекомъ относительно значенія нормальнаго рабочаго дня: Фирекъ предавался иллюзіи, что нормальный рабочі день болѣе или менѣе поглотитъ запасную промышленную армі тогда какъ Либкнехтъ убѣдительно доказывалъ, что нормальный рабочій день, хотя и будучи крупнымъ этапомъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата, не можетъ все-таки радикально излѣчить золъ капиталистическаго способа производства. Законъ о соціалистахъ создалъ и здѣсь искусственные антагонизмы. „*Соціалъ-демократъ*" по весьма солиднымъ основаніямъ относился

крайне сдержанно къ профессіональному движенію, тогда какъ „*Recht auf Arbeit*", тоже по солиднымъ основаніямъ, посвящалъ ей слишкомъ исключительное вниманіе. Такимъ образомъ между обѣими газетами возникъ извѣстный антагонизмъ, который въ свою очередь послужилъ поводомъ къ тому, что Гёхбергъ и К. А. Шраммъ еще разъ сдѣлали попытку провести свой особый взглядъ на современное рабочее движеніе.

Гёхбергъ далъ себя плѣнить лозунгамъ колоніальной политики и выступилъ въ „*Recht auf Arbeit*" въ пользу введенія налога на биржевыя сдѣлки подъ условіемъ, чтобы доходъ отъ него былъ употребленъ на основаніе производительныхъ рабочихъ товариществъ. „*Соціалъ-демократъ*" тотчасъ же раздѣлалъ этотъ проектъ, не забывая, однако, заслугъ Гёхберга передъ партіей, и когда Гёхбергъ умеръ лѣтомъ 1885 г., то партійный органъ посвятилъ ему некрологъ, полный сердечной благодарности. Болѣе рѣзкій характеръ приняло столкновеніе съ Шраммомъ, попытавшимся напасть на „догму марксизма". Шраммъ ни съ того ни съ сего поднялъ совершенно лишній споръ по поводу рецензіи на одно посмертное сочиненіе Родбертуса, напечатанной Каутскимъ въ „*Neue Zeit*",— рецензіи, вполнѣ дѣльной и правильной. Получивъ убѣдительную отповѣдь, Шраммъ выпустилъ еще затѣмъ черезъ издательство Фирека брошюру о Родбертусѣ, Марксѣ и Лассалѣ, гдѣ для разнообразія былъ поднятъ на щитъ Лассаль—правда, въ такой формѣ, что если бы Лассаль былъ еще въ живыхъ, онъ бы весьма рѣшительно отклонилъ отъ себя оказанную честь. „*Соціалъ-демократъ*" разнесъ брошюрку въ рядѣ превосходныхъ статей, и Шраммъ не поправилъ своего дѣла безтактной спекуляціей на то раздраженіе, которое могло еще шевелиться противъ партійнаго органа въ душѣ нѣкоторыхъ членовъ фракціи. Затѣмъ Шраммъ вступилъ также въ распрю съ Шёнланкомъ, который около этого времени отдѣлился отъ Фирека и сталъ прилежнымъ сотрудникомъ „*Neue Zeit*"; полемика имѣла лишь тотъ результатъ, что Шраммъ былъ въ третій разъ побѣжденъ.

Несмотря на рядъ тактическихъ разногласій, партія не давала себя больше сбросить съ высоты теоретическаго познанія, которой она достигла лишь цѣною большихъ усилій. Она энергично двигалась, напротивъ, впередъ по завоеванной области. „*Соціалъ-демократъ*" собралъ въ „Соціалъ-демократической библіотекѣ" выдающіяся сочиненія старой соціалистической литературы, а „Международная библіотека", издаваемая Дитцемъ въ Штутгартѣ, стала

печатать новыя соціалистическія изслѣдованія. И когда Шеффле началъ теперь оракульствовать насчетъ „безнадежности соціалъ-демократіи", то онъ, можетъ быть, успокоилъ много боязливыхъ буржуазныхъ душъ, но въ партіи онъ достигъ лишь одного результата: она стала отдавать себѣ ясный отчетъ въ недостаткахъ „*Сущности соціализма*" Шеффле,—той самой книжки, которая всего десятью или даже пятью годами раньше составляла предметъ ея почтительнаго удивленія.

---

3. Разочарованіе Бисмарка.

Сколько буржуазная пресса ни эксплуатировала тактическія и теоретическія разногласія, которыя принесъ съ собою для партіи 1885-й годъ, сколько она ни ликовала по поводу обнаруживаемаго ими „полнаго разстройства соціалъ-демократіи", однако они не могли надолго обмануть практическій геній Бисмарка. Фирекъ формулировалъ разъ программу такъ наз. праваго крыла с.-д. въ слѣдующихъ трехъ требованіяхъ: отмѣна закона о соціалистахъ, безусловная свобода коалицій, фабричное законодательство по англійскому образцу, но для Бисмарка требованія эти были предметомъ еще бóльшаго ужаса, чѣмъ коллективная собственность, поелику они непосредственно посягали на любезный его сердцу предпринимательскій барышъ. Вѣдь въ сущности борьба съ „революціонными эксцессами" была только мнимой цѣлью закона о соціалистахъ, дѣйствительная же цѣль его заключалась въ томъ, чтобы связать по рукамъ и ногамъ рабочій классъ! Постепенно мыслитель Бисмаркъ начиналъ убѣждаться, какъ безразсудно было съ его стороны вообразить себѣ, что нѣмецкій рабочій классъ позволитъ первому попавшемуся юнкеру прибрать его къ рукамъ при помощи плетки и пряника.

„Мягкая практика" еще продолжалась, но появились уже предвѣстники новыхъ подвоховъ и прижимокъ. Оффиціозная пресса нападала самымъ злобнымъ образомъ на всякую стачку, добровольнымъ кассамъ взаимопомощи ставили одну помѣху за другой, а закрытіе союза рабочихъ по обработкѣ металловъ явилось первымъ серьезнымъ вмѣшательствомъ закона о соціалистахъ въ профессіональное рабочее движеніе. Въ Бреславлѣ типографія „Силезія", единственнымъ собственникомъ которой былъ Крекеръ, была закрыта полиціей на томъ основаніи, что это союзъ, и им-

перская комиссія, не моргнувъ глазомъ, утвердила эту ничѣмъ не прикрытую и противозаконную конфискацію имущества. Въ Билефельдѣ было даже объявлено на нѣсколько дней большое осадное положеніе изъ-за того, что бастующіе рабочіе одной фабрики швейныхъ машинъ, раздраженные своимъ „кормильцемъ", устроили демонстрацію предъ его квартирой. Во Франкфуртѣ на М. полицейскій комиссаръ Мейеръ безъ всякаго повода, просто изъ одной грубости, приказалъ своимъ полицейскимъ врѣзаться съ саблями наголо въ толпу, провожавшую гробъ одного честнаго соціалъ-демократа. Впрочемъ, гнусное избіеніе на кладбищѣ, при которомъ было ранено отъ 30 до 40 человѣкъ, возмутило даже самыхъ сонныхъ филистеровъ; Мейеръ и человѣка два изъ его соучастниковъ были преданы суду и приговорены къ высшей мѣрѣ наказанія—3 мѣсяцамъ тюрьмы, въ то самое время, какъ сигарникъ Кюкельганъ былъ приговоренъ въ Альтонѣ за повторное распространеніе *„Соціалъ-демократа"* къ $3^1/_2$ годамъ тюрьмы! Въ довершеніе всего императоръ тотчасъ помиловалъ Мейера и его соучастниковъ, какъ бы для того, чтобы не возникло ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ „правосудности" этого прославленнаго „правового государства"

Вообще Бисмаркъ началъ теперь требовать отъ юстиціи тѣхъ услугъ, которыхъ не могла оказывать ему полиція. Къ 70-лѣтней годовщинѣ его рожденія былъ устроенъ общій тарелочный сборъ; собранныя деньги предполагалось употребить на какую-нибудь возвышенную національную цѣль, причемъ патріотическими предпринимателями отжиливались для этого гроши у тысячъ бѣдныхъ рабочихъ. Но когда было собрано отъ 2 до 3 милліоновъ марокъ, то Бисмаркъ наложилъ руку на большую половину этой суммы, чтобы купить за нее обратно часть родового помѣстья, выскользнувшаго изъ рукъ его предковъ. Не успѣла еще сойти съ лицъ его поклонниковъ краска стыда за этотъ поступокъ, какъ „геній" возбудилъ противъ свободомыслящихъ и соціалъ-демократическихъ депутатовъ рейхстага рядъ процессовъ, чтобы на основаніи какого-то давно забытаго параграфа прусскаго Земскаго права оттягать у нихъ получаемыя изъ партійныхъ кассъ діеты, какъ пріобрѣтенный якобы „непочтеннымъ" способомъ барышъ. Однако въ семи изъ этихъ процессовъ суды первой инстанціи вынесли оправдательные приговоры. Столь же неудачно кончился для правительства другой судебный процессъ, который тянулся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ противъ делегатовъ копенгагенскаго с.-д.

конгресса, задержанныхъ въ свое время въ Килѣ и Неймюнстерѣ. Имперскій прокуроръ отклонилъ попытку создать противъ нихъ процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ; такое же фіаско потерпѣли обвиненія въ составленіи тайнаго сообщества, которыя правительство попробовало возбудить противъ нихъ въ нѣсколькихъ земскихъ судахъ. Наконецъ, саксонскій министръ юстиціи Абекенъ нашелъ угодливаго прокурора въ Хемницѣ, гдѣ жилъ въ 1883 г. Фольмаръ. Но и здѣсь земскій судъ отнесся къ дѣлу иначе и оправдалъ всѣхъ 9 подсудимыхъ, такъ какъ обвиненіемъ не было представлено ни малѣйшаго доказательства наличности тайнаго сообщества въ смыслѣ уголовнаго закона.

Въ ноябрѣ 1885 г. рейхстагъ собрался во вторую сессію. Предъ нимъ тотчасъ явился Бисмаркъ, первымъ дѣломъ—чтобы предложить водочную монополію, долженствовавшую наполнить и карманы фиска, и карманы помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что проектъ исключалъ изъ монополіи производство неочищеннаго спирта и обезпечивалъ заводчикамъ среднюю цѣну въ 35 марокъ (минимумъ 30, максимумъ 40 марокъ) за гектолитръ, тогда какъ рыночная цѣна гектолитра составляла 24 марки. Какіе пріятные остатки перепадали при этомъ юнкерамъ, показывалъ уже одинъ примѣръ водочнаго заводчика Бисмарка, который въ своихъ заднепомеранскихъ имѣніяхъ могъ выкуривать ежемѣсячно 900 гектолитровъ. Эта недурная монополія оказалась все-таки не по нутру большинству рейхстага, и такъ какъ на принятіе ея не было ни малѣйшихъ шансовъ, то даже юнкеры не отважились голосовать за нее, не желая напрасно компрометтировать себя предъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ. 27 марта 1886 г. водочная монополія провалилась въ рейхстагѣ, отвергнутая всѣми голосами противъ трехъ.

Одновременно съ этимъ рейхстагъ долженъ былъ высказаться относительно продленія закона о соціалистахъ, и, судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, Бисмаркъ весьма не прочь былъ воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы немедленно распустить рейхстагъ. Но если у него дѣйствительно имѣлось такое намѣреніе, то онъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что у буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій нѣтъ никакого расположенія къ конфликту въ этомъ вопросѣ. Не то, чтобы невыносимость закона о соціалистахъ не становилась для нихъ все болѣе ощутительной: вѣдь даже національ-либералы, какъ Гнейстъ, начали поговаривать публично о необходимости его отмѣны! „*Соціалъ-демократъ*“ былъ

правъ, однако, когда сухо замѣтилъ по поводу всѣхъ этихъ разговоровъ: господствующіе классы отмѣнятъ законъ о соціалистахъ, когда онъ начнетъ нестерпимо жечь ихъ, но ни одной минутой раньше. Буржуазная оппозиція страдала старческой усталостью; взирая на неизмѣнно свѣжую и бодрую соціалъ-демократію, Бамбергеръ сказалъ тогда со вздохомъ зависти: „У этихъ есть еще вѣра!“ Свободомыслящіе радешеньки были представившейся на этотъ разъ возможности безнаказанно повторять свои старыя тирады, а ультрамонтане удовольствовались тѣмъ, что позволили вспомогательному отряду, необходимому для продленія закона, повернуть фронтъ подъ грохотъ оглушительной канонады насчетъ ихъ „смягчающихъ поправокъ“. Всѣ эти фокусы никого не могли больше обмануть; „смягчающія поправки“ полетѣли, по обыкновенію, подъ столъ, и по обыкновенію же, правительство позволило выторговать у себя два года изъ предложеннаго имъ срока.

Вообще же правительство, видя, что нельзя добиться государственнаго мѣропріятія крупнаго калибра, удовольствовалось тѣмъ, что̀ могло получить. Путткамеръ извлекъ лишь маленькій лоскутокъ изъ своего большого мѣшка цитатъ—статью „*Соціалъ-демократа*“, гдѣ была показана въ свѣтѣ исторической истины прусская національная героиня королева Луиза—и разразился декламаціями по поводу рабочихъ волненій, имѣвшихъ мѣсто, если и не въ Германіи, то въ Бельгіи. Что касается Бисмарка, то онъ попытался извратить одно совершенно вѣрное замѣчаніе Бебеля о русскихъ дѣлахъ въ такомъ смыслѣ, будто германская соціалъ-демократія проповѣдуетъ убійства. Такъ какъ онъ высказалъ подозрѣніе, что Марксъ „воспитывалъ убійцъ“ съ цѣлью отрядить ихъ противъ него, великаго Бисмарка, то оставшіяся въ живыхъ дочери Маркса заявили печатно слѣдующее: для ихъ отца Бисмаркъ былъ лишь забавной фигурой и, самое большее, невольнымъ и временами довольно удобнымъ помощникомъ пролетарской революціи; представленіе во вкусѣ страшныхъ романовъ, что такой человѣкъ, какъ Марксъ, способенъ былъ тратить свое время на то, чтобы „воспитывать убійцъ“, снова показываетъ, насколько правъ былъ Марксъ, когда видѣлъ въ Бисмаркѣ только прусскаго юнкера, въ высшей степени ограниченнаго, несмотря на всю свою хитрость, и совершенно неспособнаго понять какое бы то ни было великое историческое движеніе. 31 марта законъ о соціалистахъ былъ продленъ большинствомъ 169 противъ 137 голосовъ на 2 года, до 30-го сентября 1888 г.

Но, въ противоположность буржуазной оппозиціи, которая позволила системѣ Бисмарка-Путткамера дешево отдѣлаться отъ нея, соціалъ-демократическая фракція оказалась болѣе требовательной. Во время преній по поводу малаго осаднаго положенія Зингеръ извлекъ на свѣтъ Божій одного провокатора, городового Иринга, втершагося подъ именемъ механика Малова въ одинъ берлинскій рабочій ферейнъ, чтобы орудовать тамъ путемъ грубыхъ оскорбленій величества, продажи анархистскихъ сочиненій и подстрекательства къ динамитнымъ покушеніямъ. Всѣ великолѣпныя отговорки, которыми Путткамеръ отдѣлывался прежде отъ разныхъ провокаторскихъ подвиговъ, были непримѣнимы на этотъ разъ:Ирингъ-Маловъ былъ штатнымъ служащимъ, который по порученію своего начальства, но въ прямое нарушеніе закона о союзахъ, шпіонилъ подъ ложной личиной въ рабочемъ ферейнѣ, не запрещаемомъ закономъ о соціалистахъ. Уже одинъ указанный фактъ давалъ основаніе заподозрить наличность преступныхъ намѣреній; рядомъ безспорныхъ свидѣтелей это подозрѣніе было возведено на степень безусловной достовѣрности.

Разумѣется, Путткамеръ прибѣгъ къ самымъ знаменитымъ своимъ позамъ, чтобы ослабить подавляющее впечатлѣніе этого разоблаченія: настоящій комедіантъ,—какъ крикнулъ ему одинъ свободомыслящій депутатъ. Но онъ былъ лишь послѣдователенъ, когда предоставилъ затѣмъ карающую десницу государства въ распоряженіе неудачливаго носителя системы. Прокуроръ вынужденъ былъ привлечь обвинителей Иринга-Малова, писателя Христензена и каменщика Берндта, къ отвѣтственности за клевету, и при разбирательствѣ дѣла въ двухъ инстанціяхъ начальники провокатора горячо заступились за него. Согласно ихъ увѣренію, подтвержденному присягой, болѣе безупречнаго джентльмена никогда не было на свѣтѣ; скорѣе чѣмъ обвинять въ чемъ-либо Иринга-Малова, они готовы были упрекать самихъ себя въ недостаточной осмотрительности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли они откомандировать столь глубоко правдиваго человѣка на службу, гдѣ ему съ утра до ночи приходилось лгать, лгать и снова лгать! Причмокивая губами, они говорили о „драгоцѣнномъ матеріалѣ", доставленномъИрингомъ; самъИрингъ признавался, по крайней мѣрѣ, въ маленькой слабости,—что въ своихъ классическихъ донесеніяхъ онъ всегда смѣшивалъ Маркса съ Мостомъ. Все-таки и на буржуазный міръ произвелъ впечатлѣніе фактъ, что отъ вздорной болтовни подобныхъ невѣжественныхъ субъектовъ мо-

жетъ зависѣть все существованіе честныхъ людей. Только судъ шеффеновъ (сословныхъ представителей) подъ предсѣдательствомъ судьи Бардизія стоялъ еще твердо на патріотической позиціи и приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ 6-мѣсячному тюремному заключенію. Однако предъ земскимъ судомъ (ландгерихтомъ) весь оффиціальный аппаратъ рухнулъ подъ тяжестью уличающаго матеріала, въ изобиліи представленнаго противъ Иринга, и подсудимые были оправданы, такъ какъ они не сказали ничего, кромѣ голой правды. Но Путткамеръ и теперь остался послѣдовательнымъ и доставилъ изобличенному судомъ провокатору „демонстративное удовлетвореніе“ въ формѣ ордена Общаго почетнаго знака, который былъ также пожалованъ городовому Напорра, пойманному недолго спустя въ подобныхъ же продѣлкахъ.

Такъ или иначе, но „мягкая практика“, успѣвшая уже надоѣсть системѣ Бисмарка-Путткамера, уступила мѣсто безграничной ярости, когда соціалъ-демократія осмѣлилась задѣть оффиціально удостовѣренныхъ провокаторовъ. Несмотря на всѣ героическія позы предъ публикой, система должна была въ тиши своей кельи сказать себѣ, что весною 1886 г. методъ развращенія такъ же потерпѣлъ банкротство, какъ осенью 1881 г. методъ голаго насилія.

Глава VII.

Предсмертныя судороги закона о соціалистахъ.

Третій и послѣдній періодъ закона о соціалистахъ длился, какъ и второй, $4^1/_2$ года и такъ же распадался на три части, только части неравной величины. Отъ весны 1886 г. до весны 1888 г. продолжались предсмертныя судороги исключительнаго закона, когда чудовище, схваченное за горло сильной рукой пролетаріата, начало еще разъ яростно бить всѣхъ окружающихъ; между осенью 1888 г. и осенью 1890 г. совершилось его окончательное крушеніе и вмѣстѣ съ нимъ крушеніе всей бисмарковской системы; промежуточные мѣсяцы обнимаютъ обѣ смѣны на германскомъ престолѣ, 99 дней императора Фридриха.

Предсмертныя судороги закона о соціалистахъ разыгрались такъ, какъ разыгрываются обыкновенно предсмертныя судороги. „*National Zeitung*" мѣтко опредѣлила по своему положеніе дѣла, когда сказала въ 1886 г., что открыть какой-либо общій принципъ въ примѣненіи закона о соціалистахъ невозможно, но отдѣльныя репрессивныя мѣры правительства свидѣтельствуютъ о томъ равнодушіи въ выборѣ средствъ, которое представители существующаго строя проявляютъ наканунѣ великихъ потрясеній. Націоналъ-либеральная газета ссылалась въ особенности на стремленіе Бисмарка добиться отъ юстиціи тѣхъ услугъ, которыя не могла оказать ему полиція. Съ буржуазной точки зрѣнія подобный образъ дѣйствій несомнѣнно долженъ былъ наводить на серьезныя размышленія, тѣмъ болѣе, что сравнительная сдержанность оффиціальныхъ органовъ правосудія въ первые годы закона о соціалистахъ окружила ихъ опять своего рода холоднымъ сіяніемъ; что бы тамъ ни говорили,—замѣтилъ разъ даже Бебель,— но юстиція все-таки не полиція. Вновь просвѣтить теперь народ-

ныя массы относительно сущности классовой юстиціи, безспорно значило поколебать ради самыхъ сомнительныхъ выгодъ сильнѣйшую опору классоваго господства. Но что оставалось дѣлать носителямъ системы, если и полицейское насиліе и полицейскій подкупъ потерпѣли безнадежную неудачу?

Поскольку слѣпые акты насилія, послѣдовавшіе тотчасъ послѣ третьяго продленія закона о соціалистахъ, имѣли какой-нибудь внутренній смыслъ, онъ былъ разоблаченъ потомъ словами Бисмарка, что вопросъ о соціалистахъ былъ для него не болѣе какъ „военнымъ вопросомъ". Именно таково было и мнѣніе „*Соціалъ-демократа*", не перестававшаго повторять весною 1886 г., что вновь разразившійся потокъ грубыхъ преслѣдованій имѣетъ цѣлью вызвать пролетарскія возстанія, которыя дали бы возможность при помощи грандіознаго кровопусканія отсрочить на короткое время неизбѣжный конецъ бисмарковской системы.

1. Циркуляръ о стачкахъ и процессы о тайныхъ сообществахъ.

11 апрѣля появился циркуляръ Путткамера о стачкахъ, мѣсяцъ спустя разрѣшеніе общественныхъ собраній въ Берлинѣ было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія полиціи, еще немного позже была также воспрещена публичная продажа печатныхъ произведеній въ Берлинѣ и Альтонѣ; въ столицѣ имперіи были, такимъ образомъ, осуществлены всѣ четыре полномочія § 28. Во всѣхъ районахъ осаднаго положенія высылки стали примѣняться въ усиленныхъ размѣрахъ. Затѣмъ въ маленькомъ бранденбургскомъ городѣ Шпрембергѣ было объявлено малое осадное положеніе изъ-за того, что новобранцы отвѣтили на грубыя приставанія одного полицейскаго служителя пѣніемъ рабочей марсельезы.

Правительственная „соціальная реформа" ничѣмъ не характеризуется лучше, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что первый насильническій ударъ достался профессіональному движенію. Самъ по себѣ циркуляръ о стачкахъ не содержалъ ничего новаго; онъ обращалъ лишь вниманіе полицейскихъ властей на то, что послѣ временнаго оставленія профессіональныхъ рабочихъ союзовъ въ покоѣ, нужно снова прижать ихъ, т.-е. возобновить практику, соблюдавшуюся тотчасъ послѣ изданія закона о соціалистахъ. Лицемѣрное приглашеніе уважать при этомъ свободу коалицій

рабочихъ было какъ двѣ капли воды похоже на лицемѣрныя завѣренія Бисмарка и Эйленбурга, обѣщавшихъ при обсужденіи исключительнаго закона не нарушать указанной свободы. Циркуляръ о стачкахъ началъ тотчасъ же примѣняться самымъ безпощаднымъ образомъ: чтобы парализовать весеннее движеніе среди строительныхъ рабочихъ, власти выслали изъ города вождей берлинскихъ каменщиковъ, не поддерживавшихъ никогда ни малѣйшихъ сношеній съ политической рабочей партіей, и распустили профессіональный союзъ каменщиковъ, также какъ комиссію о печати строительныхъ рабочихъ. Одинаковая участь постигла три союза работницъ и всѣ окружные рабочіе ферейны, въ одномъ изъ которыхъ былъ разоблаченъ провокаторъ Ирингъ-Маловъ. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ было отказано въ разрѣшеніи 47 собраніямъ, въ томъ числѣ 33 профессіональнымъ; каменщики и столяры годами не могли устроить своихъ собраній. И по примѣру Берлина, то же происходило вездѣ въ провинціи, гдѣ только существовало профессіональное движеніе.

Буржуазные классы смотрѣли на эти неистовства полиціи съ плохо скрываемымъ чувствомъ удовлетворенія. Поскольку разрозненные протесты поднимались, они исходили отъ дальновидныхъ крупныхъ промышленниковъ; напротивъ, цеховики были въ величайшей радости отъ начатой травли, и это совершенно понятно, если припомнить, что депутація отъ мастеровъ строительнаго цеха прямо ходатайствовала предъ Путткамеромъ объ изданіи циркуляра о стачкахъ. Когда соціалъ-демократическая фракція внесла въ рейхстагъ запросъ относительно циркуляра о стачкахъ, то надлежащимъ образомъ говорили только ея ораторы, изъ представителей же буржуазной оппозиціи Бамбергеръ „выразилъ надежду“ что циркуляръ не задушитъ свободы коалицій, а Виндгорстъ объявилъ его не противозаконнымъ, покуда существуетъ законъ о соціалистахъ. Возгордившись, благодаря этому, Путткамеръ сталъ изрыгать хулу на агитаторовъ, которые „откармливаются“ потомъ и кровью рабочихъ и „пропускаютъ черезъ глотку пріобрѣтенные тяжкимъ трудомъ гроши“; затѣмъ онъ объявилъ, что за каждой стачкой скрывается гидра революціи. Это крылатое слово было не совсѣмъ такъ глупо, какъ оно выглядѣло, ибо стачки безспорно являются начальной школой пролетарской классовой борьбы, но Путткамеръ говорилъ, понятно, не въ историко-психологическомъ, а въ участково-полицейскомъ и буржуазно-эксплуататорскомъ смыслѣ. Онъ объявилъ плоды права коалицій „крайне

прискорбными“ и назвалъ цѣнность этого права „въ высшей степени сомнительной“. Все это буржуазная оппозиція выслушала молча, такъ что даже *„Frankfurter Zeitung“* замѣтила, что на рейхстагъ ложится сугубая вина, если полицейское государство все больше развертывается во всей своей красѣ.

И оно не преминуло развернуться. Такъ какъ прежній опытъ показалъ, что при помощи одного закона о соціалистахъ съ профессіональнымъ движеніемъ нельзя все-таки справиться, то его нужно было задушить различными судебными способами. Прежде всего былъ растянутъ до послѣдней возможности содержавшійся въ Уставѣ о Промышленности каучуковый параграфъ противъ забастовочныхъ безчинствъ; на основаніи этого параграфа были осуждены въ 1886 г. ни болѣе ни менѣе, какъ 179 человѣкъ, противъ 5-ти въ 1882 г. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этого параграфа нельзя было растянуть больше, онъ дополнялся параграфами уголовнаго кодекса о такъ наз. grober Unfug (грубомъ нарушеніи общественнаго порядка и спокойствія), о насильственномъ принужденіи, вымогательствѣ; вѣнцомъ, такъ сказать, этихъ подвиговъ было разъясненіе имперскаго суда, что призывъ къ прекращенію работъ безъ соблюденія срока предувѣдомленія подходитъ подъ § 110 уголовнаго кодекса, карающій тюремнымъ заключеніемъ до 2 лѣтъ всякій, хотя бы и безуспѣшный призывъ „къ неповиновенію законамъ или законнымъ распоряженіямъ властей“. Между тѣмъ по § 111 безуспѣшный призывъ къ наказуемому дѣянію карается, самое большее, 1 годомъ тюремнаго заключенія. Такимъ образомъ, по разъясненію высшаго суда, рабочіе, подговаривающіе товарищей къ самовольному расторженію договора найма противъ предпринимателей, могли быть приговорены къ двумъ годамъ тюрьмы, между тѣмъ какъ преступники, подговаривающіе къ разбою и грабежу, могли получить максимумъ 1 годъ тюрьмы! Затѣмъ были сдѣланы попытки подчинить профессіональные союзы контролю полиціи, на томъ якобы основаніи, что это страховыя учрежденія, которыя согласно одному параграфу уголовнаго кодекса нуждаются въ разрѣшеніи государственныхъ властей. Съ особенной энергіей пускалось въ ходъ предписаніе большинства германскихъ законовъ о союзахъ, запрещавшее политическимъ союзамъ вступать въ соединеніе другъ съ другомъ. „Политическій“ характеръ профессіональныхъ союзовъ былъ установленъ очень просто: судьи объявили всѣ вопросы законодательной охраны труда „политическими“. Такъ, напр., одинъ союзъ столяровъ въ Альтонѣ, же-

лая ходатайствовать предъ рейхстагомъ о законодательномъ регулированіи рабочаго времени, занялъ нѣсколько петиціонныхъ листовъ у одного гамбургскаго союза столяровъ, пославшаго уже такую петицію. За этимъ послѣдовало тотчасъ закрытіе альтонскаго союза полиціей съ той, изумительной мотивировкой, что позаимствованіемъ петиціонныхъ листовъ онъ „вступилъ въ соединеніе" съ другимъ „политическимъ" союзомъ. Прокуроръ предложилъ по 4 недѣли тюремнаго заключенія для каждаго изъ членовъ правленія союза, и если ландгерихтъ ограничился присужденіемъ каждаго изъ нихъ къ 30 маркамъ штрафа, то все же онъ подтвердилъ правильность разсужденія полиціи; то же сдѣлалъ и имперскій судъ въ качествѣ послѣдней инстанціи.

Приведенный фактъ характеризуетъ отнюдь не всѣ, но нѣкоторыя особенно милыя пытки, которымъ подвергалось профессіональное движеніе. Если его тѣмъ не менѣе не удалось совершенно задавить, то успѣхъ этотъ былъ обусловленъ изумительной выдержкой и упорствомъ рабочихъ. Имъ поистинѣ не нужно было скромно стушевываться предъ англійскими рабочими союзами, которымъ никогда не приходилось бороться съ такими неслыханными въ современныхъ культурныхъ государствахъ препятствіями. Безспорно, утонченныя преслѣдованія профессіональнаго движенія дали также могучій толчокъ развитію сознательнаго пролетаріата: явная односторонность, которую обнаруживали власти классоваго государства, преслѣдуя въ рабочихъ союзахъ то, что онѣ позволяли предпринимателямъ, и старательно закрывая глаза на грубѣйшія нарушенія законовъ о коалиціяхъ и союзахъ предпринимателями, тогда какъ даже самому осторожному и предусмотрительному поведенію рабочихъ ставились каждый разъ новыя ловушки,— эта односторонность посѣяла драконовы зубы, изъ которыхъ выросли вооруженные воины.

На юстицію была возложена задача помочь искорененію не только экономической, но и политической организаціи рабочихъ. На оправдательные приговоры судовъ первой инстанціи по процессамъ о діетахъ оффиціозная печать отвѣтила самыми откровенными угрозами; она могла затѣмъ съ чувствомъ высокаго удовлетворенія зарегистрировать обвинительные приговоры судовъ второй инстанціи. Затѣмъ имперскій судъ кассировалъ оправдательный приговоръ по хемницкому дѣлу о тайномъ сообществѣ и передалъ дѣло для вторичнаго разсмотрѣнія въ фрейбергскій ландгерихтъ, разъяснивъ предварительно понятіе „соединені "

такимъ образомъ, что присяжный повѣренный Мункель вправѣ былъ сказать предъ фрейбергскими судьями: счастье еще, что высшее судилище имперіи объявило, что „соединеніе“ должно заниматься „общественными дѣлами“, иначе каждой семьѣ грозила бы опасность быть разсматриваемой какъ соединеніе въ смыслѣ, придаваемомъ этому слову уголовнымъ кодексомъ.

4 августа 1886 г. фрейбергскій ландгерихтъ приговорилъ Ауэра, Бебеля, Фроме, Ульриха, Фирека и Фольмара къ 9-ти мѣсяцамъ тюрьмы каждаго, а Дитца, Гейнцеля и Мюллера—къ 6-ти мѣсяцамъ; приговоръ основывался на § 129 уголовнаго кодекса, угрожающемъ тюрьмою до 1 года за участіе въ сообществѣ, которое въ числѣ своихъ цѣлей и занятій поставитъ себѣ воспрепятствованіе незаконными средствами мѣропріятіямъ администраціи или исполненію законовъ. Судъ разсуждалъ, что поелику на копенгагенскомъ конгрессѣ докладывалось о положеніи „*Соціалъ-демократа*“ и общее направленіе газеты было тамъ единогласно одобрено, то осужденные путемъ „konkludente Handlung“ *) присоединились къ запрещенному сообществу, существованіе котораго не было, правда, доказано, но предполагалось судомъ.

Послѣ фрейбергскаго приговора во всѣхъ значительныхъ центрахъ рабочаго движенія буквально хлынулъ потокъ процессовъ о тайныхъ сообществахъ. Сами по себѣ эти процессы, какъ и циркуляръ о стачкахъ, не представляли прелести новизны. До фрейбергскаго приговора, т.-е. приблизительно за 8 лѣтъ существованія закона о соціалистахъ, было возбуждено 24 процесса о тайныхъ сообществахъ; изъ нихъ 6 кончились оправданіемъ, 10 были прекращены производствомъ, а въ 8 процессахъ (Франкфуртъ 1880 г., Мюнхенъ и Познань 1882 г., Штеттинъ 1883 г., Бреславль 1884 г., Мюнхенъ, Альтона и Аугсбургъ 1886 г.) состоялись обвинительные приговоры. Между тѣмъ съ начала августа 1886 г. до конца января 1889 г., т.-е. за $2^1/_2$ года, было возбуждено 55 процессовъ о тайныхъ сообществахъ, изъ которыхъ прекращеніемъ производства кончились лишь 10 и оправданіемъ лишь 8, а въ 33 случаяхъ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ въ общемъ итогѣ 236 лицамъ; 4 дѣла находились еще въ производствѣ. Среди этихъ четырехъ первое мѣсто занималъ эльберфельдскій процессъ, который послѣ долгихъ приготовленій

*) Konkludente Handlung называется такое дѣйствіе, которое позволяетъ умозаключать о наличности опредѣленной воли, хотя и не выраженной въ немъ прямо.—*Перев.*

привелъ въ концѣ 1889 г. на скамью подсудимыхъ 87 лицъ. Цѣль процесса была—доказать существованіе наряду съ мѣстнымъ тайнымъ союзомъ общегерманскаго тайнаго союза подъ верховнымъ руководствомъ парламентской фракціи, а затѣмъ, какъ вѣнецъ всего похода, предполагалось привлечь къ отвѣтственности за составленіе тайнаго сообщества всѣхъ членовъ фракціи. Однако въ эльберфельдскомъ дѣлѣ потерпѣла позорное крушеніе не с.-д. партія, а система процессовъ о тайныхъ сообществахъ. Уже всѣ прежніе процессы не раскрыли ничего, кромѣ того факта, что честныхъ рабочихъ подводили подъ судъ при помощи гнусной системы сыска, чтобы затѣмъ путемъ крючкотворныхъ толкованій уголовнаго кодекса карать ихъ за вещи, дозволенныя всякому другому классу населенія. Но если таковъ былъ результатъ прежнихъ процессовъ, то судебное разбирательство въ Эльберфельдѣ раскрыло настолько безобразные порядки, что даже смирные либеральные органы воскликнули съ ужасомъ: Довольно съ насъ этого позора! Эра процессовъ о тайныхъ сообществахъ погибла въ гораздо большей еще степени отъ этого моральнаго возмущенія, чѣмъ отъ юридическаго признанія эльберфельдскимъ ландгерихтомъ, что, несмотря на „вѣскіе поводы для подозрѣній“, доказать существованіе всеобщаго тайнаго союза въ Германіи, съ с.-д. фракціей во главѣ, не представляется возможнымъ. Тѣмъ не менѣе оправданы были только 43 подсудимыхъ, а 44 были приговорены за участіе въ мѣстныхъ тайныхъ сообществахъ къ 10 годамъ тюрьмы.

Рядомъ съ процессами о тайныхъ сообществахъ пошли въ усиленныхъ размѣрахъ и другіе процессы, ставшіе обычными со времени изданія закона о соціалистахъ. Когда въ сентябрѣ 1886 г. нѣсколько друзей устроили проводы высланному изъ Лейпцига товарищу Шуману, причемъ одинъ несъ на палкѣ красный платокъ, то четыре полицейскихъ, одѣтыхъ въ штатское платье, ринулись на кортежъ, чтобы захватить платокъ. Двое изъ этихъ сыщиковъ, которые не удостовѣрили своей личности и даже не сказали, что они полицейскіе, были сбиты съ ногъ, но никакого иного ущерба ихъ драгоцѣнному здоровью не было при этомъ нанесено. Тѣмъ не менѣе Шуманъ и его друзья были привлечены къ суду якобы за уличные безпорядки, и 11 изъ нихъ были приговорены къ наказаніямъ, составившимъ въ общей сложности $10^1/_2$ лѣтъ каторги и $12^1/_2$ лѣтъ тюрьмы. Шуманъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ въ каторжной тюрьмѣ, другой изъ осу-

жденныхъ сошелъ съ ума. Затѣмъ вновь стала процвѣтать, и не въ одной только Пруссіи, старая система, изобрѣтенная Мантейфелемъ во время прусской революціонной эпохи: мучить долгимъ предварительнымъ заключеніемъ тѣхъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ нѣтъ никакихъ уликъ или имѣются очень слабыя улики. Въ трехъ гамбургскихъ процессахъ обвиняемымъ пришлось вынести 17 лѣтъ предварительнаго заключенія, на судѣ же часть ихъ была оправдана, а другая часть приговорена къ наказаніямъ, не составившимъ въ общей сложности даже 6 лѣтъ.

Въ такихъ-то судорогахъ испускалъ свой послѣдній вздохъ законъ о соціалистахъ, но зато нѣмецкіе рабочіе узнали на всѣ грядущія времена, что такое классовая юстиція.

---

2. Карнавальные выборы.

Тѣмъ временемъ Бисмарку нужно было рѣшить вопросъ, что дѣлать съ выжатымъ лимономъ—рейхстагомъ. Не говоря о другихъ соображеніяхъ, къ этому настойчиво побуждала уже предстоящая смѣна правителей. Императоръ могъ въ любой день умереть, а разъ на престолъ вступалъ кронпринцъ, то Бисмарку нужно было имѣть послушное большинство въ рейхстагѣ.

Такъ какъ рейхстагъ оказался послушнымъ въ вопросахъ таможеннаго покровительства и законодательства о соціалистахъ, такъ какъ водочная монополія совершенно не годилась въ качествѣ платформы для избирательной агитаціи, а колоніальная политика вслѣдствіе разныхъ „щелчковъ по носу“ также стала возбуждать нѣкоторое неудовольствіе, то у Бисмарка осталось лишь одно средство обморочить массы избирателей,—то самое средство, которое уже помогло ему въ первомъ успѣшномъ „плебисцитѣ“: призракъ войны. Въ ноябрѣ 1886 г., за цѣлый годъ до срока, истекавшаго лишь весною 1888 г., онъ потребовалъ возобновленія септенната и заодно съ этимъ—увеличенія мирнаго состава арміи на 41.145 человѣкъ и военнаго бюджета на 23 милліона марокъ. Это средство представляло для Бисмарка еще ту выгоду, что буржуазная оппозиція съ трудомъ могла уклониться отъ вызова, такъ какъ въ вопросѣ о септеннатѣ и свободомыслящіе и ультрамонтане были связаны своимъ прошлымъ поведеніемъ.

Буржуазная оппозиція испугалась, однако, борьбы и тотчасъ же начала отступленіе. Когда въ январѣ 1887 г. рейхстагъ присту-

пилъ ко второму чтенію, то она не только ассигновала „каждаго человѣка и каждый грошъ", которыхъ требовало правительство, но и поступилась принципомъ ежегоднаго вотированія бюджета, удовольствовавшись защитой тріенната вмѣсто септенната, т.-е. утвержденіемъ военнаго бюджета на 3 года вмѣсто семи лѣтъ Справедливо опасаясь, однако, что и это противодѣйствіе можетъ исчезнуть до 3-го чтенія, Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ тотчасъ послѣ перваго голосованія второго чтенія, рѣшившаго вопросъ въ пользу тріенната и противъ септенната; новые выборы были назначены на 21-ое февраля, день карнавала *).

Соціалъ-демократическая фракція была, конечно, свободна отъ мягкосердечія буржуазной оппозиціи и не дала „ни одного человѣка и ни одного гроша". Она отвергла законъ о септеннатѣ, подобно тому какъ она отвергала весь военный бюджетъ. Но поскольку споръ шелъ между Бисмаркомъ и буржуазной оппозиціей, между правительствомъ и рейхстагомъ, она поддерживала буржуазную оппозицію, получившую благодаря этому большинство; она защищала принципіальную точку зрѣнія, что рейхстагъ, а не правительство, долженъ рѣшать вопросъ о военномъ бюджетѣ. Она приняла бой въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ данъ, и защищала право буржуазной оппозиціи энергичнѣе ея самой. Свободомыслящіе по обыкновенію разыгрывали изъ себя гонимыхъ овечекъ, которымъ жестокосердый Бисмаркъ не хочетъ уступить даже трехъ лѣтъ вмѣсто семи, несмотря на то, что все остальное они согласились дать ему полными пригоршнями. Что касается ультрамонтанъ, то они имѣли лишь партійно-тактическій интересъ въ охраненіи правъ буржуазнаго парламентаризма. Все же они держались болѣе твердо, нежели свободомыслящіе. Когда Бисмаркъ забылся настолько, что сдѣлалъ шагъ, который такъ часто осуждалъ самъ во время культуркампфа какъ національный позоръ, когда онъ обратился къ папѣ за помощью противъ центра и призвалъ, такимъ образомъ, иноземнаго суверена въ третейскіе судьи надъ внутренними нѣмецкими дѣлами,—тогда Виндгорстъ оскалилъ зубы противъ самого святого отца, согласившагося на эту жалкую пріятельскую услугу. Ультрамонтанскій вождь былъ свободенъ отъ всякой слабости къ современному конституціонализму; его политическимъ идеаломъ была, приблизительно говоря, фео-

*) Такъ наз. Faschingstag, откуда и самые выборы получили названі schingswahlen.—*Перев.*

дальная конституція герцогства Аренбергъ-Меппенъ, и какъ бывшій ганноверскій министръ юстиціи, онъ имѣлъ богатый опытъ по части государственныхъ переворотовъ. Но онъ съумѣлъ сказать себѣ, что прирожденная партія меньшинства, какой является центръ, не должна допускать постепеннаго сведенія правъ рейхстага къ нулю. Сверхъ того ультрамонтанамъ, послѣ ихъ широкаго участія въ своекорыстной хозяйственной политикѣ Бисмарка, настоятельно нужно было освѣжить предъ массами католическихъ избирателей свою репутацію борцовъ за „истину, свободу и право".

Съ другой стороны, обѣ консервативныя фракціи образовали вмѣстѣ съ націоналъ-либералами картель, который сплотился вокругъ Бисмарка, какъ своего знаменоносца. Это былъ тотъ же союзъ между крупнымъ землевладѣніемъ и крупной промышленностью, который 10 годами раньше открылъ реакціонную эру, но съ той разницей, что націоналъ-либеральные крупные промышленники со своей безпринципной и, какъ флюгеръ, измѣнчивой политикой очутились на этотъ разъ всецѣло подъ вліяніемъ консервативныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. „*Kreuzzeitung*" дала сигналъ къ картелю, а Бамбергеръ совершенно правильно перевелъ это иностранное слово слѣдующимъ образомъ: Феодальные юнкеры востока вступаютъ въ имперскую крѣпость, а либеральные буржуа запада играютъ въ трубы по этому случаю.

Избирательная борьба была съ самаго начала испорчена слабостью буржуазной оппозиціи. Съ жиденькимъ и принципіально уродливымъ, половинчатымъ лозунгомъ: „тріеннатъ или септеннатъ?" трудно было поставить на ноги большія массы избирателей. Бисмаркъ нашелъ гораздо болѣе сильный козырь въ избирательномъ паролѣ: война или миръ? Въ то время какъ весь полицейскій аппаратъ былъ пущенъ въ ходъ, чтобы парализовать избирательную агитацію оппозиціонныхъ партій, весь аппаратъ оффиціальной и оффиціозной печати работалъ надъ тѣмъ, чтобы распространить до самой заброшенной хижины въ имперіи ложь, будто вслѣдъ за побѣдой оппозиціонныхъ партій Франція немедленно объявитъ войну обезоруженной отнынѣ Германіи. Правительственныя газеты распространяли ложныя извѣстія относительно французскихъ вооруженій и закупокъ лошадей, относительно приготовленія мелинитныхъ бомбъ и пикриновой кислоты; чтобы придать надлежащій вѣсъ этой комедіи, былъ запрещенъ вывозъ лошадей изъ Германіи, и въ совершенно необычное время, въ февралѣ мѣсяцѣ, вызваны для упражненій съ ружьемъ новаго

типа многочисленные чины запаса и ополченія. Братья по картелю выказали себя вполнѣ достойными своего героя. Они распространяли массами карты, гдѣ посредствомъ фальсифицированныхъ описаній и цифръ доказывалось, что на границѣ Германіи сосредоточены массы французскихъ войскъ, которымъ съ нѣмецкой стороны не противопоставлены одинаково многочисленныя части. Они распространяли сверхъ того разрисованные плакаты въ самомъ кричащемъ ярмарочномъ стилѣ, на которыхъ можно было видѣть, какъ французскіе солдаты насилуютъ нѣмецкихъ женщинъ, угоняютъ скотъ, жгутъ деревни. *„Соціалъ-демократъ“* писалъ: „Это не были выборы, это былъ какой-то дикій шабашъ, нападеніе врасплохъ, нравственное и физическое насиліе, плебисцитъ въ худшемъ наполеоновскомъ смыслѣ слова,—только болѣе грубый, болѣе лицемѣрный, болѣе лживый, какъ это неизбѣжно при болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ нашего юнкерства. Такъ грубо и неуклюже Бонапартъ Маленькій не могъ вести дѣла: средній уровень французской культуры, который, къ сожалѣнію, выше нашего, ставилъ ему рѣшительную преграду“. Но именно на эту французскую культуру спекулировали патріоты картеля. Если бы, по ихъ справедливому разсчету, шовинисты французской буржуазіи не были въ десять разъ приличнѣе и разсудительнѣе ихъ самихъ, то изъ избирательной травли возникла бы франко-германская война.

Несмотря на свои фразы о томъ, что призывъ къ страху никогда не найдетъ отклика въ нѣмецкихъ сердцахъ, и что нѣмцы не боятся на свѣтѣ никого, кромѣ Бога, Бисмаркъ хорошо понималъ, что основой его деспотизма является въ конечномъ счетѣ слѣпота и трусость нѣмецкаго филистера, и не тщетна была его молитва, обращенная къ этимъ благодѣтельнымъ покровительницамъ. При помощи страха за послѣднюю корову, которую угонятъ тюркосы, онъ выгналъ изъ дому самыхъ послѣднихъ барановъ. 21-го февраля было подано $1^1/_2$ милліонами голосовъ больше, нежели на какихъ бы то ни было прежнихъ выборахъ въ рейхстагъ, и день карнавала родилъ картельное большинство.

Правда, настоящему государственному человѣку—предполагая, что настоящій государственный человѣкъ могъ бы прибѣгнуть къ подобнымъ фокусамъ—стало бы жутко отъ этой побѣды. Политически незрѣлыя массы избирателей, гонимыя къ урнѣ слѣпымъ страхомъ, это—колеблемый вѣтромъ тростникъ, и даже онѣ не обезпечили правительству большинства поданныхъ голосовъ. За

картель было подано въ круглыхъ цифрахъ $3^1/_2$ милліона голосовъ, противъ картеля—4 милліона. Если бы распредѣленіе мандатовъ находилось въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ поданныхъ голосовъ, то, несмотря на всѣ описанные выше предвыборные маневры, картель оказался бы въ новомъ рейхстагѣ въ меньшинствѣ. Ультрамонтанскіе кандидаты получили наперекоръ императору и папѣ почти на $^1/_4$ милл. голосовъ больше, чѣмъ въ 1884 г., и даже уронъ свободомыслящихъ составилъ противъ 1884 г. немногимъ болѣе 20 тысячъ голосовъ.

Главное же—соціалъ-демократія, единственная оппозиціонная партія, которая вела борьбу съ полной принципіальной отчетливостью, одержала крупную побѣду. За ея кандидатовъ было подано 763.128 голосовъ, т.-е. 10,1% всего числа, на 213.038 больше, нежели въ 1884 г. Движеніе сильно выросло во всѣхъ прусскихъ провинціяхъ, почти во всѣхъ государствахъ средней и малой величины, не исключая южной и юго-западной Германіи, гдѣ ложь насчетъ войны произвела, вообще говоря, наибольшее дѣйствіе; только въ Гессенѣ и Эльзасѣ-Лотарингіи, и больше нигдѣ въ имперіи, число соціалъ-демократическихъ голосовъ не поднялось, а нѣсколько упало. При этомъ ни для одной партіи избирательная борьба не была обставлена такими трудностями, какъ для соціалъ-демократі ей пришлось бороться при совершенно такихъ же обстоятельствахъ, какъ въ 1878 и 1881 г. Наканунѣ выборнаго сраженія во Франкфуртѣ на М. и его окрестностяхъ было безъ всякаго повода объявлено малое осадное положеніе, съ единственною цѣлью скрутить въ бараній рогъ майнскую область, которая обнаружила столько мужества на всѣхъ прежнихъ выборахъ при дѣйствіи закона о соціалистахъ. Чтобы заблаговременно нагнать надлежащій страхъ на избирателей, первые приказы о высылкѣ были доставлены жертвамъ, среди которыхъ было много семейныхъ людей, къ самой рождественской ёлкѣ,—вполнѣ въ духѣ того „практическаго христіанства", которымъ хвасталъ Бисмаркъ. Во время избирательной борьбы малое осадное положеніе было послѣ долгаго сопротивленія гессенскаго правительства распространено на Оффенбахъ; одновременно оно было объявлено и въ Штеттинѣ. Здѣсь полиція безъ всякаго основанія распустила предвыборное собраніе рабочихъ, а затѣмъ переодѣтые полицейскіе сыщики устроили маленькій уличный безпорядокъ передъ помѣщеніемъ, гдѣ происходило собраніе. „Лихая" атака въ штыки, произведенная явивши-

мися войсками, спасла померанскую столицу; многіе рабочіе получили легкія или тяжелыя раны, одинъ былъ убитъ, затѣмъ посыпались приказы о высылкѣ. Но новые районы осаднаго положенія выказали себя достойными старыхъ: стремительный ростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ былъ отвѣтомъ, который они бросили въ лицо своимъ мучителямъ. Берлинъ далъ 13 тысячъ голосовъ, Гамбургъ-Альтона—65 тыс., городской и сельскій округи Лейпцига—30 тыс., Франкфуртъ—9 тыс., Оффенбахъ—7 тыс., Штеттинъ—4 тыс., Котбусъ-Шпрембергъ—4 тыс.; въ общемъ итогѣ районы осаднаго положенія дали больше четверти всего числа соціалъ-демократическихъ голосовъ. Въ 23 чисто городскихъ избирательныхъ округахъ имперіи партія получила 36,7% всѣхъ поданныхъ голосовъ. Самоотверженность нѣмецкаго пролетаріата на этихъ выборахъ нашла себѣ потрясающее выраженіе въ смерти трехъ берлинскихъ рабочихъ, мѣдника Науэна, слесаря Гензеля и формовщика Бахмана, которые, возвращаясь съ ночного собранія рабочихъ делегатовъ, попали въ прорубь Шпандаускаго судоходнаго канала и утонули.

По числу голосовъ партія имѣла бы право на 40 мѣстъ, въ дѣйствительности же она получила лишь 11,—противъ 25-ти, которыя она имѣла въ предшествующемъ рейхстагѣ, послѣ того какъ въ 1886 г. округъ Штольбергъ-Шнеебергъ былъ завоеванъ на дополнительныхъ выборахъ Гейеромъ. На выборахъ въ день карнавала были съ самаго начала потеряны всѣ саксонскіе округа, за исключеніемъ перебаллотировки въ Дрезденѣ-Альтштадтъ Саксонскіе фанатики порядка почти превзошли свои подвиги 1881 г., правда—съ гораздо меньшимъ успѣхомъ: они притащили къ урнѣ множество лѣнивыхъ филистеровъ, но не поколебали соціалъ-демократическихъ боевыхъ колоннъ, возросшихъ съ 1884 г. во всей Саксоніи на 20 тысячъ голосовъ. На главныхъ выборахъ партія пріобрѣла 6 мѣстъ: 4-й и 6-й округи Берлина (Зингеръ и Газенклеверъ), 1-й и 2-й округи Гамбурга (Бебель и Дитцъ), Альтону (Фроме) и Нюрнбергъ (Грилленбергеръ). Перебаллотировкамъ она должна была подвергнуться въ 18 округахъ: кромѣ Дрездена-Альтштадтъ, въ 3-мъ округѣ Берлина, 1-мъ и 2-мъ округахъ Бреславля, Кёнигсбергѣ, Котбусѣ-Шпрембергѣ, Магдебургѣ, Ганноверѣ, Готѣ, Рейссѣ ст. л., 3-мъ округѣ Гамбурга, Любекѣ, Килѣ, Глюкштадтѣ, Эльберфельдѣ-Барменѣ, Золингенѣ, Франкфуртѣ на М. и 2-мъ округѣ Мюнхена.

Перебаллотировки имѣли на этотъ разъ особенно большое зна-

ченіе. Если геометрія избирательныхъ округовъ обезпечила побѣду картеля, то бѣду можно было поправить до извѣстной степени путемъ твердой сплоченности оппозиціонныхъ партій: большинство картеля можно было свести къ такому незначительному числу голосовъ, что оно стало бы шаткимъ и ненадежнымъ. Соціалъ-демократическій центральный избирательный комитетъ, куда входили Грилленбергеръ, Газенклеверъ, Либкнехтъ, Мейстеръ и Зингеръ, предложилъ уже 23 февраля соціалъ-демократическимъ избирателямъ голосовать на перебаллотировкахъ въ пользу всѣхъ кандидатовъ буржуазной оппозиціи, которые возьмутъ на себя опредѣленныя обязательства относительно неприкосновенности всеобщаго избирательнаго права и отмѣны исключительныхъ законовъ. Центръ также отдалъ для перебаллотировокъ пароль: „Противъ мѣшанины (т.-е. картеля)!“ Ультрамонтане и, въ особенности, соціалъ-демократы спасли свободомыслящимъ столько мандатовъ, что тѣ могли еще вступить въ картельный рейхстагъ въ количествѣ 32 человѣкъ. Но сами „непоколебимые“ выказали себя такими же ненадежными, какъ всегда: Евгенія Рихтера, введшаго въ партію свободомыслящихъ самый мелочный фракціонный деспотизмъ, не было возможности привлечь на сторону того единственнаго пароля для перебаллотировокъ, который диктовался честью и разумомъ; быть можетъ, Рихтеръ боялся подвергнуть опасности свою репутацію испытаннѣйшаго организатора избирательныхъ пораженій. Въ 3-мъ округѣ Берлина и въ Килѣ, гдѣ другъ противъ друга стояли свободомыслящіе и соціалъ-демократы, первые самымъ жалостнымъ образомъ молили о помощи членовъ картеля. Напротивъ, тамъ гдѣ соперничали картель и соціалъ-демократія, свободомыслящіе, открыто измѣняя собственному дѣлу, перебѣгали къ картелю: въ скандальнѣйшей формѣ они сдѣлали это въ 3-мъ округѣ Гамбурга, въ Глюкштадтѣ, Любекѣ, Магдебургѣ и Кёнигсбергѣ. Такимъ образомъ свободомыслящіе отдали въ руки Бисмарка еще около 10 избирательныхъ округовъ, и картельное большинство оказалось, благодаря имъ, застрахованнымъ отъ всякой опасности. Соціалъ-демократы завоевали на перебаллотировкахъ только 2-й округъ Бреславля (Крекеръ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гармъ), Золингенъ (Шумахеръ), Ганноверъ (Мейстеръ) и Франкфуртъ на М. (Саборъ).

На три года у Бисмарка были опять развязаны руки, и подобно Дону Филиппу онъ использовалъ этотъ вечеръ. Картель сразу же вотировалъ ему не только законопроектъ о септеннатѣ,

нó и повышенiе водочнаго акциза на сумму болѣе 100 милл. мар. въ годъ, а также повышенiе сахарнаго акциза приблизительно на 40 милл. мар. въ годъ. Рядомъ съ этимъ былъ ассигнованъ еще изъ кармановъ плательщика налоговъ годовой подарочекъ въ 40 милл. мар. для водочныхъ заводчиковъ и въ 30 милл. мар. для сахарозаводчиковъ. „Нравственный подъемъ народнаго духа", какъ окрестилъ картель слѣпую панику этихъ выборовъ, безспорно достигъ одного—что грабители народныхъ массъ перестали быть воображаемыми пугалами въ красныхъ штанахъ.

---

3. Партейтагъ въ С.-Галленѣ.

Такъ какъ честной и послѣдовательной политикѣ все идетъ обыкновенно на пользу, то соцiалъ-демократической партiи не было надобности сокрушаться по поводу уменьшенiя числа ея парламентскихъ мандатовъ. Въ картельномъ рейхстагѣ она вполнѣ могла удовлетвориться сильнымъ сторожевымъ постомъ, который въ надлежащихъ случаяхъ разоблачалъ бы передъ всѣмъ народомъ направленныя противъ народа махинацiи. Споръ изъ-за степени участiя въ парламентскихъ дѣлахъ отпадалъ теперь самъ собою, и партiя могла тѣмъ лучше сплотить свои силы, чтобы отразить новыя атаки системы Бисмарка и, въ свою очередь, побѣдоносно двигаться впередъ.

Поскольку процессы о тайныхъ сообществахъ имѣли цѣлью парализовать работу партiйнаго органа и партiйныхъ конгрессовъ, они, какъ и во всемъ прочемъ, были ударомъ по водѣ. Послѣ утвержденiя фрейбергскаго приговора имперскимъ судомъ фракцiя сняла оффицiальный характеръ съ *„Соцiалъ-демократа"*, чтó ни на iоту не ослабило его влiянiя и ни на одного человѣка не уменьшило круга его читателей. Затѣмъ 1 сентября 1887 г. фракцiя, вмѣстѣ съ прежними депутатами рейхстага и парламентскими представителями партiи въ ландтагахъ, обнародовала воззванiе о посылкѣ делегатовъ на партiйный съѣздъ, на который приглашался всякiй товарищъ. Разумѣется, чтобы держать подальше субъектовъ вродѣ Иринга-Малова, за партiйнымъ съѣздомъ сохранялось право рѣшать вопросъ о допущенiи отдѣльныхъ участниковъ. Воззванiе сообщало программу занятiй партейтага и прямо подчеркивало, что предполагаемыя совѣщанiя не противорѣчатъ общему праву Германiи; только примѣненiе исклю-

чительнаго закона вынуждаетъ къ особымъ мѣрамъ предосторожности, и потому мѣсто и время не могутъ пока быть объявлены во всеобщее свѣдѣніе.

Этимъ были обойдены всѣ крючки фрейбергскаго приговора, и политика Бисмарка-Путткамера осталась опять съ носомъ. Ея наемные писаки навлекли на себя презрѣніе даже въ буржуазныхъ кругахъ своимъ вопросомъ, почему же партійный съѣздъ засѣдаетъ не въ Германіи, если его совѣщанія не противорѣчатъ общему праву. Они получили отъ Бебеля хорошо направленную оплеуху: „Разъ ужъ намъ приходится зависѣть отъ „чужой милости" относительно своихъ интимнѣйшихъ партійныхъ дѣлъ, то мы предпочитаемъ зависѣть лучше отъ „милости" иностраннаго правительства, чѣмъ отъ милости германской полиціи. Оффиціозныя газеты и стоящіе за ними господа могутъ зарубить себѣ это на носу". Натурально, неповоротливой германской полиціи и въ этотъ разъ, какъ и при прежнихъ случаяхъ, не удалось заблаговременно открыть мѣста и времени партійнаго съѣзда.

Совѣщанія партейтага происходили отъ 2-го до 6-го октября въ Шёненвегенской пивоварнѣ близъ Бруггена, въ разстояніи получаса ѣзды отъ С.-Галлена. Всего собралось 79 участниковъ, въ томъ числѣ 74 изъ Германіи. Отчетъ фракціи показывалъ, что со времени копенгагенскаго конгресса въ партійную кассу поступило 135.748 марокъ; сверхъ того отъ иностранныхъ, особенно отъ американскихъ и швейцарскихъ товарищей поступило 52.907 мар. Сюда не вошли мѣстные расходы, относительно которыхъ можно было съ полнымъ правомъ предполагать, что они въ нѣсколько разъ превышаютъ указанныя суммы. По отношенію къ своимъ гонителямъ партія выказала такое же непреклонное и несокрушимое настроеніе, какъ всегда: первая же резолюція съѣзда высказала суровое порицаніе бѣгству товарищей изъ-за угрожающихъ имъ процессовъ или тюремнаго заключенія. Столь же суровый вотумъ порицанія получили Гейзеръ и Фирекъ за то, что они безъ достаточныхъ основаній отказались подписать воззваніе о посылкѣ делегатовъ на партійный съѣздъ. По вопросу о парламентской дѣятельности партіи и ея отношеніи къ соціальной и экономической политикѣ правительства были приняты такія же постановленія, какъ въ Виденѣ и Копенгагенѣ; только для перебаллотировокъ между буржуазными кандидатами съѣздъ, опираясь на опытъ Faschingswahlen, рекомендовалъ впредь безусловное воздержаніе отъ подачи голоса. „*Berliner Volksblatt*" пи-

сало по поводу результатовъ съѣзда: „Если когда-либо существовало „правое крыло“ партіи, то его нѣтъ больше“.

Самое разительное доказательство неистощимой силы партіи заключалось, однако, въ томъ, что тѣснимая со всѣхъ сторонъ, она тѣмъ не менѣе собиралась взять на себя руководство международнымъ рабочимъ движеніемъ. Со времени большого краха 70-хъ годовъ произошло такое усиленіе золъ капиталистическаго способа производства во всѣхъ культурныхъ странахъ, и они стали настолько тягостными для всѣхъ классовъ населенія, что твердое сознаніе необходимости соціальныхъ реформъ начало обнаруживаться далеко за предѣлами рабочихъ круговъ. Становилось все яснѣе, что всеобщее таможенное покровительство ведетъ не къ ослабленію, а къ усиленію упомянутыхъ золъ, что „картели“, „ринги“ и прочіе союзы предпринимателей, образовавшіеся въ 80-хъ гг. для урегулированія производства, сводились фактически къ усиленію могущества капитала по отношенію къ потребителямъ и по отношенію къ пролетаріямъ. Гораздо болѣе серьезное облегченіе сулила законодательная охрана рабочаго класса отъ капиталистической эксплуатаціи. Хотя при этомъ не обходилось иной разъ безъ нѣкоторыхъ иллюзій и большого количества лицемѣрія, тѣмъ не менѣе во всѣхъ промышленно развитыхъ странахъ обозначилось сильное теченіе, толкавшее въ указываемомъ направленіи. Теченіе это приняло международный характеръ какъ по причинамъ, лежавшимъ въ существѣ дѣла, такъ и потому, что передовые борцы капиталистической эксплуатаціи—въ особенности, напр., Бисмаркъ—всегда ссылались на международную конкурренцію и неодинаковое соціальное законодательство конкуррирующихъ странъ,—ссылались не для того, чтобы содѣйствовать международному фабричному законодательству, а для того, чтобы помѣшать изданію фабричныхъ законовъ у себя дома.

Первое предложеніе о международныхъ переговорахъ въ этой области сдѣлала въ 1881 г. Швейцарія, но безъ всякаго успѣха. Съ тѣхъ поръ потребность стала повсюду еще болѣе ощутительной; быть можетъ, самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ея былъ тотъ фактъ, что даже картельный рейхстагъ въ первой же своей сессіи потребовалъ дальнѣйшаго развитія германскаго фабричнаго законодательства. Но подобно тому какъ рейхстагъ натолкнулся на непоколебимое сопротивленіе Бисмарка, такъ и во всѣхъ странахъ законодательная охрана труда натолкнулась на

могущественныхъ противниковъ. Сверхъ того, по мѣрѣ возрастанія популярности идеи, ею завладѣвали также ненадежные соратники, въ томъ числѣ даже рыцари капитализма вродѣ Евгенія Рихтера и его когорты фанатическихъ манчестерцевъ, которые не прочь были позаняться „соціалъ-реформаторской“ демагогіей, какъ только они твердо увѣрились, что Бисмаркъ не уступитъ въ этомъ вопросѣ. Тѣмъ больше основаній было для международнаго рабочаго класса поднять вопросъ на подобающую ему высоту и разстроить игру своихъ непримиримыхъ противниковъ, также какъ своихъ полу-друзей или лицемѣрныхъ друзей.

Исходнымъ пунктомъ ему достаточно было взять традицію стараго Интернаціонала, на конгрессахъ котораго всегда отводилось столько мѣста вопросу объ охранѣ труда. Если Интернаціоналъ погибъ вслѣдствіе отпаденія анархистовъ, съ одной стороны,и трэдъ-юніоновъ—съ другой, то теперь настало время воскресить его въ болѣе крупномъ масштабѣ. Анархисты повсюду пришли къ полному банкротству. Въ Германіи и Швейцаріи, также какъ въ Австріи, Франціи, Бельгіи, Англіи они были перемѣшаны съ гнуснѣйшими провокаторами. Въ 1887 г. провокаторы Траутнеръ, Пейкертъ и Рейссъ самымъ подлымъ образомъ выдали головой нѣмецкой полиціи честнаго и безкорыстнаго анархиста Неве, котораго имперскій судъ приговорилъ затѣмъ при закрытыхъ дверяхъ къ 15 годамъ каторжной тюрьмы. Только въ Соединенныхъ Штатахъ анархизмъ развился въ нѣкоторую силу, но единственно благодаря тому, что онъ овладѣлъ мощно разроставшимся движеніемъ въ пользу 8-часового рабочаго дня; въ результатѣ эта многообѣщавшая агитація была надолго сбита съ надлежащаго пути. Политика насилія, проповѣдуемая анархистской печатью, дала американскимъ капиталистамъ возможность разыграть условленную ими втайнѣ игру—динамитное покушеніе на Сѣнномъ рынкѣ въ Чикаго и презрѣнный судебный фарсъ, при помощи котораго изъ 8 анархистскихъ вождей одинъ былъ приговоренъ къ каторгѣ и семеро къ смертной казни. Эти люди были также неповинны въ покушеніи съ бомбой, какъ нѣмецкіе соціалъ-демократы—въ нобилинговскихъ выстрѣлахъ дробью, но изъ-за ихъ ложной тактики американское рабочее движеніе было опрокинуто искусственно поднятой бурей ненависти и ярости, которую благодаря своей правильной тактикѣ побѣдоносно выдержало германское рабочее движеніе.

Что касается трэдъ-юніоновъ, то имъ поневолѣ пришлось выйти

изъ своей узкой сдержанности, когда германская, французская и особенно американская конкурренція стала все болѣе и болѣе подрывать англійскую монополію на всемірномъ рынкѣ. Потерявъ вслѣдствіе этого свое защищенное до извѣстной степени положеніе, они подъ вліяніемъ суровыхъ уроковъ жизни вынуждены были подумать опять о солидарности международнаго пролетаріата. Фактъ этотъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить на международныхъ выступленіяхъ рабочаго класса въ 80-хъ гг. Всемірный конгрессъ, который былъ предложенъ бельгійцами и на который германская соціалъ-демократическая партія рѣшила въ Виденѣ послать делегатовъ, собрался въ 1881 г. въ Курѣ (Швейцарія); однако, подобно происходившему 4 годами раньше всемірному конгрессу въ Гентѣ, онъ не далъ никакихъ особенно замѣчательныхъ результатовъ. Почти безплоднѣе еще прошла международная рабочая конференція 1888 г. въ Парижѣ; своими ничего не говорящими резолюціями она только дала буржуазной прессѣ желанный случай затянуть дешевыя торжествующія пѣсни насчетъ „моральнаго пораженія соціализма“. Конференція находилась всецѣло подъ вліяніемъ трэдъ-юніоновъ, кромѣ которыхъ были представлены почти одни только поссибилисты; Поль-Бруссъ, вождь этой французской рабочей фракціи, сумѣлъ даже устроить такъ, что нѣмецкіе рабочіе вообще не были приглашены. Совершенно иное мы видимъ уже на одной международной рабочей конференціи 1886 г., собравшейся также въ Парижѣ. На нее были приглашены рабочія партіи всѣхъ странъ; германская соціалъ-демократія была представлена жившимъ въ Парижѣ товарищемъ Гримпе, а Раковъ явился какъ делегатъ Коммунистическаго Образовательнаго союза рабочихъ въ Лондонѣ. Кромѣ Германіи, Англіи и Франціи на конференцію прислали также делегатовъ Австрія, Венгрія, Бельгія, Швеція, Норвегія и Австралія. Гримпе повелъ искусную, хотя, быть можетъ, не очень вѣжливую атаку противъ трэдъ-юніоновъ, причемъ былъ дѣятельно поддержанъ Раковымъ; послѣдовали оживленные двухдневные дебаты, въ теченіе которыхъ делегаты отъ трэдъ-юніоновъ сильно поколебались въ своей позиціи. Въ концѣ-концовъ они только по формальной причинѣ—недостатку полномочій—не вотировали за единогласно принятое другими делегатами постановленіе конференціи: побудить правительства отдѣльныхъ странъ къ международному фабричному законодательству на основѣ 8-часового рабочаго дня; принципіально они объ-

явили себя согласными съ постановленіемъ. Спустя годъ конгрессъ трэдъ-юніоновъ въ Сванзи по собственному почину рѣшилъ созвать международный рабочій конгрессъ,—правда, ограничивъ его одними профессіональными союзами и подъ такими условіями допущенія, которыя для странъ съ полицейскимъ исключительнымъ законодательствомъ, вродѣ Германіи и Австріи, дѣлали достаточное представительство на конгрессѣ невозможнымъ.

Въ этотъ моментъ на сцену выступилъ партійный съѣздъ въ С.-Галленѣ. Онъ принялъ резолюцію противъ анархизма, центръ тяжести которой лежалъ въ безпощадномъ осужденіи анархистской тактики: въ исторіи народовъ,—гласила резолюція,—насиліе является въ такой же мѣрѣ и даже чаще реакціоннымъ факторомъ, нежели факторомъ революціоннымъ; индивидуальное примѣненіе насилія не ведетъ къ цѣли, а напротивъ—вредно и должно быть отвергнуто, такъ какъ оскорбляетъ правосознаніе массъ. „За индивидуальные насильственные акты людей, подвергающихся свирѣпымъ гоненіямъ и объявленныхъ внѣ закона, мы дѣлаемъ отвѣтственными гонителей; на склонность къ подобнымъ актамъ мы смотримъ какъ на явленіе, обнаруживавшееся при однородныхъ условіяхъ во всѣ времена и эксплуатируемое нынѣ для цѣлей реакціи и противъ рабочаго класса наемными агентами-провокаторами“. Это заключительное предложеніе ограждало партейтагъ отъ подозрѣнія, что онъ поетъ въ унисонъ съ боязливыми буржуа. Когда мѣсяцемъ позже готовилась казнь семи осужденныхъ въ Чикаго анархистовъ, то Бебель, Либкнехтъ, Грилленбергеръ и Зингеръ обратились отъ имени нѣмецкихъ рабочихъ къ губернатору штата Иллинойсъ съ телеграммой, въ которой они просили во имя человѣчности о помилованіи осужденныхъ, не обращая вниманія на то, что Путткамеръ и его прислужники самымъ злобнымъ образомъ эксплуатировали ихъ шагъ. Какъ извѣстно, смертная казнь была замѣнена пожизненной каторгой лишь двумъ изъ осужденныхъ; одинъ покончилъ съ собою самоубійствомъ до казни, а четверо умерли на эшафотѣ, какъ подобаетъ рѣшительнымъ и мужественнымъ людямъ. Невинность ихъ была признана потомъ и оффиціально.

Наряду съ отпоромъ анархистской тактикѣ партійный съѣздъ въ С.-Галленѣ далъ также отпоръ узко-эгоистическому духу, продолжавшему еще жить въ трэдъ-юніонахъ. Онъ поручилъ правленію партіи созвать вмѣстѣ съ рабочими организаціями другихъ странъ всеобщій международный рабочій конгрессъ на осень 1888 г.;

конгрессъ долженъ былъ вызвать совмѣстные шаги рабочихъ всѣхъ странъ для осуществленія международнаго рабочаго законодательства. Партійный съѣздъ открылъ такимъ образомъ новую тропу для международной классовой борьбы современнаго пролетаріата.

---

4. Законъ объ изгнаніи.

Когда картельный рейхстагъ былъ созванъ въ ноябрѣ 1887 г во вторую сессію, то Бисмаркъ, кромѣ новыхъ тяжелыхъ требованій на армію, сплелъ еще трехвостую плеть для наказанія избирателей за то, что они покорно поддались насилію въ день карнавала: онъ потребовалъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ съ 3 на 5 марокъ, удлиненія законодательныхъ періодовъ рейхстага съ 3 до 5 лѣтъ, наконецъ—продленія на 5 лѣтъ закона о соціалистахъ, дополненнаго новыми каннибальскими карами. Въ своей реакціонной ограниченности Бисмаркъ зашелъ уже опять такъ далеко, что не могъ сладить даже съ картельнымъ рейхстагомъ. Только въ вопросѣ объ удлиненіи законодательныхъ періодовъ, первой атакѣ на всеобщее избирательное право, картельное большинство охотно пошло навстрѣчу Бисмарку. Противъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ возстало въ интересахъ промышленности большинство націоналъ-либераловъ, и это новое ограбленіе массъ удалось провести лишь при содѣйствіи ультрамонтанской честной компаніи. Однако, ни ультрамонтанъ, ни націоналъ-либераловъ не оказалось возможнымъ привлечь на сторону драконовскаго закона противъ соціалъ-демократіи, и Бисмаркъ сѣлъ съ нимъ на мели.

Законопроектъ увеличивалъ вдвое—съ 6 мѣсяцевъ до 1 года—высшую мѣру наказанія за распространеніе запрещенныхъ произведеній печати, а за „профессіональную" агитацію въ пользу цѣлей соціалъ-демократіи онъ грозилъ тюрьмою на срокъ не менѣе 2 лѣтъ. Такъ какъ отъ усмотрѣнія судьи всецѣло зависѣло что̀ признать „профессіональнымъ" и что́ нѣтъ, то этимъ каучуковымъ параграфомъ давалась возможность сначала упрятать всякаго неудобнаго соціалъ-демократа на годы въ тюрьму, а затѣмъ изгнать его изъ страны. Ибо лицъ, осужденныхъ на его основаніи, равно какъ всѣхъ осужденныхъ за участіе въ тайныхъ сообществахъ, суду предоставлялось объявлять лишенными правъ гражданства; такое же наказаніе грозило всѣмъ, кто будетъ уча-

ствовать за границей въ собраніяхъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе соціалъ-демократическимъ стремленіямъ. Сверхъ того, законъ угрожалъ еще за это вновь созданное преступленіе тюрьмою.

Проектъ былъ равносиленъ объявленію банкротства закона о соціалистахъ. Онъ пытался при помощи русскаго кнута достигнуть того, что не было достигнуто при помощи нѣмецкой полицейской палки. Согласно § 22 закона о соціалистахъ профессіональные агитаторы могли быть подвергаемы ограниченію мѣстожительства, и это позорное оружіе щедро примѣнялось на практикѣ. Христензена травили какъ дикаго звѣря по всей Германіи за то преступленіе, что онъ сорвалъ маску съ провокатора Иринга-Малова; та же участь постигла Кайзера за то преступленіе, что онъ стоялъ въ соціалъ-демократической фракціи на самомъ правомъ крылѣ, и архитектора Кеслера за то преступленіе, что онъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ политической агитаціи, участвуя только въ профессіональной организаціи ремесленниковъ строительнаго промысла.

Вся эта травля и система высылокъ въ районахъ осаднаго положенія имѣли, однако, своимъ результатомъ лишь усиленное распространеніе соціалъ-демократической пропаганды; мотивы къ законопроекту сами содержали признаніе, что высылки заносили часто агитацію въ такія мѣстности, которыя до тѣхъ поръ были еще мало или совсѣмъ не затронуты ею. И вотъ, чтобы устранить это самоубійственное слѣдствіе ихъ государственной мудрости, Бисмаркъ и Путткамеръ хотѣли отнынѣ прямо изгонять изъ Германіи всѣхъ подозрѣваемыхъ въ подозрительности. Наряду съ этимъ законопроектъ направилъ свое ядовитое остріе противъ „*Соціалъ-демократа*“, который съ необычайной пунктуальностью расходился еженедѣльно по всей Германіи въ количествѣ болѣе 10 тыс. экземпляровъ, несмотря на удивительное открытіе, сдѣланное имперскимъ судомъ, что одна подписка на „*С.-демократа*“ даже одно принятіе и храненіе отдѣльныхъ экземпляровъ наказуемы какъ пособничество или подстрекательство къ распространенію; „самая сильная изъ всѣхъ хищныхъ птицъ объявляетъ себя неспособной вести борьбу съ красногузкой, безстрашная пѣсня которой сердитъ ее“,—насмѣхалась преслѣдуемая газета. Даже въ нѣкоторыхъ консервативныхъ кругахъ сознавали весь позоръ, который законопроектъ навлекалъ на нѣмецкое имя.

Самъ Путткамеръ былъ, однако, весьма увѣренъ въ побѣдѣ. Со времени „карнавальныхъ выборовъ“ онъ усвоилъ себѣ новую

забавную позу—роль нѣмого страдальца-мыслителя, который далеко опредилъ свою эпоху и переноситъ непониманіе его мудрыхъ намѣреній безтолковымъ народомъ съ покорнымъ отчаяніемъ и трогательнымъ терпѣніемъ. Всякій разъ, когда соціалъ-демократическіе депутаты говорили о примѣненіи закона противъ соціалистовъ, онъ, небрежно развалившись въ креслѣ, разсматривалъ свои лакированные ботинки или поглаживалъ свои пышные бакены, но „ни одно слово не вырывалось изъ-за ограды его зубовъ", словно его божественный геній усталъ бороться съ человѣческой глупостью. По той же причинѣ онъ счелъ излишнимъ произнести рѣчь передъ обсужденіемъ законопроекта и предоставилъ первенство соціалъ-демократамъ. Но соціалъ-демократы тотчасъ же разбудили Путткамера отъ восхищеннаго созерцанія своихъ лакированныхъ ботинокъ и заставили его сыграть свою послѣднюю роль, какъ спасителя отечества, и такъ какъ роль эта была послѣдней, то онъ разыгралъ ее уже не съ напускной аффектаціей, а съ убѣдительной правдивостью самой природы.

Соціалъ-демократія по своему доброму обычаю отпарировала ударъ еще сильнѣйшимъ ударомъ: на законъ объ изгнаніи она отвѣтила обширнымъ разоблаченіемъ подкупа и шпіонства, которымъ система Бисмарка-Путткамера заражала, какъ чумою, не только всю Германію, но и полъ-Европы. Уже въ маѣ 1887 г. *„Соціалъ-демократъ"* разоблачилъ негодяйскую игру, при помощи которой былъ выданъ въ руки нѣмецкой полиціи честный Неве; въ концѣ того же года она выбросила изъ болота на свѣтъ Божій цѣлыхъ 12 полицейскихъ агентовъ: въ Лондонѣ—писателя Сакса и обанкротившагося пѣвца Рейсса, въ Парижѣ—литератора Траутнера, учителя языковъ Нонне и писателя Обервиндера, принадлежавшаго нѣкогда къ первымъ приверженцамъ Лассаля и затѣмъ временно участвовавшаго въ австрійскомъ рабочемъ движеніи, въ Цюрихѣ—мебельщика Шрёдера и владѣльца пивной Гейнриха, въ Женевѣ—литейщика Гаупта, въ Магдебургѣ—литератора Швенгагена, въ Альтонѣ—красильщика Вихмана, въ Гамбургѣ—столяра Неймана, въ Лейпцигѣ—книготорговца Небеля. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Обервиндеръ, довольствовались, быть можетъ, ролью современныхъ Коцебу, но большинство—всѣ эти Рейссы и Вихманы, Шрёдеры и Гаупты, представляли собою провокаторовъ худшаго сорта. Благодаря искусному и быстрому вмѣшательству цюрихскихъ членовъ партіи, Шрёдеръ и Гауптъ сдѣлали обширныя признані судебное слѣдствіе, возбужденное противъ изобличенныхъ прово-

каторовъ, вполнѣ подтвердило ихъ виновность,что и было оффиціально удостовѣрено, по просьбѣ Бебеля и Зингера, начальникомъ цюрихской полиціи и судебнымъ слѣдователемъ Фишеромъ. Одновременно съ этимъ союзный совѣтъ въ Бернѣ выслалъ изъ предѣловъ Швейцаріи отставного офицера баденскаго генеральнаго штаба фонъ-Эренберга, который въ продолженіе многихъ лѣтъ тщетно силился завлечь соціалъ-демократическую партію въ разныя измѣнническія предпріятія. До тѣхъ поръ Эренберга считали безмозглымъ авантюристомъ; высланный изъ Швейцаріи, онъ добровольно предсталъ предъ военнымъ судомъ въ Карлсруэ, который открылъ противъ него слѣдствіе по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но несмотря на самыя тяжкія улики не арестовалъ его. Затѣмъ, когда судорожныя попытки Эренберга запутать въ дѣло соціалъ-демократію все-таки не удались, и слѣдствіе начало принимать, напротивъ, все болѣе непріятный оборотъ для него и его покровителей, то онъ безпрепятственно бѣжалъ изъ Германіи.

Разоблаченія относительно провокаторской системы, сдѣланныя въ рейхстагѣ Бебелемъ и Зингеромъ, вдребезги разбили законъ объ изгнаніи. Въ раскрытомъ позорѣ яростное поведеніе Путткамера поставило точку надъ і. Онъ говорилъ какъ помѣшанный: Гауптъ и Шрёдеръ, конечно, не джентльмены, но безъ такихъ государственныхъ столповъ политическую безопасность культурнаго государства невозможно обезпечить даже на одинъ день. Честныхъ людей, сорвавшихъ маску съ провокаторовъ, Путткамеръ обругалъ „бандой бродягъ", а начальника полиціи Фишера „не стоющимъ довѣрія субъектомъ"; Швейцаріи онъ грозилъ дипломатическими мѣропріятіями, чтобы напомнить ей объ ея обязанностяхъ по отношенію къ сосѣднимъ великимъ державамъ. Но при всемъ затменіи разсудка у него нашелся свѣтлый промежутокъ, когда онъ честно призналъ, что не въ состояніи представить себѣ такого культурнаго состоянія, какое господствуетъ въ Швейцаріи. Несомнѣнно, историческимъ несчастьемъ Путткамера и Бисмарка было то, что они чувствовали себя въ блаженномъ состояніи, когда оставались въ представленіяхъ феодальнаго варварства, а о современной культурѣ не имѣли ни малѣйшаго предчувстві Къ сожалѣнію, Путткамеръ опять уничтожилъ примиряющее дѣйствіе этого смягчающаго вину обстоятельства выдумкой, будто его засыпаютъ изъ рядовъ соціалъ-демократіи предложеніями шпіонскихъ услугъ; съ какимъ бы чувствомъ высокаго удовлетворенія

онъ ни вправѣ былъ вообще смотрѣть на ростъ своей развращающей дѣятельности, но рабочій классъ ему все-таки никогда не удалось развратить. Когда, наконецъ, онъ собралъ всѣ свои силы и патетически поклялся, что онъ долженъ былъ бы провалиться отъ стыда въ преисподнюю, если бы его совѣсть не была чиста въ дѣлѣ провокаторства, то отвѣтомъ ему было ледяное молчаніе всей палаты; только нѣсколько ландратовъ на крайней правой съ трудомъ выдавили изъ себя: совершенно вѣрно! Жалкая политика пришла къ своему жалкому концу.

Готовность пригвоздить себя самихъ къ позорному столбу обнаружили лишь обѣ консервативныя фракціи. Националъ-либералы заявили, что дальше вотированія закона о соціалистахъ въ неизмѣненномъ видѣ еще на 2 года они ни въ коемъ случаѣ не пойдутъ, а ультрамонтане, полагаясь вполнѣ на картельное большинство, отозвали назадъ—за исключеніемъ небольшого остатка въ 8 человѣкъ—весь вспомогательный отрядъ, который они поставляли до тѣхъ поръ для продленія закона о соціалистахъ; предводитель этого отряда Рейхеншпергеръ произнесъ даже опять громовую рѣчь противъ исключительныхъ законовъ. 18 февраля 1888 г. законъ о соціалистахъ былъ большинствомъ 164 противъ 80 голосовъ продленъ въ 4-й и послѣдній разъ до 30-го сентября 1890 г.

Глава VIII.

Девяносто девять дней.

Вскорѣ послѣ этого, 9-го марта, умеръ императоръ Вильгельмъ, въ возрастѣ свыше 90 лѣтъ, и на престолъ вступилъ уже смертельно больнымъ его наслѣдникъ.

Отнюдь не геній или хотя бы только талантъ, находясь даже подъ сильнымъ вліяніемъ феодальныхъ представленій о роли монарха, императоръ Фридрихъ все-таки испыталъ на себѣ вѣяніе современнаго духа. Въ манифестѣ по случаю восшествія на престолъ онъ объявилъ себя человѣкомъ мира: не гоняясь за блескомъ великихъ, приносящихъ славу дѣяній, онъ будетъ доволенъ, если потомство съумѣетъ сказать въ похвалу его правленію, что оно было благодѣтельно для народа, полезно для страны и благословленіемъ для имперіи. Въ частностяхъ манифестъ допускалъ, правда, всевозможныя истолкованія. Составленный христіанско-консервативнымъ профессоромъ Геффкеномъ, онъ былъ привѣтствованъ свободомыслящей партіей съ незнающей мѣры лойяльностью; за своими пивными столиками ея государственные мужи неутомимо дѣлили между собою всѣ портфели, несмотря на то, что можно было почти предсказать день и часъ смерти императора Фридриха.

Такъ глупъ Бисмаркъ не былъ, но тѣмъ большую онъ обнаружилъ злобность. Въ его рукѣ были всѣ козыри; что могъ сдѣлать ему умирающій императоръ или партія умирающаго императора, не обнимавшая даже десятой доли рейхстага? Если Бисмаркъ хотѣлъ, по выраженію освѣдомленнаго въ этомъ дѣлѣ Штеккера, создать „систему устойчивости и солидарности для кратковременнаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, правленія больного императора“, другими словами—если онъ хотѣлъ заранѣе парали-

зовать всякое самостоятельное дѣйствіе императора, то монархическаго чувства здѣсь было очень мало, но это было понятно съ точки зрѣнія мажордома. Бисмаркъ не удовольствовался, однако, этимъ. Духъ современности, которымъ все же вѣяло отъ троннаго манифеста имп. Фридриха, безсильное, но упорное сопротивленіе, на которое Бисмаркъ въ теченіе десятилѣтій наталкивался у кронпринца и его жены,—все это требовало тяжкаго отмщенія. Натравливая патріотическую чернь въ цилиндрахъ на безпомощную императорскую чету, подстрекая ее къ одной изъ отвратительнѣйшихъ оргій, въ какихъ когда-либо находила себѣ выраженіе человѣческая низость, Бисмаркъ своимъ поведеніемъ охотно подтверждалъ вопросъ, который съ отчаяніемъ задалъ Геффкенъ: можно ли найти во всей жизни этого человѣка хоть одну черту душевнаго благородства?

„Устойчивость“ Бисмарка распространилась, конечно, и на примѣненіе закона о соціалистахъ, который отнюдь не нравился имп. Фридриху. Тѣмъ болѣе дьявольское наслажденіе испытывалъ Бисмаркъ, продолжая свои мучительскіе подвиги надъ рабочимъ классомъ такъ, какъ если бы жилъ еще старый Вильгельмъ. Мало того, единственнымъ шагомъ внѣшней политики при имп. Фридрихѣ была высылка соціалъ-демократовъ изъ Швейцаріи. Для этого были пущены въ ходъ и обидныя проявленія личнаго невниманія къ швейцарскому посланнику въ Берлинѣ, и шумная настойчивость германскаго посланника въ Бернѣ, и—что не менѣе важно—обѣщаніе уступокъ интересамъ швейцарской промышленности при предстоявшемъ возобновленіи германско-швейцарскаго торговаго договора. Въ концѣ-концовъ федеральный совѣтъ въ Бернѣ далъ себя уговорить и выслалъ въ апрѣлѣ 1888 г. изъ предѣловъ Швейцаріи Бернштейна, Моттелера, Шлютера и Таушера. Предлогомъ послужила манера писанія „*Соціалъ-демократа*“, которая будто бы представляетъ собою злоупотребленіе швейцарскимъ гостепріимствомъ и подвергаетъ опасности добрыя отношенія Швейцаріи къ дружественному государству. На прощальномъ банкетѣ въ честь высылаемыхъ одинъ швейцарскій чиновникъ, Отто Лангъ, вѣрно замѣтилъ: „Во всемірной исторіи каждый разъ бывало нѣсколько шумно, когда нарождалось что-нибудь великое. Счастье народовъ не есть плодъ, спѣющій при солнечномъ сіяніи: нѣтъ, онъ зрѣетъ среди бури и непогоды“. Сами высылаемые заявили въ воззваніи „ко всѣмъ друзьямъ свободы и права въ Швейцаріи“, что противъ нихъ не доказано

и не можетъ быть доказано ни одно дѣяніе, которое составляло бы нарушеніе общаго права: ни подготовленіе, ни призывъ, ни поощреніе къ насильственнымъ или измѣнническимъ актамъ. Все, въ чемъ ихъ обвиняютъ, не выходитъ изъ области высказыванія своего мнѣнія въ печати,—области, для которой федеральная конституція гарантируетъ полную свободу. Истинной причиной ихъ высылки являются разоблаченія „*Соціалъ-демократа*" насчетъ позорной дѣятельности нѣмецкихъ агентовъ-провокаторовъ, и за это мститъ теперь Путткамеръ. Высылка принижаетъ Швейцарію до роли служителя бисмарковской полиціи.

Во всѣхъ безпристрастныхъ гражданахъ Швейцаріи этотъ актъ насилія возбудилъ чувства глубокаго стыда и негодованія. Высылаемыхъ провожали многочисленныя выраженія сочувствія, и швейцарскіе граждане, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть упомянутъ честный Концеттъ, обезпечили дальнѣйшій безпрепятственный выходъ „*Соціалъ-демократа*" въ прежнемъ духѣ и тонѣ. Дабы избѣжать, однако, и тѣни какого-нибудь внѣшняго давленія, онъ сталъ издаваться съ октября 1888 г. въ Лондонѣ. Характеръ его отъ этого нисколько не измѣнился: онъ остался рѣшительно тѣмъ же, какимъ былъ до сихъ поръ. Бисмаркъ и Путткамеръ выместили свою злобу на двухъ, трехъ лицахъ, но внѣ этого они по старой привычкѣ сдѣлали только шумный ударъ по водѣ. Бо́льшая удаленность отъ германскаго театра военныхъ дѣйствій нисколько не притупила дѣйствія партійнаго органа. Его задачи стали иными вмѣстѣ съ третьимъ періодомъ закона о соціалистахъ, какъ онѣ измѣнились нѣкогда вмѣстѣ со вторымъ періодомъ. Германское рабочее движеніе приняло такіе размѣры и располагало столькими органами въ предѣлахъ самой Германіи, что оно могло до извѣстной степени обойтись безъ заграничнаго органа. Но именно только до извѣстной степени, ибо германскія рабочія газеты жили подъ дамокловымъ мечомъ, который отъ времени до времени дѣйствительно падалъ на нихъ. Онѣ вынуждены были строго цензуровать себя сами, а эта цензура—наихудшая, такъ какъ она не даетъ себя обмануть; и если онѣ располагали нѣкоторымъ ограниченнымъ просторомъ, то были въ значительной мѣрѣ обязаны имъ справедливому страху германскихъ властителей предъ больно задѣвающими ударами „*Соціалъ-демократа*". Чтобы по возможности подорвать корни зарубежнаго органа партіи, правительство терпѣло отечественныя рабочія газеты; покуда существовалъ, поэтому, законъ о соціалистахъ, „*Со-*

ціалъ-демократъ" ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ прекращать своего выхода въ свѣтъ. Свои задачи онъ могъ теперь такъ же хорошо выполнять изъ Лондона, какъ изъ Цюриха; въ особенности для сыщиковъ онъ сталъ еще страшнѣе прежняго: не успѣвали негодяи услышать первый звонъ золота въ своемъ карманѣ, какъ „Желѣзная маска" уже вытаскивала ихъ на свѣтъ Божій.

Въ качествѣ „успѣха" цюрихскія высылки были столь же безнадежны, какъ всѣ „успѣхи" Путткамера; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были его послѣднимъ „успѣхомъ". Имп. Фридриху не хотѣлось утвердить законъ объ удлиненіи законодательныхъ періодовъ рейхстага, проведенный еще при его предшественникѣ; онъ не имѣлъ желанія связать свое имя съ первымъ посягательствомъ на важнѣйшее народное право. Но, какъ императоръ, онъ не обладалъ правомъ налагать veto на законъ, принятый союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Скорѣе ужъ онъ могъ оказать сопротивленіе въ Пруссіи, цензовый парламентъ которой тотчасъ послѣдовалъ реакціонному примѣру рейхстага; однако, и здѣсь императоръ тщетно боролся съ противодѣйствіемъ министерства. Утвердивъ прусскій законъ, онъ имѣлъ возможность проявить свою добрую волю только приказомъ, чтобы Путткамеръ прекратилъ оффиціальное давленіе на выборахъ, невѣроятная распространенность котораго была незадолго передъ тѣмъ снова раскрыта при провѣркѣ одного мандата въ прусской палатѣ депутатовъ. Путткамеръ отвѣтилъ въ комически-гордомъ тонѣ оскорбленной невинности, который буржуазная оппозиція позволила ему усвоить себѣ, но на сей разъ онъ не на того попалъ и получилъ 8-го іюня свою отставку. Быстрота, съ которой его выпроводили, заставила и всемогущаго мажордома стать поосторожнѣе: онъ не распространилъ „солидарности" на своего преданнѣйшаго помощника, а удовольствовался тѣмъ, что утѣшилъ попавшаго въ бѣду товарища прощальнымъ обѣдомъ. Спустя недѣлю смерть императора освободила его отъ всѣхъ заботъ.

Поведеніе соціалъ-демократіи въ теченіе 99-дневнаго правленія имп. Фридриха было серьезное, мужественное и проникнутое достоинствомъ. Она оставалась одинаково далекой и отъ пустыхъ иллюзій свободомыслящей партіи, и отъ противной фронды картеля. Некрологъ въ „*Berliner Volksblatt*", составленный Ауэромъ, воздавалъ должное доброй волѣ покойнаго императора, но все-таки рѣзко отмѣтилъ границы, которыя были бы поставлены этой

волѣ, даже если бы она имѣла свободу дѣйствій. Относительно же „англичанки", которая стояла тогда беззащитною противъ лающей своры Бисмарка, некрологъ содержалъ слѣдующія простыя слова, стоившія больше всѣхъ напыщенныхъ фразъ свободомыслящей партіи: „По гробъ вѣрная и преданная жена всегда остается возвышеннымъ зрѣлищемъ, встрѣчаемся ли мы съ нимъ во дворцѣ или въ хижинѣ". Сознательный пролетаріатъ переросталъ господствующіе классы не только въ своей ясной и энергичной политикѣ, но и въ томъ, что̀ эти классы искони считали своимъ неотъемлемымъ добромъ: въ джентльменскомъ образѣ мыслей, въ истинно сердечномъ тактѣ своихъ чувствъ.

Глава IX.

Крушеніе.

---

1. Ничто больше не удается!

Мажордомство Бисмарка вступило въ новый фазисъ, какъ только ему пришлось имѣть дѣло не съ 90-лѣтнимъ, а съ 30-лѣтнимъ императоромъ. Самъ онъ былъ достаточно плохимъ психологомъ, чтобы при вступленіи на престолъ Вильгельма II повѣрить во второе изданіе „вильгельмовыхъ дней". Онъ предоставилъ своему старшему сыну,вѣроятно, бездарнѣйшему изъ всѣхъ протежируемыхъ „родныхъ человѣчковъ", какихъ только знала исторія, бо̀льшую сферу дѣйствія, чѣмъ было въ его собственныхъ интересахъ; оффиціозныя перья писали въ формѣ весьма прозрачныхъ намековъ о „династіи Бисмарковъ", которой суждено стоять рядомъ съ Гогенцоллернами, подобно тому, какъ Каролинги стояли нѣкогда рядомъ съ Меровингами.

На первыхъ порахъ молодой императоръ выказывалъ глубокое уваженіе Бисмарку. 11-лѣтній мальчикъ при основаніи имперіи, юноша 19-ти лѣтъ при изданіи закона о соціалистахъ, возмужавъ въ такое время, когда со всѣхъ оффиціальныхъ башенъ трубили славу соціальной монархіи, онъ жилъ въ духовной атмосферѣ, которая казалась застрахованной отъ всякой еретической мысли. Были, правда, и кое-какіе предостерегающіе симптомы, что дѣло можетъ пойти также по иному. Тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, бывшій воспитателемъ Вильгельма II, охарактеризовалъ его какъ своеобразно сильную индивидуальность, въ которой сочетаются гвельфское упрямство, легко переходящее въ энергію, и гогенцоллернское своеволіе, соединенное съ идеализмомъ; затѣмъ, по увѣренію Штеккера, онъ уже въ августѣ 1888 г. разслышалъ своими чуткими ушами придворнаго проповѣдника, какъ

императоръ сказалъ: „шесть мѣсяцевъ я дамъ старику передохнуть, затѣмъ я буду править самъ“. Но прошло уже почти трижды 6 мѣсяцевъ, когда императоръ по случаю наступленія 1890 г. выразилъ желаніе, чтобы Богъ еще на многіе годы сохранилъ ему испытанный совѣтъ Бисмарка. Въ теченіе этого времени онъ нѣсколько разъ вступался въ пользу картельной политики Бисмарка, холодно отстраняя вѣрноподданническія заискиванія свободомыслящихъ.

Но на „династію Бисмарковъ“ нашло то ослѣпленіе, которое является вѣрнѣйшимъ признакомъ неотвратимой гибели. Когда Геффкенъ опубликовалъ отрывки изъ дневниковъ имп. Фридриха, разоблачавшіе все мизерное геройство „великихъ героевъ“ и „основателей имперіи“, то Бисмаркъ былъ достаточно неостороженъ, чтобы выступить съ утвержденіемъ, будто автору дневника вообще не сообщали въ Версали ничего важнаго: дѣлалось это по приказанію стараго имп. Вильгельма, опасавшагося измѣннических интригъ со стороны своего наслѣдника. Сынъ Бисмарка, запутавшій въ эту сѣть лжи находившагося еще въ живыхъ дипломата Моріера, былъ высѣченъ за это невѣжливымъ англичаниномъ предъ лицомъ всей Европы какъ злостный клеветникъ. Одновременно съ этимъ Гербертъ Бисмаркъ сдѣлалъ германскую дипломатію посмѣшищемъ для Европы на конференціи по поводу Самоа и втянулъ ее въ европейскій скандалъ новымъ столкновеніемъ со Швейцаріей.

Подобно тому какъ кошка не можетъ отстать отъ ловли мышей, такъ и германская полиція не могла отстать отъ провокаторства, несмотря на всѣ чувствительныя пораженія, которыя уже навлекла на нее ея безнадежная неумѣлость. Мюльгаузенскій полицейскій инспекторъ Вольгемутъ подобрался съ заманчивыми обѣщаніями къ портному Лутцу въ Базелѣ, но попалъ въ западню, которую устроилъ ему этотъ вѣрный членъ с.-д. партіи. Письмо Вольгемута, гдѣ Лутцу предлагалось „только разжигать во всю“, дѣлало всякое отпирательство невозможнымъ; молодецъ былъ арестованъ и, по оффиціальномъ выясненіи его виновности, высланъ изъ Швейцаріи. Хотя швейцарскій федеральный совѣтъ соединилъ эту вынужденную мѣру самообороны съ одновременной высылкой Лутца актомъ некрасивой угодливости по отношенію къ Бисмарку, тѣмъ не менѣе гнѣвъ „великаго человѣка XIX столѣтія“ былъ безпредѣленъ; его сынокъ въ теченіе многихъ недѣль сыпалъ оффиціально и оффиціозно такими наглыми угрозами

противъ швейцарскаго права убѣжища, противъ „дикой Швейцаріи“, на какія Меттернихъ и Бонапартъ никогда не отваживались, даже будучи на высотѣ своего могущества. Но швейцарскій федеральный совѣтъ съумѣлъ надлежащимъ образомъ проучить этого бахвала, хотя въ прочихъ отношеніяхъ совѣтъ и теперь еще не защищалъ своего безспорнаго права съ той смѣлостью, какая была возможна и необходима.

Въ самой Германіи законъ о соціалистахъ примѣнялся преемникомъ Путткамера, прусскимъ министромъ полиціи Герфуртомъ, почти въ томъ же духѣ, какъ самимъ Путткамеромъ. Въ качествѣ бывшаго товарища министра при Путткамерѣ и, въ особенности, какъ предсѣдатель имперской комиссіи, Герфуртъ приступилъ къ своей высокой задачѣ съ хорошей подготовкой. Правда, юнкеры не любили его, какъ бюргера, пролѣзшаго на дворянскій постъ, и потому онъ старался выказывать извѣстную бюрократическую порядочность, но то, что онъ выигрывалъ благодаря этому, онъ терялъ снова изъ-за своей слабости. Въ мартѣ 1889 г. онъ ухитрился даже сдѣлать такую вещь, на которую не отважился бы и Путткамеръ: онъ позволилъ начальнику берлинской полиціи ф.-Рихтгофену, преемнику Мадаи, запретить одну буржуазную газету на основаніи закона о соціалистахъ. Съ середины 80-хъ гг. „*Volkszeitung*“, послѣ перемѣны въ редакціи политическаго отдѣла, стала представлять буржуазно-демократическую оппозицію съ послѣдовательностью, отвѣчавшей политическому положенію; по отзыву „*Соціалъ-демократа*“, она говорила такимъ откровеннымъ языкомъ, на какой уже много десятилѣтій не отваживалась ни одна буржуазная газета въ Германіи. Когда она дошла до столь смѣлаго поступка, какъ протестъ противъ отталкивающаго идолопоклонства, предметомъ которомъ сдѣлался въ обществѣ старый имп. Вильгельмъ, то ее подвели подъ дѣйствіе закона о соціалистахъ. Сверхъ того, противъ нея былъ возбужденъ процессъ объ оскорбленіи величества, на томъ очаровательномъ основаніи, что неприкрашенное историческое сужденіе объ умершемъ дѣдѣ есть кровное оскорбленіе для живого внука.

Всѣ эти выходки переполнили, однако, чашу терпѣнія. Гнилое зданіе бисмарковскаго деспотизма трещало по всѣмъ швамъ; въ концѣ XIX столѣтія онъ хотѣлъ ввести такой режимъ, съ которымъ нѣмецкое мѣщанство не помирилось бы даже въ дни Священнаго союза. Самые надежные столпы стали шататься. Весною 1889 г. Бисмаркъ предложилъ на обсужденіе Союзнаго совѣта

законъ, имѣвшій цѣлью скрутить печать, но проектъ безслѣдно исчезъ въ этомъ, обыкновенно столь послушномъ учрежденіи: имперская комиссія сняла запрещеніе не только съ „*Volkszeitung*", но и съ нѣсколькихъ рабочихъ газетъ; имперскій судъ послѣ 100-дневнаго предварительнаго заключенія прекратилъ производство по дѣлу о государственной измѣнѣ, возбужденному противъ Геффкена; обвиненіе въ оскорбленіи величества противъ „*Volkszeitung*" потерпѣло фіаско во всѣхъ инстанціяхъ, а мюнхенскій ландгерихтъ смелъ съ лица земли „клятвопреступнаго Михеля", послѣ того, какъ онъ въ одномъ процессѣ о тайномъ сообществѣ былъ разбитъ на голову обвиняемыми подъ искуснымъ руководствомъ Ауэра. Мало того, членъ имперскаго суда Миттельштедтъ, усердно помогавшій въ процессахъ о государственной измѣнѣ, возбужденныхъ противъ Даве и Неве, сталъ уже всенародно хныкать по поводу развращенности въ отправленіи правосудія, и одинаково хитрая „*Nationalzeitung*" насвистывала ту же мелодію. „Ничто не удается больше",—замѣтила ультрамонтанская „*Germania*", и благодаря своей мѣткой краткости, фраза эта быстро стала крылатымъ словомъ.

Тутъ ужъ и крысы изъ картеля начали съ безпокойной торопливостью бѣгать взадъ и впередъ по тонущему кораблю. Націоналъ-либералы находили, серьезно хмуря свои государственныя брови, что Бисмаркъ становится старъ, а болѣе дерзкіе люди изъ „*Kreuzzeitung*" начали уже кусать его за икры. Это побудило Бисмарка поднять бѣшеную травлю противъ начальника генеральнаго штаба гр. Вальдерзее, какъ грядущаго человѣка юнкерства, но она имѣла лишь то дѣйствіе, что еще больше разоблачила полное разстройство въ „авторитетныхъ сферахъ". Такое же разстройство въ рядахъ обнаружилъ картельный рейхстагъ въ своей третьей сессіи. Онъ вотировалъ новые тяжелые военные расходы, но къ „увѣнчанію соціальнаго зданія" картельное большинство не хотѣло больше приступать. Несмотря на все пущенное имъ въ ходъ давленіе, Бисмаркъ не въ силахъ былъ удержать въ рейхстагѣ депутатовъ картеля, чтобы какъ-нибудь провести законъ о страхованіи на случай старости и инвалидности, состряпанный еще съ бо́льшимъ трудомъ, чѣмъ прежніе страховые законы. Никто не вѣрилъ больше въ волшебную силу правительственной „соціальной реформы". Если бы кучка феодальныхъ ультрамонтанъ не сжалилась и не помогла составить слабое большинство, то законъ провалился бы. Несомнѣнно, что противодѣйствіе буржуаз-

ныхъ партій вытекало большей частью изъ мотивовъ, всего менѣе почтенныхъ, но патріоты картеля были все-таки проницательнѣе Бисмарка въ томъ отношеніи, что они не воображали себѣ больше, будто подобными подачками можно убаюкать рабочій классъ.

Напротивъ, съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что глубочайшая причина бисмарковскаго краха заключается именно въ побѣдномъ и неудержимомъ поступательномъ шествіи сознательнаго пролетаріата. Въ то время какъ буржуазная оппозиція, по обыкновенію дряблая и косная, не умѣла истолковать знаменій времени, соціалъ-демократическая партія готовилась твердой рукой привести въ исполненіе уничтожающій приговоръ столѣтія надъ его „Геркулесомъ".

2. 20-ое февраля.

Послѣ хозяйственной заминки 1887 г. наступилъ, почти одновременно со смѣною на германскомъ престолѣ, такой расцвѣтъ промышленности, какого страна не видѣла уже болѣе полупоколѣнія. Но онъ не обманулъ рабочихъ насчетъ внутренняго существа капиталистическаго способа производства и закалилъ, напротивъ, ихъ мускулы и нервы для борьбы противъ общественнаго строя, который можетъ жить только въ постоянномъ, неподдающемся управленію колебаніи между подъемомъ и упадкомъ. „Времена благопріятны для насъ, какъ никогда",—гласило воззваніе, выпущенное соціалъ-демократической фракціей рейхстага 27-го ноября 1888 г. Воззваніе призывало къ широкой агитаціи, которая проникла бы до самой заброшенной деревенской хижины: милліонъ голосовъ и соотвѣтственное число мандатовъ должны быть минимумомъ завоеваній партіи на ближайшихъ выборахъ. Затѣмъ 24 февраля 1889 г. *„Berliner Volksblatt"* возвѣстилъ о стачкѣ, какой Берлинъ до тѣхъ поръ никогда еще не зналъ.

Но не только по германскому, по всему рабочему міру также прошла свѣжая, могучая волна. Столѣтіе великой французской революціи останется навсегда памятнымъ въ исторіи международнаго пролетаріата благодаря двумъ крупнымъ фактамъ. Первый изъ нихъ, это—возрожденіе Интернаціонала въ болѣе широкомъ масштабѣ. Послѣ партійнаго съѣзда въ С.-Галленѣ правленіе германской с.-д. партіи завязало продолжительные переговоры съ англійскими трэдъ-юніонами и французскими поссибилистами,

предлагая созвать сначала на 1888-й, а затѣмъ на 1889 г. всеобщій международный рабочій конгрессъ, который дѣйствительно бы заслуживалъ этого названія и, будучи созванъ соціалистическими партіями всего міра, располагалъ безапелляціонной властью въ дѣлѣ провѣрки полномочій и установленія программы занятій. Несмотря на крайнюю уступчивость, правленіе не добилось своей непосредственной цѣли, но косвенно его безкорыстное рвеніе принесло хорошіе плоды. Изъ двухъ международныхъ рабочихъ конгрессовъ, собравшихся въ Парижѣ 14 іюля 1889 г., въ столѣтнюю годовщину взятія Бастиліи, болѣе значительнымъ и важнымъ былъ тотъ, который впервые предложили нѣмецкіе соціалъ-демократы, а практически подготовили французскіе марксисты и бланкисты. Однихъ нѣмецкихъ делегатовъ было на немъ столько, сколько конгрессъ поссибилистовъ имѣлъ вообще иностранныхъ делегатовъ. Въ число его 395 участниковъ вошли 221 французъ, 81 нѣмецъ, 22 англичанина, 14 бельгійцевъ, 10 австрійцевъ, 3 венгерца, 4 голландца, 6 русскихъ, 2 шведа, 3 норвежца, 3 датчанина, 6 швейцарцевъ, 5 поляковъ, 2 испанца, 5 румынъ, 5 американцевъ и по одному чеху, болгарину, аргентинцу и финну.

Отъ конгрессовъ стараго Интернаціонала этотъ конгрессъ отличался въ такой же мѣрѣ, какъ мобилизація большой арміи отличается отъ подготовительныхъ работъ генеральнаго штаба. По путямъ, намѣченнымъ нѣкогда въ Женевѣ, Лозаннѣ, Брюсселѣ и Базелѣ, устремились теперь къ общей цѣли рабочія массы различныхъ странъ. На упрекъ буржуазной печати, почему конгрессъ не обсуждалъ подробно вопросовъ рабочаго законодательства, онъ могъ отвѣтить словами Лассаля: „Подобныхъ вопросовъ не обсуждаютъ больше, ихъ декретируютъ". Парижскій конгрессъ провозгласилъ безусловную необходимость дѣйствительнаго на практикѣ законодательства объ охранѣ труда, основаннаго на 8-часовомъ рабочемъ днѣ, повсюду, гдѣ господствуетъ капиталистическій способъ производства; онъ призывалъ рабочихъ всѣхъ странъ воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на свои правительства и, въ особенности, побудить ихъ къ посылкѣ делегатовъ на международную конференцію по охранѣ труда, снова предложенную Швейцаріей въ маѣ 1889 г. Конгрессъ объявилъ далѣе, что долгъ рабочихъ—принять въ свои ряды работницъ; онъ потребовалъ для рабочихъ обоихъ половъ и безъ различія національностей одинаковой заработной платы за одинаковую работу, равно

какъ неограниченной свободы коалицій и союзовъ. Наконецъ, конгрессъ постановилъ, что 1-го мая должна ежегодно происходить всеобщая манифестація международнаго пролетаріата въ пользу 8-часового рабочаго дня.

Вторымъ крупнымъ фактомъ 1889 г. было всеобщее забастовочное движеніе, пробудившее классовое сознаніе въ обширныхъ слояхъ пролетаріата, до тѣхъ поръ еще не затронутыхъ рабочимъ движеніемъ. Кульминаціонные пункты его составили стачка доковыхъ рабочихъ въ Англіи и стачка горнорабочихъ въ Германіи. Около середины мая въ Рейнской провинціи и Вестфаліи бастовали 90 тысячъ горнорабочихъ, въ бассейнѣ р. Сааръ—13 тыс., въ королевствѣ Саксоніи—10 тыс., въ Силезіи—отъ 17 до 19 тысячъ. Ультрамонтанскія вліянія побудили вестфальскихъ горнорабочихъ послать своихъ вождей—Шрёдера, Бунте и Зигеля въ Берлинъ, чтобы просить помощи у императора. Вильгельмъ обѣщалъ, что требованія забастовщиковъ будутъ разсмотрѣны властями, но прибавилъ, что долженъ будетъ отказать имъ въ своемъ благоволеніи, если къ движенію примѣшаются соціалъ-демократическія тенденціи: въ этомъ случаѣ онъ будетъ дѣйствовать съ безпощадной строгостью, ибо для него всякій соціалъ-демократъ есть врагъ императора и отечества. Императорская депутація горнорабочихъ была сама по себѣ ложнымъ шагомъ, который могъ только завести въ тупикъ грандіозную стачку и дѣйствительно завелъ ее туда, но она имѣла значительныя моральныя послѣдствія. Въ среду сытаго самодовольства господствующихъ классовъ вступилъ, тормоша всѣхъ, огромный фатумъ. Что значила въ сравненіи съ нимъ растерянная, вынужденная и жалкая работа картельнаго рейхстага надъ законами о страхованіи на случай инвалидности и старости! Даже въ затхлую атмосферу этого рейхстага проникла свѣжая струя отъ мощнаго движенія, охватившаго европейскій пролетаріатъ, и онъ нѣсколько разъ возвращался къ требованію развить дальше законодательную охрану труда. Но отвѣтомъ Бисмарка неизмѣнно оставалось холодное и упорное „нѣтъ“.

Рядомъ со своими многочисленными забастовками нѣмецкій рабочій классъ не забывалъ готовиться къ приближающимся выборамъ, которые впервые должны были дать 5-лѣтній рейхстагъ. Еще наканунѣ побѣды смерть похитила у партіи нѣсколькихъ изъ ея старыхъ парламентскихъ представителей: Газенклевера, Кайзера, Крекера; изъ нихъ Кайзеру и Крекеру особенно пришлось

испить до дна горькую чашу закона о соціалистахъ. Мѣсто Газенклевера въ 6-мъ округѣ Берлина было побѣдоносно удержано Либкнехтомъ, а мѣсто Крекера въ 2-мъ округѣ Бреславля—Кюномъ. Чтобы расчистить себѣ поле сраженія, партія примѣнила въ широкомъ масштабѣ новое оружіе—бойкотъ; при его помощи она обезпечила себѣ залы для собраній, обезпечила также мѣсто своимъ газетамъ повсюду, гдѣ собирались рабочіе. Подобно стачкѣ, бойкотъ—оружіе обоюдоострое, и было немало случаевъ, когда, будучи неправильно примѣнено, оно наносило вредъ самимъ рабочимъ. Въ общемъ, однако, имъ пользовались по вполнѣ справедливымъ основаніямъ,—чтобы доставить рабочему классу свѣтъ и воздухъ наравнѣ съ другими классами населенія, чтобы сломить давленіе, посредствомъ котораго власти и предприниматели хотѣли отрѣзать пролетаріату доступъ къ аренѣ политической борьбы; бойкотъ имѣлъ вслѣдствіе этого большой успѣхъ.

Соціалъ-демократическая литература тоже бойко расцвѣтала, не взирая на всѣ препятствія. Почти каждый мѣсяцъ возникали новыя рабочія газеты,—подчасъ, быть можетъ, даже въ чрезмѣрномъ изобиліи. Но литература партіи росла не только въ ширину. „*Neue Zeit*" съ каждымъ годомъ углубляла свои изслѣдованія; въ серіи „Internationale Bibliothek" Каутскій издалъ свою монографію о Томасѣ Морѣ, небольшое историко-матеріалистическое изслѣдованіе, которое по исчерпывающей оцѣнкѣ эпохи реформаціи далеко оставило за собою толстые томы католическихъ и протестанскихъ историковъ; Блосъ далъ нѣмецкимъ рабочимъ увлекательно написанную исторію великой французской революціи; І. Штернъ свелъ основательно счеты съ буржуазной половинчатостью религіозно-философскаго вольнодумства. Кромѣ „*Neue Zeit*" партія имѣла теперь и два превосходныхъ еженедѣльника. Въ Берлинѣ Шиппель издавалъ „*Volkstribüne*" („Народную Трибуну"), одновременно съ берлинской „Arbeiterbibliothek" („Рабочей библіотекой")—періодической серіей популярныхъ памфлетовъ, въ которыхъ Клара Цеткинъ впервые выступила съ отличной монографіей по женскому вопросу, какъ даровитѣйшая поборница интересовъ нѣмецкихъ работницъ. Въ Нюрнбергѣ Шенланкъ, отбывъ продолжительное тюремное заключеніе за невѣдомыя государственныя преступленія, издавалъ „*Arbeiterchronik*". Плодомъ его вынужденнаго досуга былъ очеркъ о фюртскихъ зеркальныхъ фабрикахъ и ихъ рабочихъ, свидѣтельствовавшій о превосходствѣ точки зрѣнія научнаго коммунизма даже въ той единственной

области, въ которой буржуазная политическая экономія еще давала кое-что. Жгучей правдой своихъ описаній монографія Шиппеля побудила къ нѣкоторымъ реформамъ даже лѣнивое мюнхенское правительство.

На литературномъ полѣ также поднялись новые ростки. Освободительная борьба буржуазіи, особенно въ Германіи, дала свои рѣшительныя сраженія въ области искусства; въ отличіе отъ нея пролетарская освободительная борьба разыгралась съ самаго начала, притомъ не ко вреду своему, въ области экономической и политической. Такъ хотѣло историческое развитіе. Въ 1-й половинѣ 19-го вѣка экономическая и политическая свобода почти отсутствовала, между тѣмъ во 2-й половинѣ она существовала хотя отчасти; вслѣдствіе этого борющійся пролетаріатъ подошелъ непосредственно къ непріятелю и не имѣлъ надобности идти окольнымъ путемъ искусства. Кромѣ того, въ современномъ буржуазномъ обществѣ искусство покоится всецѣло на капиталистическихъ предпосылкахъ: это относится въ одинаковой мѣрѣ къ живописи, ваянію и архитектурѣ, какъ и къ музыкѣ и театру; только въ лирической и эпической поэзіи пролетаріатъ имѣлъ вообще возможность дать реальное выраженіе своему классовому духу, и мы дѣйствительно видимъ немало опытовъ въ этомъ направленіи.

Но всегда лишь въ томъ смыслѣ, „dass die Muse zu begleiten, doch zu leiten nicht versteht“ („что муза умѣетъ только сопровождать, а не руководить“). „Тенденціозное искусство“ пролетаріата было въ сущности откровеннѣе и правдивѣе „чистаго искусства“ буржуазіи, никогда и нигдѣ не существовавшаго, составляющаго не болѣе какъ реакціонный вымыселъ, направленный противъ великихъ революціонныхъ мыслителей бюргерства, которые всѣ были „тенденціозны“ въ смыслѣ своего класса. Со времени многочисленныхъ элегическихъ пѣсенъ, прозвучавшихъ по поводу безвременной смерти Лассаля, черезъ исторію германской соціалъ-демократіи вьется вѣнокъ простыхъ и безпритязательныхъ напѣвовъ, „manch rund, manch rauh gestammelt, manch still, manch wild Gedicht“, („то округленныхъ, то необработанныхъ, то тихихъ, то бурныхъ стихотвореній“); Аудорфъ, Газенклеверъ, Фроме, Гейбъ и еще много другихъ ковали свои мужественные стихи въ минуты, свободныя отъ политической борьбы. Другіе, какъ Максъ Кегель, Леопольдъ Якоби, Рудольфъ Лавантъ стояли дальше отъ политики и ближе къ поэзіи, но и они не заявляли претензіи на открытіе

новой эры въ искусствѣ. Какъ однажды выразился одинъ изъ нихъ, наиболѣе совершенно владѣвшій формою, они хотѣли лишь дать исходъ всему гнѣву, всей скорби, всему ликованію, которыми ихъ наполняли перипетіи пролетарской освободительной борьбы; они хотѣли излить въ пѣсняхъ избытокъ ощущеній, отъ которыхъ готово было разорваться ихъ сердце. Помѣститъ ли ихъ когда-нибудь цеховая исторія литературы на одной изъ своихъ многочисленныхъ полокъ,—это никогда не причиняло имъ ни одного безсоннаго часа.

Беллетристическій журналъ, который партія основала для себя до изданія закона о соціалистахъ, палъ косвенно жертвою этого закона. Затѣмъ Дитцемъ при содѣйствіи Рудольфа Лаванта и Блоса былъ созданъ новый центръ для литературной жизни партіи—„*Der Wahre Jacob*“. По первоначальному замыслу юмористическій журналъ, осторожно подвигаясь на первыхъ порахъ по нетвердой почвѣ, „*Der Wahre Jacob*“ съ годами становился все богаче содержаніемъ, пріобрѣлъ сотни тысячъ читателей и сталъ распространеннѣйшимъ органомъ въ партіи; веселый и бодрый малый, онъ на своей могучей спинѣ носилъ также порядочную долю серьезной партійной работы. Рядомъ съ нимъ процвѣталъ „*Der Süddeutsche Postillon*“ въ Мюнхенѣ. Затѣмъ шли партійные календари, въ развитіи беллетристическаго отдѣла которыхъ пріобрѣлъ большія заслуги Робертъ Швейхель. Старый участникъ движенія 48-го года, онъ жилъ въ изгнаніи среди простого и уединеннаго крестьянскаго населенія Альповъ, и муза поэзіи, обыкновенно любящая кудрявыя головы юности, пришла къ нему, какъ серьезная подруга, лишь въ зрѣломъ возрастѣ. Швейхель всегда оставался вѣренъ идеаламъ своей молодости: въ одинъ важный день въ исторіи партіи, на нюрнбергскомъ съѣздѣ 1868 г., онъ своей захватывающей программной рѣчью способствовалъ окончательной побѣдѣ; онъ придерживался старомоднаго мнѣнія, что для настоящаго поэта требуется не только голова и сердце, но и спинной хребетъ. Отъ многочисленныхъ разсказовъ Швейхеля для календарей партіи, и прежде всего — отъ его чудесныхъ эскизовъ изъ эпохи крестьянской войны, всегда прелестныхъ и ясныхъ по формѣ плодовъ истинно поэтическаго творчества, вѣяло твердымъ и мужественнымъ міровоззрѣніемъ.

Въ то время какъ рабочій классъ переживалъ творческія радости весны, его злѣйшій врагъ бился въ мрачной хандрѣ надъ вопросомъ, какъ создать себѣ послушный рейхстагъ. Бисмаркъ

не могъ уже жить иначе, какъ бонапартистскими плебисцитами, но откуда было взять новую приманку для новаго плебисцита? Фокусъ карнавальныхъ выборовъ нельзя было повторить, послѣ того какъ въ каждой сессіи рейхстага изъ шкуры массъ вырѣзывались такія широкія и длинныя полосы для милитаризма, что даже самые глупые телята должны были задаться вопросомъ, не пора ли перестать. Колоніальная политика была скомпрометтирована неудачей на самоанской конференціи, а „національная экономическая политика"—водочнымъ и сахарнымъ акцизами, съ ихъ подарочками помѣщикамъ, и въ значительной также степени быстрымъ ростомъ капиталистическихъ картелей, ринговъ и трестовъ. Число послѣднихъ поднялось въ 1889 г. до 95, изъ коихъ 20 приходилось на текстильную и 25 на металлическую промышленность, не считая 11-ти международныхъ картелей для свинца, мѣди, цинка и т. д. Даже Соединенные Штаты имѣли только 62 трёста и по числу ихъ слѣдовали тотчасъ за Германіей. По части искусственнаго вздуванія цѣнъ Германская имперія шла во главѣ всѣхъ націй. Будучи дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для поддержанія всеобщаго недовольства, это взвинчиваніе цѣнъ лишило „національную хозяйственную политику" ея послѣдняго ореола. Защитники свободы торговли не уставали указывать на систему таможеннаго покровительства какъ на причину образованія картелей,—утвержденіе, заключавшее въ себѣ, если и не всю истину, то значительную долю истины. Сами по себѣ синдикаты выростаютъ изъ капиталистическаго способа производства, изъ накопленія и концентраціи капитала; подобно женскому и дѣтскому труду, они, при всей общественной вредности своей капиталистической формы, содержатъ, однако, зародыши соціалистической общественной организаціи. Фритредерская Англія тоже имѣла свои синдикаты, но обладая самой развитой крупной промышленностью, она по числу ихъ занимала, однако, лишь 4-ое мѣсто, слѣдуя за протекціонистскими государствами—Германіей, Америкой, Австро-Венгріей. Нельзя было отрицать, что система таможеннаго покровительства, подобно теплицѣ, способствуетъ развитію наиболѣе вредной для общества формы синдикатовъ.

Такимъ образомъ Бисмарку приходилось ограничиваться для новаго плебисцита соціалистическимъ призракомъ, но и тутъ были нѣкоторыя загвоздки. Для „военнаго разрѣшенія" вопроса требовались, конечно, двѣ стороны, между тѣмъ нѣмецкимъ ра-

бочимъ и въ голову не приходило дать себя подвести подъ малокалиберныя ружья, чтобы помочь обанкротившейся системѣ вновь стать платежеспособной. Съ другой стороны, императоръ не остался совершенно равнодушнымъ къ историческому процессу, свершившемуся со времени его вступленія на престолъ. При всемъ отвращеніи, которое соціалъ-демократія внушала Вильгельму, онъ сталъ находить все менѣе пригодной, въ качествѣ надежной опоры современной монархіи, политику, соединявшую всѣ темныя стороны буржуазнаго владычества со всѣми темными сторонами владычества юнкеровъ. Онъ не остался недоступнымъ истинѣ, съ возрастающей неодолимостью проникавшей въ сознаніе болѣе умныхъ людей среди господствующихъ классовъ,—что отмѣна закона о соціалистахъ и дальнѣйшее развитіе законодательства объ охранѣ труда настоятельно необходимы какъ разъ въ интересахъ этихъ классовъ. Затѣмъ императоръ узналъ изъ одной соціалъ-демократической рѣчи въ рейхстагѣ, что онъ самъ окруженъ на каждомъ шагу тучей сыщиковъ, и, говорятъ, это настроило его лично противъ закона о соціалистахъ. Коротко сказать, съ одной стороны нельзя было получить содѣйствія соціалъ-демократіи для „военнаго рѣшенія“ вопроса, съ другой—нельзя было также получить согласія императора на фортель въ родѣ выборовъ 1878 г.

Потерпѣвъ аварію, Бисмаркъ не подумалъ все-таки оставить мясные горшки, изъ которыхъ онъ такъ долго кормился. Въ октябрѣ 1889 г., въ 4-й и послѣдней сессіи картельнаго рейхстага, онъ внесъ законопроектъ, предлагавшій уже не временно продлить законъ о соціалистахъ, а увѣковѣчить его навсегда, усиливъ „судебныя гарантіи“ и введя нѣсколько другихъ „смягченій“ того же комическаго сорта. Картельное большинство готово было увѣковѣчить законъ, но націоналъ-либералы хотѣли вычеркнуть при этомъ полицейское право высылки на основаніи § 28, дабы „смягченія“ все-таки были на что-нибудь похожи. Напротивъ, консерваторы объявили непріемлемымъ даже увѣковѣченный законъ, если изъ него будетъ вычеркнуто это право. Лицемѣрили при этомъ съ обѣихъ сторонъ. Въ мотивахъ къ закону объ изгнаніи правительство убѣдительно показало, что право высылки, предоставленное полиціи въ силу § 28, разноситъ соціалъ-демократическую агитацію по всей странѣ, и какъ разъ консерваторы жалостно плакались тогда по поводу великой опасности, которой подвергается вслѣдствіе этого идиллическій миръ помѣщичьихъ эксплуататорскихъ владѣній; этимъ фактомъ заранѣе опредѣля-

лась истинная цѣнность ихъ теперешнихъ увѣреній, что общество и государство не могутъ существовать безъ указаннаго права высылки. Со времени провала законопроекта объ изгнаніи практика высылокъ, особенно въ Берлинѣ, была фактически пріостановлена именно потому, что она вредила больше ея иниціаторамъ, чѣмъ ея жертвамъ; такимъ образомъ, націоналъ-либералы по истинѣ пускали пыль въ глаза, когда они всего лишь формальное теперь устраненіе высылокъ раздували въ „смягченіе", за которое можно-де навсегда помириться съ остальными частями закона о соціалистахъ. Несмотря на явное лицемѣріе обѣихъ сторонъ, комедія была разыграна до конца: во второмъ чтеніи націоналъ-либералы провели свое „смягченіе" вопреки консервативнымъ голосамъ, послѣ чего консерваторы голосовали противъ „смягченнаго" такимъ образомъ закона. 25 января 1890 г. проектъ провалился, чтобы не воскреснуть больше; онъ былъ отвергнутъ 169 противъ 98 голосовъ.

Чтò происходило при этомъ за кулисами, на это пролила достаточный свѣтъ полемика, которая велась ровно 10 годами позже между старшимъ сыномъ Бисмарка и консервативнымъ политическимъ дѣятелемъ ф.-Гелльдорфомъ. Гербертъ Бисмаркъ утверждалъ, что его отецъ не виноватъ въ провалѣ закона о соціалистахъ: онъ передалъ консервативной партіи черезъ одного изъ ея вождей, что они могутъ голосовать за „смягченный" въ смыслѣ націоналъ-либераловъ законъ, но порученіе не было исполнено или не было, какъ слѣдуетъ, исполнено. Внутренняя неправдоподобность этого утвержденія сразу бросалась въ глаза, но прижатый къ стѣнѣ консервативный лидеръ не пожелалъ все-таки играть роль мученика при образованіи бисмарковской легенды, хотя пріобрѣсти славу вѣрнаго посредника онъ могъ не иначе, какъ жестоко компрометтируя свою партію. Итакъ, Гелльдорфъ заявилъ публично, что онъ и его консервативные друзья обращались къ Бисмарку со слезной просьбой открыть имъ, можно ли имъ покориться націоналъ-либераламъ, но вмѣсто категорическаго „да" или „нѣтъ" имъ—„не безъ извѣстной сдержанности и неопредѣленности"—отвѣтили дельфійскимъ оракульскимъ изреченіемъ: борьба съ соціалъ-демократіей представляется, молъ, самымъ благопріятнымъ полемъ сраженія, чтобы достигнуть естественной группировки партій, отвѣчающей имперскимъ и государственнымъ интересамъ; онъ, Бисмаркъ, дорожитъ поддержаніемъ политики картеля больше, чѣмъ всѣмъ закономъ о соціалистахъ.

Эти короткія фразы исчерпываютъ собою политику, которой Бисмаркъ слѣдовалъ со времени изданія закона о соціалистахъ и вплоть до своего паденія: цѣлью была политика картеля, эксплуатація народныхъ массъ, а подавленіе соціалъ-демократіи являлось „самымъ благопріятнымъ" и „наиболѣе естественнымъ" средствомъ для достиженія этой цѣли,—съ чѣмъ вполнѣ гармонируетъ другое заявленіе: что цѣль, эксплуатація массъ, ближе его сердцу, нежели средство, подавленіе соціалъ-демократіи. Но для бѣдныхъ юнкеровъ, которые хотѣли имѣть опредѣленный маршрутъ, этотъ оракулъ былъ, конечно, слишкомъ многозначущъ. Когда „смягченный" законъ былъ затѣмъ принятъ во-второмъ чтеніи, то состоялся совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора, въ которомъ Бисмаркъ настоялъ, чтобы правительство отклонило законъ, въ случаѣ если онъ будетъ окончательно вотированъ рейхстагомъ. Послѣ совѣта министровъ онъ опять пригласилъ къ себѣ браваго Гелльдорфа, принялъ его „необыкновенно сдержанно и сухо" и снова отказалъ во всякомъ ясномъ отвѣтѣ на предложеніе консерваторовъ голосовать за „смягченный" законъ, если правительство заявитъ при третьемъ чтеніи, что оно можетъ обойтись имъ. Покинутые безъ всякой инструкціи, консерваторы подали тогда голосъ противъ „смягченнаго" закона, — причемъ мы можемъ оставить въ сторонѣ вопросъ, дѣйствительно ли они представляли собою безпомощно растерянную кучу, какой ихъ изобразилъ 10 годами позже Гелльдорфъ, или же они знали въ тайнѣ, куда мѣтитъ „великій человѣкъ 19-го столѣтія".

Во всякомъ случаѣ планъ Бисмарка вполнѣ раскрывается сообщеніями Гелльдорфа. Онъ не хотѣлъ ни „смягченнаго" закона, который онъ могъ получить однимъ кивкомъ головы, ни „несмягченнаго" закона, который также былъ достижимъ для него при нѣкоторымъ давленіи на націоналъ-либераловъ. Бисмаркъ давалъ дѣлу такое направленіе, чтобы вышло, будто картельный рейхстагъ безъ всякой вины правительства поколебалъ устои общества и государства, будто онъ отказалъ коронѣ въ необходимомъ оружіи обороны противъ революціонныхъ происковъ соціалъ-демократіи; затѣмъ Бисмаркъ разсчитывалъ, что какая-нибудь гнусность его сыщицкой гвардіи, въ родѣ Нидервальдскаго покушенія — а такихъ гнусностей она совершила уже безъ числа — создастъ необходимое настроеніе, и тогда можно будетъ назначить новые выборы, сдѣлавъ предварительно трагическій жестъ по адресу рейхстага, съ которымъ нѣтъ никакого сладу. Если при-

нять въ соображеніе, что вскорѣ послѣ этого Бисмаркъ сказалъ какъ-то, что около этого времени онъ искалъ какого-нибудь генерала, достаточно рѣшительнаго и хладнокровнаго, чтобы задушить соціалъ-демократію въ ея крови, то нельзя безъ содроганія подумать, каковы могли быть его планы, имѣвшіе цѣлью снабдить старое бонапартистское изобрѣтеніе оригинальной силой удара.

Бисмаркъ и на этотъ разъ, какъ и въ прежнихъ случаяхъ, разбился бы о желѣзное сопротивленіе соціалъ-демократіи, но дѣлу не суждено было зайти такъ далеко. Прежде всего онъ столкнулся съ императоромъ. Не то, чтобы Вильгельмъ II хотѣлъ устранить законъ о соціалистахъ; въ совѣтѣ министровъ отъ 24-го января онъ отстаивалъ принятіе „смягченнаго“ закона. Но ему хотѣлось, чтобы къ новымъ выборамъ въ рейхстагъ, назначеннымъ на 20-ое февраля, былъ выброшенъ флагъ соціальныхъ реформъ. 5-го февраля были опубликованы два императорскихъ рескрипта, изъ которыхъ одинъ обѣщалъ дальнѣйшее развитіе законодательства объ охранѣ труда, въ особенности сокращеніе рабочаго времени, а другой предписывалъ созвать международную конференцію по охранѣ труда. Оба рескрипта появились безъ скрѣпы министра, но Бисмаркъ утверждалъ впослѣдствіи, что онъ скомпилировалъ ихъ изъ болѣе широкихъ проектовъ и что, въ частности, международная конференція была вставлена имъ, нѣкоторымъ образомъ какъ сито, съ цѣлью задержать „гуманный, рабочелюбивый порывъ“ императора. Рескрипты возбудили большое вниманіе и усилили приливъ симпатій къ соціалъ-демократіи, къ моральнымъ успѣхамъ которой рабочіе справедливо причисляли ихъ появленіе.

Соціалъ-демократическій центральный избирательный комитетъ, состоявшій на этотъ разъ изъ Бебеля, Грилленбергера, Либкнехта, Мейстера и Зингера, не опубликовалъ никакого избирательнаго воззванія. Его приказы содержали лишь практическія распоряженія и касались провѣрки списковъ избирателей, и покрытія расходовъ по выборамъ; они предостерегали противъ срыванія собраній у противниковъ, рекомендовали строгую дѣловитость въ веденіи избирательной борьбы: „подвиги противниковъ работаютъ наилучшимъ образомъ въ нашу пользу“. Всякій сознательный рабочій зналъ, что̀ поставлено на карту; выступленіе рабочихъ батальоновъ совершилось среди серьезнаго молчанія. Они были проникнуты рѣшимостью нанести суровый ударъ и разсчитывали на большой успѣхъ, но 20-е февраля далеко превзошло

самыя смѣлыя ихъ ожиданія. За соціалъ-демократическихъ кандидатовъ было подано 1.427.298 голосовъ, т.-е. почти 20% всѣхъ поданныхъ голосовъ, на 664.170 больше, чѣмъ въ 1887 г. Одна Пруссія собрала почти столько же с.-д. голосовъ, сколько тремя годами раньше вся Германская имперія, королевство Саксонія подошло близко къ четверти милліона, Баварія перевалила за первую сотню тысячъ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ назвать каждую нѣмецкую область, пролетаріатъ которой покрылъ себя славой въ этотъ незабвенный день, то ему пришлось бы перечислить всѣ области Германіи. Еще ярче, чѣмъ въ цифровомъ подсчетѣ избирательныхъ голосовъ, размѣры соціалъ-демократической побѣды выступали при взглядѣ на тѣ 78 избирательныхъ округовъ, въ которыхъ партія либо побѣдила, либо попала въ перебаллотировку.

При такомъ обозрѣніи можно было сказать, что надъ нѣмецкой землей господствуютъ пять укрѣпленныхъ военныхъ лагерей соціалъ-демократіи. Первый изъ этихъ лагерей охватывалъ область остъ-эльбскаго юнкерства съ 17 избирательными округами. Вокругъ 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го округовъ Берлина группировались, какъ внѣшніе форты этой гигантской соціалистической крѣпости, 6 бранденбургскихъ округовъ—Нидербарнимъ, Вестъ-Гавельландъ, Цаухъ-Луккенвальде, Тельтовъ-Бесковъ-Сторковъ, Франкфуртъ на Одерѣ, Коттбусъ-Шпрембергъ, затѣмъ какъ форпосты: 2 померанскихъ округа—Штеттинъ и Рандовъ-Грейфенгагенъ, 1 восточно-прусскій—Кёнигсбергъ, 3 силезскихъ—Бреславль I, Бреславль II и Рейхенбахъ-Нейроде. Нѣсколько сильнѣе еще, чѣмъ этотъ сѣверо-восточный военный лагерь партіи, былъ сѣверо-западный съ 18 округами: къ 5 избирательнымъ округамъ старыхъ ганзейскихъ городовъ Гамбурга, Бремена и Любека примыкали 3 мекленбургскихъ—Шверинъ, Роштокъ, Гюстровъ, 4 шлезвигъ-голштинскихъ—Альтона, Киль, Глюкштадтъ, Фленсбургъ, 5 ганноверскихъ—Ганноверъ, Гамельнъ, Гарбургъ, Штаде, Гестемюнде и 1 брауншвейгскій округъ. Третій военный лагерь соціалъ-демократіи съ 21 округомъ тянулся черезъ среднюю Германію; къ нему принадлежали 9 округовъ въ королевствѣ Саксоніи—городъ и сельскій округъ Лейпцигъ, Митвейда, Хемницъ, Глаухау-Мееране, Цвиккау-Криммичау, Штольбергъ-Шнеебергъ, Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, Плауэнъ; 5 округовъ въ провинціи Саксоніи—Магдебургъ, Галле, Эрфуртъ, Наумбургъ, Кальбе-Ашерслебенъ; 5 округовъ въ мелкихъ государствахъ—оба Рейсса, Гота,

Зоннебергъ, Зондерсгаузенъ; наконецъ, 2 ново-прусскихъ округа— Кассель и Марбургъ. Какъ четвертый военный лагерь, тянулись вдоль западной границы имперіи 13 округовъ: 2 вестфальскихъ— Билефельдъ и Дортмундъ; 5 рейнскихъ—Леннепъ-Метманъ, Эльберфельдъ-Барменъ, Золингенъ, Дюссельдорфъ, Кельнъ; 6 округовъ майнской области—Франкфуртъ на М., Гёхстъ, Ганау, Оффенбахъ, Майнцъ, Дармштадтъ. Наконецъ, пятый военный лагерь изъ 9-ти округовъ заключалъ цѣпь на югѣ; это были Мюльгаузенъ въ Эльзасѣ, Мангеймъ въ Баденѣ, Штутгартъ въ Вюртембергѣ, Мюнхенъ I и II, Нюрнбергъ, Фюртъ, Кронахъ и Вюрцбургъ въ Баваріи.

По числу поданныхъ за нее голосовъ партія имѣла бы право ровно на 78 избирательныхъ округовъ; фактически она получила лишь 35 мѣстъ. На главныхъ выборахъ ей достались 20: Берлинъ IV и VI (Зингеръ и Либкнехтъ), Гамбургъ I, II и III (Бебель, Дитцъ и Метцгеръ), Альтона (Фроме), сельскій округъ Лейпцигъ (Гейеръ), Митвейда (А. Шмидтъ), Хемницъ (Шиппель), Глаухау-Мееране (Ауэръ), Цвиккау-Криммичау (Штолле), Штольбергъ-Шнеебергъ (Зейфертъ), Магдебургъ (Бокъ), Рейссъ ст. л. (Фёрстеръ), Рейссъ мл. л. (Вурмъ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гармъ), Золингенъ (Шумахеръ), Мюльгаузенъ (Гиккель), Мюнхенъ II (Фольмаръ), Нюрнбергъ (Грилленбергеръ). На предстоявшихъ перебаллотировкахъ партія, какъ всегда, могла положиться только на собственныя силы; въ Бреславлѣ благородные свободомыслящіе уже на другой день послѣ главныхъ выборовъ перебѣжали на сторону картеля. Вопросъ былъ лишь въ томъ, какъ держаться партіи на тѣхъ перебаллотировкахъ, гдѣ отъ нея зависѣлъ исходъ борьбы между двумя буржуазными кандидатами. Въ С.-Галленѣ постановлено было безусловно воздерживаться въ такихъ случаяхъ отъ подачи голосовъ; рѣшеніе это было принято подъ впечатлѣніемъ опыта карнавальныхъ выборовъ. Но теперь соціалъ-демократическимъ избирателямъ представлялся случай, поддержавъ буржуазную оппозицію, заплатить за гигантскій фарсъ карнавальныхъ выборовъ и путемъ полнаго разгрома картеля положить конецъ всякой предательской игрѣ съ закономъ о соціалистахъ. Ясная политическая необходимость одержала верхъ надъ всѣми формальными сомнѣніями; уже 22 февраля центральный избирательный комитетъ издалъ для перебаллотировокъ пароль: Долой враждебный народу картель, долой увѣковѣчивателей закона о соціалистахъ! Комитетъ требовалъ отъ партійныхъ товарищей,

чтобы на перебаллотировкахъ между буржуазными партіями они подавали голоса за всѣхъ кандидатовъ, которые обяжутся вотировать въ парламентѣ противъ всякаго исключительнаго закона, въ какой бы формѣ онъ ни выражался, противъ всякаго усиленія строгости уголовныхъ законовъ, противъ всякихъ урѣзокъ всеобщаго избирательнаго права. При этомъ комитетъ прямо отказывался отъ взаимныхъ услугъ другихъ партій, подчеркивая, что рекомендуемый имъ образъ дѣйствій диктуется только интересами партіи и общаго блага. Этому призыву шелъ навстрѣчу боевой пылъ рабочихъ массъ. Перебаллотировки закончили разгромъ картеля, вступившаго въ новый рейхстагъ въ безнадежномъ меньшинствѣ 135 человѣкъ; отнынѣ и консервативно-ультрамонтанское большинство было невозможно.

Для себя самой партія пріобрѣла на перебаллотировкахъ только 15 мѣстъ: Нидербарнимъ (Штадтгагенъ), Бреславль I (Тутцауэръ), Кёнигсбергъ (Шульце), Бременъ (Брунсъ), Любекъ (Шварцъ) Глюкштадтъ (Молькенбуръ), Ганноверъ (Мейстеръ), Брауншвейгъ (Блосъ), Галле (Кунертъ), Кальбе-Ашерслебенъ (Гейне), Франкфуртъ на М. (В. Шмидтъ), Майнцъ (Іоэстъ), Оффенбахъ (Ульрихъ), Мангеймъ (Дреезбахъ) и Мюнхенъ I (Биркъ). Среди парламентскихъ представителей партіи было много такихъ, которые уже заслужили себѣ отличіе въ борьбѣ противъ закона о соціалистахъ. Меньшинство пришло изъ буржуазныхъ профессій, напр. писатели Шиппель и Вурмъ, адвокатъ Штадтгагенъ, учитель Кунертъ, трактирщикъ Биркъ; большинство принадлежало къ рабочему классу, напр. сигарники Брунсъ и Фёрстеръ, столяры Іоэстъ и Гиккель, жестяникъ Метцгеръ, наборщикъ А. Шмидтъ, литографъ В. Шмидтъ, сапожникъ Зейфертъ.

20-е февраля вырвало почву изъ-подъ ногъ мажордома Бисмарка; въ тотъ день, когда гонимая и опальная соціалъ-демократія выставила болѣе многочисленную армію, чѣмъ какая-либо буржуазная партія, его система была безповоротно осуждена. Въ критическую минуту жизни спали всѣ обманчивые покровы съ его грубаго себялюбія, представшаго предъ міромъ во всей своей наготѣ; безъ достоинства разстался онъ съ властью, которую безсовѣстно осуществлялъ. На этотъ разъ судьба распорядилась, чтобы великій грѣшникъ не сошелъ въ могилу раньше, чѣмъ Немезида свершитъ свое дѣло: съ шумомъ и трескомъ „великій человѣкъ XIX столѣтія“ исполнилъ надъ собою казнь, жесточе которой не могъ бы придумать злѣйшій врагъ его.

Глава X.

Ликвидація.

Законъ о соціалистахъ пережилъ своего творца на полгода, но въ этотъ промежутокъ времени онъ уже подавалъ только слабые признаки жизни. Фактически 20-ое февраля было днемъ, отмѣчающимъ начало новаго періода въ исторіи Германской имперіи, какъ и въ исторіи германской соціалъ-демократіи,—періода, еще не законченнаго до сихъ поръ и до своего завершенія не поддающагося исторической оцѣнкѣ. Но въ рамки настоящаго изложенія входитъ еще ликвидація закона о соціалистахъ, за которую партія взялась въ послѣдніе мѣсяцы его существованія и которую она привела къ концу черезъ годъ по истеченіи срока его дѣйствія.

1. Итоги закона о соціалистахъ.

Дать исчерпывающій перечень жертвъ, которыхъ стоилъ рабочему классу законъ о соціалистахъ, не представляется возможнымъ. Когда послѣ 10-лѣтняго дѣйствія этого закона „*Соціалъ-демократъ*“ выступилъ съ предложеніемъ издать записку, гдѣ была бы дана точная статистика всѣхъ запрещеній, сообщены имена всѣхъ высланныхъ, выведены по порядку всѣ разоренные люди, пригвождены къ позорному столбу со всѣми необходимыми подробностями обыски, аресты и судебные приговоры, дана широкая картина искусственно культивируемаго доносительства и провокаторства,—то задача уже тогда оказалась невозможной. Самые усердные товарищи въ болѣе значительныхъ партійныхъ центрахъ оказались безсильными предъ ней; даже тотъ матеріалъ, какой они собрали, былъ настолько обширенъ, что дать сводку

ѐго въ книгѣ, сколько-нибудь удобной для чтенія и пользованія, представлялось неосуществимой задачей.

По приблизительному подсчету, при дѣйствіи закона о соціалистахъ запрещенію подверглись 1.300 періодическихъ и не-періодическихъ произведеній печати и 332 рабочихъ организацій того или иного рода. Высылокъ изъ районовъ осаднаго положенія послѣдовало около 900, изъ которыхъ свыше 500 коснулись кормильцевъ семействъ: на Берлинъ пришлось 293 высылки, на Гамбургъ—30, на Лейпцигъ—164, на Франкфуртъ—71, на Штеттинъ—53, на Шпрембергъ—1; въ Оффенбахѣ гессенское правительство удовлетворилось высылкой не-мѣстныхъ германскихъ гражданъ. Сумма судебныхъ каръ, соединенныхъ съ лишеніемъ свободы, составила около 1.000 лѣтъ, распредѣлявшихся на 1.500 лицъ. Помимо того, что всѣ эти цифры были далеко ниже дѣйствительности, онѣ и вообще давали лишь весьма недостаточное представленіе о загубленномъ счастьѣ и жизни множества людей, о безчисленныхъ мученикахъ, которые изъ-за преслѣдованій капиталистовъ и полиціи вынуждены были бѣжать отъ своего бѣднаго очага, были повергнуты ими въ нужду изгнанія и сведены въ преждевременную могилу.

Но въ отличіе отъ того, что покойники 18-го марта сказали устами своего поэта, жертвы закона о соціалистахъ могли сказать о себѣ: „Hoch zwar war der Preis, doch echt auch ist die Ware" (Цѣна была, правда, высокая, но зато и товаръ настоящій). Ни одинъ изъ храбрыхъ и вѣрныхъ, скошенныхъ косою закона о соціалистахъ, не страдалъ напрасно: изъ костей тѣхъ, которые безвѣстно умерли и были загублены, также возстали мстители. При изданіи закона о соціалистахъ партія располагала 437.158 избирательными голосами и 42 политическими газетами, а профессіональныя организаціи имѣли 50.000 членовъ и 14 печатныхъ органовъ; при истеченіи срока того же закона партія насчитывала 1.427.298 избирательныхъ голосовъ и 60 политическихъ газетъ, а профессіональныя организаціи имѣли 200.000 членовъ и 41 органъ. За три года, протекшіе со времени партійнаго съѣзда въ С.-Галленѣ, въ кассу партіи поступило 325.000 марокъ;. когда война прекратилась, военная касса партіи была еще полна и въ ней имѣлось около 172.000 марокъ.

Но, подобно потерямъ, выигрышъ партіи отъ закона о соціалистахъ также нельзя подсчитать въ нѣсколькихъ, хотя бы и самыхъ блестящихъ цифрахъ. Согласно извѣстному діалектическому

закону, количество перешло на извѣстной точкѣ въ качество: за время 12-лѣтней борьбы партія не только стала больше и сильнѣе, но и богаче развилась въ самомъ глубокомъ своемъ существѣ. Она не только боролась и наносила удары, но работала также и училась; она дала не только доказательство силы, но и доказательство духа. Это были неоцѣнимые успѣхи, которые вообще не могли быть выражены въ числахъ, какъ нельзя было выразить въ нихъ сознанія непобѣдимости, проникающаго партію съ тѣхъ поръ, какъ она въ продолженіе 12 лѣтъ побѣдоносно выдерживала войну со всѣми средствами власти современнаго большого государства. Героемъ пролетарскаго героическаго вѣка были массы; именно въ этомъ заключалось своеобразное величіе и возвышенный характеръ послѣдняго.

Напрасно буржуазныя партіи тщились доказать, что господствующіе классы добровольно отказались отъ закона о соціалистахъ, что безъ этого добровольнаго отказа ея враговъ партія вынуждена была бы и впредь послушно нести свое ярмо. Относительно одной части господствующихъ классовъ это утвержденіе было вообще невѣрно, а относительно другой оно было вѣрно лишь постольку, поскольку она „добровольно" сознала свое пораженіе. Эта часть отказалась отъ закона о соціалистахъ потому, что сознательный пролетаріатъ повернулъ стрѣлу остріемъ къ груди его творцовъ. Конечно, господствующіе классы могли еще сохранить законъ о соціалистахъ, но лишь цѣною общаго разложенія, которое позволило бы священной римской имперіи нѣмецкой націи презрительно смотрѣть сверху внизъ на ново-германскую имперію. Можно называть разумнымъ образъ дѣйствій генерала, когда онъ отводитъ назадъ свои войска изъ безнадежно потерянной битвы, раньше чѣмъ они подверглись совершенному истребленію, но какой сумасшедшій станетъ прославлять такого генерала какъ побѣдителя и даже какъ „добровольнаго" побѣдителя?

Столь же безсмысленны были буржуазныя насмѣшки, почему же соціалъ-демократія такъ горячо боролась противъ закона о соціалистахъ, если онъ все-таки былъ ей полезенъ? Въ извѣстномъ смыслѣ совершенно правильно, когда говорятъ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", но этотъ смыслъ никогда не былъ смысломъ германской соціалъ-демократіи и никогда не будетъ имъ. Сознательный пролетаріатъ твердо увѣренъ въ своей будущности и охотно предоставляетъ первенство своимъ врагамъ, когда дѣло идетъ

о томъ, чтобы насильственно обострить положеніе вещей. Извѣстенъ миѳическій анекдотъ о битвѣ при Фонтенуа, когда англійскій офицеръ крикнулъ французскому: „Прикажите вашимъ людямъ стрѣлять!"—и получилъ въ отвѣтъ: „Мы никогда не стрѣляемъ первые". Такъ же отвѣчала соціалъ-демократія на вызовы своихъ противниковъ,—не изъ феодальной, конечно, галантности, но исходя изъ тщательно обдуманной тактики своей освободительной борьбы. Только когда противники с.-демократіи насильственно обостряютъ положеніе вещей, она можетъ наиболѣе выгоднымъ образомъ использовать для самой себя политику „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", какъ она это сдѣлала въ дни закона о соціалистахъ.

Соціалъ-демократія отправилась на войну молодымъ, рано вытянувшимся отрокомъ, со многими мечтаніями въ головѣ: когда она вернулась домой, это былъ мускулистый и закаленный въ буряхъ мужъ, рѣшительный, находчивый, съ ясной головой, способный помѣряться силами съ кѣмъ угодно.

---

2. „Старые" и „Молодые".

При разоруженіи партіи не обошлось безъ внутреннихъ треній, которыя сами по себѣ не представляли особаго значенія, но были раздуты въ очень важное дѣло въ значительной степени благодаря шуму буржуазной печати. Именно эти друзья окрестили споръ, какъ борьбу между „старыми" и „молодыми"; какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, боевыя клички привились, несмотря на то, что онѣ были мало подходящими.

По существу дѣло шло о нѣсколько недовольномъ настроеніи въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, какъ Дрезденъ, Магдебургъ и особенно Берлинъ. Поскольку за этимъ недовольствомъ скрывалось серьезное основаніе, его можно было скорѣе всего уподобить настроенію привыкшихъ къ боямъ ветерановъ, когда они съ прекращеніемъ войны неохотно складываютъ оружіе, которымъ искусно и счастливо боролись. Какъ разъ въ Берлинѣ такое настроеніе было вполнѣ понятно. Нигдѣ партіи не приходилось выдерживать такую тяжелую борьбу, какъ въ столицѣ имперіи, и было несомнѣнно очень хорошо, что въ Берлинѣ образовалось строго и прочно организованное ядро радикально настроенныхъ товарищей, о которое прежде всего разбивались всѣ насильни-

ческія мѣры и развратительскія попытки бисмарковщины. При этомъ брался, конечно, подчасъ болѣе рѣзкій тонъ, чѣмъ это было безусловно необходимо; въ особенности во время берлинскихъ муниципальныхъ выборовъ возникали обыкновенно препирательства, не всегда производившія самое пріятное впечатлѣніе на товарищей въ провинціи. Но если берлинскіе товарищи сильно ворчали, то имъ приходилось и труднѣе другихъ, и когда они выражали опасеніе, что прекращеніе закона о соціалистахъ повлечетъ за собою нѣкоторую изнѣженность въ партіи, то тутъ сказывалась дѣйствительная забота объ ея интересахъ. Опасались же они этого тѣмъ болѣе, что партія была теперь опять сравнительно сильно представлена въ рейхстагѣ. Существовало какое-то смутное недовѣріе къ фракціи, какъ послѣ избирательной борьбы 1884 г., когда тоже было завоевано сравнительно большое число мандатовъ; открытая распря возгорѣлась тогда изъ-за вопроса о пароходныхъ субсидіяхъ, а теперь поводомъ къ ней послужилъ вопросъ о перебаллотировкахъ и о праздновaніи 1-го мая.

Центральный избирательный комитетъ безспорно нарушилъ принятое въ С.-Галленѣ постановленіе, предложивши поддерживать на перебаллотировкахъ буржуазную оппозицію. Но соотвѣтствіе такого образа дѣйствій интересу партіи было настолько ясно, и согласіе преобладающаго большинства товарищей было настолько несомнѣнно, что споръ по этому поводу скоро затихъ. Не такъ просто обстояло дѣло съ майскимъ праздникомъ. 20-ое февраля вызвало среди рабочихъ огромный подъемъ духа, и подъ его впечатлѣніемъ многочисленныя профессіональныя и политическія собранія постановили праздновать 1-ое мая путемъ забастовки. Чтобы майское празднество совершалось именно въ этой формѣ,— такого постановленія въ Парижѣ не принимали; напротивъ—способъ празднованія былъ предоставленъ каждой странѣ, смотря по ея мѣстнымъ условіямъ. Были во всякомъ случаѣ обширные круги нѣмецкаго пролетаріата, которые по резоннымъ причинамъ слышать не хотѣли о всеобщей первомайской забастовкѣ. Промышленный подъемъ прошелъ, застой въ дѣлахъ съ каждымъ днемъ все больше усиливался, и попытка вынудить тѣмъ не менѣе пріостановку работъ въ день 1-го мая могла повести къ тяжкимъ экономическимъ и даже политическимъ конфликтамъ, на побѣдоносное проведеніе которыхъ при данныхъ обстоятельствахъ прямо-таки невозможно было разсчитывать. Предприниматели и единомышленныя съ ними власти только выжидали случая, чтобы

вырвать у рабочихъ побѣду 20-го февраля, нанеся имъ пораженіе 1-го мая. Когда эта прекрасная надежда рушилась, то органъ Беннигсена „*Der Hannoversche Kurier*“ довольно наивно признался, что теперь только закону о соціалистахъ нанесенъ смертельный ударъ.

При такомъ положеніи вещей соціалъ-демократическая фракція рейхстага молчала слишкомъ долго. Повидимому, напряженіе силъ во время избирательной борьбы настолько утомило ее, что она недостаточно оцѣнила настоятельность возникшаго вопроса. Ея намѣреніе вынести свое постановленіе по поводу майскаго праздника тотчасъ же по созваніи новаго рейхстага уже потому не было достаточно, что неизвѣстно было, будетъ ли вообще рейхстагъ созванъ раньше 1-го мая; фактически онъ и собрался только 6-го мая. Поэтому одинъ кружокъ берлинскихъ товарищей опубликовалъ 23-го марта воззваніе, приглашавшее ко всеобщей забастовкѣ въ день 1-го мая всѣ промышленные города, гдѣ существовали сильныя рабочія организаціи. Въ свою очередь фракція была непріятно задѣта этимъ самовольнымъ актомъ, но все же она собралась теперь 13-го апрѣля въ Галле и постановила всѣми голосами противъ одного отсовѣтовать отъ всеобщей первомайской забастовки, если и не безусловно, то по крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ ея нельзя осуществить безъ конфликтовъ. Рѣшеніе было безспорно правильное, и всѣ послѣдовали бы ему, если бы многіе рабочіе не были уже связаны словомъ въ пользу забастовки и если бы ихъ не останавливали провокаторскія замѣтки буржуазной печати насчетъ „трусости“ отступленія. Особенно настойчивая попытка провести забастовку была сдѣлана въ Гамбургѣ, но даже въ этомъ профессіонально и политически наилучше вооруженномъ центрѣ партіи она привела только къ тяжелымъ столкновеніямъ, сопровождавшимся большими потерями. Оппозиціонные голоса возражали, что дѣло приняло бы иной оборотъ и кончилось бы крупнымъ торжествомъ пролетаріата, если бы фракція не вмѣшалась со своимъ отсовѣтованіемъ. Возраженіе это не выдерживало, однако, критики: скорѣе былъ правиленъ обратный упрекъ, что партія отсовѣтовала слишкомъ поздно. Такъ или иначе, но споръ оставилъ послѣ себя много неудовольствій.

Оппозиціонные элементы въ Дрезденѣ, Магдебургѣ и Берлинѣ состояли изъ людей, часто весьма дѣльныхъ въ практическомъ отношеніи, но безпомощныхъ, когда нужно было выступать съ трибуны и въ печати; вотъ почему и могло случиться, что нѣсколько молодыхъ писателей присвоили себѣ званіе выразителей

ихъ взглядовъ. Въ этой мѣрѣ Энгельсъ говорилъ съ полнымъ правомъ о „литературномъ и студенческомъ бунтѣ", ибо изъ-за этихъ, отчасти еще очень юныхъ силъ споръ по поводу нѣсколькихъ конкретныхъ вопросовъ былъ раздутъ въ принципіальную борьбу между „старыми" и „молодыми". Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Пауль Эрнстъ и Пауль Кампфмейеръ, были люди даровитые и знающіе; они ошибались въ томъ лишь отношеніи, что, будучи еще недостаточно знакомы съ практическими условіями политической борьбы, слишкомъ односторонне-формально понимали Коммунистическій Манифестъ. Но другіе, какъ Гансъ Мюллеръ и Бруно Вилле, заслуживали болѣе суроваго приговора. Мюллеръ создалъ въ своемъ воображеніи страшную классовую борьбу въ предѣлахъ партіи—между мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ. Вполнѣ слѣдуя путткамеровскому способу цитированія, хотя и съ противоположной тенденціей, онъ собралъ за 12 лѣтъ дѣйствія закона о соціалистахъ приблизительно столько же устныхъ и письменныхъ заявленій видныхъ и невидныхъ членовъ партіи, въ которыхъ можно было открыть мѣщанско-радикальный оттѣнокъ, и комментировалъ ихъ нелѣпыми фразами о „гноящихся нарывахъ" на тѣлѣ партіи. Что касается Бруно Вилле, священника Свободной Общины, то онъ зарвался даже до слѣдующаго неслыханнаго обвиненія: худшее, что̀ принесъ с.-д. партіи законъ о соціалистахъ, это—моральное растлѣніе.

Перчатка, брошенная „молодыми", была поднята изъ „старыхъ" Бебелемъ. Тактически было бы несомнѣнно правильнѣе, если бы онъ отнесся ко всѣмъ этимъ Мюллерамъ и Вилле больше съ юмористической стороны, если бы онъ говорилъ не о негодяйскихъ, а о мальчишескихъ нападкахъ. Но могъ ли кто-нибудь осуждать человѣка, который въ теченіе 12 лѣтъ переносилъ всю тяжесть борьбы, стоя подъ огнемъ и въ первыхъ рядахъ, если подобныя оскорбительныя приставанія вывели его изъ терпѣнія? Всего менѣе осуждали его за это рабочіе; въ большихъ собраніяхъ, происходившихъ 10-го августа въ Дрезденѣ и 13-го августа въ Магдебургѣ, особенно же въ грандіозномъ берлинскомъ собраніи отъ 25-го августа они подавляющимъ большинствомъ высказались за Бебеля и противъ Мюллера-Вилле, за „старыхъ" и противъ „молодыхъ",—къ великому огорченію буржуазной печати, которая вмѣсто радости по поводу обращенія „старыхъ" въ „мелкобуржуазный поссибилизмъ" обнаружила трогательный и достойный вниманія интересъ къ революціоннымъ фразамъ „молодыхъ".

3. Партійные съѣзды въ Галле и Эрфуртѣ.

Важнѣйшія задачи, вставшія предъ партіей по прекращеніи дѣйствія закона о соціалистахъ, заключались въ созданіи новой организаціи и новой программы. Онѣ были разрѣшены на партійныхъ съѣздахъ въ Галле и Эрфуртѣ.

Партійный съѣздъ въ Галле засѣдалъ съ 12-го по 18-ое октября 1890 г. Прошелъ онъ блестяще и внушительно, присутствовали 400 делегатовъ, 17 гостей передали привѣтствія и поздравленія родственныхъ партій въ Австріи, Швейцаріи, Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и Польшѣ. Послѣ оживленныхъ дебатовъ, относительно новой организаціи было достигнуто полное соглашеніе. Мысль о союзной организаціи, на подобіе существовавшей до изданія закона о соціалистахъ, была оставлена, такъ какъ, даже совершенно независимо отъ полицейскихъ трудностей, партія стала для этого черезчуръ велика. Необходимую централизацію должны были обезпечить годичный партійный съѣздъ (Parteitag), правленіе партіи (Parteivorstand), ежегодно выбираемое съѣздомъ, и центральный органъ. Мѣсто *„Соціалъ-демократа"*, который послѣ одержанной славной побѣды добровольно пересталъ выходить, занялъ *„Berliner Volksblatt"* подъ новымъ названіемъ *„Vorwärts" („Впередъ")*. Связь между правленіемъ партіи и мѣстными членскими группами должны были поддерживать выбираемые этими послѣдними уполномоченные (Vertrauensmänner). Въ правленіе партіи входили 12 человѣкъ: пяти поручалось собственно веденіе дѣлъ, а остальнымъ семи принадлежалъ контроль надъ ними.

Оппозиція нашла на этомъ партейтагѣ своего выразителя въ лицѣ типографскаго рабочаго Вернера, который выступилъ очень неискусно и запутался въ мелкихъ сплетняхъ. Когда его обвиненія были разсмотрѣны комиссіей, то они разсыпались въ прахъ, и Вернеръ обѣщалъ держаться спокойно, послѣ того какъ партейтагъ сказалъ свое слово. Такъ оно и было до лѣта 1891 г. Но тутъ оппозиція въ Берлинѣ и Магдебургѣ снова проснулась изъ-за рѣчи, произнесенной 1-го іюня Фольмаромъ въ Мюнхенѣ. На воззрѣніяхъ Фольмара отразилась его успѣшная дѣятельность въ мелко-крестьянской Баварі онъ отнюдь не проповѣдывалъ отказа отъ конечныхъ цѣлей партіи, но все-таки предлагалъ сосредоточить ея главную силу на нѣсколькихъ практическихъ пунктахъ, какъ дальнѣйшее развитіе законодательной охраны

труда, обезпеченіе свободы коалицій, устраненіе таможенныхъ пошлинъ на пищевыя средства. Онъ говорилъ: злой волѣ—кулакъ, но доброй волѣ—протянутую руку! Жаль лишь, что „добрая воля“ господствующихъ классовъ была и послѣ паденія Бисмарка такъ отчаянно мало замѣтна. Международная конференція по рабочему законодательству кончилась ничѣмъ; новелла къ Промышленному Уставу, возвѣщенная въ февральскихъ рескриптахъ, не удовлетворила даже самыхъ умѣренныхъ требованій о дальнѣйшемъ развитіи фабричнаго законодательства и была соединена вдобавокъ съ постыднымъ посягательствомъ на свободу коалицій; за таможенныя пошлины на пищевыя средства преемникъ Бисмарка держался такъ же цѣпко, какъ и самъ Бисмаркъ. Неудивительно, если къ рѣчи Фольмара отнеслись въ широкихъ партійныхъ кругахъ какъ къ возбуждающей опасенія перемѣнѣ фронта.

Еще бóльшія, однако, опасенія должна была возбуждать атака берлинской оппозиціи въ противоположную сторону. Послѣ схватокъ въ публичныхъ собраніяхъ — особенно рѣзки были схватки съ Бебелемъ и Фишеромъ—она резюмировала свои воззрѣнія въ летучемъ листкѣ, составленномъ, вѣроятно, обойщикомъ Вильдбергеромъ и имѣвшемъ за собою группу испытанныхъ рабочихъ; какъ мужественный протестъ, онъ несомнѣнно стоялъ выше поверхностныхъ заявленій Мюллера и Вилле. Тѣмъ не менѣе онъ страдалъ худшимъ недостаткомъ, какой только можетъ имѣть программное заявленіе: въ немъ не было части, за которую можно было бы практически ухватиться, не было и практическаго острія. Главный ударъ его былъ направленъ противъ парламентской дѣятельности партіи: листокъ утверждалъ, что о подобной дѣятельности не могло бы быть рѣчи въ то время, когда партія была молода и состояла изъ пролетаріевъ. На самомъ дѣлѣ трудно было придумать болѣе неправильное утвержденіе. Характерно, что выступившія съ нимъ лица съумѣли найти во всей исторіи партіи только одно свидѣтельство въ его пользу: ту относящуюся къ 1869 г. рѣчь Либкнехта, отъ которой онъ самъ давно отрекся въ виду ея несостоятельности, и которая уже въ моментъ ея произнесенія находилась въ полномъ противорѣчіи съ партійной тактикой, рекомендованной не только Лассалемъ и Швейцеромъ, но и Бебелемъ и Энгельсомъ. Въ тщетной попыткѣ поддержать совершенно несостоятельную точку зрѣнія, выразители стремленій оппозиціи прибѣгли вновь къ пріему набрасыванія подозрѣній на правленіе партіи. Это было чистѣйшей находкой для буржуаз-

ной печати, раззвонившей темныя обвиненія по всей странѣ, такъ что со стороны правленія партіи было только неизбѣжнымъ актомъ самообороны, когда оно на Эрфуртскомъ съѣздѣ дало сраженіе оппозиціоннымъ элементамъ подъ знакомъ: „Докажите или возьмите обратно; если вы не можете сдѣлать перваго и не желаете сдѣлать второго, то уходите изъ партіи".

Эрфуртскій партійный съѣздъ засѣдалъ съ 14-го по 20-ое октября 1891 г. На немъ присутствовало 250 делегатовъ, изъ которыхъ къ оппозиціи принадлежала едва одна дюжина. Пренія по поводу тактики заняли нѣсколько дней. Съ Фольмаромъ, который самъ обломилъ остріе своего несвоевременнаго выступленія, было достигнуто соглашеніе, но это не удалось сдѣлать съ берлинской и магдебургской оппозиціей. Каждый изъ ея представителей защищалъ свою собственную точку зрѣнія, и даже Вильдбергеръ, не говоря уже о Вернерѣ, не съумѣлъ произвести глубокаго впечатлѣнія своими разсужденіями. Когда была назначена комиссія для провѣрки ихъ обвиненій, то оба они, какъ и трое магдебургскихъ делегатовъ, заявили о своемъ выступленіи изъ партіи. Тѣмъ не менѣе комиссія выполнила порученную ей работу и предложила исключить Вильдбергера и Вернера; партійный съѣздъ утвердилъ это предложеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 11-ти.

Оппозиція попыталась затѣмъ организоваться какъ „Партія Независимыхъ", но попытка кончилась ничѣмъ. Меньшинство откололось въ крошечную анархистскую фракцію; молодые литераторы почти всѣ вернулись назадъ въ буржуазный міръ, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ Пауля Кампфмейера, который съ характерной послѣдовательностью всякаго честнаго и образованнаго анархиста обратился главнымъ образомъ къ мирному кооперативному движенію; большинство „молодыхъ" снова нашло себѣ мѣсто въ партіи. Одиннадцать лѣтъ спустя раны отъ этой борьбы настолько зарубцевались, что въ 1902 г. Мюнхенскій партійный съѣздъ отмѣнилъ постановленіе, которымъ Вильдбергеръ и тогдашніе его товарищи были исключены изъ партіи.

---

4. Эрфуртская программа.

Отрадной стороной Эрфуртскаго партейтага было утвержденіе новой партійной программы. Необходимость пересмотра готской

программы выступала тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ болѣе ясный отчетъ въ своей исторической сущности и въ своихъ историческихъ задачахъ партія стала отдавать себѣ при законѣ о соціалистахъ. Уже въ С.-Галленѣ на Ауэра, Бебеля и Либкнехта возложено было порученіе выработать новую партійную программу. Среди горячей сутолоки практической борьбы, этого порученія не удалось выполнить; тѣмъ усерднѣе вопросъ сталъ обсуждаться, когда послѣ паденія закона о соціалистахъ у партіи вновь оказался нѣкоторый просторъ для дѣйствій.

Какого-нибудь принципіальнаго разногласія при этомъ не обнаружилось,—не обнаружилось, даже поскольку въ преніяхъ участвовала оппозиці одинъ магдебургскій проектъ, въ выработкѣ котораго принималъ, повидимому, главное участіе Пауль Кампфмейеръ, былъ даже отчасти редактированъ искуснѣе проекта, выработаннаго правленіемъ партіи. Та работа, какую оставалось еще продѣлать, носила, главнымъ образомъ, редакціонный характеръ: требовалось резюмировать въ самой ясной и сжатой формѣ тотъ идейный міръ, на высоту котораго путемъ долгаго труда поднялась партія. Съ одной стороны требовалось вывести историческую задачу соціалъ-демократіи, конечную, цѣль пролетарскаго классоваго движенія, изъ историческаго развитія современнаго буржуазнаго общества, съ другой — отмѣтить вѣхами практическіе пути партіи на почвѣ этого общества. Подобное двойственное дѣленіе соотвѣтствовало тактикѣ сознательнаго пролетаріата, который принужденъ бороться при практически данныхъ условіяхъ, имѣя въ то же время только одинъ надежный компасъ на усѣянномъ подводными камнями и бурномъ морѣ современной классовой борьбы: свою конечную цѣль. Проектъ, единогласно утвержденный партійнымъ съѣздомъ послѣ тщательнаго разсмотрѣнія въ комиссіи, былъ составленъ Каутскимъ.

Противники с.-демократіи говорили о „программной комедіи“ — въ томъ смыслѣ, что „книжники партіи“ состряпали Эрфуртскую программу съ цѣлью набросить блестящій покровъ на дикіе разрушительные аппетиты массъ. Поскольку они хотѣли этимъ сказать, что не каждый изъ почти $1^1/_2$ милліоновъ избирателей, голосовавшихъ 20 февраля за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, является убѣжденнымъ приверженцемъ соціалъ-демократическихъ стремленій,—они ломились въ открытыя двери. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ „*Соціалъ-демократъ*“ мѣтко писалъ по этому поводу, что трудно придумать болѣе негодное

утѣшеніе: поскольку соціалистическіе голоса суть безусловный вотумъ недовѣрія къ буржуазному обществу, они представляютъ собою безусловный вотумъ довѣрія къ партіи „переворота", планы которой изображаются всѣми буржуазными партіями какъ чистѣйшее безуміе. Что же выигрываютъ, этой аргументаціей противники с.-демократіи? Такимъ образомъ уже заранѣе была разбита одна сторона утвержденія о „программной комедіи".

Но другая сторона его была дѣйствительно комедіей. Каждое предложеніе новой программы пережито самой партіей, было добыто ею десятилѣтіями труда и борьбы; доказать это въ подробностяхъ значило бы разсказать еще разъ внутреннюю исторію партіи отъ „*Открытаго письма*" Лассаля до Эрфуртской программы.

Гла а XI.

Отъ полутора до трехъ милліоновъ голосовъ.

Тринадцать лѣтъ, протекшихъ со дня паденія закона о соціалистахъ, представляются исторически въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выступаетъ вдвое большій періодъ времени, описанный на предшествующихъ страницахъ: въ свѣтѣ побѣднаго шествія, неудержимо и безостановочно совершаемаго германскимъ пролетаріатомъ. Подобно тому, какъ соціалъ-демократическая партія развилась за 27 лѣтъ изъ маленькой кучки, собравшейся впервые вокругъ знамени Лассаля, въ почти $1^1/_2$-милліонную массу избирателей въ рейхстагъ, такъ она увеличилась за послѣдующія 13 лѣтъ до трехъ съ лишнимъ милліоновъ избирателей въ рейхстагъ; день 16-го іюня 1903 г. былъ днемъ тріумфа, какъ и 20-ое февраля 1890 г.

Но онъ не былъ въ такомъ же смыслѣ исторической датой. Онъ не низвергъ никакой политической системы, и сидитъ ли отнынѣ въ рейхстагѣ 81 соціалъ-демократическій депутатъ, какъ до сихъ поръ сидѣло 58, — это не есть вопросъ рѣшающаго историческаго значенія. Къ тому же буржуазный міръ тѣшитъ себя сладкой мечтою, что на дрезденскомъ партейтагѣ (1903 г.) германская соціалъ-демократія погубила свой грандіозный успѣхъ отъ 16-го іюня и основательно разрушила свой престижъ въ глазахъ массъ. Наконецъ, буржуазія болѣе чѣмъ когда-либо полагается на свои пушки и прочее огнестрѣльное оружіе, на политическія средства власти, которыми она неограниченно располагаетъ. Насколько болѣе могущественнымъ, чѣмъ нѣкогда мажордомъ Бисмаркъ, кажется теперь императоръ Вильгельмъ, который хочетъ быть своимъ собственннымъ фельдмаршаломъ и своимъ собственнымъ имперскимъ канцлеромъ, который не разъ уже дѣлалъ попытки провести новые законы о соціалистахъ, который

не перестаетъ угрожать революціонному пролетаріату остріемъ меча и бранить освободительную борьбу рабочаго класса рѣзче, чѣмъ ее когда-либо бранили!

Не лишне будетъ поэтому очертить еще въ нѣсколькихъ бѣглыхъ штрихахъ историческое развитіе германской соціалъ-демократіи за послѣднія 13 лѣтъ.

1. Капиталистическая и соціалистическая міровая политика.

Эра Вильгельма II несомнѣнно означаетъ извѣстный прогрессъ въ сравненіи съ эрою Бисмарка, но это не прогресъ преуспѣвающаго капитализма, а капитализма, идущаго къ банкротству.

Крупная промышленность проложила дорогу освободительной борьбѣ пролетаріата. Создавъ болѣе колоссальныя и массовыя производительныя силы, чѣмъ всѣ прежнія человѣческія поколѣнія взятыя вмѣстѣ, она стала безцеремонно расшатывать рамки буржуазнаго общества; она вызвала эпидемію перепроизводства, во время которой это общество погибаетъ вслѣдствіе того, что оно, говоря словами Коммунистическаго Манифеста, обладаетъ избыткомъ цивилизаціи, избыткомъ средствъ существованія, избыткомъ промышленности, избыткомъ торговли; она привела антагонистическій характеръ капиталистическаго способа производства къ простѣйшему и самому ясному его выраженію — къ классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, которая можетъ имѣть лишь одинъ изъ двухъ исходовъ: либо побѣду пролетаріата, либо возвратъ цивилизаціи къ варварству. Какъ только европейская буржуазія разобрала это положеніе вещей, она ни минуты не задумалась насчетъ своего выбора и отдала пароль: „Назадъ, назадъ, донъ Родриго!“ Она вытравила изъ своего знамени свободу торговли и миръ и начертала на немъ монополію и войну. Міровая политика крупной промышленности повернула назадъ къ міровой политикѣ буржуазнаго торговаго капитала, господствовавшей въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ,—политикѣ, которая сводилась въ послѣднемъ счетѣ къ насильственному завоеванію и таможенному покровительству, которая стремилась захватить возможно больше рынковъ для сбыта и отгородиться возможно болѣе высокой стѣной отъ внѣшняго міра.

Во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ произ-

водства наблюдается одно и то же реакціонное явленіе, но въ своей классической формѣ, т.-е. въ формѣ, исторически наиболѣе несостоятельной и наиболѣе опасной для развитія человѣческой культуры, оно выступило въ странѣ, которая обязана крупной индустріи своимъ избавленіемъ отъ многовѣковаго униженія: мы разумѣемъ Германію. Реакція началась закономъ о соціалистахъ, и въ этомъ уродливомъ созданіи рельефнѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, выступаетъ ея настоящій историческій характеръ. Сдѣлавъ послѣдніе логическіе выводы изъ капиталистическаго способа производства и давъ выходъ множеству производительныхъ силъ, которыя могутъ вполнѣ развернуться только при высшей формѣ общественной организаціи, крупная промышленность создала наиболѣе благопріятную почву для освободительной борьбы рабочаго класса. Стремленіе уничтожить эту почву является наиболѣе сильнымъ стимуломъ міровой политики банкротнаго капитализма. Но теперь нельзя больше прогнать изъ страны трудолюбивѣйшихъ ея жителей, какъ Филиппъ испанскій прогналъ мавровъ и Людовикъ французскій гугенотовъ: теперь недостатокъ національнаго труда не можетъ быть восполненъ заморскими сокровищами, и крупная промышленность не можетъ двигаться безъ сильныхъ рукъ рабочаго. И вотъ ему зажали ротъ кляпомъ, чтобы сдѣлать его безвольнымъ инструментомъ; лишь бы у пчелы было отнято ея жало, тогда трутни могутъ обжираться вволю.

При изданіи закона о соціалистахъ крупные промышленники, находясь еще подъ вліяніемъ кризиса 1873 г., шли рука объ руку съ реакціонными классами. За это они получили свои промышленныя пошлины, подобно тому какъ обанкротившееся юнкерство было искусственно поддержано аграрными пошлинами, а военный абсолютизмъ освободилъ себя при помощи фискальныхъ пошлинъ отъ парламентскаго контроля, который при всемъ малодушіи буржуазныхъ партій въ рейхстагѣ былъ все-таки непріятенъ ему. Въ этой реакціонной политикѣ все было подогнано другъ къ другу. Но при Бисмаркѣ она еще не вполнѣ развернулась. Какъ остъэльбскій юнкеръ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе къ безбрежнымъ флотскимъ планамъ, а завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи легло у него въ желудкѣ такимъ несваримымъ комомъ, что у него прошла охота ко всякимъ заморскимъ приключеніямъ. Только когда рабочій классъ началъ вырывать изъ его рукъ оружіе закона о соціалистахъ и когда рискованные плебисциты по бонапартовскому образцу остались его единственнымъ средствомъ,

чтобы кое-какъ поддерживать свою систему отъ однихъ выборовъ въ рейхстагъ до другихъ,—только тогда онъ полу-нехотя далъ себя толкнуть къ колоніальной политикѣ, скудные результаты которой находились въ обратномъ отношеніи къ грому трубъ и литавровъ, сопровождавшему ея появленіе на сценѣ.

Низверженіе Бисмарка тѣмъ самымъ классомъ, который онъ тщетно пытался сковать при помощи огромныхъ средствъ власти современнаго государства, произвело устрашающее впечатлѣніе и подѣйствовало временно отрезвляющимъ образомъ на господствующіе классы. Система Каприви состояла изъ всякаго рода попытокъ повернуть назадъ по роковому пути, на который вступилъ Бисмаркъ со своей завоевательной и протекціонистской политикой. Но какъ слабы ни были эти попытки, онѣ тотчасъ же натолкнулись на озлобленное и непримиримое противодѣйствіе реакціонныхъ партій, живущихъ міровой политикой банкротнаго капитализма. Эти партіи низвергли систему Каприви, логически избравъ средствомъ для достиженія своей цѣли нелѣпый страхъ извѣстныхъ сферъ предъ соціалистами. Ихъ неутомимыя усилія сфабриковать новый законъ о соціалистахъ разбивались каждый разъ объ энергичную и умную политику соціалъ-демократіи, но зато ихъ завоевательная и протекціонистская политика съумѣла обнаружить тѣмъ большую наглость. При Бисмаркѣ германская колоніальная политика началась пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ песчаныхъ и болотныхъ пустынь въ Африкѣ, вся торговля которыхъ составляетъ весьма ничтожную статью въ сравненіи съ размѣрами міроваго рынка. Между тѣмъ десятью годами позднѣе эта политика была поставлена уже предъ китайскимъ вопросомъ, предъ завоеваніемъ послѣдняго крупнаго рынка, какой еще можно найти для сбыта издѣлій современныхъ промышленныхъ странъ, но въ то же время рынка, обладающаго въ собственныхъ предѣлахъ всѣми условіями для грандіознаго развитія собственной промышленности. Если мы обратимся далѣе къ таможенной политикѣ, то какими слабыми, относительно говоря, должны показаться протекціонистскія тенденціи въ таможенномъ тарифѣ, котораго Бисмаркъ добился подъ защитою закона о соціалистахъ, въ сравненіи съ тѣмъ таможеннымъ тарифомъ, который реакціонныя партіи на всѣхъ парахъ провели черезъ рейхстагъ въ рождественскіе дни 1902 г., прибѣгнувъ къ грубѣйшему насилію надъ меньшинствомъ?

Свое политическое выраженіе эта реакціонная міровая политика

нашла въ имперіализмѣ. Послѣдній составляетъ для конца капиталистическаго хозяйства такую же характерную форму господства, какую абсолютизмъ составлялъ для его начальныхъ стадій. Абсолютизмъ появляется исторически въ переходные періоды, когда старыя феодальныя сословія погибаютъ, и изъ средневѣковаго городскаго сословія возникаетъ современный буржуазный лассъ, причемъ ни одна изъ борющихся сторонъ не въ силахъ еще одолѣть другую. Историческое призваніе абсолютизма заключается въ развитіи буржуазнаго класса, а его историческій рокъ состоитъ въ томъ, чтобы быть выброшеннымъ за бортъ этимъ классомъ, такъ что въ свой предсмертный часъ онъ бросается обыкновенно въ объятія къ своему прежнему врагу—феодализму—и погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Совершенно иного сорта явленіе, чѣмъ этотъ абсолютизмъ, представляетъ собою имперіализмъ, который появляется на историческомъ поприщѣ какъ послѣдній спаситель господствующей буржуазіи отъ энергично наступающаго уже на нее пролетаріата. Такъ какъ буржуазіи бываетъ сужденъ лишь короткій промежутокъ безмятежнаго господства, то начало имперіализма слѣдуетъ обыкновенно довольно скоро за концомъ абсолютизма. Но въ Германіи эти моменты совершенно сливаются другъ съ другомъ, такъ что страна дубовъ и липъ пользуется сомнительнымъ счастьемъ жить одновременно подъ сѣнью абсолютизма и имперіализма. Это своего рода вкоренившаяся національная болѣзнь, напоминающая о словахъ, написанныхъ 60 годами раньше Марксомъ,—что Германія умудряется сочетать цивилизованные недостатки современныхъ государствъ, преимуществами которыхъ она не обладаетъ, съ варварскими недостатками ancien régime, которыми она наслаждается въ полной мѣрѣ.

Вину за это несетъ нѣмецкая буржуазія, ибо въ тотъ моментъ, когда она могла покончить съ абсолютизмомъ, она отнюдь не взяла себѣ за образецъ расправы, которую французская и англійская буржуазія учинила надъ абсолютизмомъ въ лицѣ Карла I и Людовика XVI. Она стала какъ разъ наоборотъ, „монархической“ до мозга костей; мало того она взяла патентъ на „подлинныя“, „истинныя“, „непоколебимыя“ вѣрноподданническія чувства именно тогда, когда она была достаточно могущественна, чтобы покончить съ абсолютизмомъ. Поступила же она такъ потому, что въ моментъ своей побѣды она уже почуяла за собой массовую поступь пролетаріата, что смертный часъ абсолютизма былъ уже часомъ рожденія коммунизма. Германская буржуазія послѣ-

довала той же самоубійственной политикѣ, какой слѣдовалъ обыкновенно абсолютизмъ: она отказалась отъ своей настоящей цивилизаторской дѣятельности и, чтобы купить себѣ отсрочку, бросилась въ объятія врагу, съ которымъ нѣкогда боролась. Но этимъ самымъ она сѣла на корабль, которому не суждено побѣдоносно выдержать бурю пролетарской классовой борьбы.

Имперіализмъ выступаетъ съ гораздо большими претензіями на могущество, но имѣетъ за собою гораздо меньшую силу, чѣмъ абсолютизмъ. Если послѣднему дѣйствительно пришлось выполнить піонерскую историческую службу, то на долю имперіализма выпала лишь историческая жандармская служба—помѣшать пролетарскому развитію, чтобы обезпечить спокойное господство имущимъ классамъ. На первый взглядъ имперіализмъ располагаетъ болѣе свободнымъ и независимымъ положеніемъ, чѣмъ абсолютизмъ, такъ какъ онъ балансируетъ не между двумя только, а между тремя классами. Но эта видимость обманчива, потому что имперіализмъ не можетъ больше пускать въ ходъ одинъ классъ противъ одного, а всегда только одинъ противъ двухъ, слѣдовательно—онъ можетъ всегда вести только безнадежную игру и принужденъ вѣчно лавировать.

Дѣло въ томъ, что шансы играть два противъ одного какъ разъ для имперіализма невозможны. Онъ могъ бы стать большой силой, если бы съумѣлъ подвести подъ одну крышу буржуазію и юнкерство, а рабочій классъ скрутить по рукамъ и ногамъ. Но второго онъ не въ состояніи сдѣлать, послѣ того какъ рабочій классъ выдержалъ огненное испытаніе закона о соціалистахъ, а соединить надолго интересы юнкерства и буржуазіи онъ также не въ силахъ, какъ показываетъ вѣчная неудача такъ называемой „политики собиранія". Другая возможность заключалась бы въ томъ, чтобы имперіализмъ попытался доставить побѣду общимъ интересамъ буржуазіи и пролетаріата противъ юнкерства, и опыты въ такомъ направленіи имѣются съ его стороны, но онъ всегда дѣлаетъ только два-три нерѣшительныхъ шага по этому пути; правда, вступить на него онъ можетъ лишь съ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя излишнимъ. Такимъ образомъ онъ зигзагообразно лавируетъ, напуская на себя такой видъ, словно онъ можетъ мановеніемъ пальца сразу сдвинуть съ мѣста двѣ части свѣта, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ безпомощный и растерянный при всякомъ практическомъ столкновеніи интересовъ между тремя большими классами современнаго общества.

Въ неразрывномъ взаимодѣйствіи съ міровой политикой клонящагося къ упадку капитализма, но въ непримиримомъ противорѣчіи съ нею находится міровая политика поднимающагося соціализма. Современный пролетаріатъ, умъ и энергія котораго возвели крупную промышленность на ея теперешнюю высоту и устраняютъ все въ большей степени „духовное руководство“ буржуазіи,—этотъ пролетаріатъ является прирожденнымъ противникомъ политики, желающей остановить развитіе крупной индустріи на той точкѣ, гдѣ оно начинаетъ сталкиваться съ интересами реакціонныхъ классовъ и гдѣ оно становится спасительнымъ факторомъ освобожденія пролетаріата. Защищая свои собственные интересы, нѣмецкіе рабочіе защищаютъ одновременно интересы націи, такъ какъ они говорятъ: чѣмъ развитѣе, чѣмъ интеллигентнѣе рабочій классъ, чѣмъ большимъ благосостояніемъ онъ пользуется, тѣмъ больше процвѣтаетъ національная промышленность и тѣмъ сильнѣе ея положеніе на всеміриомъ рынкѣ; самая рѣшительная соціальная политика есть всегда самая успѣшная міровая политика.

Пониманіе этой простой и очевидной истины настолько вытекаетъ изъ всѣхъ жизненныхъ условій современнаго пролетаріата, что оно не можетъ быть отнято у него ни силою, ни хитростью. Всѣ попытки обмануть нѣмецкихъ рабочихъ насчетъ этой связи вещей тотчасъ же терпѣли неудачу, даже когда онѣ предпринимались bona fide далекими отъ міра сего и не лишенными дарованій идеологами буржуазіи. Самая замѣчательная изъ этихъ попытокъ, націоналъ-соціальная агитація, которая хотѣла примирить пролетаріатъ съ имперіализмомъ, кончила послѣ семилѣтняго наполненія бочки данаидъ тѣмъ, что ея носители бѣжали назадъ въ лоно буржуазіи, для борьбы съ которою они выступили въ походъ. Все ихъ безбрежное краснорѣчіе по поводу безбрежныхъ флотскихъ плановъ разбилось, какъ легкая морская пѣна, о непоколебимое убѣжденіе рабочаго класса, что флотская и колоніальная политика имѣетъ одну историческую метрику съ хлѣбными пошлинами и закономъ о соціалистахъ.

Такимъ образомъ, имперіализмъ и соціалъ-демократія, это—двѣ непримиримыя противоположности. Между ними никогда не можетъ быть мира, даже перемирія. Но борьба, которую они ведутъ другъ съ другомъ, не есть борьба двухъ равныхъ по силамъ противниковъ, исходъ которой можетъ представляться сколько-нибудь сомнительнымъ. По внѣшности и въ теченіе нѣкотораго вре-

мени—продолжительность его пока еще не поддается опредѣленію—имперіализмъ можетъ, пожалуй, сохранять болѣе или менѣе подавляющій перевѣсъ, но каждый новый день отрываетъ по кусочку отъ его могущества, чтобы усилить могущество его смертельнаго врага. Имперіализмъ отнимаетъ послѣдніе остатки политической самостоятельности у имущихъ классовъ, закабалившихся ему въ страхѣ за свою шкуру и кошельки; въ особенности онъ дѣлаетъ это съ буржуазіей, именно потому, что, подчиняясь ему, она совершаетъ наибольшую измѣну по отношенію къ себѣ самой. Но въ той же мѣрѣ имперіализмъ укрѣпляетъ политическую силу неимущихъ классовъ, и прежде всего—пролетаріата крупной промышленности, который видитъ каждый разъ, что самые жизненные интересы его встрѣчаютъ помѣху въ этомъ приказчикѣ всякой политической и соціальной реакціи.

Особенно дѣйствительнымъ средствомъ имперіализмъ выказываетъ себя въ дѣлѣ пробужденія политически косныхъ еще народныхъ массъ. Измѣнчивая политика, предписываемая ему его историческими жизненными условіями, можетъ выражаться на практикѣ лишь въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя вызываютъ въ самыхъ широкихъ слояхъ націи впечатлѣніе чего-то капризнаго и непостояннаго; именно поэтому она дѣйствуетъ крайне раздражающимъ образомъ. Если уже указанное обстоятельство тяжко колеблетъ его авторитетъ, то еще больше его колеблетъ повседневное наблюденіе, что за его видимымъ всесиліемъ скрывается полное безсиліе. Вполнѣ понятно, если имперіализмъ кажется самому себѣ Богомъ, который можетъ своими молніями разнести въ щепки всякое сопротивленіе, но толпа вѣрующихъ таетъ, когда она видитъ, что его молніи попадаютъ въ песокъ. Воображая себя создателемъ, онъ оказывается на дѣлѣ только созданіемъ, безсильнымъ провести свою волю даже по отношенію къ одному изъ имущихъ классовъ, общимъ затрудненіямъ которыхъ онъ обязанъ своимъ историческимъ существованіемъ.

Такимъ-то образомъ улетучивается въ рукахъ имперіализма капиталъ политическаго авторитета, собранный нѣкогда абсолютизмомъ. Прежній цивилизаторскій характеръ монархической формы правленія исчезаетъ; вмѣсто него выступаютъ наружу съ вдвойнѣ оскорбительной жесткостью и рѣзкостью всѣ ея отсталыя и пережитыя стороны. Обширную промышленную страну Германію угнетаетъ тысяча большихъ и малыхъ язвъ, разросшихся на почвѣ бюрократическо-военно-полицейскаго режима некультурныхъ

остъ-эльбскихъ захолустій. Зато имперіалистская политика даетъ у насъ въ результатѣ хотя и безконечно больше громкихъ словъ, но несравненно меньше реальныхъ дѣлъ, чѣмъ въ Англіи, Франціи, Россіи или Сѣв. Америкѣ. Своими никогда не прекращающимися требованіями денегъ и крови отъ націи—а имперіализмъ самая дорогая форма правленія, когда-либо существовавшая—она подстегиваетъ всѣ слои неимущихъ массъ только для того, чтобы приносить имъ одно разочарованіе за другимъ.

Но если капиталистическій способъ производства вообще обучаетъ и дисциплинируетъ рабочіе полки, то его имперіалистскій періодъ учитъ эти полки нѣкоторымъ образомъ подъ огнемъ. Онъ ежедневно доставляетъ революціонной агитаціи новые стимулы для болѣе энергичнаго развитія, а буржуазное тупоуміе, неспособное понимать историческую связь явленій и потому хватающееся за громкія слова, стремится объяснить себѣ это обстоятельство фразою о „дурацкомъ счастьѣ" соціалъ-демократіи. „Дурацкое счастье" с.-д. сводится къ простому факту, что только экономически и политически организованный рабочій классъ въ состояніи оказать энергичное и непоколебимое сопротивленіе опустошительнымъ дѣйствіямъ имперіализма. Этого не можетъ сдѣлать ни одна буржуазная партія, даже когда она пытается надѣть на себя самую вызывающую оппозиціонную маску: всѣ буржуазныя партіи погибаютъ отъ имперіализма, такъ какъ въ послѣднемъ счетѣ всѣ онѣ цѣпляются за него.

Да, въ этомъ превратномъ мірѣ, гдѣ, говоря словами гётевскаго Мефистофеля, „Vernunft wird Unsinn, Wohltat Plage" *), роковая участь буржуазныхъ партій состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ мѣшать имперіализму, когда онъ хотѣлъ бы иной разъ работать въ цивилизаторскомъ направленіи, но вынуждены предоставлять ему свободу дѣйствій, какъ разъ когда онъ увлекаетъ націю къ гибели. Реакціонные юнкеры путемъ интригъ не даютъ годами пройти законопроекту о каналѣ, но они вотируютъ со скрежетомъ зубовнымъ расходы на „мерзкій флотъ"; либеральная буржуазія всѣми силами задерживаетъ маленькіе успѣхи рабочаго законодательства, но она неоскудѣвающей рукой жертвуетъ въ пользу милитаризма, который душитъ ее самое подобно кошмару. Всего плачевнѣе участь партіи центра, имѣющей незавидное счастье разыгрывать изъ себя „рѣшающую" партію подъ сѣнью имперіализ-

*) Разумное становится безсмыслицей, благодѣяніе—язвой.

ма. Если ультрамонтанство было нѣкогда единственной буржуазной партіей, съумѣвшей съ нѣкоторою послѣдовательностью и силой противостать бисмарковскому мажордомству, по крайней мѣрѣ первымъ его шагамъ, то при имперіализмѣ оно играетъ роль, гораздо болѣе жалкую, чѣмъ націоналъ-либерализмъ когда-либо игралъ въ дни Бисмарка. Націоналъ-либерализмъ пожертвовалъ нѣкогда своими политическими идеалами за экономическое законодательство, которое было, по крайней мѣрѣ, въ своемъ родѣ историческимъ прогрессомъ, между тѣмъ ультрамонтанская партія вынуждена довольствоваться самыми скудными подачками на чай, къ тому же расплывающимися у нея подъ руками, какъ это было, напр., съ lex Heinze.

Такимъ образомъ соціалъ-демократія, состоящая якобы изъ людей „безъ отечества", стала самой національной, даже единственной національной партіей въ Германіи, и вокругъ нея собирается все болѣе густыми толпами все, что сохранилось еще политически жизненнаго въ націи. Именно этой, а не какой-либо иной причиной объясняется ея непрерывный ростъ, который послѣ паденія закона о соціалистахъ пошелъ все болѣе ускоряющимся темпомъ и посадилъ на мель близорукихъ людей, мечтавшихъ нѣкогда о распаденіи партіи, какъ только лопнетъ желѣзный обручъ закона о соціалистахъ. Безпрерывныя угрозы и преслѣдованія противъ рабочаго класса несомнѣнно способствовали развитію пролетарской классовой борьбы, но ея пламя продолжало бы горѣть и въ томъ случаѣ, если бы этотъ мѣхъ пересталъ раздувать его. Дѣйствительнымъ горючимъ матеріаломъ, поддерживающимъ это пламя, является гнилой міръ, который долженъ погибнуть въ очистительномъ огнѣ, если не суждено погибнуть человѣческой культурѣ.

Среди дикаго бѣга явленій, порождаемаго всемірно-исторической гибелью капиталистическаго способа производства, революціонное рабочее движеніе стало неподвижнымъ полюсомъ. Съ топоромъ въ одной рукѣ и съ лопаткой въ другой оно не только разрушаетъ капиталистическое общество, но и созидаетъ общество соціалистическое. За послѣднія 13 лѣтъ оно выполнило массу практической работы, изъ которой здѣсь можно обозрѣть вкратцѣ только исторически наиболѣе важную вѣтвь ея: расцвѣтъ профессіональнаго движенія, поставившаго, наконецъ, экономическую организацію германскихъ рабочихъ въ уровень съ ихъ политической организаціей.

---

2. Десятилѣтіе профессіональныхъ союзовъ.

Почему профессіональное движеніе пролетаріата развивалось въ Германіи медленнѣе его политическаго движенія, это достаточно объясняется исторіей германской соціалъ-демократіи. Отвѣтственность за это принято возлагать главнымъ образомъ на недостаточную оцѣнку профессіональной организаціи Лассалемъ, но причины несомнѣнно лежали гораздо глубже. Разъ имѣлись бы на лицо историческія предпосылки для энергичнаго развитія профессіональнаго движенія въ Германіи, то всего авторитета Лассаля среди тогдашнихъ рабочихъ было бы еще далеко недостаточно, чтобы задержать ходъ вещей, даже если предположить, чего мы отнюдь не вправѣ дѣлать, что самъ Лассаль не понялъ бы знаменій времени. Во всякомъ случаѣ его точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ была отнюдь не такъ далека отъ точки зрѣнія Маркса и Энгельса, какъ это принято думать.

Марксъ впервые высказался о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Прудона. Хотя въ 1847 г. къ нимъ одинаково отрицательно относились и буржуазные экономисты и утопическіе соціалисты, однако Марксъ усматривалъ въ нихъ необходимый продуктъ капиталистическаго общества. Но того своеобразнаго и самостоятельнаго значенія, которое они имѣютъ для классовой борьбы пролетаріата, Марксъ тогда еще не видѣлъ. Онъ приписывалъ имъ громадное вліяніе на развитіе промышленности, даже если бы все дѣйствіе ихъ ограничивалось тѣмъ, что они вызываютъ противъ себя со стороны капиталистовъ механическія изобрѣтенія. Вообще же Марксъ видѣлъ въ профессіональныхъ союзахъ первыя попытки пролетаріата организоваться какъ классъ, чтобы затѣмъ, борясь классъ противъ класса, вести политическую борьбу; онъ сравнивалъ ихъ съ коалиціей буржуазіи противъ феодальныхъ сеньеровъ, которая вначалѣ также носила лишь частичный характеръ, пока конституировавшаяся какъ классъ буржуазія не низвергла феодальной власти и не передѣлала общества по своему образу и подобію.

Болѣе замѣчательно то, что и въ учредительномъ адресѣ Интернаціонала, опубликованномъ осенью 1864 г., когда Лассаля не было уже въ живыхъ, Марксъ приводитъ какъ черты, искупающія пораженіе европейскаго рабочаго движенія въ 50-хъ гг., во-первыхъ—законодательное ограниченіе рабочаго дня, и затѣмъ—не профессіональное, а кооперативное движеніе. Съ этой точки

зрѣнія рочдельскіе піонеры представляли бы собою болѣе значительное историческое явленіе, чѣмъ союзъ англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ,—сужденіе, подъ которымъ врядъ-ли подпишется теперь какой-нибудь соціалистъ. О профессіональныхъ союзахъ въ учредительномъ адресѣ говорится такъ же мало, какъ въ „*Открытомъ письмѣ*“ Лассаля. Напротивъ, разсужденіе адреса, что покуда кооперативное движеніе „ограничивается случайными опытами отдѣльныхъ рабочихъ, оно не въ состояніи сломить монополіи капитала“, но что оно можетъ спасти массы, если оно приметъ національные размѣры и будетъ поддержано государственными средствами,—это разсужденіе очень близко соприкасается съ піонерской агитаціонной брошюрой Лассаля.

То, что относится къ Марксу и Лассалю, примѣнимо также къ ихъ приверженцамъ, пока они шли разрозненными колоннами. Несмотря на нерасположеніе Лассаля къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ, именно лассальянцы приступили первыми и вопреки противодѣйствію изъ собственныхъ рядовъ къ основанію такихъ союзовъ, какъ только они увидѣли, что рабочія массы по собственному почину толкаютъ на этотъ путь. Безспорно, они сдѣлали при этомъ большіе промахи, но такое замѣчаніе врядъ-ли менѣе приложимо къ другой соціалъ-демократической фракціи, которая на своемъ штутгартскомъ конгрессѣ 1871 г. рекомендовала, въ качествѣ главной задачи профессіональныхъ союзовъ, основаніе и поддержку производительныхъ коопераціи. Если даже въ общемъ итогѣ лассальянское направленіе обнаруживало меньшій интересъ къ профессіональному движенію и меньшее пониманіе его, то разница была однако отнюдь не такъ велика, чтобы имѣть рѣшающій вѣсъ для вопроса, почему профессіональное рабочее движеніе развивалось въ Германіи медленнѣе политическаго.

Въ послѣднемъ счетѣ это явленіе вытекало изъ всего хода германской исторіи. Германскій капитализмъ родился позже своихъ западно-европейскихъ братьевъ: когда нѣмецкая буржуазія и, слѣдовательно, также нѣмецкій пролетаріатъ начали развиваться въ сколько-нибудь крупномъ масштабѣ, то оба нашли уже накопленный историческій опытъ относительно классовой борьбы, которая должна была возгорѣться между ними. Отсюда являлись болѣе смѣлая вѣра въ свои силы и болѣе широкій кругозоръ у пролетаріата, большая нерѣшительность и болѣе узкій горизонтъ у буржуазіи. Такое взаимно усиливающее другъ друга дѣйствіе по-

лучилось оттого, что германская буржуазія отказалась отъ борьбы противъ абсолютизма и феодализма, что рабочій классъ принужденъ былъ вложить всю свою силу въ эту борьбу, дабы пріобрѣсти просторъ, необходимый ему въ рамкахъ современнаго буржуазнаго общества для своей профессіональной организаціи. Самый простой инстинктъ самосохраненія предписывалъ пролетаріату поставить въ своей классовой борьбѣ политическую организацію выше профессіональной; поступи онъ наоборотъ, ему понадобилось бы несравненно больше времени, чтобы стать могущественною силою въ національной жизни.

Но онъ не поступилъ наоборотъ, да и не могъ такъ поступить. Правда, инстинктивное стремленіе къ профессіональной организаціи слишкомъ глубоко заложено въ современномъ рабочемъ классѣ, чтобы оно не приводило къ постоянно возобновляющимся попыткамъ пустить новые корни. Но какъ разъ легкость, съ которою эти попытки искоренялись реакціонными властями при помощи отсталаго законодательства, безпрестанно толкала рабочихъ къ политической борьбѣ. Затѣмъ пришли дни закона о соціалистахъ, изданіе котораго послѣдовало отнюдь не вслѣдствіе страха господствующихъ классовъ, что соціалъ-демократія можетъ нечаянно зажечь имъ домъ надъ головою, а потому, что они хотѣли вырвать у рабочихъ то скромное количество правъ, котораго послѣдніе добились постепенно въ рамкахъ капиталистическаго общества. Даже подъ гнетомъ закона о соціалистахъ профессіональное движеніе, несмотря на полицейскія преслѣдованія, то и дѣло пробивалось наружу, причемъ сила внѣшнихъ условій—этого нельзя отрицать—заставляла его брать на себя многія задачи, чуждыя его историческому существу.

Это, въ свою очередь, оказало неблагопріятное дѣйствіе на развитіе профессіональнаго рабочаго движенія въ первые годы закона о соціалистахъ. Въ особенности споръ о формѣ организаціи, составлявшій самъ слѣдствіе исключительнаго закона, поглощалъ больше времени и силъ, чѣмъ это было бы необходимо и даже просто допустимо при другихъ условіяхъ; имъ болѣе или менѣе отталкивались многіе рабочіе круги, которые слѣдовало привлечь на сторону профессіональныхъ организацій. Сюда прибавилось угнетенное состояніе народнаго хозяйства и сильное противодѣйствіе предпринимателей, обнаруживавшееся всего сильнѣе тамъ, гдѣ вопреки своему характеру „соціальной монархіи“ предпринимателемъ было государство. Партійный съѣздъ, происходившій въ

1890 г. въ Галле, проявилъ живѣйшее сочувствіе къ профессіональному движенію, но тремя годами позже, на кельнскомъ партейтагѣ, были высказаны если не сомнѣнія въ его правѣ на существованіе, то сомнѣнія насчетъ того, можетъ ли оно дать большіе результаты. Эти сомнѣнія возникли частью изъ опасенія, что при гигантски возрастающей концентраціи капитала рабочіе союзы все-таки будутъ обречены на вѣчное безсиліе, частью изъ заботы, что государственное страхованіе рабочихъ отнимаетъ у союзовъ слишкомъ важныя функціи, чтобы они могли сохранить жизнеспособность. Скоро наступилъ, однако, новый подъемъ въ развитіи профессіональныхъ союзовъ, убѣдительно доказавшій, что они являются необходимымъ звеномъ современнаго рабочаго движенія, и окончательно обезпечившій имъ полноправное мѣсто рядомъ съ политической партіей. Парвусъ высказалъ историческое сужденіе, имѣющее прочную цѣнность, когда писалъ въ своемъ блестящемъ изслѣдованіи объ этомъ подъемѣ профессіональнаго движенія: „Самая большая работа, выполненная нѣмецкими рабочими послѣ паденія закона о соціалистахъ, это—развитіе профессіональныхъ союзовъ: въ политическомъ развитіи послѣдняго десятилѣтія нѣтъ ничего такого, что могло бы даже отдаленнымъ образомъ сравниться съ нимъ по своему значенію для классовой борьбы пролетаріата".

Главной причиной громадныхъ успѣховъ профессіональнаго движенія былъ расцвѣтъ въ промышленности, наступившій около середины 90-хъ гг. и продолжавшійся до самаго конца ихъ. Если онъ немало помогъ имперіалистской политикѣ господствующихъ классовъ продлить до поры, до времени свое существованіе, то съ другой стороны, рабочіе классы весьма усердно использовали его для упроченія и развитія своей профессіональной организаціи, такъ что даже хозяйственный кризисъ, наступившій опять съ начала новаго столѣтія, не могъ парализовать этого развитія. Кризисъ замедлилъ подъемъ рабочихъ союзовъ, но не прервалъ его.

Въ 1893 г. число профессіонально организованныхъ рабочихъ составляло немногимъ больше 200 тысячъ, а къ 1902 г. число членовъ профессіональныхъ центральныхъ союзовъ возросло до 733.206. Въ 27 промыслахъ организовано болѣе 20%, а въ 15 промыслахъ—болѣе 30% всѣхъ принадлежащихъ къ нимъ лицъ. Сюда относятся типографскіе рабочіе, скульпторы, мѣдники, перчаточники, стекольщики, мостовщики, литографы, портовые рабочіе, обойщики, корабельные плотники и рабочіе на верфяхъ, гон-

чары, коммунальные рабочіе, каменщики, штукатурщики, пивовары, граверы и чеканщики, рабочіе фарфоровыхъ заводовъ, бочары, позолотчики, шляпники, переплетчики, рабочіе по металлу, плотники, маляры, рабочіе по дереву, кровельщики и скорняки. Соотвѣтственно этому увеличенію числа членовъ выросли и финансы рабочихъ союзовъ. Въ 1902 г. доходы ихъ превышали въ круглыхъ цифрахъ на 10 мил. марокъ ихъ доходы за 1891 г., а расходы ихъ поднялись за это же время на $9^1/_2$ милл. марокъ. Въ общей сложности профессіональные рабочіе союзы имѣли въ 1902 г. доходовъ—11.097.744 мар., расходовъ—10.005.528 мар.; кассовая наличность къ началу слѣдующаго года равнялась 10.258.559 мар. Съ 1891 г. въ центральные профессіональные союзы поступило доходовъ 62.287.743 мар., а израсходовано было ими 55.254.131 мар.

Все же въ профессіональныхъ союзахъ организованы пока только 14,42% промышленныхъ рабочихъ, и такимъ образомъ въ этой области остается еще впереди громадная работа. Но дѣло исторически пошло въ ходъ, и экономическая организація германскаго пролетаріата пустила теперь такіе же крѣпкіе корни, какъ его политическая организація. Затѣмъ, позднее развитіе германскихъ профессіональныхъ союзовъ имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ какъ оно заградило ложные пути, на которые сбились англійскіе трэдъ-юніоны. Понятно, что буржуазные друзья рабочихъ постарались тотчасъ же посѣять плевелы среди этой пшеницы,—да и по самому существу вещей возникновеніе нѣкотораго соперничества стало до извѣстной степени неизбѣжнымъ, когда экономическая организація рабочаго класса колоссально расширилась вслѣдствіе благопріятныхъ конъюнктуръ, между тѣмъ какъ его политической организаціи приходилось бродить въ стоячемъ болотѣ зигзагообразнаго правительственнаго курса. Если при этомъ замѣчалась подчасъ нѣкоторая переоцѣнка профессіональнаго движенія, то подобное же явленіе, въ обратномъ лишь направленіи, наблюдалось довольно часто и прежде, когда политическое движеніе шло впередъ быстрѣе профессіональнаго. Условія, при которыхъ приходится бороться современному рабочему классу, создаются не имъ, а историческимъ развитіемъ, и при всей ясности его практическихъ и принципіальныхъ воззрѣній представляется весьма естественнымъ, что рука, которою онъ наиболѣе сильно можетъ двигать при данныхъ условіяхъ, кажется также наиболѣе сильной сама по себѣ.

Кромѣ такихъ мелкихъ, столь же неопасныхъ, сколько неустра-

чимыхъ треній, никакого серьезнаго раскола между профессіональнымъ и политическимъ рабочимъ движеніемъ не было, и судьба достаточно позаботилась о томъ, чтобы его не было и впредь. Подобно первой половинѣ 70-хъ годовъ, вторая половина 90-хъ показала еще разъ, что даже самый блестящій расцвѣтъ капиталистическаго способа производства можетъ дать рабочимъ лишь весьма проблематическое улучшеніе ихъ положенія, тогда какъ капиталъ благодаря ему буквально задыхается въ огромныхъ богатствахъ. За 1895—1900 гг. на германскомъ денежномъ рынкѣ было выпущено новыхъ цѣнностей на $11^1/_2$ милліардовъ марокъ по курсу, чѣмъ далеко еще не исчерпывается весь приростъ капитала въ Германіи за годы промышленнаго подъема, такъ какъ отнюдь не весь накопленный капиталъ проходитъ черезъ биржу. Въ это самое время средній доходъ рабочихъ возросъ только на неполныхъ 15%, даже согласно исчисленіямъ бюро по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, — исчисленіямъ, какъ извѣстно, сравнительно оптимистическимъ; въ 1899 г. упоминаемый доходъ составлялъ ровно 752 мар., т.-е. неполныхъ 15 марокъ въ недѣлю. Но какъ и во время промышленнаго расцвѣта 70-хъ гг., даже это жалкое повышеніе дохода оказалось въ большей или меньшей степени призрачнымъ вслѣдствіе всеобщаго вздорожанія предметовъ необходимости. Въ довершеніе всего оно было достигнуто лишь въ незначительной долѣ благодаря прибавкѣ къ заработной платѣ, главную же часть его дали бóльшая регулярность занятія и сверхурочныя работы; за него пришлось, такимъ образомъ, заплатить еще увеличеніемъ числа несчастныхъ случаевъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и, сверхъ того, абсолютнымъ и относительнымъ ростомъ эксплуатаціи дѣтскаго труда.

Неумолимыя послѣдствія капиталистическаго способа производства не могутъ быть устранены профессіональными организаціями рабочаго класса. Отъ начала 1895 г. до конца 1899 г. германскіе рабочіе союзы израсходовали изъ своихъ кассъ на стачки $5^1/_4$ мил. марокъ, куда прибавились еще, по исчисленіямъ ихъ Генеральной комиссіи, около $2^1/_2$ мил. марокъ добровольныхъ пожертвованій. Если принять недоборъ въ заработной платѣ равнымъ вдвое большей суммѣ, чѣмъ стачечное пособіе,—такая оцѣнка будетъ минимальной,—то стачки за указанный промежутокъ времени обошлись нѣмецкимъ рабочимъ приблизительно въ 25 мил. марокъ. Но изъ всѣхъ стачекъ оборонительными стачками были въ 1895 г. 46%, въ 1896 г.—31,3%, въ 1897 г.—42,9%,

въ 1898 г.—53,3%, въ 1899 г.—44,5%. Такимъ образомъ, отъ одной трети до половины забастовокъ приходилось предпринимать въ періодъ расцвѣта промышленности только для того, чтобы не дать положенію рабочихъ еще ухудшиться. Даже успѣшная оборонительная забастовка не означаетъ еще для рабочихъ улучшенія ихъ положенія, а если такая стачка выиграна только отчасти, то она означаетъ уже извѣстный уронъ. Изъ стачекъ 1899 г. только 45,5% повлекли за собою улучшеніе положенія рабочихъ, а именно 31,4% кончились полной и 14,1%—полу-побѣдой рабочихъ. Свыше половины всѣхъ стачекъ не подняли положенія рабочихъ, а 21% кончились ухудшеніемъ его. Старое наблюденіе, что изъ оборонительныхъ стачекъ рабочими проигрывается гораздо большая часть, чѣмъ изъ стачекъ наступательныхъ, подтвердилось и во второй половинѣ 90-хъ гг.: процентъ потерь при оборонительныхъ стачкахъ превышалъ болѣе чѣмъ вдвое соотвѣтственный процентъ при наступательныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что профессіональные союзы могутъ успѣшно провести стачку только при особенно благопріятномъ положеніи дѣлъ вообще и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, слѣдовательно—они очень далеки отъ возможности собственными силами произвести переворотъ въ капиталистическомъ способѣ производства.

Ихъ неизмѣримая цѣнность заключается въ томъ, что они укрѣпляютъ силу рабочаго класса, который благодаря имъ не выданъ головой возрастающему могуществу сконцентрированнаго капитала. Когда одинъ изъ вождей профессіональнаго движенія заявилъ на кельнскомъ партейтагѣ, что воспитательное дѣйствіе политической классовой борьбы равно нулю въ сравненіи съ однороднымъ дѣйствіемъ экономической классовой борьбы, то его утвержденіе было, конечно, несправедливо, но совершенно вѣрно, что профессіональное движеніе пробуждаетъ въ современномъ рабочемъ классѣ рядъ способностей и силъ, которыя не могутъ быть въ одинаковой мѣрѣ пробуждены его политическимъ движеніемъ, но которыя должны быть пробуждены, чтобы обезпечить побѣду пролетаріата. Такимъ образомъ обоимъ движеніямъ приходится восполнять другъ друга, и въ Германіи меньше, чѣмъ во всякой другой странѣ съ крупной промышленностью, есть основаніе опасаться, что профессіональные союзы могутъ когда-либо поддаться обманчивымъ соблазнамъ такъ наз. друзей рабочаго класса изъ буржуазныхъ круговъ.

Имперіалистская политика не перестаетъ заботиться о томъ,

чтобы профессіональное движеніе видѣло, кто его единственный настоящій другъ въ нѣмецкой землѣ. Урокъ „каторжнаго закона“ былъ и останется незабвеннымъ; этотъ ударъ былъ въ такой же степени направленъ противъ расцвѣтающаго профессіональнаго движенія, какъ въ свое время ударъ закона о соціалистахъ направлялся противъ расцвѣтающаго соціалъ - демократическаго движенія. Въ моментъ величайшаго экономическаго подъема, когда промышленность, банковые круги, домовладѣльцы и землевладѣльцы накопляли богатства за богатствами, царство прославленной соціальной реформы позволило капиталу натравить себя на профессіональные союзы и взвило надъ рабочими плеть, чтобы помѣшать имъ добиться хотя бы самой скромной, истинно нищенской доли въ общемъ избыткѣ. И не будь соціалъ-демократіи, каторжный законопроектъ сталъ бы закономъ; по неоднократнымъ прежнимъ примѣрамъ профессіональное движеніе было бы раздавлено и на этотъ разъ, если бы у него не оказалось могучаго оплота въ лицѣ политическаго рабочаго движенія. Такой опытъ не легко забывается, особенно въ наши дни хлѣбнаго ростовщичества, которое спаяло бы вмѣстѣ обѣ великія вѣтви германскаго рабочаго движенія, даже если бы онѣ склонны были разойтись въ разныя стороны, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ пользы профессіональнымъ союзамъ отъ того, что они съ величайшими усиліями и цѣною самыхъ тяжкихъ лишеній добиваются прибавокъ къ заработной платѣ, если съ трудомъ завоеванный успѣхъ узурпируется однимъ ударомъ въ пользу самаго отсталаго изъ имущихъ классовъ путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ на пищевыя средства?

Профессіональные союзы — не политическія организаціи: они открыты для всякаго рабочаго безъ различія партійнаго направленія, они не справляются во время стачекъ о profession de foi стачечниковъ. Но кто хочетъ увѣрить ихъ, что имъ нѣтъ дѣла до политическаго рабочаго движенія, тотъ хочетъ обмануть ихъ насчетъ ихъ важнѣйшихъ жизненныхъ интересовъ, и онъ вдвойнѣ опасенъ, если для того, чтобы имѣть возможность обмануть ихъ, онъ научился раньше обманывать себя самъ.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой опасности, что желѣзная связь между экономической и политической организаціей германскаго пролетаріата можетъ когда-либо быть разорванной. Ибо всѣ блестящіе мыльные пузыри буржуазнаго краснорѣчія лопаются о дѣла имперіалистской политики.

---

3. Ревизіонизмъ.

Бо́льшія надежды на расколъ въ с.-д. партіи связывались у ея противниковъ со споромъ о такъ наз. ревизіонистскомъ движеніи, сосредоточившимъ на себѣ вниманіе ряда партейтаговъ и вызвавшимъ довольно обширную литературу. Правда, до сихъ поръ онъ ни на одну минуту не съумѣлъ еще повліять на практическую политику партіи, и пока онъ не представитъ этого доказательства духа и силы, до тѣхъ поръ онъ лишенъ всякаго историческаго значенія.

Подобно былымъ боевымъ кличкамъ „старыхъ" и „молодыхъ", нынѣшнія боевыя клички „марксистовъ" и „ревизіонистовъ"— только пустые лозунги. Марксистовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ Марксъ не признавалъ себя марксистомъ, среди партіи нѣтъ и не можетъ быть; клятва словами учителя есть лишь печальный удѣлъ всякой школы, претендующей на знаніе конечной истины. Какой-либо истины этого рода марксизмъ не знаетъ. Онъ не представляетъ собою непогрѣшимой догмы, а лишь научный методъ. Марксизмъ не есть теорія какого-нибудь индивидуума, которой другой индивидуумъ могъ бы противопоставить другую, высшую теорію; напротивъ, это—классовая борьба пролетаріата, выраженная въ идеяхъ. Марксизмъ выросъ изъ самихъ вещей, изъ историческаго развитія, и подвергается превращеніямъ вмѣстѣ съ ними; поэтому его столь же мало можно назвать пустымъ миражемъ, какъ и вѣчной истиной. Въ полномъ соотвѣтствіи со сказаннымъ находится фактъ, что именно „правовѣрные" марксисты съумѣли пересмотрѣть научные результаты, добытые нѣкогда Марксомъ и Энгельсомъ, согласно научному методу этихъ послѣднихъ.

Покуда освободительная борьба пролетаріата имѣетъ доминирующее значеніе въ жизни современнаго буржуазнаго общества, а съ году на годъ это значеніе возрастаетъ, до тѣхъ поръ марксизмъ есть послѣднее слово всякой общественной науки, разумѣется—настоящей общественной науки, которая стремится къ познанію, какъ таковому, а не преслѣдуетъ цѣлей прикрашиванія дѣйствительности. Кто хочетъ пойти дальше марксизма, какъ научнаго метода, и въ то же время не желаетъ вернуться назадъ къ буржуазному обществу, тотъ впадаетъ либо въ эклектизмъ, либо въ скептицизмъ: въ эклектизмъ, если онъ изъ собраннаго отовсюду матеріала строитъ новую теорію, соперничающую по прочности съ любымъ карточнымъ домикомъ; въ скептицизмъ,

если онъ за каждымъ предложеніемъ Маркса рисуетъ вопросительный знакъ или же, слѣдуя пріему, охарактеризованному уже Лессингомъ, противопоставляетъ тому или иному положенію что-нибудь правдоподобное для такъ наз. здраваго смысла, а все остальное обходитъ съ торжествующимъ презрѣніемъ. Между Сциллой упомянутаго эклектизма и Харибдой этого скептицизма несется безъ руля ревизіонизмъ.

Его истинное существо, это — отсутствіе всякаго существа. Именно потому, что онъ самъ себя неправильно понимаетъ, онъ не безъ основанія чувствуетъ себя непонятымъ всѣми окружающими; такъ какъ онъ представляетъ собою одинъ лишь туманъ, то съ нѣкоторымъ правомъ утверждаетъ, что онъ не матеріалистиченъ. Онъ пересматриваетъ соціалистическую теорію, не оставаясь на почвѣ соціалистической теоріи, а исходя изъ буржуазныхъ представленій, предъ которыми отступаетъ затѣмъ самъ въ страхѣ, заявляя, что онъ ничего не говорилъ. То, что для марксизма есть средство къ цѣли,—неустанная критика, съ которой онъ изслѣдуетъ дѣйствительность даннаго момента, стало для ревизіонизма самодовлѣющей цѣлью: онъ пересматриваетъ, чтобы пересматривать, и изъ одного страха предъ абсолютной догмой онъ презрительно отвергаетъ всякую относительную истину. Онъ не додумываетъ ни одной мысли до конца и жалуется на недостатокъ „хорошаго тона", когда логика вещей врѣзывается въ его мягкое мясо.

Такимъ образомъ, онъ отъ ничего приходитъ черезъ ничто къ ничему. Никогда не было болѣе плохого пророка, чѣмъ ревизіонизмъ. Въ то время какъ промышленный подъемъ 2-й половины 90-хъ гг. побудилъ „правовѣрныхъ" марксистовъ подробно и тщательно изслѣдовать, въ какой мѣрѣ этимъ фактомъ вносится поправка въ марксовскую теорію кризисовъ, ревизіонизмъ смѣло объявилъ всеобщіе экономическіе кризисы по образцу прежнихъ вообще невѣроятными въ теченіе долгаго времени,—на чтó не преминулъ дать отвѣтъ послѣдовавшій тотчасъ же крахъ. Въ то время, какъ марксисты радостно привѣтствовали все большее развитіе профессіональныхъ союзовъ, но изъ-за этого не упускали изъ виду еще несравненно болѣе энергичнаго накопленія капитала, ревизіонизмъ обѣщалъ отъ успѣховъ профессіональныхъ союзовъ постепенную экспропріацію класса капиталистовъ. Въ то время какъ марксисты изучали новую форму имперіалистской политики и предсказывали, что она совершенно размягчитъ поли-

тическую силу буржуазіи, но зато создастъ тѣмъ большій просторъ для революціонной силы пролетаріата,—въ это время ревизіонисты мечтали о соціалистическо-демократической рабочей партіи, которая должна искать своего спасенія въ присоединеніи къ довольно здоровому еще бюргерству,—на чтó опять не преминули дать отвѣтъ выборы въ рейхстагъ и въ ландтаги 1903 г.

При такихъ обстоятельствахъ ревизіонизмъ не представляетъ никакого историческаго интереса, если не считать вопроса, какимъ образомъ онъ могъ возникнуть среди германской соціалъ-демократіи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ заваленность партіи практической работой, отнимавшей бóльшую часть ея силъ; ея быстрый ростъ, вслѣдствіе котораго къ ней притекали самые разношерстные элементы изъ самыхъ различныхъ слоевъ населенія; обращеніе въ соціализмъ буржуазной интеллигенціи, которой всегда приходится долго бороться, прежде чѣмъ соціалистическій способъ мышленія перейдетъ во всѣ ея мозговыя волокна,—коротко сказать, рядъ обстоятельствъ, затемнившихъ временно большой теоретическій смыслъ, который Марксъ восхвалялъ нѣкогда въ нѣмецкихъ рабочихъ.

Но если этотъ смыслъ и затемненъ подъ вліяніемъ процесса, который самъ по себѣ благодѣтеленъ и необходимъ, то отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что онъ совсѣмъ погасъ. Онъ продолжаетъ попрежнему жить въ рабочихъ массахъ, разительнымъ доказательствомъ чего служитъ то, что ревизіонизмъ никогда не могъ пустить прочныхъ корней въ этихъ массахъ, что онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на ихъ практическое движеніе. Классовая борьба пролетаріата обладаетъ слишкомъ крѣпкимъ здоровьемъ, чтобы возиться съ одними настроеніями. А больше, чѣмъ настроеніемъ, ревизіонизмъ никогда не былъ въ Германіи.

Настроенія этого рода не возникаютъ въ одинъ мигъ, и точно также они въ одинъ мигъ не исчезаютъ. Въ этой мѣрѣ ревизіонизмъ можетъ, пожалуй, хвалиться, что онъ продолжаетъ жить и послѣ дрезденскаго партійнаго съѣзда. Но это не жизнь, а одно лишь жалкое угасаніе: поставленный предъ вопросомъ „быть или не быть", ревизіонизмъ опять стушевался, причемъ многіе представители его доказали свою заботу о „хорошемъ тонѣ" нѣкоторыми шумными сценами, долженствовавшими прикрыть его отступленіе, подобно тому, какъ однородныя сцены прикрыли нѣкогда отступленіе „молодыхъ". Престижъ соціалъ-демократіи въ глазахъ

народныхъ массъ не былъ убитъ на дрезденскомъ партiйномъ съѣздѣ, какъ мечтаютъ ея буржуазные противники въ своемъ безнадежномъ незнанiи пролетарскихъ массовыхъ движенiй; напротивъ, старая революцiонная идея, воодушевляющая германское рабочее движенiе, разсѣяла въ дрезденскiе дни легкiя и рѣдкiя облака, которыя въ зенитѣ его неудержимыхъ успѣховъ нѣсколько затуманили далекiй видъ, подобно тому какъ яркое солнце своими отвѣсными лучами закутываетъ горизонтъ предъ странствующимъ въ горахъ путешественникомъ.

Глава XII.

Итоги и перспективы.

Революціонное рабочее движеніе 19-го вѣка считаетъ за собою лишь сравнительно короткій промежутокъ времени: что̀ значатъ въ жизни народовъ одно, два поколѣнія! Тѣмъ не менѣе этого короткаго срока было для него достаточно, чтобы развиться въ могущественную силу, которая уже не можетъ быть подавлена. Было бы преувеличеніемъ сказать, что ему нужно считаться только съ побѣдами; нѣтъ, ему предстоитъ еще не разъ вести самую тяжелую борьбу. Оно можетъ терпѣть въ нихъ пораженія, какія не разъ терпѣло въ прошломъ; мало того, если ему суждено испытать пораженія въ будущемъ, то они будутъ болѣзненнѣе, чѣмъ въ прошломъ. Но что не можетъ быть сломлено больше никакимъ пораженіемъ, даже самымъ тяжкимъ, это—само революціонное рабочее движеніе. Оно стало краеугольнымъ камнемъ развитія человѣческой культуры, и Рудольфъ Мейеръ справедливо говоритъ о германской соціалъ-демократіи, что безъ ея процвѣтанія немыслимо процвѣтаніе германской промышленности; это значитъ, другими словами, что Германія исчезла бы изъ круга великихъ культурныхъ народовъ, если бы удался разгромъ ея сознательнаго пролетаріата,—каковой, впрочемъ, никогда не можетъ удаться.

Каждое всемірно-историческое массовое движеніе похоже на большую фреску, которую надо смотрѣть на извѣстномъ разстояні кто изслѣдуетъ ее лупой, тотъ можетъ вообразить себѣ, что онъ не видитъ ничего, кромѣ безпорядочной кучи грубыхъ кляксъ и штриховъ. Близорукій глазъ легко даетъ себя сбить этимъ съ толку; какъ чудно́ звучатъ теперь слова, написанныя едва 30 лѣтъ тому назадъ однимъ виднымъ буржуазнымъ писателемъ: къ странствующему нѣмецко-католическому проповѣднику

нельзя, молъ, относиться съ той презрительной насмѣшкой, которая допустима по отношенію къ какому-нибудь странствующему лассальянцу, поучающему въ трактирахъ! Кто въ состояніи исторически мыслить и судить, тотъ всегда будетъ разсматривать революціонное рабочее движеніе только въ его общей исторической связи. Но и ему, конечно, придется почувствовать въ другой формѣ, насколько малы силы отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ этимъ огромнымъ міровымъ поворотомъ. Онъ съумѣетъ прослѣдить побѣдоносное движеніе потока, но о томъ, чтó живетъ въ его пурпурной глубинѣ, объ умственной и нравственной энергіи, о человѣческомъ благородствѣ, о стремленіи къ подвигамъ и жаждѣ знанія, которыя въ тысячахъ индивидуальныхъ судебъ гонятъ впередъ воду,—обо всемъ этомъ онъ съумѣетъ дать лишь слабое представленіе. Здѣсь открывается неизсякаемая сокровищница великолѣпнѣйшаго матеріала для современныхъ художниковъ слова, которые хотятъ быть достойными это имени.

Не то, чтобы пролетарій, въ которомъ пробуждено классовое сознаніе, сталъ вслѣдствіе этого совершеннымъ человѣкомъ. Пусть тонущая буржуазія утѣшается по поводу своего моральнаго и политическаго упадка гримасою „сверхчеловѣчества“: рабочее движеніе есть движеніе истинно человѣческое и чисто человѣческое. Да и какъ могутъ возникнуть идеальные люди при безчеловѣчныхъ условіяхъ, въ которыя капитализмъ ставитъ всю массу людей! Именно изъ глубинъ человѣческаго униженія рабочій классъ пробивается вверхъ къ достойному человѣка существованію, но въ этой борьбѣ развертываются всѣ тѣ черты истинной человѣчности, для которыхъ у моднаго философа буржуазіи Ницше нѣтъ достаточно презрительныхъ словъ: мы разумѣемъ—духъ общественности, благожелательность, снисходительность, трудолюбіе, умѣренность, скромность. Все это совершается не въ одинъ день, не вездѣ равномѣрно, не безъ помѣхъ также и отступленій, но кто знаетъ современный рабочій классъ, тотъ признаетъ наличность громаднаго прогресса, имѣющаго для культуры человѣчества неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ когда-либо имѣли для нея догматы всѣхъ религій и ученія всѣхъ философовъ.

Поэтому нѣтъ политики гнуснѣе и безсмысленнѣе той, которую преслѣдуютъ буржуазные проповѣдники суровыхъ репрессій противъ с.-демократіи. Но и благомыслящіе идеологи, желающіе взять за шиворотъ классовую борьбу пролетаріата якобы по этическимъ побужденіямъ и при помощи этическихъ средствъ,—даже

они, въ лучшемъ случаѣ, не вѣдаютъ, что̀ творятъ. Какъ будто стойкость и упорство этой борьбы, сколько бы вызывающаго и неудобнаго въ ней ни было, не есть все-таки суровая и мужественная добродѣтель, а добровольное подчиненіе недостойному ярму не есть трусливый и бабій порокъ!

Для современнаго пролетаріата вопросъ идетъ больше не о томъ, слѣдуетъ ли ему вести классовую борьбу, чтобы освободить себя отъ оковъ наемнаго рабства, а о томъ лишь, какимъ путемъ онъ быстрѣе всего можетъ довести эту борьбу до вѣрной побѣды. Съ тѣхъ поръ какъ угасъ утопизмъ, всѣ важнѣйшія сомнѣнія на этотъ счетъ разсѣялись: нынѣшняя тактика германской соціалъ-демократіи есть та же тактика, которую нѣкогда рекомендовали Коммунистическій Манифестъ, а затѣмъ—въ спеціальномъ примѣненіи къ нѣмецкимъ условіямъ — „*Открытое письмо*" Лассаля. Въ безостановочномъ процессѣ преобразованія капиталистическаго общества каждый новый годъ ставитъ новыя задачи, относительно разрѣшенія которыхъ мнѣнія въ партіи будутъ часто расходиться. Всегда будетъ существовать одно направленіе, которое устремляетъ свое вниманіе больше на конечную цѣль, и другое, устремляющее свое вниманіе больше на практическіе пути къ этой цѣли: это лежитъ въ природѣ вещей, какъ и въ природѣ людей. Но такъ какъ путь и цѣль неразрывно связаны между собою, то изъ этого столкновенія получается лишь діагональ силъ, производящая быстрое поступательное движеніе партіи. Партія ошибалась и можетъ опять сдѣлать ошибки, но никакой власти въ мірѣ не дано больше отвлечь ее надолго отъ ея цѣли или надолго обмануть ее относительно правильныхъ путей къ ея цѣли.

Стоитъ ли еще тратить слова по поводу глупцовъ, которые говорятъ объ „утопіяхъ" соціалъ-демократіи именно потому, что современная соціалъ-демократія покончила со всякимъ утопизмомъ? Она довольствуется тѣмъ, что каждый шагъ, который она дѣлаетъ впередъ къ разрушенію системы наемнаго рабства, есть также шагъ впередъ къ созданію коммунистическаго общества. Такъ совершается всякая всемірно-историческая освободительная борьба, и иначе она даже не можетъ совершаться. Осыпать соціалъ-демократію насмѣшками изъ-за того, что она не имѣетъ въ карманѣ готовой картины коммунистическаго общества, это все равно, что насмѣхаться надъ великими передовыми борцами буржуазнаго класса на томъ основаніи, что они разбили феодальное ярмо, не имѣя предчувствія о современномъ буржуазномъ обществѣ съ его

пароходами, желѣзными дорогами и тысячей техническихъ чудесъ. Ровно сто лѣтъ тому назадъ Фихте — въ то время несомнѣнно самая свободная голова въ Германіи и, къ слову сказать, одинъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ—набросалъ картину буржуазнаго „государства будущаго", которую нынѣ отвергали бы, какъ реакціонную утопію, даже юнкеры и попы. Но сверженіе феодальнаго ярма не представляло еще оттого буржуазной утопіи, какъ нынѣ сверженіе капиталистическаго ярма не есть еще пролетарская утопія оттого, что пролетаріатъ разъ навсегда отказывается рисовать картины будущаго, котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ предвидѣть.

Въ обоихъ случаяхъ съ неумолимой силою осуществлялась и осуществляется историческая необходимость. Дѣйствительныя различія состоятъ лишь въ томъ, что быстрота, съ которою капиталистическое общество превращается въ соціалистическое, относится къ быстротѣ, съ которою феодальное общество превратилось въ капиталистическое, приблизительно такъ, какъ скорость локомотива—къ скорости почтовой кареты; что вмѣстѣ съ капиталистическимъ ярмомъ будетъ разбито послѣднее ярмо, которое держитъ въ неволѣ человѣчество.

Освободительная борьба современнаго рабочаго класса есть самая славная и великая освободительная борьба, какую только знаетъ всемірная исторія, и столѣтія нѣмецкаго позора смываются тѣмъ фактомъ, что нѣмецкая соціалъ-демократія идетъ въ авангардѣ этой борьбы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ пятой книгѣ не произведены никакія существенныя измѣненія сравнительно съ первымъ изданіемъ, а шестая не подверглась такой коренной, по крайней мѣрѣ, переработкѣ, какую я первоначально имѣлъ въ виду для второго изданія.

Въ первомъ изданіи я писалъ по этому поводу: „Моей цѣлью было прежде всего изобразить эпоху закона о соціалистахъ во всемъ ея историческомъ расчлененіи. Какъ ни богаты человѣческимъ геройствомъ чартизмъ и трэдъ-юніонизмъ, борьба іюньскихъ дней и парижской Коммуны, однако германская соціалъ-демократія впервые побѣдила современное государство съ его огромными средствами власти послѣ 12-лѣтней, умно, послѣдовательно и смѣло веденной борьбы. Такъ какъ я старался возможно яснѣе освѣтить этотъ всемірно-историческій фактъ, то детали должны были, конечно, пострадать... Если бы мнѣ суждено было еще разъ обработать когда-нибудь эту тему, то я дополнилъ бы свое изложеніе подробностями, которыя служатъ въ своемъ родѣ къ славѣ нѣмецкаго рабочаго класса не меньше, чѣмъ общій ходъ этой 12-лѣтней геройской борьбы". Тѣмъ не менѣе я отказался отъ осуществленія своего намѣренія,—отказался потому, что мнѣ не удалось добыть такой исчерпывающій матеріалъ, какой былъ бы необходимъ для всесторонняго освѣщенія предмета. Правда, въ послѣднія 5 лѣтъ появилось немало цѣнныхъ и детальныхъ очерковъ, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей или отдѣльныхъ періодовъ, но все это пока лишь отрывки, и потому я счелъ болѣе цѣлесообразнымъ удовольствоваться до поры до времени общей, но законченной въ себѣ картиной, чѣмъ искажать историческую перспективу всей эпохи неравномѣрнымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣней.

Зато я въ концѣ сочиненія далъ обзоръ историческаго развитія отъ эрфуртскаго до дрезденскаго партійнаго съѣзда. Конечно, онъ могъ быть набросанъ только весьма бѣглыми штрихами, но я надѣюсь, что эти, не скажу подробныя разъясненія, а только общія указанія будутъ желательными для многихъ читателей. Было бы почти дерзостью съ моей стороны оговаривать прямо, что они не претендуютъ на значеніе окончательной работы; достаточно, если они содержатъ нѣкоторыя оріентирующія указанія относительно связи настоящаго съ прошлымъ.

Книга пятая.

Основаніе имперіи и соціалъ-демократія. Кромѣ партійныхъ газетъ, Engels, Gewalt u. Öekonomie bei d. Herstellung des Deutschen Reichs NZ 14[1], 676. Воспоминаніями короля Карла румынскаго („Denkwürdigkeiten des Königs Karl von Rumänien, Berl. 94) теперь доказано, что Бисмаркъ выставилъ кандидатуру Гогенцоллерна на испанскій престолъ только какъ ловушку для Бонапарта. Меньшее значеніе имѣетъ поддѣлка эмской депеши: хотя фактъ подлога не можетъ быть устраненъ никакими интерпретаторскими фокусами, тѣмъ не менѣе причиною войны онъ не былъ. О происходившемъ въ Версали см. Busch, Bismarck u. seine Leute, Leipz. 78; Дневникъ кронпринца въ „*Deutsche Rundschau*“ за окт. 1888 г.; Письма короля Вильгельма, опубликованныя В. Онкеномъ въ одномъ юбилейномъ изданіи; Lorenz, Kaiser Wilhelm u. d. Begründ. d. Reichs, Jena 02; „Denkwürdigkeiten“ Штибера; Отчеты о преніяхъ въ рейхстагѣ по поводу версальскихъ договоровъ. Адресы Интернаціонала по поводу войны у Маркса, Bürgerkrieg in Frankreich. Bracke, Braunschweiger Ausschuss, Braunschw. 72. Leipziger Hochverratsprozess, Berl. 94.

Дождь милліардовъ. О грюндерскихъ аферахъ: R. Meyer, Pol. Gründer u. d. Korruption in Deutschland, Leipz. 77, самое остроумное и основательное изображеніе періода милліардовъ. Glagau, D. Börsen- u. Gründungsschwindel, Leipz. 70; въ своихъ фактическихъ показаніяхъ Глагау надеженъ, но его оцѣнка ограниченно-мѣщанская и филистерская. Bericht über die Eisenbahngründungen въ „Печатныхъ матеріалахъ“ прусскаго ландтага. Mehring, статьи: Der gerettete Miquel. NZ 12[1], 801, и Bleichrö-

ders Kommis (Кардорфъ), NZ 16[1], 705, затѣмъ о разныхъ видахъ участія прессы — его же, Kapital und Presse. О культуркампфѣ: Engels, Gewalt и т. д. Объ аграрномъ соціализмѣ: Berliner Revue; Rodbertus, Kreditnoth и Письма; R. Meyer, Emanzipationskampf. О катедеръ-соціализмѣ: Verhandlungen эйзенахскаго собранія 6 и 7 октября 1872 г., Leipz. 73. Oppenheim, D. Kathedersozialismus, Berl. 72. A. Wagner, Off. Brief an Oppenheim, Berl. 72, неудачное подражаніе ударамъ богатырской палицы Лассаля. И исторически, и полемически идеи катедеръ-соціализма лучше всего отстаивали Шмоллеръ и Брентано: Brentano, D. wissenschaftliche Leistung des Herrn Bamberger, направл. противъ Bamberger, Arbeiterfrage, Stuttg. 73, и Schmoller, Über einige Grundfragen d. Rechts und d. Volkswirtschaft, Jena 75, направл. противъ Treitschke, D. Sozialismus u. seine Gönner, Berl. 75. Для недостаточности катедеръ-соціализма, когда дѣло идетъ о соціалъ-демократіи, типиченъ Held, D. deutsche Arbeiterpresse, Leipz. 73 и Held, Sozialismus, Sozialdemokratie u. Sozialpolitik, Leipz. 78.

Лассальянцы и эйзенахцы. Neuer Sozialdemokrat и Volksstaat. Engels, Zur Wohnungsfrage, Leipz. 72. Offizieller Bericht des Lond. Generalrats a. d. Haager Kongress, Braunschw. 72. Les prétendues scissions dans l'Internationale, Genève 72. Ein Komplott gegen die Internat. Arbeiterassoz., Braunschw. 74. K. Hirsch, Die angebl. sozial. Theor. u. die wirkl. polit. Bestrebungen d. Herrn Bakunin, Leipz. 72. Rüegg, Aus Briefen an J. Ph. Becker, NZ 6, 449. Engels, біографія Маркса въ Brackes Volkskalender 1878. Очень хорошіе отчеты о засѣданіяхъ гаагскаго конгресса имѣются въ Volksstaat'ѣ. Dietzgen, Die Religion d. Sozialdemokratie и другія статьи въ Volksstaat'ѣ. C. A. Schramm, Grundzüge d. Nationalökonomie, Leipz. 76. Liebknecht, торжественныя рѣчи: Wissen ist Macht, Macht ist Wissen, Zu Schutz u. Trutz, Leipz. 72. Bracke, Der Lassalesche Vorschlag, Braunschw. 73. Karl Hillman, Praktische Emanzipationswinke, Leipz. 73. A. Bringmann, Geschichte d. deutschen Zimmererbewegung, Stuttg. 03. Брингманъ раздѣляетъ мой взглядъ на характеръ и дѣятельность Швейцера, но полемизируетъ со мною постольку, поскольку онъ полагаетъ, что и профессіональное движеніе находило у лассальянцевъ болѣе дѣятельную поддержку, чѣмъ у эйзенахцевъ. Къ такому убѣжденію я все-таки не могъ придти и думаю, напротивъ, что Брингманъ судитъ здѣсь слишкомъ односторонне

съ точки зрѣнія профессіональнаго движенія плотниковъ, которое безспорно было, какъ и однородное движеніе каменщиковъ, особенно сильно развито у лассальянцевъ. Franz, Herr Böhmert u. seine Fälschungen d. Wissenschaft, Zür. 73, противъ Böhmert, Sozialismus u. Arbeiterfrage, Zür. 72. Schweitzer, An d. Arbeiter Deutschlands, Hamb. 72. Lange, Arbeiterfrage, 3-е изданіе. Schäffle, Quintessenz des Sozialismus, Gotha 74. Treitschke, Der Sozial. u. seine Gönner.

Готскій объединительный конгрессъ. Protokoll d. Einigungkongr., Leipz. 75. Marx, Programmbrief. Bernstein, Zur Vorgeschichte d. Gothaer Programms, NZ 15[1], 466. K. Hirsch, Die Parteipresse, Leipz. 76.

Соціалистическая Рабочая Партія Германіи. Engels, Schutzzoll u. Freihandel. Kautsky, Deutsche u. amerikanische Zollpolitik, NZ 9[1], 161. Огромную литературу антисемитской и протекціонистской реакціи я считаю излишнимъ приводить подробно. Poschinger, Bismarck als Volkswirt, Berl. 89—91. Quark, Zur äusser. Geschichte d. Fabrikinspekt. in Deutschland, Frankf. 89. Protokolle der Gothaer Kongresse 76 и 77 гг. Bracke, Nieder mit den Sozialdemokraten! Braunschw. 76. (Unruh), Die Sozialdemokraten, was sie den Wählern versprechen u. was sie wollen, Berl. 76. W(ilhelm) S(plittgerber), Ins Schlaraffenland mit d. Sozialdemokr., Magdeb. 76. Bracke, Die Verzweifl. im liberal. Lager, Braunschw. 76. Liebknecht, Soll Europa kosakisch werden? Leipz. 78. H. L(evy), Soll die Sozialistische Arbeiterpartei türkisch werden? Zür. 78. Most, Kapital u. Arbeit, Chemn. Most, Die Soziale Bewegung im alten Rom u. der Cäsarismus, Berl. 78. Most, Die Lösung d. Sozialen Frage, Berl. 76. Die Zukunft, Sozialist. Revue, Berl. 77/78; за 78/79 г. вышли еще три выпуска. Die Neue Gesellschaft, Monatsschr. f. Sozialwissensch., Zür. 77—80, всего 30 выпусковъ. Dühring, Krit. Gesch. der Philosophie, Krit. Gesch. der Nationalökon. u. d. Sozialismus, Kursus d. National.-u. Sozialökon., всѣ изд. въ Берл. въ 70-хъ гг. Engels, Anti-Dühring. Bernstein, Zur dritten Auflage d. Anti-Dühring, NZ 13[1], 101.

Законъ о соціалистахъ. Eug. Richter, Fortschrittsp. u. Sozialdemokr., Berl. 78. Eug. Richter, Die Sozialdemokraten, was sie wollen u. wie sie wirken, Berl. 78. Thun, Industrie a. Niederrhein. Todt, Der radikale deutsche Sozialismus u. d. christliche Gesellschaft. Wittenb. 78. Stöcker, 13 Jahre Hofprediger u. Politiker, Berl. 95. Göhre, Die evangelisch-soziale Bewegung, Leipz., 96.

О покушеніяхъ и бѣломъ террорѣ можно найти богатый матеріалъ въ Vorwärts; здѣсь полемика между Марксомъ и Бухеромъ, перепечатанная недавно у Пошингера. Treitschke, Der Sozialismus u. d. Meuchelmord, Berl. 78. Отчеты о засѣданіяхъ рейхстага по поводу обоихъ проектовъ закона о соціалистахъ.

Книга шестая.

Для первыхъ 10 лѣтъ закона о соціалистахъ даетъ богатый матеріалъ составленная свѣдущей рукой записка: Nach zehn Jahren, матеріалы и комментаріи къ закону о соціалистахъ, Lond. 89 и 90. Профессіональное движеніе этого времени нашло трудолюбиваго и свѣдущаго изслѣдователя въ лицѣ Schmöle, Die Sozialdemokr. Gewerkschaften in Deutschland seit d. Erlasse des Sozialistengesetzes, Jena 96. Zwölf Jahre Sozialistengesetz, Berl. 90, ультрамонтанская легковѣсная журнальная работа. Полицейскіе списки запрещеній, изданныхъ на основаніи закона о соціалистахъ, состав. Brandt, Berl. 82, и Atzrott, Berl. 86. Ничего не стоющія полицейскія работы представляютъ собою Zacher, D. rote Internat., Berl. 84; Sozialism. und Anarchismus v. 83 bis 86, Berl. 87; Der Anarchismus u. seine Träger, Berl. 87; Krieter, Die geheime Organis. d. sozialdemokr. Partei, Magdeb. 87, и нѣсколько другихъ книжекъ подобнаго же сорта. Главными источниками продолжаютъ оставаться цюрихско-лондонскій Sozialdemokrat за 11 лѣтъ и Stenographische Reichstagberichte. Изъ очерковъ по внутренней исторіи партіи за это время можно упомянуть: Auer, Von Gotha bis Wyden, Berl. 01; Schlüter, въ нѣсколькихъ статьяхъ календаря-приложенія къ „*Newyorker Volkszeitung*“ и памятную записку къ 21 окт. 1903 г., со статьями Ауэра, Бебеля, Бернштейна, Моттелера и Зингера.

Годъ смуты. K. Hirsch, Die Laterne, Brüssel, 29 номеровъ съ 15 дек. 78 г. до 29 іюня 79 г. Most, Taktik contra Freiheit, Lond. 80, содержитъ важнѣйшія статьи начальнаго періода „*Freiheit*“. Jahrbuch für Sozialwissenschaft, Zür. 79—81, 2 года въ 3 томахъ. Staatswirtsch. Abhandlungen, Leipz. 79—81, около 20 выпусковъ. Въ первомъ изданіи я писалъ по поводу дебатовъ на виденскомъ конгрессѣ: „Несомнѣнно, положеніе было спасено не вождями, а массами“. Я вычеркнулъ это предложеніе, такъ какъ

оно вызвало—между прочимъ, у Ауэра и Бебеля—неправильное представленіе, будто вожди не исполнили тогда своего долга. Быть можетъ, текстъ его и способенъ возбудить такое представленіе, но въ дѣйствительности я былъ очень далекъ отъ подобнаго, крайне несправедливаго утвержденія. Я хотѣлъ лишь сказать, что инстинктъ массъ нашелъ правильную дорогу среди противоположныхъ взглядовъ вождей. Существованіе такого разногласія стоитъ, мнѣ кажется, внѣ сомнѣній, но этимъ я не думаю оспаривать ни того, что всѣ вожди исполнили свой долгъ въ мѣру своихъ силъ и разумѣнія, ни того, что часть ихъ съ самаго начала видѣла правильный путь. Затѣмъ, такъ какъ я постарался охарактеризовать первый годъ закона о соціалистахъ въ различныхъ его теченіяхъ, то я могъ вычеркнуть резюмирующее предложеніе, категорическая форма котораго могла быть и дѣйствительно была неправильно понята.

Новое наступленіе. (Karl Schneidt), Die Hintermänner der Sozialdemokratie, Berl. 90, содержитъ нѣкоторыя интересныя данныя объ отложеніи Гассельмана-Моста. Protokoll d. Wydener Kongresses, Zür. 80. Künzel, Der erste Hochverratsprozess vor dem deutschen Reichsgericht, Leipz. 81, по стенограф. записи.

Вопросъ и отвѣтъ. Die deutsche Geheimpolizei im Kampfe mit der Sozialdemokratie, Aktenstücke u. Enthüllungen, Zür. 82. Der Monsterprozess gegen die Vorstände d. Berliner Gewerkschaften, Münch. 83. Schmöle, цит. соч. Protokoll d. Kopenhagener Kongresses, Zür. 83.

Научное собираніе. Engels, Ursprung d. Familie d. Privateigentums u. d. Staates, Zür. 84, 3. Aufl. Stuttg. 92. Schippel, D. moderne Elend u. d. moderne Übervölkerung, Leipz. 83, нов. изд. Stuttg. 88. K. Schmidt, Die Durchschnittprofitrate a. Grund d. Marxschen Wertgesetzes, Sruttg. 89. Bernstein, Kautsky, Schoenlank, многочисл. статьи въ NZ и ZSD.

Плетка и пряникъ. Kautsky, Die Arbeiterbewegung in Oesterreich, NZ 8, 49. Prozess Stellmacher, Wien 84. Bebel, Die Frau u. d. Sozialismus, 25-ое изд., Stuttg. 95. Vollmar, Der isolierte sozialist. Staat. Zür. 78.

Начало конца. Anarchistische Umtriebe in der Schweiz, докладъ федеральнаго генералъ-прокурора, Bern 85. K. Braun, Berichte u. Betrachtungen über die beiden grossen Hochverratsprozesse v. d. Reichsgericht, въ Pandämonium, Hamb. 85. Quark, D. Arbeiterschutzgesetzg. i. Deutschen Reiche, Stuttg. 86. Enquete-

bericht über die Arbeiterinnen d. Wäschefabrikation u. d. Konfektionbranche, Druc ks. d.deutsch. Reichst., реф. Шёнланкомъ въ NZ 6, 116. См. также K. Frankenstein, Die Lage d. Arbeiterinnen i. d. deutschen Grossstädten, Leipz. 88. Die Zwanzigjährige Arbeiterinnenbeweg. Berlins, Berl. 89. Recht auf Arbeit, München. 85. Kautsky, Das Kapital v. Rodbertus, NZ 2, 337. C. A. Schramm, K. Kautsky u. Rodbertus, NZ 2, 481, Kautsky, Eine Replik 494. C. A. Schramm, Antwort a. Herrn K. Kautsky, NZ 3, 218, Kautsky, Schlusswort 224. C. A. Schramm, Rodbertus, Marx, Lassalle, Münch. 86. Bernstein, Ein moral. Kritiker u. s. krit. Moral, ZSD 86, NN 4—7 и N 9. Schäffle, Die Aussichtlosigkeit d. Sozialdemokratie, Tüb. 85. Подробныя рецензіи въ NZ и ZSD.

Предсмертныя судороги закона о соціалистахъ. О преслѣдованіяхъ противъ профессіональнаго движенія см., кромѣ Schmöle, въ особенности Das Koalitionsrecht der deutschen Arbeiter im Lichte der Tatsachen, петиція рейхстагу отъ агитаціонной комиссіи каменщиковъ, Hamb. 89. Bebel, Pressstimmen über das Freiberger Urtheil, Leipz. 86. Muser, Sozialistenges. u. Rechtspfl., Karlsruhe 89. Protokoll über den Parteitag in St. Gallen, St. Gallen 87.

Девяносто девять дней. Относительно отставки Путткамера существуетъ еще другая версія, по которой причиной ея былъ Бисмаркъ, такъ какъ Путткамеръ являлся „грядущимъ человѣкомъ“ ортодоксально-реакціонной клики, враждебной картелю, или по крайней мѣрѣ подозрѣвался Бисмаркомъ въ этомъ. Однако, судя по всему, что стало до сихъ поръ извѣстнымъ объ отставкѣ Путткамера, такая связь мало вѣроятна.

Крушеніе. Immediatbericht (всеподданнѣйшій докладъ) Бисмарка по поводу дневника кронпринца. Переписка между Бисмаркомъ-сыномъ и Моріеромъ. Volkszeitung редактировалась съ янв. 86 г. до окт. 90 г. мною; написанныя мною статьи для номеровъ отъ 9 и 18 марта 89 г., изъ которыхъ вторая послужила оффиціальнымъ предлогомъ, а первая дѣйствительной причиной запрещенія газеты, были довольно безобидны, но несмотря на это буржуазно-оппозиціонная печать, въ томъ числѣ *Frankfurter*, *Freisinnige* и *Vossische Zeitung*, рѣзко отвергла всякую солидарность съ ней. Der erste Nichtgentleman (Meineidsmichel) auf dem Zeugenstande, Münch. 89. Protokoll des Internat. Arbeiterkongresses zu Paris, Nürnb. 89. Oldenberg, Studien z.

rheinisch-westfäl. Bergarbeiterbewegung, Leipz. 90. Kautsky, Tohmas More u. seine Utopie, Stuttg. 89. Blos, Die französ. Revolution. Stuttg. 89· J. Stern, Halbes u. ganzes Freidenkertum, Stuttg. 89. Klara Zetkin, Die Arbeiterinnen u. Frauenfrage d. Gegenwart, Berl. 89. Schoenlank, D. Fürther Quecksilber-Spiegelbelegen u. ihre Arbeiter, Stuttg. 88.

Ликвидація. H. Müller, D. Klassenk. i. d. deutsch. Sozialdemokr., Zür. 92. Vollmar, Über die nächst. Aufg. d. deutschen Sozialdemokr., Münch. 91. Protokolle der Parteitage in Halle u. Erfurt, Berl. 90 и 91. Kautsky u. Schoenlank, Grundsätze u. Forderungen d. Sozialdemokratie, Erläuterungen z. Erfurt. Progr., Berl. 92. Kautsky, Das Erfurter Programm i. seinem grundsätzlichem Theil, Stuttg. 92. Забавная контръ-брошюра Ад. Вагнера, D. neue Sozialdemokr. Programm, Berl. 92.

Отъ $1^1/_2$ до 3 милліоновъ голосовъ. Для содержащагося въ этой главѣ общаго обзора, который не требуетъ и не допускаетъ болѣе подробнаго указанія источниковъ, я часто пользовался отличными работами Парвуса: Die Gewerkschaften u. die Sozialdemokratie, Dresd. 96, и Die Handelskrisis und die Gewerkschaften, Münch. 01.

Итоги и перспективы. О соціально-психологическомъ переворотѣ въ пролетаріатѣ подъ вліяніемъ развитія крупной промышленности имѣется пока лишь сравнительно ничтожный и крайне разбросанный матеріалъ. Съ христіанско-соціальной точки зрѣнія Göhre, Drei Monate Fabrikarbeiter, Leipz. 91. Я подписываюсь подъ словами Шиппеля объ этомъ очеркѣ (NZ 9^2, 468): „Въ картинѣ много карикатурно и неправильно нарисованнаго, но многое также схвачено и воспроизведено съ поразительной вѣрностью; почти все, однако, въ высшей степени интересно и поучительно". Въ этой области предстоитъ еще рѣшить чрезвычайно благодарныя задачи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Уставъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза *).

Лейпцигъ. Май 1863 г.

§ 1.

Подъ названіемъ „Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ“ нижеподписавшіеся основываютъ для нѣмецкихъ союзныхъ государствъ союзъ, который ставитъ себѣ цѣлью мирнымъ и легальнымъ путемъ, въ особенности посредствомъ привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія, добиваться установленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Союзъ исходитъ при этомъ изъ убѣжденія, что только при помощи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права могутъ быть достигнуты достаточное представительство соціальныхъ интересовъ нѣмецкаго рабочаго сословія и дѣйствительное устраненіе классовыхъ противоположностей въ обществѣ.

Хемницкая программа **).

Хемницъ. 19 августа 1866.

Прекратившаяся, наконецъ, война, которая велась исключительно въ интересѣ династическихъ и партикуляристскихъ стремленій, возбудила съ самаго начала чувства прискорбія и осужденія въ демократической партіи, такъ какъ она должна была неизбѣжно повести не только къ частичному разоренію нѣмецкаго народа и озлобленію однихъ нѣмецкихъ народностей противъ другихъ, но и къ разъединенію нашего общаго отечества, къ несвободѣ и вмѣшательству иностранныхъ государствъ въ нѣмецкія дѣла.

Исходъ войны оправдалъ эти опасенія: въ ея результатѣ Пруссія стала обширнѣе благодаря насильственному присоединенію чужой территоріи и стоитъ подъ властью болѣе чѣмъ когда либо упрочившагося королевскаго абсолютизма; мелкія государства находятся до поры до времени въ вассальномъ состояніи, пока они не будутъ окончательно присоединены Пруссіей; сѣверо-германскія государства отдѣлены отъ южной Германіи.

*) См. т. III, стр. 87.

**) См. т. III, стр. 272—73.

Несмотря на измѣнившіяся условія, демократическая партія будетъ полностью поддерживать и защищать свою старую программу.—Такъ какъ демократическая партія считаетъ своимъ долгомъ бороться при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ областяхъ противъ враговъ нѣмецкой свободы и единства, то она послѣ насильственнаго принужденія Саксоніи ко вступленію въ Сѣверо-германскій Союзъ, приметъ участіе въ предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. Демократія требуетъ поэтому отъ своихъ кандидатовъ:

Чтобы они смотрѣли на сѣверо-германскія государства, хотя и отдѣленныя временно отъ южной Германіи, только какъ на часть Германіи, и протестовали при своемъ вступленіи въ сѣверо-германскій рейхстагъ противъ тройственнаго дѣленія, какъ и противъ всякаго вообще дѣленія и умаленія Германіи;

Чтобы они добивались созыва учредительнаго парламента, на который должны послать своихъ представителей всѣ нѣмецкія государства, само собою разумѣется—со включеніемъ нѣмецкой Австріи;

Наконецъ, чтобы они приняли къ руководству нижеслѣдующую программу и выразили рѣшимость энергично отстаивать ее.

Требованія демократіи.

1. *Неограниченнне право народа на самоопредѣленіе.*

Всеобщее, прямое и равное избирательное право, при тайной подачѣ голоса, во всѣхъ областяхъ государственной жизни (на выборахъ въ парламентъ, въ палаты отдѣльныхъ государствъ, въ коммунальныя представительныя собранія и т. д.). Народная милиція вмѣсто постоянныхъ армій. Полновластный парламентъ, которому долженъ принадлежать, въ частности, рѣшающій голосъ въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ.

2. *Объединеніе Германіи въ демократической государственной формѣ.*

Не нужно никакой наслѣдственной центральной власти; никакой малой Германіи подъ прусской гегемоніей; никакого увеличенія Пруссіи путемъ территоріальныхъ присоединеній; никакой Великогерманіи подъ австрійской гегемоніей; никакой тріады. Демократическая партія должна самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться какъ противъ этихъ, такъ и противъ подобныхъ имъ династическо-партикуляристскихъ стремленій, которыя могутъ привести только къ несвободѣ, раздробленію и иноземному владычеству.

3. *Отмѣна привилегій по сословію, происхожденію и вѣроисповѣданію.*

4. *Поднятіе физическаго, умственнаго и нравственнаго образованія народа.*

Отдѣленіе школы отъ церкви, отдѣленіе церкви отъ государства и государства отъ церкви, улучшеніе учительскихъ семинарій и достойное положеніе учителей, возведеніе народной школы на степень государственнаго учрежденія, которое должно содержаться на средства государственнаго казначейства. Доставленіе средствъ и основаніе учрежденій для дальнѣйшаго образованія лицъ, вышедшихъ изъ школьнаго возраста.

5. *Содѣйствіе общему благосостоянію и освобожденіе труда и рабочихъ отъ всякаго гнета и всякихъ путъ.*

Улучшеніе быта рабочаго класса, свобода передвиженія, свобода промысла, общегерманское право осѣдлости, развитіе и поддержка кооперативнаго дѣла, въ особенности—производительныхъ товариществъ, въ видахъ устраненія антагонизма между капиталомъ и трудомъ.

6. *Самоуправленіе общинъ.*

7. *Поднятіе правосознанія въ народѣ.*

При посредствѣ независимости судовъ, суда присяжныхъ, компетенціи котораго должны подлежать, въ частности, политическіе процессы и дѣла о печати; устное судопроизводство.

8. *Содѣйствіе политическому и соціальному образованію народа.*

При помощи свободной печати, свободы собраній и союзовъ, свободы стачекъ.

Нюрнбергская программа *).

Нюрнбергъ, сентябрь 1868 г.

Собравшійся въ Нюрнбергѣ пятый съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ заявляетъ въ нижеслѣдуюшихъ пунктахъ о своемъ согласіи съ программой Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

1. Освобожденіе рабочихъ классовъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ классовъ. Борьба за освобожденіе рабочихъ классовъ не есть борьба за классовыя привилегіи и монополіи, а борьба за *равныя права и равныя обязанности* и за уничтоженіе *всякаго классоваго господства.*

2. Экономическая зависимость трудящагося человѣка отъ исключительнаго обладателя орудій труда образуетъ основу рабства во всѣхъ его формахъ, основу соціальной нищеты, духовной приниженности и политической зависимости.

3. Политическая свобода есть непремѣнное предварительное условіе для экономическаго освобожденія рабочихъ классовъ. Соціальный вопросъ *нераздѣльно* связанъ поэтому съ политическимъ, разрѣшеніе перваго обусловлено разрѣшеніемъ второго и возможно *только въ демократическомъ государствѣ.*

Принимая далѣе во вниманіе:

Что всѣ усилія, направленныя къ экономическому освобожденію, терпѣли до сихъ поръ неудачу вслѣдствіе недостатка солидарности между разнообразными отраслями труда въ каждой странѣ и вслѣдствіе отсутствія братскихъ узъ единства между рабочими классами различныхъ странъ.

Что освобожденіе труда не есть мѣстная или національная задача, а задача соціальная, обнимающая всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество, и что разрѣшеніе ея зависитъ отъ практическаго и теоретическаго содѣйствія наиболѣе передовыхъ странъ; пятый съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ постановляетъ: примкнуть къ стремленіямъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

Эйзенахская программа **).

Эйзенахъ. Августъ 1869 г.

I. Соціалъ-демократическая Рабочая Партія стремится къ основанію свободнаго народнаго государства.

*) См. т. III, стр. 342 и слѣд.

**) См. т. III, стр. 383 и слѣд.

II Каждый членъ Соціалъ-демократической Рабочей партіи обязуется защищать всѣми силами слѣдующіе принципы:

1. Существующіе политическіе и соціальные порядки въ высшей степени несправедливы, и потому противъ нихъ надо бороться съ величайшей энергіей.

2. Борьба за освобожденіе рабочихъ классовъ не есть борьба за классовыя привилегіи и преимущества, а борьба за равныя обязанности и за уничтоженіе всякаго классоваго господства.

3. Экономическая зависимость рабочаго отъ капиталиста образуетъ основу рабства во всѣхъ его формахъ, и потому соціалъ-демократическая партія стремится, упразднивъ нынѣшній способъ производства (систему наемнаго труда), обезпечить всякому рабочему, путемъ работы товариществами, полный продуктъ труда.

4. Политическая свобода есть непремѣннѣйшее предварительное условіе для экономическаго освобожденія рабочихъ классовъ. Соціальный вопросъ нераздѣльно связанъ поэтому съ политическимъ, рѣшеніе перваго обусловлено рѣшеніемъ второго и возможно только въ демократическомъ государствѣ.

5. Принимая во вниманіе, что политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса возможно только въ томъ случаѣ, если онъ ведетъ борьбу сообща и объединенный, Соціалъ-демократическая Рабочая Партія придаетъ себѣ единую организацію, которая сохраняетъ однако за каждымъ отдѣльнымъ ея членомъ возможность использовать свое вліяніе для блага всей партіи.

6. Принимая во вниманіе, что освобожденіе труда не есть мѣстная или національная задача, а задача соціальная, обнимающая всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество, Соціалъ-демократическая Рабочая Партія разсматриваетъ себя, насколько это дозволяютъ законы о союзахъ, какъ вѣтвь Международной Ассоціаціи Рабочихъ и присоединяется къ ея стремленіямъ.

III. Въ качествѣ ближайшихъ требованій агитація соціалъ-демократической партіи должна выставить:

1. Предоставленіе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права всѣмъ мужчинамъ съ 20-лѣтняго возраста, для выборовъ въ парламентъ, въ ландтаги отдѣльныхъ государствъ Германіи, въ провинціальныя и коммунальныя представительства, равно какъ во всѣ прочія представительныя собранія. Выбраннымъ представителямъ должны отпускаться достаточныя діеты.

2. Введеніе прямого законодательства народа (т.-е. права законодательной иниціативы и референдума).

3. Отмѣну всѣхъ привилегій по сословію, имуществу, происхожденію и вѣроисповѣданію.

4. Созданіе народной милиціи вмѣсто постоянныхъ армій.

5. Отдѣленіе церкви отъ государства и отдѣленіе школы отъ церкви.

6. Обязательное обученіе въ народныхъ школахъ и безплатное обученіе во всѣхъ общественныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ.

7. Независимость судовъ, введеніе суда присяжныхъ и профессіональныхъ промышленныхъ судовъ, введеніе публичнаго и устнаго судопроизводства, безвозмездное отправленіе правосудія.

8. Отмѣну всѣхъ дѣйствующихъ законовъ о печати, союзахъ и коалиціяхъ; введеніе нормальнаго рабочаго дня; ограниченіе женскаго труда и воспрещеніе труда дѣтей.

9. Отмѣну всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе единаго, прямого и прогрессивнаго налога на доходъ и на наслѣдства.

10. Государственное содѣйствіе кооперативному дѣлу и государственный кредитъ для свободныхъ производительныхъ товариществъ съ демократическими гарантіями.

Готская программа *).

Гота. Май 1875 г.

I. Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ общеполезный трудъ возможенъ только при посредствѣ общества, то весь продуктъ труда принадлежитъ обществу, т.-е. всѣмъ его членамъ, на равныхъ правахъ, каждому сообразно его разумнымъ потребностямъ, причемъ всѣ обязаны работать.

Въ нынѣшнемъ обществѣ орудія труда составляютъ монополію класса капиталистовъ; обусловленная этимъ зависимость рабочаго класса есть причина нищеты и порабощенія во всѣхъ его формахъ.

Освобожденіе труда требуетъ превращенія орудій труда въ коллективное достояніе всего общества и регулированія всего труда на началахъ ассоціаціи, такъ чтобы продуктъ его получалъ общеполезное употребленіе и справедливо распредѣлялся.

Освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ другіе классы составляютъ лишь одну реакціонную массу.

II. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, Соціалистическая Рабочая Партія Германіи стремится всѣми законными **) средствами къ свободному государству и соціалистическому обществу, къ сокрушенію желѣзнаго закона заработной платы путемъ уничтоженія системы наемнаго труда, къ прекращенію эксплуатаціи во всѣхъ ея видахъ, къ устраненію всякаго политическаго и соціальнаго неравенства.

Хотя и дѣйствуя ближайшимъ образомъ въ національныхъ рамкахъ, Соціалистическая Рабочая Партіи Германіи сознаетъ свой международный характеръ и проникнута рѣшимостью выполнить всѣ обязательства, налагаемыя имъ на рабочихъ, чтобы осуществить на дѣлѣ братство всѣхъ людей.

Какъ подготовительной мѣры къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, Соціалистическая Рабочая Партія Германіи требуетъ устройства соціалистическихъ производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государства и подъ демократическимъ контролемъ трудящагося народа. Производительныя товарищества должны быть призваны къ жизни въ промышленности и земледѣліи, въ достаточно крупныхъ размѣрахъ, чтобы изъ нихъ выросла соціалистическая организація всего труда.

Соціалистическая Рабочая Партія Германіи требуетъ, чтобы государство покоилось на слѣдующихъ основахъ:

---

*) См. т. IV, стр. 90 и слѣд.

**) По вступленіи въ силу закона о соціалистахъ, слово „законными“ было, какъ извѣстно, вычеркнуто на виденскомъ конгрессѣ 1880 г.; во всемъ остальномъ программа осталась безъ измѣненій.

1. Всеобщее, равное, прямое избирательное право и право голоса для всѣхъ гражданъ государства, начиная съ 20-лѣтняго возраста, при всѣхъ выборахъ и голосованіяхъ въ государствѣ и общинѣ; тайная и обязательная подача голо са. Выборы или подача голоса должны быть назначаемы на воскресный или праздничный день.

2. Прямое законодательство народа. Рѣшені родомъ.

3. Всеобщее вооруженіе. Народная милиція вмѣсто постоянныхъ армій.

4. Отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ, въ особенности дѣйствующихъ законовъ о печати, союзахъ и собраніяхъ, вообще—всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободное выраженіе своего мнѣнія, свободу мысли и изслѣдованія.

5. Отправленіе правосудія народомъ. Безвозмездность правосудія.

6. Всеобщее и равное воспитаніе народа государствомъ. Общеобязательное посѣщеніе школы. Даровое обученіе во всѣхъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Провозглашеніе религіи частнымъ дѣломъ.

Въ предѣлахъ нынѣшняго общества Соціалистической Рабочей Партіей выставляются слѣдующія требованія:

1. Возможно большее расширеніе политическихъ правъ и свободъ въ смыслѣ вышеизложенныхъ требованій.

2. Единый, прогрессивный подоходный налогъ въ пользу государства и коммуны, вмѣсто всѣхъ существующихъ косвенныхъ налоговъ, въ особенности тѣхъ налоговъ, которые обременяютъ народъ.

3. Неограниченная свобода коалицій.

4. Нормальный рабочій день, соотвѣтствующій общественнымъ потребностямъ. Запрещеніе воскреснаго труда.

5. Воспрещеніе дѣтскаго труда и всякаго женскаго труда, наносящаго ущербъ здоровью и нравственности женщины.

6. Законы объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. Санитарный надзоръ за рабочими жилищами. Подчиненіе копей и рудниковъ, фабричной, ремесленной и кустарной промышленности надзору выбранныхъ рабочими должностныхъ лицъ. Дѣйствительный на практикѣ законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими.

7. Регулированіе тюремнаго труда.

8. Полное самоуправленіе для всѣхъ рабочихъ кассъ взаимопомощи.

Эрфуртская программа *).

Эрфуртъ, октябрь 1891.

Экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ необходимостью закона природы къ гибели мелкаго предпріятія, основу котораго образуетъ частная собственность работника на орудія производства. Оно отдѣляетъ работника отъ его орудій производства и превращаетъ его въ неимущаго пролетарія, а орудія производства становятся монополіей сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

---

*) См. т. IV, стр. 355 и слѣд.

Рука объ руку съ этимъ монополизированіемъ орудій производства идетъ вытѣсненіе раздробленныхъ мелкихъ предпріятій колоссальными крупными предпріятіями, развитіе инструмента въ машину, гигантскій ростъ производительности человѣческаго труда. Но всѣ выгоды этого преобразованія монополизируются капиталистами и крупными земельными собственниками. Для пролетаріата и для опускающихся среднихъ слоевъ—мѣщанства, крестьянъ—оно означаетъ все большую необезпеченность существованія, ростъ нужды, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи.

Все больше увеличивается число пролетаріевъ, все громаднѣе становится армія избыточныхъ рабочихъ, все рѣзче противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, все озлобленнѣе классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ, раздѣляющая современное общество на два враждебныхъ лагеря и составляющая общую черту всѣхъ промышленныхъ странъ.

Пропасть между имущими и неимущими становится еще шире вслѣдствіе кризисовъ, обусловливаемыхъ самой сущностью капиталистическаго способа производства; эти кризисы становятся все обширнѣе и опустошительнѣе, они возводятъ всеобщую необезпеченность въ нормальное состояніе общества и являютъ доказательство того, что производительныя силы нынѣшняго общества стали для него слишкомъ большими, что частная собственность на средства производства стала несовмѣстимой съ ихъ цѣлесообразнымъ приложеніемъ и полнымъ развитіемъ.

Частная собственность на средства производства, которая нѣкогда служила для обезпеченія производителю собственности на свой продуктъ, служитъ нынѣ орудіемъ для экспропріаціи крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ и для передачи продукта работниковъ въ собственность не работниковъ, т.-е. капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Только преобразованіе капиталистической частной собственности на средства производства—землю, копи и рудники, сырье, инструменты, машины, средства сообщенія—въ собственность общественную, только преобразованіе товарнаго производства въ производство соціалистическое, совершающееся для общества и черезъ него, могутъ привести къ тому, что крупное хозяйство и безпрерывно возрастающая производительность общественнаго труда превратятся изъ источника нищеты и угнетенія для эксплуатируемыхъ до сихъ поръ классовъ въ источникъ величайшаго благосостоянія и всесторонняго, гармоническаго усовершенствованія.

Это общественное преобразованіе означаетъ освобожденіе не одного только пролетаріата, но и всего человѣческаго рода, страдающаго отъ нынѣшнихъ порядковъ. Но оно можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса, такъ какъ другіе классы, несмотря на ихъ внутреннія распри, обусловленныя различіемъ интересовъ, стоятъ всѣ на почвѣ частной собственности на средства производства и стремятся всѣ къ сохраненію основъ нынѣшняго общества.

Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи есть по необходимости политическая борьба. Рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы, не можетъ развить своей экономической организаціи безъ политическихъ правъ. Онъ не можетъ осуществить перехода средствъ цроизводства во владѣніе общества, не овладѣвъ раньше политической властью.

Придать этой борьбѣ рабочаго класса сознательный и единый характеръ, указать ей необходимую цѣль ея—такова задача соціалъ-демократической партіи.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ капиталистическій способъ производства, интересы рабочаго класса одинаковы. По мѣрѣ расширенія международной торговли и производства для всемірнаго рынка положеніе рабочихъ каждой страны становится все болѣе зависимымъ отъ положенія рабочихъ въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ, освобожденіе рабочаго класса есть дѣло, въ которомъ равномѣрно заинтересованы рабочіе всѣхъ культурныхъ странъ. Сознавая это, Соціалъ-демократическая Партія Германіи чувствуетъ и объявляетъ себя единой съ сознательными рабочими всѣхъ другихъ странъ.

Такимъ образомъ, Соціалъ-демократическая Партія Германіи борется не за новыя классовыя привилегіи и преимущества, а за упраздненіе классоваго господства и самихъ классовъ, за равныя права и равныя обязанности для всѣхъ людей, безъ различія пола и расы. Исходя изъ этихъ воззрѣній, партія ведетъ въ нынѣшнемъ обществѣ борьбу не только противъ эксплуатаціи и угнетенія наемныхъ рабочихъ, но и противъ всякой эксплуатаціи и угнетенія, направлены ли они противъ класса, партіи, пола или расы.

Исходя изъ этихъ принциповъ, Соціалъ-демократическая Партія Германіи выставляетъ ближайшимъ образомъ слѣдующія требованія:

1. Всеобщее, равное и прямое избирательное право и право голоса при всѣхъ выборахъ и голосованіяхъ; для всѣхъ гражданъ имперіи старше 20 лѣтъ, безъ различія пола тайная подача голоса. Система пропорціональнаго представительства, а до ея введенія—законодательное перераспредѣленіе избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи. Двухгодичные законодательные періоды. Назначеніе выборовъ и голосованій на день законнаго отдыха. Вознагражденіе для выборныхъ представителей. Отмѣна всякихъ ограниченій политическихъ правъ, за исключеніемъ случаевъ лишенія дѣеспособности.

2. Прямое законодательство народа при помощи права иниціативы и референдума. Самоопредѣленіе и самоуправленіе народа въ имперіи, государствѣ, провинціи и коммунѣ. Избраніе властей народомъ, уголовная и гражданская отвѣтственность ихъ. Ежегодное вотированіе налоговъ.

3. Подготовка ко всеобщему вооруженію. Народная милиція вмѣсто постоянныхъ армій. Рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ народнымъ представительствомъ. Улаженіе всѣхъ международныхъ споровъ посредствомъ третейскаго суда.

4. Отмѣна всѣхъ законовъ, ограничивающихъ или подавляющихъ свободное выраженіе мнѣнія и право союзовъ и собраній.

5. Отмѣна всѣхъ законовъ, ставящихъ женщину ниже мужчины въ публично- и гражданско-правовомъ отношеніи.

6. Провозглашеніе религіи частнымъ дѣломъ. Отмѣна всѣхъ расходовъ изъ общественныхъ средствъ на церковныя и религіозныя цѣли. Церковныя и религіозныя общины должны быть разсматриваемы какъ частные союзы, которые устраиваютъ свои дѣла вполнѣ самостоятельно.

7. Свѣтскій характеръ школы. Обязательное посѣщеніе общественныхъ народныхъ школъ. Безплатность обученія, учебныхъ пособій и снабженія пищей въ общественныхъ школахъ, а также въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для тѣхъ учениковъ и ученицъ, которые по своимъ способностямъ будутъ признаны годными для полученія высшаго образованія.

8. Безвозмездность правосудія и юридической помощи. Отправленіе правосудія судьями, выбранными народомъ. Апелляція въ уголовныхъ дѣлахъ. Возна-

гражденіе невинно привлеченныхъ къ суду, арестованныхъ и осужденныхъ. Уничтоженіе смертной казни.

9. Даровая врачебная помощь, включая сюда помощь при родахъ
ства. Безплатное погребеніе.

10. Прогрессивный налогъ на доходъ и на имущество, для покрытія всѣхъ общественныхъ расходовъ, поскольку они должны быть покрываемы налогами. Обязательное объявленіе своего дохода. Прогрессивный налогъ на наслѣдства, возрастающій въ зависимости отъ размѣровъ наслѣдственнаго имущества и степени родства. Отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ, таможенныхъ пошлинъ и прочихъ мѣропріятій экономической политики, которыя приносятъ интересы общества въ жертву интересамъ привилегированнаго меньшинства.

Въ интересахъ защиты рабочаго класса Соціалъ-демократическая Партія Германіи выставляетъ слѣдующія ближайшія требованія:

1. Дѣйствительное на практикѣ національное и международное законодательство объ охранѣ труда на слѣдующихъ основаніяхъ:

a. Установленіе нормальнаго рабочаго дня, не превышающаго 8 часовъ.

b. Воспрещеніе промыслового труда дѣтей моложе 14 лѣтъ.

c. Воспрещеніе ночного труда, за исключеніемъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя по своей природѣ, по техническимъ причинамъ или по соображеніямъ общественнаго блага требуютъ ночныхъ работъ.

d. Непрерывный отдыхъ по меньшей мѣрѣ въ 36 часовъ, одинъ разъ въ недѣлю для каждаго рабочаго.

e. Воспрещеніе truck-system (выдачи заработной платы товарами вмѣсто денегъ).

2. Надзоръ за всѣми промышленными заведеніями, разслѣдованіе и регулированіе условій труда въ городѣ и деревнѣ имперскимъ рабочимъ бюро, окружными рабочими бюро и рабочими камерами. Строгая промышленная гигіена.

3. Уравненіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и домашней прислуги въ правахъ съ промышленными рабочими; отмѣна Устава о домашней челяди.

4. Обезпеченіе свободы коалицій.

5. Переходъ всего страхованія рабочихъ къ имперіи, съ преобладающимъ участіемъ рабочихъ въ управленіи.
